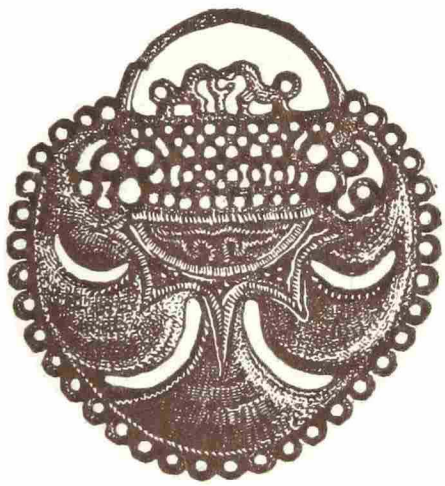
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



4
1976

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4
1976

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
И. И. Артеменко, О. Н. Бадер, В. Д. Блаватский,
Ю. Н. Захарук (зам. главного редактора), *В. М. Массон,*
Р. М. Мунчаев, А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, В. С. Титов (отв. секретарь),
В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Волков, В. Ф. Старков (Москва). Планы и задачи Института археологии АН СССР в десятой пятилетке 5
Ю. А. Краснов (Москва). Новостроечные экспедиции Института археологии АН СССР в десятой пятилетке 10
С. Н. Кореневский (Москва). О металлических топорах Северного Причерноморья. Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы 16
Ю. С. Бадальянц (Рязань). Хронологическое соответствие имен эпонимов и фабрикантов на амфорах Родоса 32
Ю. Н. Воронов (Сухуми). Гиенос 42
В. Д. Блаватский (Москва). О Рескупориде Первом 56
Д. Л. Талис (Москва). Поливная керамика Баклинского городища . . . 63
Д. А. Беленькая (Москва). Кресты и иконки из курганов Подмосковья 88
Т. И. Макарова, Т. В. Николаева (Москва). Из истории культуры Тверского Отроча монастыря 100

Публикации

М. Ф. Обыденнов (Уфа). Новые стоянки черкаскульской культуры эпохи поздней бронзы в Башкирии 111
Н. А. Богданова, И. И. Гущина, И. И. Лобода (Москва, Бахчисарай). Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I—III вв). 121
А. А. Чариков (Калинин). Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана 153
А. Е. Алихова (Москва). Постройки древнего города Мохши 166

Заметки

А. А. Формозов (Москва). Неопубликованные произведения искусства палеолитической стоянки Мальта 180
А. И. Россадович, Ю. Б. Сериков, В. Ф. Старков (Нижний Тагил, Москва). Древнейшая скульптура лесного Зауралья 185
Е. М. Берс (Новосибирск). Поздненеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье 190

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1976 г.

Л. И. Хлопина, И. Н. Хлопин (Ленинград). К происхождению комплекса Яз-тепе I Южного Туркменистана 200
Г. Д. Белов (Ленинград). Терракотовая голова Геракла из Херсонеса 203
Б. И. Маршак (Ленинград). К методике атрибуции среднеазиатской торевтики 208
Б. А. Раев (Ленинград). Техника фиксации следов древних орудий с помощью гипсовых слепков 213

Критика и библиография

А. А. Синицын (Ленинград). Richard G. Klein. Ice—Age Hunters of the Ukraine. Chicago and London, 1973. 216
В. П. Петренко (Ленинград). [Рец.]. Arheologija un Etnogrāfija. XI. Riga, 1974 218
А. В. Чернецов (Москва). Ю. А. Краснов. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975 225
О. Н. Бадер, Л. Р. Кызласов, Е. Н. Черных (Москва). В. И. Матющенко. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Вып. 9—12. Томск, 1973—1974 234
К. В. Каспарова, Д. А. Мачинский, М. Б. Щукин (Ленинград). Л. Д. Поболь. Славянские древности Белоруссии. (Ранний этап зарубинецкой культуры. Минск, 1971. Могильники раннего этапа зарубинецкой культуры. Минск, 1973. Свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры — с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э. Минск, 1974) 241
Николай Николаевич Воронин 254
Указатель статей к журналу «Советская археология» за 10 лет (1967—1976 гг.) 258

ACADEMIE DES SCIENCES DE L'U.R.S.S.
INSTITUT D'ARCHEOLOGIE

Revue trimestrielle fondée en 1957

ARCHEOLOGIE SOVIETIQUE

№ 4
1976

Rédacteur en chef A. V. ARTSIKHOVSKI

SOMMAIRE

V. V. Volkov, V. F. Starkov (Moscou). Plans et objectifs de l'Institut d'Archéologie de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. pour dixième quinquennat 5
You. A. Krasnov (Moscou). Les expéditions de l'Institut d'Archéologe de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. envoyées sur les chantiers de construction au cours du dixième quinquennat 10
S. N. Korenevski (Moscou). Les haches en métal du milieu de l'Age du Bronze sur le littoral nord de la mer Noire et sur la moyenne et basse Volga . . . 16
You. S. Badaliantz (Riazan). La concordance chronologique des noms d'éponymes et de fabricants sur les amphores de Rhodes 32
You. N. Voronov (Soukhoumi). Gyenos 42
V. D. Blawatsky (Moscou). A propos de Rhescuporis Ier 56
D. L. Talis (Moscou). La céramique vernissée du goroditché de Baklinskoïé 63
D. A. Biélenkaïa (Moscou). Croix et petites icônes provenant des kourganes des environs de Moscou 88
T. I. Makarova, T. V. Nikolaièva (Moscou). Histoire culturelle du monastère d'Otrotch, à Tver 100

Publications

M. F. Obydiennov (Oufa). De nouvelles stations de la culture de Tcherkaskoul, en Bachkirie 111
N. A. Bogdanova, I. I. Gouchtchina, I. I. Lobova (Moscou, Bakhtchisaraï). Le champ funéraire de Skalistoié III (Ier-IIIe s. Sud-Ouest de la Crimée) . . 121
A. A. Tcharikov (Kalinine). Des sculptures du haut Moyen Age dans le Kazakhstan oriental 153
A. E. Alikhova (Moscou). Les bâtiments de l'ancienne ville de Mokhchi . . . 166

Notices

A. A. Formozov (Moscou). Des oeuvres d'art inédites provenant de la station paléolithique de Malta 180
A. I. Rossadovitch, You. B. Sérikov, V. F. Starkov (Nijni Taguil, Moscou). La plus ancienne sculpture de la région boisée située au-delà de l'Oural . . 185
E. M. Bers (Novosibirsk). Une sépulture du néolithique supérieur sur la rivière Aïat, dans la région moyenne au-delà de l'Oural 190
L. I. Khlopina, I. N. Khlopine (Léningrad). Comment s'est formé l'ensemble de Yaz-tépé I (Turkménistan méridional) 200
G. D. Bielov (Léningrad). Une-tête d'Héraclès en terre cuite trouvée à Chersonèse 203
B. I. Marchak (Léningrad). Méthode d'attribution de la toreutique d'Asie Centrale 208
B. A. Raïev (Léningrad). La technique de fixation d'empreintes d'armes anciennes au moyen de moulages de plâtre 213

Critique et Bibliographie

A. A. Sinitsyne (Léningrad). Richard G. Klein. Ice — Age Hunters of the Ukraine. Chicago and London, 1973 216
V. P. Pétrenko (Léningrad). Рец. Arheologija un Etnografija. XI, Riga, 1974 218
A. V. Tchernetsov (Moscou). You. A. Krasnov: Les plus anciens outils du labour attelé. Moscou, 1975 225
O. N. Bader, L. R. Kyzlassov, E. N. Tchernykh (Moscou). V. I. Matiouchtchenko: Histoire ancienne de la population des régions sylvestre et sylvo — steppique de l'Obi (néolithique et Age du bronze). Fasc. 9-12. Tomsk, 1973—1974 234
K. V. Kasparova, D. A. Matchinski, M. B. Chtchoukine (Léningrad). L. D. Pobol: Les antiquités slaves de Biélorussie. (Etape initiale de la culture de Zaroubinetz. Minsk, 1971. Champs funéraires de l'étape initiale de la culture de Zaroubinetz. Minsk, 1973. Corpus des monuments archéologiques de l'étape initiale de la culture de Zaroubinetz — du milieu du IIIe s. av. n. è. jusqu' au début du IIe s. de n. è. Minsk, 1974) 241

N. N. Voronine 254

Index des articles publiés dans la revue «Archéologie Soviétique» de 1967 à 1976 258

В. В. ВОЛКОВ, В. Ф. СТАРКОВ

ПЛАНЫ И ЗАДАЧИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР В ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

Событием огромного международного значения явился XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Съезд стал историческим событием в жизни партии и страны, в развитии революционного движения, в борьбе за мир и международную безопасность.

В Отчетном докладе ЦК КПСС, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, обобщен опыт деятельности партии и народа после XXIV съезда, дана марксистско-ленинская оценка основных процессов и событий внутренней и международной жизни, сделаны важные теоретические выводы, позволяющие успешно решать новые большие задачи. Это — документ программного значения.

Съезд подвел и глубоко проанализировал основные итоги девятой пятилетки, рассмотрел экономическую стратегию партии и узловые проблемы экономики на современном этапе, определил основные направления развития народного хозяйства на 1976—1980 гг. В качестве основной задачи десятой пятилетки выдвинуто последовательное осуществление курса на подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе динамичного и пропорционального развития общественного производства и повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы во всех звеньях народного хозяйства.

Десятая пятилетка явится новым важным этапом в создании материально-технической базы коммунизма, совершенствовании общественных отношений и формировании нового человека, в развитии социалистического образа жизни. Съезд подчеркнул, что в основе дальнейшего наращивания экономической мощи страны лежит быстрый рост производительности труда, резкое повышение эффективности общественного производства и повышение качества выпускаемой продукции.

Одно из центральных мест в работе XXV съезда КПСС было уделено вопросам идейного воспитания людей, проблемам формирования нового человека. Съезд подтвердил большое значение исследований в области общественных наук, особо указав на то значение, которое имеет создание творческой атмосферы в научной работе, важность последовательного соблюдения принципа партийности в науке.

Разумеется, все это непосредственно касается и нас — археологов, обязывает еще раз внимательно проанализировать научно-исследовательские планы на новую пятилетку, обеспечить максимальную отдачу нашей исследовательской деятельности.

В основу пятилетнего плана института на 1976—1980 гг. положены главные направления развития общественных наук, разработанные Отделением и утвержденные Президиумом АН СССР, предусматривающие комплексное исследование целого ряда узловых проблем отечественной и всеобщей истории.

Основные научные направления, в разработке которых примут участие археологи, сформулированы следующим образом:

1. Формирование и развитие социалистических наций и национальных отношений в СССР, проблемы этногенеза.

2. Общая концепция отечественной и всемирной истории. Россия во всемирно-историческом процессе.

3. История докапиталистических социально-экономических формаций. Археологическое изучение ранних этапов исторического процесса.

4. История философии, общественной мысли и мировой культуры. История религии и научный атеизм.

В рамках указанных направлений будут разрабатываться следующие проблемы: возникновение человека и человечества; этногенез и этническая история народов СССР; этногенез и этническая история зарубежных народов; применение естественно-научных и математических методов в археологии; история первобытного и рабовладельческого общества; история феодальной формации у народов СССР; история материальной культуры народов СССР; история изобразительного и прикладного искусства; история религии; предусмотрено участие в создании обобщающих трудов по истории народов СССР.

Наконец, в соответствии с пятилетним планом, важнейшим участком деятельности института станет «Археологическая служба СССР» — работы на новостройках и охранные раскопки.

Определяя свои задачи в новой пятилетке, Институт археологии АН СССР считает важнейшей из них повышение качества археологических исследований.

Большое значение в этом отношении имеет дальнейшая разработка теоретических основ науки, обобщение и глубокий исторический анализ социально-экономических явлений в жизни человеческого общества. Институт планирует сконцентрировать усилия на важнейших исследовательских объектах, на создании крупных, обобщающих работ, прежде всего на подготовке фундаментального издания 16-томной «Археологии СССР с древнейших времен до средневековья», которое подведет итоги многолетних полевых исследований на территории СССР. В нем найдут всестороннее отражение все важнейшие достижения советской археологической науки. Выполненное на высоком профессиональном уровне, углубленное исследование разных периодов истории нашей страны позволит полнее раскрыть важные общие тенденции всемирно-исторического процесса. Создание этого труда позволит поднять археологическую науку на качественно новый уровень; он явится прочной базой дальнейших научных исследований.

Среди других обобщающих работ, в которых принимают участие ученые института, нужно назвать такие крупные монографические исследования, как «История Средней Азии и Казахстана» (основной исполнитель — академии наук этих республик) и многотомной «Истории крестьянства» (основной исполнитель — Институт истории СССР АН СССР).

Важное место в исследованиях ученых института займут вопросы этногенеза и этнической истории народов СССР, и в первую очередь славян. Следует упомянуть монографии: «Очерки древней истории восточных славян», «Этногенез восточнославянских народов по данным археологии» и другие, объединяемые общей темой «Происхождение, расселение и этническая история славян».

Ряд работ предполагается посвятить культуре и этнической истории зарубежных стран. Среди них такие обобщающие труды, как «Археология Афганистана», «Средняя Азия и Иран в эпоху бронзы и раннего железа», «Города-государства Мезоамерики в I тысячелетии н. э. (культура майя)» и др.

Семь больших тем будет разработано по проблеме истории первобытнообщинного строя, архаических общественных отношений. Среди них

«Исследование памятников палеолита» (основные монографии «Палеолит Урала», «Мустье Кавказа» и др.), «Мезолитические и неолитические племена в лесной полосе Европейской части СССР», «Бронзовый век лесной и лесостепной полосы Европейской части СССР», «Население Урала и Сибири в неолите и бронзовом веке», «Скифская археология», «Сарматская археология», «Древние племена и народности СССР».

Основным объектом исследований в области античной археологии попрежнему будут античные города на территории СССР и их сельская округа. Намечено подготовить монографии по городам Ольвия, Горгиппия, Фанагория, Пормфий, Херсонес, Торик, городам эллинистического Востока. Исследования по хозяйству греческих городов-государств и их сельских территорий будут представлены в таких монографиях, как «Сельскохозяйственное поселение Панское I», «Связь греческих городов Северного Причерноморья с варварским миром» и др.

В широком масштабе планируется продолжить исследования по истории феодальной формации у народов СССР. По этой проблематике намечается выполнить четыре основные темы: «Типология и хронология средневековых древностей Восточной Европы», «Жилища Пенджикента», «Возникновение и развитие феодализма на Руси и у ее соседей», «История и культура древнерусского города». По этим темам будет написано 20 монографий, из которых 11 будет посвящено древнерусским городам. Среди них «Археология Новгорода», «Древняя Руса», «Суздаль», «Саркел — Белая Вежа» и др.

Не менее существенно изучение проблемы древнерусского искусства и культуры, включающей как теоретические исследования, так и темы, посвященные отдельным до сих пор слабо разработанным в науке разделам древнерусской культуры. По этой теме будут написаны монографии: «Жанр, иконография и стиль в древнерусском искусстве», «Средневековая архитектура Балкан, Древней Руси, Закавказья и Ближнего Востока», «Зодчество западнорусских земель в послемонгольское время», «Историческое содержание в древнерусском искусстве» и др.

История изобразительного и прикладного искусства первобытного и рабовладельческого обществ на территории СССР будет рассмотрена в работах: «Живопись Каповой пещеры», «Памятники мелкой пластики Согда IV—VIII вв. н. э.», «Античная торевтика Боспора», «Горгиппийский склеп Геракла», «Труд скульптора в античном обществе».

Второй важнейшей задачей института в свете решений XXV съезда КПСС является повышение эффективности научно-исследовательских работ, чему несомненно способствует подготовленный институтом «Свод археологических источников СССР», рассчитанный на 350—400 выпусков. Его издание начато в 1960 г. К настоящему времени вышло в свет более 60 выпусков.

В наступившем пятилетии планируется подготовить 16 выпусков «Сводов»: «Древности северян», «Древности земли вятичей (курганы)», «Памятники фатьяновской культуры», «Женский головной убор домонгольской Руси» и др.

Свод, в котором археологические материалы от палеолита до средневековья включительно приведены в строгую и стройную систему, отвечающую требованиям современной науки, является и научным обобщением, подводящим к точным и обоснованным историческим построениям, открывающим широкие возможности для рассмотрения сквозных тем и крупных исторических явлений.

Институтом археологии будет продолжена работа по выполнению постановления Президиума АН СССР и Министерства культуры СССР по подготовке археологических разделов «Свода памятников истории и культуры», куда входит сбор и обработка материала, включая экспедиционные исследования, написание статей, подготовка карт и иллюстраций. В 1976—1980 гг. завершатся работы над десятью выпусками, в том числе

по городам Москва и Ленинград, Московской, Ленинградской, Псковской, Вологодской, Рязанской, Новгородской областям, а также Коми и Карельской АССР.

Важным условием повышения эффективности научных исследований является также улучшение координационной деятельности института как головного археологического учреждения страны. В ближайшее время будет выработан сводный координационный план наиболее крупных археологических исследований, ведущихся в стране. Существенную роль в координации исследований должен играть журнал «Советская археология», ежегодно издаваемые институтом сборники «Археологические открытия», сессии Отделения истории и пленумы Института археологии АН СССР, посвященные итогам полевых исследований, а также рабочие совещания и симпозиумы, которые намечается провести в 1976—1980 гг.

Прогресс археологической науки прежде всего определяется непрерывным количественным и качественным ростом археологических источников, их научно-познавательных возможностей. Ежегодно около 70 экспедиций института выезжают в разные концы нашей страны для изучения самых разнообразных памятников — от эпохи палеолита до позднего средневековья включительно.

Значительно вырастет объем работ на новостройках страны. Ежегодно на эти цели будет расходоваться до 330—350 тыс. руб., или примерно в три раза больше, чем в начале девятой пятилетки. Помимо раскопок Институт археологии АН СССР будет осуществлять координацию археологических исследований на новостройках Российской Федерации, проводящихся другими научными учреждениями, оказание им необходимой помощи в организационном и методическом плане.

Таким образом, «Археологическая служба Советского Союза» станет одним из важнейших разделов исследовательских планов института.

Важное место в системе современных археологических исследований занимает применение методов естественных наук. Подразделения института в составе лабораторий естественно-научных методов, археологической технологии и экспериментально-трасологической выполнят большую и сложную программу аналитических и экспериментальных исследований. Определяющим фактором в выборе научных проблем лабораторий являются методы естественных наук, которые внедрены или начинают внедряться в археологии. Среди них металлография, спектроскопия металлов и сплавов, петрография силикатов, термический анализ силикатов, моделирование и физический анализ керамики, пыльцевой анализ, палеоэтноботанический анализ, карпология, остеология, ихтиология, дендрохронология, трасология, радиоуглеродное датирование, математические методы.

Научные работы лаборатории в 1976—1980 гг. будут проводиться по следующим проблемам: история керамического производства, история металлургии и металлообработки, история древнего земледелия и животноводства, определение абсолютной хронологии, формализации источников, изучение приемов изготовления каменных, костяных и металлических орудий, развитие и совершенствование экспериментального и трасологического методов в археологических исследованиях, разработка и совершенствование геофизических методов археологической разведки.

Одной из важнейших задач института остается расширение научного сотрудничества с зарубежными учеными, и прежде всего с учеными социалистических стран; главное внимание предполагается уделить развитию совместных научных исследований, позволяющих вводить в научный оборот новые материалы. Продолжение в 1976—1980 гг. работ археологических экспедиций в странах Ближнего Востока (Ирак, Афганистан), в Монголии, Болгарии, Венгрии дает возможность постановки и решения широких проблем всеобщей истории.

Помимо проведения совместных экспедиций планируется также создание совместных трудов по археологии и древней истории Болгарии, Венгрии, Монголии, проведение совместных симпозиумов и конференций. В 1976—1978 гг. планируется восемь симпозиумов и конференций, в которых сотрудники института должны принять самое активное участие. Например, в 1977 г. предполагается провести советско-польский симпозиум «Развитие первобытного общества», советско-венгерский симпозиум «Народы Северного Причерноморья в эпоху великого переселения народов»; в 1978 г. в ГДР пройдет симпозиум «Происхождение раннеклассовых государств»; в 1979 г.— советско-венгерский симпозиум «Древнейшие связи населения Венгрии и СССР»; в 1980 г.—международный симпозиум «Проблемы славянской археологии» и ряд других.

Постоянное внимание археологов должно быть направлено на популяризацию достижений археологической науки как важнейшего средства антирелигиозного, эстетического и исторического воспитания. При планировании работ будет учтена необходимость увеличения выпуска и повышения качества научно-популярной литературы по археологии, более широкое использование средств массовой информации для пропаганды научных знаний среди самых широких слоев трудящихся.

Таковы планы коллектива Института археологии АН СССР в наступившем пятилетии. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии Л. И. Брежнев дал высокую оценку достижениям науки. Нет сомнения в том, что советские археологи, как и все трудящиеся нашей страны, приложат все силы для успешного выполнения предначертаний партии.

Ю. А. КРАСНОВ

НОВОСТРОЕЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР В ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

Промышленное, транспортное и сельскохозяйственное строительство на территории нашей страны с каждым годом приобретает все более широкие масштабы. Новые огромные задачи в области капитального строительства определены историческими решениями XXV съезда КПСС.

В зоны строительных работ, как показывает опыт, нередко попадают ценные археологические памятники, которые по условиям строительства нельзя сохранить даже частично. Это ставит перед советскими археологами важную задачу своевременного и полного научного исследования таких памятников, включения их материалов в сокровищницу культуры нашей многонациональной Родины.

Действующими общесоюзными и союзнореспубликанскими законодательными актами все памятники археологии наряду с другими памятниками культуры, имеющими научное, историческое или художественное значение, рассматриваются как неприкосновенное общенародное достояние, находящееся под охраной государства [1]. Умышленное уничтожение, разрушение или порча памятников культуры, в том числе археологических, рассматривается как уголовное преступление [2]. Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. за № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры», Постановление Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. за № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР», а также правительственные постановления ряда союзных республик предусматривают обязательное и полное научное исследование археологических памятников, которые подвергаются опасности разрушения в ходе строительных работ, причем полная стоимость такого исследования относится за счет организаций, ведущих строительные работы [3]. Организация спасения археологических памятников на новостройках возложена на Министерства культуры СССР и союзных республик, а также их органы на местах [4]. Исследованием археологических памятников в зонах новостроек занимаются местные археологические научные учреждения под руководством и в союзе с академическими.

Исследования археологических памятников в зонах новостроек в Институте археологии АН СССР имеют давние традиции, восходящие еще к началу 30-х годов. Широкую известность как в нашей стране, так и за рубежом получили работы московских и ленинградских ученых на строительстве каналов им. Москвы, Беломорско-Балтийского, Волго-Донского, в зонах затопления крупных гидроэлектростанций на Каме, Верх-

[1] Охрана памятников истории и культуры. Сборник документов. М., 1973, стр. 68.
[2] Там же, стр. 143.
[3] Там же, стр. 68—70, 139.
[4] Там же, стр. 65, 69, 139, 141.

ней и Средней Волге и многих других важнейших стройках довоенных и послевоенных пятилеток. Необходимо упомянуть также работы московских археологов на строительстве первой очереди метрополитена в 30-х годах. Археологическая служба на новостройках рассматривалась и рассматривается археологами института в качестве одной из важнейших научных задач и одновременно как осуществление непосредственной связи археологической науки с практикой социалистического и коммунистического строительства.

В институте создано специальное научное подразделение — сектор новостроечных и хоздоговорных экспедиций, на который возложена задача организации и проведения археологических исследований в зонах новостроек, а также работа по координации археологической службы в РСФСР. В Ленинградском отделении института имеется Комиссия по организации археологических работ на новостройках, работающая в постоянном контакте с сектором. Исследования, связанные с археологической службой на новостройках, предусматриваются государственным планом института.

Методы организации археологических исследований в зонах строительства постоянно совершенствуются. Сейчас в большинстве случаев уже при проектировании того или иного хозяйственного объекта, строительство которого может затронуть сохранность археологических памятников, определяются памятники, которые подлежат полному научному исследованию. Это осуществляется либо по инициативе проектных организаций, присылающих институту специальные заказы, либо по инициативе самого института. В случае необходимости, например при недостаточной изученности территории строительства в археологическом отношении, за счет средств проектных организаций и в тесном сотрудничестве с ними проводятся рекогносцировочные работы на местности. Постоянные контакты такого рода Институт археологии АН СССР поддерживает с такими крупнейшими проектными организациями, как Всесоюзный ордена Ленина научно-исследовательский и проектно-изыскательский институт «Гидропроект» им. С. Я. Жука и его Ленинградское и Восточно-Сибирское отделения, проектные институты Министерств мелиорации и водного хозяйства СССР и РСФСР — «Союзводпроект», «Мосгипроводхоз», «Волгогипроводхоз», «Севкавгипроводхоз» и др. В ходе проведения археологических работ на новостройках Институт археологии АН СССР выступает в качестве исполнителя работ, а соответствующие проектные и строительные организации — в качестве заказчиков. Отношения между ними регулируются годичными и долгосрочными хозяйственными договорами, заключение которых создает прочную юридическую основу во взаимоотношениях между институтом, ведущим археологические исследования на новостройках, и организациями, финансирующими эти исследования. Археологические исследования на наиболее крупных новостройках предусматриваются, в числе других организационных мероприятий, специальными постановлениями Совета Министров СССР или РСФСР. Для проведения работ на новостройках институт организует, как правило, крупные комплексные экспедиции, в которых принимают участие ученые института и сотрудники других центральных и местных научных учреждений. Такие экспедиции, имеющие более или менее постоянный состав, работают несколькими отрядами в течение ряда полевых сезонов, проводя сплошные исследования на больших территориях, занимающих сотни и тысячи квадратных километров.

За годы девятой пятилетки Институт археологии АН СССР провел большие работы на новостройках Российской Федерации. Главное внимание уделялось археологическим исследованиям в зонах затопления ряда гидроэлектростанций и районах интенсивного мелиоративного строительства. За эти годы завершены исследования в зонах строительства Нижнекамской ГЭС в пределах Татарской, Башкирской, Удмуртской АССР

и Пермской обл.[5], Чебоксарской ГЭС на территории Горьковской обл., Марийской и Чувашской АССР[6], Териберской ГЭС в Мурманской обл.[7], Вазузской гидротехнической системы в Московской, Смоленской и Калининской областях[8], Гилевского водохранилища на р. Алей в Алтайском крае[9], в зоне затопления Сурского водохранилища в Пензенской обл.[10] и на других объектах. Проведены разведочные работы, связанные с проектированием канала Дон — Оскол[11], Комсомольско-Есинской и Означенской оросительных систем в Хакасии[12], Бурлинской и Чесноковской оросительных систем в Алтайском крае[13], где строительные работы будут вестись в новой пятилетке. Продолжались большие стационарные исследования в зонах затопления Красноярской»[14] и Саяно-Шушенской[15] ГЭС, в районах строительства гидромелиоративных сооружений в Ростовской[16], Астраханской[17], Волгоградской[18], Саратовской, Ульяновской, Гурьевской[19] областях, Алтайском[20] и Ставропольском краях[21]. Начаты археологические работы, связанные с мероприятиями по преобразованию сельского хозяйства нечерноземной зоны Российской Федерации, которые проводились в Ярославской, Калининской, Владимирской областях[22]. Большие раскопки ведутся в зоне хозяйственного и курортного строительства в Анапе, на месте античного города Горгиппии, и в Анапском районе Краснодарского края. Эти работы связаны также с созданием в Анапе археологического музея-заповедника[23].

За 1971—1975 гг. объем археологических исследований института на новостройках возрос более чем вдвое. Общая сумма ассигнований, полученных на эти цели от проектных и строительных организаций, превысила 1,3 млн. руб.

Осуществляя координационные функции, институт оказывал постоянную помощь в организации археологических исследований на новостройках ряду местных научных учреждений. Наиболее крупные работы, организованные при участии и часто по заданиям института, проводили Уральский государственный университет (на ряде новостроек Урала и Западной Сибири), Куйбышевский государственный университет и Куйбышевский государственный пединститут (на строительстве Куйбышевского магистрального канала и систем орошения в Куйбышевской области), Волгоградский государственный пединститут (на строительстве гидромелиоративных сооружений Волгоградской области), Ростовский государственный университет (на строительстве рисовых оросительных систем в

[5] Нижнекамская экспедиция под руководством О. Н. Бадера (1968—1972 гг.).
[6] Чебоксарская экспедиция под руководством Ю. А. Краснова (1969—1973 гг.).
[7] Кольская экспедиция под руководством Н. Н. Гуриной (1973—1974 гг.).
[8] Вазузская экспедиция под руководством К. А. Смирнова (1971—1974 гг.).
[9] Алейская экспедиция под руководством В. А. Могильникова (1971—1975 гг.).
[10] Сурская экспедиция под руководством Б. Г. Тихонова (1971—1974 гг.).
[11] Разведки проведены Воронежской лесостепной скифской экспедицией под руководством П. Д. Либерова.
[12] Разведки проведены одним из отрядов Красноярской экспедиции в 1974 г. под руководством Г. Н. Максименкова.
[13] Разведки проведены в 1973—1974 гг. одним из отрядов Алейской экспедиции под руководством В. А. Могильникова.
[14] Красноярская экспедиция под руководством М. П. Грязнова.
[15] Саяно-Тувинская экспедиция под руководством А. Д. Грача, затем С. Н. Астахова.
[16] Багаевская, затем Донская экспедиция, которой последовательно руководили М. Г. Мошкова, Д. Б. Шелов и Р. Ф. Воронина, И. С. Каменецкий.
[17] Поволжская экспедиция под руководством Г. А. Федорова-Давыдова.
[18] Волго-Донская экспедиция под руководством В. П. Шилова.
[19] Средневолжская экспедиция под руководством Л. Л. Галкина.
[20] Алтайская экспедиция под руководством В. А. Могильникова.
[21] Ставропольская экспедиция под руководством В. Г. Петренко.
[22] Работы ведутся Новостроечным отрядом Верхневолжской экспедиции (начальник экспедиции Д. А. Крайнов, начальник отряда А. Е. Леонтьев).
[23] Анапская экспедиция под руководством И. Т. Кругликовой, позднее Е. М. Алексеевой.

Ростовской обл.), Смоленский государственный пединститут (в зоне затопления водохранилища Смоленской атомной электростанции).

Научную значимость археологических работ новостроечных экспедиций трудно переоценить. Дело не только в том, что эти работы имеют большое государственное значение. Научную значимость археологических исследований на новостройках предопределяет прежде всего их широкий размах, нередко сплошное изучение памятников на обширных территориях, как правило, слабо изученных в археологическом отношении, полное исследование крупных памятников, получение в связи с этим массового археологического материала, во много раз превосходящего количественно материалы раскопок обычных плановых экспедиций. В результате существенно расширяется круг археологических источников, без которых немыслимы обобщения по древнейшей истории народов нашей страны.

Получение массового археологического материала, его полнота позволяют применить при его изучении современные, в том числе математические, методы исследования, обеспечивающие большую надежность и достоверность выводов. Не пытаясь дать здесь оценку научных результатов каждой из новостроечных экспедиций института, работавших в истекшем пятилетии, приведем лишь несколько примеров, характеризующих масштабы их полевых работ. Так, Саяно-Тувинская экспедиция за 10 лет своих работ исследовала в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС сотни ценнейших археологических памятников, материалы которых позволяют по-новому осветить историю южных районов Сибири от палеолита до позднего средневековья. Донская экспедиция только за два полевых сезона — 1974 и 1975 гг.— исследовала в зонах строительства оросительных систем в Ростовской области 127 крупных степных курганов, содержавших свыше 730 погребений, главным образом эпохи бронзы. Поволжская экспедиция только в 1975 г. исследовала 55 курганов с более чем 300 погребениями. Чебоксарской экспедицией исследовано около 40 памятников, многие из них могут служить своего рода эталонами для определенной эпохи и территории. Таковы стоянка волосовской культуры Володары [24], ряд крупных поселений эпохи бронзы в Марийском и Чувашском Поволжье, Старший Ахмыловский могильник ананьинской культуры, содержавший свыше 800 погребений с богатым инвентарем [25], Безводнинский могильник эпохи раннего средневековья в Горьковском Поволжье, огромный древнечувашский Новоядринский могильник в Ядринском районе Чувашской АССР и др. То же можно сказать практически о каждой крупной новостроечной экспедиции. Нельзя не упомянуть здесь о таких уникальных памятниках, исследованных новостроечными экспедициями института за последние годы, как большой курган у с. Александровское на трассе Большого Ставропольского канала [26]. Под насыпью этого кургана помимо сложного погребального сооружения открыт храм огня. Весь этот комплекс относится к раннему скифскому времени. Большой интерес представляет и раскопанный в Анапе [27] античный склеп начала нашей эры с прекрасно сохранившейся росписью на темы подвигов Геракла.

Считаем своим долгом выразить на страницах журнала от имени всех сотрудников новостроечных экспедиций института глубокую признательность руководителям министерств, ведомств, проектных и строительных организаций, рабочим коллективам, с которыми археологам приходилось иметь дело по поводу организации археологической службы на новостройках, за их внимание и помощь в этом благородном деле.

---

[24] Памятник открыт и первоначально исследовался экспедицией Государственного Исторического музея под руководством И. К. Цветковой.

[25] Могильник открыт и первоначально исследовался Марийской археологической экспедицией под руководством А. Х. Халикова и В. С. Патрушева.

[26] Раскопки Ставропольской экспедиции под руководством В. Г. Петренко в 1973—1974 гг.

[27] Раскопки Анапской экспедиции под руководством Е. М. Алексеевой в 1975 г.

В годы десятой пятилетки археологи Московского и Ленинградского отделений института в содружестве с учеными местных научных учреждений будут продолжать интенсивные археологические исследования в зонах новостроек. В 1976—1980 гг. предполагается затратить на такие работы не менее 2,5 млн. руб., т. е. увеличить объем работ по сравнению с девятой пятилеткой почти вдвое.

Главное внимание будет уделяться археологическим исследованиям на строительстве оросительных систем и других гидромелиоративных сооружений, широко развернувшемся в степных и лесостепных районах РСФСР и являющемся здесь одним из основных элементов дальнейшего развития сельского хозяйства. Проведение больших и малых оросительных каналов, нивелировка местности для нужд искусственного полива и пр. создают угрозу громадному количеству археологических памятников.

В новой пятилетке институт будет проводить большие стационарные и разведочные работы на объектах гидромелиоративного строительства в Среднем и Нижнем Поволжье, Ростовской области, Ставропольском и Краснодарском краях. Наиболее крупные из них — Большой Ставропольский канал и связанные с ним земли орошения, Багаевско-Садковская, Миусская, Ростовская, Верхнесальская и другие оросительные системы в Ростовской обл.; Астрахано-Калмыцкая и Никольская оросительные системы в Астраханской обл,; Городищенская и Приволжская оросительные системы в Волгоградской обл.; земли орошения Саратовского канала, Энгельсовская, Балаковская и ряд локальных оросительных систем в Саратовской и Ульяновской областях. С учетом работ, проводимых местными научными учреждениями, практически сплошным археологическим исследованием будут охвачены районы интенсивного мелиоративного строительства от северных границ Куйбышевской области до низовьев Волги и Северного Кавказа. Будут продолжаться и расширяться археологические исследования на объектах мелиорации в южных районах Сибири. Археологи института предполагают вести здесь работы на строительстве Кулундинского магистрального канала, Кулундинской, Чесноковской, Бурлинской оросительных систем в Алтайском крае; Означенской и Комсомольско-Есинской и других оросительных системах в Хакасской автономной области.

Большие задачи в плане археологических исследований выдвигают огромные работы по преобразованию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР, которые уже начаты и будут интенсивно проводиться в годы десятой пятилетки. Все эти работы, являющиеся важнейшей общегосударственной задачей, неминуемо затронут сохранность многих археологических памятников, особенно в долинах рек и озер, которыми изобилуют районы Нечерноземья. Важной задачей археологов здесь будет участие в этих работах уже на стадии проектирования, с тем чтобы строительство тех или иных объектов проводилось с учетом возможно полного сохранения памятников археологии. В новой пятилетке институт будет участвовать в разработке и проведении комплекса мероприятий по хозяйственному освоению озерной котловины оз. Неро в Ярославской области, комплексной схемы мелиоративных мероприятий в Мещерской низменности, в проведении работ по проектированию и созданию локальных гидромелиоративных объектов в Ярославской, Калининской, Костромской и других областях нечерноземной зоны РСФСР.

В десятой пятилетке археологи института будут продолжать исследования в зонах затопления гидроэлектростанций и на строительстве других крупных гидротехнических объектов. Будут завершены многолетние работы на строительстве Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС, начаты работы в зонах строительства Курейской ГЭС в Заполярье, второй очереди комплекса Зеленчукских ГЭС на Северном Кавказе. На Верхней Волге предстоит сооружение крупного Ржевского гидроузла, водохранилище которого займет районы, весьма насыщенные археологиче-

скими памятниками. Здесь также будут работать ученые института. Из других крупных гидротехнических сооружений, в зонах проектирования или строительства которых институт будет проводить археологические исследования, нужно назвать каналы Ока — Дон, Дон — Оскол; регулирующее сооружение в Керченском проливе и ряд других. Ленинградские археологи будут вести исследования на строительстве нового индустриального центра Сибири — города Саянска с его комплексом промышленных предприятий. По-прежнему будут вестить раскопки в зонах нового строительства таких городов, как Анапа, Феодосия, Липецк и др.

В новой пятилетке перед институтом будет стоять задача не только расширения полевых археологических исследований в зонах новостроек, но и качественного улучшения их. Дело не только в совершенствовании методики раскопок, которая при исследованиях на новостройках имеет свою определенную специфику, не только в улучшении организации работ экспедиций. Охранные археологические исследования на каждом крупном строительстве могут считаться законченными лишь тогда, когда их материалы будут в полной мере научно обработаны и опубликованы. Только при этом условии полученный в поле материал действительно станет всеобщим достоянием и войдет в научный оборот. Поэтому сейчас, когда работами на новостройках уже накоплен огромный ценнейший материал, который увеличивается ежегодно буквально в геометрической прогрессии, важнейшей задачей становится подготовка к печати и издание полноценных научных публикаций по отдельным важнейшим памятникам и регионам исследований. Такие публикации должны выходить в свет не эпизодически, от случая к случаю, а систематически, в рамках специальной серии, посвященной работам археологов на новостройках. Без систематической и достаточно полной публикации материалов исследований новостроечных экспедиций создается реальная угроза того, что огромные средства, полученные от государства, будут расходоваться неэффективно. В этой связи встает вопрос о необходимости выработать наиболее компактную схему археологических публикаций.

Как ни значительны масштабы археологических исследований института и местных научных учреждений, проведенных в годы девятой пятилетки на новостройках Российской Федерации и намеченных на новое пятилетие, они все еще не поспевают за темпами капитального строительства, отстают от реальных потребностей развития народного хозяйства. Потенциальные возможности археологических научных учреждений, определяемые прежде всего количеством имеющихся у них квалифицированных кадров, находятся в диспропорции с размахом промышленного и сельскохозяйственного строительства. Приходится констатировать, что археологическая служба ведется эффективно еще далеко не на всех новостройках. Во многих районах строительства ценные археологические памятники продолжают разрушаться без предварительного археологического исследования, предусмотренного советским законодательством, даже без осуществления археологического надзора. Обеспечение эффективной археологической службой всех новостроек, создающих угрозу сохранности археологических памятников, должно стать в полном смысле слова проблемой государственной важности. Не следует забывать, что речь идет о сохранении для нашей культуры памятников, не имеющих цены, утрата которых не может быть ничем восполнена в будущем. Эта проблема, являющаяся по существу проблемой эффективного исполнения в полном объеме уже имеющихся правительственных постановлений об охране памятников культуры, может и должна быть положительно решена при совместной конструктивной работе Министерств культуры СССР и союзных республик, высших планирующих органов и Академии наук. По-видимому, нуждается в определенном усовершенствовании и действующее законодательство об охране памятников культуры, среди которых важное место занимают археологические памятники

С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ

О МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ТОПОРАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ, СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

В предлагаемой работе рассматриваются основные виды металлических втульчатых топоров Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья, известных по находкам в кладах у деревень Скакун Воронежской обл., Колонтаевки Харьковской обл., с. Рыбаковки Одесской обл., ст. Костромской в Прикубанье и Царевом кургане у г. Куйбышева. Благодаря своеобразию форм, широкому распространению от Волги до Поднепровья, от Оки до Прикубанья, они являются важным археологическим источником, не раз привлекавшим внимание исследователей.

Первое обобщение подобных орудий в 1955 г. провела О. А. Кривцова-Гракова [1]. Она рассматривала топоры кладов Колонтаевка, Скакун как орудия двух вариантов одного типа и связывала их с племенами срубной культуры, датируя XVI—XII вв. до н. э. О. А. Кривцова-Гракова не исключала возможности проникновения топоров подобного рода из Прикубанья в относительно ранний период срубной культуры на всю ее территорию. В 1959 г. В. П. Шилов в статье о металлургии и металлообработке в эпоху бронзы в Нижнем Поволжье предложил свою классификацию топоров срубной культуры, к которым он относил и интересующие нас предметы. Топоры кладов Колонтаевка, Скакун и их аналогии выделялись в два типа (II и III). Топоры типа II (большие орудия кладов) специально не рассматривались, поскольку в Поволжье не были найдены. Тип III (короткие топоры кладов) делился на три разновидности. Именно с этим типом связывались литейные формы из Калиновского могильника. Тип III датирован В. П. Шиловым XV—XII вв. до н. э. Возникновение таких топоров связывалось с очагом металлообработки в Среднем и Нижнем Поволжье и Приуралье, а их распространение в Северном Причерноморье — с переселением туда срубных племен [2]. В 1966 г. Е. Н. Черных, изучив состав металла орудий кладов Колонтаевка, Скакун, отнес и их к племенам катакомбной культуры и культуры многоваликовой керамики [3]. В 1967 и 1971 гг. А. М. Лесковым опубликованы две статьи, в которых такие орудия снова рассматривались как атрибуты раннесрубных племен. Он датировал клады Колонтаевский, Скакун, Рыбаковский XV—XIV вв. до н. э., справедливо отмечая отсутствие находок подобного типа в ассортименте многочисленных литейных мастерских эпохи поздней бронзы на Украине [4].

[1] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 62, 146, 147.

[2] *В. П. Шилов.* О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье. МИА, 60, 1959, стр. 20—25, 31.

[3] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. МИА, 132, 1966, стр. 62.

[4] *А. М. Лесков.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. Сб. «Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР». Киев, 1967, стр. 174; *его же.* Зрубна культура. Археологія Української РСР, Київ. 1971, стр. 409—411, рис. 115, *24—25.*

Накопившийся к настоящему времени большой новый материал позволил нам вновь коснуться этой тематики. Всего нам удалось учесть 73 топора, находящих, в той или иной степени, аналогии среди упомянутых комплексов. Эта цифра немногим уступает общему количеству всех известных топоров абашевской, баланбашской, срубной, андроновской культур, которых насчитывается немногим более девяноста экземпляров [5].

При классификации топоров кладов Колонтаевка, Скакун, Рыбаковский и их аналогий мы использовали методику ступенчатой классификации [6]. Она ставит целью выделение конечных типологических разрядов (КТР), на основе которых ведется дальнейшее исследование предметов. Выбор основных признаков при ступенчатой классификации связан с их устойчивостью, и с другой стороны, с тем, насколько четко они позволяют различать сравниваемые виды предметов. Основные признаки всегда конкретны, так как всегда конкретно количество и разнообразие сравниваемых вещей. Основные признаки топоров рассматриваются видов связаны со стороосением клина и втулки. Как правило, клин всегда имеет грани. Однако у одних топоров граненый клин обладает плоским брюшком, а у других оно подострено. Топоры с уплощенным брюшком при этом имеют более узкую шейку клина относительно его длины, чем орудия с подостренным брюшком, т. е. клин их является относительно более длинным, чем у топоров с подостренным брюшком. Это хорошо заметно на графике (рис. 1, II). Отношение шейки к длине клина у первых колеблется от 0,11 до 0,32, а у вторых — от 0,36 до 0,65. Кроме того, удлиненный клин орудий, имеющих уплощенное брюшко, заметно расширяется вниз к лезвию, образуя как бы лопасть. У топоров с укороченным клином и подостренным брюшком расширение клина к лезвию значительно слабее. Так, у первых отношение высоты шейки клина к длине лезвия колеблется от 0,34 до 0,58, а у вторых — равно и более 0,6 (рис. 1, III). Корреляционный график на рис. 1, III, построенный по отношениям высота шейки/длина спинки и высота шейки/длина лезвия, хорошо иллюстрирует различные пропорции построения топоров с удлиненным клином и лопастью и топоров с укороченным клином без лопасти. Кроме того, втулки первых орудий, как правило, снабжены валиками и желобами, для вторых этот признак крайне нехарактерен. Исходя из рассмотренных признаков, можно всю серию анализируемых вещей разделить на топоры с удлиненным сильно расширенным к лезвию клином, уплощенным брюш-

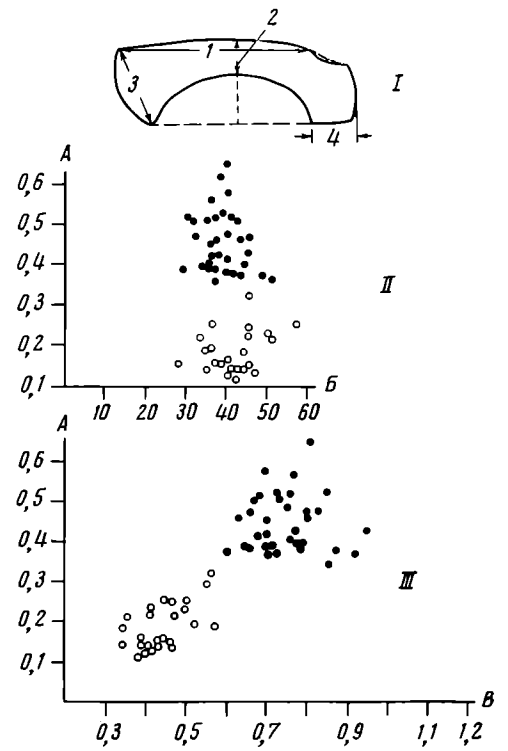


Рис. 1. Графики топоров групп 1—3. I — схема замеров: *1* — длина спинки; *2* — высота шейки; *3* — длина лезвия; *4* — длина втулки. II и III — корреляционные графики. Примечание. А — отношение длины шейки к длине спинки, Б — длина втулки (в *мм*), В — отношение длины шейки к длине лезвия. Белыми точками показаны топоры группы 1, черными — групп 2 и 3

[5] *С. Н. Кореневский.* Металлические втульчатые топоры Уральской горнометаллургической области. СА, 1973, 1.

[6] *Е. Н. Черных.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, стр. 50—53.

ком и орудия с укороченным слабо расширенным к лезвию клином, подостренным брюшком. У последних топоров разное отношение длины лезвия к высоте передней стенки втулки (опоры) позволяет обнаружить локальные особенности их производства. У северопричерноморских орудий лезвие, как правило, больше опоры, а у поволжских, наоборот, меньше. Очевидно, этот признак является весьма значимым для выявления местных традиций их производства. Таким образом, рассматриваемые виды

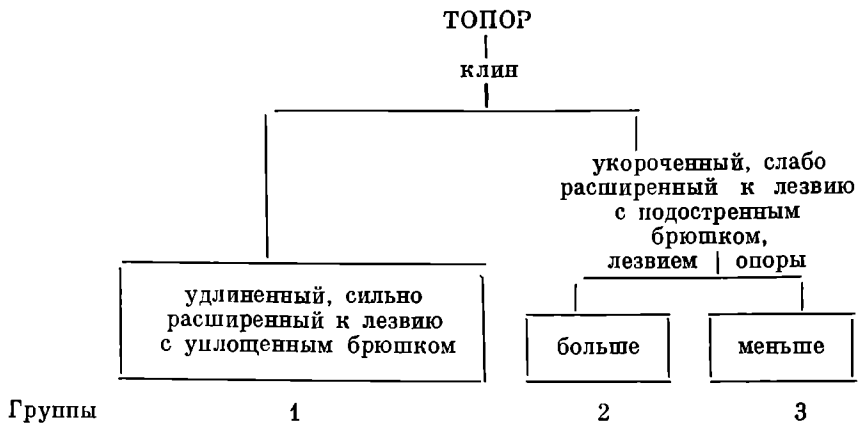


Рис. 2. Классификационная схема

топоров в конечном итоге можно разделить на три группы (КТР), обозначив их графически (рис. 2).

Группа 1. Топоры с удлиненным, сильно расширенным к лезвию клином, уплощенным брюшком. Всего нами учтено 27 таких орудий: дер. Скакун бывш. Землянского уезда Курской губ., клад (рис. 3, *10*) [7]; дер. Колонтаевка бывш. Богодуховского уезда Харьковской губ., клад (рис. 4, *10—12*) [8]; р. Кубань (рис. 3, *8*, *9*) [9]; у г. Кривой Рог (рис. 3, *6*) [10]; с. Тарасовка бывш. Екатеринославской губ. (рис. 4, *7*, *3*) [11]; с. Бамут к. 3, п. 4 (рис. 3, *1*) [12]; с. Ульяновка Елонецкого р-на Николаевской обл. (рис. 3, *3*) [13]; Каменка — Днепропетровский р-н Запорожской обл. (рис. 4, *4*) [14]; место неизвестно, из коллекций Романченко и Алексеева [15], с. Шали ЧИАССР (рис. 3, *2*) [16], ст. Костромская, клад (рис. 3, *7*) [17]; р-н Карадага, Крым (рис. 3, *4*) [18]; Кировоградская обл. (рис. 4, *6*) [19]; с. Капуловка у г. Никополя, клад (?) (рис. 4, *9*) [20]; г. Кривой Рог (рис. 4, *8*) [21]; Крым; с. Мачин, Румыния [22]; место неизвестно

[7] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 145 рис. 35, *1*; ан. 558.

[8] Там же, стр. 145, рис. 35, *7*, *9*; ан. 544, 552, 553.

[9] *А. А. Иессен.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, 23, 1951; стр. 97, рис. 26, *2*, *3*; ан. 1046, 1047.

[10] *A. M. Tallgren.* La Pontide prescythique après l'introduction des metaux. ESA, II, 1926, p. 169, fig. 99, *10*; ан. 4261.

[11] Хранится в Днепропетровском историческом музее. ДИМ-А-574, 511; ан. 4324, 7521.

[12] *Р. М. Мунчаев.* Раскопки бамутских курганов в 1965 г. «Археолого-этнографический сборник», II. Грозный, 1968, стр. 151, рис. 1, *1*; ан. 6340.

[13] Хранится в Николаевском краеведческом музее, НКМ-567; ан. 7354.

[14] Хранится в Запорожском краеведческом музее, ан. 7521.

[15] Хранится в ГЭ, 109/10, 93—18; ан. 12154, 12155.

[16] Хранится в ГЭ. 451—2; ан. 12168.

[17] *А. А. Иессен.* Ук. соч., стр. 118, рис. 54; ан. 12192.

[18] *А. А. Щепинский.* Культура энеолита и бронзы в Крыму. СА, 1966, 2, стр. 21, рис. 10, *5*.

[19] Хранится в Кировоградском краеведческом музее.

[20] *A. M. Tallgren.* Miscellanea archaeologica. ESA, VI, 1931, p. 177, fig. 2.

[21] *А. А. Щепинский.* Ук. соч., стр. 21, рис. 4.

[22] *A. Vulpe si E. Tudor.* Cu privire la topoarele de metal cu gaură de inmansare transversavă. SCIV, v. 21, № 3, 1970, fig. I.

(рис. 3, *5*; 4, *2*) [23]; с. Михайловка Хортицкой волости (рис. 4, *5*); с Рыбаковка Одесской обл., (рис. 4, *1*) [24] клад.

Для удобства изложения топоры этой группы мы будем называть орудиями «костромского» типа, хотя во многом это название и условно. Мы не можем разделить мнение А. М. Лескова о типологическом тождестве топоров Колонтаевского, Рыбаковского кладов группы 1 и топоров Самар-

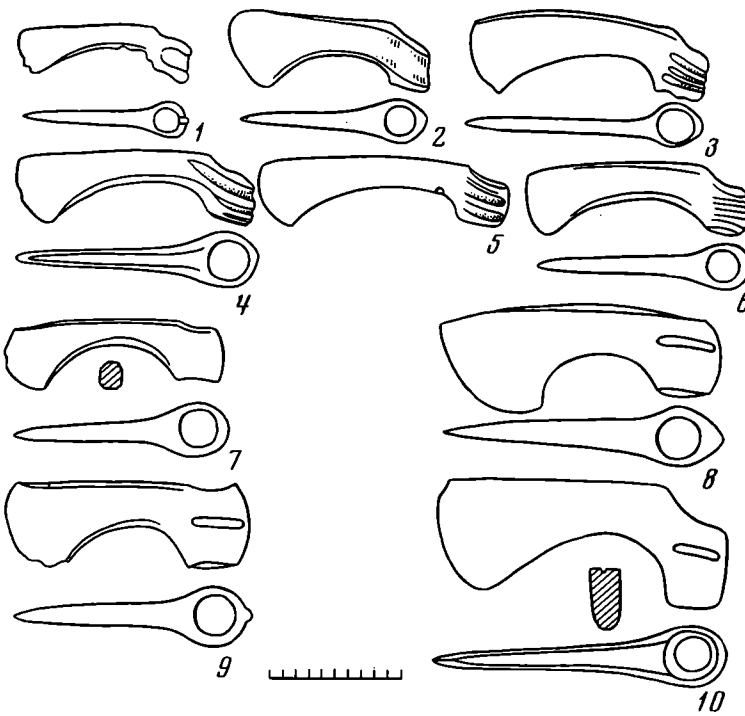


Рис. 3. Топоры группы 1: *1* — с. Бамут; *2* — с. Шали; *3* — с. Ульяновка; *4* — Карадаг; *5* — место неизвестно; *6* — у г. Кривой Рог; *7* — ст. Костромская; *8—9* — р. Кубань; *10* — дер. Скакун

ского и Бериславского кладов, найденных в низовьях Днепра и Дона [25]. Разница между ними заключается в строении клина и втулки. У топоров двух последних комплексов спинка клина поднимается над втулкой. Клин затем сужается к лезвию, которое расширено вверх и вниз. Втулки топоров немного прогибаются внутрь. Они не имеют орнамента или снабжены тремя фигурными валиками. Клин топоров костромского типа расширяется к лезвию, причем спинка образует дугу, лезвие ассимметрично смещено вниз. Втулки этих топоров имеют иное сочетание валиков и желобков или один линзовидный желоб.

Основной ареал топоров группы 1 связан с Нижним и Средним Поднепровьем, верховьями Дона и Северного Донца. Здесь их найдено больше всего — 21 экз. Изредка подобные орудия встречаются в Прикубанье (3 экз.) и горной Чечено-Ингушетии (2 экз.). Одно орудие найдено в низовьях Дуная у с. Мачин в Румынии (рис. 5).

Группа 2. Топоры с укороченным, слабо расширенным к лезвию клином, подостренным брюшком, лезвием, бо́льшим опоры. Всего учтено нами 40 топоров группы 2: дер. Курилово Чигиринского р-на (рис. 6,

[23] Хранится в Харьковском историческом музее, по архиву О. А. Кривцовой-Граковой. Публикуется с разрешения М. Б. Граковой-Свиридовой.

[24] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 145, рис. 35, *12, 19.*

[25] *А. М. Лесков.* О северопричерноморском очаге..., стр. 167.

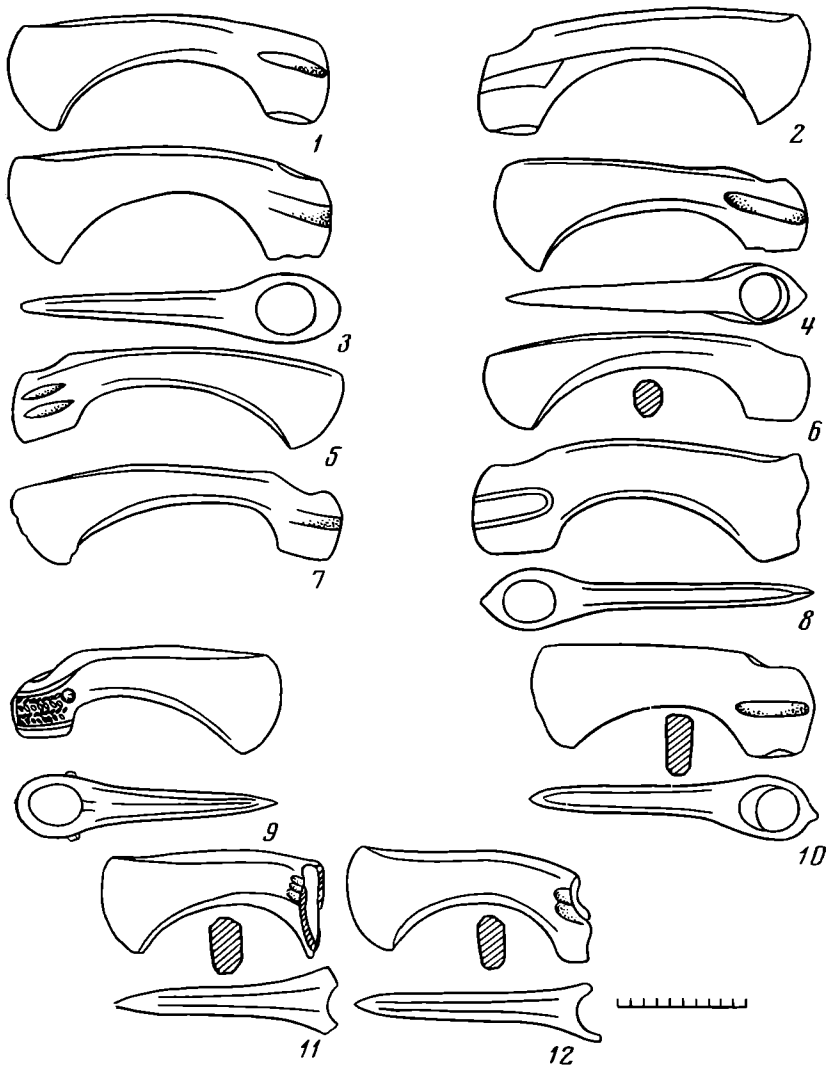


Рис. 4. Топоры группы 1: *1* — с. Рыбаковка; *2* — место неизвестно; *3, 7* — с. Тарасовка; *4* — Каменка-Днепровский р-н; *5* — с. Михайловка; *6* — Кировоградская обл.; *8* — Кривой Рог; *9* — с. Капуловка; *10—12* — дер. Колонтаевка

11) [26]; с. Ходосовичи Рогаческого р-на Гомельской обл. к. 10 п. 2 (рис. 7, *9*) [27]; дер. Колонтаевка, клад (рис. 6, *1—7*) [28]; дер. Скакун, клад (рис. 6, *12—14*) [29]; бывш. Владимирская губ. (рис. 6, *8*) [30]; Воргольское поселение Елецкого р-на Липецкой обл.[31]; у г. Кривой Рог (рис. 7, *7*) [32]; с. Пустовойтово Глобинского р-на Полтавской обл. (рис. 7, *4*) [33]; с. Стопьячи

---

[26] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии; стр. 134, рис. 37, *567*; ан. 129.

[27] *И. И. Артеменко.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967, стр. 31, рис. 4—6; ан. 466.

[28] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии, стр. 129, рис. 36; *497*, *501*, *506*; *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 145, рис. 35, *4*, *10*, *11*; ан. 545—551.

[29] *В. П. Шилов.* Ук. соч., стр. 22, рис. 8, *3*, *4*, *7*; ан. 555—557.

[30] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916, табл. VIII, *22*; ан. 764.

[31] *А. Д. Пряхин.* Воргольское поселение срубной культуры. СА, 1968, 3, стр. 186, рис. 3, *6*; ан. 3928.

[32] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 145, рис. 35, *17*; ан. 4260.

[33] Хранится в Полтавском краеведческом музее, ПКМ-1409; ан. 4421.

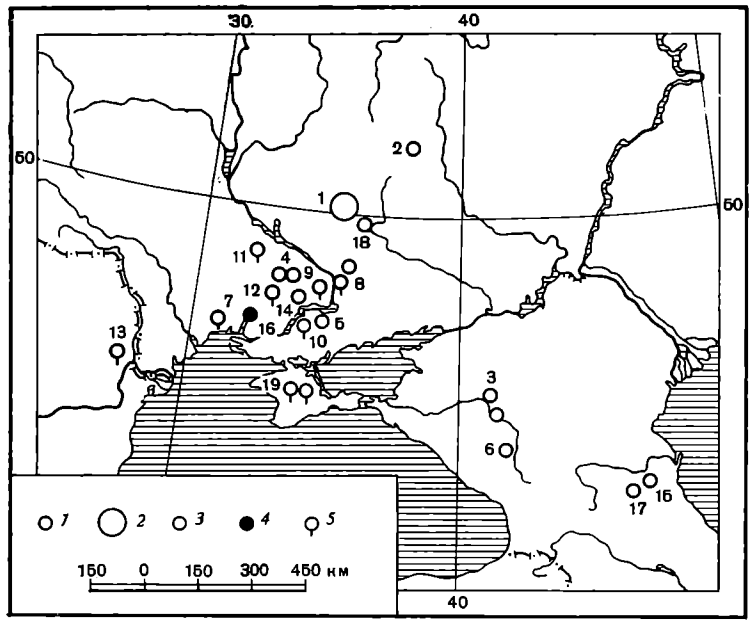


Рис. 5. Карта 1. Ареал топоров группы 1: *1* — дер. Колонтаевка, клад; *2* — дер. Скакун, клад; *3* — р. Кубань; *4* — с. Тарасовка; *5* — Каменка-Днепровский р-н, *6* — ст. Костромская, клад; *7* — с. Рыбаковка, клад; *8* — место неизвестно, хранится в Днепропетровском историческом музее; *9* — с. Михайловка; *10* — с. Капуловка, *11* — Кировоградская обл.; *12* — г. Кривой Рог; *13* — с. Мачин; *14* — г. Кривой Рог; *15* — с. Бамут; *16* — с. Ульяновка; *17* — с. Шали; *18* — место неизвестно, хранится в Харьковском историческом музее; *19* — Крым, Карадаг. Условные обозначения: *1* — одна находка, *2* — 2, 3 находки; *3* — мышьяк больше 0,6%; *4* — мышьяк меньше 0,6%, *5* — нет анализа

Переслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. (рис. 6, *10*) [34]; г. Аккерман (рис. 7, *11*) [35]; хут. Терновишенка Острогожского р-на Воронежской обл. (рис. 7, *1*) [36]; Запорожский р-н и обл. (рис. 7, *2*) [37]; место неизвестно (рис. 7, *3*) [38]; дер. Александровка Курского р-на и обл. (рис. 6, *9*) [39]; с. Бедная Могила бывш. Привольненской области (рис. 7, *15*) [40]; с. Вашкай у г. Биржай Литовской ССР [41]; у г. Брестовац, Югославия [42] (рис. 7, *14*); дер. Ключники Киевской обл. (рис. 7, *8*) [43]; Киевская обл. (рис. 7, *5*) [44]; с. Веселое Запорожской обл.[45]; у г. Кривой Рог (рис. 7, *12*) [46], г. Куряжск Харьковской обл. (рис. 7, *10*) [47]; кучугуры у г. Херсона

---

[34] Хранится в Переяслав-Хмельницком краеведческом музее, ПХИМ-3165; ан. 4539.
[35] Хранится в Херсонском краеведческом музее, ХИАМ-А-4731; ан. 7312.
[36] ан. 7371.
[37] Хранится в Запорожском краеведческом музее, ан. 7522.
[38] Хранится в ГИМ 85614; ГЭ 1824/1, 93—4; ан. 13177, 12152, 12162.
[39] Хранится в Курском краеведческом музее.
[40] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 145, рис. 35, *16*.
[41] *Х. А. Моора.* Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КСИИМК, XLYIII, 1952, стр. 6, рис. 2.
[42] *S. Junghans, E. Sangmeister, M. Schröder.* Kupfer und Bronze in der frühen Metallzeit Europas. Berlin, 1968, Taf. 26, *4320*.
[43] По рисунку В. С. Бочкарева.
[44] По рисунку В. С. Бочкарева.
[45] *A. M. Tallgen.* La Pontide..., p. 168, fig. 98, *5*.
[46] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 145, рис. 35, *20*.
[47] *Б. А. Шрамко.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 117, рис. 44, *1*.

(рис. 7, *13*) [48]; р. Матыра Липецкой обл.[49]; место неизвестно, Румыния [50], ст. Николаевская [51]; с. Осебити у г. Бакэу, Румыния [52]; р. Сочи [53], с. Тарасовка бывш. Екатеринославской губ. (рис. 7, *6*) [54]; с. Шерла бывш. Винницкого уезда Подольской губ. (рис. 7, *16*) [55].

Для удобства изложения мы предлагаем называть топоры группы 2 орудиями «колонтаевского» типа. Они распространены в Нижнем и

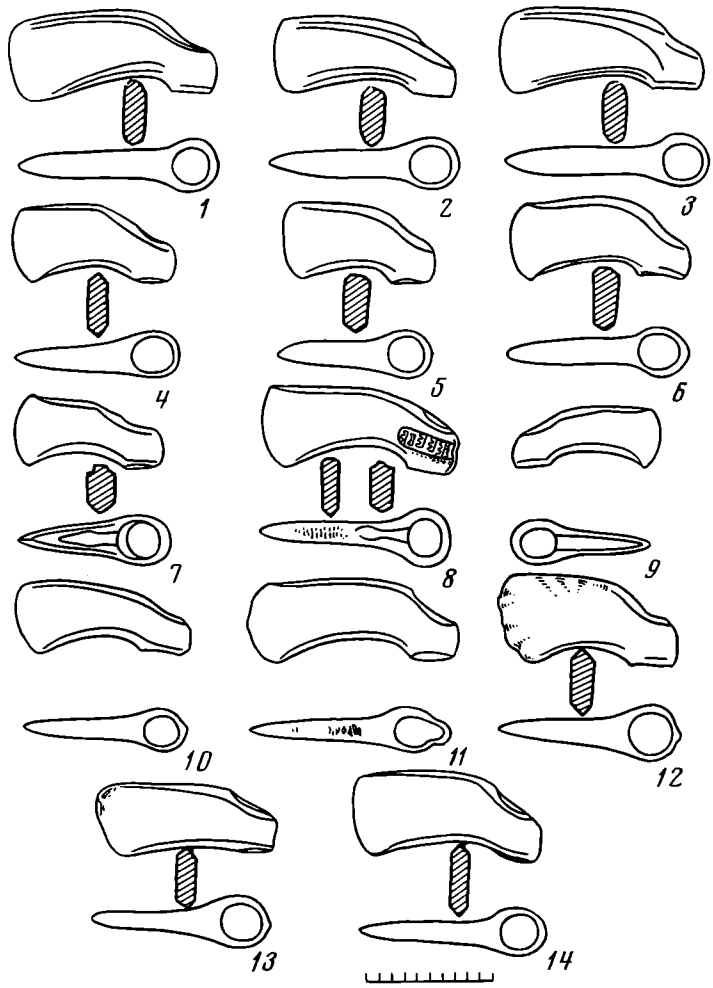


Рис. 6. Топоры группы 2: *1—7* — дер. Колонтаевка; *8* — бывш. Владимирская губ.; *9* — дер. Александровка; *10* — с. Стопьячи; *11* — Чигиринский р-н; *12—14* — дер. Скакун

Среднем Поднепровье и верховьях Дона и Донца (рис. 8). Здесь их найдено значительно больше, чем топоров группы 1. В целом же ареалы обеих групп весьма близки. На Кавказе топоры «колонтаевского» типа неизвестны, за исключением одной находки на р. Сочи. Кубанскую наход-

---

[48] *О. А. Кривцова-Гракова*. Ук. соч., стр. 145, рис. 35, *22*.

[49] *П. Д. Либеров*. Древняя история населения Подонья. Докт. дис. Архив ИА АН СССР, 1972, Р-2, № 2089, рис. 17, *а*.

[50] *A. Yulpe* si *E. Tudor*. Op. cit., fig. I.

[51] *Х. И. Попов*. Описание археологического отдела Донского музея. Новочеркасск, 1914, табл. V, *1*.

[52] *A. Yulpe* si *E. Tudor*. Op. cit., fig. I.

[53] *А. А. Иессен*. Ук. соч., стр. 99, рис. 1.

[54] По рисунку В. С. Бочкарева.

[55] По рисунку из архива О. А. Кривцовой-Граковой. Публикуется с разрешения М. Б. Граковой-Свиридовой.

ку, опубликованную Е. Зичи, мы к рассматриваемой группе не относим [56]. Возможность путаницы в его коллекции была справедливо отмечена еще А. А. Иессеном [57]. Весьма интересно, что топоры «колонтаевского» типа найдены далеко за пределами их основного ареала: в Волго-Окском муждуречье (1), Прибалтике (1), Подунавье (3). Литейные формы топоров группы 2 обнаружены В. П. Шиловым в погр. 42 кургана

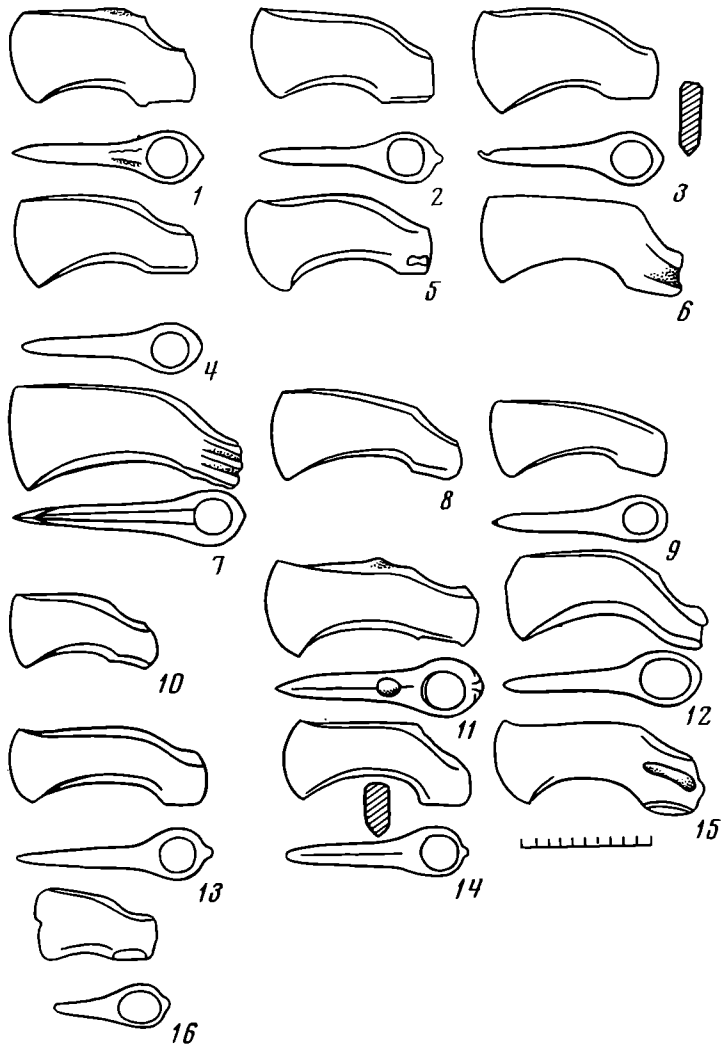


Рис. 7. Топоры группы 2: *1* — хут. Терновишенка; *2* — Запорожский р-н; *3* — место неизвестно; *4* — с. Пустовойтово; *5* — Киевская обл.; *6* — с. Тарасовка; *7* — г. Кривой Рог; *8* — дер. Ключники; *9* — с. Ходосовичи; *10* — г. Куряжск; *11* — г. Аккерман; *12* — г. Кривой Рог; *13* — кучугуры у г. Херсона; *14* — с. Брестовац; *15* — с. Бедная Могила; *16* — с. Шерла

8 Калиновского могильника в Нижнем Поволжье [58]. Н. К. Качалова относит это погребение к полтавской культуре [59].

Группа 3. Топоры с укороченным, слабо расширенным к лезвию клином, подостренным брюшком, лезвием, мéньшим опоры. Всего нами уч-

[56] *E. Zichy.* Voyages au Caucase et Asie Centrale. Budapest, 1897, tabl. II, 7.
[57] *А. А. Иессен.* Ук. соч., стр. 87.
[58] *В. П. Шилов.* Ук. соч., стр. 17, рис. 5, *1, 2, 4, 5.*
[59] *Н. К. Качалова.* Культурная принадлежность калиновского литейщика и колтубанского погребения. Сб. ГЭ, XXI, 1962, стр. 24—26.

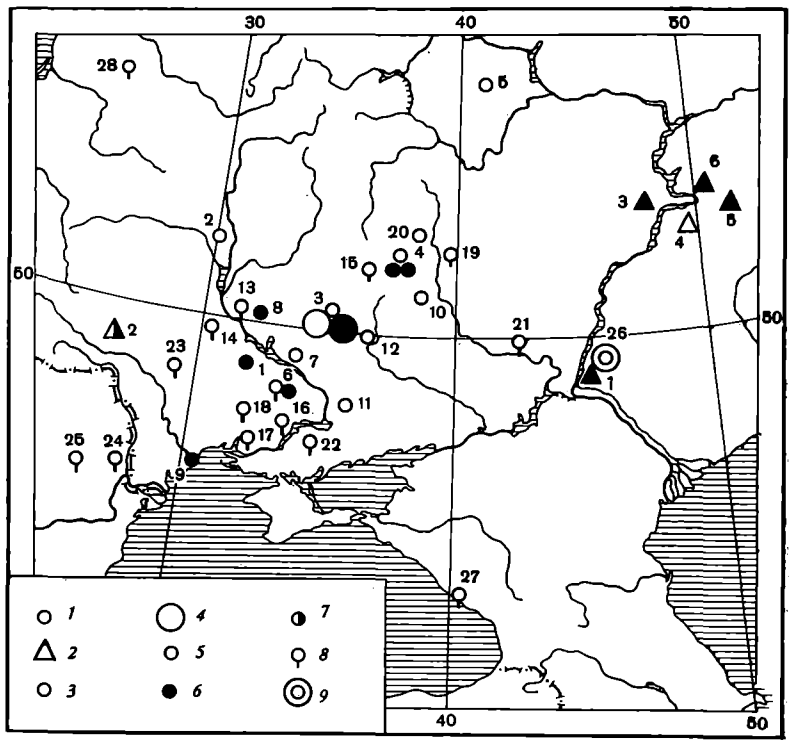


Рис. 8. Карта 2. Ареал топоров групп 2 и 3. Топоры группы 2: *1* — Чигиринский р-н; *2* — с. Ходосовичи; *3* — дер. Колонтаевка, клад; *4* — дер. Скакун, клад; *5* — бывш. Владимирская губ.; *6* — с. Тарасовка; *7* — с. Пустовойтово; *8* — с. Стопьячи; *9* — г. Аккерман; *10* — хут. Терновишенка; *11* — Запорожский р-н; *12* — г. Куряжск; *13* — Киевская обл.; *14* — дер. Ключники; *15* — дер. Александровка; *16* — г. Кривой Рог; *17* — кучугуры у г. Херсона; *18* — с. Бедная Могила; *19* — р. Матыра; *20* — Воргольское пос.; *21* — ст. Николаевская; *22* — с. Веселое; *23* — с. Шерла; *24* — с. Осебити; *25* — место неизвестно, Румыния; *26* — Калиновский могильник; *27* — р. Сочи; *28* — г. Биржай. Топоры группы 3: *1* — г. Царев; *2* — с. Деревянное; *3* — г. Сызрань; *4* — с. Заливное; *5* — Куйбышевская обл.; *6* — Царев курган у г. Куйбышева. Условные обозначения: *1* — топоры группы 2, *2* — топоры группы 3, *3* — одна находка, *4* — 2, 3 — находки, *5* — мышьяк равен, больше 0,6%; *6* — мышьяк меньше 0,6%; *7* — двойная лигатура мышьяка и олова; *8* — нет анализа; *9* — литейные формы

тено шесть таких орудий: г. Царев бывш. Астраханской губ. (рис. 9, *3*) [60], с. Деревянное Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл. (рис. 9, *6*) [61]; г. Сызрань (рис. 9, *4*) [62]; Куйбышевская обл. (рис. 9, *2*) [63]; Царев курган у г. Куйбышева (рис. 9, *1*) [64]; с. Заливное Духовницкого р-на Саратовской обл. (рис. 9, *5*) [65]. Для удобства изложения топоры группы назовем орудиями «царевокурганского» типа. Их ареал связан в основном с Нижним и Средним Поволжьем, где известно пять таких находок. Один топор найден в Подолии (рис. 8).

Методом спектрального анализа в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР изучен состав металла 44 орудий из 73 учтенных. В группе

---

[60] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии..., стр. 134, рис. 37, 564, ан. 709.

[61] *І. К. Свешніков.* Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III — на початку II тисячоліття до нашої ери. Київ. 1974, стор. 68, рис. 18, 4: ан. 1151.

[62] *В. П. Шилов.* Ук. соч., стр. 23, рис. 9; ан. 12163.

[63] Хранится в Куйбышевском краеведческом музее. ан. 13351.

[64] *А. Збруева, А. Смирнов.* Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла в 1939 году. ВДИ, 1939, 4, стр. 195, табл. I, *1*; ан. 13369.

[65] *Е. К. Максимов.* Археологические раскопки в Саратовском левобережье. АО-1970, М., 1971, стр. 112, ан. 13402.

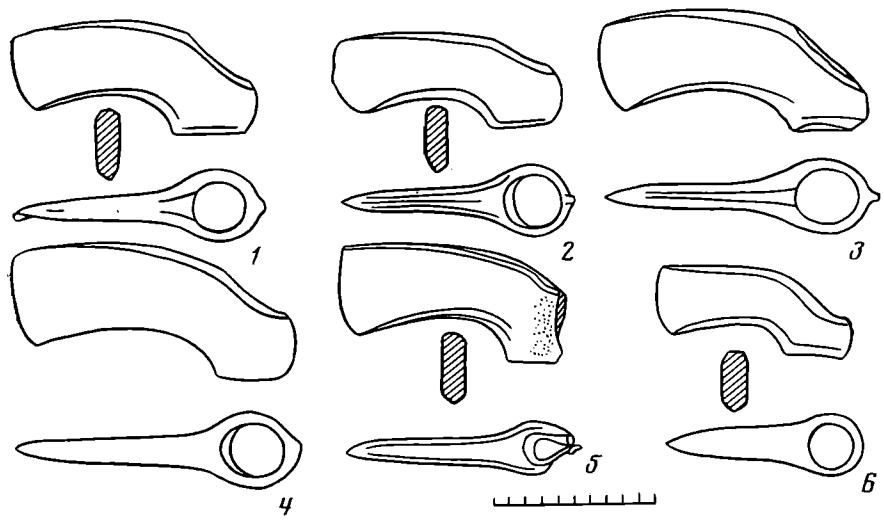


Рис. 9. Топоры группы 3: *1* — Царев курган; *2* — Куйбышевская обл.; *3*— г. Царев; *4* — г. Сызрань; *5* — с. Заливное; *6* — с. Деревянное

1 проанализировано 16 топоров. В группе 2 изучен состав металла 23. В группе 3 проанализированы все шесть учтенных топоров. Еще ранее Е. Н. Черных связывал металл топоров кладов Колонтаевка, Скакун с кавказскими мышьяковыми бронзами [66]. Анализы остальных предметов групп 1 и 2 в основном подтверждают эту картину. Однако при сравнении содержания мышьяка в топорах Северного Кавказа и Северного Причерноморья удалось заметить, что в кавказских орудиях его концентрация равна и более 0,6% [67], а среди северопричерноморских находок встречаются предметы с более низким содержанием мышьяка. По всей видимости, их нельзя рассматривать как кавказские импорты. Понижение мышьяка в северопричерноморских орудиях по сравнению с кавказскими можно объяснить за счет его уменьшения в металле при переплавке, как результат возгонки [68]. В группе 1 имеется одно такое орудие, в группе 2 их восемь. Среди предметов группы 3 у четырех находок концентрация мышьяка ниже 0,6%. Не исключено, однако, что топоры «царевокурганского» типа, содержащие в металле мышьяк от десятых до нескольких процентов, могли изготовляться из мышьяковой группы металла ТК Уральской ГМО. Ряд ее предметов мало отличается от кавказских мышьяковых бронз. Топор из Царева кургана отлит из чистой меди медистых песчаников Поволжья и Приуралья (таблица). Привлекает внимание двойная лигатура мышьяком и оловом топора группы 3 из Подолии, найденного у с. Деревянного. Такая лигатура несвойственна вообще топорам Северного Причерноморья и крайне редка в орудиях докабанского времени на Северном Кавказе. Вероятно, подольский топор был отлит из металла Балкано-Карпатской ГМО, поскольку известно, что ее литейщики использовали такие сплавы в эпоху средней бронзы [69]. Из четырех придунайских находок орудий групп 1 и 2 нам известен состав металла одного, происходящего из окрестностей г. Брестовац в Югославии. Он от-

---

[66] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии..., стр. 61, 62.

[67] Там же, стр. 98—114; *С. Н. Кореневский.* О металлических топорах майкопской культуры. СА, 1974, 3, стр. 19, рис. 5, *10*.

[68] *J. A. Charles.* Early Arsenical Bronzes. A mettallurgical view. AJA, 71, 1971, I, p. 21.

[69] *Е. Н. Черных.* О Европейской зоне циркумпонтийской металлургической провинции. Доклад на международном семинаре по началу бронзового века Средней и Восточной Европы. Краков, сентябрь 1973 г.

Результаты спектрального анализа состава металла топоров

Шифр лаборатории	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	Место находки
3928	Основа	0,005				0,03		0,7	0,002	0,007				Воргольское поселение
4323	»	0,004	0,005		0,0007	0,015		2,2	0,003	0,002		0,01		с. Тарасовка
4421	»	0,001	0,001		0,001	0,015		3,5	0,1	0,005		0,01		с. Пустовойтово
4539	»	0,0007				0,015		0,4	0,03	0,004		0,001		с. Стопьячи
6340	»	0,002	0,05			0,02	0,18	1,4	0,001	0,006				Бамут к. 3 п. 4
7312	»	0,001	0,03			0,006	0,003	0,25	0,006	0,015				г. Аккерман
7354	»	0,001	0,002		0,002	0,01		0,25	0,02	0,008	0,001		>0,001	с. Ульяновка
7371	»		0,001		0,001	0,015		1	0,06	0,003		0,01		хут. Терновищенка
7521	»	0,006	0,001			0,015	0,005	3	0,4	0,004		0,03		Каменка-Днепровский р-н
7522	»	0,008	0,004	0,03	0,001	0,01		2,5	0,1	0,005		0,01		Запорожский р-н
11511	»	1,2	0,012		0,001	0,02	0,012	1,5	0,02	0,03		0,01	~0,001	с. Деревянное
12152	»	0,0005		0,04		0,005	0,012	1,0	0,025	0,01		0,01		Место неизвестно
12154	»	0,001		0,03		0,01	0,004	1,2	0,003	0,01		0,01		»
12155	»	0,0007	0,012	0,03		0,004		1,5	0,04	0,006	0,003	0,01		»
12162	»	0,001	0,003	0,1		0,08	0,006	1,2	0,02	0,008		0,01	~0,003	»
12163	»	0,002	0,003			0,8		0,2	0,012	0,008		0,01		у г. Сызрани
12168	»	0,003	0,0015		0,0007	0,015	0,04	1,5	0,02	0,01		0,01		с. Шали
12192	»		0,001		0,001	0,02		3,0	0,02	0,004				Костромской клад
13177	»		0,0015	0,03	0,0015	0,01		1	0,03	0,005		0,01		Место неизвестно
13351	»	0,01	0,0015			0,07	0,007	0,35	0,009	0,008		0,01		Куйбышевская область
13369	»	0,001				0,04	0,003		0,02	0,006		0,01		Царев курган
13402	»	0,001				0,08		1,5	0,006	0,004			0,001–0,003	с. Заливное

Примечание. Анализы остальных топоров опубликованы Е. Н. Черных в кн. «История древнейшей металлургии Восточной Европы». М., 1966.

лит из мышьяковой бронзы, по составу скорей всего кавказского происхождения [70].

Топоры групп 1, 2, 3, несмотря на типологическую разницу, отливались в одинаковых литейных формах по конструкции в них литника. Две таких формы были найдены в Калиновском могильнике. Они были закрыты снизу, и металл заливался через литник в спинку орудия. Об этом позволяют говорить наплывы металла, следы литников на спинках топоров (рис. 7, *1, 11*), а также небольшие углубления (рис. 3, *3*; рис. 4, *4*), свидетельства усиленного сглаживания неровностей спинки у втулки. Такая техника литья не была известна литейщикам майкопской культуры эпохи ранней бронзы или древним мастерам ямно-полтавкинского очага металлургии, отливавшим орудия типа находки у с. Труевская Маза. Металл в их литейные формы заливался снизу в открытое брюшко орудия [71]. Литье в форму с литником в спинку орудия характерно для времени северокавказской культуры на Северном Кавказе и, возможно, оттуда было занесено в Северное Причерноморье и Поволжье. Дискуссионность отнесения топоров «костромского», «колонтаевского», и «царевокурганского» типов к какой-либо археологической культуре, их хронологии связана с отсутствием находок в закрытых, культурно определимых комплексах, прежде всего в погребениях. Так, из 73 учтенных находок в Северном Причерноморье и Поволжье в захоронении найдено лишь одно орудие — в погребении среднеднепровской культуры у с. Ходосовичи. Основными комплексами, которые содержат такие топоры, являются клады. Однако следует заметить, что топоры не только разбираемых типов, но и орудия рассматриваемой категории племен абашевской, срубной, андроновской культур практически тоже отсутствуют в погребениях, хотя другие орудия и украшения в них представлены с достаточной полнотой. В основном их находят случайно, редко в кладах и на поселениях. Такое наблюдение невольно позволяет предполагать особое и неодинаковое отношение людей эпохи бронзы Восточной Европы к топору как к погребальному инвентарю. Одни племена скорей всего намеренно не клали топоры в могилы соплеменников. Лишь литейщику позволялось взять в собой в потусторонний мир свои литейные формы. Это находки в Калиновском могильнике, в погребении у г. Краматорска [72], в Пепкинском кургане [73], в погребении у с. Киевка под Воронежем [74]. Представленные в них топоры «колонтаевского» и абашевского типов, общим числом более 90 экземпляров, в погребениях практически не встречаются. С другой стороны, типы металлических топоров племен майковской, фатьяновской, балановской культур в погребениях представлены довольно хорошо. Поэтому при решении вопросов о связи групп топоров с археологической культурой приходится за неимением находок литейных форм, как и самих орудий в культурно определимых комплексах, нередко опираться прежде всего на косвенные аргументы.

Мы разделяем точку зрения Е. Н. Черных о принадлежности кладов Колонтаевка, Скакун к племенам катакомбной культуры. Этот вывод был сделан им исходя из того, что изделия из кавказского металла отсутствуют среди комплексов племен срубной культуры. В то же время Кавказ для катакомбных племен был основным поставщиком сырья и ввозимых изделий. Это положение мы считаем возможным распространить и на остальные топоры групп 1 и 2, найденные в Северном Причерноморье. Племена катакомбной и полтавкинской культур были явно знакомы с производством металлических втульчатых топоров, судя по находкам ли-

---

[70] *S. Junghans, E. Sangmeister, M. Schröder.* Op. cit., tabl., 26, *4320.*

[71] *С. Н. Кореневский.* О металлических топорах..., стр. 29.

[72] *О. Г. Шапошникова.* До питання про металообробку у племен донецької катакомбної культури. «Археологія», 1971, I, стор. 25, рис. 3.

[73] *Л. Х. Халиков.* Пепкинский курган. Йошкар-Ола, 1966, стр. 66, табл. 8, *а, г.*

[74] *A. M. Tallgren.* La Pontide..., p. 169, abb. 7.

тейных форм в катакомбном погребении у г. Краматорска и Калиновском могильнике. Правда, фрагментарность краматорской формы затрудняет определение конкретного типа топора. С другой стороны, литейщики племен срубной культуры выработали свой тип орудий этой категории, распространенный в Волго-Донском междуречье. Их орудия изготовлялись из металла Уральской ГМО. С поселений срубной культуры поступают находки топоров именно таких типов [75]. Топоры же групп 1 и 2 в срубных комплексах не встречены. О. А. Кривцова-Гракова относила клады Колонтаевка и Скакун к срубным племенам, исходя из находки близкого орудия в комплексе вещей на вершине Царева кургана у г. Куйбышева. Эти находки она считала кладом [76]. Однако все условия находок этих вещей на вершине 35-метровой сопки из известняка, называемой Царевым курганом, неясны. Авторы раскопок их кладом не называли [77]. Проделанный анализ состава металла показал, что они изготовлены из чистой меди и металла группы ТК, в силу чего отнести их к срубной культуре вообще невозможно [78]. Они явно не могут свидетельствовать в пользу отнесения топоров «царевокурганского» и тем более «колонтаевского» типа к племенам срубной культуры. Не может подтвердить такое предположение и находка топора группы 2 на Воргольском поселении срубной культуры Воронежской обл. Слой поселения, откуда он был поднят, смешан. В нем попадались черепки керамики катакомбного типа [79]. Не может быть доводом в пользу отнесения кладов Колонтаевка, Скакун к племенам срубной культуры и находка в последнем долота с кованой несомкнутой втулкой, как это считал А. М. Лесков, ссылаясь на казавшееся ему убедительным доказательство О. А. Кривцовой-Граковой о связи таких вещей со срубными племенами [80]. Такие же долота найдены в полтавкинском погребении у хут. Степана Разина (к. 4 п. 11) [81] и в погребении катакомбной культуры могильника Чограй II (к. 34 п. 7) [82]. Поэтому их находки не могут свидетельствовать о «срубном» возрасте кладов Колонтаевка и Скакун, а также Костромского клада.

Традиции производства орудий «костромского типа», которые присутствуют в каждом упомянутом кладе, несут явные следы традиций кавказской металлообработки: валики, желоба на втулке, шнуровой орнамент. Изредка так украшались и топоры «колонтаевского типа». Однако подобные черты полностью чужды производству литейщиков племен срубной культуры. Их топоры никогда не орнаментировались и не отливались из кавказских мышьяковых бронз.

В целом мышьяковые бронзы и кавказские традиции производства топоров могут скорей всегда быть связанными с литейщиками, которые распространяли свои изделия в среде племен поднепровского, харьковско-воронежского вариантов катакомбной культурно-исторической области и племен культуры многоваликовой керамики. Кроме того, с топорами «колонтаевского» типа были знакомы племена среднеднепровской культуры. В Поволжье литейщики полтавкинской культуры отливали их сами. Определить однозначно принадлежность к археологической культуре прикубанских находок топоров «костромского» типа вряд ли возможно, так как

---

[75] *А. Д. Пряхин, В. И. Сагайдак.* Металлообрабатывающая мастерская на поселении срубной культуры. СА, 1975, 2, стр. 181, рис. 4.

[76] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 60.

[77] *А. Збруева, А. Смирнов.* Ук. соч., стр. 192—197.

[78] *Е. Н. Черных, С. Н. Кореневский.* О металлических предметах Царева кургана у г. Куйбышева. Сб. «Восточная Европа в эпоху камня и бронзы». М., 1976.

[79] *А. Д. Пряхин.* Ук. соч., стр. 187.

[80] *А. М. Лесков.* О северопричерноморском очаге..., стр. 167.

[81] *Н. Я. Мерперт.* Раскопки в Нижнем Поволжье. Сб. «Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР». Киев, 1967, стр. 94, рис. 7, *6*.

[82] *И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев.* Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР, проведенных в 1965 г. Архив ИА АН СССР, № 3321, рис. 527.

они могли быть связаны как со средой племен северокавказской культуры, так и с катакомбными племенами этих мест [83]. Таким образом, связь топоров «костромского» и «колонтаевского» типов в Поднепровье, Подонье и Поволжье с названными выше культурами позволяет датировать их временем существования последних. В целом оно связано с первой половиной, серединой II тысячелетия до н. э. Имеющийся материал не дает возможности пока датировать их более точно. Однако с этим предположением согласуется и находка топора группы 1 в погребении раннего бронзового века у с. Бамут в к. 3 п. 4, а также факт полного прекращения производства таких орудий в эпоху поздней бронзы в Поднепровье. Это время совпадает с исчезновением во второй половине II тысячелетия до н. э. племен катакомбной культурно-исторической области и культуры многоваликовой керамики в Подонье и Поднепровье.

Топоры «царевокурганского» типа ввиду отсутствия их находок в закрытых комплексах связать с определенной культурой трудно. Однако литейщики, отливавшие такие орудия, скорей всего находились под воздействием традиций производства топоров «колонтаевского» типа, которое велось в среде местных полтавкинских племен. Иначе трудно объяснить столь детальное совпадение их форм. Для племен сейминского хронологического горизонта — абашевских, срубных, андроновских были свойственны уже совершенно другие орудия. Это позволяет отнести топоры группы 3 по крайней мере к досейминскому хронологическому горизонту Уральской ГМО или ко времени, переходному к этому периоду.

Состояние материала не позволяет дать более дробную хронологию внутри выделенных групп топоров. Поэтому в настоящее время крайне трудно решать вопросы происхождения их форм. Однако уже сейчас можно утверждать, что эти топоры являлись характерными орудиями племен Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы. Ареал топоров выделенных групп позволяет предполагать, что производство орудий «костромского» и «колонтаевского» типов велось главным образом в Нижнем и Среднем Поднепровье, верховьях Донца и Дона (рис. 5, *8*). Здесь их найдено больше всего — 56 экз. Однако районы их производства не совпадали полностью. Орудия «костромского» типа изготовлялись в Прикубанье, судя по кладу литейщика у ст. Костромской, а топоры группы 2 здесь до сих пор не найдены. Возможно, орудия группы 1 производились и в Чечено-Ингушетии. Нельзя не заметить, что топоров «костромского» типа на Северном Кавказе найдено существенно меньше, чем в Северном Причерноморье: 5 экз. против 21. Поэтому мы не можем рассматривать Северный Кавказ, и в частности Прикубанье, как центр их производства. Здесь найдено всего три орудия, и их хронологический приоритет перед северопричерноморскими топорами доказать вряд ли возможно. Находка одного орудия «костромского» типа у с. Мачин в Румынии позволяет предполагать их импорт в Подунавье.

Топоры «колонтаевского» типа были, очевидно, наиболее распространенным видом орудий рассматриваемой категории у племен Поднепровья и верхнего Подонья. Здесь их найдено 35 экз. На Нижней Волге они изготовлялись литейщиками полтавкинской культуры. Но кроме находок литейных форм в Калиновском могильнике, мы не имеем о них сведений из Поволжья. Топоры «костромского» типа здесь не были известны. Отдельные экземпляры группы 2 разошлись далеко за пределы основного ареала типа: в Прибалтику (с. Вашкай), Волго-Окское междуречье (бывш. Владимирская губ.), Подунавье (с. Осебити, Брестовац, Румыния (?)).

---

[83] Карты распространения племен катакомбной культуры в Прикубанье приведены А. А. Иерусалимской (см. *А. А. Иерусалимская*. О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, 1958, 2).

Возможность местного, северопричерноморского производства топоров «костромского» и «колонтаевского» типов подтверждается не только их ареалом, но и фактами отливки из металла с содержанием мышьяка, меньшим 0,6%. У кавказских орудий концентрации мышьяка всегда выше. Но несмотрря на эти случаи, изучение состава металла ярко отражает картину широкого производства местных орудий литейщиками Северного Причерноморья на кавказском сырье в первую половину, середину II тысячелетия до н. э.

Количество топоров «царевокурганского» типа заметно уступает учтенным находкам топоров группы 2 (6 против 40). Видимо, это отражает более скромные масштабы их производства по сравнению с Северным Причерноморьем. Топоры группы 3 отливались из чистой меди группы МП (медистых песчаников Поволжья и Приуралья) или мышьяковой бронзы, источник которой требует уточнения. Их большая типологическая близость топорам «колонтаевского» типа, видимо, связана с тем, что их литейщики в конечном итоге следовали традициям производства днепро-донецких топоров группы 2. В Нижнем Поволжье оно явно велось полтавкинскими племенами. Возможно, форма топора из с. Деревянного в Подолии, изготовленного из металла Балкано-Карпатской ГМО, тоже отражает местное подражание днепро-донским орудиям «колонтаевского типа». Это, вероятно, и вызвало формальное совпадение деталей подольской находки и поволжских орудий группы 3.

Как уже говорилось выше, клады литейщиков с топорами «костромского» и «колонтаевского» типов могут быть связаны с племенами катакомбной культурно-исторической области Подонья и Поднепровья и культурой многоваликовой керамики. Последнее позволяет несколько пересмотреть степень развития металлообработки и вместе с тем уровень развития производительных сил этих племен. По нашему мнению, их нельзя рассматривать как отсталые племена эпохи бронзы, получавшие основные орудия производства и оружие с Кавказа от более богатых и развитых соседей. Ареал топоров групп 1 и 2, находки их в кладах литейщиков Северного Причерноморья говорят о самостоятельном и массовом производстве в среде этих племен таких ведущих видов орудий и оружия. Подобное заключение в свою очередь позволяет поставить вопрос о выделении металлообработки в самостоятельную отрасль их первобытной экономики и ее дифференцированном характере, поскольку такие орудия явно не были в ходу у «классических» племен катакомбной культурно-исторической области на Северском Донце в Калмыкии и Предкавказье.

S. N. Korénevski

LES HACHES EN METAL DU MILIEU DE L'AGE DU BRONZE SUR LE LITTORAL NORD DE LA MER NOIRE ET SUR LA MOYENNE ET BASSE VOLGA

Résumé

Dans l'article sont étudiés les types les plus répandus de haches en métal du milieu de l'Age du Bronze du littoral nord de la mer Noire et de la moyenne et basse Volga. Tous ces types ont des analogies, à des degrés divers, avec les dépots contenant des haches découverts près des villages de Skakoun, de Kolontaievka, de Rybakovka et de la stanitza de Kostromskaïa, ou se rapprochent de la hache du kourgane de Tsarev (environs de la ville de Kouibychev). On a étudié en tout 73 de ces outils. Leur classification présente 3 groupes (fig. 2). Le groupe I comprend 27 haches (fig. 3. 4). Celles-ci sont principalement répandues dans la région du Dniepr moyen et inférieur et sur le cours supérieur du Donetz et du Don (fig. 5). Le groupe 2 renferme 40 outils (fig. 6, 7), qui

ont été trouvés le long du Danube, dans les pays Baltes et la région comprise entre la Volga et l'Oka. Dans le Caucase du nord on a trouvé très peu de haches des groupes 1 et 2. Celles du groupe 3 sont représentées par 6 exemplaires (fig. 9). Cinq d'entre elles ont été recueillies sur le cours moyen et inférieur de la Volga (fig. 8).

Par la méthode d'analyse spectrale, utilisée dans le laboratoire spécialisé de l'Institut d'Archéologie de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S., a été étudié un ensemble de 44 haches. Presque toutes sont faites de bronze arsenical caucasien. Cependant, dans chaque groupe se trouvent des outils ayant un pourcentage moins élevé l'arsenic que les haches du Caucase (moins de 0,6%). Elles ont été évidemment fabriquées sur le littoral nord de la mer Noire. Les haches de ces groupes, d'après leur aire, d'originalité de leurs formes, la composition du métal, sont liées à la métallurgie locale de ces régions, et ne sont pas des importations du Caucase. Elles ont été faites par des fondeurs qui répandaient leur production parmi les tribus porteuses de la culture à catacombes dans les régions du Dniepr, du Don supérieur, ainsi que parmi celles porteuses de la culture dite de la céramique à bourrelets et de la culture de Poltavkino dans la région de la Volga. Ceci permet de leur donner pour date l'époque de l'existence de ces cultures, c'est-à-dire la première moitié ou le milieu du deuxième millénaire avant notre ère. Avec leur disparition au cours de la deuxième moitié du IIème millénaire av. n. è. la production de ces outils s'arrête.

Ю. С. БАДАЛЬЯНЦ

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ СООТВЕТСТВИЕ ИМЕН ЭПОНИМОВ И ФАБРИКАНТОВ НА АМФОРАХ РОДОСА

Хорошо известно, что при археологических раскопках встречаются помимо целых амфор в значительном количестве фрагменты амфорных ручек с клеймами различных производственных центров, в том числе и родосских. Клейма на родосских амфорах, так же как и клейма на амфорах других производственных центров Средиземноморья и Южного Причерноморья, имели свою определенную легенду, состоящую из трех основных элементов: имени эпонима, имени фабриканта и одного из тринадцати месяцев родосского календаря [1]. Сложность изучения легенды родосских амфор состоит в том, что три указанных выше информационных элемента располагались на двух ручках родосской амфоры в различных комбинациях и в самых различных вариантах [2]. Поэтому для решения вопроса о хронологическом соответствии эпонимных и фабрикантских клейм мы должны иметь дело с целыми или восстановленными амфорами, или же с более или менее фрагментированными верхними ее частями, где сохранены оба клейма. В этом же плане интерес представляют клейма, где имена эпонима и фабриканта помещены вместе. В остальных случаях изучение родосских клейм осложняется, особенно если легенда содержит только указание месяца или же имя фабриканта.

В этой связи, как нам представляется, уже давно назрела необходимость исследования вопроса о синхронности имен родосских эпонимов и фабрикантов, являющейся одной из важнейших проблем родосской керамической эпиграфики. Настоящая статья всецело и посвящена этой работе. Это обусловлено следующими обстоятельствами: во-первых, родосские амфорные клейма составляют одну из главных групп памятников керамической эпиграфики и их широкое распространение по всему эллинистическому миру делает их важнейшим источником для изучения экономических связей Средиземноморья в III—I вв. до н. э.; во-вторых, керамические клейма наряду с монетами являются очень важным материалом для датировки многих археологических комплексов, погребений, слоев и т. д.; в-третьих, появляется возможность хронологизации фабрикантских клейм, а в некоторых случаях более четкой их датировки; и, наконец, в-четвертых, дальнейшее изучение установленных пар личных имен позволит, несомненно, четче разработать хронологическую классификацию родосских амфорных клейм, ибо до настоящего времени для последних не существует твердых хронологических групп с надежно установленными границами во времени.

Первые списки соответствий личных имен родосских эпонимов и фабрикантов были опубликованы еще Ф. Гиллером фон Гертрингеном [3] и

[1] *C. Schuchhardt.* Die Inschriften von Pergamon, II. Berlin, 1895, p. 429.

[2] *L. Stephani.* Melanges Greco — Romains, II. 1859, p. 8; *C. Schuchhardt.* Op. cit., S. 425.

[3] *F. Hiller von Gaertringen.* Einige vergessene Amphorenhenkel aus Rhodos. Ath. Mit., XXIII. 1898, S. 232—234.

Ф. Блекманом [4]. Позднее Ф. Блекман к известным добавил еще несколько соответствий [5]. Однако некоторые пары личных имен в списках Ф. Блекмана ошибочны, так как он не учел существование многих омонимов в клеймах родосских эпонимов и фабрикантов.

Вопросу установления родосских пар личных имен уделяли внимание Ж. Пари [6], Е. М. Придик [7] и И. Холл [8]. Кстати, следует отметить, что и в публикациях этих исследователей присутствуют иногда ошибочные сочетания, вызванные, по всей вероятности, неправильным чтением тех или иных имен. В середине 30-х годов список соответствий эпонимов и фабрикантов опубликовала В. Грейс. Она учла ошибки предыдущих исследователей и составила список 53 родосских пар. Эти сочетания охватывают 32 имени эпонима и 24 имени фабриканта [9]. В настоящее время известно значительно бóльшее число сопоставлений имен эпонимов и фабрикантов.

На одну из ошибок, допущенную Блекманом, недавно указала В. Грейс [10]. Речь идет о родосском фабриканте Агатобуле. Это тот самый фабрикант, который помещает имя эпонима в том же клейме, где и свое. Каталогизацию имени фабриканта Агатобула с различными эпонимными именами провел в свое время М. Нильсон [11]. Ф. Блекман, изучив эту серию комбинированных типов, предложил отнести деятельность фабриканта Агатобула к периоду, предшествовавшему Пергамскому комплексу, т. е. до 220 г. до н. э.[12] К этому времени были отнесены и имена таких фабрикантов, как Мидас и Драконтид [13]. Следует отметить, что в указанной выше работе В. Грейс [14] большинство имен эпонимов и фабрикантов получило ошибочную датировку [15]. Исследовательница вслед за работами Блекмана и Гертрингена [16] также датировала клейма фабрикантов Агатобула, Мидаса и Драконтида временем до Пергамского комплекса. Правда, позднее датировка клейм этих фабрикантов была пересмотрена и отнесена к периоду уже второй половины II в. до н. э.[17] В настоящее время твердо установлена синхронность клейм фабриканта Агатобула с клеймами ряда эпонимов V хронологической группы. Что касается клейм фабрикантов Драконтида и Мидаса, то они также твердо установлены в паре с клеймами эпонимов V хронологической группы. Первый работал при эпонимах Архемброте I, Алексиаде и Аристаке [18]; второй — в год жрече-

---

[4] *F. Bleckmann.* De inscriptionibus quae leguntur in vasculis Rhodiis. Göttingae, 1907, p. 22, 23; 31—33.

[5] *F. Bleckmann.* Zu den rhodischen eponymen Heliospriestern. Klio. XII, 1912, S. 249—258.

[6] *J. Pâris.* Timbres amphoriques de Rhodes. BCH, XXXVIII, 1914, p. 322—326.

[7] *E. M. Pridik.* Zu den rhodischen Amphorenstempeln. Klio, XX, 3, 1926, S. 319, 320.

[8] *I. H. Hall.* The Greek Stamps on the Handles of Rhodian Amphorae found in Cyprus and now in the Metropolitan Museum of New York, JAOS, XI, 1885, p. 390—395.

[9] *V. Grace.* Stamped Amphora Handles Found in 1931—1932. Hesperia, III, 1934, 3, p. 219.

[10] *V. Grace et M. Savvatianou-Pétropoulakou.* Les timbres Amphoriques Grecs. In Exploration Arhéologique de Délos, t. XXVII, Paris, 1970, p. 305.

[11] *M. Nilsson.* Timbres Amphoriques de Lindos in Exploration Archeologique de Rhodes, vol. V, Copenhagen, 1909, p. 73, 350.

[12] *F. Bleckmann.* Zu den rhodischen eponymen, S. 251.

[13] Ibid., S. 251.

[14] *V. Grace.* Stamped Handles Found in 1931—1932, p. 219.

[15] *Д. Б. Шелов.* Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э. М., 1975, стр. 21.

[16] *F. Bleckmann.* Zu den rhodischen eponymen, S. 251; *F. Hiller von Gaertringen.* «Rhodos», in Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, suppl. V, Stuttgart, 1931, S. 834—840.

[17] *V. Grace.* The Stamped Amphora Handles. Excavations at Gözlu Kule. Tarsus, I, Princeton, 1950, p. 136, note 5; *V. Grace et M. Savvatianou-Pétropoulakou.* Les timbres amphoriques grecs, p. 306.

[18] *V. Grace.* Rhodian Jars in Florida. Hesperia. XVII, 2, 1948, p. 145, 146; *I. H. Hall.* Op. cit., p. 390; № 5043, 5046, 5058.

ствования эпонимов Алексиада [19], Аристогена, Клеострата и Аристокла [20]. Следует, однако, отметить, что синхронность фабриканта Мидаса с эпонимом Аристоклом не очень надежна [21], а, следовательно, должна быть отнесена к предполагаемым парам.

Изучая родосский керамический материал из Линда, Нильсон пришел к выводу, что круглые по форме клейма располагаются на двух ручках родосской амфоры симметрично и обязательно с одинаковыми эмблемами [22]. На круглых клеймах преобладают две эмблемы — цветок граната или голова Гелиоса. Помимо этих двух основных эмблем встречаются и другие, но очень редко,— венок, герма, гроздь винограда, дельфин, шапки Диоскуров (со звездами и без них), кольцо, кувшин, лира и др.

В советской литературе уже высказывалось предположение о синхронности пар имен родосских эпонимов и фабрикантов, основанное на том обстоятельстве, что приведенные выше эмблемы на круглых клеймах встречаются очень редко, а с другой стороны, они должны совпадать на обеих ручках родосской амфоры. Так, Ю. С. Крушкол, учитывая изложенные выше соображения, привела несколько соответствий имен родосских эпонимов и фабрикантов, атрибуция которых основана на одинаковых эмблемах [23].

Такой прием установления родосских пар в общем-то не вызывает серьезных возражений, однако для твердой синхронности необходимы наиболее убедительные атрибуции, в противном случае ошибки неизбежны. Наша попытка установить приведенные Ю. С. Крушкол соответствия другими приемами не дала положительных результатов. Думается, что этот прием может быть использован только лишь в качестве дополнительного доказательства той или иной пары, и пока эти соответствия не будут подтверждены наличием на целой амфоре или в совместном клейме, они всегда будут предположительными.

В последнее время в научной литературе высказываются некоторые предположения о синхронности имен родосских эпонимов и фабрикантов и по другим признакам. Так, В. Грейс и М. Савватьяну-Петропулаку [24] высказали предположение, что родосскую пару личных имен можно установить по легко распознаваемому стилю фабрикантского клейма, и в качестве примера приводят «буттон-тип» фабриканта Геротела [25] и эпонимный тип фабриканта Герокла, имеющего название месяца в монограмме [26]. В настоящее время имя фабриканта Геротела твердо установлено в паре с некоторыми именами эпонимов [27]. Кроме того, имеется серия из 13, 14 эпонимов, которые лишь предположительно могли быть в паре с вышеназванным фабрикантом [28]. Что же касается фабриканта Герокла, то для него датирующим служит единственное клеймо с именем эпонима Файнила на целой амфоре, находящейся на Родосе. Правда, имеются и другие эпонимы, которые могут встречаться в паре с этим фабрикантом,

---

[19] Пользуюсь случаем выразить благодарность И. Б. Брашинскому, сообщившему об этой находке из раскопок в Ольвии 1946 г. (хранится в фондах ЛОИА АН СССР).

[20] *F. Bleckmann.* De inscriptionibus..., p. 32, 33; *V. Grace.* Rhodian Jars in Florida, p. 145, 146; *I. H. Hall.* Op. cit., p. 333, № 5033, 5054, 5063; *V. Grace et M. Savvatianou-Pétropoulakou.* Op. cit., p. 317.

[21] *V. Grace.* The Eponyms Named on Rhodian Amphora Stamps. Hesperia, XXII, 1953, p. 121, note 14.

[22] *M. Nilsson.* Op. cit., p. 163.

[23] *Ю. С. Крушкол.* Легенды родосских амфор. ВДИ, 1946, 3, стр. 192.

[24] *V. Grace et M. Savvatianou-Pétropoulakou.* Op. cit., p. 290.

[25] Ibid., p. 302, comm. E2.

[26] Ibid., p. 309, comm. E24; p. 316, comm. E43.

[27] *V. Grace.* Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula. Hesperia, XXXII, 1963, p. 324, note 12, p. 328. note 20; *V. Grace.* The Eponyms Named on Rhodian Amphora Stamps, tabl. 42, *1a, 1b,* p. 119, note 10.

[28] *V. Grace.* Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula, p. 327, 328, note 20.

однако только предположительно это имена эпонимов Эхебула, Сократа и Тимокла II [29].

К другим признакам, по которым, якобы, возможно установление родосской амфорной пары, Грейс и Савватьяну-Петропулаку относят и существование так называемых «дополнительных» родосских клейм. В частности, они пишут, что отдельный дополнительный штамп, известный исключительно на ручках одного фабриканта и одного эпонима, указывает на пару типов. Авторы считают, что большая и известная коллекция Лукаса Бенаки дала им большой материал для установления пар на основе дополнительных штампов общих для фабрикантов и эпонимов [30]. К сожалению, авторы в этой связи не привели ни одного сопоставления и поэтому остается неизвестным, какие же дополнительные клейма дали твердое хронологическое соответствие. В сущности не приходится отрицать возможность установления родосских амфорных пар по дополнительным штампам, однако, как нам представляется, необходимо каждое такое соответствие перепроверять и другими методами, ибо малейшая ошибка может повлечь за собой порочную хронологию целой группы клейм, как эпонимных, так и фабрикантских. Остановимся подробнее на этом.

Хорошо известно, что помимо основных клейм на ручках родосских амфор иногда встречаются и дополнительные клейма в виде маленького вдавленного квадратика, в котором могут быть отдельная буква, сочетание букв греческого алфавита, или различные монограммы. Тщательное изучение принадлежит Д. Б. Шелову. Автор приводит таблицу дополнительных родосских клейм с указанием места находки, хранения и публикации, а также дает список основных эпонимных и фабрикантских штемпелей, при которых отмечено то или иное дополнительное клеймо [31]. Несколько новых дополнительных клейм опубликовано и другими исследователями [32]. В своей работе о дополнительных клеймах Д. Б. Шелов отнес их практику клеймения ко времени Пергамского комплекса, т. е. к 220—180 гг. до н. э.[33] Десять лет спустя, после указанной работы, Д. Б. Шелов выступил с другой статьей, специально посвященной дополнительным клеймам. В этой статье автор несколько изменяет хронологический диапазон маркировки дополнительными штампами, а именно: признает более длительное существование практики дополнительного клеймения [34]. Необходимо отметить, что выводы, полученные в результате тщательного изучения дополнительных клейм, не вызывают в настоящее время возражений со стороны как советских, так и зарубежных специалистов [35].

Теперь вернемся к вопросу о дополнительных клеймах как критерии установления синхронных пар родосских фабрикантов и эпонимов. В этой связи, если безоговорочно признать точку зрения В. Грейс и М. Савватьяну-Петропулаку, следует, по-видимому, посчитать за пары все имена фабрикантов и эпонимов, имеющих одинаковые дополнительные клейма. Однако имеющийся материал не дает желаемого результата. Так, при попытке установить ту или иную пару личных имен мы сталкиваемся с хронологическим несоответствием фабриканта или эпонима, т. е. оказывается, что мы имеем дело с именами различных эпонимов или фабрикантов, датировка которых отнесена к различным периодам. Правда, такое

---

[29] *V. Grace et M. Savvatianou-Pétropoulakou.* Op. cit., p. 309, comm. E24.

[30] Ibid., p. 290.

[31] *Д. Б. Шелов.* Керамические клейма из раскопок Фанагории, стр. 137—140.

[32] *Ю. С. Бадальянц.* Дополнительные и курсивные клейма на амфорах эллинистического Родоса. ВДИ, 1973, 4, стр. 52, 53.

[33] *Д. Б. Шелов.* Ук. соч., стр. 140.

[34] *Д. Б. Шелов.* Дополнительные клейма на родосских амфорах. Melanges offerts a Michałowwski, Warszawa, 1966, стр. 663—668.

[35] *И. Б. Брашинский.* Успехи керамической эпиграфики. СА, 1961, 1, стр. 293 сл.; *Е. И. Леви.* Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок Ольвийской агоры. Сб. «Ольвия». М.— Л., 1964, стр. 236; *Ю. С. Бадальянц.* Ук. соч., стр. 48 сл.; *V. Grace et M. Savvatianou-Pétropoulakou.* Op. cit., p. 290.

положение наблюдается не со всеми предполагаемыми соответствиями, но во всяком случае с большинством.

Д. Б. Шелов в свое время указывал на любопытную группу дополнительных клейм, содержащих одну из букв греческого алфавита и справа от нее звездочку [36]. Эти клейма принадлежат мастерской Аристокла, Гиппократа и Агесикла II [37]. Значит, родосские эпонимы, чьи имена обозначены в клеймах, сопровождаемых такими дополнительными штампами, должны быть отнесены к паре с вышеперечисленными фабрикантами и датированы первыми двумя или тремя десятилетиями II в. до н. э., учитывая наличие среди эпонимов Павсания II [38]. Следует, однако, заметить, что фабриканты Аристокл и Гиппократ встречаются и с другими дополнительными клеймами, а следовательно, должны составить пару с эпонимами уже других хронологических групп. Если принять это положение, то производство амфор мастерской одного фабриканта мы должны будем искусственно продлить на несколько десятилетий, а это по логике вещей вряд ли правомерно. В этой связи мы должны придерживаться двух условий, а именно: 1 — мы должны выделить двух (трех) разных эпонимов с одним и тем же именем, 2 — выделить двух или более фабрикантов. Вот несколько примеров. Так, фабрикант Аристокл по дополнительным клеймам должен был изготовлять свои амфоры в год жречествования эпонима Аристомбротида [39] и датироваться III группой. Однако указанный эпоним датируется В. Грейс V группой или даже VI и образует пару (предположительно) с фабрикантом Филостефаном [40]. Эпоним Аристомбротид твердо датирует амфоры фабрикантов Менестрата и Полиарата [41]. Следовательно, различаются два разных лица с именем Аристомбротида и хронологически разделены целым столетием.

Аналогичное, по-видимому, следует сказать и об эпониме Аристократе. По наличию дополнительных клейм эпоним Аристократ должен датировать амфоры фабрикантов Аристокла, Дамократа и Гиппократа временем Пергамского комплекса [42]. Однако клейма эпонима Аристократа являются датирующими на амфорах более раннего фабриканта Иона [43]. Что же касается фабриканта Дамократа, то его клейма встречаются на амфорах вместе с клеймами эпохи Антипатра, жречествование которого относится к началу I в. до н. э. Следовательно, и здесь необходимо выделить двух эпонимов и двух фабрикантов. По этим же соображениям разными лицами, но с одним и тем же именем должны быть представлены такие эпонимы, как Гиерон, Ксенарет, Полиарат и фабрикант Дамофил. Однако для этого у нас нет пока твердых оснований.

Таким образом, считать пары личных имен родосских эпонимов и фабрикантов по дополнительным клеймам было бы преждевременным. Наиболее вероятным, на наш взгляд, было бы отнести эти сочетания имен к предполагаемым родосским амфорным парам.

Определенный научный интерес при установлении родосских амфорных пар представляют, как нам кажется, и так называемые «курсивные» клейма, выделенные в свое время также Д. Б. Шеловым [44]. Автор указы-

---

[36] *Д. Б. Шелов.* Дополнительные клейма..., стр. 667; *его же.* МИА, 57, 1956, стр. 138 и 142.

[37] *Ю. С. Бадальянц.* Ук. соч., стр. 52.

[38] *G. Porro.* Bolli de d'anfore Rodie del Museo Nazionale Romano, Ann. II, 1916, p. 120, № 162, *8.*

[39] *Д. Б. Шелов.* Керамические клейма из раскопок Фанагории, стр. 139, № 23.

[40] *V. Grace et M. Savvatianou-Pétropoulakou.* Op. cit., p. 312, comm. E33.

[41] Порфмий, 1973, II/73, № 480 (раскопки ЛОИА); *F. Bleckmann.* Zu den rhodischen eponymen. S. 250.

[42] *Д. Б. Шелов.* Керамические клейма из раскопок Фанагории, стр. 137, № 7.

[43] *V. Grace et M. Savvatianou-Pétropoulakou.* Op. cit., p. 307, comm. E18; *M. Nilsson.* Op. cit., 530, № 1.

[44] *Д. Б. Шелов.* Керамические клейма из раскопок Фанагории, стр. 143; см. также: *Ю. С. Бадальянц.* Ук. соч., стр. 60 сл.

вает на ряд особенностей, присущих этой интереснейшей группе родосских клейм: 1 — клейма всегда прямоугольные по форме; 2 — написание всегда ретроградное; 3 — клейма бывают только эпонимными и всегда имеют указание на жреческую должность [45]. Однако «курсивные» клейма, опубликованные Д. Б. Шеловым, содержат лишь два элемента — имя эпонима и название месяца. Это обстоятельство наводит на мысль, что должны существовать и «курсивные» клейма фабрикантской категории, иначе трудно себе представить, чтобы одна ручка родосской амфоры была помечена обыкновенным штампом, а другая — курсивным. Такое предположение уже высказывалось И. Б. Брашинским, когда он сослался на одно клеймо с именем фабриканта Дора из раскопок Мирмекия 1957 г. [46] В настоящее время фабрикантских клейм с курсивным шрифтом значительно больше, что дает основание говорить более убедительно о существовании курсивных клейм с именами фабрикантов [47]. Учитывая данное обстоятельство, можно предполагать, что эпонимные и фабрикантские клейма, выполненные курсивным шрифтом, вполне могут принадлежать одной амфоре и тем самым дать некоторые сочетания личных имен. Однако до тех пор, пока не будет более убедительных атрибуций для установления пар личных имен по курсивному шрифту, выводы всегда будут предварительными.

Итак, изложенное выше позволяет заключить, что твердое установление родосских пар возможно при условии, если имена эпонимов и фабрикантов помечены на ручках целой амфоры или на сохранившихся верхних ее частях, а также, если имя эпонима и фабриканта обозначены вместе в поле одного клейма. Что же касается других приемов, по которым возможно устанавливать хронологически сочетаемые пары личных имен, то они должны быть пока приняты как предполагаемые, но близкие по времени.

Выше мы уже отмечали, что написание данной статьи обусловлено рядом обстоятельств, выделяя при этом некоторые из них, как например, возможность установления хронологизации группы фабрикантских штампов, а также общей хронологической классификации родосских амфорных клейм в целом. Последняя еще четко не разработана и не имеет твердых хронологических групп с надежно установленными границами во времени.

В этой связи следует отметить, что общая хронология родосских клейм была установлена еще Б. Н. Граковым, определившим хронологические рамки клеймения этого центра с 331 по 40 г. до н. э. [48] Значительно позднее к аналогичным выводам пришла и В. Грейс, относящая начало родосского клеймения к последней четверти IV в. до н. э., а его конец — к I в. до н. э.[49] Она предложила тогда следующую датировку хронологических групп: I группа — конец IV — начало III в. до н. э.; II группа — около 280—220 гг. до н. э.; III группа — 220—180 гг. до н. э.; IV группа — 180—150 гг. до н. э.; V группа — вторая половина II в. до н. э.; VI группа — начало I в. до н. э. Несколько позже Грейс изменила хронологические рамки I группы — они были расширены до середины III в. до н. э. [50]. До последнего времени все исследователи придерживались этой хронологии. Однако совсем недавно Грейс и Савватьяну-Петропулаку предложили новую хронологическую классификацию родосских керамических клейм и, в частности, внесли следующие изменения и уточ-

[45] *Д. Б. Шелов.* Керамические клейма из раскопок Фанагории, стр. 145, рис. 3, *1, 2, 3.*

[46] *И. Б. Брашинский.* Ук. соч., стр. 301.

[47] *Ю. С. Бадальянц.* Ук. соч., стр. 61 сл.

[48] *Б. Н. Граков.* Клейменая керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Архив ИА АН СССР, № 538, стр. 28.

[49] *V. Grace.* The Eponyms Named on Rhodian Amphora Stamps. Hesperia, XXII, 1953, p. 118.

[50] *V. Grace.* PNYX: Stamped Wine Jar Fragments. Hesperia, XXXII, 1956, стр. 140.

нили: 1 — конечной датой 1 группы авторы считают 275 г. до н. э.; 2—III группа соответствует 210—175 гг. до н. э.; 3—IV группа начинается около 108 г. до н. э. и продолжается примерно до 76—75 гг. до н. э.; 4 — авторами добавлена VII группа, которая датируется временем после 80 г. до н. э. и вплоть до конца клеймения родосских сосудов, т. е. третьей четвертью I в. до н. э.[51] Не останавливаясь на оценке новой хронологической классификации, отметим, что пока отсутствуют твердые хронологические группы для родосских амфорных клейм с надежно установленными границами во времени.

В связи с этим и приобретает весьма важное практическое значение установление родосских амфорных пар. Учитывая хронологически практику клеймения амфор на Родосе, мы насчитываем 290—300 имен эпонимов. В настоящее время имена родосских эпонимов в общем-то известны и датировка большинства из них определена. Трудность заключается лишь в установлении их хронологической последовательности, ибо эпоним на Родосе избирался ежегодно.

Немного сложнее обстоит дело с установлением хронологии фабрикантской категории клейм. Фабрикант практически мог изготовить свои амфоры в течение 20—25 лет. Таким образом, фабрикант или группа фабрикантов могли работать при жречествовании нескольких эпонимов. Поэтому, установив пару личных имен, мы тем самым устанавливаем хронологию деятельности того или иного фабриканта, предварительно зная, к какой хронологической группе относится имя эпонима, сочетаемое в паре с именем фабриканта. Хронологизация фабрикантской категории клейм в дальнейшем, несомненно, поможет исследователям решить одну из сложнейших проблем экономической истории Родоса эпохи эллинизма, проблему интенсивности производства амфор на острове, а соответственно, и вина и вывоза его в различные периоды.

Со временем выхода в свет работы В. Грейс прошло уже более сорока лет. За это время многое было пересмотрено, а также появилось значительное число новых сочетаний имен. Учитывая вышесказанное, мы собрали воедино все имеющиеся в настоящее время сочетания имен родосских эпонимов и фабрикантов, опубликованные как в советской, так и в зарубежной историко-археологической литературе. Все приводимые ниже соотношения даются в хронологическом порядке и в русской транскрипции. Сначала указываются родосские амфорные пары, которые твердо зафиксированы, затем сочетания имен эпонимов и фабрикантов как предполагаемые, но очень близкие по времени. В приводимом ниже списке по хронологическим группам сначала указываются эпонимы, а затем фабриканты.

I группа (конец IV в.— 275 г. до н. э.): **Аглокрит** — Зенон I, **Микита**; **Агрий** — Эфрон, Бойск, Агесикл I; **Аретакл** — Дионисий; **Аристократ I** — Ион; **Булагор** — Эфрон; **Эксакест** — Зенон I; **Эвклес** — Потамокл, Дамоник, Геротел; **Эвфранорид** — Аксий; **Калликрат I** — Геротел Зенон I; **Лисандр** — Сотас; **Ксенарет I** — Потамокл; **Павсаний I** — Геротел Зенон I; **Пидхиад** — Аксий; **Полиарат** — Микита; **Стенел** — Аксий; **Тимоклид** — Геротел; **Филин** — Аксий, Агесикл I; **Филонид** — Геротел[52].

---

[51] *V. Grace et M. Savvatianou-Pétropoulakou.* Op. cit., p. 277—382.

[52] *V. Grace.* Stamped Wine Jar Fragments in Smace Objects from the Pnyx: Hesperia, Suppl. X, 1956, p. 139—141, № 70—74; *Idem.* Agora, p. 222, № 21—22; *Idem.* Tarsus, p. 135, note 2, p. 139, № 1—2, tabl. 114, *1, 2*; *Idem.* Timbres amphoriques trouves à Delos. BCH, LXXVI, 1952, p. 524, note 1, p. 535, № 14—16; p. 536, № 17; *Idem.* The Eponyms Named..., p. 119, note 10, tabl. 42, *1a, 1b*; *Idem.* Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula, p. 324, 1 (a — b), 333, № 3, 4, 6, p. 328, note 20; *M. Nilsson.* Op. cit., p. 526, № 815; *E. M. Pridik.* Zu den rhodischen..., S. 320, 321; AO – 1973, ср. 103–105; Dacia, XIII, 1959, p. 228; IOSPE III; *В. В. Шкорпил.* Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901—1902 гг. ИАК, XI, стр. 100, № 419; *Д. Б. Шелов.* МИА, 57, 1956, стр. 148.

Что касается предполагаемых сочетаний, то выше мы уже говорили о парах клейм фабриканта Геротела с клеймами различных эпонимов[53].

II группа (275—220 гг. до н. э.): **Гармосил** — Протим; **Тарсипол** — Агесил; **Трасидам** — Тимоклид; **Иасикрат** — Агесил; **Ксен** — Эпигон; **Ксеностратт** — Эпигон, Диск I; **Митион** — Менекрат I; **Павсаний I** — Дамоник; **Симюлин** — Эпигон; **Содам** — Сократ, Клейсимбротид, Дий; **Состратт II** — Агоранакс, Сократ[54].

К предполагаемой паре относится одно сочетание: **Гармосил** — Пасион[55].

III группа (220—180 гг. до н. э.): **Агемах** — Аристон, Дамократ I; **Агестратт II** — Афродисий, Агатокл; **Атанодот** — Аминта, Антимах; **Энесидам II** — Олимп; **Аратофан I** — Аристокл, Аретакл, Агоранакс; **Аристид II** — Менекрат II, Наний; **Аристодам** — Иасон I, Наний, Гиппократ, Тиас, Каллий; **Аристон** — Гермон, Дий, Аминта, Аристипол; **Архидам** — Иасон I, Аристокл; **Архилаид** — Аристокл, Аминта, Дамокл; **Архократ** — Арист I, Доким; **Дамокл** — Марсий; **Дионисий** — Гиерон; **Доркилид** — Анполонид, Аристион; **Эвдам** — Менодор I; **Теайдет** — Гиппократ, Арист I; **Тестор** — Дий, Аристид; **Гиерон I** — Диск II, Сократ, Антигон; **Калликрат II** — Дий; Сотерид; **Калликратид II** — Иасон I; **Клевкрат** — Атанодот, Зенон II; **Клеоним** — Арист I; **Кратид** — Диск II, Агоранакс, Антигон; **Никасагор I** — Дамократ I, Лин; **Ксенофан** — Диск II, Сократ, Филайний; **Ксенофонт II** — Гиппократ, Симий, Диск II; **Ксенофон** — Аминта; **Писистрат** — Марсий; **Пратофан** — Диск II, Филайний, Дамократ I, Истр, Антимах; **Тимасагор** — Арист I, Филократ I; **Филайний** — Агатокл; **Филодам** — Арист I, Аристон, Филайний, Дамократ I[56].

К предполагаемым соответствиям относятся следующие пары: **Аратофан I** — Гиппократ; **Аристомбратид (I)** — Аристокл; **Аристократ** (II) — Аристокл, Дамократ (I), Гиппократ; **Аристорат** — Гиппократ; **Аристон** — Аристокл, Дамократ (I), Гиппократ; **Автократ** — Гиппократ; **Эвдам** — Аристокл, Гиппократ; **Гиерон (I)** — Гиппократ, Дамофил (I), Лисикл; **Герагор** — Аристокл, Дамофил (I); **Калликратид II** — Дамократ I; **Клеомброт** — Гиппократ; **Лафейд** — Аристокл, Дамофил (I); **Менон** — Гиппократ; **Ксенарет (II)** — Гиппократ; **Павсаний (II)** — Аристокл, Дамократ (I), Гиппократ; **Писистрат** — Агесикл (II); **Симмах** — Дамократ (I)[57].

---

[53] *V. Grace.* Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula, p. 324, note 12.

[54] *F. Bleckmann.* De inscriptionibus quae leguntur..., p. 32, № 14—15; *E. M. Pridik.* Zu den rhodischen..., S. 320; *V. Grace.* Tarsus..., p. 135; note 2, p. 140; note 15; *Idem.* Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula, p. 324, note 12; p. 326, note 16; p. 334, № 8 (*a, b*); *Idem.* Agora..., p. 225, № 38; *Idem.* Pnyx, p. 143, № 143; p. 144, № 110; *V. Grace, M. Savvatianou-Petropoulakou*, p. 302—303, comm. E3, E4, E5; Samaria, p. 311; Ath. Mitt., XXIII, 1898, p. 233; *H. Goldman.* Excavation at Güzlü-Kule, Tarsus I. Prinseton, 1950, p. 135, 138—139, fig. 114, № 5, 6; *H. Thompson.* Two Centuries of Hellenistic Pottery, Hesperia, III, 1934.

[55] *F. Bleckmann.* Zu den rhodischen eponymen Heliospriestern, S. 250; *M. Nilsson.* Op. cit., p. 154.

[56] *F. Bleckmann.* De inscriptionibus, p. 31, № 2—3, 5—8; p. 32, № 18—20, 24—25; p. 33, № 31—32, 34—37; *Idem.* Zu den rhodischen eponymen..., S. 250, 251, № 1; p. 254, 255, № 106, 115; *J. Pâris.* Op. cit., p. 311, 325; *E. M. Pridik.* Zu den rhodischen..., S. 319—320, 322, 331; *C. Schuchhardt,* Op. cit., p. 425; Ath. Mitt., XXIII, 1898, p. 232—233; ABC, IV, I, LXXIX, A — 6; *I. H. Hall.* Op. cit., p. 390, № 5041; p. 395, № 5042; *A. Dumont.* RA, 1873, p. 319, 320; № 10, 80; *V. Canarache.* Importul Amforelor Stampilate la Istria. Bucharesti, 1957, p. 222—223; *A. Maiuri.* Una Fabbrica di Anfore Rodie. Annuario della Regia Scuola Archeologica di Atene, IV—V, 1921, 1922 (Bergamo, 1924), p. 255, 257—258, 264, 268; *V. Grace.* Tarsus, p. 135, note 2; p. 140—141, 145, № 73; *Idem.* Rhodian Jars in Florida, p. 146; *Idem.* Agora, p. 229; № 53; *Idem.* Notes on the Amphoras from the Koroni..., p. 334, № 9; *Idem.* Pnyx, p. 143—144; *V. Grace, M. Savvatianou-Pétropoulakou.* Op. cit., p. 304, E11; p. 306, E15; *Е. М. Придик.* ЭК, 1917, стр. 1, рис. 1; стр. 30, № 738; *Д. Б. Шелов.* Некрополь Танаиса, МИА, 98, 1961, стр. 55, 56; *его же.* Керамические клейма из Танаиса, стр. 40, № 54; стр. 43, № 68; стр. 64, № 168.

[57] *Д. Б. Шелов.* Керамические клейма из раскопок Фанагории, стр. 137—139, № 7, 14, 23; *Леви.* Ук. соч., стр. 236; *Ю. С. Бадальянц.* Ук. соч., стр. 52, 53; *V. Grace et M. Savvatianou-Pétropoulakou.* Op. cit., p. 295, 296.

IV группа (180—150 гг. до н. э.); **Алексимах** — Антимах, Манес, Эвклейт; **Астимед II** — Эвклейт; **Автократ** — Имас, **Гермай; Дамайнет** — Имас, Менест; **Герагор** — Харитон; **Евфранор II** — Атос; **Павсаний III** — Эпикрат, Гефастион, Имас, Нисий; **Питодор** — Исидор, Диоклейя, **Тевмнаст; Сосикл** — Онасиойк; **Тимодик** — Сосил; **Тимуррод** — Имас, Гермий [58].

К предполагаемым сочетаниям можно отнести следующие пары: **Автократ** — Тевмнаст; **Эвдам** — Тевмнаст; **Тимодик** — Аристокл [59].

V группа (150—108 гг. до н. э.): **Эсхин** — Менестрат, Бостор, Сосикл; **Алексиад** — Диоклейя, Мидас, Драконтид; **Андрий** — Агатобул, Иасон II; **Андроник** — Агатобул; **Аристак** — Агатобул, Драконтид, Эвклейт; **Аристарх** — Агатобул, Драконтид; **Аристоген** — Мидас; **Аристомбратид** — Менестрат, Полиарат; **Архемброт I** — Агатобул, Драконтид; **Архибий** — Менестрат, Филостефан; **Астимед III** — Агатобул; **Гестий** — Менестрат; **Эванор** — Менестрат, Атос; **Терсандр** — Агатобул; **Гиерон II** — Агатобул; **Клеонстрат** — Главкий; **Леонтид** — Анаксипид, Аполл ...; **Никасагор II** — Агатобул, Агесипп, Евфранор [60].

К предполагаемым сочетаниям относятся следующие пары имен; **Аристокл** — Мидас; **Клеонстрат** — Дамофил (II), Мидас, Евфранор; **Полиарат (II)** — Дамофил (II), Тимотей; **Тимокл (II)** — Герокл [61].

VI группа (108 г.— первая половина I в. до н. э.): **Антипатр** — Дамократ II; **Аполлоний** — Дор; **Аратофан II** — Эйренай; **Аристомах II** — Аристофан, Стефан; **Аристомен** — Филипп; **Аристоном** — Филостефан; **Аристопол** — Менестрат, Филостефан, Сотар; **Архемброт II** — Менандр; **Бакхий** — Эпикрат; **Дамократ II** — Никий; **Эхебул** — Аратей; **Иасон** — Аратей; **Ликон** — Стюракс, **Никомах** — Никарх, Дор; **Файнил** — Герокл; **Хрисаор** — Филостефан [62].

К предполагаемым сочетаниям относятся следующие пары имен: **Аганакс** — Филостефан; **Эсхин** — Филостефан; **Аристомбротид** (I) — Филостефан; **Аристомах II** — Кассандр, Стратон, Филипп; **Даматрий** — Менодор II; **Эхебул** — Герокл, Дамократ II; **Никомах** — Гермайск [63].

---

[58] *E. M. Pridik.* Zu den rhodischen..., 321, 331; S. 321, 331; IOSPE III, 574; *Д. Б. Шелов.* Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955—1957). В кн.: «Древности Нижнего Дона». МИА, 127, 1965, стр. 56—129; *F. Bleckmann.* De inscriptionibus, p. 32, № 12, 13, 19, 20, 22, 28; *его же.* Zu den rhodischen..., S. 250; *M.-Th. Lenger.* Timbres amphoriques trouves a Argos. BCH. LXXIX, 1955, p. 488, № 3; *A. Berthier.* RA, 87, 1943, p. 28; *V. Grace.* Agora, p. 302, 4, 4; *ее же.* RHODIAN Jars in Florida..., p. 145; *V. Grace et M. Savvatianou-Pétropoulakou.* Op. cit., p. 304, E7, E10; p. 305, E12, E13; *V. Canarache.* Op. cit., p. 377; *I. H. Hall.* Op. cit., p. 390, № 5067; *J. Delorme.* Identification et chronologie des palestres de Delos, RA, 6-e serie, vol. 29—30, 1948, p. 257, № 4; *A. Fairbanks.* Museum of Fine Arts, Boston, Catalogue of Greek and Etruscan Vases, I, Boston, 1928, p. 65, tabl. XVIII, *238*; *C. H. McFadden.* A Tomb of the Necropolis of Ayios Ermoyenis at Kourion, AJA, 1946, p. 449—489.

[59] *Д. Б. Шелов.* Керамические клейма из раскопок Фанагории, стр. 138, № 19; *его же.* Керамические клейма из Танаиса, стр. 103, 104, № 363.

[60] *J. Pâris.* Op. cit., p. 322, 323; Nessana, I, табл. XXXIX, p. 114, № 1; *A. Berthier.* Op. cit., p. 26, 27; Ольвия, 1946 (раскопки ЛОИА, без №); *Шкорпил.* Ук. соч., стр. 91, № 387А; Порфмий, 1973, № 480 (раскопки ЛОИА); Samaria, p. 311; Dacia, XIII, 1969, p. 263, № 1143; *A. Dumont.* Op. cit., p. 320, 163 и 73; *A. Maiuri.* Op. cit., p. 268, 269; *I. H. Hall.* Op. cit., p. 392, № 5040, 5058; *F. Bleckmann.* De inscriptionibus..., p. 32, № 23, 26; *idem.* Zu den rhodischen..., S. 250—253; *E. M. Pridik.* Zu den rhodischen..., S. 309, 319, 320, 325; *V. Grace et M. Savvatianou-Pétropoulakou.* Op. cit., p. 306, E15, E17; p. 315, E40; p. 316, E45.

[61] *V. Grace et M. Savvatianou-Pétropoulakou.* Op. cit., p. 316, E45; p. 308, E24; Harvard Excavations at Samaria, I, p. 31, № 9, 70; *Д. Б. Шелов.* Дополнительные клейма..., стр. 668.

[62] *V. Grace et M. Savvatianou-Pétropoulakou.* Op. cit., p. 307, E18; p. 309, E24; p. 311, E30; p. 312, E33; p. 313, E34; p. 314, E39; p. 315, E40, E41; p. 316, E42; *F. Bleckmann.* Zu den rhodischen..., S. 253; *M. Nilsson.* Op. cit., p. 388, № 105 (2); p. 530, № 1; Nessana, I, p. 117, № 11; *J. Pâris.* Op. cit., p. 322/323; *I. H. Hall.* Op. cit., p. 395, № 5047; *V. Grace.* Delos, 1952, p. 537, № 24 (*a, b*); *idem.* The Eponyms Named on Rhodian..., p. 126, № 115; p. 127, № 171.

[63] *J. Mertens.* Marques d'amphores. В кн. *F. De Visscher, F. De Ruyt, J. Laet, I. Mertens.* Les fouilles d'alba Fucens (Italie Centrale) de 1951 à 1953 (3-e partie), L'anti-

Кроме вышеприведенных родосских амфорных пар имеются и такие, которые относятся к VII группе, выделенной недавно В. Грейс [64]. Однако мы склонны считать, что эта хронологическая группа более приемлема для книдских амфор, чем родосских. Такой точки зрения придерживаются и другие исследователи [65]. Поэтому такие пары, как эпоним Герокл и фабриканты Клено и До, должны, по-видимому, относиться к поздней VI группе как предполагаемые сочетания. Другие пары имен, как-то: **Аристофан** — Менофил [66]; **Евкратид** — Мойрих [67]; **Гераклит** — Тимасикрат [68] и **Молпагор** — Александр [69], нами не определены хронологически и оставлены для дальнейшего изучения.

Таким образом, в настоящее время насчитывается 163 пары личных имен. Эти сочетания охватывают 110 имен-эпонимов и 116 имен фабрикантов. Из общего числа сочетаний 112 родосских пар являются твердо определенными. Остальные 51 сочетание, хотя и выделены нами как предполагаемые, однако, по времени очень близки и по всем признакам при дальнейшем их изучении должны будут войти в группу твердых соответствий.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что накопление нового археологического материала непременно откроет перед исследователями более широкие возможности для детальной разработки тех или иных еще не решенных вопросов родосской керамической эпиграфики и, в частности, хронологической классификации родосских амфорных клейм.

You. S. Badaliantz

LA CONCORDANCE CHRONOLOGIQUE DES NOMS D'EPONYMES ET DE FABRICANTS SUR LES AMPHORES DE RHODES

Résumé

Le présent article est consacré à la publication des noms propres, concordant chronologiquement, d'éponymes et de fabricants, qui figurent sur les anses des amphores de Rhodes. Tenant compte de l'importance et de la nécessité d'une telle étude en vue de son utilisation pratique par les archéologues, les historiens et autres spécialistes, l'auteur a fait tout son possible pour réunir presque toutes les «paires» d'amphores rhodiennes qu'on possède à l'heure actuelle. Dans l'article sont donnés et tout 163 noms conjoints d'éponymes et de fabricants de Rhodes. De ce nombre total de «paires», 112 noms conjoints sont donnés comme bien déterminés; les 51 autres sont inclus dans la liste comme supposés, mais sont sans doute très proches chronologiquement.

Tous les noms d'éponymes et de fabricants que nous publions, c'est-à-dire ceux formant les «paires» synchroniques des amphores rhodiennes, sont répartis en six groupes chronologiques dans la classification courante. Pour chaque groupe de «paires» synchroniques, il est donné une remarque générale où est indiqué la source dont sont tirés les noms conjoints.

---

quité Classique, XXIV, 1955, p. 51—119, № 8, 10, 15, 18, 19; *V. Grace et M. Savvatianou-Pétropoulakou.* Op. cit., p. 308, E22; p. 309, E24; p. 310, E25; p. 312, E33; p. 314, E37; p. 317, E46.

[64] Ibidem, p. 277.

[65] *Д. Б. Шелов.* Керамические клейма из Танаиса, стр. 19.

[66] *J. Pâris.* Op. cit., p. 326.

[67] *V. Grace.* Delos, p. 524, note 1.

[68] *E. M. Pridik.* Zu den rhodischen, S. 320.

[69] *A. Berg.* Die Insel Rhodus. Braunschweig, 1862, S. 47.

Ю. Н. ВОРОНОВ

ГИЕНОС

К числу наиболее значительных из известных античных поселений Абхазии помимо Эшерского городища [1] относится поселение, большинством исследователей [2] соотносимое с упоминаемым в античных источниках Гиеносом [3]. Хотя изучение этого поселения велось около 40 лет назад, материалы памятника, за исключением трех десятков предметов [4], до сих пор фактически не были опубликованы. Целью настоящей работы является восполнение этого пробела и желание отдать должное памяти и заслугам Льва Николаевича Соловьева, одного из первых исследователей Гиеноса.

Условия работы 1935—1936 гг. не позволили участникам экспедиции (Б. А. Куфтин, М. М. Иващенко, Л. Н. Соловьев) провести систематические исследования городища. Удалось лишь заложить 35 траншей-шурфов (общей площадью до 500 $м^2$) в западной части поселения, а также

---

[1] *Ю. Н. Воронов.* Об Эшерском городище. СА, 1972, 1, стр. 103—121.

[2] *Ф. Дюбуа де Монпере.* Путешествие вокруг Кавказа. ТИАК, VI, 1937, стр. 160; *П. К. Услар.* Древнейшие сказания о Кавказе. ЗКОИРГО, XII, 1881, стр. 461; *В. И. Чернявский.* Ответ на замечания А. Н. Введенского по поводу моей записки «О памятниках Западного Закавказья» и дополнения. Тр. V АС в Тифлисе. М., 1881, стр. 257; *В. И. Стражев.* Руинная Абхазия. ИАНО, I, 1925, стр. 163; *Д. И. Гулиа.* История Абхазии. I. Тифлис, 1925, стр. 162, 163; *М. М. Иващенко.* Античное селище вблизи Очамчири (б-ка ИИАЭ АН Грузинской ССР, архив М. М. Иващенко, № 16, 16а, стр. 157, 158); *Л. Н. Соловьев.* Диоскурия — Себастополис — Цхум. ТАГМ, I, 1947, стр. 110, 111; *Н. Ю. Ломоури.* Из исторической географии древней Колхиды. ВДИ, 1957, 4, стр. 102, 103; *Н. Н. Матиашвили.* Керамика Очамчирского античного поселения. Тезисы докладов научной конференции аспирантов и молодых научных сотрудников ИИАЭ АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1968, стр. 28; *М. П. Инадзе.* Причерноморские города Колхиды, Тбилиси, 1969, стр. 123—125; *Д. Д. Качарава.* Город Гиенос в античную эпоху. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР (археологические секции). Тбилиси, 1971, стр. 34—38; *ее же.* К истории Гиеноса в V—IV вв. до н. э. Тезисы докладов научной конференции аспирантов и молодых научных сотрудников ИИАЭ АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1971; *ее же.* О хронологии и топографии поселения античного времени у г. Очамчира. САНГ, 62, 1971, 3, стр. 753—755; *ее же.* Город Гиенос в античную эпоху (к истории городов Восточного Причерноморья). Автореф. канд. дис., Тбилиси, 1972.

[3] Впервые Гиенос — «полис эллинский» упоминает Псевдо-Скилак (fr. 81) в IV в. до н. э. Вероятно, тот же пункт имеют в виду и другие античные авторы, локализующие в этом районе топоним Кианеос (Ptol., Geogr., V, 9, 2), Пиэнос и Тиэнос (Steph. Bis., Eth.). Некоторые исследователи (*О. Д. Лордкипанидзе.* Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966, стр. 55; *Д. Д. Качарава.* Город Гиенос..., автореф. канд. дис., стр. 5) полагают, что и упоминаемый Помпонием Мелой (De chor., I, III) город Кикнос является вариантом названия Гиенос. Однако в этом случае следует видеть лишь вариант названия города Кигн, упоминаемого Плинием Секундом (NH, VI, 13, 14) в Центральной Колхиде (*М. П. Инадзе.* Ук. соч., стр. 124).

[4] *Л. Н. Соловьев.* Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии. ТАИ, XV, 1939, рис. 1, 2; *его же.* Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчири. ТАГМ, I, 1947, рис. 5, 6; *его же.* Селище с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. СА, XIV, 1950, рис. 8, *9*; *Б. А. Куфтин.* Материалы к археологии Колхиды, II. Тбилиси, 1950, табл. 71, *1—6*; 73, *1—6*; *О. Д. Лордкипанидзе.* Ук. соч., табл. XIX, *1, 3*; XX, *1*; XXXII; *Ю. Н. Воронов.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, стр. 65, табл. XXVI, *16*; XXVIII, *1, 2, 4, 6, 10, 13, 15, 17, 18, 21—23, 26.*

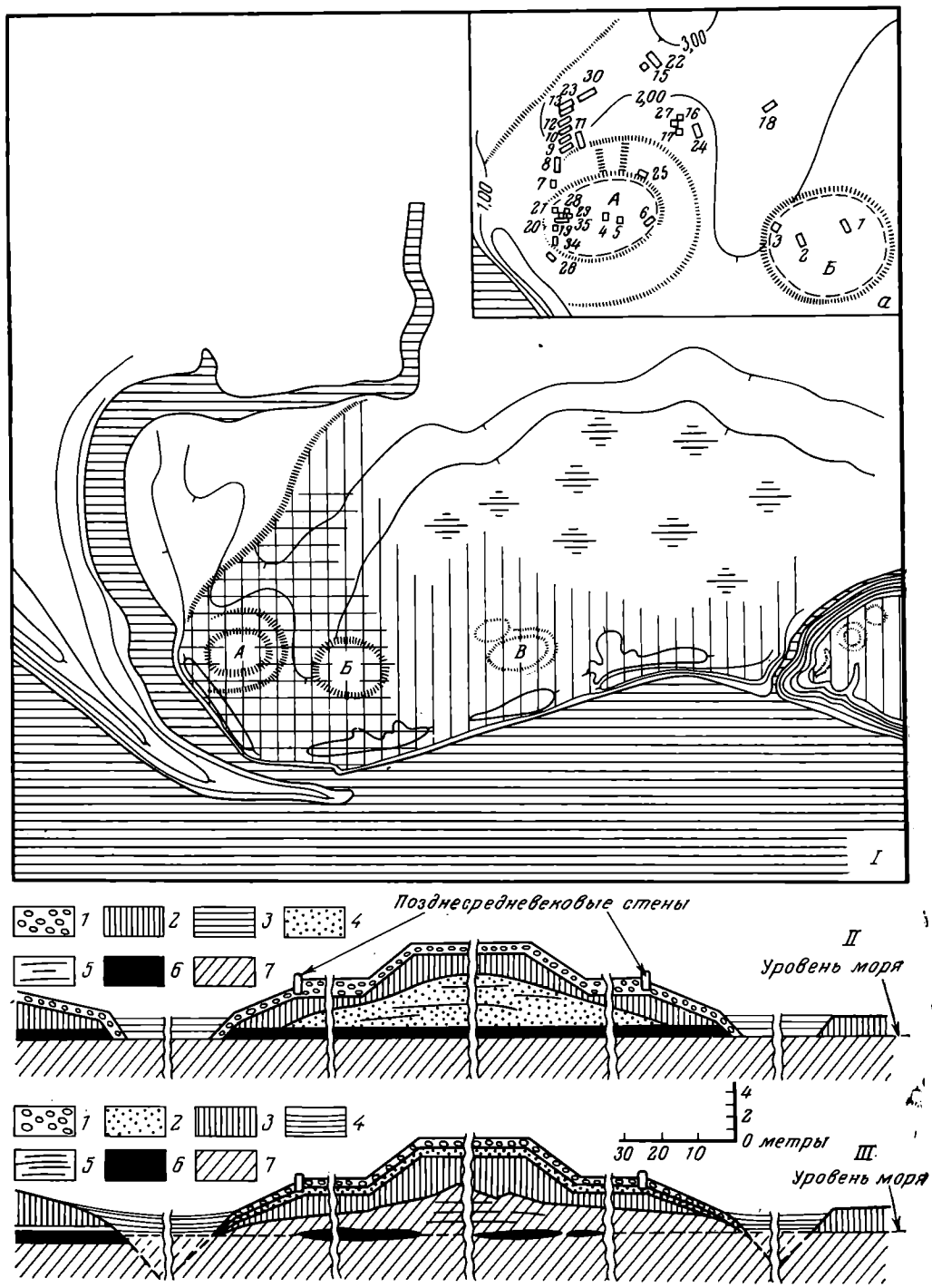


Рис. 1. Общий план городища Гиеноса. I, *а* — размещение раскопов 1935—1936 гг. на территории Гиеноса; II — разрез холма А, по Б. А. Куфтину; III — разрез холма А, по Л. Н. Соловьеву

провести сбор подъемного материала на других его участках. В результате собран достаточно яркий материал, характеризующий как топографию и стратиграфию поселения, так и его экономический, культурный и социальный облик.

Топография и стратиграфия Гиеноса получила довольно широкое освещение в литературе [5]. Поселение простиралось вдоль берега моря к вос-

[5] *Л. Н. Соловьев.* Энеолитическое селище..., стр. 5—24, табл. XII; *Б. А. Куфтин.* Ук. соч., стр. 270, 271.

току от устья р. Джикумур (Чанаквара) примерно на 1 *км* и вдоль левого берега этой реки на 0,5 *км* (рис. 1). В западной его части слой античного времени подстилался остатками поселения, относящегося к концу III — началу II тысячелетия до н. э. В позднем средневековье эта местность снова была обжита, о чем свидетельствуют многочисленные керамические фрагменты, а также остатки архитектурных, главным образом фортификационных, сооружений и обжигательной печи. На территории поселения можно выделить по меньшей мере три искусственные насыпи, окруженные рвами. Их происхождение обычно связывается с деятельностью населения Гиеноса в V—III вв. до н. э.[6]

Структурно холмы Б и В практически не изучены. Поэтому основное внимание при характеристике Гиеноса уделяется холму А. По данным Л. Н. Соловьева[7], в нем прослеживаются следующие слои (снизу вверх): а — синевато-серые глины (рис. 1, III—*7*), верхний горизонт которых образован отложениями «энеолитического» поселения (рис. 1, III—*6*), поверх которого Л. Н. Соловьев в центре холма отметил насыпь из той же глины, имеющую внутри и поверх себя прослойки с чернолаковой и прочей раннеантичной посудой (рис. 1, III—*5*); б — сероватo-желтый суглинок, в котором отмечаются прослойки как с «энеолитической», так и с античной посудой (рис. 1, III—*3*); в — буровато-серый суглинок с находками позднеримского времени (рис. 1, III — *2*); г — культурный слой феодального времени (рис. 1, III—*1*); д — темно-серый суглинок рва (рис. 1, III—*4*). При этом Л. Н. Соловьев датировал насыпь из синей глины в центре холма и первоначальный ров серединой V в. до н. э., связав его с первым мероприятием греков по благоустройству местности, а вторичную насыпь холма из желтого суглинка и углубление рва отнес ко второй половине IV — началу III в. до н. э. Далее Л. Н. Соловьев отмечает, что «чернолаковая посуда встречается лишь в насыпи холма отдельными фрагментами, а на его поверхности самый нижний слой принадлежит позднеримскому (?) времени». Этот факт наряду с присутствием в той же вторичной насыпи правильных культурных прослоек с туземной посудой «энеолитического» облика Л. Н. Соловьев справедливо квалифицирует как «загадочный»[8].

Несколько иную, более логичную, картину развития холма А дает Б. А. Куфтин[9]: а — слой синих глин (серо-голубой илистый слой), залегающий ниже уровня моря (рис. 1, II—*7*); б — серый суглинок (рис. 1, II—*4*), к которому тяготеет «энеолитический» слой (рис. 1, II—*5, 6*)[10]; в — стерильный (без культурных остатков) слой бурых (буровато-желтых) суглинков (рис. 1, II—*2*) толщиной до 1,4 *м*, перекрывающий «энеолитическое» поселение, но сложившийся в догреческую эпоху; г — желтый суглинок, образующий заполнение рва в античное время (рис. 1, II—*3*); д — верхний культурный слой с камнями (рис. 1, II—*1*), к которому тяготеют все находки античного и феодального времени.

Д. Д. Качарава, основываясь на сопоставлении данных из дневников М. М. Иващенко и Л. Н. Соловьева, в основном склонилась к схеме последнего, уточнив ее замечанием, что «западный холм подсыпался постепенно» и по крайней мере в два этапа, которые исследовательница датирует концом V и первой половиной IV в. до н. э.[11]

---

[6] *Л. Н. Соловьев.* Энеолитическое селище..., стр. 20; *Д. Д. Качарава.* Город Гиенос..., автореф. канд. дис., стр. 13.

[7] *Л. Н. Соловьев.* Энеолитическое селище..., стр. 15—24, табл. XII.

[8] Там же, стр. 23.

[9] *Б. А. Куфтин.* Ук. соч., рис. 75.

[10] Отмечая в тексте, что ядро западного холма сложено из серого суглинка, Б. А. Куфтин на схеме вместо него показал синие глины (*Б. А. Куфтин.* Ук. соч., стр. 271, рис. 75).

[11] *Д. Д. Качарава.* Ук. соч., стр. 14.

Все эти достаточно серьезные противоречия в трактовке истории возникновения холма А заставляют пока с осторожностью относиться к выводам об обстоятельствах образования холмов в Гиеносе.

Древнейшие материалы античного Гиеноса включают обломки хиосских амфор конца VI—V в. до н. э. (рис. 2, *1—3, 6, 8*) [12], протофасосских амфор V в. до н. э. (рис. 2, *7*) [13]. К V—IV вв. до н. э. могут быть отнесены и фрагменты амфор неизвестного центра (рис. 2, *5*), светлоглиняных чаш (рис. 2, *9*) [14], фасосских (?) лекифов (рис. 2, *10*) [15] и открытых светильников (рис. 2, *11*) со следами черного лака. Согласно любезному сообщению И. Д. Марченко, ею во время изучения материалов Гиеноса среди них был выделен фрагмент дна коринфского лутерия конца VI в. до н. э. Следовательно, появление первых греческих поселенцев в Гиеносе должно быть отнесено ко времени не позднее конца VI — начала V в. до н. э. [16]

Поскольку в Гиеносе отсутствуют находки, свидетельствующие о наличии слоя, непосредственно предшествовавшего этой дате [17], в то время как на раннем этапе существования поселения в его материалах абсолютно преобладает импортный материал [18], а в соответствующих слоях холма А обнаружены скопления раковин устриц и мидий [19], то наиболее обоснованным следует считать вывод, что рассматриваемое поселение своим возникновением обязано грекам [20] или, иначе говоря, тем закономерностям, которые обусловили греческую колонизацию Колхидского побережья. С этим полностью согласуется и замечание Псевдо-Скилака (fr. 81).

Первые греческие поселенцы обосновались вдоль восточных берегов небольшой, но удобной для стоянки судов лиманной бухты у устья р. Джикумур (холм А и площадь к северу от него). От жилищ сохранились лишь фрагменты глиняной обмазки, что дает основание представ-

---

[12] *И. Б. Зеест.* Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, табл. III—IV, *11*.

[13] Там же, табл. V, *15*.

[14] *И. Б. Зеест, И. Д. Марченко.* Некоторые типы толстостенной керамики из Пантикапея. МИА, 103, 1962, стр. 151, рис. 2, *6*.

[15] *О. Д. Лордкипанидзе.* Античный мир..., табл. XXII, *2*.

[16] Обычно основание Гиеноса относили к середине V в. до н. э. (*Д. Д. Качарава.* Ук. соч., стр. 13). М. П. Инадзе связывает начало экономического расцвета Гиеноса с действиями в Понте Перикла во второй четверти V в. до н. э. (*М. П. Инадзе.* Ук. соч., стр. 200).

[17] Исключением мог бы быть фрагмент сосуда с отпечатками ткани (рис. 6, *1*). Однако этот обломок лишен обычного для других предметов коллекции Гиеноса инвентарного номера и скорее всего должен быть отнесен к материалам из поселения солеваров, расположенного восточнее (*Л. Н. Соловьев.* Следы..., табл. I—II). В последнее время высказана мысль, что эти сосуды использовались при производстве железа (*А. Рамишвили.* Древние стоянки песчаных дюн в Пичвнари. Сб. «Памятники Юго-Западной Грузии», I. Тбилиси, 1964, стр. 27; *Д. А. Хахутайшвили.* К истории древнеколхской металлургии железа. КБС, IV, 1973, стр. 173, 174). Однако следует отметить что рыхлость и плохой обжиг этой посуды исключает возможность использования ее в качестве вместилищ для сбора и транспортировки магнетитового песка. Вместе с тем следует отметить, что ни одного случая размещения железоплавильных печей в непосредственной близости от стоянок с такой керамикой не отмечено (*Д. А. Хахутайшвили.* Ук. соч., стр. 174), в то время как тезис о ее принадлежности к солеварному промыслу был в свое время достаточно убедительно обоснован (см. *K. Riecht.* Die Formsalzproduktion der vorgeschichtlichen Salzsiedestätten Europas, Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte, Bd 44, Halle (Saale). 1960, S. 208—210, и другие работы того же автора).

[18] *Д. Д. Качарава.* Город Гиенос..., автореф. канд. дис., стр. 17.

[19] Там же, стр. 20.

[20] Д. Д. Качарава при этом пытается доказать «ведущую роль местного элемента» в возникновении Гиеноса (*Д. Д. Качарава.* Ук. соч., стр. 11, 12, 31, 32), утверждая, что последний возник «на базе» ряда местных поселений и ссылаясь на клады бронзовых вещей и находки «текстильной» керамики в районе Очамчиры (там же, стр. 11, 12). Однако отсутствие географической связи между всеми этими поселениями, продолжавшими, кстати, самостоятельно развиваться и в античный период, должно исключать всякую мысль о возможности их воздействия на характер возникновения античного поселения на берегу Джикумура.

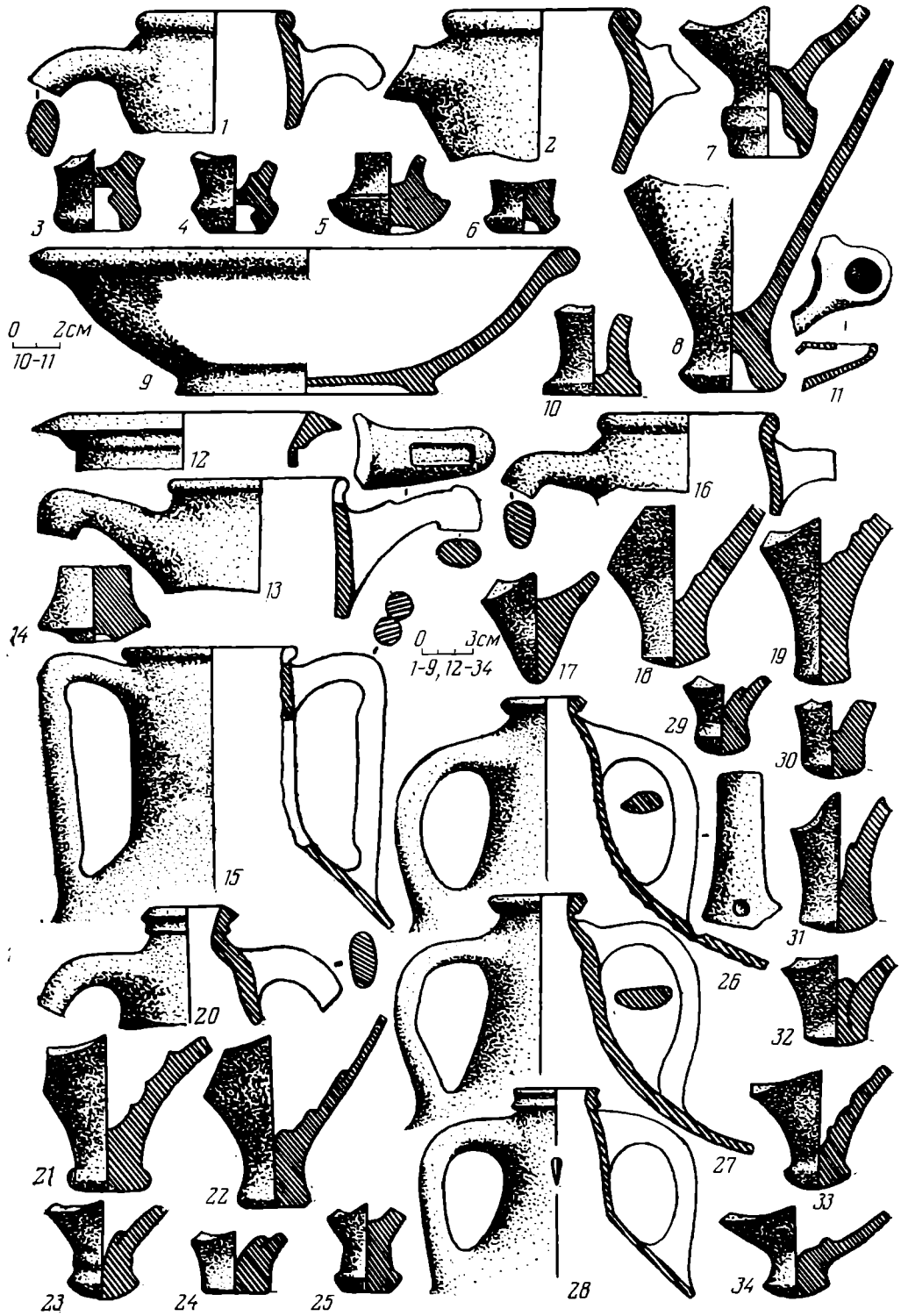


Рис. 2. Гиенос. Материалы конца VI—V в. до н. э. (*1—11*) и IV—I вв. до н. э.

лять античный Гиенос как скопление деревянных сооружений [21], часть которых в IV—I вв. покрывалась черепицей. Поселенцы первоначально пользовались почти исключительно привозными изделиями, не имея еще, по-видимому, собственной достаточно сильной ремесленной базы. Следовательно, на раннем этапе существования Гиеноса здесь значительную роль играла торговля, позволявшая снабжать его поселенцев и окружающее местное население привозными ремесленными изделиями [22]. Площадь поселения этого времени не превышала 2—2,5 *га*. Контакты с местным этническим элементом способствовали первоначальному ограниченному проникновению его на поселение, о чем говорят находки керамической тары и других изделий, датировать которые временем древнее IV—III вв. до н. э. пока затруднительно [23]. Поскольку территория древнейшего расселения греков в Гиеносе охватывала не только холм А, но и территорию севернее и, следовательно, не была выделена никакими защитными сооружениями, в то время как заболоченный ров к северу от холма перекрывался гатями, есть все основания думать, что отношения с туземцами с самого начала были не столь агрессивными, как это предполагается [24].

На следующем этапе своего существования (IV — I вв. до н. э.) Гиенос занимает значительную территорию (до 10—15 *га*). Культурные остатки этого времени фиксируются уже не только вдоль левого берега Джикумура — они прослежены на холме Б, а также по кромке берега моря далеко к востоку (рис. 1, I). Этнический облик поселения становится достаточно пестрым; в частности, его расширение к востоку, по-видимому, осуществляется главным образом за счет местного этнического элемента, в значительной мере уже эллинизированного. В западной же части поселения греки по-прежнему сохраняют свою индивидуальность (о чем свидетельствуют предметы быта, раковины моллюсков и т. д.). Это довольно значительный самостоятельный торгово-ремесленный центр с собственной сельскохозяйственной территорией.

В коллекции импортных изделий Гиеноса IV—I вв. до н. э. особенно многочисленны фрагменты амфор типа Солоха — I—IV в. до н. э. (рис. 2, *12*) [25], с рюмкообразной ножкой IV—III вв. до н. э. (рис. 2, *14*) [26], синопских IV—II вв. до н. э. (рис. 2, *16—19*) [27], косских III — II вв. до н. э. (рис. 2, *15*) [28], родосских III—II вв. до н. э. (рис. 2, *13*) [29] и др. Толстостенная привозная посуда Гиеноса представлена обломками синопских лутериев IV—III вв. до н. э. (рис. 3, *10, 11*) [30] и чаш (рис. 3, *8, 9*).

Чернолаковая посуда в V—IV вв. до н. э. завозилась в Гиенос преимущественно из Афин. Позже, в III—II вв., сюда поступают изделия и из других, главным образом малоазийских и островных (Делос и др.)

---

[21] *Д. Д. Качарава.* Ук. соч., стр. 16. Интересно в этом отношении выявление во рву к северу от холма А серии необработанных досок длиной до 1 *м* и толщиной от 3 до 8 *см*, отколотых с дубового ствола и заостренных с одной стороны. Ряд таких вертикально вбитых досок прослежен поперек рва и рассматривается как гать античного времени (*Л. Н. Соловьев.* Энеолитическое селище..., стр. 19). В 30 *м* западнее были обнаружены следы другой гати на вертикально стоящих столбах с поперечными перекладинами.

[22] *Л. Н. Соловьев.* Диоскурия..., стр. 111; *Д. Д. Качарава.* Город Гиенос..., автореф. канд. дис., стр. 32.

[23] *Д. Д. Качарава.* Ук. соч., стр. 18, 24.

[24] *Л. Н. Соловьев.* Диоскурия..., стр. 125.

[25] *И. Б. Зеест.* Керамическая тара Боспора, табл. XV, 32 *в, г*.

[26] Там же, стр. 88, 89, табл. X—XII, 24 *а*.

[27] Там же, табл. XIII—XIV.

[28] Там же, табл. XXIV, *51*.

[29] Там же, табл. XXIII, *49*. Относительно овального сечения ручек этих амфор — признака, характеризующего и родосскую продукцию Гиеноса, И. Б. Зеест пишет, что «овальная форма последних составляет редкое исключение и, вероятно, относится к тому периоду, когда стандарт керамической тары не был вполне установлен» (*И. Б. Зеест.* Ук. соч., стр. 104).

[30] *И. Б. Зеест, И. Д. Марченко.* Ук. соч., стр. 158, 159, рс. 11, *1*.

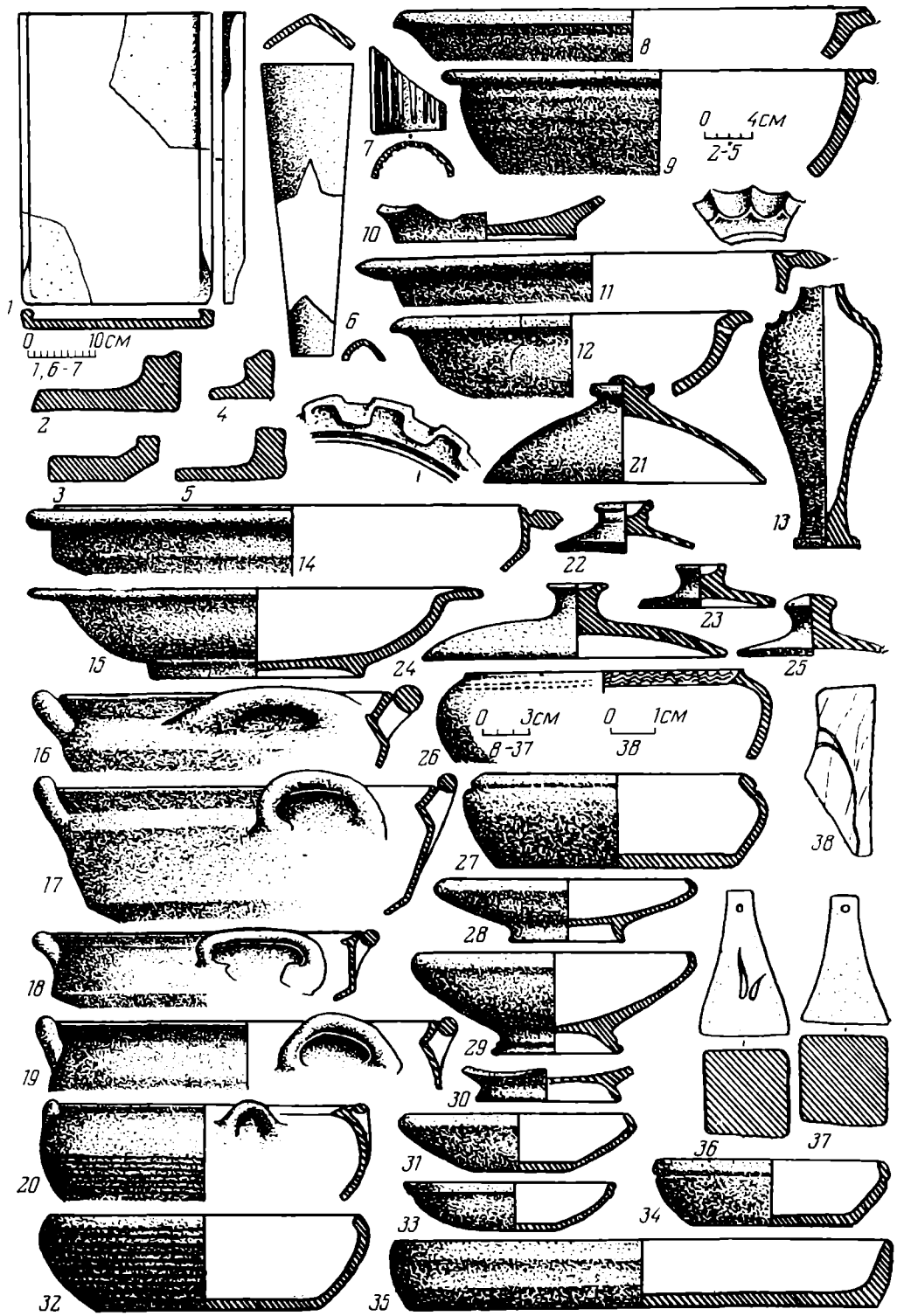


Рис. 3. Гпенос. Импортные и местные изделия IV—I вв. до н. э.

центров. В числе этих изделий выделяются котилы второй половины V—III в. до н. э. (рис. 4, *14, 20—22*) [31], килики IV—III вв. до н. э. (рис. 4, *1*) [32], простые и сетчатые лекифы IV в. до н. э. (рис. 4, *8*—

[31] *Д. Д. Качарава.* Ук. соч., стр. 14, 15.
[32] *О. Д. Лордкипанидзе.* Античный мир..., табл. XIX, *1*; XX, *1*.

Рис. 4. Гиенос. Импортные изделия IV—I вв. до н. э.

10) [33], пелики с каннелированным туловом (рис. 4, *3*) [34], чаши с гладкой поверхностью (рис. 4, *7*, *11*) и рельефные II в. до н. э.

[33] Там же, табл. XIX, *3*.

[34] *Н. А. Онайко.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. САИ, Д1—27, М., 1970, табл. X, *717*. Этот сосуд из Гиеноса впервые был мною опубликован как канфаровидный (*Ю. Н. Воронов.* Археологическая карта..., табл. XXVIII, *23*).

(рис. 4, *25, 26*) [35], рыбные блюда (рис. 4, *15, 17*), крышки (рис. 4, *16*), тарелки (рис. 4, *18, 19*) и другие изделия (рис. 4, *2, 4—6, 12, 13*). Часть этой посуды несет на себе следы огня. Сосуды из тонкоотмученной светлой (рис. 4, *27, 31, 32, 34;* 3, *13*) или грифельно-серой (рис. 4, *28*) глины могли также иметь чернолаковое покрытие, позже утраченное. Довольно много фрагментов изделий последних веков до нашей эры с буролаковым (рис. 4, *23, 24, 29, 30, 33*) и краснолаковым покрытием.

Из других привозных изделий следует упомянуть черепицу синопского производства, включающую обломки керамики и калиптеров IV—III вв. до н. э. (рис. 3, *2, 3, 5—7*) [36], и фрагмент костяной пластинки с изображением (рис. 3, *38*) [37].

Подобно тому, как это в последнее время прослежено на ряде крупных поселений Колхиды античного времени — Вани, Эшера и др. [38] —, в материалах Гиеноса IV—I вв. до н. э. четко выделяется продукция мастерских, специализировавшихся на производстве изделий античного облика из местных материалов. К продукции этих мастерских следует относить амфоры (рис. 2, *20—34*) [39], лутерии (рис. 3, *14*), тарелки (рис. 3, *15*), кастрюли (рис. 3, *16—20, 26, 30*) [40], чаши (рис. 3, *12, 28, 29*), миски (рис. 3, *27, 31—34*) сковороды (рис. 3, *35*) [41], крышки (рис. 3, *21—25*) [42], пирамидальные грузила для ткацкого станка (рис. 3, *36, 37*) [43], черепицу (рис. 3, *1, 4*) [44] и др. Все эти изделия изготовлены из местной глины коричневого обжига с примесями песка, слюды и довольно часто (рис. 2, *20, 21, 23, 33;* 3, *17, 35*) пироксеновидных частичек.

Продукция местного ремесленного производства греков [45], в первую очередь керамика (амфоры, лутерии, кастрюли, сковороды, грузила для ткацкого станка, черепица и др.), служила как для удовлетворения потребностей внутри поселения, так и наряду с привозными изделиями распространялась путем обмена на сельскохозяйственные продукты и другие товары далеко за пределами городища, достигая предгорий (Атара и др.) и горных районов (Арасадзых и др.).

---

[35] *Д. Б. Шелов.* Находки в Танаисе «мегарских» чаш. Сб. «Античные древности Подонья — Приазовья». М., 1969, табл. II, *2*.

[36] *Ю. Н. Воронов.* Об Эшерском городище, стр. 114, 116, рис. 2, 5, 6.

[37] Л. Н. Соловьев в связи с этим упоминает «мелкие осколки... поделки из кости, украшенной растительным орнаментом; на одном из фрагментов этого предмета было выцарапано изображение воина в греческом шлеме со щитом... фрагменты этого предмета встречались в разных частях завала» (*Л. Н. Соловьев.* Энеолитическое селище..., стр. 20).

[38] *Ю. Н. Воронов.* Об Эшерском городище, стр. 110, 112, 113; *Н. Н. Матиашвили.* Местная керамика эллинистической эпохи из Вани. МАГК, V, 1973, стр. 52—70.

[39] Форма дна и характер глины большинства изделий этой группы находит ближайшие аналогии в материалах Эшерского городища (*Ю. Н. Воронов.* Об Эшерском городище, рис. 4) и других поселений эллинистической Колхиды (*Г. А. Лордкипанидзе.* К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970, табл. XI, XII). То же относится и к приему оформления амфорных ручек одним или двумя пальцевыми вдавлениями у основания.

[40] *Ю. Н. Воронов.* Об Эшерском городище, стр. 114, рис. 7, *2, 5—10, 14*.

[41] Там же, стр. 114, рис. 7, *30—36*.

[42] Там же, стр. 114, рис. 7, *15*.

[43] Там же, стр. 116, рис. 2, *2, 3*.

[44] Там же, стр. 116, рис. 2, *7—10, 18, 19, 21*.

[45] Античная по форме посуда местного производства связывается мною с деятельностью в первую очередь мастеров-греков, что не исключает присутствия в производственных центрах греческих городов Колхиды и мастеров туземного происхождения, прошедших необходимый путь элинизации. В тех же мастерских могли изготавливаться и те изделия туземного облика (пифосы, кувшины, котлы, миски, блюда и т. д.), глина и качество обжига которых сближают их с местными античными изделиями вплоть до такого важного признака, как примесь пироксеновидных частиц. На этом фоне замечание Д. Д. Качарава, что в материалах Гиеноса «нет никаких следов хозяйственно-производительной деятельности греков-колонистов» (*Д. Д. Качарава.* Ук. соч., стр. 32), не может быть принято.

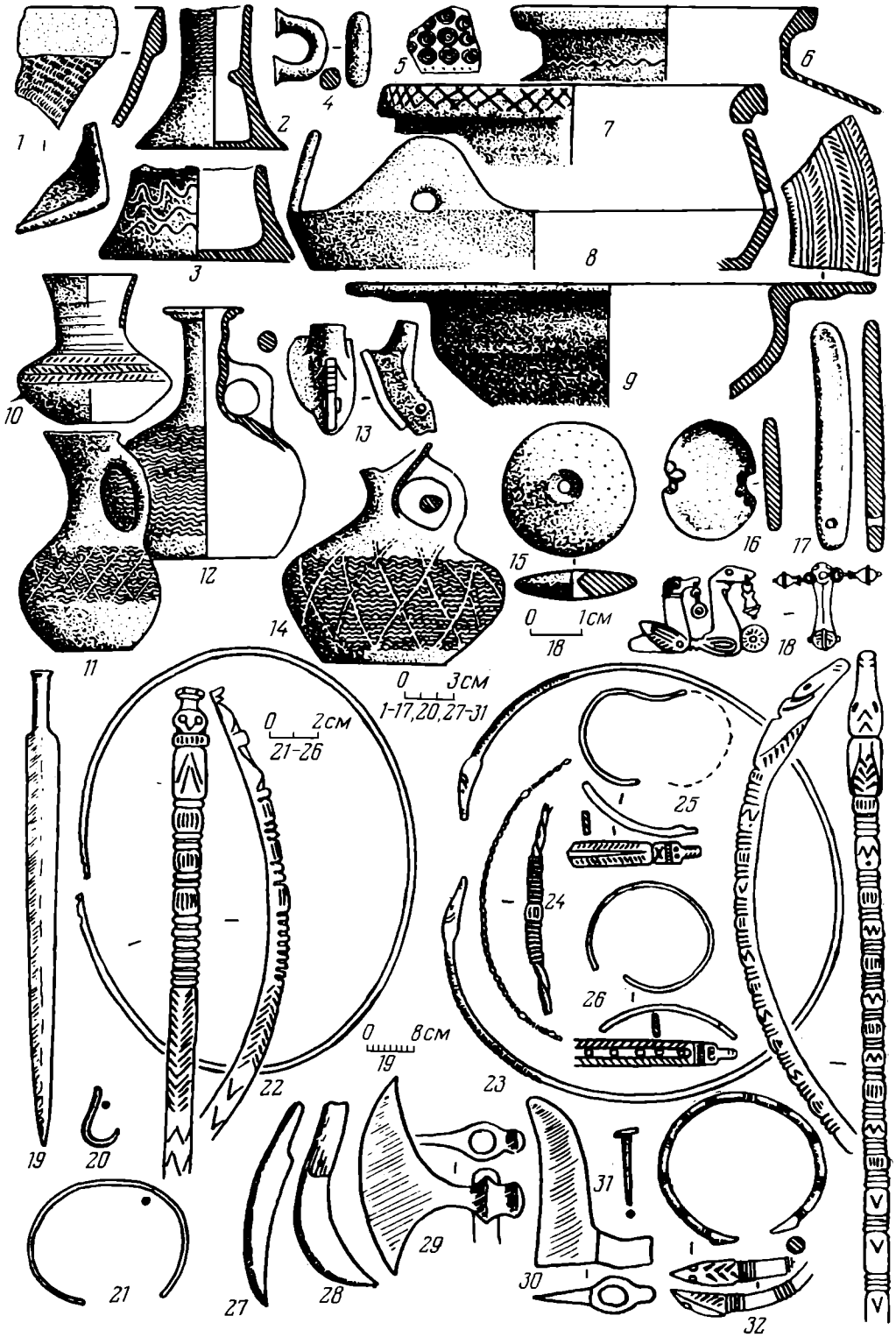


Рис. 5. Гиенос. Материалы из слоя и погребений IV—I вв. до н. э.

Керамические изделия, облик которых связывает их с продукцией аборигенного населения либо греческих мастеров, ориентировавшихся на местные вкусы, представлены пифосами (рис. 5, *6*, *7*) [46], кубковидными

[46] В глине отдельных фрагментов этих пифосов отмечена пироксеновидная примесь.

сосудами (рис. 5, *2—4*), блюдами (рис. 5, *5, 9*) кувшинами (рис. 5, *10—14*), сосудами с вертикальными ручками (рис. 5, *8*) и другими изделиями, имевшими широкое распространение в Колхиде в IV—I вв. до н. э.[47].

Отчасти с культурным слоем и частично с разрушенными на периферии поселения погребениями связаны различные металлические и каменные изделия, характеризующие материальную культуру главным образом местного этнического элемента. Это железные мечи (рис. 5, *19*), топоры (рис. 5, *29, 30*), ножи (рис. 5, *27, 28*), гвозди (рис. 5, *31*), бронзовые шейные гривны (рис. 5, *22, 23*), браслеты (рис. 5, *21, 25, 26, 32*)[48], рыболовный (?) крючок (рис. 5, *20*), золотое украшение в виде двух крылатых фигурок (рис. 5, *18*)[49], каменные грузила (рис. 5, *16*), оселки (рис. 5, *17*), пряслица (рис. 5, *15*) и другие предметы.

Необходимо отдельно остановиться на погребальных обрядах, прослеженных в раннеэллинистических слоях Гиеноса. Еще М. М. Иващенко попытался выделить здесь три погребальных комплекса. «Погребение 1», выявленное на северной периферии городища[50], включало вышеупомянутые бронзовые гривны и браслеты, железные серповидные ножи, топор, меч, оселок и керамическую посуду во фрагментах[51]. Следует отметить, что характер находки заставляет подозревать в этом случае не одно, а два-три разрозненных погребения[52], характеризовавших туземную часть населения Гиеноса. Интересно упоминание о находке кремаций в глиняной урне («Погребение 2»)[53], стоявшей вверх дном. Последнее обстоятельство связывает это погребение также с местным элементом[54]. Что касается фрагментов различной керамики, найденных около урны, то их не следует, как это пытаются сделать[55], включать в инвентарь погребения — они происходят из культурного слоя. Аналогично необходимо квалифицировать и «Погребение 3», выделенное М. М. Иващенко[56]. В этом случае перед нами опять-таки лишь перемешанный культурный слой с высокой насыщенностью фрагментами V—II вв. до н. э.[57] С рядом разрушенных погребений могут быть связаны отдельные сосуды, найденные на поселении в целом виде[58].

---

[47] *М. М. Трапш.* Древний Сухуми. Труды, II. Сухуми, 1969, табл. XXIX; *Ю. Н. Воронов.* Об Эшерском городище, стр. 114; *Д. Д. Качарава.* Город Гиенос..., автореф. канд. дис., стр. 24, 25.

[48] Д. Д. Качарава включает гривны Гиеноса в один тип, хотя здесь следует выделять два типа — гладкопроволочные с зооморфно оформленными концами (рис. 5, *22, 23*) и из витой проволоки с нечетным числом орнаментированных вздутий (рис. 5, *24*).

[49] Близкое украшение найдено в Вани в комплексе третьей четверти IV в. до н. э. (Вани, I, рис. 166).

[50] *Б. А. Куфтин.* Материалы..., II, стр. 270.

[51] *Д. Д. Качарава.* Ук. соч., стр. 21.

[52] Об этом говорит большое количество гривн и браслетов, отсутствие столь обязательных для воинских захоронений Колхиды наконечников копий и т. д.

[53] *Д. Д. Качарава.* Ук. соч., стр. 23.

[54] Отсутствие определенных сведений о форме урны, а также тот факт, что на рассматриваемой территории кремационные захоронения в урнах, опущенных в могилу вверх дном, получили распространение в позднеантичную эпоху (*И. А. Гзелишвили.* Остатки кремации, погребенные в глиняных сосудах в Абхазии. САНГ, VIII, *1—2,* 1947, стр. 94—96), культурный слой которой прослежен и в Гиеносе, припятствуют точному хронологическому определению этого захоронения.

[55] *Д. Д. Качарава.* Город Гиенос..., автореф. канд. дис., стр. 23.

[56] Там же, стр. 23, 24.

[57] Примером такого же ложнопогребального комплекса может служить скопление находок в траншее 26, где вместе с вышеупомянутым обломком костяной пластинки были найдены бронзовая гривна (рис. 5, *22*), бронзовые колокольчик и пластинка, обломки чернолаковой и буролаковой посуды. Однако условия этой находки заставили исследователей сделать справедливый вывод, что перед нами не погребение, а «мусор пожарища» (*Л. Н. Соловьев.* Энеолитическое селище..., стр. 20).

[58] *Б. А. Куфтин.* Материалы..., II, стр. 270.

Название Гиенос в малоизмененном виде сохранилось в этом пункте вплоть до XIX в. («Тгуанос», «Игуанас», «Ола-Гуана», «Дуана» и др.) [59]. Существование различных вариантов этого названия в античных источниках обычно объясняется тем, что древние авторы и их информаторы поразному могли воспринимать и передавать труднопроизносимый начальный слог какого-то местного топонима, заимствованного греками [60]. Этническое окружение Гиеноса в раннеантичный и эллинистический периоды, судя по всему, не отличалось от окружения других греческих поселений Северной и Центральной Колхиды. Псевдо-Скилак (fr. 81) связывает Диоскуриаду и Гиенос с территорией колхов. Однако в данном случае, как справедливо полагают, это название следует воспринимать не в этническом, а в географическом аспекте [61]. В то же время в ряде других источников (Аристотель, Помпоний Мела) определенно указывается, что Фасис и Диоскуриада были основаны греками «в земле гениохов» [62] во второй половине VI в. до н. э. [63] Данные Геродота (I, 104; III, 97) позволяют полагать, что и в V в. этнический состав населения на территории от Фасиса до Диоскуриады не менялся [64]. Следовательно, Гиенос был основан также в земле гениохов, с языком, а возможно, и с самим этнонимом которых должно быть связано его название. Отсутствие следов каких-либо этнических передвижений в Северной Колхиде в эллинистический период позволяет полагать, что этническое окружение Гиеноса не менялось вплоть до I в. до н. э.

Опустошения последующих двух веков все же, по-видимому, полностью не смогли уничтожить Гиенос [65]. Во всяком случае, в первые века нашей эры поселение вновь переживает определенный подъем, когда, судя по всему, здесь возникла небольшая стоянка римских судов. Об этом свидетельствуют довольно многочисленные привозные изделия, среди которых амфоры с желобчатыми венцами II—III вв. н. э. (рис. 6, *2—4*) [66], с конусовидными III—IV вв. н. э. (рис. 6, *5, 6*) [67] и иной формы (рис. 6, *8*) донъями, самосские IV—V вв. с желобчатым рифлением (рис. 6, *7*) [68], синопские позднеантичные [69], красноглиняные с расширяющимся книзу горлом IV—VI вв. н. э. (рис. 6, *1*) [70], фрагменты стеклянных стаканов IV—V вв. н. э. (рис. 6, *25*) [71] и рюмковидных сосудов VI—VII вв. н. э. К этому же слою относятся довольно многочисленные фрагменты краснолаковых тарелок IV—VI вв. н. э. (рис. 6, *14—16*) [72], лутериев (рис. 6, *9*) и кухонных горшков (рис. 6, *12, 13*), круглые кирпичи (рис. 6, *24*), связываемые с позднеримской

---

[59] *Д. Д. Качарава.* Ук. соч., стр. 6.

[60] *М. П. Инадзе.* Ук. соч., стр. 124.

[61] *Г. А. Меликишвили.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 62, 63; *З. В. Анчабадзе.* История и культура древней Абхазии. М., 1964, стр. 132, 133.

[62] *М. П. Инадзе.* Ук. соч., стр. 68.

[63] *В. Ф. Гайдукевич.* История античных городов Северного Причерноморья. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», I. М.— Л., 1955, стр. 29.

[64] *Г. А. Меликишвили.* Наименование города Фасиса и вопрос об этническом составе населения древней Колхиды. ВДИ, 1966, 1, стр. 86.

[65] Основной причиной угасания жизни в Гиеносе, как и в других восточнопричерноморских городах-колониях греков, следует считать события сорокалетней войны между Римом и Митридатом, приведшие к нарушению традиционных связей с метрополией (*М. П. Инадзе.* Причерноморские города..., стр. 235) и к последующей постепенной варваризации этих городов.

[66] *И. Б. Зеест.* Керамическая тара Боспора, табл. XXXIII, *80.*

[67] Там же, стр. 111, табл. XXIX, *70, 71.*

[68] Там же, стр. 119, табл. XXXVIII, *95.*

[69] *Д. Д. Качарава.* Город Гиенос..., автореф. канд. дис., стр. 30.

[70] *И. Б. Зеест.* Ук. соч., стр. 120, табл. XXXIX, *100.*

[71] *Ю. Н. Воронов.* К истории экономических связей Апсилии в IV—VII вв. (привозная стеклянная посуда из Цебельды). КСИА АН СССР, 138, 1973, стр. 76—78.

[72] *М. М. Трапш.* Культура Цебельдинских некрополей. Труды, III. Тбилиси, 1971, стр. 137, 138.

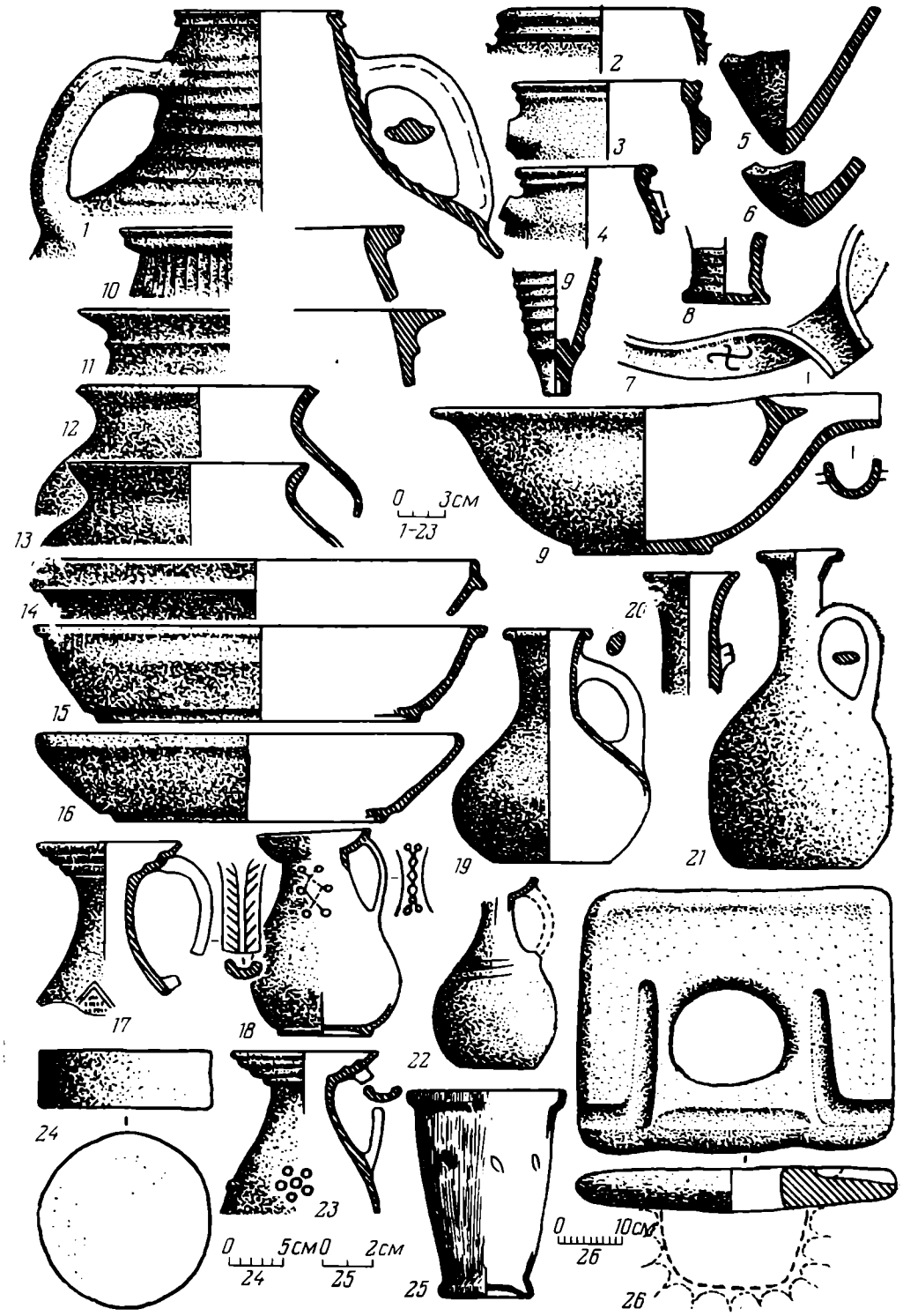


Рис. 6. Гиенос. Материалы слоев I—VII вв. н. э.

баней с гипокаустической системой отопления [73]. Специфические изделия, характеризующие материальную культуру древнеабхазского племени апсилов, представлены фрагментами пифосов IV—VI вв. (рис. 6, *10, 11*) [74], кувшинчиков рубежа нашей эры (рис. 6, *19*), IV—VI вв.

[73] *А. М. Апакидзе.* Города древней Грузии. Тбилиси, 1968 ,стр. 54—60.
[74] *М. М. Трапш.* Культура Цебельдинских некрополей, стр. 131, 132.

(рис. 6, *17, 18, 21—23*) [75] и VII в. (рис. 6, 20) [76]. С этим же слоем должна быть связана и песчаниковая плита с отверстием (рис. 6, *26*) [77].

Таким образом, даже самый сжатый анализ археологических материалов Гиеноса, несмотря на их отрывочность и скудность, позволяет не только набросать общую картину жизни этого сравнительно небольшого восточнопричерноморского античного городка, но и уточнить ряд моментов его почти тысячелетней истории, теснейшим образом связанной с основными вопросами, стоящими перед восточнопричерноморской античной археологией. Как и в случае с Эшерским городищем, эти материалы свидетельствуют в пользу того, что древнейшие города в Северо-Восточном Причерноморье являются несомненным продуктом греческой колонизации побережья [78]. Очень важно при этом наблюдение, что греки основывали здесь свои поселения не в качестве «кварталов» при местных населенных пунктах, а выбирали места хотя и вблизи от последних, но с вполне самостоятельным расположением. Эти прибрежные поселения греков очень скоро превращались в торгово-ремесленные и сельскохозяйственные центры, вокруг которых концентрировался местный этнический элемент, тем или иным способом вовлеченный в систему их производственной деятельности. Многие вопросы истории Гиеноса остаются открытыми, но и то, что сделано по его изучению, достаточно ярко подчеркивает специфику греческой колонизации Абхазского побережья Черного моря.

You. N. Voronov

GYENOS

Résumé

Une place importante parmi les antiquité du littoral oriental de la mer Noire est occupée par les pièces provenant de Gyenos, localité située au nord de la ville d'Omtchamtchir (Abkhasie méridionale), en partie étudiée en 1935-1936. Dans le présent article est publiée pour la première fois une très importante partie des collections provenant de Gyenos. En se basant sur ces documents on peut rapporter la fondation de cette localité à la fin du VIe début du Ve siècle av. n. ère, ce qui était lié à l'expansion colonisatrice des Grecs qui avaient tout d'abord installé à cet endroit une petite colonie, devenue rapidement dans le monde Antique un centre autonome de commerce et d'artisanat, possédant son propre territoire agricole. Au Ier s. av. n. ère, Gyenos traversa une crise, qui fut commune à toutes les villes grecques du littoral oriental de la mer Noire. Du IIIe au Ve s. de n. ère, il y avait ici, comme on le suppose, un port d'attache pour les navires romains. Du VIe au Ier s. av. n. è., l'environnement ethnique de Gyenos était formé par les anciennes tribus abkhazes des Gyenos, et au cours des premiers siècles de notre ère apparut à cet endroit une agglomération d'Apsiles, qui a existé jusqu'au VIe ou VIIe siècle.

---

[75] *Ю. Н. Воронов.* Археологическая карта..., стр. 65, табл. XXVI, *5—7, 16, 17.*

[76] Там же, табл. XXVI, *10, 15.*

[77] Об обстоятельствах находки этой плиты Л. Н. Соловьев сообщает следующее: «...говорят, что плита перекрывала небольшую яму, выложенную из валунов на известн, около были другие плиты», в том числе «плита с двумя отверстиями» (*Л. Н. Соловьев.* Энеолитическое селище..., стр. 41).

[78] *А. И. Болтунова.* Античные города Грузии и Армении. Сб. «Античный город». М., 1973, стр. 155.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

О РЕСКУПОРИДЕ ПЕРВОМ *

Уже давно в отечественной науке встал вопрос о том, кого следует считать Рескупоридом Первым: царя Аспурга (10/1—38 гг. н. э.) или Тиберия Юлия Рескупорида, сына Котиса I, правившего в 68—91/2 гг. н. э. Поводом для утверждения, что царь Аспург носил также имя Рескупорида, как известно, послужила монограмма ВАР на монетах этого царя. Это предположение, выдвинутое в 1884 г. П. Бурачковым [1], получило поддержку ряда исследователей, в том числе таких авторитетных, как А. Л. Бертье-Делагард [2] и А. Н. Зограф [3].

Э. Миннс в тексте своей монографии, отметив синхронность надписей с именем царя Аспурга и монет с монограммами ВАР, считал положение неясным [4]. В описаниях нумизматических таблиц он не упомянул имени Аспурга, приписав чеканенные им монеты царю ВАР [5].

В 1887 г. в противовес названным ученым А. В. Орешников решительно отверг возможность назвать царя бившего «монеты с монограммами ВАР Рескупоридом Первым, не имея в подтверждение никаких других данных, кроме монограмм» [6]. В 1890 г. В. В. Латышев [7] полностью присоединился к мнению А. В. Орешникова, отметив, что монограмма ВАР может содержать также имя Аспурга.

М. И. Ростовцев [8], обстоятельно исследовавший историю Боспорского государства во времена Аспурга, его предшественников и преемников, обходил молчанием вопрос о значении монограммы ВАР. Судя

---

* Статья подготовлена на основе материалов доклада, прочитанного на заседании сектора античной археологии ИА АН СССР, 1975 г. К выводам, очень близким нашим, пришла Н. А. Фролова при исследовании других источников (см. *Н. А. Фролова.* Медные монеты Котиса I как исторический источник. СА, 1976, 3).

[1] *П. Бурачков.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, ч. I. Одесса, 1884, стр. 237—239.

[2] *А. Л. Бертье-Делагард.* О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами. ЗООИД. т. XXIX, 1911, стр. 157, 161, 164 сл., 179 сл., 186, 188.

[3] *А. Н. Зограф.* Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 192, 196 сл.

[4] *E. Minns.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 596.

[5] *E. Minns.* Op. cit., pl. VII.

[6] *А. В. Орешников.* Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова. Вып. VII. Монеты Боспорского царства и древнегреческих городов, находящихся в пределах нынешней России. М., 1887, стр. 85 сл., 123.

[7] *B. Latyschev.* Brevis conspectus historiae regni Bosporani. Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini (IOSPE). Petropoli., 1890, II, p. XLI—XLII.

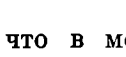
[8] *М. И. Ростовцев.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа.— Древности. Труды имп. Московского археологического общества. Том. XXV, 1916, стр. 17, 20 сл.

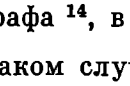
же по некоторым признакам, М. И. Ростовцев считал, что ранее Котиса I боспорские цари (сарматского периода) не носили фракийских имен [9]. Позднее М. И. Ростовцев совершенно отчетливо признал Рескупоридом Первым сына Котиса I [10].

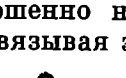
Однако, несмотря на высказанные возражения, Аспургу продолжали приписывать имя Рескупорида, как это видно по сравнительно недавно вышедшим работам [11].

Вопрос о наличии или отсутствии второго имени у Аспурга не является малозначительным, как это может показаться с первого взгляда. Решение его важно не только для уточнения времени появления фрако-язычных имен в династии Асандра — Аспурга, но отчасти для выяснения всего характера взаимоотношений Боспорского государства с Римской империей и Фракией во втором десятилетии I в. н. э.

Обращаясь непосредственно к существу вопроса, прежде всего отметим совершенную необычность его возникновения. Ведь, согласно всем доступным нам источникам, ни один из правителей Боспора не носил двух имен, что, по-видимому, ускользнуло от внимания сторонников двуименности Аспурга и во всяком случае не было предметом их рассмотрения. Остановимся теперь на главнейших аргументах, высказанных в пользу предположения П. Бурачкова.

Прежде всего утверждали, что в монограмме  гораздо легче прочитать имя Рескупорида, чем Аспурга, ссылаясь на «обыкновение» первую букву имени царя помещать в монограмме последней. Между тем давно известны монограммы, кончающиеся не на начальную букву имени царя, как, например, на монетах Рескупорида, сына Котиса [12], или Евпатора, сына Реметалка [13].

Согласно мнению А. Н. Зографа [14], в монограмме  трудно прочитать имя Аспурга. Но и в таком случае утверждение, что в букве Р кроется начало имени Рескупорида, остается совершенно необоснованным и произвольным.

Не выдерживают критики все попытки подкрепить мнение П. Бурачкова стремлением связать «принятие» Аспургом фракийского имени с началом золотой чеканки [15] или браком боспорского царя и фракийской принцессы Гепепирии [16]. Совершенно неправомерно говорить о начале золотой чеканки в 14 г. н. э., связывая это событие с появлением на боспорских статерах монограммы  . Как известно, с 9/8 гг. до н. э. золотые монеты чеканятся на Боспоре почти беспрерывно до 62 г. н. э.[17], причем за 20 с небольшим лет, до 14 г. н. э., монограммы на них менялись неоднократно. Что же касается брака Аспурга и фракиянки Гепепирии, то это событие и произошло около 20 г. н. э. Если даже соглашение о нем состоялось в 13—14 гг. н. э. [18], то вряд ли все это могло побудить боспорского царя принять второе имя; такой прецедент был

---

[9] *М. И. Ростовцев.* ИАК, вып. 10, 1904, стр. 15.
[10] *M. Rostovtzeff.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, p. 153, 156, 175.
[11] Корпус Боспорских надписей под ред. В. В. Струве и др. М.— Л., 1965, стр. 51, № 42, стр. 832 сл.; *V. F. Gajdukevič.* Das Bosporanische Reich. Berlin — Amsterdam, 1971, S. 338.
[12] *А. Н. Зограф.* Ук. соч., стр. 199.
[13] Там же, стр. 203.
[14] *А. Н. Зограф.* Ук. соч., стр. 192.
[15] *А. Л. Бертье-Делагард.* Ук. соч., стр. 188 сл.
[16] *V. F. Gajdukevič.* Op. cit., S. 338.
[17] *А. Н. Зограф.* Ук. соч., стр. 191—199.
[18] *М. И. Ростовцев.* Бронзовый бюст..., стр. 20, 21.

бы слишком необычен в династических историях Античного мира. Иное дело имя второго сына Аспурга — Котиса, вполне возможно, названного по деду.

Таким образом, до сего времени не было приведено ни одного весомого доказательства двуименности Аспурга вообще и наличия у него второго имени — Рескупорид в частности.

Обратимся теперь к политической обстановке, в которой приходилось существовать Боспорскому государству во втором десятилетии I в. н. э. Согласно вполне возможному предположению, опирающемуся на боспорские монограммы, Аспург мог прийти к власти в 10 г. н. э. [19] Поначалу, он, вероятно, принял титул архонта, следуя примеру своего отца Асандра.

В начале правления Аспурга Боспор находился в довольно сложных взаимоотношениях с Римской империей. Рим стремился держать под своим контролем особенно внешнюю политику Боспора, что вызывало подчас довольно резкое противодействие этого греко-варварского государства. Неоднократно навязывавшиеся Римом ставленники на боспорский престол не допускались к власти или свергались, в том или другом случае расплачиваясь жизнью за свои притязания (Митридат Пергамский [20], Полемон [21]).

К сожалению, мы не располагаем бесспорными свидетельствами о том, когда и при каких условиях началось правление Аспурга. Если он пришел к власти в 10 г. н. э., то перед ним в течение двух лет (8 и 9 гг. н. э.) во главе Боспора стоял правитель [22], чеканивший монету с монограммой (в дальнейшем будем его называть: правитель « »).

Полное отсутствие каких-либо сведений о правителе, наименование которого скрывается в монограмме , не позволяет сделать какие-либо решительные выводы. Однако ни характер монограммы , ни какие-либо иные свидетельства источников не наводят на мысль, что этот малоизвестный правитель был законным преемником Асандра или Динамии. Скорее всего это римский ставленник [23], подобно Митридату Пергамскому и Полемону или же политический авантюрист наподобие Скрибония. Кратковременность пребывания у власти правителя « » наводит на мысль, что его могла постигнуть судьба, подобная той, которая выпала на долю трех названных претендентов. Если это предположение справедливо, то началу правления Аспурга должна была предшествовать борьба за власть, как это произошло при приходе к власти Асандра. Если же допустить, что монограммы (на монетах 10—12 гг. н. э.) (на статерах 13 г. н. э.) [24] принадлежат не Аспургу, а двум другим правителям, то тогда неустойчивое смутное время растягивается примерно на шесть лет.

В пользу нашего предположения, что Аспург пришел к власти, преодолев немалое сопротивление, говорит весьма существенное доказательство, заключающееся в рескриптах этого царя, найденных в Горгип

---

[19] *М. И. Ростовцев.* Бронзовый бюст..., стр. 17, 20.
[20] *Caes.*, bel. Alex. 78; *Dio Cass.*, XLII, *48, 4.*
[21] *Strab.*, XI, 2, 11 (495); *Dio Cass.*, LIV, 24, 5—6.
[22] *А. Л. Бертье-Делагард.* Ук. соч., стр. 155, 156.
[23] *М. И. Ростовцев.* Бронзовый бюст..., стр. 20.
[24] *А. Л. Бертье-Делагард.* Ук. соч., стр. 156.

пии в 1962 г. [25]. Оба рескрипта датированы июнем 15 года н. э. Как в том, так и в другом Аспург титулуется Βασιλεὺς Ἀσποῦργος φιλορώμαιος. Последний термин равнозначен римскому amicus popoli romani. Это показывает, что Аспург получил царский титул на условиях, обычно выдвигавшихся Римом при переговорах с правителями значительно более слабых стран, чем империя. Аспург был вынужден принять обязательство подчинить свою внешнюю, а отчасти и внутреннюю политику римскому контролю.

В первом рескрипте Аспург изъявляет свою благосклонность горгиппиянам за их расположение к нему, проявленное во многих делах (ἔδο[ξε]ν ἐν πολ[λοῖς] μ[ὲ]ν πράγμασιν), и особенно за то, что они оставались полностью спокойными (ἐν πλείστῃι ἀτα[ραξίαι]) во время его путешествия в Рим. За эту благожелательность Аспург предоставил Горгиппии ряд льгот, о чем говорится во втором рескрипте.

Золотые монеты Аспурга показывают, что он получил царский титул в 14 г. н. э. [26], видимо, во время его пребывания в Риме. В названном году римскими императорами были сначала Август, а потом Тиберий. Можно предполагать, что у Аспурга установились особые отношения с Тиберием [27]. На это указывают имена всех боспорских царей, правивших с 45/6 до 278/9 г. н. э., т. е. с сына Аспурга — Котиса I [28] до Тейрана [29]. У всех их наподобие римских имен имеется praenomen и nomen — Τιβέριος Ἰούλιος, а в качестве cognomen служит собственное наименование царя. Эти более чем двухвековые повторения имени Тиберия побуждают думать об особых отношениях, о несколько более тесном контакте Рима с Боспором при этом императоре, чем прежде. В таком случае Аспург скорее всего получил царский титул в 14 г. н. э. от Тиберия, что произошло в самом начале правления этого императора. Император Август умер 19 августа 14 г. н. э. Вряд ли за четыре с небольшим месяца Аспург мог узнать о вступлении на престол Тиберия, прибыть в Рим, получить от нового императора царский титул, вернуться на Боспор и успеть выпустить первую серию своих царских монет, датированных 14 г. н. э. Поэтому нужно думать, что Аспург отбыл в Рим еще при жизни Августа, намереваясь получить от него царский титул. Возможно, болезнь (если только это была болезнь [30]) Августа задержала на некоторое время Аспурга, тем более что Ливия никого не допускала к императору. Да и вряд ли Тиберий смог принять Аспурга в ближайшее время после вступления на престол. Все сказанное наводит на мысль, что Аспурга несколько месяцев не было на Боспоре, вероятно, все лето (возможно, конец весны) и часть осени.

Во время отсутствия Аспурга на Боспоре произошли такие события, что только за лояльное отношение к нему горгиппиян им была выражена благодарность и предоставлены особые льготы. Сказанное побуждает думать, что в это время поднялась [31] большая волна движения против Аспурга, охватившая часть его государства; после возвращения из Рима новый боспорский царь подавил ее силой.

Однако нужно думать, что это была не первая смута, с которой пришлось считаться Аспургу. Весьма знаменательны упомянутые в первом рескрипте «многие дела», которые совершили горгиппияне из расположения к Аспургу. Судя по контексту, эти «многие дела» были свершены

---

[25] *Т. В. Блаватская.* Рескрипты царя Аспурга. СА, 1965, 2, стр. 197—209; *ее же.* Аспург и Боспор в 15 г. н. э. СА, 1965, 3, стр. 28—37.
[26] *А. Н. Зограф.* Ук. соч., стр. 196.
[27] *Т. В. Блаватская.* Рескрипты..., стр. 202, 203.
[28] IOSPE., IV, № 204.
[29] IOSPE., II, № 29.
[30] *Tacit.,* ann., I, 5; Suet., d. Aug., XCVII, 3, XCVIII, 5 et XCIX, 1.
[31] *Т. В. Блаватская.* Аспург и Боспор..., стр. 36, 37.

горгиппиянами еще до путешествия Аспурга в Рим, и, можно думать, не только в первой части 14 г. н. э., но и раньше. Какими были «дела» горгиппиян, мы можем только предполагать. Наиболее вероятно, они вместе с обитавшими по соседству аспургианами [32] были одним из оплотов Аспурга в борьбе за власть. Более того, не исключена возможность, что, так же как при сокрушении Полемона, аспургиане снова сыграли решающую роль при водворении Аспурга на отцовский престол.

Таковы, вероятно, были дела на Боспоре в первые годы второго десятилетия I в. н. э. Обратимся теперь к одному из близких соседей Боспора — Фракии, которая находилась у самых границ Римской империи и еще больше привлекала внимание Рима. В 13 г. н. э. [33] умер фракийский царь Реметалк I. Август разделил Фракию между братом умершего царя Рескупоридом и сыном Реметалка I Котисом. Уже в том, какими частями Фракии Август наделил [34] наследников умершего, сказалась бóльшая симпатия или, вернее, доверие к Котису, чем к Рескупориду. Котис получил ту часть страны, где преобладали возделанные земли и города; Рескупориду достался суровый, видимо горный, край, граничащий с территорией варваров. Весьма показательна и характеристика, которую дает Тацит [35] обоим правителям: Котис был смирным и мягким, т. е. склонным действовать в духе римской политики, а Рескупорид был суров, жаден и неуступчив, что позволяет думать и о некотором противодействии Риму. Попытки Рима добиться мирных взаимоотношений Рескупорида с Котисом путем разделения Фракии явно не увенчались успехом. Мирное сосуществование их, видимо, сохранялось недолго. Затем Рескупорид начал захватывать владения Котиса, применяя насилие в случаях сопротивления. В дальнейшем [36] Рескупорид, согласившись на примирение, обманом захватил и заключил в оковы Котиса. А когда Тиберий потребовал передать Котиса в Рим для выяснения фракийских дел, Рескупорид предпочел убить своего племянника. После этого убийства Рескупорид был смещен с престола римлянами [37], а через некоторое время и убит.

Конечно, все эти события продолжались несколько лет. Однако уже дележ наследства Реметалка I Августом показал нерасположение, если не недоверие римского правительства к Рескупориду. К тому же весьма сомнительно, чтобы неспокойный характер и в конечном счете антиримские настроения Рескупорида [38] не выявились бы к концу 14 г. н. э., а около этого времени началась чеканка монет с монограммой .

Поэтому весьма сомнительно, чтобы Тиберий или Август стали навязывать Аспургу имя Рескупорида. Также совсем невероятна столь плохая осведомленность Аспурга, чтобы он, стремясь установить хорошие отношения с Римской империей, только по своей инициативе решился принять имя Рескупорида фракийского. Такой шаг мог быть истолкован римским правительством как своего рода вызов. А если бы даже вопреки всему Аспург принял это имя, то навряд ли он сохранил бы его после того, как Рескупорид был лишен власти, а затем убит, что про-

---

[32] *Strab.*, XI, 2, 11 (495).

[33] *Th. Iwanow.* Die Thrakisch — römischen politischen Beziehungen am Vorabend der römischen Herrschaft in Thrakien — Studii Clasice III, 1961, S. 93.

[34] *Tacit.*, ann., II, 64.

[35] *Tacit.*, ann., II, 64.

[36] *Tacit.*, ann., II, 65.

[37] *Tacit.*, ann., II, 66—67.

[38] Возникает даже некоторое недоумение, почему ученые, пытающиеся приписать Аспургу второе имя, остановились именно на Рескупориде, а не хотя бы на Реметалке или Радамсадии.

изошло не позднее 19 г. н. э. Таким образом, внутреннее положение и на Боспоре, и во Фракии и их взаимоотношения с Римской империей в рассматриваемый период показывают, что у Аспурга не было никаких оснований принимать имя Рескупорида.

Еще до находки горгиппийских рескриптов в расположении исследователей имелось несколько лапидарных надписей боспорцев [39], неизменно именовавших своего царя Аспургом. В надписях, составленных от лица Котиса I [40], его отцом также назван Аспург. К приведенным достаточно надежным документам ныне прибавилось совершенно бесспорное свидетельство горгиппийских рескриптов 15 г., изданных от лица самого царя Аспурга. Совершенно невозможно, чтобы боспорский царь в официальных документах (рескриптах) называл себя Аспургом, а на монетах, чеканившихся от его имени, носил имя Рескупорида.

Попытку истолкования П. Бурачковым монограммы нужно решительно отвергнуть. Неуспешность ее, а равно и других построений, объясняется тем, что нумизматы оперировали лишь с небольшим числом только боспорских м о н о г р а м м. Как нам представляется, вопрос о значении неистолкованной монограммы может решаться лишь путем большого монографического исследования возможно большего числа монограмм не только на монетах из Припонтийских стран, но также и со всего Средиземноморья.

Возвращаясь снова к Боспору, отметим, что сын Котиса I, боспорский царь, правивший в 68—91/2 гг. н.э., является подлинным Рескупоридом Первым [41]. Так он именуется и в надежно датированных надписях [42] и синхронных монетах [43]. К Рескупориду Первому вполне убедительно отнесены статеры, чеканенные в период от 68 до 79 гг. н. э. [44], где титул и имя обозначены монограммой , а не в которой П. Бурачков вычитал имя Рескупорида (Аспурга).

Первая половина правления Рескупорида Первого проходила еще в довольно приниженном положении боспорского царя перед Римом. Видимо, на Боспоре тяжело сказалось зависимое положение его от Рима при Котисе I.

Однако уже к 80 г. н. э. Рескупорид Первый, видимо, добился немалого подъема авторитета боспорского царя в Риме, что не замедлило сказаться на легендах золотых статеров, чеканившихся с 80 г. н. э. [45] Этот несомненный успех Рескупорида Первого определил популярность его имени у последующих царей боспорской династии, а не призрачная двуименность Аспурга.

В заключение отметим, что порожденное П. Бурачковым длительное заблуждение ученых было связано с преувеличением роли фракийцев в истории Боспора и преуменьшением значения сарматов.

---

[39] IOSPE, II, № 36, 364; *В. Д. Блаватский.* Раскопки Пантикапея (1948 г.). КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 26—28; СА, XVII, 1953, стр. 175, 176.

[40] IOSPE, II, № 32, 37.

[41] *V. Latyschev.* Brevis conspectus..., p. XLVI; *В. В. Латышев.* Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1909 и 1910 годов. ИАК, вып. 37, 1910, стр. 70—72, № 7.

[42] Например, IOSPE, II, 52.

[43] *А. Н. Зограф.* Ук. соч., стр. 201, табл. XLVII, 1—2.

[44] *А. Н. Зограф.* Ук. соч., стр. 200.

[45] *А. Н. Зограф.* Ук. соч., стр. 201.

V. D. Blawatsky

A PROPOS DE RHESCUPORIS Ier

Résumé

P. Bouratchkov affirmait que dans le monogramme figurant sur les monnaies d'Aspurg était inclus le deuxième nom de ce roi: Rhescuporis. A. L. Berthier — Delagarde et A. N. Zograf soutenaient la même interprétation. A. V. Orechnikov, V. V. Latychev et M. I. Rostovtsev ne partageaient pas cette opinion; récemment, on s'est rangés à l'avis de P. Bouratchkov (n. 1—3, 11; n. 6, 7, 10). On doit souligner le côté inhabituel de cette question. Aucun souverain du Bospore, certes, ne portait deux noms. De plus, les arguments des partisans de la théorie selon laquelle Aspurg aurait eu deux noms, ne peuvent résister à la critique. Il est erroné d'affirmer que la dernière lettre d'un monogramme est toujours la lettre initiale du nom royal, et qu'Aspurg aurait pris un second nom (en 14 de n. è.) à l'occasion de son mariage avec une Thrace appelée Gepaipyris vers l'an 20 de n. ère (n. 12, 15, 16, 18). Non moins importante est la situation en Thrace en 13 de n. è., au moment où mourut le roi Rémétalk Ier. Il s'ensuivit le partage de la Thrace par Auguste entre Kotys et Rhescuporis, division qui montre que Rome faisait davantage confiance à Kotys. Pour sa conduite ultérieure, Kotys fut détrôné par Rome, et, plus tard, assassiné (n. 34—37). Il est invraisemblable qu'Aspurg ait ignoré l'attitude de Rome envers Rhescuporis, ou bien que, tout en la connaissant, il ait pris le nom de ce roi. L'épigraphie bosporienne n'a pas confirmé qu'Aspurg ait pris un second nom. Ceci est montré très nettement par deux rescrits d'Aspurg (découverts en 1962), adressés aux habitants de Gorgippia, en 15 de n. è., en témoignage de reconnaissance pour leur attitude loyale envers lui durant les troubles au Bospore (n. 25, 31, 39, 40). Le premier souverain ayant porté le nom de Rhescuporis est le fils de Kotys, qui régna au Bospore de 68 à 91 ou 92 de n. ère (n. 41—44). Cette erreur de longue durée est due en partie au fait qu'on exagère le rôle joué par les Thraces au Bospore, et qu'on sous-estime celui des Sarmates.

Д. Л. ТАЛИС

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА БАКЛИНСКОГО ГОРОДИЩА

Баклинское городище, расположенное на второй гряде Крымских гор, входит в группу городищ юго-западной Таврики, известных в литературе под названием «пещерные города». Сейчас, однако, уже ясно, что эти городища разновременны, а потому единый термин к ним неприложим. В равной мере достаточно случаен эпитет «пещерные», так как искусственно высеченные гроты или, в местном наименовании, пещеры свойственны не всем городищам. Что касается термина «города», то возможность его применения пока проблематична. Она, как известно, определяется наличием ряда социально-экономических условий, из которых важнейшее — наличие укрепления вокруг поселения, в котором ремесло достаточно отделилось от сельского хозяйства, либо такого, в котором доминирует транзитная торговля, либо того и другого вместе.

Одной из задач, которая стоит перед нашей экспедицией [1] при раскопках Баклинского городища, и является выяснение вопроса, приложимо ли понятие «город» к раскапываемому поселению или для социально-экономической характеристики его необходим другой термин. Раскопки городища еще далеко не окончены, поэтому исчерпывающего ответа на поставленный вопрос дать нельзя, однако в результате исследования уже получены материалы для решения некоторых более частных вопросов, касающихся ремесленного производства и экономических связей. В числе этих материалов существенное место принадлежит поливной керамике.

В анализе этой посуды можно в настоящее время привлекать, говоря о памятниках нашей страны, сравнительные материалы не только из многочисленных публикаций, но и из обобщающих работ, посвященных поливной посуде средневекового Крыма, Руси, Саркела, Армении, Азербайджана, Средней Азии. Среди этих работ особенно важны работы А. Л. Якобсона, посвященные средневековому Херсонесу, в которых впервые была установлена типология и хронология поливной импортной и местной посуды из раскопок этого города. В числе изданий поливной керамики из раскопок византийских городов на территории Греции и Малой Азии следует прежде всего назвать работы Райса, Моргана и Стивенсона. При этом для хронологии особенное значение имеет публикация Стивенсона, поскольку находки описываемых ими изделий из раскопок Большого дворца были сопряжены с довольно значительным количеством монет в каждом из слоев.

В основу классификации баклинской поливной керамики положен, как это обычно в анализе этого материала, не хронологический принцип, а технологические и стилистические различия в воспроизведении изображения и орнамента, а уже внутри групп, характеризуемых этими различиями, будут выделяться, когда это возможно, хронологические серии.

[1] Баклинское городище раскапывалось в 1961—1970 гг. экспедицией ГИМ, в 1971—1973 гг.— совместной экспедицией ГИМ и Уральского гос. ун-та.

Но прежде всего поливные изделия делятся — это тоже обычно — на два типа в соответствии с цветом черепка: красноглиняные и белоглиняные. Цвет черепка поливных изделий — важный хронологический и типологический признак [2].

Тип I. Белоглиняная керамика

На основе указанного принципа классификации внутри первого типа — белоглиняной керамики — выделяются следующие группы: I — сосуды с врезным орнаментом, II — сосуды со штампованными рельефными украшениями, III — сосуды с коричневыми мазками, IV — сосуды с полихромной росписью, V — сосуды с монохромной росписью, VI — сосуды с зелено-коричневой росписью, VII — неорнаментированная поливная посуда.

Группа I. Сосуды с врезным орнаментом. Группа представлена небольшими фрагментами. Внутри группы можно выделить две разновидности. К первой относится фрагмент блюда с характерным рельсовидным венчиком и узором в виде врезной волнистой линии, расположенной между двух полуваликов, прочерченной довольно небрежно, прямо по тесту сосуда. Блюдо с обеих сторон покрыто желтой поливой, а венчик снаружи и изнутри подкрашен окислами железа в коричневый цвет (рис. 1, *1*). Фрагменты таких блюд известны из раскопок Коринфа, Константинополя, Херсонеса [3], встречаются в Тмутаракани и Керчи [4]. Эти сосуды являются византийским импортом второй половины IX в. [5] Вторая разновидность представлена фрагментами, по-видимому, чашек и блюд. К этой разновидности относятся тонкостенные чаши с вертикальными стенками, украшенные с наружной стороны по ангобу прочерченной волнистой линией. Рисунок покрыт желтой поливой, подкрашенной окислами железа, внутри сосуда полива ничем не подкрашивалась. Резко отгибающиеся венчики блюд орнаментированы радиально расположенными насечками и покрыты с двух сторон коричневато-желтой поливой (рис. 1, *2—4*). Отличительная особенность фрагментов — превосходное качество равномерно нанесенной, блестящей, густого и сочного тона поливы. Нарочитая изощренность формы блюд, проявляющаяся, в частности, в фигурном венчике и изломе борта, качество и цвет поливы — все это указывает на более позднюю дату второй разновидности первой группы. Судя по тождественным аналогиям из раскопок Большого дворца, эта керамика является импортом из столицы, где она датируется соответствующими монетными находками второй половиной X в.[6]

Стратиграфия и сопутствующие находки в слоях не противоречат датировке этой группы, основанной на аналогиях. Совместно были найдены обломки каллиптеров, в том числе с клеймами [7], реберчатые ручки амфор, лепные сосуды с врезным волнисто-линейным орнаментом салтоидного облика.

Группа II. Сосуды со штампованными рельефными украшениями. Группа представлена целым сосудом — небольшой вазой на высокой по-

---

[2] *Ch. Morgan.* The byzantine pottery (-Corinth, XI), Cambridge — Masachussets, 1942, p. 36; *R. Stevenson.* The pottery. «The Great Palace of the Byzantine Emperors». London, 1947, p. 34, 35.

[3] *D. T. Rice.* The byzantine glazed Pottery. Oxford, 1930, tabl. X; *Ch. Morgan.* Op. cit., pl., V, 8; *R. Stevenson.* Op. cit., pl., 15, *26*; 16, *8*; 21, *13*; *Д. Л. Талис.* К характеристике византийской раннесредневековой поливной керамики. Тр. ГИМ, 37, 1960, рис. 1, *5*; 2, *1—7*.

[4] *Т. И. Макарова.* Поливная посуда. М., 1967, табл. 1, *8, 10, 20—22*.

[5] Обоснование даты и экспортирующей области, а также более подробные указания на аналогии см. *Д. Л. Талис.* Ук. соч., стр. 129, 130.

[6] *R. Stevenson.* Op. cit., tabl. XYI, *32, 37*; XXII, *12*.

[7] *Д. Л. Талис.* Черепицы с метками из раскопок Баклинского городища. СА, 2, 1968, стр. 184—195.

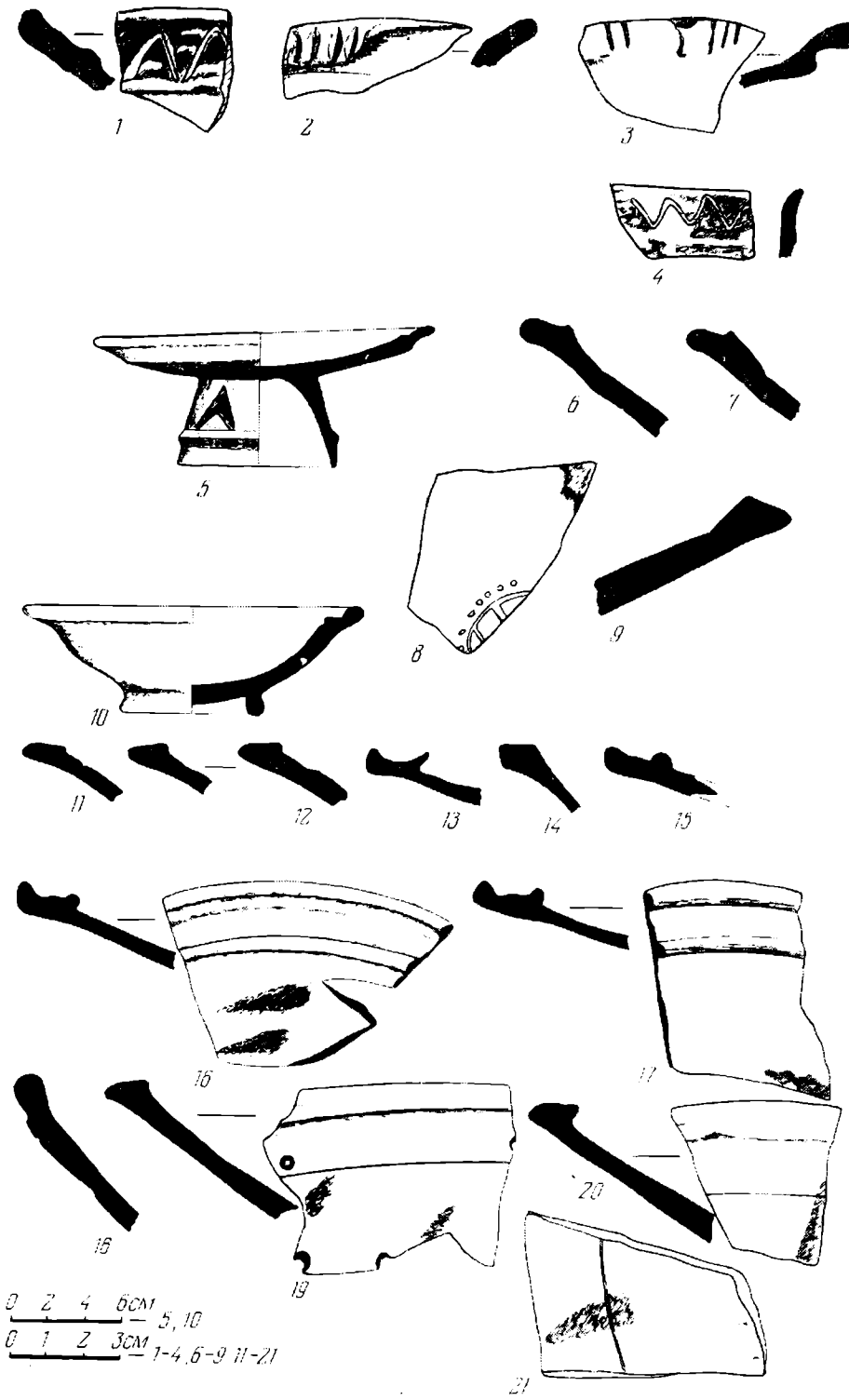


Рис. 1. *1—4* — группа I, сосуды с врезным орнаментом; *5—9* — группа II, сосуды со штампованными рельефными украшениями; *10—21* — группа III, сосуды с коричневыми мазками

лой, расширяющейся книзу ножке, со слегка утолщенными бортом и бусовидными выступами по кромке. В центре днища — штампованный крестовидный узор, в очень слабом рельефе возвышающийся над поверхностью. Ножка опоясана рельефным валиком, выше которого расположены три сквозных треугольных отверстия. Ваза с обеих сторон покрыта зеленой поливой, ножка покрыта поливой лишь снаружи, а изнутри — только затеки (рис. 1, *5*). Полные аналогии этому типу сосудов найдены в Константинополе, Саркеле: близкие аналогии выявлены в Херсонесе, Коринфе [8]. Форма этих вазочек генетически восходит к так называемым нагревательным блюдам на высокой полой перфорированной стойке, которые известны в Херсонесе, Коринфе, Константинополе [9]. Прорезные отверстия в стойке (ножке) последних имели функциональное назначение: туда закладывались угли, согревавшие или не дававшие остыть содержимому блюда. Естественно, что такие блюда обязательно снабжались крышкой. Подобного рода сосуды производились скорее всего в конце IX — первой половине X в. в Константинополе и отсюда экспортировались в разные области империи [10]. При последующей эволюции формы стойка превратилась в полую конусовидную ножку, прорезные отверстия которой имеют лишь декоративное значение. Равным образом крышки к этим вазам не известны, они и не нужны: глубокий выем вдоль борта является здесь декоративным пережитком. Следовательно, уже само по себе изменение формы указывает на более позднюю дату этих сосудов, нежели нагревательных блюд. Это изменение произошло довольно быстро, так как вазочки, аналогичные нашей, находят в Константинополе в слое, датирующемся монетами первых трех четвертей XI в.,— хронологически наиболее поздние — монеты Романа IV (1067—1071 гг.)

К описываемой группе принадлежит также один небольшой фрагмент тарелки, покрытый лишь изнутри поливой зеленовато-желтого цвета. От выполненного штампом рельефного узора в виде восьмилепестковой розетки сохранилась лишь незначительная часть (рис. 1, *8*). Найдено также несколько фрагментов блюд, которые можно причислить к этой же группе. Центральная часть днищ этих блюд не сохранилась, а рельефный штампованный узор на византийской керамике в отличие от персидской, месопотамской, среднеазиатской находился только в центральной части днища. Тем не менее профиль бортиков блюд (рис. 1, *6, 7, 9*) и, что еще важнее, цвет и качество поливы — блестящей, глубоких и сочных тонов, как и предварительная подкраска окислами — указывают на возможность отнесения описываемых фрагментов к группе штампованной керамики, попадавшей в Крым скорее всего из Константинополя в X—XI вв. [11] В слое, где были найдены фрагменты, встречены обломки высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, амфор с манжетовидными валиками на горлах, с реберчатыми ручками, черепиц с метками, датирующимися второй половиной IX — началом X в. [12]

Группа III. Сосуды с коричневыми мазками. Группа представлена значительно большим количеством фрагментов, нежели предыдущая, но в основном мелких, принадлежащих блюдам с бортиком, завершавшимся полуваликом либо двумя полуваликами — так называемый рельсовидный или прокатанный валик. Сосуды украшены полосами и пятнами ангоба, возвышавшимися в рельефе над поверхностью, покрытой затем поливой

---

[8] *R. Stevenson.* Op. cit., pl. XVIII, *4*; *Б. А. Шелковников.* Поливная керамика Саркела — Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 289, рис. 8.

[9] *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес. М., 1959, рис. 183, *2, 5*; *Ch. Morgan.* Op. cit., fig. 24a, 25; pl. XIX.

[10] Обоснование даты и экспортирующей области см. *Д. Л. Талис,* К характеристике..., стр. 136.

[11] *Д. Л. Талис.* К характеристике..., стр. 136—141.

[12] *Д. Л. Талис.* Черепицы с метками..., стр. 184—195.

желтоватого, коричневато-желтого и зеленовато-желтого тонов (рис. 1, *11—21*). Чистая зеленая полива, подобная поливе предыдущей группы, здесь не встречается. Это объясняется тем, что желаемый цветовой эффект достигался лишь сочетанием красной глины, используемой в качестве ангоба, с поливой теплых, желтоватых тонов. Обломки с рельсовидным венчиком покрыты поливой с обеих сторон, остальные — и двусторонние и односторонние. Судя по аналогиям, декоративный прием, присущий этой группе керамики, применялся самостоятельно очень редко. Чаще всего он встречался в сочетании с узорами, выполненными врезной или штампованной техникой. По находкам в византийских городах дата этой посуды определяется IX — первой половиной XI в. Импорт ее из Византии, скорее всего из Константинополя, сомнений не вызывает [13]. Среди описываемых фрагментов встречаются экземпляры с черепком в изломе розового, а не серовато-белого цвета. Розовый цвет черепка указывает на изготовление сосуда не позднее середины X в. [14] Среди обломков сосудов описываемой группы имеется фрагмент блюда с профилем, аналогичным профилям позднекраснолаковых блюд группы С [15] (рис. 1, *14*). Этот факт является еще одним важным свидетельством в пользу длительного континуитета краснолаковой керамики. Многие обломки имеют следы ремонта в виде отверстий, через которые проходили свинцовые скрепы. Последнее свидетельствует о том, что в период бытования этой посуды она высоко ценилась и была, следовательно, дорогой.

В слоях Баклинского городища, где были найдены фрагменты сосудов третьей группы, встречались высокогорлые кувшины с плоскими ручками, ручки ойнохой с пальчатым вдавлением, сосуды, украшенные врезным орнаментом в виде дуговидных поясков, амфоры с реберчатыми ручками. Эти вещи, в изобилии встречаемые на территории юга и юго-востока Европейской части СССР, датируются VIII—XI вв., хотя некоторые из названных категорий вещей (высокогорлые кувшины, ойнохои с пальчатыми вдавлениями на ручке, амфоры с реберчатыми ручками) имеют и более узкие датировки.

Группа IV. Сосуды с полихромной росписью. В отличие от предыдущей эта группа представлена много хуже: одним целым (восстановленным при реставрации) сосудом (рис. 2, *1*) и несколькими фрагментами.

Наиболее интересны три фрагмента, из которых два принадлежат одному сосуду. Сосуд этот — чашка с шаровидным в нижней части туловом, переходящим в высокое — раструбом — горло. Имелась одна или две ручки, примыкавшие под прямым углом к стенке сосуда, чуть ниже венчика. В месте перегиба на ручке шиповидный нарост. Наружная сторона чашки покрыта бесцветной поливой, а изнутри полива идет лишь по кромке бортика. Рисунок кистью, темно-коричневого, почти черного цвета, выполненный уверенной мастерской рукой, образует два орнаментальных мотива. В верхней части сосуда — арки, перемежающиеся столбиками; в нижней части, отделенной широким пояском,— гроздьевидный узор. Арки и гроздья, как и разделяющий их пояс, заполнены голубоватым фоном (рис. 2, *3*). Тщательно отмученное тесто, тонкость черепка, отличный обжиг и изящество формы чашки свидетельствуют о высоком классе этого изделия. Форма и общая манера росписи чашки находят некоторые аналогии в Константинополе и Коринфе [16]. Однако наиболее близки баклинскому сосуду по орнаментике, вплоть до деталей, технике нанесения узора, цвету поливы, цвету и составу черепка сосуды из

[13] *Д. Л. Талис.* К характеристике..., стр. 136—138.

[14] *R. Stevenson.* Op. cit., p. 34, 35; *Ch. Morgan.* Op. cit., p. 36.

[15] *H. Comfort.* Terra sigillata. Real-Enciklopedie, Bd. VII, suppl., 1940 (столбец 1305); *A. Westholm.* The Temples of Soli. The Swedish Cyprus expedition. Stockholm, 1936, p. 221, 222.

[16] *R. Stevenson.* Op. cit., pl. 17, *14*; 22, *6*; *Ch. Morgan.* Op. cit., p. 66, 67.

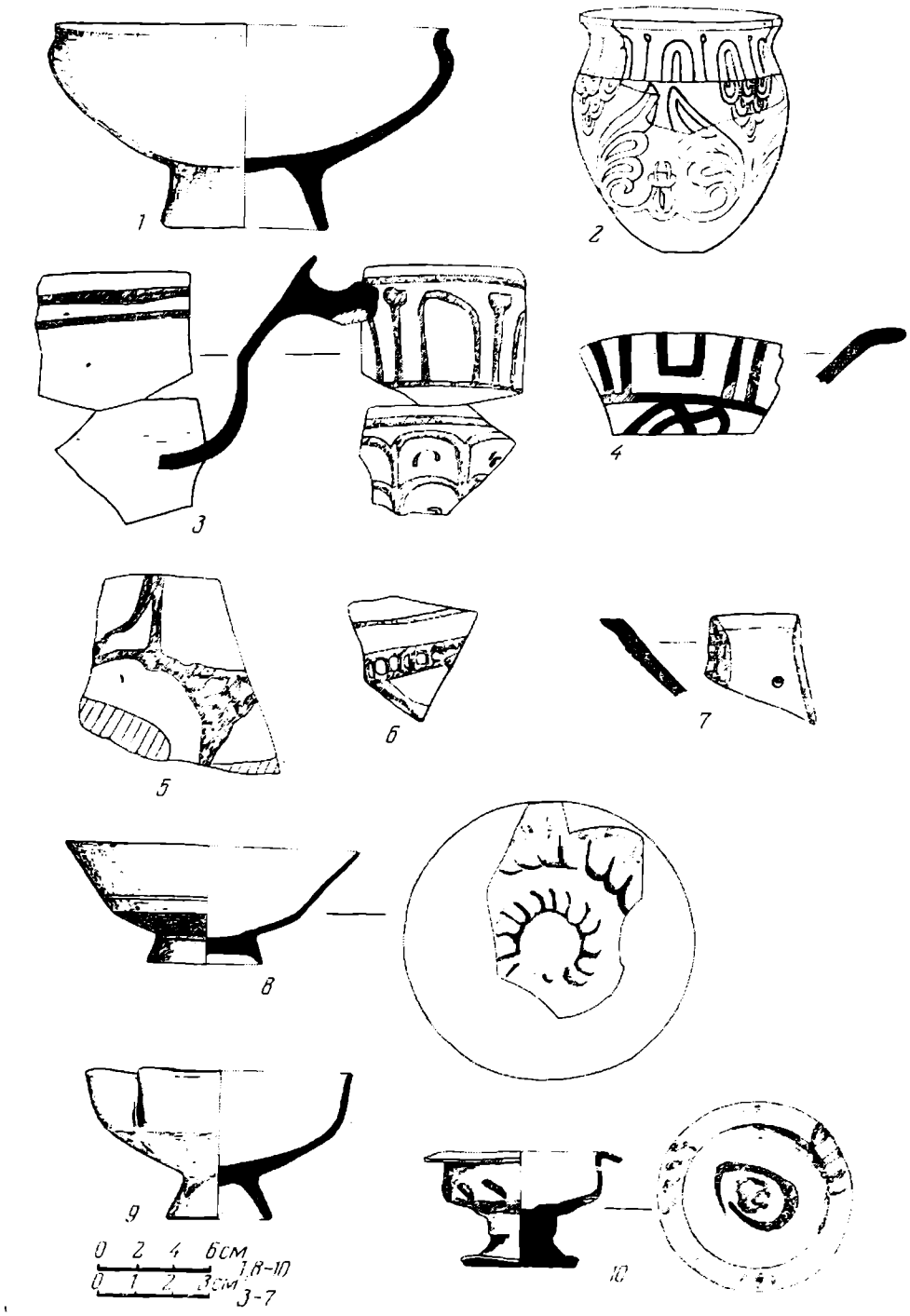


Рис. 2. *1—4* — группа IV, сосуды с полихромной росписью: *1, 3, 4* — баклинские, *2* — из Преславы; *5—7* — группа V, сосуды с монохромной росписью; *8—10* — группа VI, сосуды с зелено-коричневой росписью

Преславы — древней столицы Болгарии[17] (рис. 2, *2*). Особенно характерен «арочный» орнамент — одно из самых излюбленных украшений как в архитектурном декоре в Патлейне и Круглой церкви, так и в керамике и керамических плитках, найденных при раскопках. Хотя этот мотив

[17] *К. Миятевъ*. Преславската керамика. София, 1936, стр. 49—51, рис. *30, 33, 41, 42, 45, 61*.

сам по себе восходит к византийским архитектурным образцам, там он никогда не получил столь широкого распространения и применения, как в Болгарии, притом в различных материалах (камень, керамика). То незначительное количество посуды с «арочными» украшениями, которое было найдено при раскопках в Константинополе, скорее всего попало туда из Болгарии [18]. Что касается сочетания «арочного» узора в виде фриза с чешуевидными гроздьями, как на нашей чашке, то этот сюжет в Византии вовсе не известен. Сосуды из Патлейны и Круглой церкви выполнены из глины серовато-белого цвета, дающей при обжиге бледно-кремовый или бледно-красный черепок [19]. Описываемая чашка выполнена из той же глины. Этим можно завершить доказательство в пользу болгарского происхождения баклинского сосуда.

Второй фрагмент этой подгруппы (рис. 2, *4*) принадлежал тарелке со слегка отогнутым краем, сделанной из той же серовато-белой глины, что и упоминавшаяся чашка. Основные контуры рисунка выполнены кистью темно-коричневого, почти черного цвета. Насколько можно судить по небольшому фрагменту, вдоль борта тарелки шел рисунок типа меандра, от которого полоса отделяла нижележащий — круги или овалы, содержавшие крестовидные узоры. Фон внутри контуров — зеленовато-желтого, оранжевого и голубого тонов. Этот фрагмент единствен не только на Баклинском городище, но и в Крыму; среди херсонесских материалов, как и из раскопок других крымских городищ, аналогии ему мне не известны. Это образец поливной полихромной (пятицветной) керамики, являвшейся первым этапом производства посуды в технике полихромной росписи. Изделия этого начального этапа отсутствуют не только в Херсонесе, но и в Коринфе, где, как и в Херсонесе, вся расписная керамика была импортной. Этот первоначальный этап не представлен и в Константинополе. Полихромная расписная керамика из Константинополя синхронна или несколько позднее однотипной из церкви и дворца в Преславе [20]. А эта последняя в свою очередь образует лишь второй этап развития поливной полихромной росписи. Первый, наиболее древний этап представлен росписью из Тузлалака, датируемой второй половиной IX в. [21] Орнамент росписей Тузлалака является по преимуществу геометрическим, и только в росписи второго этапа, встреченной во дворце и Круглой церкви в Преславе, а также в Константинополе, появляются растительные сюжеты, впрочем сильно геометризованные. Судя по сохранившейся части орнамента на Баклинском фрагменте, тарелка была покрыта росписью чисто геометрического стиля. Все эти факты с достаточной полнотой решают вопрос о преславском происхождении баклинского блюда, фрагмент которого дошел до нас. Поскольку наиболее близки блюду изделия первого этапа из Тузлалака, то по аналогии оно должно датироваться скорее всего IX в. Материал из слоя на Баклинском городище, в котором был найден фрагмент, не противоречит датировке по аналогиям: обломки амфор зонального рифления или с широким шагом пояскон, высокогорлые кувшины с плоскими ручками, лепные горшки с отогнутым и косо срезанным венчиком. Отмечу, что полихромная керамика последующего хронологического этапа, относящаяся ко второй половине X — первой половине XI в., совершенно не представлена на Баклинском городище.

Группа V. Керамика с монохромной росписью. Сюда относятся небольшие фрагменты с остатками росписи толстой кистью (рис. 2, *5*—*7*).

---

[18] *D. T. Rice.* Op. cit., pl. III, *1*, *5*; *A. Grabar.* Recherches sur les influences orientales dans l'art balkanique. Paris, 1928, p. 9.

[19] *К. Миятевъ.* Ук. соч., стр. 9.

[20] *E. Coche de la Ferté.* Décors en céramique byzantine en Musée de Louvre.— «Cahiers archéologique», 1957, IX. Paris, p. 188.

[21] *И. Акрабова.* Декоративната керамика от Тузлалъка в Преслав. Разкопки и проучвания, т. III. София, 1949.

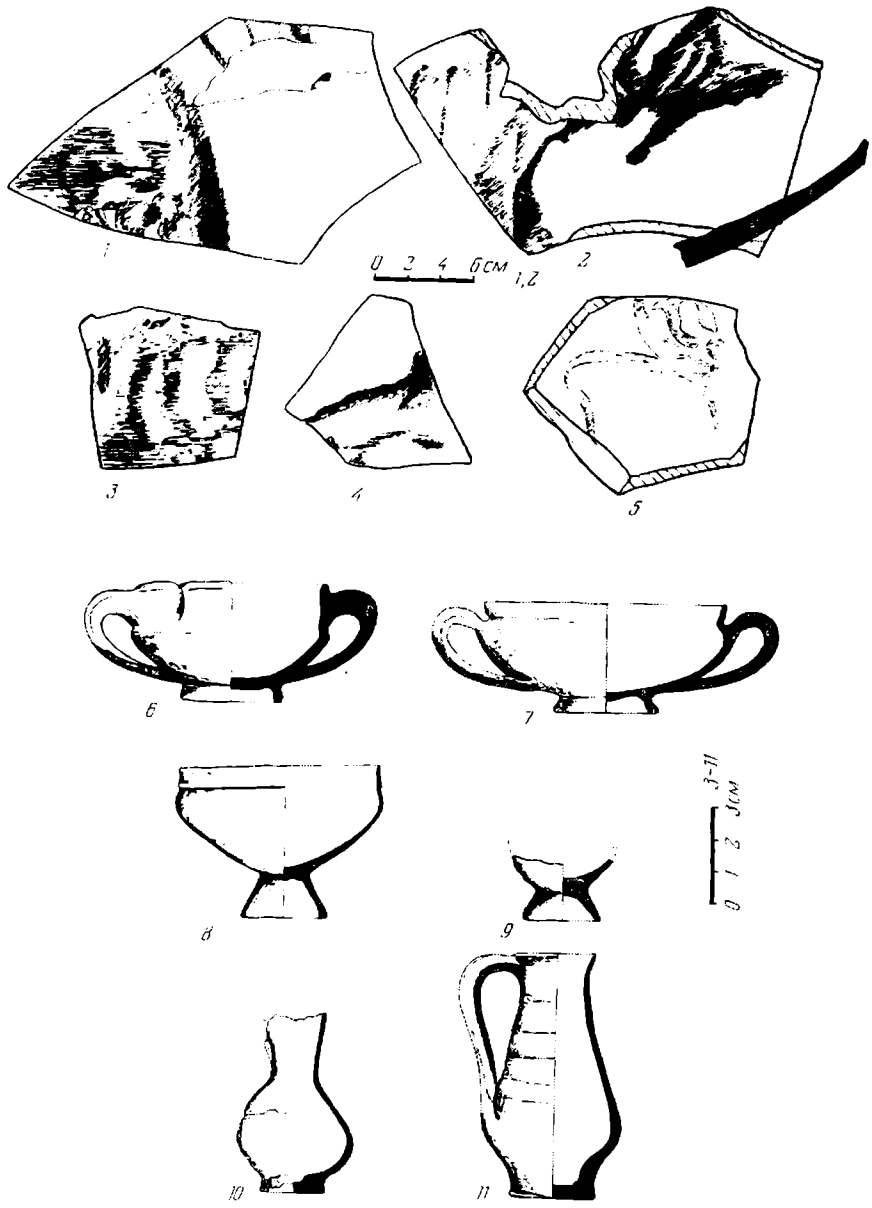


Рис. 3. *1—5* — группа VI, сосуды с зелено-коричневой росписью; *6—11* — группа VII, неорнаментированная поливная посуда

Орнамент был, вероятно, геометрический. Роспись нанесена густой коричневой либо черной краской по непрозрачному белому фону; на одном фрагменте покрыта поливой голубовато-зеленого цвета, на других — светло-желтой, прозрачной, почти бесцветной поливой. Посуда этой техники встречена в Коринфе и датируется там Ч. Морганом XII—XIII вв.[22] В Восточной Европе такая керамика встречена в Тмутаракани, Керчи и Саркеле — Белой Веже, где она датируется Т. И. Макаровой XI—XII вв.[23]

Группа VI. Сосуды с зелено-коричневой росписью. Эта группа представлена тремя целыми (реставрированными) сосудами (рис. 2, *8—10*) и несколькими фрагментами (рис. 3, *1—5*). Основные формы — блюда, чашки, кувшины. Блюда на высоком, раструбом книзу, поддоне имеют обыч-

[22] *Ch. Morgan.* Op. cit., p. 69.
[23] *Т. И. Макарова.* Ук. соч., стр. 21.

но прямые или загибающиеся внутрь бортики, завершающиеся округлым венчиком; чашки на кольцевидном поддоне с расходящимися, почти прямыми стенками. Невысокие кувшины, сильно сужающиеся книзу, имеют обычно приземистые пропорции, что в общем свойственно этой категории византийских сосудов. Характерной особенностью этой группы является наличие подглазурной росписи двух тонов — зеленого и коричневого, нанесенных кистью. На баклинской керамике этой техники имеются только орнаментальные мотивы, изобразительные сюжеты отсутствуют. Орнамент представляет собой зеленые и коричневые полосы и пятна, то чередующиеся и представляющие геометризованные узоры, то расположенные без всякого видимого порядка. Полосы и пятна в сочетании создают подчас причудливые криволинейные фигуры. Роспись покрывалась затем бесцветной, иногда желтоватой, поливой. Сосуды с орнаментальной росписью, без изобразительных сюжетов, представляют собой первую хронологическую серию изготовления этой керамики, предшествующую второй, с изобразительными сюжетами [24].

Византийское происхождение этой керамики сомнений не вызывает. Судя по аналогиям из раскопок в Коринфе и Константинополе, производство этой посуды началось в конце X в. и продолжалось вплоть до XII в. [25] К этому же времени относятся и находки в Херсонесе, Саркеле, Тамани [26]. Отметим, что форма блюд, выработанная при изготовлении рассматриваемой керамики, оказалась очень устойчивой и продержалась вплоть до XIV в. [27] При сопоставлении хронологии посуды этой группы с существующими датами сопровождающих находок выявляются некоторые противоречия, указывающие на несовершенство ныне принятых датировок. Сказанное относится прежде всего к совместным находкам в одном слое красноглиняной поливной посуды с простым орнаментом врезной линией, т. е. наипростейшим орнаментом типа «граффито». Эта посуда выделена в особую группу, рассматриваемую ниже. Сейчас достаточно указать, что этот тип керамики хорошо известен в верхних слоях Эски-Кермена, Мангупа и Чуфут-Кале, а потому датируется XIII или еще чаще XIV—XV вв. Это обстоятельство может указывать на более длительное бытование поливной посуды с зелено-коричневой росписью. Не исключено также, что датировка керамики типа «граффито», встреченной в Тмутаракани в слоях, содержавших материал XII в. [28], нуждается с сужении и, таким образом, находки этой керамики не выходят за пределы XII—XIII вв. В числе находок, совместных с рассматриваемой поливной керамикой, назову грушевидные желобчатые амфоры с дуговидными ручками и плоскодонные амфоры, кувшины. По находкам из Херсонеса эти вещи датируются XIII в. [29] Но если дата зелено-коричневой расписной поливной керамики верна, то изготовление этих вещей могло начаться в XIII в. Следует, впрочем, учитывать при определении хронологии этой керамики ее импортное происхождение. Это могло привести к запаздыванию появления посуды в Таврике по сравнению с экспортирующим центром. Имея, однако, в виду хрупкость материала, запаздывание едва ли превышало четверть столетия.

Находки поливной керамики с зелено-коричневой росписью на Баклинском городище слишком немногочисленны, чтобы на их основании можно было вносить какие-либо поправки в датировки других, совместно

---

[24] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес. МИА, 17, 1950, стр. 218, 219; *Т. И. Макарова.* Ук. соч., стр. 22.

[25] *Ch. Morgan.* Op. cit., p. 71, pl. XVIII, *a — e*; *R. Stevenson.* Op. cit., p. 56, pl. 18, 7; 25, *a*.

[26] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес, стр. 218, 219; *Д. Л. Талис.* К характеристике..., стр. 133, 134; *Т. И. Макарова.* Ук. соч., стр. 22.

[27] *D. T. Rice.* Op. cit., p. 47; *R. Stevenson.* Op. cit., p. 58.

[28] *Т. И. Макарова.* Ук. соч., стр. 28, 29.

[29] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес, стр. 111—115.

встреченных в слое вещей. Однако игнорировать связанные с этими находками хронологические несоответствия тоже, разумеется, нельзя. В описываемую группу мы включаем еще два сосуда, имеющих некоторые особенности в форме и орнаментации. Первый — это чашка на высоком рюмкообразном поддоне (рис. 2, *10*), близкая по форме к белоглиняному сосуду, покрытому зеленой поливой из раскопок Херсонеса [30]. В орнаментике чаши наблюдается сочетание двух приемов — подглазурные мазки с наружной стороны и зелено-коричневая роспись по горизонтальному бортику и с внутренней стороны днища. Цвет поливы — буровато-зеленый. Чаша найдена в слое, содержащем материал не ранее XII в. и более поздний — XIII в. Сочетание двух приемов орнаментации, цвет поливы и сопровождающий материал, очевидно, определяют дату сосуда XII в. Второй сосуд — это чаша, имеющая в сечении форму шестилепестковой розетки — секстифолия. Снаружи она покрыта коричневой поливой с включениями фиолетового красителя. Внутри — следы плохо сохранившейся (чаша побывала в огне) зелено-коричневой росписи (рис. 2, *9*). Кувшины с устьем в виде квадрифолия и чаши в форме цветка встречены в Херсонесе, где А. Л. Якобсон связывает их с импортом либо влиянием не Византии, а Персии, и датирует XII—XIV вв. [31] Чаша, аналогичная баклинской, была найдена при наших раскопках Тепе-Керменского городища в синхронном слое. Такая форма поливных сосудов в Горном Крыму редка, хотя в неполивной керамике кувшины с ойнохоевидным устьем, напоминающие квадрифолий, представляют массовое явление. Укажу, однако, что полной аналогии форме нашей чаши в Херсонесе нет.

Группа VII. Неорнаментированная поливная посуда. Выделение этой группы достаточно условно хотя бы потому, что отсутствие орнамента на небольшом фрагменте,— а именно таких бóльшая часть,— еще не свидетельствует об отсутствии орнамента на целом сосуде. Упомянем, например, керамику с коричневыми мазками, расположенными по поверхности сосуда довольно редко, рельефную штампованную посуду с орнаментом в виде круглого медальона в центре блюда. Большая часть поверхности образцов этой посуды кроме покрытия поливой никаких украшений не имеет. В связи со сказанным в рассматриваемую группу могли попасть фрагменты разновременной и разнотипной керамики, объединяемые только одним признаком — белоглиняным или розовоглиняным тестом. Однако в силу классифицирующего признака — цвет теста и особенности полива и орнамента — мы вынуждены выделить эту группу, иначе часть фрагментов осталась бы вне классификации. Разделение на хронологические серии внутри описываемой группы опирается на форму сосудов, если она определима, и особенности поливы.

К наиболее ранней серии следует причислить чаши на невысоком кольцевом поддоне с двумя кольцевидными ручками и такие же чаши в форме квадрифолия (рис. 3, *6*, *7*). Эти сосуды покрыты с обеих сторон пятнистой зеленовато-желтой блестящей поливой [32]. Такого рода полива встречается на сосудах, орнаментированных в различной технике, поэтому выделять ее в отдельную группу было бы неправильно [33]. Форма этих чаш находит непосредственные аналогии в слоях, датируемых монетами второй половины X в. [34], Константинополя, откуда они, несомненно, и были привезены. Такие же чаши, найденные в Херсонесе, от-

---

[30] *Г. Д. Белов.* Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. МИА, 4, 1941, стр. 208, рис. 6.

[31] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес, стр. 112—115, рис. 77, *4*; 78, *2*; 80, *1*.

[32] О технике нанесения такой поливы см. *Б. А. Шелковников.* Ук. соч., стр. 336—340.

[33] Поэтому нельзя согласиться с Т. И. Макаровой, выделяющей ее в отдельный вид вместе с штампованной керамикой (*Т. И. Макарова.* Ук. соч., стр. 10).

[34] *R. Stevenson.* Op. cit., pl. 22, *6*.

носятся к этому же времени[35] и являются также константинопольским импортом. Описываемые сосуды на Баклинском городище были найдены в слое, содержавшем материал, не противоречащий указанной дате. Отсюда следует, что фрагменты поливных сосудов, покрытых пятнистой желтоватой поливой, даже если на них никакого орнамента не сохранилось, можно относить ко второй половине X и, вероятно, первой половине XI в. Эта посуда византийского происхождения довольно широко распространена в Восточной Европе в слоях этого же времени[36].

Датировка другого образцы неорнаментированной посуды также определяется только его формой — это вазочка на высоком поддоне с резко расширяющимися стенками (рис. 3, *9*). Формы таких вазочек, известные в Константинополе и Херсонесе, не выходят за пределы XI в.[37] Менее определенно датируются одноручные кувшины двух разновидностей: с высоким горлом раструбом (рис. 3, *10*) и с коническим сужающимся кверху туловом (рис. 3, *11*). Общим для обеих разновидностей кувшинов является резкое сужение корпуса книзу, переходящее как бы в ножку. Эти кувшины «каплевидной формы» были широко распространены в Херсоне и в позднесредневековое время — издатель датирует их XII—XIV вв.[38] На позднюю дату указывает их тесто — красноглиняное, в отличие от баклинских — белоглиняных. Последнее обстоятельство указывает на внекрымское, в том числе и внехерсонесское, происхождение этих кувшинов, как и всей белоглиняной посуды. Белоглиняные кувшины аналогичной формы производились в Константинополе в XII в.[39] и встречались в это же время в Коринфе[40], где белоглиняная посуда, как и на Баклинском городище, также была импортной. Однако такая форма была известна и в Малой Азии и в Закавказье[41]. Эти сосуды скорее всего были привезены из Византии, откуда в Крым поступала почти вся белоглиняная поливная посуда. Дате кувшинов, установленной по аналогиям, не противоречит хронология найденных в слое вещей: грушевидные амфоры с дуговидными ручками, кувшины со штампованным и врезным волнистым орнаментом. В этом же слое были найдены днища белоглиняных поливных кувшинов другого типа — широкие с плавно примыкающими стенками. Полную форму сосудов по этим фрагментам восстановить нельзя. Чаще всего эти сосуды были покрыты по наружной стороне светло-желтой поливой.

К группе неорнаментированных сосудов следует отнести и небольшую чашу на высоком, расширяющемся раструбом книзу кольцевом поддоне, с вертикальными бортиками. Чаша покрыта прозрачной поливой, снаружи зеленой, изнутри желтой (рис. 3, *8*). Форма чаши, особенно поддона, сближает ее с некоторыми белоглиняными сосудами из Херсонеса, покрытыми пятнистой поливой, т. е. раннесредневековыми, не позднее X в.[42] Особенности поливы — прозрачность и специфический коричневатый оттенок желтого цвета — не противоречат названной дате. Однако фрагменты восстановленной в результате реставрации чаши были в слое вместе с керамикой, датируемой более поздним временем: грушевидными и плоскодонными амфорами, горшками с уступчатым венчиком и врезным волнистым или линейным орнаментом. Эти факты указывают, очевидно, на длительное существование типа посуды, представленного чашей, равно как и особенностей поливного покрытия.

---

[35] *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес, рис. 183, *1*.
[36] *Т. И. Макарова.* Ук. соч., стр. 10.
[37] *D. T. Rice.* Op. cit., fig. 3, *15*; *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес, рис. 183, *3*.
[38] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес, стр. 112, 113, рис. 76, *1*; 78, *1*.
[39] *R. Stevenson.* Op. cit., pl. 23, *2*.
[40] *Ch. Morgan.* Op. cit., pl. XX, *h*.
[41] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес, стр. 112, 113.
[42] См., например, *Г. Д. Белов.* Ук. соч., стр. 208, рис. 6.

Небольшие размеры фрагментов остальной неорнаментированной поливной керамики позволяют лишь говорить, что в рассматриваемую группу входили также небольшие тонкостенные чаши, блюда, тонкостенные и толстостенные тарелки. Хронологию некоторых фрагментов можно уточнить по цвету черепка — розовоглиняное (не красное!) тесто указывает на время изготовления, не выходящее за пределы X в.[43] Достаточно выразительным датирующим признаком является цвет и особенности поливы. Кроме названной выше пятнистой поливы к IX—XI вв. следует, бесспорно, отнести фрагменты, покрытые блестящей поливой, глубокого и сочного зеленого тона. Интенсивность окраски неоднородна, местами светлее, местами темнее[44]. На белоглиняных и красноглиняных фрагментах поливной посуды более позднего времени, начиная с XII в., полива таких тонов никогда не встречается. Она становится более жидкой, цвет ее чаще всего салатовый или светло-зеленый, несколько белесоватый и менее насыщенный, нежели в раннем средневековье. Важным признаком более позднего изготовления является преобладание глухой, мало или совсем непрозрачной поливы.

Среди белоглиняной поливной керамики, встреченной в позднем слое, обращают на себя внимание несколько фрагментов венчика фигурно изогнутых очертаний, принадлежащих сосуду, побывавшему в сильном огне, что не дает возможности судить о цвете и характере поливы. Сосуд с такого рода вычурным венчиком встречен только один раз.

Тип II. Красноглиняная поливная керамика

В соответствии с принятыми критериями классификации, на Баклинском городище выделяются следующие группы красноглиняной поливной керамики: I — посуда с орнаментом в технике граффито, II — неорнаментированная поливная посуда, III — «милетская» посуда, IV — посуда среднеазиатского происхождения: люстровидная и с бирюзовой поливой.

Группа I. Сосуды с орнаментом в технике «граффито». Эта группа представлена наибольшим в сравнении с остальными группами количеством образцов. О формах сосудов дают представление два восстановленных экземпляра. Первый — глубокое блюдо на кольцевом поддоне, полусферической формы, тонкостенное. По белому ангобу широкой лопаточкой прочерчен растительный орнамент: четыре лепестка, раздельно отходящих от концентрических колец на дне блюда. Между каждой парой лепестков — две остроконечные верхушки листьев, разделенные кругом. Круги и лепестки раскрашены в косую клетку (рис. 4, *1*). Полива полностью сгорела, поэтому о ее цвете и качестве с достоверностью судить нельзя. Скорее всего рисунок покрывала зеленовато-желтая полива. Общий тип графического узора, украшающего рассматриваемое блюдо, широко распространен и встречается в Херсонесе, Константинополе, на Кавказе, Тамани, Мангупе[45]. Наиболее близки по типу узора и технике его выполнения сосуды из Херсонеса, где широко представлено сочетание линий, прочерченных широкой лопаточкой с сетчатым узором[46]. Поливные сосуды с однотипным рисунком и техникой, найденные помимо Мангупы на других городищах Горного Крыма — Чуфут-Кале, Бой-

---

[43] *R. Stevenson.* Op. cit., p. 34, 35; *Ch. Morgan.* Op. cit., p. 36.

[44] По терминологии Б. А. Шелковникова (*Б. А. Шелковников.* Поливная керамика..., стр. 331—340) и Т. И. Макаровой (*Т. И. Макарова.* Поливная посуда, стр. 10), «ярко-зеленая пятнистая полива». Я называю «пятнистой» только желтую поливу, покрывавшую поверхность сосуда с разбрызганными до глазуровки пятнами окислов: зеленоватых (медные) и коричневатых (железистые).

[45] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес, табл. XIV, XV, XVI; *Т. И. Макарова.* Ук. соч., табл. IX, *2*; *Р. Х. Лепер.* Раскопки в Мангупе в 1913 г. ОАК за 1913—1915 гг., стр. 83, рис. 131.

[46] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес, табл. X, *45*; XIV, *53, 54.*

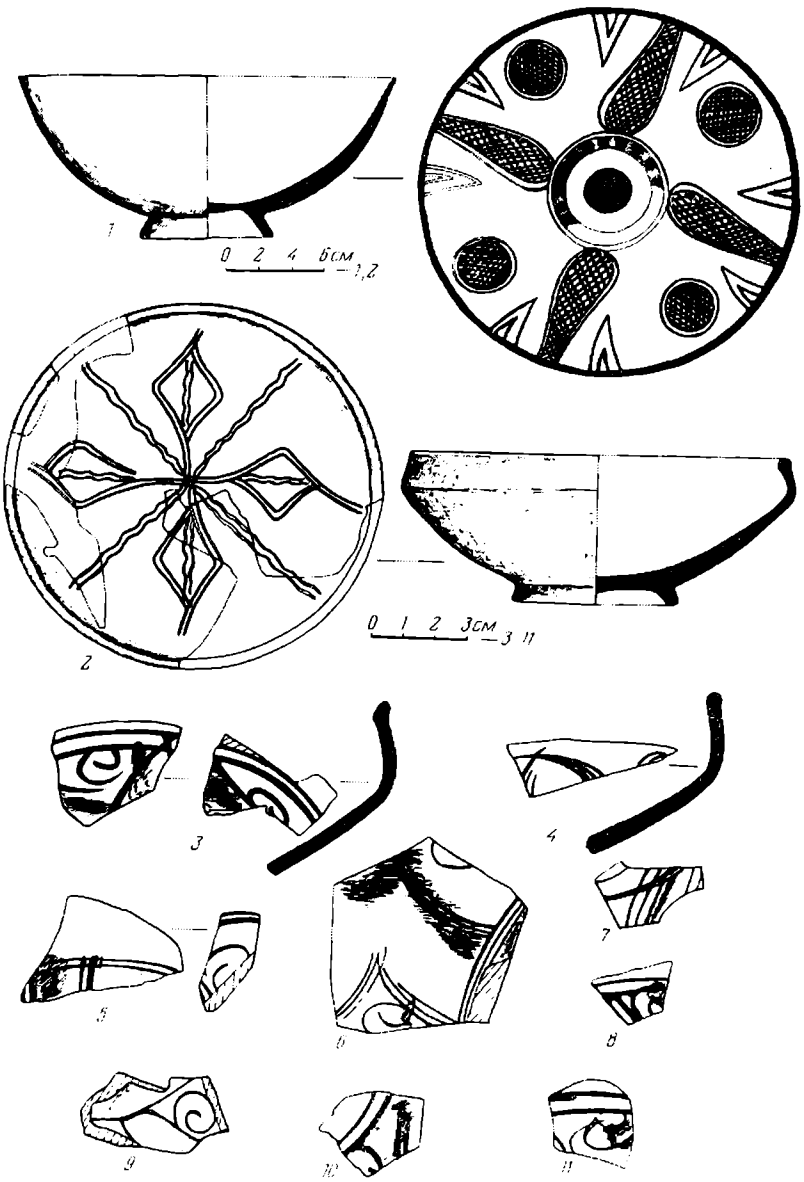


Рис. 4. Группа I, сосуды с орнаментом в технике граффито

ке [47], являются, очевидно, импортом из Херсонеса, как и баклинское блюдо. Его дата по аналогиям из Тамани и Херсонеса устанавливается в пределах XII—XIII вв. [48] Находки в Константинополе обломков сосудов описываемой техники совместно с монетами Мануила I (1143—1180) и Алексея III (1195—1203), позволяют, кажется, несколько сузить дату бытования этих сосудов до XII — начала XIII в. Такой датировке не противоречит стратиграфия участка, где было найдено наше блюдо. Оно залегало под верхним горелым слоем комплекса Б и предшествовало, таким образом, последнему строительному периоду.

---

[47] *Е. В. Веймарн.* О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма. Сб. «Археологические исследования средневекового Крыма». Киев, 1968, стр. 69, рис. 20, 3; *О. И. Домбровский.* Средневековые памятники Бойки. Там же, стр. 90, рис. 7а.

[48] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес, стр. 187; *Т. И. Макарова.* Ук. соч., стр. 26.

Второе восстановленное блюдо с загибающимся внутрь бортиком, толстостенное. По светлому ангобу прочерчен двойными линиями крестовидный узор. Каждая ветвь креста, усложненная ромбом, находится в секторе, образованном пересечением двух двойных волнистых линий, делящих все поле рисунка. Внутренняя часть блюда покрыта желтовато-зеленой поливой, наружная не глазурована (рис. 4, *2*). Блюда рассматриваемой формы широко распространены в поливной посуде константинопольского и херсонесского производства [49], но простейший по типу рисунок указывает скорее всего на местное, крымское, их изготовление. В керамике византийских центров такой орнамент не встречается, но вместе с тем он не свойствен и Херсонесу. Может быть, в Крыму, начиная с XII—XIII вв., функционировал еще какой-то центр или центры производства весьма непритязательной поливной посуды? На этот факт уже было обращено внимание в связи с находками в различных местах Крыма, Тамани, Приазовья посуды с прочерченным по ангобу геометрическим или упрощенным растительным орнаментом [50]. Сходство узора на нашем блюде с декором названной посуды указывает на суммарную дату — XIII—XIV вв. Для более точной датировки данных пока нет.

В такой же технике «граффито», что и на предыдущих двух блюдах, но в несколько иной манере выполнены узоры на обломках нескольких блюд и чаш, сходных между собой по орнаменту и имеющих близкие аналогии в группе сосудов из Константинополя [51] и Херсонеса. Впрочем, последние, как полагает их издатель, являются импортом из Константинополя [52]. Описываемые сосуды чаще всего покрыты поливой желтых тонов, с примесью, однако, и медных окислов. Содержание последних в поливе сильно варьировалось, поэтому цвет глазури и включает всю гамму от почти чисто желтого до светло-зеленого. Отметим, что глубокие зеленые тона, как на поливных сосудах IX—X вв., здесь не встречались. Второй характерной чертой рассматриваемых образцов является наличие спиралевидных узоров. Это скорее всего сильно стилизованный растительный орнамент, имитирующий листья и побеги. На это указывает и третья особенность посуды — подцвечивание врезного узора коричневыми или зелеными пятнами, не совпадающими обычно с контуром рисунка (рис. 4, *3—11*; 5, *5—8*). Такого рода стилистический прием встречается кроме Херсонеса и на других средневековых городищах Крыма, а также в Тмутаракани [53]. А. Л. Якобсон, а затем и Т. И. Макарова объясняют наличие такого колористического принципа на крымской и таманской позднесредневековой поливной керамике влиянием художественной культуры Закавказья [54]. Однако для объяснения подцветки коричневой и зеленой краской гравированного рисунка не обязательно выходить из рамок византийской традиции. Уже в начале XII в. в украшении одной из групп коринфской поливной посуды употреблялось сочетание зелено-коричневой росписи и гравировки по ангобу [55].

Этот прием являлся результатом применения двух типов техники украшений, существовавших одновременно, но до XII в. развивавшихся независимо от другого: расписной и гравированной [56]. В сильно упрощенном виде этот прием декора мы и находим на крымских и таманских сосудах. Упрощение коснулось всех элементов декора. Полива, как правило, не имеет специфического блеска, обусловленного какими-то примеся-

---

[49] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес, табл. XIV, *55*; XVI, *60*; XXII, *82*; XXX, 121; *Stevenson R.* Op. cit., pl. 18, *7*.

[50] *Т. И. Макарова.* Ук. соч., стр. 28, табл. XI.

[51] *A. H. Megaw.* Zeuxippus ware. BSA. No. 63, 1968, p. 67—88, pl. 14—21.

[52] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес, стр. 175, табл. IV, V, VI.

[53] *Т. И. Макарова.* Ук. соч., табл. XI, *5—10*.

[54] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес, стр. 178—186; *Т. И. Макарова.* Ук. соч., стр. 29.

[55] *Ch. Morgan.* Op. cit., pl. 46, 47.

[56] *A. H. Megaw.* Op. cit., p. 72.

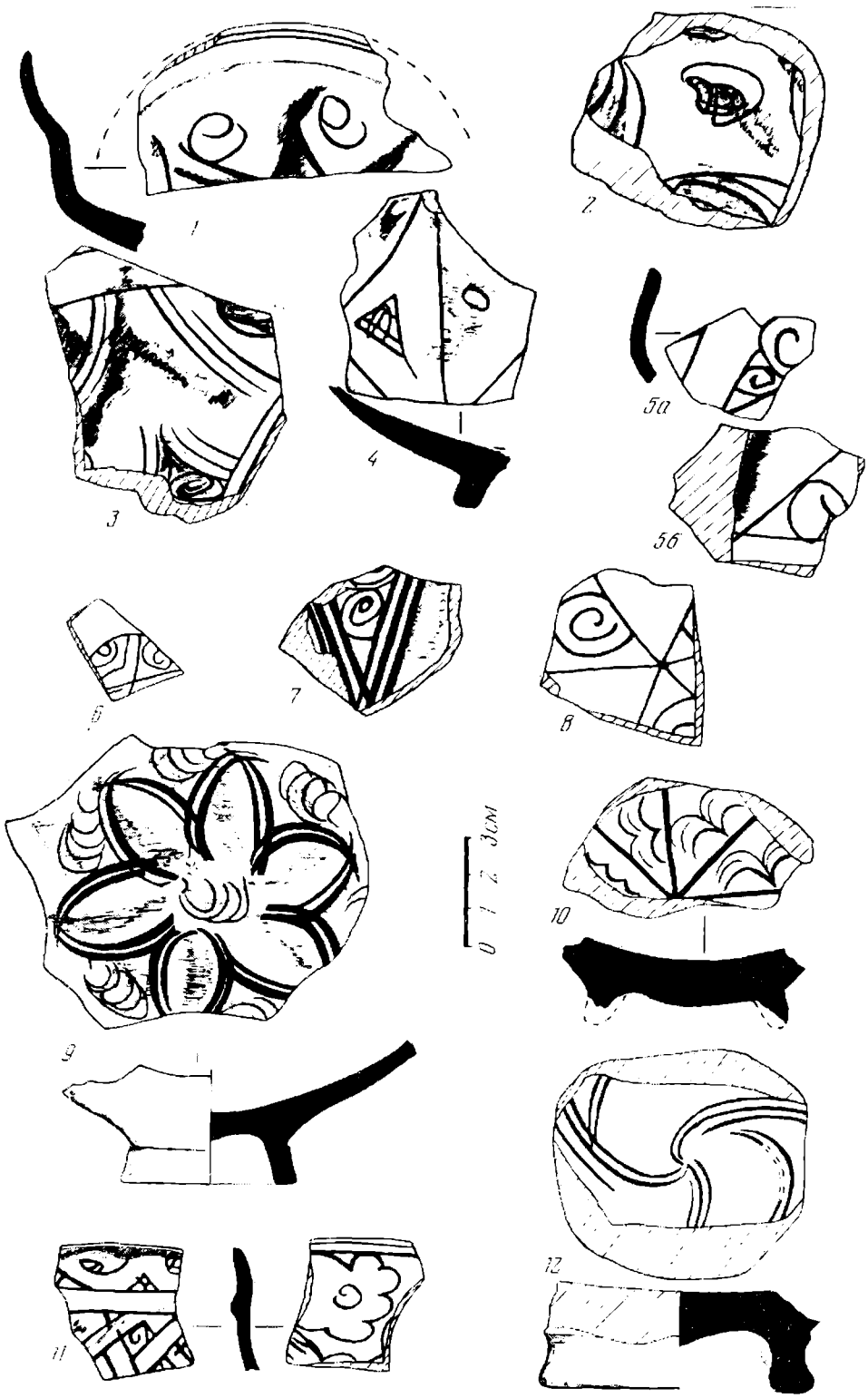


Рис. 5. Группа I, сосуды с орнаментом в технике граффито

ми в красящих окислах и присущего аналогичным сосудам из Константинополя [57]. Но вместе с тем эта полива не так легко осыпается, как константинопольская, что обусловлено, возможно, отсутствием упомянутых примесей. Орнаментация рассматриваемых сосудов содержит обычно лишь отдельные элементы либо комбинации отдельных элементов, которые гораздо полнее и более изысканно представлены на константинопольских и херсонесских сосудах. Особенно характерен обломок днища, покрытый белым ангобом, по которому прочерчены стилизованные растительные узоры, а в центре — «узел» (рис. 5, *2*). Этот узел, несомненно, восходит к излюбленному рисунку упоминавшейся группы константинопольских и херсонесских сосудов: круг или овал, внутри которого вписан растительный узор либо геометрический орнамент [58]. Этот последний включает часто узор в виде треугольников, который в значительно упрощенном виде встречается на описываемых баклинских фрагментах в сочетании со спиралевидными завитками, выполненными одинарной линией либо серией линий (рис. 5, *3*). Наши фрагменты принадлежали блюдам на кольцевом поддоне с довольно массивными стенками либо большим глубоким чашам. Орнамент располагался на внутренней поверхности днища, борта обычно украшались лишь одной-двумя врезными полосками у верхнего края, который иногда окрашивали зеленой поливой, контрастирующей по цвету с желтой поливой, покрывавшей внутреннюю поверхность блюд и чаш. Вся остальная часть наружной поверхности, как правило, не глазурована (рис. 5, *1—4*). В отличие от описываемых образцы из Константинополя и Херсонеса имели орнамент и на внутренней поверхности бортиков [59]. Все это может указывать на изготовление поливных сосудов рассмотренного облика в одном из ремесленных центров средневекового Крыма, в подражание аналогичным византийским сосудам. Дата бытования баклинских сосудов определяется тем, что в содержавшем их слое были найдены фрагменты керамики византийского производства, которой и подражали рассмотренные сосуды. Эти фрагменты имеют полные аналогии в материалах раскопок Константинополя, происходят, очевидно, оттуда и принадлежат к группе поливной посуды, названной ее издателем «зевксиппова» [60]. Перечислю их. Фрагменты тарелки с горизонтально отогнутым венчиком, украшенным по краям насечками, покрытые кремовой поливой. Такой же орнамент с насечками на обломке сосуда, покрытого светло-зеленой поливой [61] (рис. 6, *1—3*). Обломок днища блюда на небольшом кольцевом поддоне с медальоном в виде трех концентрических поясков в центре внутренней поверхности блюда, покрытого светло-желтой поливой [62] (рис. 6, *4*). Обломки чаш, орнаментированные вертикальными полосами белого ангоба и покрытые желтоватой поливой [63] (рис. 6, *16, 17*). Обломки чашек, украшенные с наружной стороны как бы противоположным орнаментом: в сплошном покрытии белого ангоба широкой лопаточкой прочерчены вертикальные полосы, просвечивающие сквозь прозрачную, почти бесцветную поливу (рис. 6, 15, 18). Константинопольский импорт группы «Зевксиппа» представлен и одним целым (восстановленным) сосудом — чашей с медальонами из двух концентрических линий, прочерченных по ангобу на внутренней поверхности днища. С наружной стороны чаши — восьмеркообразные узоры, исполненные белым жидким ангобом. Полива зеленовато-желтая [64] (рис. 6, *5*).

---

[57] *R. Stevenson.* Op. cit., pl. 25.

[58] *A. H. Megaw.* Op. cit., pl. 16, *c, d, f*; 19, *c*; 21, *d, e*; *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес, табл. IV, *21, 22*; V, *23, 24*.

[59] *A. H. Megaw.* Op. cit., pl. 16, 17, 19, 21; *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес, табл. IV, V, VI.

[60] *A. H. Megaw.* Op. cit., p. 67—88.

[61] *A. H. Megaw.* Op. cit., pl. 14, *f*; 21, *e*.

[62] Ibid., pl., 14, *d, g, h*; 21, *e*.

[63] Ibid., pl. 16, *a*.

[64] Ibid., pl. 15, *e*; 21, *b, e*; *R. Stevenson.* Op. cit., pl. 20, 32.

Время производства посуды типа «Зевксиппа» в самой Византии определяется, во-первых, стратиграфией находок в раскопках Константинополя и, во-вторых, данными о византийской торговле, в том числе, очевидно, и о керамическом импорте в XII—XIV вв. Дата производства посуды, обуславливаемая теми и другими соображениями,— вторая половина XII — начало XIII в.[65] Баклинские сосуды, в орнаментике которых прослеживается близкое подражание константинопольским, с которыми они найдены в одном слое, должны, очевидно, датироваться временем тем же или несколько более поздним. Следовательно, время изготовления рассмотренных баклинских сосудов — вторая половина XII — середина XIII в., едва ли много позднее.

Кроме рассмотренной импортной константинопольской керамики и посуды крымского производства с очень близким по характеру орнаментом в тех же слоях Баклинского городища встречена поливная посуда в той же технике орнаментации, но несколько иного облика. Это обломки блюд и чаш с узором из тонких врезных линий, образующих простейшие геометрические фигуры — треугольники, прямоугольники, ленточные переплетения. Полива желтая или коричневая. Подцвечивание желтыми или зелеными окислами встречается лишь изредка и расположено довольно беспорядочно по отношению к врезному рисунку (рис. 6, *6—12*). Прямое подражание декору константинопольских (и херсонесских) сосудов группы «Зевксиппа» на этих фрагментах отсутствует, но вряд ли возникает сомнение, что в конечном счете орнаментика на фрагментах восходит к этой группе. Характерно, что именно такая орнаментация была наиболее частой, судя по фрагментам, на городищах Горного Крыма позднесредневекового времени — Мангупе, Чуфут-Кале, Бойке[66]. Совместное залегание рассматриваемых фрагментов с керамикой типа Зевксиппа определяет terminus post quem non производства посуды, которой принадлежат рассматриваемые фрагменты. Верхняя дата ее изготовления отчетливо не прослеживается, так как простейший орнамент типа «граффито» встречен на Мангупе в слое, датирующемся первой четвертью XV в., а элементы декора встречаются еще позднее.

В числе сосудов, украшенных орнаментом типа «граффито», имеется еще несколько фрагментов, не связанных ни прямо, ни опосредованно с группой «Зевксиппа» и образующих отдельную разновидность (рис. 5, *10*). Наиболее выразительны три: днище блюда на невысоком кольцевом поддоне, украшенное шестилепестковой розеткой, между лепестками которой и в центре тонкой белой линией прочерчены скобковидные узоры, посредине каждый лепесток подцвечен зеленой радиальной полоской. Полива светло-зеленая (рис. 5, *9*). Этот орнамент ближе всего к узору на херсонесском блюде, изготовленном скорее всего херсонесским же мастером, и датируется по технике изготовления не ранее XIII в.[67] Второй фрагмент также принадлежал блюду с высоким кольцевидным поддоном, днище которого было украшено узором из дуговидно изогнутых линий («сегнерово колесо»), а затем покрыто желтоватой поливой. Рисунок, выполненный толстой линией, подцвечен коричневыми пятнами (рис. 5,

---

[65] *А. Н. Megaw.* Op. cit., p. 81; *R. Stevenson.* Op. cit., p. 53.

[66] Отчет о раскопках Р. Х. Лепера на Мангупе в 1912—1913 гг. ОАК за 1913—1915 гг., 1918, стр. 82, рис. 129. *А. Л. Якобсон.* Дворец. МИА, 34, 1953, стр. 400, рис. 13, *а, в, г, д*; *Е. В. Веймарн.* Ук. соч., стр. 68, рис. 19, 20; *О. И. Домбровский.* Ук. соч., стр. 90, рис. 7.

[67] А. Л. Якобсон, издавший херсонесское блюдо (*А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес, табл. XXII, *82*, стр. 190), датирует его XIV в. на основании весьма отдаленных аналогий, дата которых сама нуждается в обосновании. Точные и убедительные аналогии херсонесскому рисунку на византийских сосудах отсутствуют. Это дает основание говорить о херсонесском мастере, работавшем, конечно, в традициях византийской школы. Это и обусловило присущую рисунку манеру, сближающую его с остальными изделиями собственно византийского изготовления: контрастное сочетание толстой врезной линии основного рисунка и тонкой линии дополнительного.

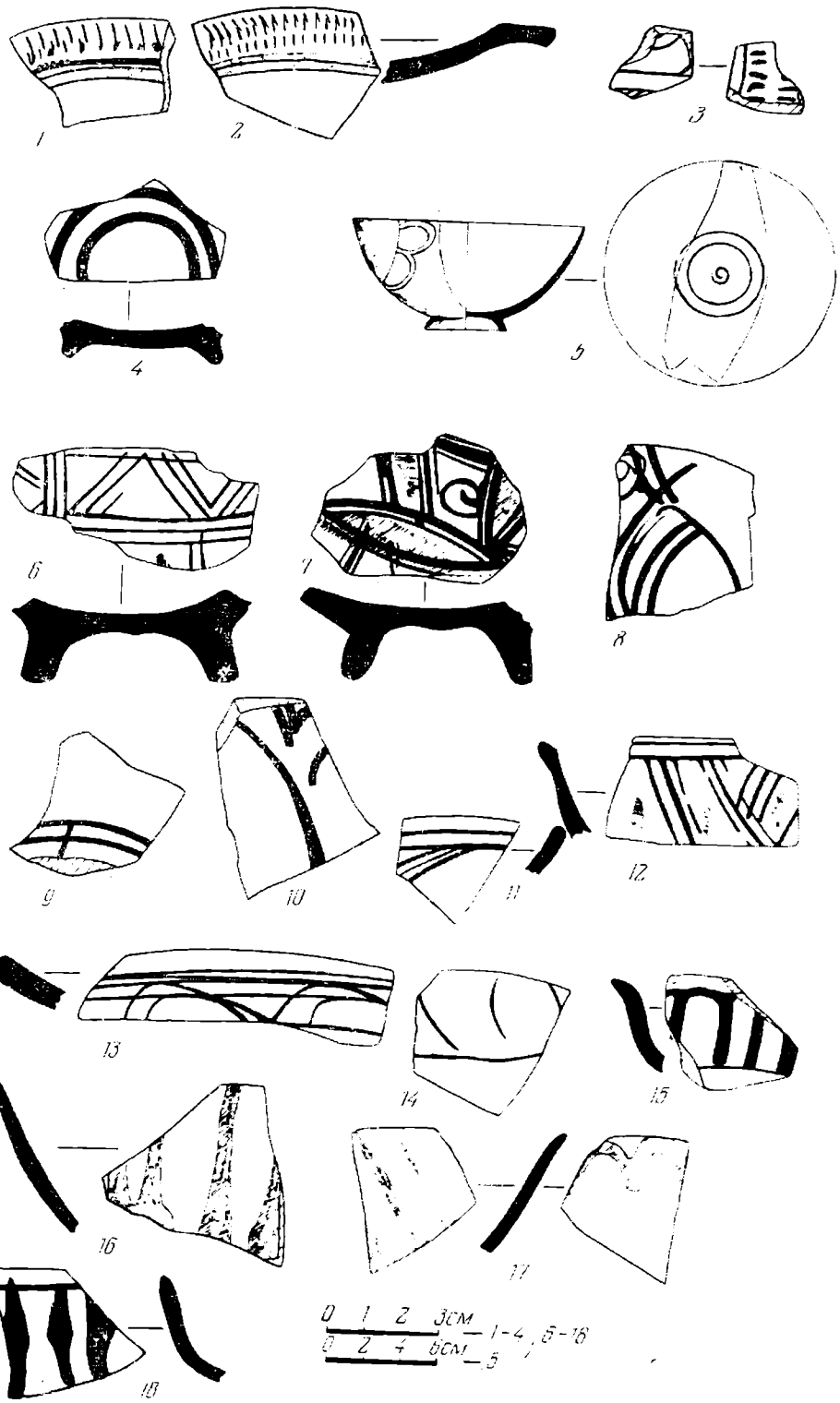


Рис. 6. Группа I, сосуды с орнаментом в технике граффито. *1—5, 15—18* — сосуды типа «Зевксиппа»

12). Близкие аналогии рисунку имеются на некоторых блюдах из Херсонеса, где они по условиям находки датируются XII—XIII вв.[68] Однако на баклинском рисунке отсутствует в центре блюда круглый медальон со звездчатой композицией, что так характерно для херсонесских блюд. Эта особенность наряду с большой небрежностью исполнения орнамента может указывать на производство сосуда где-то в местном крымском центре. Наконец, третий фрагмент принадлежал тонкостенной чашке, украшенной растительным узором изнутри, а снаружи — переплетающимися полосами, промежутки между которыми заполнены завитками. Полива зеленовато-желтая (рис. 5, *11*). Ближайшая аналогия — на блюде из Херсонеса, которое издатель датирует XIII—XIV вв.[69]

Итак, поливная керамика с орнаментом типа «граффито», найденная на Баклинском городище, по орнаменту, технике выполнения и отчасти поливе делится на четыре основные разновидности, соответствующие четырем центрам производства этой посуды. Первая разновидность — сосуды типа «Зевксиппа», являющиеся импортом из Константинополя и попавшие на Баклу непосредственно оттуда либо через Херсонес. Вторая разновидность — сосуды с орнаментом, являющиеся прямым подражанием предыдущим и изготовленные в одном из крымских центров производства. Дата и тех и других — вторая половина XII — первая половина XIII в. Третья разновидность — сосуды с орнаментом, генетически хотя и связанным с «зевксипповым», но сильно отличающимся от него крайней простотой и грубостью выполнения. Хронология этих сосудов определяется не четко: не ранее XII и не позднее (в условиях Баклы) XIV в. Наконец, четвертая разновидность — сосуды, изготовленные скорее всего в Херсонесе в XIII, возможно, XIV в.

Группа II. Неорнаментированные поливные сосуды. Отнесение фрагментов к этой группе в известной мере условно, поскольку нет уверенности, что остальная, несохранившаяся часть сосуда была неорнаментированной. Все же некоторые основания для выделения этой группы есть. Они заключаются в том, что большая часть красноглиняной поливной посуды орнаментирована в технике «граффито», а этот орнамент заполнял, как правило, всю или почти всю внутреннюю поверхность сосуда, в особенности днище и придонную часть. Поэтому отсутствие орнамента на фрагментах, принадлежащих указанным частям сосудов, является существенным аргументом в пользу предположения об отсутствии орнамента в технике «граффито» на этих сосудах вообще. Для орнаментации, выполненной в иной технике, это утверждение несправедливо.

К рассматриваемой группе мы причисляем прежде всего два сосуда, побывавших в огне, который почти целиком уничтожил поливу и оставил лишь следы ангоба. Сосуды интересны прежде всего тем, что позволяют судить о форме. Первый — это целая (восстановленная) тарелка на невысоком, расширяющемся книзу кольцевом поддоне, с широким горизонтальным венчиком. Второй — фрагмент, принадлежавший тарелке на кольцевом поддоне с венчиком, образованным легким уступом стенки (рис. 7, *1, 2*). Обе тарелки, различаясь несколько по форме, изготовлены из глины одного и того же сорта и в одинаковой технике. Найдены в одном помещении. Тщательность выделки обоих сосудов и изысканность формы указывает на византийский импорт. Восстановленная тарелка по своим очертаниям ближе всего к константинопольской тарелке, датирующейся концом X — началом XI в.[70] Однако наша тарелка, как и анало-

---

[68] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес, табл. XIII, *38, 38а*, стр. 177, 178.

[69] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес, табл. XX, рис. 75, стр. 188. Аналогии, на которые опирается А. Л. Якобсон, не убеждают в бесспорной справедливости предложенной ими даты. Они относятся к более раннему времени — XII—XIII вв., либо сами нуждаются в обосновании, подобно поливной керамике из Феодосии (см. *Э. Р. Штерн.* Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906).

[70] *R. Stevenson.* Op. cit., p. 42, 43, pl. 17, *4*.

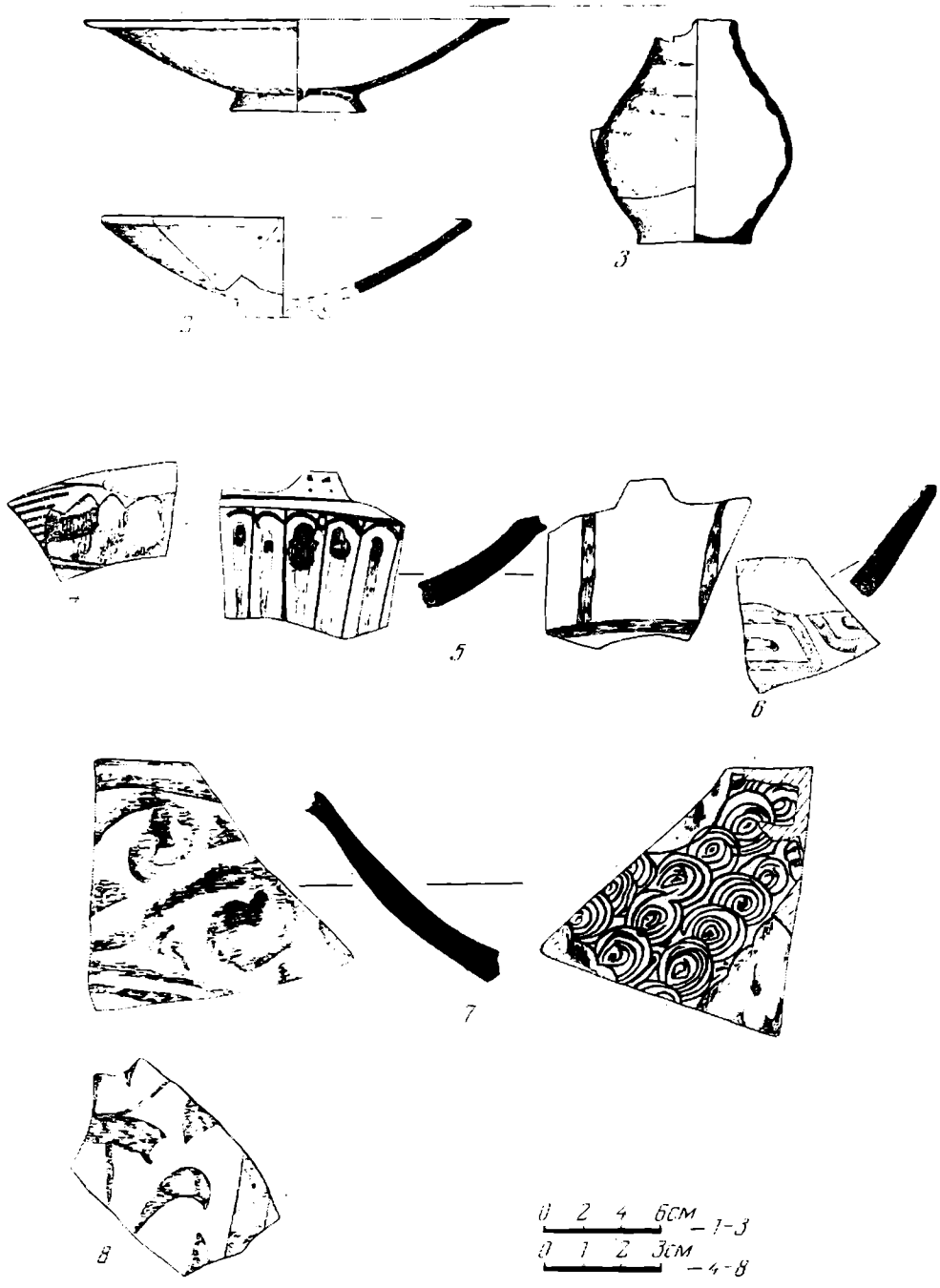


Рис. 7. *1—3* — группа II, неорнаментированная поливная посуда; *4—7* — группа III, «милетская» посуда; *8* — группа IV, сосуды среднеазиатского происхождения

гичный ей по качеству и технике второй сосуд, найдена в слое, который не может датироваться временем ранее XII в. Важным классифицирующим признаком является красноглиняное тесто обеих тарелок, которое, как и большое сходство с сосудами конца X — начала XI в., позволяет считать тарелки одним из наиболее ранних образцов византийской красноглиняной поливной керамики.

Вся остальная часть неорнаментированной посуды представлена небольшим количеством мелких фрагментов, покрытых большей частью поливой зеленых тонов (от темно-зеленого до зеленовато-желтого) и лишь

изредка бесцветной или слегка подкрашенной желтоватой поливой. Несколько фрагментов принадлежали сосудам, покрытым снаружи зеленой поливой, а изнутри коричневой или желтой. В числе обломков имелось несколько покрытых глухой опаковой светло-желтой поливой, ранее не встречавшейся. Судя по некоторым обломкам, в группу входили небольшие чашки, украшенные изнутри одинарным или двойным ободком, миски с вертикальными стенками, блюда на кольцевом поддоне, вертикальном или слегка расширяющемся книзу. Весь этот набор посуды по своим очертаниям не выходит из круга византийских, и в частности херсонесских форм поливной посуды [71]. Точнее определить центры производства сосудов этой группы трудно. Быть может, к местной крымской продукции следует отнести кувшины, представленные обломками стенок и ручек, покрытые бесцветной поливой по внутренней стороне стенок и бурой или буровато-зеленой по внешней (рис. 7, *3*). Цвет и особенности поливы, как кажется, не свойственны поливной посуде византийского производства. На основании совместных находок в слое с орнаментированной красноглиняной поливной посудой кувшины датируются временем не ранее XII в.

Группа III. «Милетская» посуда. Группа представлена небольшим количеством обломков, вероятно, блюд. Все фрагменты имеют коричневатый плотный черепок почти без примесей, покрытый с обеих сторон белым ангобом. Изнутри по ангобу роспись выполнена двумя красками — синей и зеленой. Сюжеты росписи таковы: ложки синего цвета, окаймленные тонкими зелеными линиями, растительные узоры в виде стилизованных гроздей, выполненные зеленым цветом, и цветов, изображенных синей краской, меандроидные узоры. Рисунок покрыт бесцветной поливой. С наружной стороны роспись в виде растительных или простейших геометрических узоров по белому ангобу, выполненных краской только зеленого цвета и покрытых поливой бесцветной или слегка подкрашенной окислами в зеленоватый цвет (рис. 7, *4—7*). Состав теста, цвет черепка, манера обработки поверхности, цвет и качество поливы, сюжет и техника росписи — все это находит ближайшие аналогии в керамике из раскопок средневекового Милета [72]. Сходство проявляется даже в такой особенности, как характерное для милетской посуды рассматриваемого типа отсутствие связи между росписью наружной и внутренней поверхности блюда. Издатель Ф. Зарре датирует производство аналогичной посуды из Милета в основном XIV в., указывая при этом, что нижняя и верхняя границы производства этой посуды могут соответственно заходить в конец XIII и начало XV в. [73] Небольшое количество фрагментов сосудов «милетского» типа было найдено при раскопках ипподрома в Константинополе, где Т. Райс датировал их XV—XVI вв. Он назвал эту керамику «островной», т. е. приписал изготовление ее какому-либо ремесленному центру или центрам, расположенным на островах Эгейского моря [74]. Ошибочная локализация и отчасти неправильная хронология, предложенные Райсом, объясняются небольшим количеством находок керамики «милетского» типа и в самом Константинополе. В своем дальнейшем развитии описываемая посуда дала начало керамике, выполненной в той же декоративной манере росписи голубым по белому и принадлежащей уже османскому времени [75]. Отметим, что название керамики этой группы — «милетская» — условно, так как документальные находки, доказывающие производство ее в Милете, отсутствуют. А. Лейн, указавший на это об-

---

[71] *А. Л. Якобсон.* Ук. соч., рис. 75, *1—3*; табл. II—XXXIV; *D. T. Rice.* The Byzantine Glazed Pottery, fig. 2, *3*.

[72] *F. Sarre.* Die Keramik der islamischen Zeit von Milet. Milet, Bd III, Hf. 4, Berlin und Leipzig, 1935, S. 72, 73, Taf. 52, *e*; 53, *a, c*.

[73] Ibid., S. 87.

[74] *D. T. Rice.* Op. cit., p. 99, 100; pl. XX, XXI.

[75] *F. Sarre.* Op. cit., S. 78, 79; Taf. 13, *a, b*; 14, 16.

стоятельство, считает, однако, бесспорным ее производство в одном из ремесленных центров Анатолии во второй половине XIV в. и, возможно, несколько дольше [76].

Группа IV. Посуда среднеазиатского происхождения (люстровидная и с бирюзовой поливой). Имеется три небольших фрагмента. Один из них принадлежал, вероятно, толстостенному блюду с плотным коричневым черепком почти без примесей в глине. С внутренней стороны фрагмента роспись представляла собой растительный орнамент (листья) и была выполнена болотно-зеленым глухим красителем в невысоком рельефе — явное подражание росписи в резерве. Цвет поливы синий. С наружной стороны блюдо, очевидно, было лишено росписи и покрыто зеленой поливой (рис. 7, *8*). Этот фрагмент имеет аналогии в выделенном Т. И. Макаровой типе керамике, справедливо названном ею люстровидным. Она датирует этот тип в основном XII в. и относит его производство к одному из среднеазиатских ремесленных центров [77]. Правда, наш фрагмент в отличие от изданных Т. И. Макаровой имеет с внутренней стороны по поливе цек (краплэ). Это обстоятельство может указывать и на сиро-египетское происхождение сосуда, где цек встречался часто [78]. Впрочем, единственный фрагмент небольших размеров не дает оснований для сколько-нибудь твердых выводов. Второй фрагмент принадлежал белоглиняному сосуду, покрытому с обеих сторон поливой бирюзового тона. Белоглиняная керамика, покрытая двусторонней бирюзовой поливой, известна в Передней Азии и Закавказье начиная с X в., а в Средней Азии с XII в. и вплоть до XIV в. [79] Принадлежность нашего фрагмента к этому кругу керамики бесспорна. Для Византии полива подобного типа не характерна.

Чтобы завершить анализ поливной керамики, обратимся вновь к ее хронологии, но не абсолютной, а относительной.

Для этого приведем таблицу распределения находок этой посуды по слоям [80].

Поливная керамика встречалась в 3 верхних слоях: темно-сером, коричневатом и зеленоватом. Хронологическое членение слоев в таблице не приводится, так как на Баклинском городище, как и на многих других южных городищах средневекового времени, где монетные находки редки или отсутствуют вовсе, датировка слоев опирается на поливную керамику либо на материал, датирующийся аналогиями, хронология которых в конечном счете определяется поливной керамикой. В связи с этим датировка поливной посуды выяснялась до сих пор только по аналогиям. Ссылки на совместные находки в слое обосновывают отсутствие в стратиграфии противоречий дате, установленной по аналогиям, но не являются сами опорой для датировок. Вместе с тем распределение находок поливной посуды по слоям дает возможность оценить, в какой мере относительная хронология вещей, опирающаяся на количественное соотношение находок в слое, совпадает с датировкой вещей, установленной по аналогиям.

Из 166 счетных единиц белоглиняной поливной керамики 98, т. е. 59%, было найдено в зеленоватом слое, ниже которого поливная посуда вообще не встречается. Если же отбросить фрагменты неорнаментированной посуды, которые датируются в наиболее широких пределах, то в этом случае в зеленоватом слое сосредоточено 77% всех находок белоглиняной полив-

---

[76] *A. Lane.* The ottoman pottery of Iznik. Ars orientalis, vol. II, 1957.

[77] *Т. И. Макарова.* Ук. соч., стр. 33.

[78] *A. Lane.* Early islamic pottery. London, 1948, p. 27, 28.

[79] *Т. И. Макарова.* Ук. соч., стр. 34.

[80] При оценке количественных соотношений следует иметь в виду, что если из обломков восстанавливался (в результате реставрации) целый экземпляр, то он рассматривается наряду с единичными фрагментами как одна единица измерения, независимо от того, из какого количества обломков он состоит. Этот способ подсчета не ведет здесь к смещению количественных оценок, ибо во всех группах число фрагментов существенно преобладает над числом восстановленных сосудов.

ной посуды. В равной мере характерно, что подавляющее количество находок белоглиняной керамики первых четырех групп (51 из 63, или 89%) происходит из зеленоватого слоя. Таким образом, процентное содержание классификационных групп белоглиняной поливной керамики в зеленоватом слое тем выше, чем более ранним временем датируются эти группы на основании аналогий. Соотношение находок фрагментов, принадлежавших группам V и VI, иное. Группа V представлена единичными экземплярами, распределенными статистически равномерно (1, 1 и 4), а фрагментов группы VI в зеленоватом слое меньше, чем в вышележащих,— 5 из 16. Эти соотношения не противоречат датировкам по анало-

Слой	Типы керамики													
	белоглиняная								красноглиняная					
	группы								группы					
	1	2	3	4	5	6	7	всего находок в слое	1	2	3	4	всего находок в слое	Всего поливной керамики в слое
I темно-серый	1	1	8	—	1	6	33	50	100	120	5	3	228	278
II коричневатый	—	—	2	—	1	5	6	14	18	24	—	—	42	56
III зеленоватый	6	6	36	3	4	5	38	98	—	—	—	—	0	98
Всего находок по группам	7	7	46	3	6	16	77	162	118	144	5	3	270	432

гиям, указывающим на более позднее изготовление сосудов групп V и VI, вплоть до XII—XIII вв. Находки неорнаментированной белоглиняной поливной посуды распределены равномерно между зеленоватым и двумя верхними слоями, что также совпадает с установленным аналогиями фактом изготовления этой посуды во всех периодах.

Из распределения по слоям находок красноглиняной поливной посуды прежде всего выясняется, что в зеленоватом слое красноглиняная полива отсутствует полностью. Известно, что в Византии на ранних этапах существования поливной керамики ее изготовляли только из глины, дающей при обжиге серовато-белый или палевый (розоватый) цвет. Таким образом, относительная хронология красноглиняной посуды Баклинского городища хорошо согласуется с этим фактом. Сосуществование белоглиняной и красноглиняной поливной керамики на Баклинском городище, как это видно из таблицы, имело место только в предпоследнем и последнем строительном периодах. Из всех находок поливных сосудов красноглиняных в последнем слое 83%, в предпоследнем — 75%, что указывает на вытеснение белоглиняной посуды красноглиняной. Значительная часть первых двух групп красноглиняной посуды (80%) найдена в самом верхнем слое. Такое соотношение соответствует, очевидно, тому факту, что на основании аналогий большую часть находок красноглиняной поливы этих групп следует датировать XIII—XIV вв., в то время как поливные сосуды, изготовленные и существовавшие в XI—XII вв., представлены лишь сравнительно небольшим количеством фрагментов. Обломки красноглиняных сосудов групп III и IV найдены только в верхнем слое в единичных количествах, и подсчеты здесь лишены смысла.

Таким образом, соотношение находок поливных сосудов в слоях определяет границы относительной хронологии бытования отдельных типов и групп поливной керамики. Абсолютная хронология, опирающаяся на аналогии, очерчивает более узкие границы существования рассмотренных групп и не выходит из указанных пределов. Это свидетельствует о хоро-

шем совпадении датировок, основанных на стратиграфических и типологических особенностях.

Подведем итоги. Белоглиняная поливная керамика из раскопок Баклинского городища являлась импортной, поступившей на городище из нескольких производственных центров, расположенных вне Крыма (ранее выяснено, что в Крыму белоглиняная глазурованная керамика не производилась) [81]. Центр производства подавляющей массы поливных сосудов из белой глины, найденных на городище, находился в Константинополе или в примыкающей области. Импорт этих сосудов осуществлялся в период между второй половиной IX—XII, возможно, XIII в. Можно полагать, опираясь на чисто логические соображения, что ввоз белоглиняной поливной керамики на Баклу осуществлялся через Херсонес.

Особо следует отметить наличие, хотя и в небольшом количестве, ранних образцов полихромной керамики, произведенной в Болгарии, в Преславе и датирующейся второй половиной IX в. Ни в Херсонесе, ни вообще в Крыму другие аналогии этой болгарской посуде пока не известны.

Интересным фактом является почти равночисленность находок неорнаментированной и орнаментированной поливной белоглиняной посуды (соответственно 77 и 85 обломков). Между тем в Херсонесе фрагменты неорнаментированной поливной посуды абсолютно преобладали. По всей вероятности, это обстоятельство указывает на то, что регулярного ввоза для массового потребления белоглиняных поливных изделий не было. В этом случае преобладала бы, как и в Херсонесе, более дешевая, несомненно, неорнаментированная посуда. Речь, следовательно, может идти о поступлении, хотя и в большом количестве, но отдельных экземпляров поливных изделий для более или менее узкого круга населения, пользовавшегося в своем обиходе поливной посудой. В этой связи отмечу, что преобладающая часть всех фрагментов белоглиняных поливных изделий была найдена в цитадели. Этот факт тем более важен, что характер строительных остатков жилых сооружений посада, как и обилие находок в них, не свидетельствует о резкой экономической дифференциации жителей цитадели и посада в рассматриваемое время. Следовательно, наличие белоглиняной поливной посуды в цитадели характеризует не столько экономические, сколько социальные различия между обитателями этих участков.

Датировка красноглиняной поливы определяется стратиграфией и аналогиями XI—XIV вв., причем к XI—XII вв. относятся лишь единичные экземпляры, а основная масса фрагментов принадлежит XII—XIV вв. Отличительной чертой керамики этого типа является большее количество центров ее производства. Наряду с константинопольской встречена посуда херсонесского производства и какого-то еще крымского центра, точнее пока не локализуемого, а может быть, двух или нескольких крымских центров. Кроме того, здесь представлена, правда незначительным количеством фрагментов, посуда среднеазиатского происхождения и так называемая милетская керамика, изготовлявшаяся если и не в Милете, то в одном из анатолийских центров. Верхняя дата красноглиняной поливной керамики Баклинского городища, определяемая по аналогиям из импортирующих центров, не выходит за пределы XIV в. Этот факт очень важен, поскольку верхняя дата поливной керамики является вместе с тем верхней хронологической границей существования Баклинского городища.

Появление местных центров производства поливной посуды свидетельствует о расширении ремесленного производства в Крыму, поскольку домашнее изготовление этой продукции, очевидно, исключено. Вместе с тем следует отметить достаточно низкий художественный уровень изготовленных сосудов, что является косвенным указанием на отсутствие

---

[81] *Д. Л. Талис.* К характеристике..., стр. 136—141.

сколько-нибудь выработанных навыков и длительных традиций производства.

В отличие от раннесредневекового периода количество находок поливной керамики, в том числе и на посаде, увеличивается, что связано, по-видимому, с расширением масштабов производства этой группы и увеличением ее товарной массы.

D. L. Talis

LA CERAMIQUE VERNISSEE DU GORODITCHE DE BAKLINSKOIE

Résumé

Le goroditché de Baklinskoïé est situé dans le district de Bakhtchisaraï, en Crimée. La céramique vernissée étudiée dans le présent article, provenant des fouilles de ce goroditché, peut être divisée en deux types: celle d'argile blanche et celle d'argile rouge. La céramique d'argile blanche date de la deuxième moitié du IXe au XIIe s., et par son décor et le caractère de la couverte elle se subdivise en sept groupes: I. les vases à décor incisé; II. les vases à ornements estampés en relief; III. les vases à engobe brun; IV. les vases à décor polychrome; V. les vases à décor monochrome; VI. les vases à décor vert — brun; VII. la vaisselle vernissée sans décor. Toute cette céramique est de provenance étrangère. Les principaux centres d'importation étaient les villes byzantines, principalement Constantinople et la contrée attenante. L'importation s'effectuait sans doute par Chersonèse. La vaisselle d'argile rouge vernissée date, dans l'ensemble, du XIIe au XIVe s., et est représentée par les groupes suivants: I. les vases à ornements dans le style «graffito»; II. la vaisselle vernissée sans décor; III. la vaisselle dite «de Milet»; IV. la vaisselle provenant d'Asie Centrale. Parmi la céramique du premier groupe on remarque encore des pièces de production locale, dans le décor desquelles on peut voir l'influence de la céramique byzantine du type «Zeucippe». On a recueilli quelques fragments d'objets importés de ce type. Les vases du troisième et du quatrième groupes ont été faits les uns en Anatolie et les autres en Asie Centrale. Ainsi, à la période finale du Moyen Age a lieu une extension de l'aire exportant en Crimée de la vaisselle vernissée, et en même temps apparurent des centres locaux de production de cette céramique. Dans l'article on donne un tableau de la répartition par couches des pièces découvertes de vaisselle vernissée, tableau qui donne une chronologie relative des types en usage et des groupes de la céramique vernissée. Ce tableau illustre la correspondance des datations basées sur des considérations stratigraphiques et typologiques.

Д. А. БЕЛЕНЬКАЯ

КРЕСТЫ И ИКОНКИ ИЗ КУРГАНОВ ПОДМОСКОВЬЯ

Среди инвентаря славянских курганов кресты-тельники и иконки составляют небольшую группу. Так, в Подмосковье вскрыто уже около тысячи курганов, однако коллекция крестов и иконок из них состоит из 42 предметов. Сопоставление этих цифр с количеством погребений, в которых обнаружены христианские символы, делает особенно интересным, по нашему мнению, вопрос о составе этой коллекции и о закономерностях ее размещения на территории Подмосковья.

Все кресты коллекции относятся к типу четырехконечных. Чисто формальное различие, прямоугольное или овальное средокрестие, позволяет выделить из коллекции подмосковных крестов две группы. Третью группу представляют редко встречающиеся кресты с расширяющимися или суживающимися концами.

Первую группу составляют кресты пяти форм. Прежде всего это кресты-тельники, украшенные эмалью (рис. 1, *1*). Один из крестов коллекции относится к типу круглоконечных, встреченных во Владимирских курганах, в Витичеве, у с. Липлява Полтавской области, в Серенске, в Киевской обл.[1], в Латвии[2] и датируемых XII в.[3] Два других подмосковных креста относятся к типу трехлопастноконечных крестов, самому распространенному типу крестов с эмалью на Руси и в Латвии, датируемому XI—XII вв.[4] На территории Подмосковья, судя по сопровождающему инвентарю (см. таблицу; порядковые номера в таблице соответствуют формам, выделенным в группах (в тексте даны в скобках), а также номерам на рис. 1), кресты с эмалью впервые появились в первой половине XII в.

Кресты второй, третьей и пятой (2, 3, 5) форм первой группы (рис. 1, *2, 3, 5*) кроме группового признака объединяет наличие на концах креста круглого утолщения. Однако если крест второй формы представляет собой небольшой тельник с шариками на концах, третьей формы (3) — крест с квадратом в средокрестии и шаровидными утолщениями на концах, то крест формы пятой имеет пять шариков зерни в средокрестии и по три шарика на каждом из концов.

Все три формы крестов встречены среди киевских древностей[5], в костромских курганах[6], в курганах Белозерского края[7]. Кресты второй

---

[1] *В. А. Мальм.* Крестики с эмалью. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 114.

[2] *Э. С. Мугуревич.* Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, стр. 63, табл. VIII, *1, 2*.

[3] *В. А. Мальм.* Ук. соч., стр. 117.

[4] Там же, стр. 117.

[5] *Б. И. и В. И. Ханенко.* Древности русские. Кресты и образки. Вып. II. Киев, 1900, табл. XVII, *185, 188, 189*; вып. I. Киев, 1899, табл. I, *30*.

[6] *Ф. Д. Нефедов.* Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 г. МАВГР, т. III, 1899 г., табл. VI, *7*.

[7] *А. А. Спицын.* Курганы Белозерского уезда. ЗРАО, т. VIII, вып. I и II. СПб., 1896, стр. 162, рис. 32.

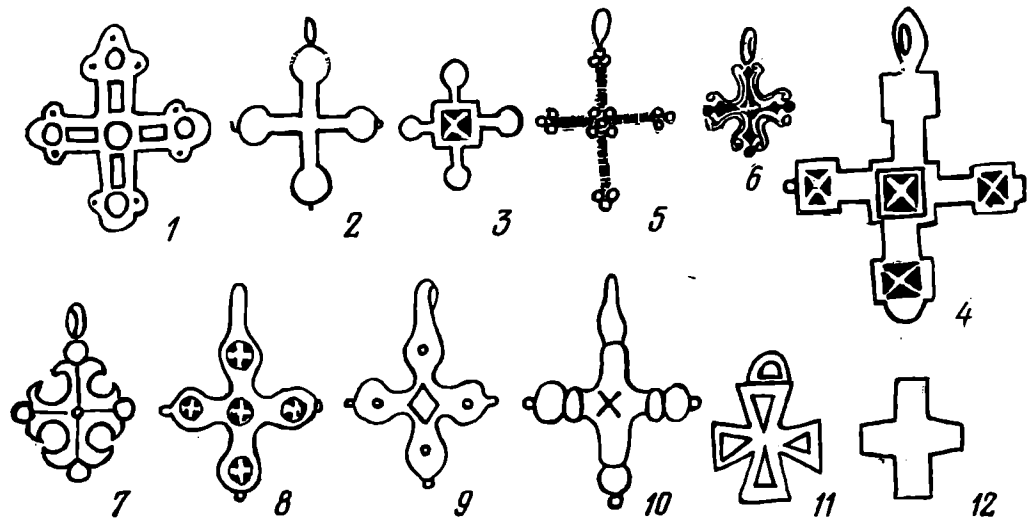


Рис. 1. Формы крестов из курганов Подмосковья

и пятой форм найдены в Новгороде, в слоях второй половины XII — середины XIII в.[8].

Аналогичные второй форме крестов тельники найдены во Владимирских курганах[9], в слоях Старой Рязани[10], в Тульской обл. у дер. Доброе[11], в Эстонии, в грунтовом могильнике Хариевского района[12]. Кресты третьей формы встречены в Петербургских курганах[13] и среди вещей клада № 70 усадьбы Десятинной церкви в Киеве. Клад датирован 70-ми годами XII в.— 1240 г.[14] Кресты пятой формы обнаружены в погребении городского могильника Белой Вежи XI — начала XII в.[15], на Водянском городище[16], на городище Спас-Перекша[17] и в Латвии[18].

О степени распространенности указанных крестов говорят находки литейных форм с их изображениями в слоях таких городских поселений, как Серенск[19], Киев[20], Новгород[21], Изборск[22], а также в погребении у дер. Митяево на Протве[23]. Датировка слоев, содержащих литейные формы (Новгород: конец XII — начало XIII в.; Серенск: 70-е годы XII в.— середина XIII в.), и приведенные выше аналогии позволяют считать началом распространения всех трех форм крестов-тельников вторую половину XII в.

---

[8] *М. В. Седова.* Ювелирные изделия Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 235, рис. 4, *4, 18.*

[9] *А. А. Спицын.* Владимирские курганы. ИАК, 15, 1905, рис. 205.

[10] *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань. МИА, 49, 1955, рис. 139, *9.*

[11] Археологические исследования РСФСР 1934—1936 гг. М., 1941, стр. 45.

[12] Исторический музей Эстонии, Таллин. Фонд АМ, 2515, 379; 57.

[13] *А. А. Спицын.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, 20, СПб., 1896, табл. V.

[14] *Г. Ф. Корзухина.* Русские клады IX—XIII вв. М., 1954, стр. 26.

[15] *О. А. Артамонова.* Могильник Саркела — Белой Вежи. МИА, 109, 1959, стр. 70, погребение 134.

[16] *М. Д. Полубояринова.* Русские вещи на территории Золотой Орды. СА, 1972, 3, рис. 8, *2.*

[17] *Н. И. Булычев.* Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.

[18] *Э. С. Мугуревич.* Ук. соч., стр. 65.

[19] *Т. Н. Никольская.* О литейных формах Серенска. СА, 1974, 1, стр. 232, рис. 2.

[20] *М. К. Каргер.* Древний Киев, т. 1. М.— Л., 1958, табл. VII, XVI.

[21] *Н. В. Рындина.* Технология производства новгородских ювелиров. МИА, 117, М., 1963, рис. 10, *3.*

[22] *В. В. Седов.* Отчет о работах в Изборске 1971 г., 1972. Архив ИА, д. 4487, 4789.

[23] *А. В. Арциховский.* Митяевские литейные формы. ТСА РАНИОН, т. V.

Таблица взаимовстречаемости крестов

Кресты	Височные кольца							Гривны			Подвески			
Места находок и формы крестов *	семилопастные развитые	семилопастные с орнаментом 1 типа	семилопастное бронзовое	трехлопастные ажурные	браслетообразные загнутоконечные	перстнеобразные	трехбусинное гладкое	гривна витая	гривна полужгутовая	гривна двускатно-пластинчатая	лунница широкорогая	лунница узкорогая	подвеска монетовидная	привеска с вписанной лунницей
Жилые Горы, Желябиха (1/3)		+	+		++						+			
Матвеевская (р. Раменка), Волково, Балахна, Куровская, Орешки, Царицыно (2/5)					++	+	+	+						+
Поваровка, Акатово (3/6)					+								+	
Битягово (4/1)	+					+								
Захряпино (р. Руза) (5/1)	+								+					
Стрелково, Жилые Горы, Тихвинское (6/3)		+						+			+			
Дарьино, Болшево, Тушино, Орешки, Царицыно (7/4)	+ + +	+		+	+				+	+	+	+	+	
Волково (Звенигородского р-на), Волково, Новлинская (8/3)	+	+				+							+	
Верхогрязье (9/2)	+								+					
Троицкое (10/4)														
Матвеевская (р. Раменка) (11/1)														
Захряпино (р. Руза) (12/1)	+								+					
Иконки ст. Руза, Поваровка, Звездочка, погост Петра и Павла, Балхашино, Петушки (13/6)	+				+ +	+ + +						+ +	+ + +	+

* Цифры в скобках обозначают: числитель — форма крестов, знаменатель — количество.

Четвертая (4) форма крестов первой группы (рис. 1, *4*) представлена в коллекции одним экземпляром. Это медный крест с квадратом в средокрестии и небольшими квадратами на концах креста.

На территории Подмосковья, судя по инвентарю погребений, вторая, третья, четвертая и пятая (2—5) формы крестов первой группы появляются не ранее второй половины XII в. (см. таблицу). Исключение составляют два креста с эмалью, обнаруженные в погребении Волоколамского уезда с инвентарем первой половины XII в. Основная же масса крестов первой группы, датированная в комплексах второй половиной XII — первой половиной XIII в., происходит с территории бассейнов Москвы-реки и Клязьмы (рис. 2).

Вторая группа крестов-тельников из подмосковной коллекции, кресты с характерным округлым средокрестием, представлены также пятью формами. Первая (6) форма — это так называемый крест «скандинавского» типа (рис. 1, *6*). Все три подмосковных креста «скандинавского» типа относятся к самому раннему варианту подобных крестов, имеющему в средокрестии орнамент в виде ромба с вписанным крестом. Встречены они в основном в земле радимичей, во Владимирских курганах. Начало

с разными категориями вещей

Бусы															Браслеты					Перстни				
золотостеклянные	серебростеклянные	сердоликовые бипирамидальные	хрустальные шарообразные	синие зонные двойные	синие зонные	синие рыбовидные	синие шарообразные	желтые кольцевые	зеленые кольцевые	зеленые винтовые	фиолетовые	фиолетовые рыбовидные	голубые зонные	Бубенчик щелевидный	четверной	витой 2×3	витой 3×3	плосковыпуклый гладкий	пластинчатый	решетчатый	рубчатый	кованый с орнаментом	пряжки лировидные
+	+	++	+			+		+			+			+		+		+		+	+		
		+									+								+		+		+
		+	+		+	+										+			+	+			
								+	+	+					+				+	+			
					+		+										+			+			
+	+	+	+					+										+					
		+	+		+			+	+					+	+		+		+	+	+		
		+	+	+																	+		
		+																					
		+	+											+	+		+			+		+	
		+	+						+					+									
								+					+										
					+									+									+
		+															+			++			
		+						+	+		+	+	+		+				+		+		
		+																			+		

их распространения относится к концу X — началу XI в.[24] Кроме территории древней Руси крестики «скандинавского» типа встречены в Латвии, Литве, Эстонии, Норвегии, Швеции, Финляндии[25]. В Подмосковных курганах кресты «скандинавского» типа известны лишь в захоронениях первой половины XII в. (таблица).

Второй (7) формой крестов-тельников данной группы является небольшой крест с криновидными концами (рис. 1, 7). Подобные кресты известны по киевским коллекциям[26], по материалам Владимирских курганов[27], по коллекции из Увека[28]. В Новгороде крест с криновидными концами найден в слое первой половины XIV в.[29] В Латвии бронзовые

[24] *М. В. Фехнер.* Крестовидные подвески «скандинавского» типа. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 212, 213.

[25] Там же, стр. 213.

[26] *Б. И. и В. И. Ханенко.* Древности русские..., вып. II, № 202.

[27] *А. А. Спицын.* Владимирские курганы..., № 225.

[28] *А. А. Спицын.* Новые приобретения Саратовского музея. ИАК, 53, стр. 103, рис. 26.

[29] *М. В. Седова.* Ук. соч., стр. 236, табл. 4, *8*.

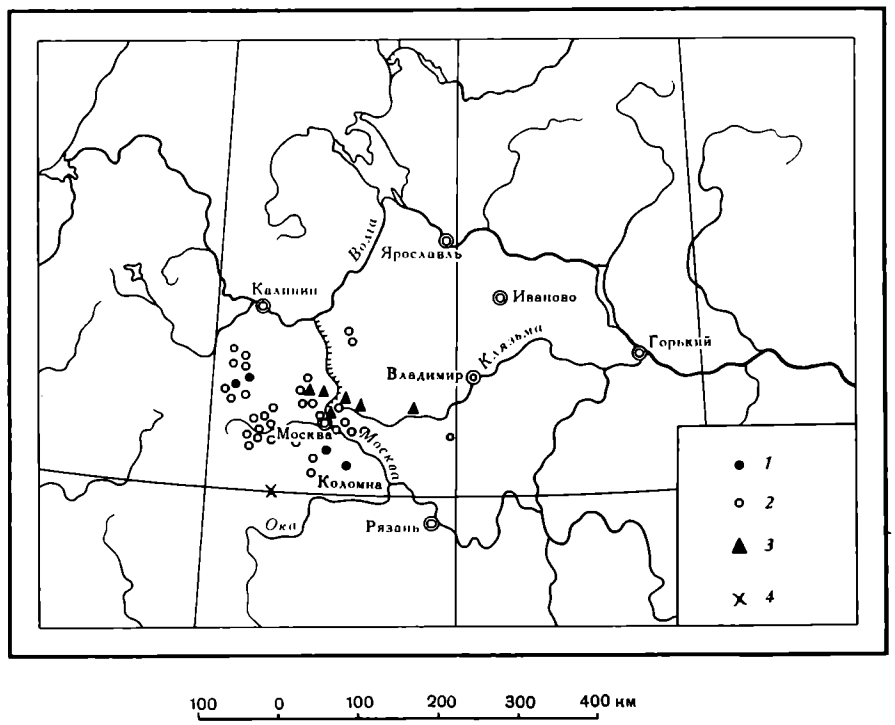


Рис. 2. Размещение крестов и иконок в курганах Подмосковья: *1* – погребения первой половины XII в. с крестом; *2* — погребения второй половины XII — начала XIII в. с крестом; *3* — погребения с иконкой; *4* — место находки литейных форм

крестики с трилистными концами зафиксированы также в слое XIV в.[30] Особая характерность для Руси креста с криновидными концами подтверждается находками серенских литейных форм, связанных, по мнению Т. Н. Никольской, с литейными формами Киева [31]. Для Подмосковья эта форма креста, обнаруженная в памятниках середины XII в. (таблица), является самой распространенной.

Тонкие литые кресты с круглыми расширениями на концах, украшенные на перекрестье и на концах «андреевским» крестом или зернью (рис. 1, *8*), являются третьей (8) формой крестов второй группы. Подобные кресты с зернью встречены в Костромских курганах [32], в Новгороде в слое середины XII в.[33] В Подмосковье кресты третьей (8) формы встречены в комплексах середины XII в. (рис. 2).

К четвертой (9) форме тельников относятся кресты со сквозным отверстием в виде ромба, помещенном в центре перекрестья (рис. 1, *9*). Э. С. Мугуревич считает этот тип крестов изделием латвийских мастеров. «Помимо Латвии крестики этого типа встречаются в Эстонии, Финляндии, где их следует рассматривать как импорт из Латвии или как подражание латвийским образцам» [34]. В Подмосковье подобные кресты появляются не раньше второй половины XII в. (рис. 2).

Небольшие кресты-тельники с утолщенными профилированными концами и с изображением косого креста на перекрестье являются пятой (10) формой второй группы (рис. 1, *10*). Самая многочисленная коллекция подобных крестов, датируемых XII—XIII вв., найдена в Латвии [35].

---

[30] *Э. С. Мугуревич.* Ук. соч., стр. 65, 66.
[31] *Т. Н. Никольская.* Ук. соч., стр. 239.
[32] *Ф. Д. Нефедов.* Ук. соч., табл. 6, рис. 4 и 7.
[33] *М. В. Седова.* Ук. соч., табл. 4, 7.
[34] *Э. С. Мугуревич.* Ук. соч., стр. 64.
[35] Там же, стр. 64, 65.

Очень близкие по форме кресты найдены в Костромских курганах [36], в курганах С.-Петербургской губернии [37], в Приладожье, в Швеции [38]. Характер размещения находок, а также многочисленность крестов в Латвии говорят, по-видимому, о прибалтийском их происхождении. В Подмосковье кресты подобной формы появляются не ранее второй половины XII в. (см. таблицу).

Таким образом, если первая (16) форма второй группы крестов впервые появляется в Подмосковье в первой половине XII в., то основная масса крестов этой группы попадает сюда не раньше второй половины XII в.

Три формы крестов из пяти, составляющих вторую группу, исследователями связываются с северо-западом Европы. Судя по карте, основная масса крестов этой группы проникала в Подмосковье с запада, группируясь в бассейне Москвы-реки (рис. 2). В одном из курганных комплексов Подмосковья, датируемом второй половиной XII в., обнаружен небольшой каменный крестик «корсунского» типа (12) (рис. 1, *12*). К этому же периоду относится и металлический крест с расширяющимися концами (11) (рис. 1, *11*). Эти два креста, найденные в курганах бассейна Москвы-реки, составляют третью группу коллекции.

Итак, самые ранние кресты (кресты с эмалью и кресты «скандинавского» типа) на территорию Подмосковья попали с запада, и местом их находок является бассейн Москвы-реки (рис. 2). Возможно, границы их распространения стоят в прямой связи с процессом установления западного порубежья Ростово-Суздальской земли в первой половине — середине XII в. Во второй половине XII в. кресты остальных десяти форм находятся в бассейнах Москвы-реки и Клязьмы.

Кресты перечисленных 12 форм (36 экз.) обнаружены в 19 подмосковных курганных группах с общим количеством курганов около 400. Группы размещаются в бассейнах Москвы-реки, Клязьмы, Дубны и Сестры. Четыре группы (Троицкое, Битягово, Тушино и Акатово) состоят из пяти — восьми десятков курганов. Основная же масса групп содержит от одного до трех десятков курганов. В большинстве упомянутых групп вскрыто не менее половины курганов, что составляет около 230 курганов. Кресты обнаружены в 21 погребении. В пяти группах (Старо-Дарьино, Орешки I Царицынские, Поваровка, Акатово, Волково) вскрыто по два погребения с крестами. Четыре группы из указанных пяти расположены в бассейне Москвы-реки.

Кроме крестов, на территории Подмосковья в курганных погребениях обнаружено шесть небольших иконок. У станции Петушки, на левом берегу Клязьмы, в бывшем Покровском уезде Владимирской губернии, в кургане найдена бронзовая прямоугольная иконка с изображением на лицевой стороне Богоматери с младенцем, сюжета, известного в иконографии как «Умиление» [39]. Аналогичные иконки встречены также в погребении у погоста Петра и Павла Богородского уезда Московской губернии [40], а также в кург. 12 у пос. Балахна Солнечногорского р-на [41].

Прямоугольные иконки «Умиления» встречены еще в семи пунктах Руси. Иконка найдена в одном из курганов Владимирской губернии; в слое XII в. города Ярополча Залесского; в кургане у дер. Рыжково Кинешемского р-на Костромской обл.; в одном из Костромских курганов; в кургане у дер. Кирьяново Угличского уезда; в кургане у дер. Митино Белозерского уезда в одном комплексе с зооморфными привесками

---

[36] *Ф. Д. Нефедов.* Раскопки курганов..., табл. VI.

[37] *Л. К. Ивановский.* Курганы С.-Петербургской губернии..., табл. V.

[38] *А. М. Линевский.* Отчет о раскопках курганов XI в. по р. Ояти Ленинградской области в 1949 г. Архив ИА, д. № 400.

[39] ГИМ, оп. 1950, инв. № 98592.

[40] ГИМ. оп. 462, 125/116.

[41] Московский областной краеведческий музей.

и крестиками-тельниками 1-й, 2, 3 и 10-й форм. Одна иконка «Умиление» была найдена в Городске Житомирской области [42].

Исследователь этой группы иконок М. В. Седова пишет: «...9 пунктов находок иконок расположены на территории Владимиро-Суздальского княжества (районы Белоозера, Ярославля, Костромы, Владимира, Москвы) и только одна происходит из Городска Житомирской области. Все эти привески-иконки отлиты всего в двух литейных формах: находки из Ярополча и из Балахнинского могильника — в одной литейной форме, остальные — в другой» [43].

Кроме иконы «Умиление» в курганах Подмосковья найдены три круглые иконки, о двух из которых (иконе из кургана у пос. Звездочка [44] и иконке из кургана у станции Поваровка Октябрьской железной дороги [45]), к сожалению, трудно судить, поскольку обе иконки в настоящее время недоступны для изучения, подробного же описания и достаточно четкого изображения в печати не появлялось. Судя по отчетам, иконка из кургана у пос. Звездочка монетовидной формы; на иконке из кургана у станции Поваровка — поясное изображение человеческой фигуры, чуть повернутой вправо.

Если по поводу изображения на монетовидной иконке из кургана Звездочка сейчас невозможны никакие догадки, то по поводу поваровской иконки можно предположить, что рисунок, по-видимому, сохранил очертания фигуры Богоматери, возможно, типа Богоматери из деисусной композиции. Инвентарь погребений групп Звездочки и Поваровки позволяет датировать их второй половиной XII — началом XIII в.

Шестая иконка найдена в курганном могильнике у станции Яуза Северной железной дороги. На небольшой круглой иконке — поясное изображение святого Глеба [46]. Иконография и стилистические детали изображения позволяют датировать иконку XIII в.

Таким образом, так же как основная масса крестов в погребениях Подмосковья, металлические иконки здесь появляются лишь со второй половины XII в. Три иконки из шести и предположительно еще одна относятся к культу Богоматери. Все шесть иконок размещены в курганных группах бассейна Клязьмы.

Так выглядит размещение крестов-тельников и иконок из курганов Подмосковья XII — начала XIII в. Посмотрим, в какой мере характер этой коллекции и ее размещение иллюстрируют общие положения источников по вопросу христианизации Северо-Восточной Руси, и в частности района Подмосковья.

Изучение языческой обрядности, и прежде всего захоронений XII в., все больше убеждает исследователей в несостоятельности теории, рассматривающей христианские символы в погребениях язычников в качестве лишенных всякой смысловой нагрузки украшений. Речь идет прежде всего о памятниках XII в., века, насыщенного жестокой борьбой христианства с язычеством. На фоне бурных проявлений народной воли, таких, как убийство христианских проповедников, постоянная готовность вос-

---

[42] *А. А. Спицын.* Владимирские курганы..., стр. 118, № 226, стр. 144; *М. В. Седова.* Ювелирные изделия из Ярополча Залесского. КСИА, вып. 129, 1971, стр. 72—74, рис. 24, *14*; *Е. Ерофеева.* Раскопки курганов в окрестностях г. Кинешма в 1948 г. Архив ИА, Р-1, № 224, стр. 8, № 225, табл. 18, 19; *Ф. Д. Нефедов.* Ук. соч., стр. 197, табл. VI, *36*; *А. И. Кельсиев.* Отчет о раскопках, произведенных им в Ярославской и Тверской губерниях. Изв. ОЛЕАЭ, т. XXXI, М., 1878—1879, стр. 295—308; *А. А. Спицын.* Курганы Белозерского уезда..., стр. 160—162, рис. 32, 9; *Б. А. Рыбаков.* Торговля и торговые пути. Сб. «История культуры древней Руси», т. I, М., 1951, рис. 216.

[43] *М. В. Седова.* О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси. Сб. «Культура средневековой Руси». Л., 1974, стр. 191.

[44] *М. Г. Рабинович.* Архив ИА, д. 1321. Отчет о раскопках курганной группы «Звездочка», расположенной на левом берегу р. Клязьмы, 1956.

[45] *Г. П. Латышева.* Архив ИА, д. 1134. Отчет о раскопках курганов у ст. Поваровка Октябрьской железной дороги Московской обл. в 1955 г.

[46] *М. Г. Григорьев.* Древняя Москва. По следам древних культур. М., 1953.

стать под влиянием проповедей волхвов, особенно убедительно выглядят медленно, но настойчиво протекающие огромные по охвату населения процессы. Исследователи погребального инвентаря отмечают следующее явление: «...в период развитого язычества на Руси амулеты-обереги, являющиеся предметами языческого культа, не входили в состав женского убора. Широкое распространение этих амулетов в период интенсивного внедрения христианства в среду крестьянского населения отдаленных районов древнерусского государства свидетельствует, видимо, о своеобразном проявлении протеста против новой, насильственно утверждаемой христианской религии» [47]. Итак, многочисленностью языческих амулетов в уборе подчеркивается исключительная приверженность старой религии.

В 24 погребениях из рассматриваемых 30 кресты и иконки помещались среди бус и подвесок ожерелья. В одном из курганов Акатовской группы при отсутствии инвентаря на груди погребенного был бронзовый крест. Три раза — в погребении Стрелковой, Матвеевской групп и в погребении у погоста Петра и Павла Богородского уезда — предметы, связанные с христианским культом, найдены у головы погребенного. Особый интерес, по нашему мнению, представляют 15 погребений, где среди инвентаря отсутствуют амулеты, а кресты размещены в ожерельях. Кресты среди подвесок ожерелья — часто встречающееся сочетание в курганном инвентаре XII—XIII вв.[48]

В письменных источниках середины XIII — начала XVI в. упоминается передача по наследству монист. Обзор упоминаний дает подробное описание этого украшения. Монисто знатной христианки XV—XVI вв. — сочетание на шнурке нескольких крестов и образков, перенизанных бусами: «...Да дочери же моей приданое: ...да монисто на гайтане, четыре креста золоты, да четыре иконы золоты, да три креста камены в золотом, да восемь пронизок золотых» [49].

Принадлежность к христианству московских княжон XV—XVI в., украшенных ожерельями из нескольких крестов, иконок и бус, не вызывает сомнения. В таком случае уместно вспомнить замечание, прозвучавшее в конце прошлого века на обсуждении доклада Д. Н. Анучина «О христианских крестах и образках в могилах средней и западной России» [50]. В. З. Завитневич напомнил, что при раскопках курганной группы на Припяти лишь в одном кургане было найдено захоронение с крестом, помещенным среди бус ожерелья. Интересно, что именно этот курган стоял в стороне от языческого могильника. Все это позволяет, как нам кажется, упомянутые 15 захоронений считать иллюстрацией определенных успехов христианизации.

Подмосковные погребения с христианскими символами являются яркой иллюстрацией той ситуации в борьбе религий, которая удачно была названа самими христианскими проповедниками «двоеверием». В упомянутом уже докладе «О христианских крестах и образках» Д. Н. Анучин, сообщив, что остяки в конце XIX в. носят вышитые бисером нагрудники, на которых находится ряд медных русских крестов, а ниже ряд круглых блях, делает вывод, что это для остяков момент перехода от язычества к христианству и «...христианские символы могут соединяться с языческими, и притом, как надо думать, не в целях только украшения» [51].

---

[47] *А. В. Успенская.* Нагрудные и поясные привески. Тр. ГИМ, 43. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». М., 1967, стр. 98, 99.

[48] *Г. Ф. Корзухина.* Русские клады. М.— Л., 1954, стр. 56.

[49] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950, стр. 349. Духовная грамота княжны Юлиании, вдовы князя Бориса Васильевича Волоцкого.

[50] *Д. Н. Анучин.* О христианских крестах и образках в могилах средней и западной России. Тр. X АС в Риге 1896 г., т. III. М., 1900, стр. 88.

[51] Там же, стр. 85.

О двоеверии определенной части подмосковного населения свидетельствуют, так же как и на других территориях, не только наличие в захоронениях наряду с языческими символами христианских, но и присутствие в инвентаре таких памятников двоеверия, как крестчатые лунницы, преобразованные в круглые образки — монетовидные привески, которые ранее являлись символами могущественного бога-солнца [52]. Из 32 курганных групп, имеющих захоронения с христианскими символами, только в пяти (Салтыковка, Волково, Поваровка, Акатово, Орешки) имеется более одного подобного захоронения. Вместе с тем, судя по письменным источникам, процессом христианизации повсеместно прежде всего была охвачена местная языческая знать [53]. Археологические подтверждения подобного вывода пока очень малочисленны. Письменные источники XI в. сообщают о двоеверии как о религии бедноты, учитывая социально-оппозиционный характер двоеверия. Недаром уже в XI в. киевские церковники относили двоеверие к еретическим течениям [54].

Таким образом, малое количество захоронений XII — первой половины XIII в. с христианскими символами (из 1000 раскопанных курганов Подмосковья только 36 содержат кресты и иконки) свидетельствует, безусловно, не о массовой христианизации сельского населения Подмосковья, что уже отмечалось ранее [55], а, скорее, отражает первоначальное соприкосновение с вводимой религией, соприкосновение, начало которого для Подмосковья относится к первой половине XII в., а в основном датируется второй половиной XII в. Результатом этого соприкосновения и является, по-видимому, небольшая группа христиан и двоеверцев, может быть, относящихся к местной языческой знати. В таком случае кресты и образки Подмосковья — это первые христианские символы в языческой среде, среде, которая только начинает получать представление о христианской религии.

Ближайшей к Подмосковью территорией, несколько ранее ставшей ареной борьбы с язычеством, является Ростово-Суздальская земля. Одну из первых попыток христианизации северо-востока, некоторые историки относят к походу Ярослава в Ростов в 1024 г.[56] Если согласиться с этим, то два первых ростовских епископа, абсолютно легендарные личности, как пишет Голубинский, «обретают плоть» [57]. Предполагаемые и религиозные цели похода Ярослава выглядят вполне реально на фоне такого примера, как карательная экспедиция Яна Вышатича в 1071 г. В походе на Белоозеро принимал участие какой-то «попин», убитый в сражении. Без сомнения, отправляясь на Белоозеро для подавления восстания смердов, Ян Вышатич был подготовлен и к целому ряду мероприятий по христианизации края, олицетворяя тем самым единство целей княжеской власти и церкви.

Проповедь христианства на северо-восток несли прежде всего монахи Киево-Печерского монастыря. Сохранилась запись деяний двух из них: Леонтия — епископа Ростовского, погибшего от рук язычников, и епископа Исайи, который возглавлял кафедру до 1089 г. От времен Исайи сохранились сведения об основании им Дмитровского монастыря (до Суздальской кафедры Исайя был игуменом Дмитровского монастыря в Кие-

---

[52] *Б. В. Сапунов.* Памятники материальной культуры двоеверцев. Из истории семантики лунниц. Тр. ГЭ, XI, 1970, стр. 12; *А. В. Успенская.* Ук. соч., стр. 88, 89; *Б. А. Рыбаков.* Языческое мировоззрение русского средневековья. «Вопросы истории», 1974, 1, стр. 28, 29.

[53] *Д. А. Казачкова.* Зарождение и развитие антицерковной идеологии в Древней Руси XI в. Сб. «Вопросы истории, религии и атеизма», т. 5, М., 1958, стр. 296, 297; *Б. А. Рыбаков.* Языческое мировоззрение..., стр. 19.

[54] *Д. А. Казачкова.* Ук. соч., стр. 296, 297.

[55] КСИА, вып. 90, стр. 23. Обсуждение доклада В. В. Седова.

[56] *Н. Ф. Лавров.* Религия и церковь. Сб. «История культуры древней Руси», т. II. М., 1951, стр. 77.

[57] *Е. Голубинский.* История русской церкви, т. 1. М., 1901, стр. 200.

ве) на подворье Киево-Печерского монастыря в Суздале. В грамоте митрополита Макария от 1551 г. Дмитровский монастырь назван «извечным» [58]. Своеобразный христианский форпост, безусловно, был создан для проповедей среди языческого населения. По-видимому, и в Ростове существовала подобная группа монахов, сплоченная церковью Успения, основанной Леонтием Ростовским [59].

В 1962 г. при исследовании могильника летописного города Ярополча Залесского на Клязьме было обнаружено погребение верижника, монаха, на груди которого перекрещивались массивные железные цепи-вериги. Могильник датирован XI — началом XII в. Исследователь Ярополча Залесского М. В. Седова вполне справедливо предполагает, что в погребении с веригами был захоронен один из первых проповедников христианства в Северо-Восточной Руси [60].

Вполне возможно, что литературное оформление культа Богородицы при Андрее Боголюбском, народный язык сказаний о чудесах Владимирской иконы дает в какой-то мере представление о проповедях среди языческого населения Подмосковья середины — второй половины XII в. Нарочитая простота в обращении с язычниками еще четче проступит, если сопоставить ее с языком поучений против язычества, появившихся уже в середине XII в. и рассчитанных на грамотных христиан [61].

Интересна география отрывочных сведений о процессе христианизации Северо-Восточной Руси. К концу XI — началу XII в. относится начало распространения ростово-суздальской дани на вятичей [62]. Христианские символы на территорию вятичей поступали наезженными путями купцов, княжеских дружин и проповедников христианства. Путем, затрагивающим непосредственно район Подмосковья, был прежде всего путь из Смоленска рекой Вазузой на Волгу, путь, известный уже в первой половине XI в., а в конце XI — начале XII в. ставший обычным.

В свою очередь с бассейном Оки связаны следующие факты процесса христианизации [63]. Уже в 1096 г. в Муроме существовал монастырь Спаса. Голубинский считает это успехом Черниговской епархии [64]. Однако и здесь говорить об охвате христианизацией широких слоев населения, видимо, очень рано. Так, в житии князя Константина Муромского отмечено глубокое удивление «неверных людей» (жителей Оки) похоронами по христианскому обряду (конец XI — начало XII в.) [65]. К началу же XII в. относится гибель под Серенском от рук язычников проповедника Киево-Печерского монастыря Кукши.

Находки литейных форм, специально изготовленных для литья крестов, интересно дополняют наши сведения о путях проникновения идей христианизации. Как было уже упомянуто выше, литейные формы Серенска с изображением крестов очень близки литейным формам Киева. В свою очередь на территории Подмосковья единственная находка подобных литейных форм связана с притоком Оки — Протвой.

Из общего количества крестов Подмосковья 22 обнаружены в курганных группах бассейна Москвы-реки; четыре креста — в бассейне Клязьмы и пять в бассейнах рек Сестры и Дубны — притоков Волги. Восемь из 31 захоронения с крестами размещаются в ближайших подмосковных

[58] *Н. Н. Воронин.* Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1961, стр. 500, прим. № 25.
[59] *Н. Н. Воронин.* Ук. соч., стр. 28.
[60] *М. В. Седова.* Археологические работы во Владимирской области в 1962 г. КСИА АН СССР, вып. 104, стр. 107.
[61] *Б. А. Рыбаков.* Языческое мировоззрение..., стр. 20, 25.
[62] *А. Н. Насонов.* Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 183.
[63] «Во второй половине XII в., судя по известиям Ипатьевской летописи, относительно проторена дорога в Ростовский край через „вятич"» (*А. Н. Насонов.* Ук. соч., стр. 174).
[64] *Е. Голубинский.* Ук. соч., стр. 207.
[65] *А. Н. Насонов.* Ук. соч., стр. 77.

курганных группах: Салтыковка, Матвеевская, Зюзино, Акатово, Тушино, Новлинская. В основном это захоронения второй половины XII—XIII в. Именно к этому времени относится начало активного участия Москвы в христианизации края.

Работы на территории Московского Кремля, и в частности Соборной площади, позволили исследовать слои древнейшего из известных московских кладбищ с датой нижнего горизонта середина — вторая половина XII в., кладбища, по-видимому, связанного с ранним памятником деревянной архитектуры. Относительно ранних предшественниц Успенского собора исследователи пишут: «Не исключено, что престол во имя великомученника Дмитрия Солунского мог быть перенесен в храм 1326 г. из разобранной ранее церкви, в свою очередь получившей его после упразднения стоявшего на этой территории деревянного храма XII века» [66]. Возможно, посвящение деревянного храма Дмитрию Солунскому связано с началом распространения христианства в этом районе и с участием в этом процессе проповедников Дмитриевского монастыря Суздаля, воспитанных в традициях миссионерства Киево-Печерского монастыря.

Выше уже упоминались найденные в Кремле кресты-тельники XII—XIII вв. и шиферный крест из слоя посада XIII в. Кроме Москвы, в слое поселений XII—XIII вв. кресты обнаружены лишь на Жуковском селище (Одинцовский район), на Боровском городище, а также несколько крестов на поселении Дубна, расположенном в месте слияния Волги и р. Дубны [67]. Христианские некрополи XI в., кроме Московского, на территории Подмосковья пока не обнаружены.

Размещение иконок на территории Подмосковья так же выразительно, как размещение крестов-тельников. Из пяти иконок XII в., обнаруженных в курганах на Клязьме, три связаны с богородичным культом. М. В. Седова связывает производство подобных иконок с установившимся во Владимире с середины XII в. поклонением Богородице как покровительнице Владимирской земли и датирует начало этого производства серединой или второй половиной XII в. [68]

С середины XII в. Подмосковье является районом важного порубежья Ростово-Суздальской земли, чем, по-видимому, и объясняется возросший интерес Владимирской церкви к этой территории.

Таким образом, со второй половины XII в. на территории Подмосковья начинается новый этап борьбы с язычеством. К усилиям южных церквей добавляется возросшая активность Владимирской епископии. Во второй половине XII в. местным центром христианизации стала, по-видимому, Москва.

D. A. Biélenkaïa

CROIX ET PETITES ICONES PROVENANT DES KOURGANES DES ENVIRONS DE MOSCOU

Résumé

Dans cet article est publiée une petite collection de croix et d'icônes provenant des ensembles de kourganes des environs de Moscou. Par la forme de l'intersection de leurs bras, ces croix se répartissent en trois groupes, parmi lesquels on peut distinguer douze types (fig. 1). Les plus anciennes croix de ces kourganes sont celles ornées d'émaux (fig. 1, 1) et celles du type «scandinave» (fig. 1, 6). Ces deux types, venus de l'Occident,

[66] *Н. С. Шеляпина.* К истории изучения Успенского собора Московского Кремля. СА, 1972, 1, стр. 208.

[67] *А. Г. Векслер.* Архив ИА, д. № 3277, 3552, 2182; *А. В. Успенская.* Архив ИА, д. 2977, 2762.

[68] *М. В. Седова.* О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси, стр. 6, 7.

apparaissent dans la région de Moscou au cours de la première moitié du XIIe s., et se répandent dans le bassin de la Moscova. Les dix autres formes de croix apparaissent ici seulement dans la deuxième moitié du XIIe s., et se rencontrent aussi bien dans le bassin de la Moscova que dans celui de la Kliazma. Dans les kourganes des environs de Moscou on a trouvé en tout six petites icônes. Trois d'entre elles (et peut-être encore une autre) se rapportent au culte de la Vierge. Comme la plupart des croix, les icônes de métal apparaissent dans les kourganes de la région au cours de la deuxième moitié du XIIe s.; cependant on ne les trouve que dans le bassin de la Kliazma. Les sépultures des environs de Moscou possédant des symboles chrétiens dans leur mobilier sont une illustration des premiers contacts de la population païenne avec la regilion chrétienne, qui eurent pour résultat une double croyance. La prédication du christianisme dans le nord — est de la Russie a été avant tout l'oeuvre des moines du monastère Pétcherski à Kiev. A en juger par la diffusion de ces petites icônes – dont les spécialistes reportent le début de la production au milieu du XIIe s., avec comme centre la ville de Vladimir,— c'est justement l'Eglise de Vladimir qui à cette époque prend une part active à la christianisation du pays. Dans la deuxième moitié du XIIe s., c'est Moscou qui devient le centre régional de la christianisation.

Т. И. МАКАРОВА, Т. В. НИКОЛАЕВА

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ТВЕРСКОГО ОТРОЧА МОНАСТЫРЯ

Прикладное искусство важнейшего из центров древнерусской культуры — Твери представлено незначительным количеством памятников. За последнее время круг их несколько расширен за счет введения в научный оборот ранее неизученных произведений, определяемых как тверские [1]. Но есть давно известные памятники, тверское происхождение которых не вызывает сомнений, но они до сих пор не раскрыты и не датированы. К ним относится епитрахиль из Тверского Отроча монастыря. Еще в XIX в. на это произведение было обращено внимание знатоков тверских древностей [2] и усилиями А. К. Жизневского оно было передано из монастыря в Тверской музей — один из лучших и для того времени богатых музеев России [3].

Епитрахиль является весьма интересным произведением лицевого и орнаментального шитья, связанным с разными историческими этапами культуры Твери. Основное внимание к ней приковывали не шитые изображения, а многочисленные мелкие дробнички с перегородчатыми эмалями, относящиеся к XIII в. и попавшие на это произведение с какого-то древнего предмета. Впервые на древность этих дробниц указал хранитель Оружейной палаты Г. Д. Филимонов. Именно он обратил внимание, что дробницы «совершенно подобны тем, какие находятся на облачениях св. Алексея митрополита в Чудовом монастыре...» [4]. А. К. Жизневский кратко описал это произведение, но не снабдил его научным комментарием.

Нам представилась возможность изучить епитрахиль из Отроча монастыря в Калининском музее, и мы решили высказать свои соображения по поводу датировки и изображений на этом интересном произведении [5].

Епитрахиль шита пряденым золотом и серебром по темно-красному, червчатому атласу (рис. 1). На ней изображены попарно три ряда фигур святых в рост с надписями, содержащими их имена. В верхнем ряду — Василий Великий и Григорий Богослов (В(А)СИЛІИ В(Е)ЛК; ГРИ БГОСЛОВЪ). Оба представлены в святительских одеждах, с воздетыми руками. Правая рука в благословляющем жесте, а в левой руке каждый из них держит закрытое Евангелие. Во втором ряду — московские митрополиты Петр и Филипп (ОАГ ПЕТР МИТРОПОЛИТЪ; ОАГ ФИ-

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* Русские датированные надписи XI—XIV веков. САИ, Е1-44, М., 1964, стр. 44, № 52, табл. XXXIV, рис. 5, 6; *Т. В. Николаева.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. САИ, Е1-49, М., 1971, стр. 14—16, 35—38, табл. 6—9.

[2] *Н. Н. Овсянников.* Указатель тверской старины. Тверь, 1903, стр. 10.

[3] *А. К. Жизневский.* Описание Тверского музея. Археологический отдел. С примечаниями графа А. С. Уварова. М., 1888, стр. 6, 125. В настоящее время епитрахиль хранится в Калининском областном краеведческом музее, № КОМ-1961.

[4] *А. К. Жизневский.* Ук. соч., стр. 125.

[5] Благодарим сотрудников Калининского музея Е. Г. Репкину и В. Н. Цветкову любезно предоставившим нам возможность работать над этим произведением.

Рис. 1. Епитрахиль из Тверского Отроча монастыря (общий вид)

ЛИ$\widetilde{\text{ПП}}$ МИТРОПОЛИТЪ) с раскрытыми Евангелиями в руках. В нижнем ряду — тверской епископ Арсений и князь Михаил Ярославич (О$\widetilde{\text{АГ}}$ АРСЕ НІИ Е$\widetilde{\text{ПП}}$Ъ ТВЕ РСКІИ; БЛГОВЕ РНЫИ КНЗЬ МІХАИЛЪ). В отличие от других изображений Михаил держит руки перед грудью. У ног каждой фигуры вышит прямоугольный плат. Ряды изображений разделены крупными раскрытыми цветками, сплошь зашитыми золо́тными нитями. Остальной фон заполнен свободно вьющимися побегами, напоминающими рисунок скани. Этот орнамент выявлен двумя рядами настила из льняных нитей между двумя рядами золо́тных жгутов. Первоначально настил предназначался для закрепления на нем мелкого жемчуга. Жемчугом могли быть окантованы и фигуры святых и их подножия. В некоторых местах на настиле видны поперечные нити шелка, которым закреплялась жемчужная обнизь, и даже остались еще не споротыми мелкие жемчужинки.

Завитки орнамента включали в себя разных размеров круги, в которые и были посажены серебряные дробнички с перегородчатой эмалью (рис. 2), а также и дробнички в виде выпуклых восьмилепестковых розеток и просто гладкие. А. К. Жизневский насчитывал их 128, из которых 86 финифтяных. Мы насчитали на левой стороне с эмалью 43 дробницы, древних гнезд от выпавшей эмали девять, две серебряные дробницы в виде выпуклых восьмилепестковых розеток и одну выпуклую гладкую дробницу. На правой стороне дробниц с эмалью 45, древних гнезд от выпавшей эмали 13, дробниц гладких круглых и фигурных семь, дробниц в виде розетки одна. Всего на епитрахили сохранилась 121 дробница. Все они серебряные, позолоченные. Большинство из них круглые, но есть несколько деформированных, неправильной, вытянутой формы. Диаметры дробниц колеблются от 1 до 0,6 *см*. Эмаль сохранилась на 78 дробницах, на 22 она выпала вместе с перегородками, обнажив дно глубокого лотка (более 2 *мм*), небрежно оттиснутого на довольно толстой пластине. Края лотка пологие, без следов насечки, часто помятые, вероятно, от неоднократных перешивок со старой ткани на новую. По краям дробниц — по четыре отверстия для пришивания. Вышивальщицы неукоснительно учитывали размер каждой дробницы, делая для них круги из льняного настила различного диаметра.

По степени сохранности дробницы с эмалью выглядят изделиями одновременными. Утраченные дробницы заменялись круглыми или тисненными розетками. Все дробницы с эмалью стилистически едины. Помимо формы это выражается в одинаковой манере небрежного рисунка, выложенного довольно толстыми перегородками. Орнамент часто не центрирован, сдвинут к краям лотка, нет строгой симметрии и в самом рисунке. Перегородки, как правило, замкнутые, но бывают и разорванными, из-за чего эмали разных цветов иногда соприкасаются.

Все дробницы совершенно однотипны по манере исполнения, что позволяет видеть в них серию изделий, сделанных одновременно в одном месте.

Этот важный тезис подтверждает и визуальный анализ самих эмалей. Для дробниц епитрахили использована эмаль четырех основных цветов: синяя, зеленая, красная и белая. Три первые цвета дают четко различаемые оттенки: синяя эмаль бывает темная и светлая, в одном случае бирюзовая; зеленая образует два оттенка — темный и светлый, травянистый; красная один раз оказалась очень темной. Перед нами традиционная для перегородчатой эмали четырехцветная гамма (без желтого тона) с оттенками, характерными для синего и зеленого тонов. Оставляя пока в стороне вопрос об аналогиях подобной цветовой гамме в древнерусском эмальерном деле, отметим один бесспорный факт: все указанные цвета и оттенки эмали использованы для всей серии дробниц независимо от их орнаментации так, что все тона взаимосочетаются в разных комбинациях. Это можно объяснить использованием одного запаса эмали для

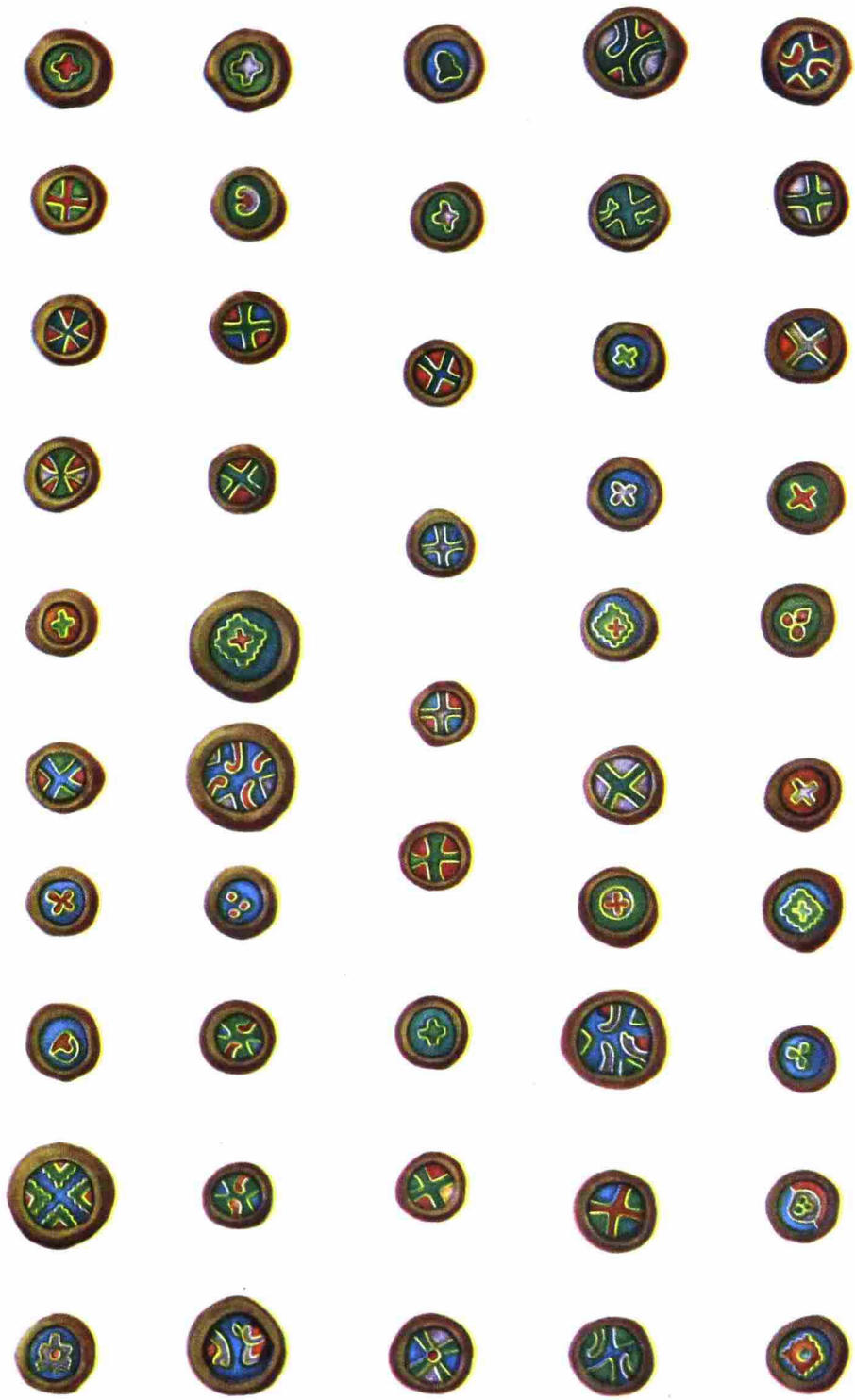


Рис. 2. Образцы дробниц с перегородчатой эмалью с епитрахили из Тверского Отроча монастыря

(по акварели художницы Н. Сурвилло)

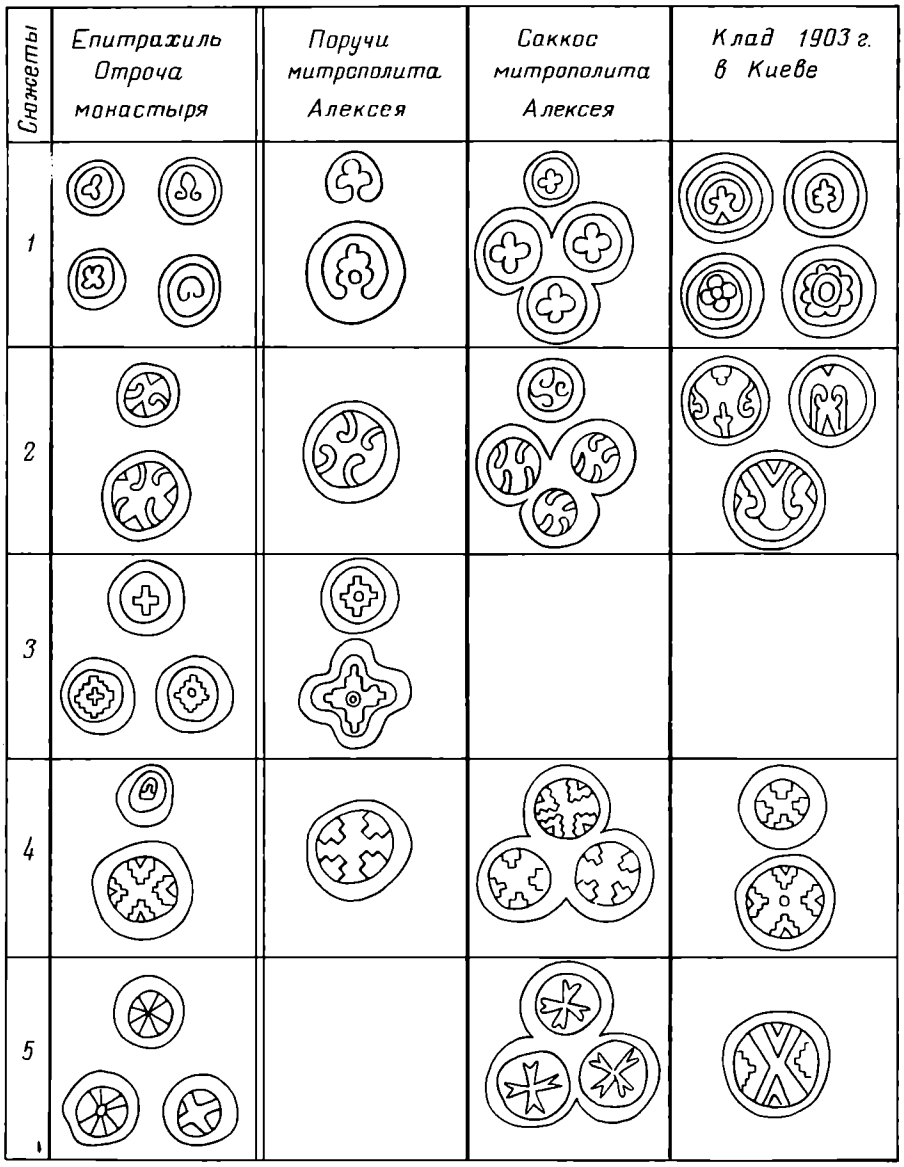


Рис. 3. Сравнительная таблица сюжетов дробниц с перегородчатой эмалью

изготовления всей серии дробниц. В практическом древнем руководстве ювелирному делу XI в.— «Трактате о разных ремеслах» Теофила — до нас дошло описание производства перегородчатой эмали. Одним из важнейших его моментов являлось, по словам Теофила, испытание температуры плавления разного цвета эмалей. Это испытание являлось важнейшим условием успешного производства. Естественно, что это обстоятельство делало выгодным иметь большой запас эмали, раз проверенный и пригодный к работе.

Второй вывод, напрашивающийся из слов Теофила, касается покупки эмали на стороне. В случае варения ее самим златокузнецом дальнейшие испытания ее были бы излишни. Вероятно, эмальер покупал эмаль у стеклодела — специалиста. Так было на Руси и тогда, когда финифтяное дело переживало подъем. В XVII—XVIII вв. русские эмальеры покупали эмаль в Германии. Конечно, ювелир мог и сам изготовлять эмаль. Но и в этом случае приверженность к раз освоенным эмалям упирается в те же технологические причины. А это значит, что устойчивая цветовая гамма — очень выразительный и красноречивый признак для эмалей одной

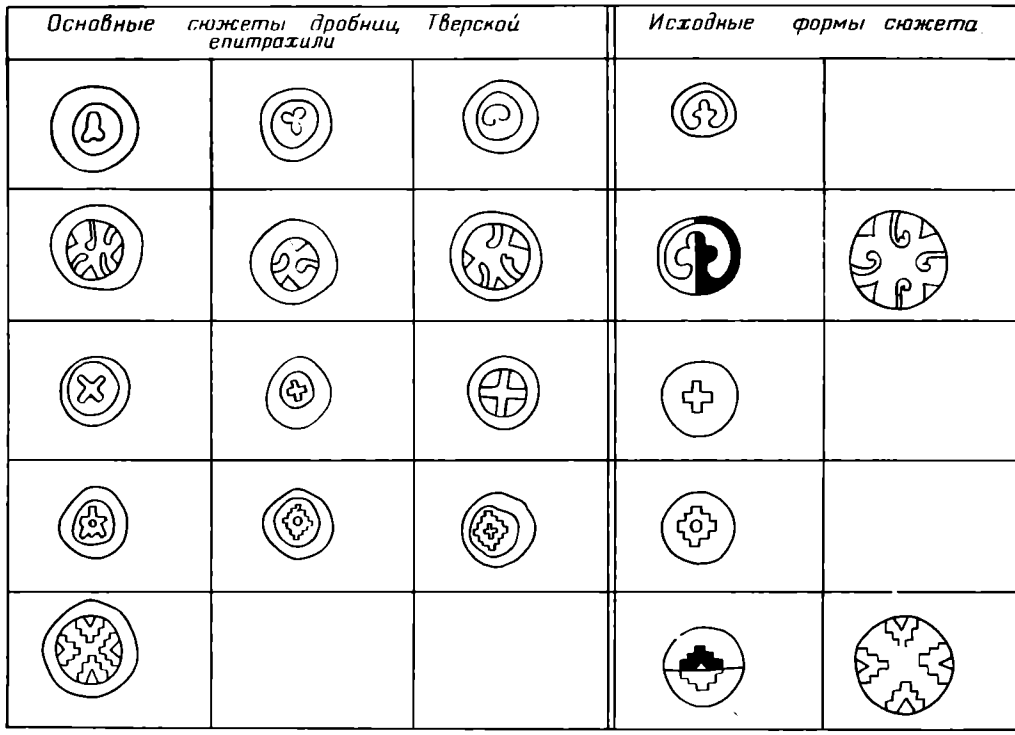


Рис. 4. Основные сюжеты орнаментации дробниц епитрахили Отроча монастыря и их исходные формы

мастерской. И действительно, древнерусские домонгольские эмали дали совершенно определенные варианты цветовых соотношений, характерных для основных центров производства перегородчатых эмалей на Руси — Киева, Рязани, Новгорода, Владимира [6]. Здесь речь идет о школах, т. е. о нескольких преемственно связанных во времени мастерских, восходящих к одной традиции. В случае с дробницами на тверской епитрахили Отроча монастыря речь может идти о мастерской в узком смысле.

Важнейшим аспектом исследования дробниц является анализ их орнаментации. На тверской епитрахили в глубоком лотке размещены простейшие орнаменты геометрического и растительного характера. Все они могут быть разделены на пять определенных сюжетов с незначительными вариациями. Это крест и как вариант его — лучевые композиции; городчатые композиции; крин и композиции его частей (рис. 3).

Крайняя простота этих сюжетов обманчива: за ними стоят более сложные прототипы. Их дают домонгольские произведения с перегородчатой эмалью — колты, рясны, диадемы древнерусских кладов. Именно они дают нам самый выразительный пример того орнамента, который палеографы, исследующие древние рукописи, называют византийским [7], а археологи — финифтяным [8].

Основой растительного варианта орнаментации этого стиля оказывается трехлепестковый росток — крин. К крину и восходит примитивный растительный сюжет на дробницах тверской епитрахили (рис. 4). Он ис-

[6] *Т. И. Макарова, С. А. Плетнева.* О центрах эмальерного дела древней Руси. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 106. Конечно, из сказанного не следует делать вывод, что все своеобразие колорита перегородчатых эмалей разных центров диктуется только технологией. Последняя в свою очередь обусловлена факторами эстетического свойства.

[7] *В. Н. Щепкин.* Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 46, 47; *Т. Н. Протасьева.* Византийский орнамент. Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1973, стр. 205—218.

[8] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 393.

полнен одной перегородочкой, образующей трехлепестковую или четырехлепестковую фигуры. Вариантом ее можно считать скобку, представляющую собой как бы незавершенную розетку.

Второй пример растительного орнамента находим на бляшках, где небрежные изображения отростков чередуются с треугольниками.

На некоторых ряснах из домонгольских кладов мы находим прообраз этой композиции [9]. В круг или квадрифолий вписаны изящно изогнутые ветви, образованные из разделенного пополам крина, чередующиеся с треугольниками. Получилась композиция простая и совершенная, в основе своей восходящая к крину. Другие комбинации с веткой-полукрином, древом и треугольником дают бляшки из киевского клада 1903 г., хранящиеся в ГИМ [10]. На тверской епитрахили композиция с ветвями-полукринами упрощена до такой степени, что ее трудно узнать.

Проще найти истоки геометрического орнамента епитрахили. Основой его является крест. Усложнения его дают городчатую фигуру, ее деление — композиции, которые принято называть «городками».

Видоизменением простого сюжета — креста в круге — являются кресты, образованные радиальными отрезками, иногда с кружком в центре.

Итак, истоки орнаментации тверских дробниц уводят нас к перегородчатым эмалям Киевской Руси. Однако прямых аналогий того простейшего варианта этой орнаментации, которую нам сохранили дробницы тверской епитрахили, мы не найдем среди первоклассных произведений древнерусских эмальеров. Их дает совершенно особенная группа эмалей, хранящихся в Московской Оружейной палате. На трех предметах церковных облачений — на епитрахили, поручах и саккосе митрополита Алексея — сохранились дробницы с перегородчатой эмалью [11]. На дробницах епитрахили изображены фигуры святых из нескольких разрозненных деисусных композиций. Важно отметить, что надписи на них и на заменивших утраченные дробницы с эмалью гравированных относятся ко второй половине XIII в.

Дробницы поручей заняты растительными и геометрическими композициями, их мы находим и на малых дробницах саккоса. Среди них есть несомненные аналогии орнаментам епитрахили Отроча монастыря: здесь тоже крин превратился в простую четырехлепестковую розетку, а полукрины-ветви — в примитивные отростки. Вместе с городчатыми композициями, восходящими к кресту, на саккосе встречаем радиальные композиции.

Одним словом, если в домонгольских эмалях мы находим истоки, прообразы орнаментации тверских дробниц, то прямые аналогии им дают только эмали, сохранившиеся в Москве. Попытаемся определить их место в ряду древнерусских изделий с перегородчатой эмалью. Московские эмали, при всем сходстве в орнаментации с домонгольскими, существенно отличаются от последних технологией изготовления. Это выражается в большей глубине лотка и, следовательно, более толстом слое эмали, более грубых перегородках. Кроме того, дно лотка эмалей из Оружейной палаты покрыто насечками, и в ряде случаев заметно применение грунтовки. Наконец, особое место московских эмалей в ряду древнерусских произведений с перегородчатыми эмалями подчеркивает их цветовая гамма. Это типичная для киевской школы эмальерного дела гамма с характерной

---

[9] *Б. А. Рыбаков.* Русское прикладное искусство X—XIII веков. Л., 1971, № 55; *Г. Ф. Корзухина.* Русские клады. М., 1954, табл. LII.

[10] *Г. Ф. Корзухина.* Ук. соч., стр. 121; *М. М. Постникова-Лосева.* Русская эмаль. Каталог. М., 1962, стр. 52; *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси, стр. 383, 384.

[11] *И. Толстой, Н. П. Кондаков.* Русские древности в памятниках искусства, вып. V. СПб., 1899, стр. 92—94; *В. Ю. Никольский.* Древнерусское декоративное искусство. М., 1923, табл. I, стр. 91; *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси, рис. 110; *его же.* Русское прикладное искусство, рис. 113—117; Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1969, № 23—28.

для московских эмалей любовью к разным оттенкам синего, зеленого и красного тонов.

Если учесть вместе с этим своеобразную форму употребленных на одеждах Оружейной палаты дробниц (круглые строенные, трапециевидные нескольких вариантов), то перечисленного будет вполне достаточно, чтобы отнести московские эмали к особой группе, связанной преемственно с домонгольскими эмалями русских кладов. Все эти обстоятельства делают весьма убедительной ту палеогеографическую дату, которую дают дробницы епитрахили из Оружейной палаты,— вторую половину XIII в. Близость дробниц тверской епитрахили к московским эмалям не означает, однако, их общего происхождения.

Против последнего говорит ряд существенных соображений. Прежде всего, дробницы епитрахили Отроча монастыря гораздо примитивнее по форме и орнаментации всех дробниц Оружейной палаты. С точки зрения орнамента они еще дальше ушли от домонгольских прототипов.

С точки зрения цветовой гаммы эмали тверских дробниц представляют собой вариант московских. Та же сине-красно-зеленая гамма с белым, но без желтого отличается здесь большим разнообразием оттенков. В целом цветовая гамма московских и тверских эмалей ближе всего к рязанской, отличающейся богатством полутонов. Но между собой они все же разнятся тональностью эмалей, что говорит о разной сырьевой базе.

Представляется бесспорным, что две группы эмалей, представленные дробницами Отроча монастыря и Оружейной палаты, являются образцом местного ремесла, продолжающего домонгольские традиции.

Рассмотренные же нами дробницы епитрахили из Твери можно отнести к последнему этапу высокого искусства перегородчатой эмали на Руси.

Теперь нужно определить время создания самой епитрахили, которую в музее относили к XV в. Техника лицевого шитья, палеография надписей и стиль лицевых изображений не позволяют отнести это произведение ко времени более раннему, чем XVII в. Орнамент золотного шитья здесь крупнее, чем на ранних произведениях. Контуры фигур мало выразительны и геометризованы. Черты лиц даны условно и однообразно. Одно от другого лица отличаются лишь формой или величиной бороды или наличием головного убора (митра у Филиппа). Своеобразный рисунок знаменщика лицевых изображений сказывается в неверном и схематичном рисунке рук. Художник и вышивальщицы, создававшие это произведение, больше мастерства достигли не в искусстве лицевых изображений, а в общем декоративном решении всего произведения, в орнамент которого включены и сами фигуры святых, с преобладанием в них золо́тного шитья с разноцветной шелковой прикрепой. По периметру изображений епитрахиль обшита золото-серебряным галуном XVII в., а внизу к ней пришиты 12 кистей из золотных, серебряных и шелковых нитей с туго скрученными из золота и серебра ворворками. Кисти с золотыми нитями и зеленым шелком перемежаются с серебряными нитями с коричневым шелком. Древняя подкладка из желто-зеленой тафты. Поверх нее нашита более поздняя подкладка из шелка песочного цвета [12].

Проанализируем теперь подбор лицевых изображений. Прежде всего следует отметить, что на епитрахили изображены местно чтимые тверские святые, епископ Арсений и князь Михаил Ярославич, а также святые, связанные с историей Отроча монастыря или особо чтимые в монастыре.

Тверской князь Михаил Ярославич и епископ Арсений известны как покровители города Твери. В иконописи они часто изображались вместе,

---

[12] В настоящее время епитрахиль находится в реставрации в Государственных центральных художественных реставрационных мастерских. Реставрацию производит М. П. Рябова.

держащими тверской кремль в руках или с изображением кремля у их ног [13]. Местно чтимыми святыми они были — Михаил, по-видимому, уже с XIV в., а Арсений с 1483 г. Общерусская их канонизация утверждена на московских соборах 1547—1549 гг.[14] В XVII в. к культу этих святых, как мы потом увидим, было вновь обращено особое внимание тверского духовенства.

Большой интерес представляют изображения двух московских митрополитов — Петра и Филиппа. Утверждение в Твери культа митрополита Петра имело свою предысторию. Известно, что после поставления константинопольским патриархом Афанасием волынского уроженца Петра московским митрополитом в 1308 г. большинство духовенства, хотя и приняло его враждебно, вскоре примирилось с его назначением, упорствовал один только тверской епископ Андрей (сын литовского князя Герденя), написавший даже ложный донос патриарху на Петра. Спор между митрополитом и епископом решался на специальном церковном соборе в Переславле Залесском, на котором присутствовали кроме многочисленного русского духовенства еще и сыновья великого князя тверского — Дмитрий и Александр. Спор был решен в пользу митрополита Петра. Андрей вынужден был отказаться от управления своей епархией и удалиться в Введенский монастырь на Шоше [15]. Не потому ли митрополит Петр был впоследствии одним из наиболее признанных в Твери московских святых? При описании Тверского Отроча монастыря 1626 г. не упоминается икон ни митрополита Алексея, ни Ионы. Зато икон с изображением митрополита Петра было три, да еще специальный придел Петра митрополита и теплый храм, освященный в его же имя [16].

Почитание митрополита Филиппа (в миру Федор Степанович Лобанов-Колычев) было непосредственно связано с историей Отроча монастыря. Сюда был сослан опальный московский владыка, ярый противник опричнины. Иван Грозный, идя через Тверь на разгром Новгорода в 1569 г., послал в келью митрополита Филиппа своего палача Малюту Скуратова-Бельского, который якобы должен был получить от него благословение на этот поход. Митрополит опять проявил стойкость и отказался одобрить дальнейшие деяния опричников. 23 декабря (по другим источникам 9 января) он был задушен Малютой и спешно, в тот же день, погребен в Отроче монастыре [17]. В 1584 г. по просьбе соловецких иноков останки Филиппа были перенесены в Соловецкий монастырь, который был местом его пострижения и активной деятельности в качестве игумена. Там и был создан культ митрополита Филиппа. Почитание его в Москве и Твери относится ко времени не ранее 1652 г., когда его мощи были

---

[13] *Н. Н. Овсянников.* Ук. соч., стр. 6.

[14] *В. Матвеев.* Описание тверских древностей с очерком города Твери и Оршина монастыря. М., 1878, стр. 34; *Е. Е. Голубинский.* История канонизации святых в русской церкви. 2-е изд. М., 1903, стр. 67, 81, 101, 104; *В. А. Кучкин.* Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974, стр. 206.

[15] Полный месяцеслов всех празднуемых православною кафолическою восточною церковью святых, собранный из московских и киевских Святцев, из Пролога и Четь-Минеи, с приобщением к нему на конце толкования имен по алфавиту. СПб., 1848, стр. 95; *В. Покровский.* Историко-статистическое описание Тверской губернии, т. I. Тверь, 1879, стр. 90; *Макарий,* архиепископ харьковский. История русской церкви в период монгольский, т. IV, кн. I. СПб., 1866, стр. 16—19.

[16] Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подьячего Богдана Фадеева 1626 г. Тверь, 1901, стр. 121—125. Тверская икона XV в. с изображением митрополита Петра хранится в Гос. Третьяковской галерее. См. ее изображение в кн.: *Л. М. Евсеева, И. А. Кочетков, В. Н. Сергеев.* Живопись древней Твери. М., 1974, № 24.

[17] Сказания князя Курбского. Ч. I. История Иоанна Грозного. СПб., 1833, стр. 159, 160, прим. 188; *Р. Г. Скрынников.* Опричный террор. Л., 1969, стр. 44; О судьбе рода Колычевых в эпоху опричнины см. *С. Б. Веселовский.* Исследования по истории опричнины. М., 1963, стр. 397—400.

торжественно перенесены в Москву и в память этого события установлен новый праздник 3 июля [18].

Источники XVIII в. указывают на то, что в Отроче монастыре была церковь митрополита Филиппа, каменная с трапезной (1722 г.) [19]. Исследователи XIX в. называют вторым храмом после Успенского собора церковь митрополитов Петра и Филиппа [20].

Изображение на епитрахили митрополита Филиппа исключает все предполагаемые ранее даты создания этой вещи, кроме середины XVII в. Эту дату можно уточнить, рассматривая все изображения, вместе взятые.

Но сначала обратимся к рассмотрению двух верхних фигур святителей Василия Великого и Григория Богослова. Нам не удалось определить, когда было установлено в Твери почитание трех вселенских святителей.

В XVII в. в Твери уже была деревянная церковь Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста (с 1780 г. каменная домовая церковь) [21]. В Отроче монастыре, в теплом храме митрополита Петра, находился образ трех святителей, да четыре их образа (по-видимому, на отдельных досках, вместе с образом Николы) стояли на Святых воротах. Образ же Василия Великого, писанный на золоте, находился над левым крылосом главного храма Успения [22]. Так что почитание в Твери трех вселенских святителей совершенно очевидно. На епитрахили изображены только два святителя. Это диктовалось, во-первых, композиционным размещением фигур (по две в каждом ряду). Предпочтение же Григорию Богослову, а не Иоанну Златоусту могло быть отдано в связи с памятью об отроке Григории, с именем которого тверские предания, получившие литературное оформление именно в XVII в., связывали возникновение Отроча монастыря [23].

Еще исследователи XIX в. справедливо выражали свои сомнения по поводу литературной версии, приписывавшей основание древнейшего тверского монастыря княжескому отроку Григорию [24]. Тем не менее во многих исследованиях о монастырях за ней оставлено право исторической гипотезы без научной ее критики [25].

Создание епитрахили может быть приурочено только к тому времени, когда вспомнили сразу о всех трех изображенных на ней русских святых и утверждению их культа послужил новый повод.

В 1644 г. Тверь сильно пострадала от морового поветрия. В 1654 г. мор повторился с такой страшной силой, что «число умерших почти рав-

---

[18] Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия местно чтимых. СПб., 1836, стр. 264—268; *Д. И. Протопопов.* Жития святых, чтимых православною Российскою церковию, а также чтимых греческою церковию, южнославянских, грузинских и местно чтимых в России. Месяц январь. М., 1884, стр. 147—168.

[19] *Б. Д. Комаров.* Чертеж города Твери до перепланировки XVIII века. Архитектурное наследство, 6, 1956, стр. 155; см. здесь же ссылку на рукописный источник: Топографическое, историческое и камеральное описание городов и уездов Тверской губ., 1783 г. ГИМ, ОПИ, ф. 445, ед. хр. 128, ч. 247, лист 37.

[20] *Амвросий,* архимандрит. История российской иерархии, ч. V. М., 1813, стр. 418—420; *А. Ратшин.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852, стр. 509.

[21] *Б. Д. Комаров.* Ук. соч., стр. 154, № 43.

[22] Выпись из Тверских писцовых книг..., стр. 122, 125, 127.

[23] История русской литературы, т. II, под ред. А. С. Орлова, В. П. Андриановой-Перетц, Н. К. Гудзия. М.— Л., 1948, стр. 251—253; *Р. П. Дмитриева.* Повесть о Тверском Отроче монастыре и исторические реалии. ТОДРЛ, XXIV. Л., 1969, стр. 210—213.

[24] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, т. IV. СПб., 1892, прим. 118; Тверские губернские ведомости, 1865, № 38, неофиц. часть, стр. 211—213.

[25] *В. В. Зверинский.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, т. II, СПб., 1892, стр. 257; *Амвросий,* архимандрит. Ук. соч., ч. V, стр. 418—420; *П. Строев.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. СПб., 1877, стр. 452—453; *В. Покровский.* Историко-статистическое описание..., стр. 31.

нялось числу оставшихся в живых». Желая поддержать упавший дух тверитян, архиепископ Лаврентий специально ездил в Москву, чтобы привести оттуда гроб митрополита Филиппа, в котором он был привезен из Соловков; в этот гроб были переложены мощи епископа Арсения, а в 1655 г. состоялось вскрытие мощей князя Михаила Ярославича, которому был установлен в Твери новый праздник (30 сентября). Все это сопровождалось торжественными крестными ходами и службами [26]. Эти события и повлияли на подбор изображений для епитрахили, которая могла быть создана только после 1655 г.

Откуда же попали на епитрахиль XVII в. дробнички с перегородчатой эмалью XIII в.? Судя по упомянутой описи Отроча монастыря, составленной Потапом Нарбековым, в монастырской ризнице было очень мало вкладных вещей и вообще ризница не отличалась богатством. Она содержала лишь необходимые предметы церковной утвари и облачений духовенства, по-видимому, выполнявшихся по их же заказам. В монастырях при изготовлении новых одежд часто практиковали перенесение древних драгоценных украшений с обветшавших предметов на новые. Даже в богатой патриаршей ризнице, где обычно древние облачения берегли как реликвии, мы находим много предметов, на которые попали украшения с утраченных старинных вещей. Так, на саккосе и поручах митрополита Алексея середины XIV в. нашиты многочисленные дробницы с перегородчатой эмалью XII—XIII вв.[27], на саккосе патриарха Никона 1653 г., называемом «Лазаревским», посажены драгоценные камни в оправах начала XV в.[28].

В Отроче монастыре, по-видимому, также были использованы украшения с древних обветшавших вещей, которые могли относиться к XIII в. и уже неоднократно использоваться на протяжении XIII—XVII вв. Во всяком случае, сами дробнички указывают на это отдаленное время. В связи с этим следует вспомнить, что «Повесть» об основании Отроча монастыря указывает дату его возникновения — 1265 г. Это единственная точная дата, приводимая этим источником [29]. Возможно, она взята из какого-то не дошедшего до нас документа или более или менее достоверного устного предания, так как вполне согласуется со строительной деятельностью князя Ярослава [30]. Правда, Лаврентьевская летопись под 1206 г. упоминает игумена какого-то Отроча монастыря при описании погребения супруги Всеволода Георгиевича Суздальского Марии. Но здесь речь идет о монастыре смоленском, так как на этом погребении был и епископ смоленский [31].

Мы хотим лишь высказать новые соображения о том, почему тверской монастырь был назван «Отрочь» и его возникновение может быть отнесено к XIII в.

Изучая архитектурные памятники древней Твери, архитектор Б. Д. Комаров вместе со старшим научным сотрудником С. Г. Ширшовой обнаружили в 1952 г. в Московском Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА, ВУА, ф. 3, отд. 39, д. № 724) чертеж города Твери до его перепланировки XVIII в.[32] На этом чертеже в «Заволж-

---

[26] *Чередеев Косьма,* протоиерей. Биографии тверских иерархов от начала существования архиерейской кафедры в г. Твери и до ныне. Тверь, 1859, стр. 83—85.

[27] Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1969, № 23—25.

[28] *Г. Филимонов.* «Патриаршая ризница» Саввы (Епископа Можайского). Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне синодальной) ризницы. М., 1863. Рецензия. См.: «Сборник на 1866 год, изданный обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее». М., 1866, стр. 94, 95.

[29] Повесть о Тверском Отроче монастыре. «Изборник» (сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969, стр. 675—683.

[30] *В. С. Борзаковский.* История Тверского княжества. СПб., 1876, стр. 81—83.

[31] ПСРЛ, т. I, 1962, стлб. 425.

[32] *Б. Д. Комаров.* Чертеж города Твери..., стр. 150—155, чертеж и пояснительная схема чертежа Твери с нумерацией зданий на стр. 152 и 153.

ском посаде» изображен монастырь, названный «Монастырь Трех Отроков». Со времени опубликования этого чертежа на название монастыря не обратили внимание ни историки, ни историки культуры древней Твери. Очевидно, геодезисты петровского времени, составлявшие чертеж Твери, почерпнули из каких-то утраченных источников подлинное, но потом забытое и сокращенное название монастыря. Действительно, культ «Трех Отроков в Пещи Огненной» характерен для XII—XIII вв., т. е. для времени утверждения на Руси христианства. Их изображения имеются в рельефах Георгиевского собора в Юрьеве Польском [33], а также и на фасаде Успенского собора во Владимире. Очевидно, и другие монастыри, имевшие название «Отрочь» (например, Смоленский), были посвящены этому же культу. Не следует удивляться тому, что главным храмом Отроча монастыря была церковь Успения богоматери. Культ «Трех Отроков» был связан с культом богоматери [34]. В церковных канонах на богородичные праздники не раз утверждается, что «в пещи отроческой прообрази иногда твою матерь, Господи...» [35].

Посвящение монастыря культу «Трех Отроков» могло забыться в связи с утратой историко-символического значения и самого культа и сохраниться лишь в сокращенном названии монастыря — «Отрочь». Все остальное из истории монастыря уже домыслили устные предания, породившие одну из наиболее поэтических повестей о его основании княжеским отроком Григорием. Культ «Трех Отроков» может только подтверждать дату основания монастыря, относимую к XIII в. А следовательно, этим временем могли датироваться сохранившиеся здесь фрагменты украшений с древних церковных одежд.

Мы рассмотрели одно из интереснейших произведений прикладного искусства древней Твери, связанное с разными историческими этапами культуры этого города и древнейшего в Северо-Восточной Руси Отроча монастыря.

T. I. Makarova, T. V. Nikolaiéva

HISTOIRE CULTURELLE DU MONASTERE D'OTROTCH, A TVER

Résumé

Dans cet article on étudie l'oeuvre la plus intéressante de l'ancienne Tver, une étole du monastère d'Otrotch, fondé au XIIIe siècle.

L'analyse des dessins brodés sur l'étole — parmi lesquels sont particulièrement remarquables les figures des saints révérés à Tver, l'évêque Arsène et le prince Mikhaïl Iaroslavitch, ainsi que des deux métropolites de Moscou, Pierre et Philippe,— permet d'affirmer que cette étole a été faite à Tver pas avant 1655.

Dans les broderies de cette étole sont introduites des plaques d'émaux cloisonnés. La comparaison avec des émaux d'époque prémongole permet de les dates de la deuxième moitié du XIIIe s., et de les rapporter à la dernière période de fabrication d'émaux cloisonnés en Russie.

Il est probable qu'ils étaient des restes d'ornements de vêtements liturgiques datant de la fondation à Tver du monastère d'Otrotch.

---

[33] *Г. К. Вагнер.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964, стр. 101, табл. XXVI.

[34] *Н. Н. Воронин.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. I, XII столетие. М., 1961, стр. 319.

[35] Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках, изданные Е. Ловягиным. СПб., 1861, стр. 195, 196, 201, 203, 209; Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. «Памятники славяно-русской письменности». Издание императорской археологической комиссии. М., 1904, декабрь, дни 6—17, стлб. 1100—1107. В тот же день слово Кирилла архиепископа Александрийского на скончание трех отрок и Даниила пророка.

Публикации

М. Ф. ОБЫДЕННОВ

НОВЫЕ СТОЯНКИ ЧЕРКАСКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В БАШКИРИИ

Памятники черкаскульской культуры, выделенной К. В. Сальниковым в 1964 г.[1], остаются плохо известными ввиду отсутствия публикаций. Хотя в Приуралье в настоящее время выявлено и частично раскопано около 60 поселений этой культуры, опубликованы из них только три: стоянки Ахметово I и II[2] и поселение Кумлекуль[3]. Настоящая работа посвящена публикации материалов двух памятников, исследованных археологической экспедицией Башкирского государственного университета в 1973 и 1974 гг.

Стоянка II Ново-Кизгановская находится в 0,5 *км* к северо-западу от с. Ново-Кизганово Бураевского района Башкирской АССР на первой надпойменной террасе левого берега р. Быстрый Таныш, правого притока р. Белой, на берегу маленькой речки Кизган. Стоянка эпохи бронзы располагалась на образованном террасой мысу площадью около 1500 $м^2$. Мыс приподнят над уровнем поймы на 4 *м*. Территория стоянки задернована.

Памятник был открыт А. Х. Пшеничнюком[4]. На мысу нами был заложен прямоугольный в плане раскоп площадью 80 $м^2$. В 20 *м* к северу от раскопа в глубине террасы был заложен шурф 2×2 *м*. Шурф находок не дал. Весь материал происходит из раскопа. Стратиграфия раскопа проста. Под дерном залегал слой однородного гумуса мощностью 0,3—0,5 *м* с включениями культурных остатков, подстилаемый коричневой материковой глиной. На уровне материка в центре раскопа выявлено пятно прокаленной глины размером 0,4×0,5 *м* и мощностью 0,1 *м*. В 5 *м* к юго-востоку от пятна обнаружена котлообразная яма диаметром 1,35 *м*, углубленная в материк на 0,75 *м*. С восточной стороны яма имела ступеньку высотой 20 *см*. В заполнении ямы, состоящем из черного гумуса, найден один фрагмент керамики. В противоположном конце раскопа, в 3 *м* к северо-западу от кострового прокала, обнаружена вторая яма размером 1,0×1,35 *м*. Глубина ее 0,48 *м*. Дно ямы плоское, стенки почти отвесны. На дне обнаружены древесные угли, выше которых располагалось скопление необожженных костей животных. В заполнении ямы найдено два фрагмента керамики. Между костровым прокалом и первой ямой располагалось большое скопление костей животных, занимавшее площадь 5×2,5 *м*. Мощность скопления достигала 0,4 *м*. Край второго такого же скопления

---

[1] *К. В. Сальников.* Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы. ВАУ, 6. Свердловск, 1964.

[2] *А. В. Збруева, Б. Г. Тихонов.* Памятники эпохи бронзы в Башкирии. Сб. «Древности Башкирии». М., 1970, стр. 82—103.

[3] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 364—365; *его же.* Новые материалы по истории племен эпохи бронзы Башкирии. Тр. IV Уральского археологического совещания. УЗ ПГУ, 148. Пермь, 1967, стр. 87—90.

[4] *А. Х. Пшеничнюк.* Работы в Центральной и Северной Башкирии. АО — 1967, М., 1968, стр. 107.

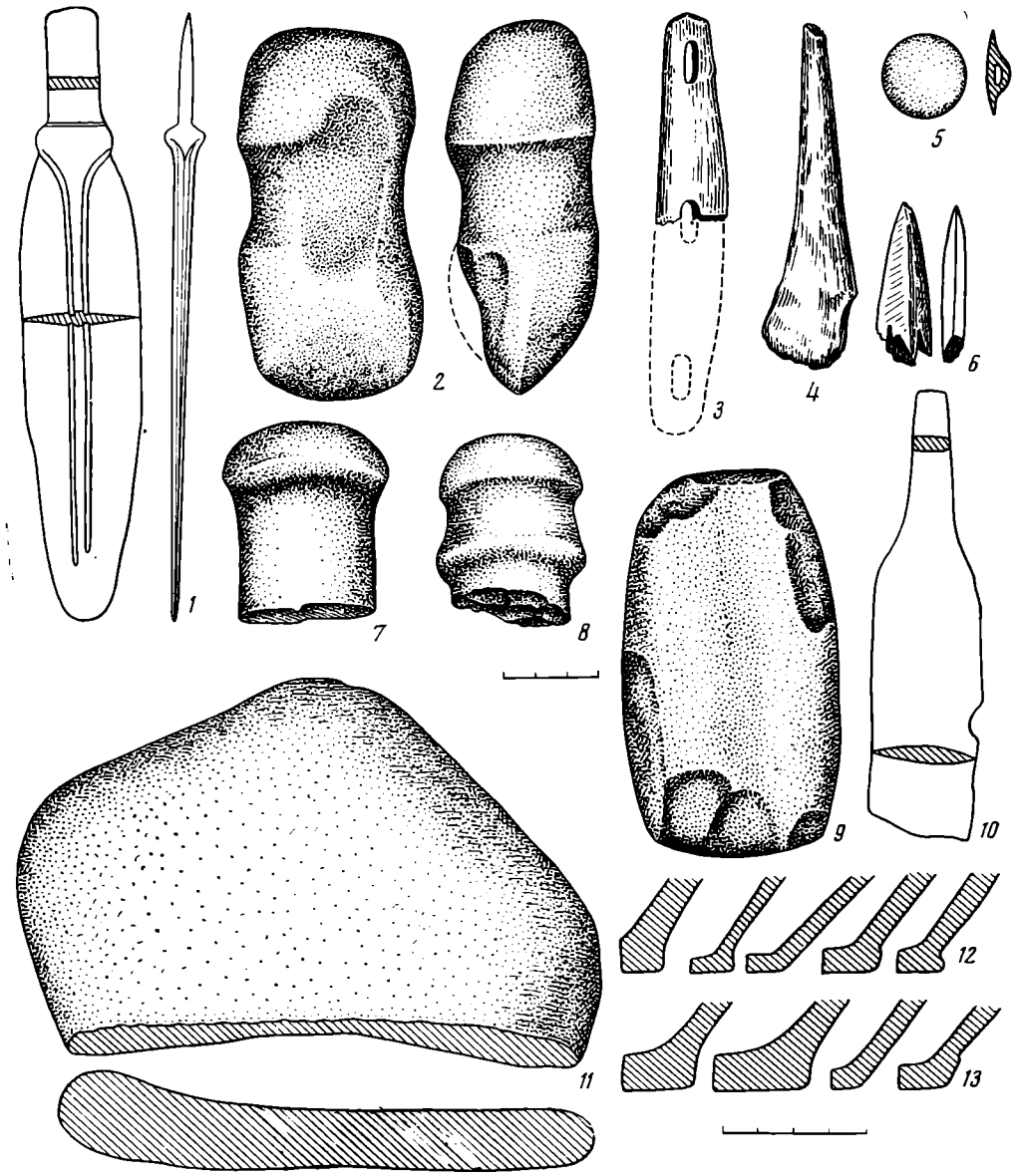


Рис. 1. Инвентарь стоянок. *1—8, 12*—II Ново-Кизгановская стоянка; *9—11, 13*—стоянка Инзелга (*1, 5, 10* — бронза; *2, 7, 8, 9, 11* — камень; *3, 4, 6* — кость; *12, 13* — глина)

костей выявлен в северо-западном углу раскопа. Кости располагались по краям второй ямы и рядом с ней, не перекрывая ее.

Находки из раскопа состоят из бронзовых каменных и костяных орудий, обломков керамики и большого количества костей животных.

Рядом с костровым прокалом на материке найден бронзовый обоюдоострый черешковый кинжал с четко выраженным перекрестием (рис. 1, *1*). Общая длина кинжала 20,3 *см*, на черешок приходится 5,5 *см*. Клинок лавролистной формы шириной 3,8 *см* при толщине 6 *мм*. Вдоль клинка проходит нервюра. Перекрестие округлой формы утолщено. Концы черешка и клинка слегка оттянуты проковкой.

Рядом с кинжалом лежал каменный топор с перехватом в центральной части. Одна сторона рабочего края топора отколота (рис. 1, *2*).

В 5 *м* к юго-востоку от описанных предметов обнаружены еще две бронзовые вещи — круглая массивная бляшка диаметром 27 *мм* с ушком

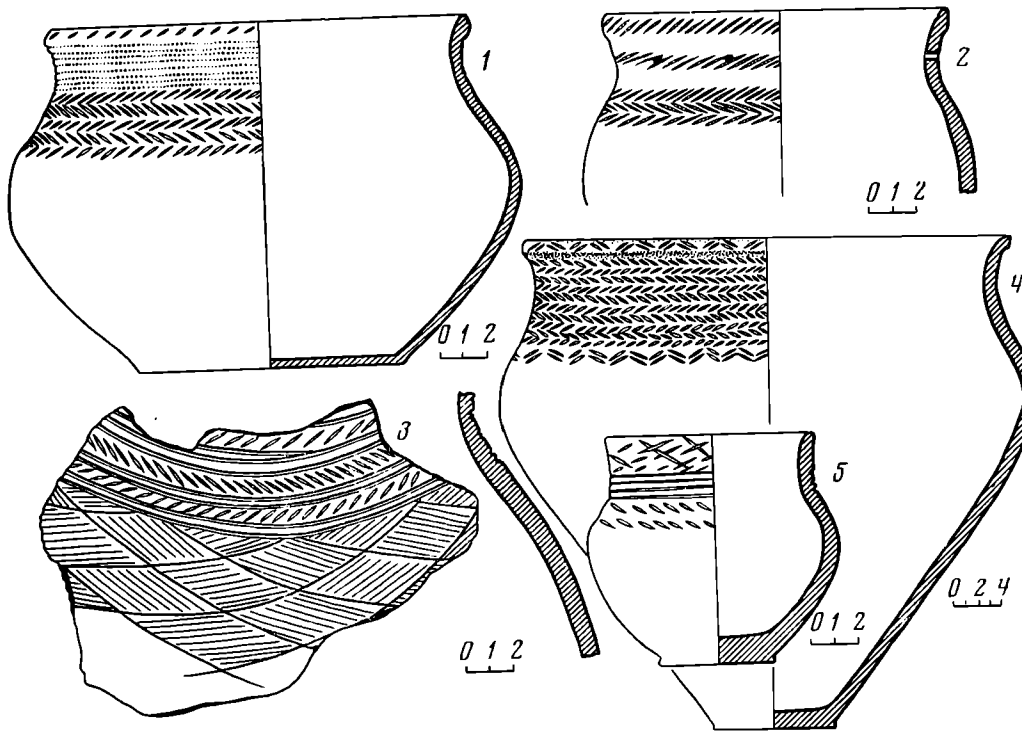


Рис. 2. Реконструкции сосудов II Ново-Кизгановской стоянки

на обратной стороне (рис. 1, *5*) и бронзовая проволочка (игла?) длиной 2 *см* очень плохой сохранности. В различных частях раскопа найдены обломки двух каменных молотков (рис. 1, *8*), обломок отполированного каменного предмета (навершия или песта) из мягкого песчаника (рис. 1, *7*), большая известковая бусина, плоский костяной черешковый наконечник стрелы с шипами (рис. 1, *6*), три костяные проколки с обломанными концами (рис. 1, *4*) и половинка рогового псалия (рис. 1, *3*) длиной 13,5 *см*. Толщина его средней части 2,3 *см*, конец несколько тоньше — 1,7 *см*. Псалий имел три сквозных прямоугольных отверстия, расположенных в одной плоскости. Одна сторона псалия покрыта выщерблинами, другая заполирована до блеска. Стенка концевого отверстия имеет слабый след потертости от уздечки.

Также в раскопе найдено несколько больших и маленьких овальных галек со следами ударов.

Керамический материал II Ново-Кизгановской стоянки представлен одним типом посуды. Из общего количества обломков удалось выделить 75 сосудов, небольшая часть которых реконструируется полностью или частично. Сосуды горшковидной формы с раздутым туловом и небольшим плоским дном. 33% сосудов имели в верхней части венчика небольшой «воротничок», округлый (рис. 2, *1*; 3, *2*, 5, *14*) или скошенный наружу (рис. 2, *2, 4*; *3*, *12*). В одном случае на шейке отмечен небольшой оттянутый треугольный в сечении валик (рис. 3, *13*). Днища сосудов плоские, чаще немного толще стенок. Большая часть найденных днищ (80%) имеет закраины (выступание днища из-за стенки сосуда), остальные — без закраин (рис. 1, *12*). Сосуды сформованы от руки с большим количеством мелкотолченной речной ракушки в глиняном тесте. Наружная поверхность черепков коричневого цвета, внутренняя — черта от нагара. На внутренней поверхности заметны следы от заглаживания мелкозубчатым штампом или щепкой.

Орнаментировалась верхняя наружная часть сосудов. Орнаментальные композиции на большинстве сосудов одинаковы и просты. Основной мотив

орнамента — горизонтальная елочка из наклонных насечек или отпечатков мелкозубчатого штампа по венчику, шейке и плечикам сосуда. Воротничок преимущественно орнаментирован рядом наклонных отрезков (рис. 2, *1*, *2*; 3, *12*) или двумя рядами их в виде горизонтальной елочки (рис. 3, *5*, *6*). Здесь же встречаются одиночные или спаренные зигзаги и ромбическая сетка (рис. 3, *2*). Шейка сосудов орнаментировалась горизонтальной елочкой (рис. 2, *4*; 3, *6*, *10*), многорядовыми горизонтальными параллельными отпечатками по всей окружности сосуда (рис. 2, *1*, *5*; 3, *1*, *14*) или просто косыми насечками (рис. 2, *2*). Орнамент, спускавшийся на плечики и верхнюю часть тулова, также несложен. Кроме перечисленных элементов, которые встречаются и на этой части сосуда, здесь в трех случаях отмечены заштрихованные ромбы (рис. 2, *3*; 3, *17*, *20*) и косая лестница (рис. 3, *11*, *23*, *24*). В коллекции имеются фрагменты, орнаментированные овальными (рис. 3, *8*) и полуовальными (рис. 3, *16*) ямками. Но они единичны. Три фрагмента от одного сосуда усеяны точечными треугольными наколами (рис. 3, *18*). Этот же сосуд украшен глубоким рельефным желобком. Такой же широкий желобок имеется на другом фрагменте (рис. 3, *16*). В остальных случаях желобки отсутствуют, но их заменяют глубокие горизонтальные отпечатки штампа (рис. 2, *1*, *5*; 3, *21*) или прочерченные по всей окружности сосуда широкие линии (рис. 2, *3*; 3, *9*, *11*, *17*, *19*).

Интерес вызывает большое скопление костей животных, сконцентрированное в двух местах раскопа — в центре и в северо-западном углу. В центральной части первого основного скопления был найден развал крупного сосуда (рис. 2, *4*), который почти в 2 раза превышает средние размеры всей остальной посуды. Высота его 40 *см*, диаметр устья 43 *см*, дна 10,5 *см*. Кроме обломков этого горшка среди костей встречались мелкие фрагменты керамики. Возможно, перед нами просто результат выброса пищевых остатков. Ямы на стоянке служили для хранения мясных продуктов. На это указывают находки керамики и костей.

Вторая стоянка, подвергнутая раскопкам, находится около дер. Инзелга в Гафурийском районе. Памятник расположен на склоне мыса, образованном краем надпойменной террасы правого берега р. Белой около небольшого старичного озера. Терраса приподнята над уровнем поймы на 3—4 *м*, перепад высот на площади стоянки составляет около 2 *м*. Терраса и склон ее длительное время распахиваются, находки на поверхности концентрируются на небольшой площади 25×30 *м* на южном склоне мыса. Кроме того, отдельные находки обломков керамики и костей встречались на южных склонах соседних мысов. На стоянке вскрыт раскоп площадью 144 $м^2$. Культурный слой состоит из черного гумуса и почти полностью распахан. Мощность его в северной части раскопа 0,3 *м*, в южной, у склона мыса, увеличивается, достигая 0,46 *м*. Здесь сохранилась тонкая прослойка (0,1—0,15 *м*), не затронутая вспашкой. Подстилающий слой — темно-коричневая материковая глина. При зачистке материка ям или остатков хозяйственных или жилых сооружений не обнаружено.

Коллекция находок состоит более чем из 300 предметов и большого количества костей животных, которыми был насыщен культурный слой. Основную часть находок составляют сильно фрагментированные обломки керамики, которые принадлежат не менее чем 66 сосудам. Хотя полных реконструкций сосудов получить не удалось, по имеющимся обломкам венчиков и днищ можно представить их форму. Плоскодонные сосуды горшковидной формы имели прямой или отогнутый наружу венчик, короткую шейку, которая плавно переходит в раздутое тулово. В коллекции имеются фрагменты от 11 плоских днищ. Все они без закраин (рис. 1, *13*). Толщина стенок сосудов 4—10 *мм*, днища несколько толще.

Все сосуды сформованы от руки. В глиняном тесте фрагментов заметны примеси мелкотолченной раковины и растительные, выгоревшие при костровом обжиге. Целые речные раковины в количестве 20 штук

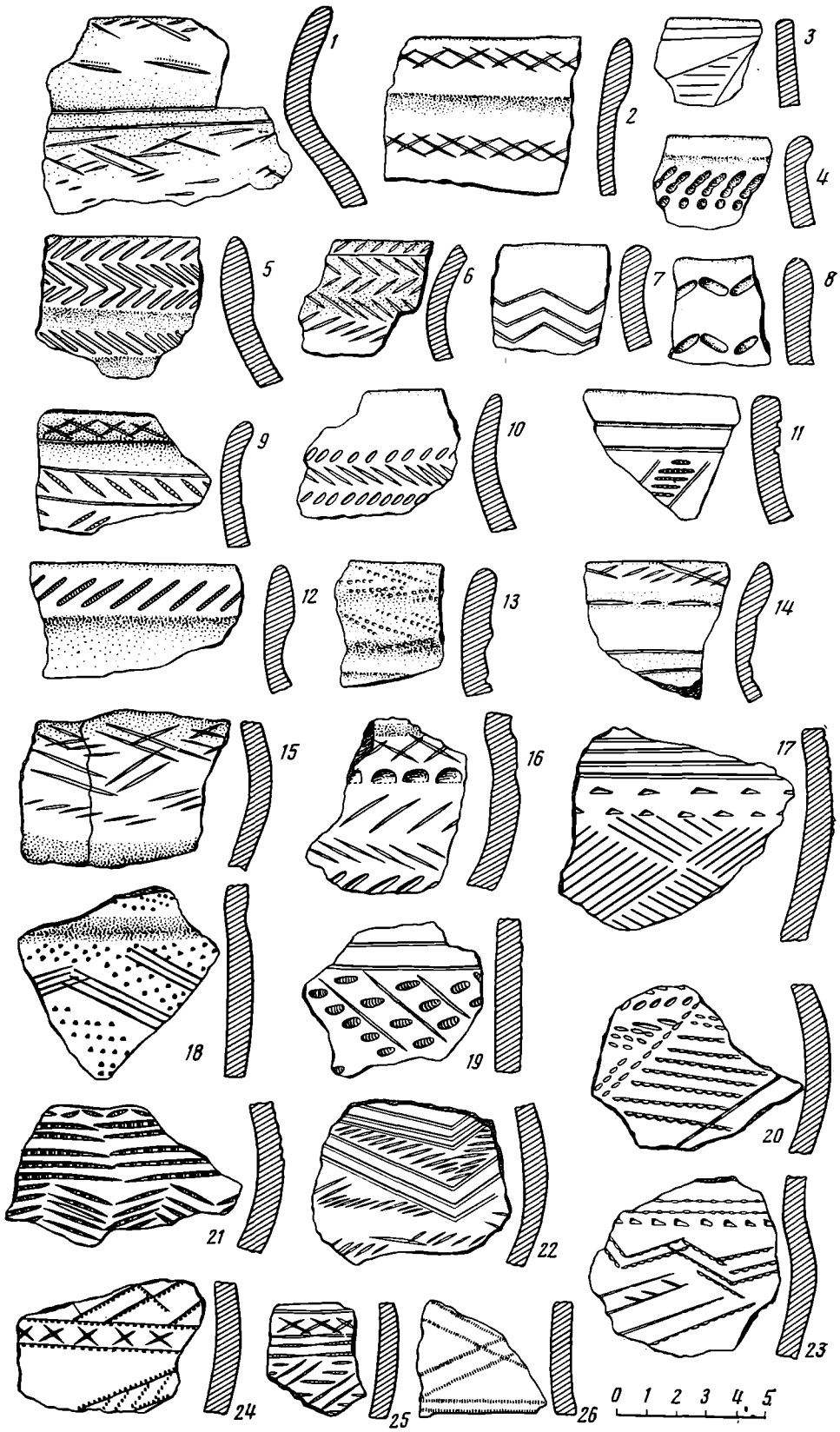


Рис. 3. Керамика II Ново-Кизгановской стоянки

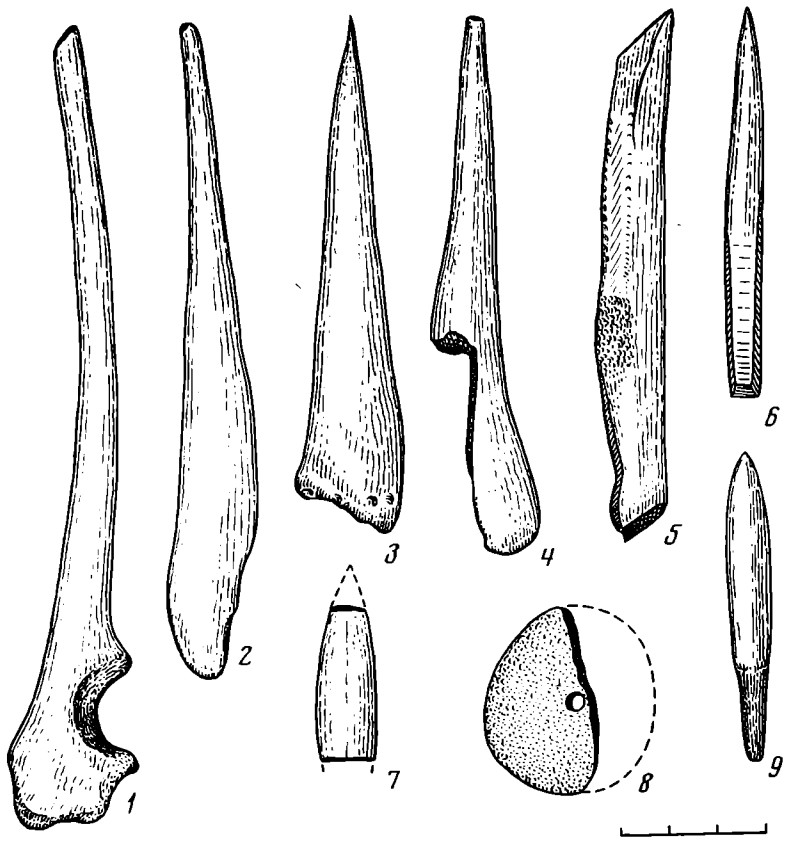


Рис. 4. Инвентарь стоянки Инзелга. *1—7, 9* — кость; *8* — глина

найдены в раскопе вместе с керамикой. Поверхность сосудов заглажена гладким или шероховатым предметом, оставлявшим полосы, особенно хорошо заметные с внутренней стороны некоторых черепков.

Около половины найденных обломков орнаментировано. Орнаментом покрывался венчик, шейка и плечики сосудов. Преобладающим мотивом орнамента являются ряды горизонтальной елочки (20 случаев), нанесенные по венчику (рис. 5, *2*, *4*; 6, *1*) или шейке сосуда (рис. 5, *1*, *2*, *7*), и параллельные концентрические, прочерченные или нанесенные оттисками штампа, линии (рис. 5, *2, 3, 4, 8;* 6, *4, 5—9*). Часто встречается горизонтальный зигзаг из спаренных нарезок (рис. 5, *3*; 6, *4*), покрывающих венчик (3 случая) и стенки (12 случаев). Ромбическая сетка и ряды косых насечек (по 12 случаев) покрывают преимущественно венчик (рис. 5, *1*, *5*, *7*, *9*; 6, *4*, *6*) и реже шейку сосуда (рис. 5, *5*, *11*; 6, *5*, *8*). На верхнюю часть тулова сосуда спускается орнамент в виде косых лесенок (рис. 5, *8*, *18*; 6, *9*, *13*, *16*) или заштрихованных ромбов (рис. 6, *10*). Орнамент на сосуды наносился гладким штампом, который найден вместе с обломками керамики в культурном слое. В качестве штампа (рис. 4, *5*) использовалась расколотая вдоль трубчатая кость крупного животного со скошенным заостренным верхним краем, которым наносился орнамент. С обеих сторон рабочий конец заглажен в результате длительного употребления. Длина рабочего края 1,5 *см*. Гладкие орнаментальные оттиски на значительной части фрагментов имеют точно такую же длину. Кроме гладкого штампа отмечено применение среднезубчатого штампа (рис. 5, *8*, *12*, *15*; 6, *11*) и один раз использована полая трубочка (рис. 5, *16*). Особого внимания заслуживает оформление венчика сосудов. Около половины сосудов имели утолщение с наружной стороны верхнего края венчи-

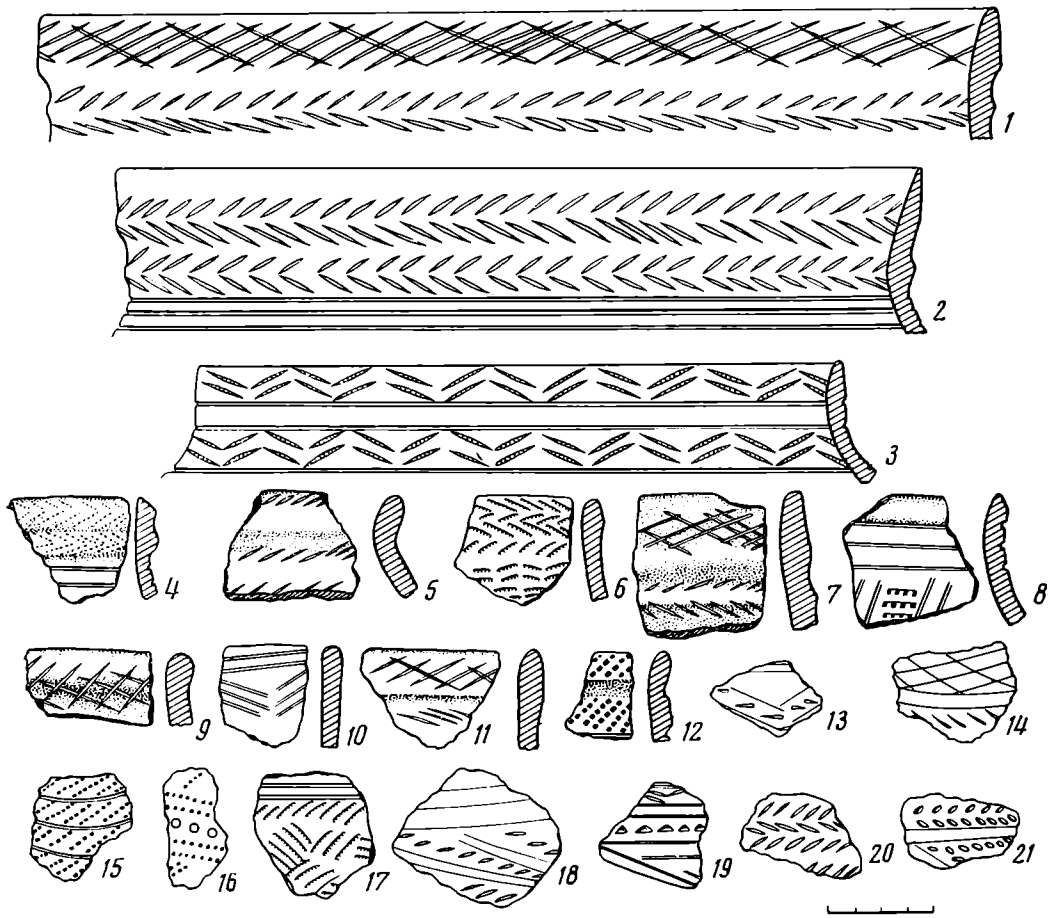


Рис. 5. Керамика со стоянки Инзелга

ка — «воротничок». У этих сосудов венчик скошен наружу (рис. 5, *1, 2, 4*), утолщен (рис. 5, *7*) или закруглен (рис. 5, *6, 11*). Кроме «воротничка» у 12% выделенных сосудов на шейке имеется треугольный в сечении валик, выполненный техникой оттягивания сырой глины при формовке сосуда. Валик располагается на шейке сосуда рядом с «воротничком» (рис. 5, *7, 12*). При формовке валика глина рядом с ним выбиралась и образовывался широкий желобок (рис. 5, *1, 2, 4, 7*).

Из керамических изделий следует упомянуть два обломка пряслиц, изготовленных из днищ сосудов. Диаметр одного пряслица составляет 4 *см* (рис. 4, *8*), другого — 6 *см*.

В коллекции имеется восемь предметов. Пять проколок изготовлены из расколотых вдоль костей (рис. 4, *1—4*). Одна из них очень тонкая с ромбическим основанием и тщательно заглаженным острием, имеет вид иглы (рис. 4, *6*).

Найдены два наконечника стрел овального сечения (рис. 4, *7, 9*), один из которых сломан. Стрелы относятся к типу черешковых. Поверхность их хорошо отполирована.

В западной части раскопа в пахотном слое обнаружен сильно окислившийся бронзовый нож с обломанным острием (рис. 1, *10*). Нож имеет оттянутый ковкой черешок длиной 4,5 *см*. Толщина линзовидного в сечении лезвия 6 *мм*. Общая длина обломка 12 *см*.

Каменный инвентарь стоянки немногочислен. На поверхности найден пест цилиндрической формы (рис. 1, *9*). Орудие изготовлено из крупнозернистого крепкого камня сероватого цвета. Длина его 10,4 *см*, диаметр 5,7 *см*. Нижняя и верхняя рабочие стороны имеют стертости — следы упо-

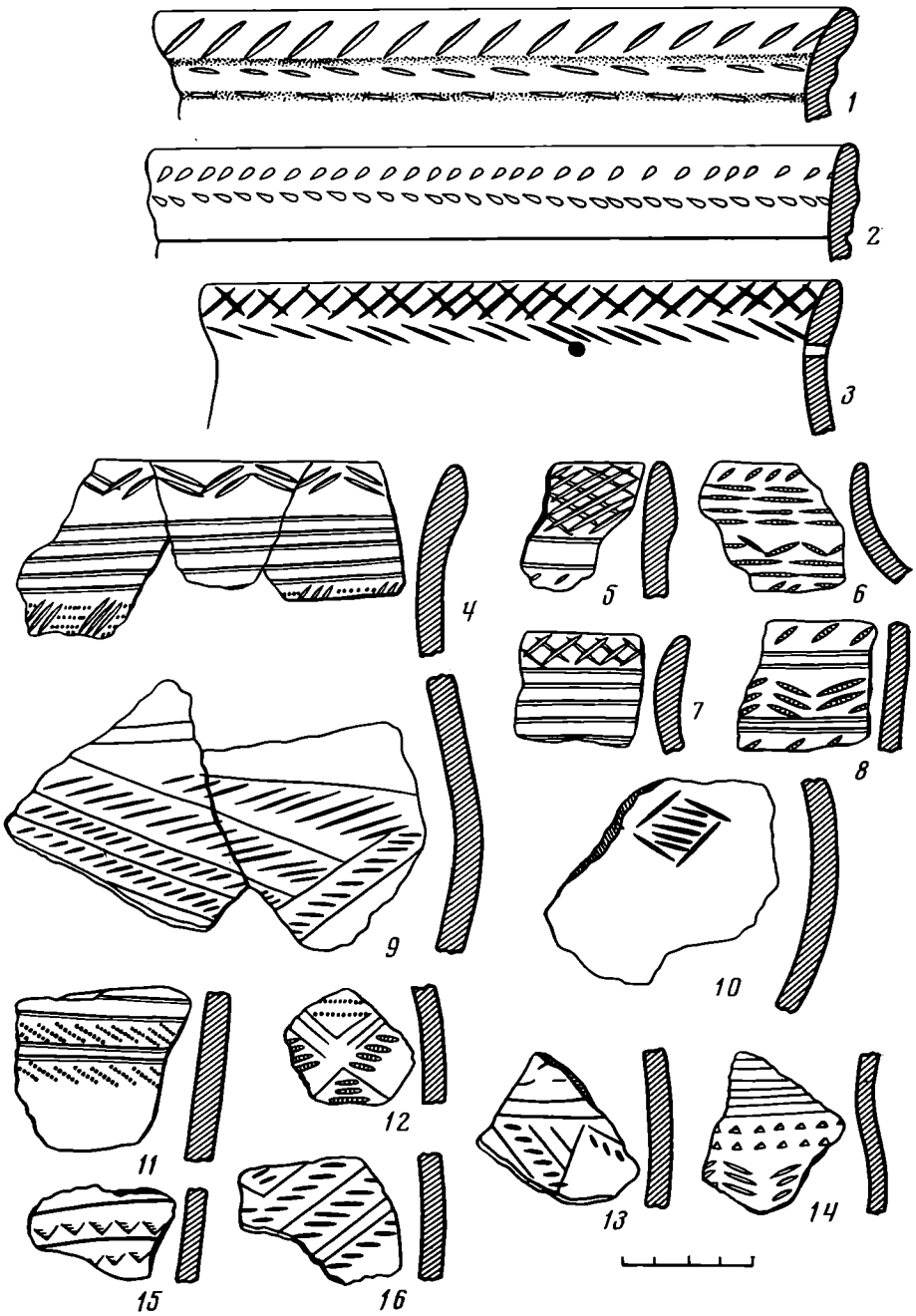


Рис. 6. Керамика со стоянки Инзелга

требления. Боковая поверхность тщательно отполирована. Неясно назначение трех грубо обработанных сколами дисков из крупнозернистого песчаника диаметром 5, 7 и 9 *см*. Толщина самого большого 3 *см*, двух меньших по 2 *см*. Предметы не шлифованы. Найдены три обломка от двух зернотерочных плит. Одна плита (рис 1, *11*) с сильно стертой центральной частью имела размеры 20×15×3,5 *см*. Размеры второй плиты составляли приблизительно 15×14×2,8 *см*. Имеется еще несколько более мелких обломков из различных пород камня, которые принадлежат зернотеркам и шлифовальным плитам.

Костные остатки животных определены А. Г. Петренко. Результаты приводятся в таблице.

Преобладание костей крупного рогатого скота и свиньи свидетельствует об оседлом пастушеском скотоводстве. Весьма значителен удельный вес свиньи в стаде, составляющий 20%. Это самый высокий процент на черкаскульских поселениях [5]. Судя по результатам анализа, значительное место в хозяйстве занимала охота на лесных зверей. Исходя из этого, можно сделать вывод о лесном и лесостепном характере обитания жителей стоянки.

Отличия керамического материала Инзелгинской и II Ново-Кизгановской стоянок незначительны. Обращает внимание на себя тот факт, что на первой стоянке найден только один фрагмент с валиком (рис. 3, *13*), тогда как на второй имеется до 12% подобной посуды. Нет сомнений в том, что оба памятника относятся к одному хронологическому отрезку времени, который характеризуется господством черкаскульской керамики в Южном Прикамье.

	Кости, количество	Особи	
		количество	%
Крупный рогатый скот	231	6	24
Мелкий рогатый скот	17	3	12
Свинья	64	5	20
Лошадь	83	4	16
Собака	1	1	4
Заяц	1	1	4
Бобер	1	1	4
Медведь	1	1	4
Кабан	2	1	4
Северный олень	1	1	4
Лось	7	1	4
Всего определено	410	25	100

Наибольшая близость сосудов II Ново-Кизгановской стоянки обнаруживается с керамикой стоянки Ахметово I, одновременность которых подтверждается целым рядом находок датирующих предметов. Стоянка Ахметово I датируется литейной формой [6] для отливки кинжалов киммерийского типа XI—IX вв. до н. э.[7] Обломок костяного псалия (рис. 1, *3*), обнаруженный нами на II Ново-Кизгановской стоянке, указывает на верхнюю половину приведенной даты. Псалии с тремя прямоугольными отверстиями, выполненными в одной плоскости, в Приуралье не найдены, но известны в белозерских и раннечернолесских древностях. А. М. Лесков датирует эти псалии IX — началом VIII в. до н. э. [8].

Весьма вероятно, что подобные изделия появляются несколько ранее, еще в X в. до н. э.[9] К этому же времени относится бронзовая бляшка с ушком (рис. 1, *5*). Форма для отливки круглых выпуклых бляшек с ушком найдена на Еловской стоянке на Средней Каме [10] и датируется В. П. Денисовым XI—X вв. до н. э.[11] Круглые бляхи с ушком встречаются на памятниках атабаевского и маклашеевского этапов приказанской культуры, относимых А. Х. Халиковым к XII—IX вв. до н. э.[12] В частности, подобная бляшка обнаружена на дне жилища I Ерзовской стоянки в Среднем Прикамье, датируемого X—IX вв. до н. э.[13] Вместе с бляхой найден кин-

[5] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала, стр. 368.

[6] *А. В. Збруева, Б. Г. Тихонов.* Ук. соч., стр. 84, рис. 15, *1*.

[7] *Б. Г. Тихонов.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и Приуралье. МИА, 90, 1960, стр. 76.

[8] *А. М. Лесков.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья. Проблемы скифской археологии. МИА, 177, 1971, стр. 84, рис. 4.

[9] *Н. Н. Чередниченко.* Основные этапы развития конской узды Евразии в середине II — начале I тысячелетия до н. э. Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции). Киев, 1975, стр. 80.

[10] *В. П. Денисов.* Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье. ВАУ, 1. Свердловск, 1961, стр. 70, рис. 5, 7.

[11] Там же, стр. 69.

[12] *А. Х. Халиков.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, рис. 55, 133, 173, 178.

[13] *В. П. Денисов.* Культура эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры. Тр. IV Уральского археологического совещания. УЗ ПГУ, 148. Пермь, 1967, стр. 41.

жал с нервюрой и утолщением на месте перекрестия, что также подтверждает указанную дату. Точных копий кинжалу в Приуралье нам неизвестно. Но данный тип оружия был распространен у позднесрубных племен Северного Причерноморья [14]. Исследователи обычно связывают их с белозерским этапом срубной культуры [15], датируемым XI—IX вв. до н. э.[16]

Таким образом, новые черкаскульские материалы с однослойных памятников Башкирского Приуралья на основании вещевого инвентаря укладываются в хронологический отрезок XI—IX вв. до н. э.

M. F. Obydiennov

DE NOUVELLES STATIONS DE LA CULTURE DE TCHERKASKOUL, EN BACHKIRIE

Résumé

Dans la région bachkire de l'Oural ont été étudiés 60 monuments de l'époque du bronze appartenant à la culture de Tcherkaskoul (d'après le lac de ce nom), dont trois seulement ont été publiés. En 1973 et 1974, une expédition de l'Université de Bachkirie a étudié deux stations de cette culture, situées en Bachkirie septentrionale et centrale. On y a trouvé dans une mince couche culturelle une céramique tcherkaskoulienne, des ossements d'animaux, et quelques objets permettant de fixer l'époque: un poignard de bronze (fig. 1, 1), un fragment de psalie en os (fig. 1, 3), une plaque ronde avec un trou de suspension (fig.1, 5). Ces trouvailles permettent de dater ces nouvelles stations du XIe au IXe s. av. n. ère.

Les résultats de l'analyse des débris osseux provenant de la station d'Inselgha témoignent en faveur d'un élevage pastoral sédentaire et du rôle important de la chasse (pl. 1).

---

[14] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 138, рис. 33, *8*.

[15] *А. М. Лесков.* Ук. соч., стр. 77.

[16] *А. И. Тереножкин.* Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, 1, стр. 75.

Н. А. БОГДАНОВА, И. И. ГУЩИНА, И. И. ЛОБОДА

МОГИЛЬНИК СКАЛИСТОЕ III В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ (I—III ВВ.)

Могильник Скалистое III расположен в долине небольшой крымской речки Бодрак — притока р. Альмы [1]. Здесь в 1960 г. раскопан могильник II в. н. э. Скалистое II [2], недалеко от него — могильник III—IV вв. н. э. Скалистое IV [3], на горном плато отрогов второй гряды Крымских гор, возвышающемся над с. Скалистое, комплексной экспедицией под руководством Е. В. Веймарна несколько лет исследовался большой катакомбный могильник IV—IX вв. н. э. (Баклинский могильник — Скалистое I) (рис. 1, *1*). Таким образом, жизнь в этой долине не прерывалась целое тысячелетие, и могильник Скалистое III отражает один из этапов многовековой истории данного района.

Исследование могильника было начато в 1964 г. экспедицией Бахчисарайского историко-археологического музея и Государственного исторического музея под руководством Н. А. Богдановой, в 1965, 1967—1969 гг. продолжено И. И. Лободой.

Бóльшая площадь могильника уничтожена дорожными работами и выборкой глины жителями села. Оставшаяся часть раскопана полностью. На площади 2010 $м^2$ открыто 121 погребение.

Могильник очень компактный, погребения расположены близко друг к другу, ни одно не перекрывает другое, что свидетельствует, очевидно, о непродолжительности существования могильника (рис. 1, *2*). Большинство могил ориентировано по линии СВ — ЮЗ (93 погребения — 77%), но есть и отклонения: С — Ю — 20 погребальных сооружений (17%); СЗ — ЮВ — 6 погребальных сооружений (4%).

Из всех открытых погребальных сооружений больше половины (68 могил) представляют собой подбойные могилы, имеющие узкие глубокие входные ямы, в длинной стороне которых были вырублены подбойные камеры. Соотношение ориентировок подбойных могил примерно такое же, как и для всего могильника, т. е. СВ — ЮЗ — 46 погребений, С—Ю — 13 погребений, СЗ—ЮВ —три погребения. Подбойные могилы в древности на поверхности отмечались грядой камней. Подбойная камера чаще всего вырубалась в юго-восточной и восточной стороне входной ямы. С подбоем в западной стороне были сделаны три сооружения (Б. 47, Л. 10, Л. 17) [4] и в северо-западной — два (Л. 2,Л. 54а). Подбой, как правило, закладывался большими плоскими, вертикально поставленными плитами, кото-

[1] Предварительное сообщение о раскопках 1964 г. см. *Н. А. Богданова, И. И. Гущина.* Новые могильники II—III вв., н. э. у с. Скалистое в Крыму. КСИА АН СССР, 112, 1967, стр. 132 сл.

[2] Там же.

[3] *И. И. Лобода.* Отчет о раскопках могильника III—IV вв. н. э. у пос. Озерный в 1964 г. Архив ИА АН УССР, д. № 4379-80.

[4] Поскольку нумерация погребений из раскопок Н. А. Богдановой и И. И. Лободы совпадает, то принят следующий шифр: Б.47 — раскопки Н. А. Богдановой, могила 47. Л.10 — раскопки И. И. Лободы, могила 10.

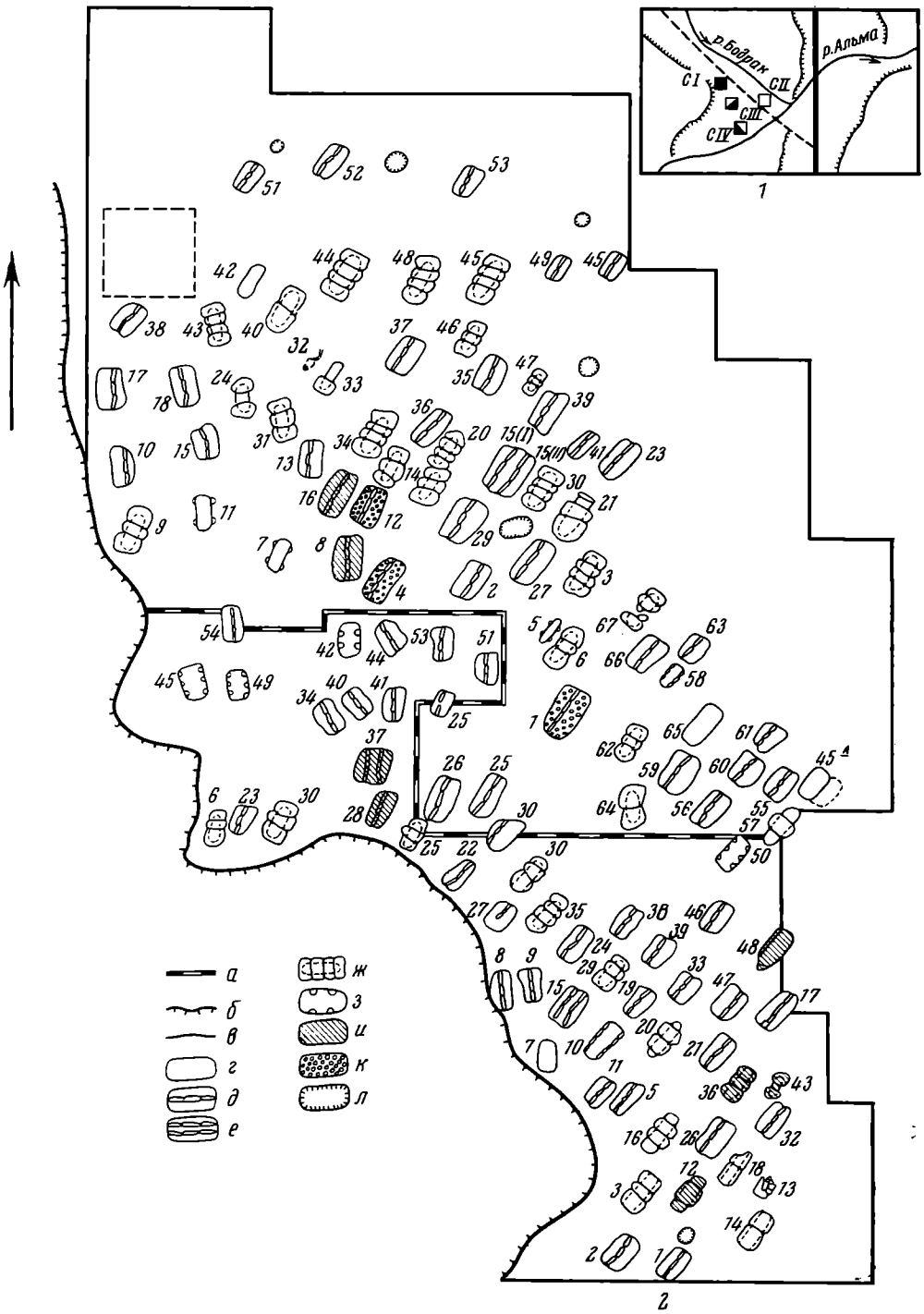


Рис. 1. *1* — Расположение могильников Скалистое I—IV (CI—CIV) в долине р. Бодрак; *2* — план могильника Скалистое III: *а* — граница между раскопами 1964 и 1967—1969 гг., *б* — граница выборки глины, *в* — граница раскопа могильника, *г* — грунтовые могилы, *д* — подбойные могилы, *е* — могилы с двумя подбоями, *ж* — плитовые могилы, *з* — могилы с каменными столбами, *и* — погребения с богатым инвентарем, *к* — могильные ямы, забитые камнями, *л* — таврские хозяйственные ямы

рые иногда, видимо от давления засыпи, располагались наклонно в сторону подбойной камеры. Дно камеры, примерные размеры которой 2× ×0,70×0,90 *м*, было сделано на одном уровне с входной ямой или ниже дна ее на 10—15 *см*. В трех случаях входная яма была снабжена подбоями с двух длинных сторон (Б. 15, 37, Л. 15), в трех могилах входная яма и подбойная камера были забиты камнями (Л. 1, 4, 12).

Таким образом, устройство подбойных могил и их ориентировка точно такая же, как и в других могильниках юго-западного Крыма первых веков нашей эры в долине р. Альмы (могильник у с. Заветное [5]) и в долине р. Бельбек [6]. Выделить участки могильника, где были бы сосредоточены подбойные могилы, невозможно. Они чередуются с другими типами погребальных сооружений: плитовыми могилами и грунтовыми ямами с заплечиками, перекрытыми плитами. Плитовые могилы представляют сооружения в грунтовой яме, сложенные из трех или четырех плоских вертикально стоящих плит вдоль длинных сторон могилы, которые перекрыты горизонтальными плитами, тоже по три и четыре (Б. 10, 25; Л. 58). Такой тип погребальных сооружений широко использовался в указанных могильниках юго-западного Крыма (могильник Бельбек I, Заветное).

Простые прямоугольные грунтовые ямы с заплечиками, на которые положены перекрывающие плиты (42), тоже встречаются, хотя и не часто, в могильниках юго-западного Крыма (Заветное, Усть-Альма) и других некрополях Северного Причерноморья (например, могильник Танаиса), но особенностью исследуемого могильника является то, что этот тип сооружений имеет целый ряд разновидностей: каменные плиты, перекрывающие могилы, поддерживаются каменными столбами или плитами, установленными вертикально по две или по три вдоль обеих длинных сторон могилы (Б. 42, 45, 50; Л. 5, 11, 31, 43, 45), по две вдоль длинных сторон и по одному по короткой стороне (Л. 7), по три плиты с одной стороны могилы (Л. 48, 62). В одном погребении и пол был устлан плитами (Л. 46).

Тип погребальных сооружений с заплечиками, где перекрывающие плиты поддерживались каменными столбами, известен только в данном могильнике. Два погребальных сооружения такого типа имели двойные заплечики. Плиты, перекрывающие могилу Л. 34, были уложены на нижние заплечики, в могиле Л. 45 — на верхние. Над погребением Б. 30 лежала плита, на которой выбит знак в виде елочки, окруженной овалом [7]. Над плитами была сделана прямоугольная вымостка из плоских камней В центральной части могильной ямы погребения Л. 20 была обнаружена верхняя часть антропоморфной стелы из известняка (высота сохранившейся части 28, наибольшая ширина 25 *см*). Видимо, в древности она стояла над погребением. Ориентированы погребения с заплечиками так же, как и подбойные, в большинстве случаев СВ—ЮЗ — 35 погребений, С — Ю — 4 погребения (Б. 42, 45, 49; Л. 43), СЗ — ЮВ — 3 погребения (Л. 11, 24, 31). В простых грунтовых ямах зафиксировано всего три захоронения (Б. 7, Л. 42, 65), что отличает данный могильник от синхронных некрополей юго-западного Крыма и Северного Причерноморья, где грунтовые ямы обычно преобладают.

Во всех типах погребальных сооружений преобладает вытянутое положение погребенных на спине, господствующая ориентировка их юго-западная, 17 костяков лежат головой на юг (Б. 8, 9, 28, 41, 42, 45, 49, 52, 53, 54; Л. 8, 13, 19, 26, 28, 43, 64), 6 — на юго-восток (Б. 40; Л. 10, 11,

---

[5] *Н. О. Богданова.* Могильник I ст. до н. е.— III в. н. е. біля с. Завітне Бахчисарайського району. Археологія, XV, 1963, стор. 95.

[6] *И. И. Гущина.* Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников). Сб. «Археологические исследования на юге Восточной Европы». М., 1974, стр. 32—34.

[7] *И. И. Гущина.* О сарматах в юго-западном Крыму (по материалам некоторых могильников I—IV вв.). СА, 1967, 1, стр. 51, рис. 5.

18, 24, 31) и один — на северо-запад (Б. 44). В восьми погребениях ориентировка не определяется. Есть небольшие отклонения в положении погребенных: кисти правой, левой или обеих рук положены на кости таза, вытянутое положение на боку, с подогнутыми ногами на боку, с перекрещенными в голени ногами. Иногда последнее сочетается с положением рук на костях таза.

Характеризуя погребальный обряд могильника Скалистое III, надо отметить такие детали, как наличие деревянной колоды или гроба (9 погребений), причем они встречаются как в подбойных (Б. 26, 44; Л. 29), так и в грунтовых могилах с заплечиками (Л. 3, 7, 29, 45, 46, 64) и в плитовых могилах (Б. 45, 49). Такое же распределение наблюдается для кошмы и подстилки из ткани, от которой на дне погребений остается темный тлен (Б. 40; Л. 2, 5, 21, 22, 26, 28, 30, 31, 54). В пяти погребениях встречены кусочки мела или меловые подсыпки (Б. 4; Л. 1, 4, 22, 54). В пяти — кусочки угля (Л. 1, 4, 30, 31, 54). В трех погребениях присутствовали кусочки мела и угольки вместе (Л. 1, 4, 54). В 26 могилах погребенный сопровождался жертвенной или заупокойной пищей, от которой сохранились кости мелких и крупных домашних животных. Может быть, к остаткам тризны относятся обломки лепной керамики и амфор в девяти погребениях (Б. 45; Л. 2, 5, 10, 11, 19, 23, 30, 40). Видимо, с какой-то ритуальной целью в могилы Л. 47 и 63 было положено по одному кусочку кремня. Интересно отметить, что в Усть-Альминском могильнике в некоторых погребениях наблюдалась засыпка погребенного мелкими кусочками кремня (до 50 штук в погребении) [8]. Одно детское захоронение было сделано в амфоре (Б. 13), обложенной со всех сторон камнями. Обнаружено одно трупосожжение в сосуде (Л. 50).

На территории могильника обнаружено шесть ям примерно одинакового размера (диаметр 80—90 *см*, глубина 1, 20 *м*), одна из которых была закрыта шестью необработанными камнями. Ямы были заполнены пеплом, углем, необожженными костями домашних животных (овцы, коровы), фрагментами лепной керамики. Содержимое одной из ям послойно покрывалось глиняной обмазкой. Расположены ямы на окраине могильника (см. рис. 1, *2*). Керамика из заполнения темноглиняная, лепная, с темной или желтоватой поверхностью, частично лощеной, иногда с орнаментом из полос и ямок. Сосуды, которым принадлежат эти фрагменты, имеют аналогии среди лепной керамики таврских поселений и могильников горного Крыма [9]. Очевидно, это таврские хозяйственные или ритуальные ямы, которые встречались и на территории других могильников юго-западного Крыма (Бельбек I [10], Заветное [11]). Фрагменты такой же керамики встречались в засыпке погребений могильника Скалистое III, очевидно, могильник был расположен на территории таврского поселения.

Могильник у с. Скалистое, по-видимому, принадлежал сельскому поселению, следы которого пока не обнаружены. Естественно, что ярко выраженное имущественное расслоение по материалам могильника не прослеживается. Из 121 исследованного погребения 10 имеют довольно богатый и разнообразный инвентарь, из них два погребения детские и одно — воина. Богатые погребения концентрируются на двух участках могильника (рис. 1, *2*): 6 подбойных могил цепочкой тянутся в его восточной части, 4 — в западной. Трудно сказать, преднамеренно ли такое размещение. Часть могил (1/4) вовсе не содержала инвентаря, или он был ограничен посудой с ритуальной пищей, 10% погребений полностью ограблены.

---

[8] Склеп 43, костяк 18 (раскопки Т. Н. Высотской в 1970 г.).

[9] *А. М. Лесков.* Горный Крым в первом тысячелетии до н. э. Киев, 1965, стр. 36, рис. 10.

[10] *Н. М. Печенкин.* Раскопки в окрестностях Севастополя. ИТУАК, 38, 1905, стр. 32 сл.

[11] *О. Д. Дашевская.* О таврской керамике с гребенчатым орнаментом. СА, 1963, 4, стр. 206, рис. 1, *2*.

Из табл. 1 видно, что абсолютное большинство материалов могильника составляют предметы одежды и украшения, за ними следуют керамика и орудия труда. Культовых предметов, которые в большом количестве встречаются в синхронных Скалистинскому могильниках у с. Заветное, Бельбекской долины (Бельбек I, III, IV) и Неаполя Скифского, по сравнению с ними обнаружено очень мало.

Рассмотрим погребальный инвентарь по группам.

Керамика. В состав погребений обязательно входит столовая посуда: красноглиняный кувшин, миска и одноручный небольшой сосуд, которые, как правило, стояли в головах, реже в ногах погребенных. Сосуды почти все красноглиняные, иногда сероглиняные, гончарные, только пять лепных. Реже встречаются амфоры, еще реже стеклянная посуда.

Больше всего красноглиняных кувшинов. Среди них можно выделить несколько форм.

Кувшины с высоким горлом и отогнутым венчиком, округлым туловом на кольцевом поддоне. Глина в изломе красная, поверхность сосуда красная, розовая или серая. Ручка ленточная, прикреплена к венчику сосуда или ниже (рис. 2, *53*; 3, *30*; 5, *1*, *58*; 6, *1*; 7, *109*; 8, *55*, *66*; *87*, *74*, *90*; 9, *11*, *26*, *65*; 10, *19*, *27*). Эта форма кувшинов самая распространенная среди керамики исследуемого могильника. Из синхронных могильников юго-западного Крыма такие кувшины широко представлены в могильниках Бельбекской долины [12] и у с. Заветное. Центром их изготовления, очевидно, был Херсонес, так же как и кувшинов с невысоким горлом, переходящим в грушевидное тулово (рис. 2, *12*; 3, *19*, *34*; 5, *40*; 6, *15*; *24*; 8, *53*; 9, *45*; 10, *4*).

[12] *И. И. Гущина.* Население сарматского времени..., стр. 32.

Таблица 1

Керамика						Орудия труда				Предметы одежды			Украшения					
кувшины	кубки	миски	тарелки	лепные сосуды	амфоры	пряслица	ножи	иглы	иголь-ники	фибулы	пряжки	наконечники пояса	браслеты	перстни	височные кольца	серьги	бусы
39	26	24	31	5	3	36	49	10	2	161	6	2	45	71	14	8	720

Вооружение				Культовые предметы							Предметы туалета		Прочее	
меч	удила	шпоры	фрагменты кольчуги	зеркала-привески	подвески ажурные	колокольчики	кольца с шишечками	подвеска цилиндрическая	амулеты	пиксиды	фрагменты шкатулок	ключи-гермы	бляшка золотая круглая	подвески коралловые
1	2	2	1	7+2 фрагмента	4	9	9 и обломки	1	3	2	6	3	1	2

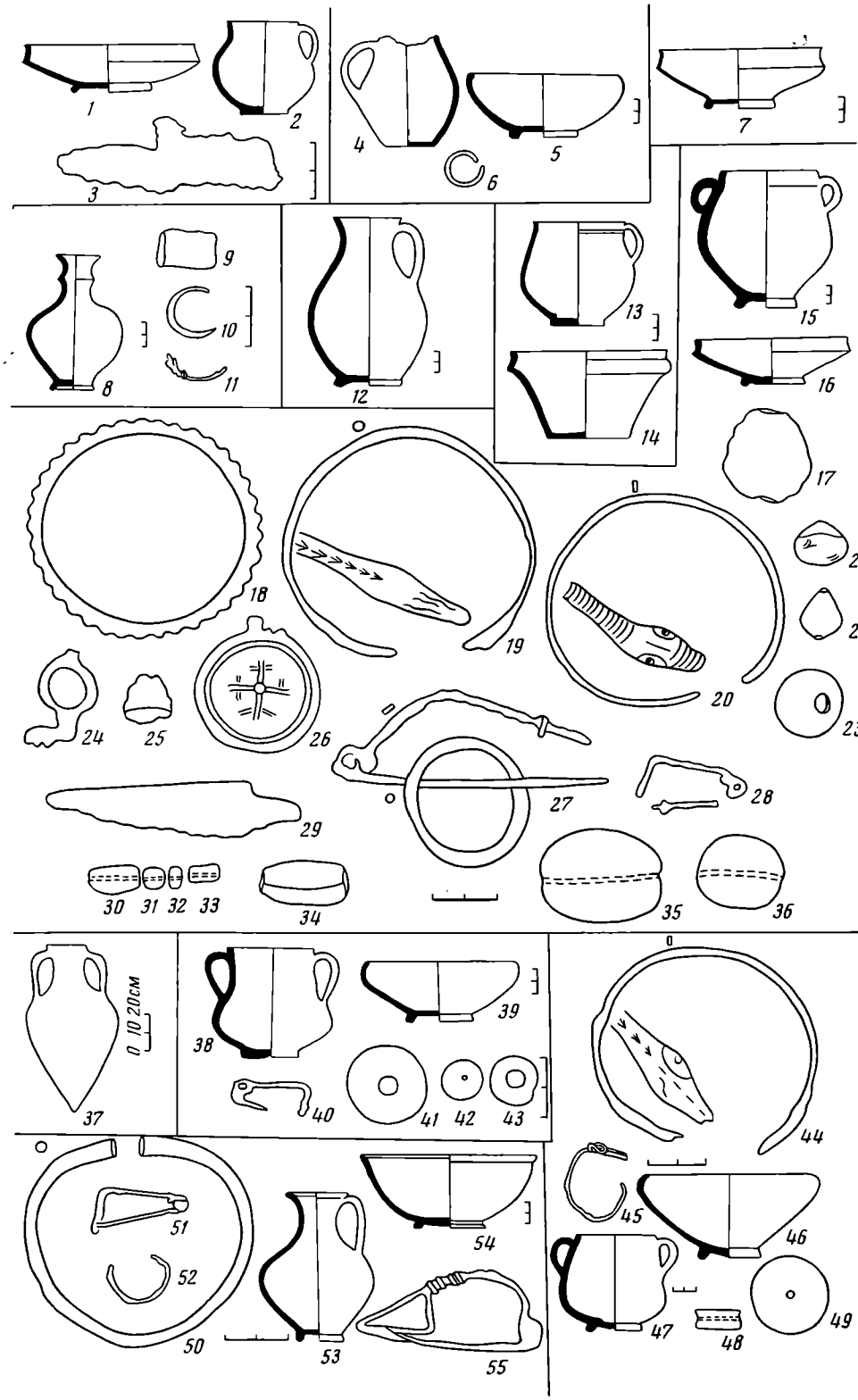


Рис. 2. Скалистое III (раскопки Н. А. Богдановой): *1–3* – погр. 1; *4–6*–2; *7*–3; *8–11*–7; *12*–9; *13, 14*–11; *15–36*–12; *37*–13; *38–43*–14; *44–49*–16, *50–55*–17. *1, 2, 4, 5, 8, 12–17, 21–23, 37–39, 41, 46, 47, 49, 53, 54* — глина; *3, 24, 29* — железо; *6, 10, 11, 18–20, 25–28, 40, 44, 45, 50–52, 55* — бронза; *9* — мел; *30, 33–43* — янтарь; *31, 32, 42* — сердолик; *34, 48* — гагат; *35, 36* — горный хрусталь; *41* — халцедон

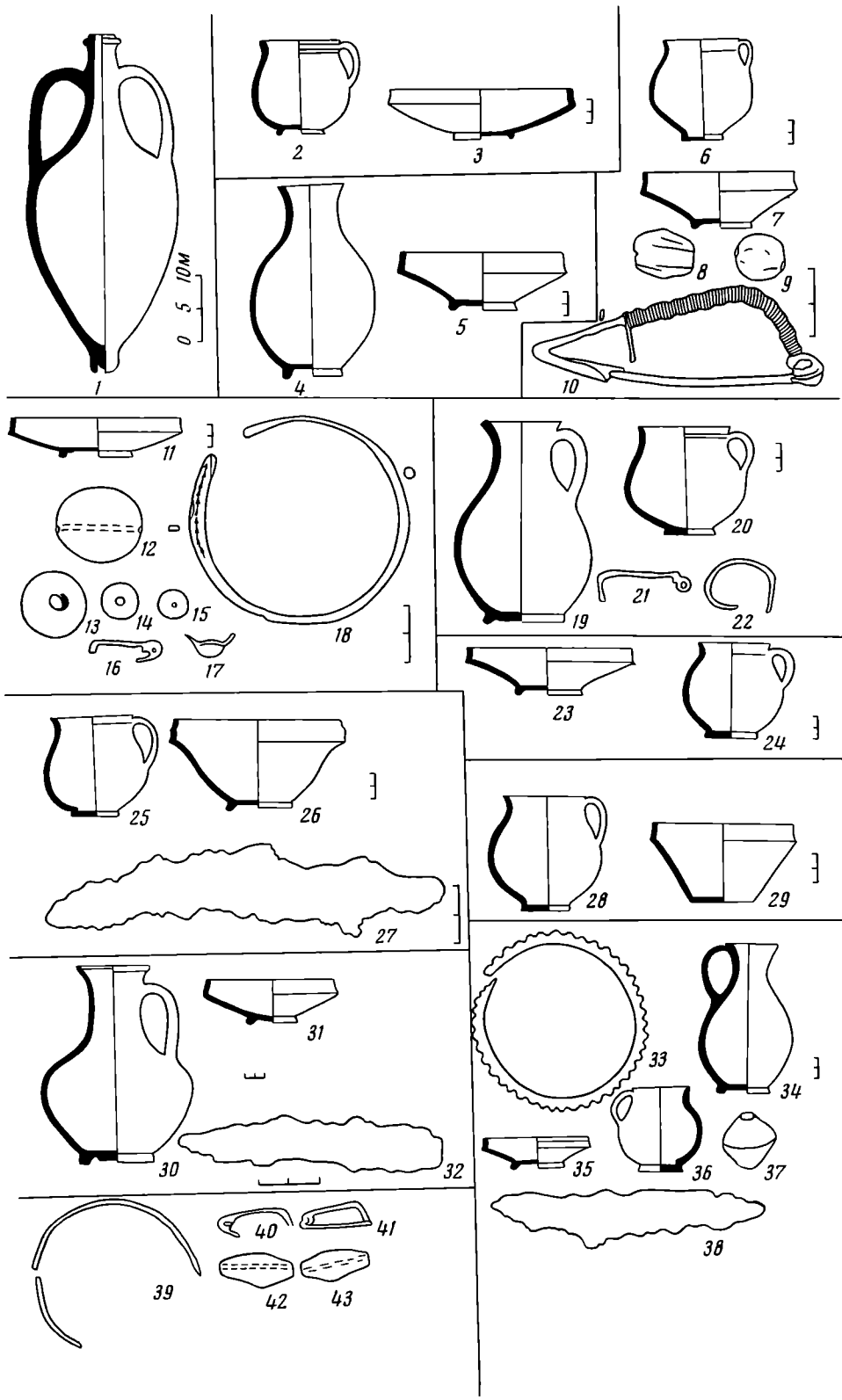


Рис. 3. Скалистое III (раскопки Н. А. Богдановой): *1* — погр. 18; *2*, *3*—19; *4*, *5*—20; *6—10*—21; *11—18*—22; *19—22*—23; *23*, *24*—25; *25—27*—24; *28*, *29*—26; *30—32*—28; *33*, *35—38*—29; *39—43*—30; *34*—50. *1—7*, *11*, *19*, *20*, *23—26*, *28—31*, *34—37* — глина; *8—10*, *16—18*, *21*, *22*, *33*, *39—41* — бронза; *12* — хрусталь, *13* — халцедон, *14* — янтарь, *15* — сердолик, *27*, *38* — железо, *42—43* — гагат

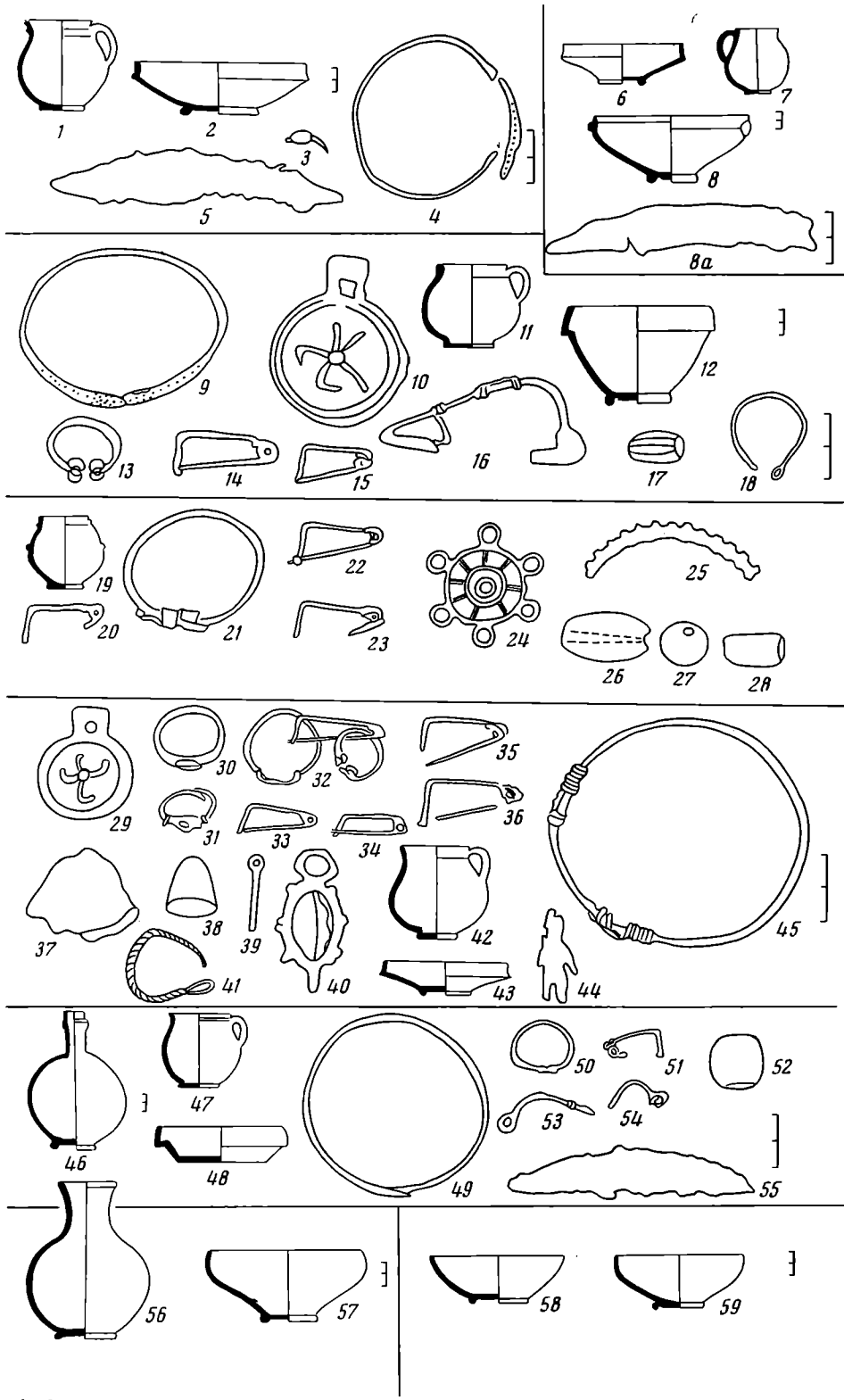


Рис. 4. Скалистое III (раскопки Н. А. Богдановой): *1—5* — погр. 34; *6—8а* — 35; *9—18*—36; *19—28*—37/1; *29—45*—37/2; *46—55*—40; *56, 57*—42; *58, 59*—41; *1, 2, 6—8, 11. 12, 42, 43, 46—48, 56—59* – глина; *4, 9, 10, 13—18, 20—23, 25, 29—41, 44, 45, 49—54*— бронза; *5, 8а, 55*— железо; *24*— бронза, эмаль; *26*— хрусталь; *27*— сердолик. *28*— янтарь; *52* — непрозрачное стекло

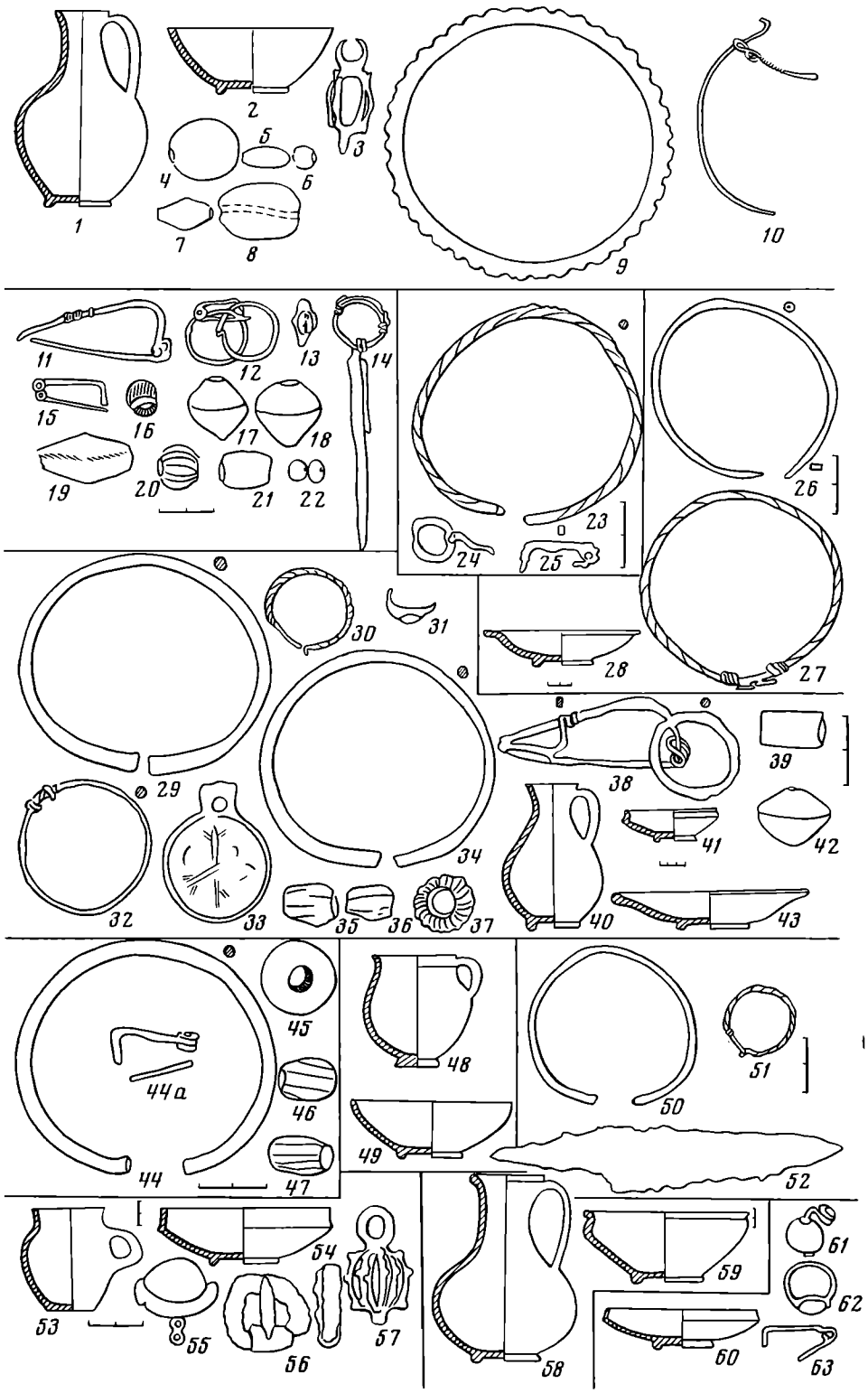


Рис. 5. Скалистое III: *1—10* — погр. 43; *11—49—44*, 45, 47—49, 51; *50—52*—50; *53—57*—52; *58, 59*—54; *60—63*—53; *1, 2, 17, 18, 28, 40—43, 48, 49, 53, 54, 58—60* — глина; *3, 9—15, 23—27, 29—38, 44—47, 50, 51, 55, 57, 62, 63* — бронза; *4, 45* — халцедон; *7, 19*— гагат; *8* — янтарь; *16* — египетский фаянс; *21, 39* — мел; *22* — сердолик

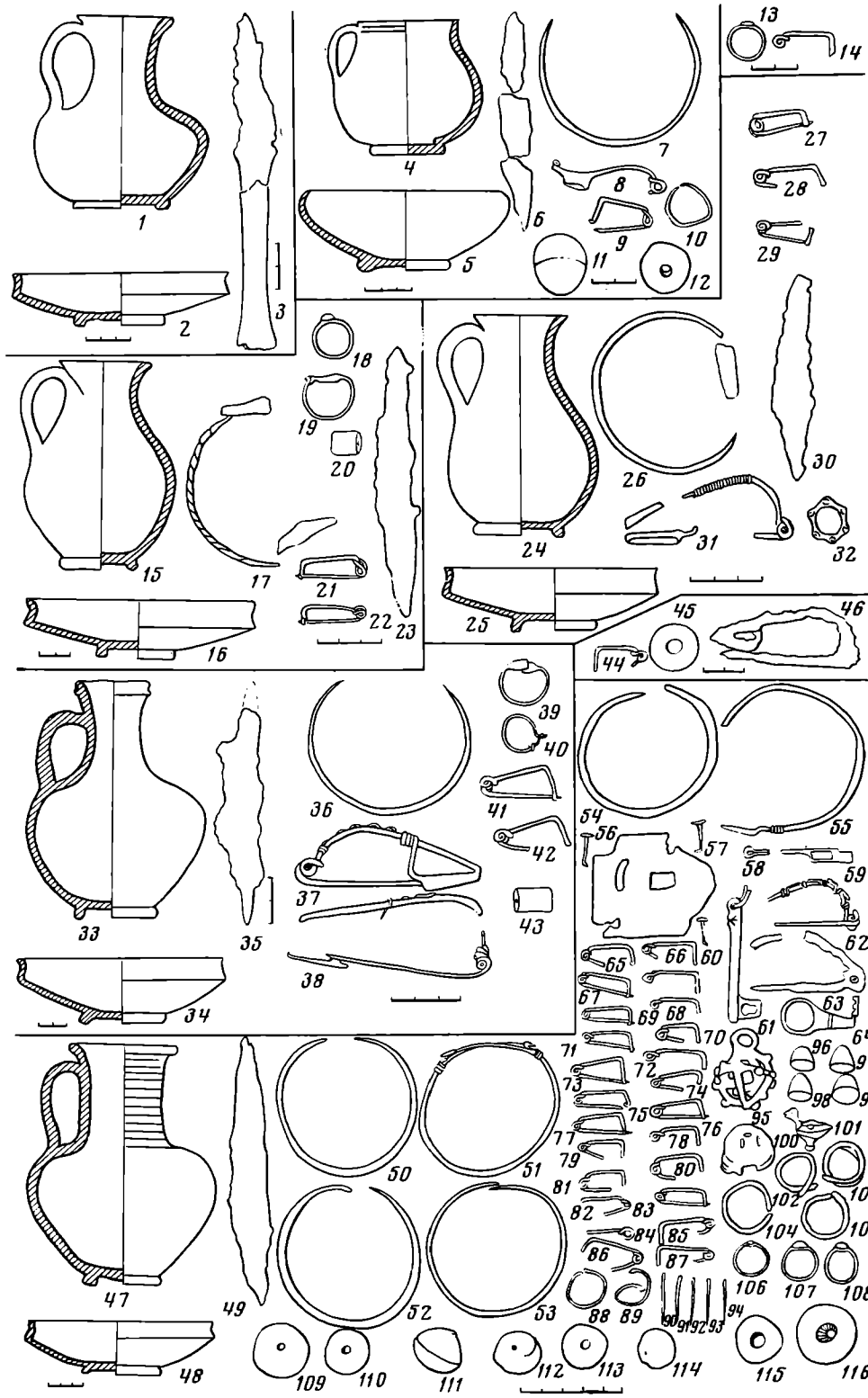


Рис. 6. Скалистое III (раскопки И. И. Лободы): *1—3* — погр. 1; *4—12*—2; *13, 14*—3; *15—23*—4; *24—32*—5; *33—43*—6; *44—46*—7; *47—116*—8: *1, 2, 4, 5, 11, 12, 15, 16, 24, 25, 33, 34, 47, 48* — глина; *3* — железо, кость; *6, 23, 30, 35, 46, 49, 63* — железо; *7—10, 13, 14, 17, 21, 22, 26, 29, 31, 32, 36, 42, 50—108* – бронза; *115, 116* – янтарь; *20, 43* – непрозрачное стекло; *113—116* — гагат

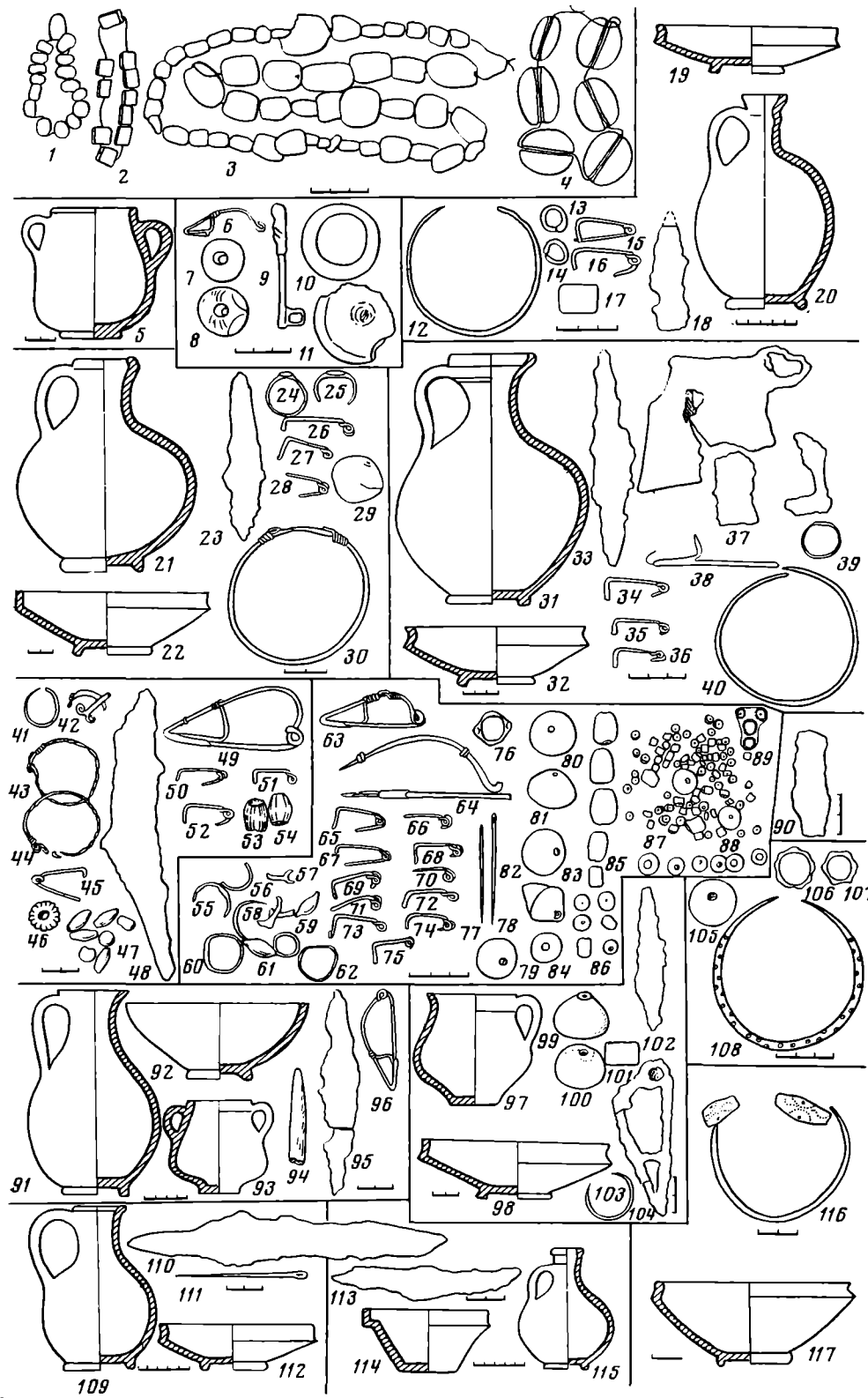


Рис. 7. Скалистое III (раскопки И. И. Лободы): *1—4* — погр. 8; *5*—9; *6—11*—11; *12—20*—12; *21—30*—13; *31—40*—14; *41—54*—15; *55—89*—16; *90*—19; *91—96*—21; *97—104*—22; *105—108*—23; *109—112*—24; *113—115*—25; *116, 117*—26: *1, 86* — сердолик; *2, 87*— гагат; *3, 85* — янтарь; *4, 79* — хрусталь; *5, 8, 19—22, 29, 31, 32, 83, 91—93, 97—100, 109, 112, 114, 115* — глина; *6, 9, 10—16, 24—28, 30, 34—46, 49—78, 96, 103, 106—108, 111, 116* — бронза; *18, 23, 33, 48, 90, 95, 102, 104, 110, 113* — железо; *94* — белемнит; *101*— мел; *103*—серебро; *105*—халцедон

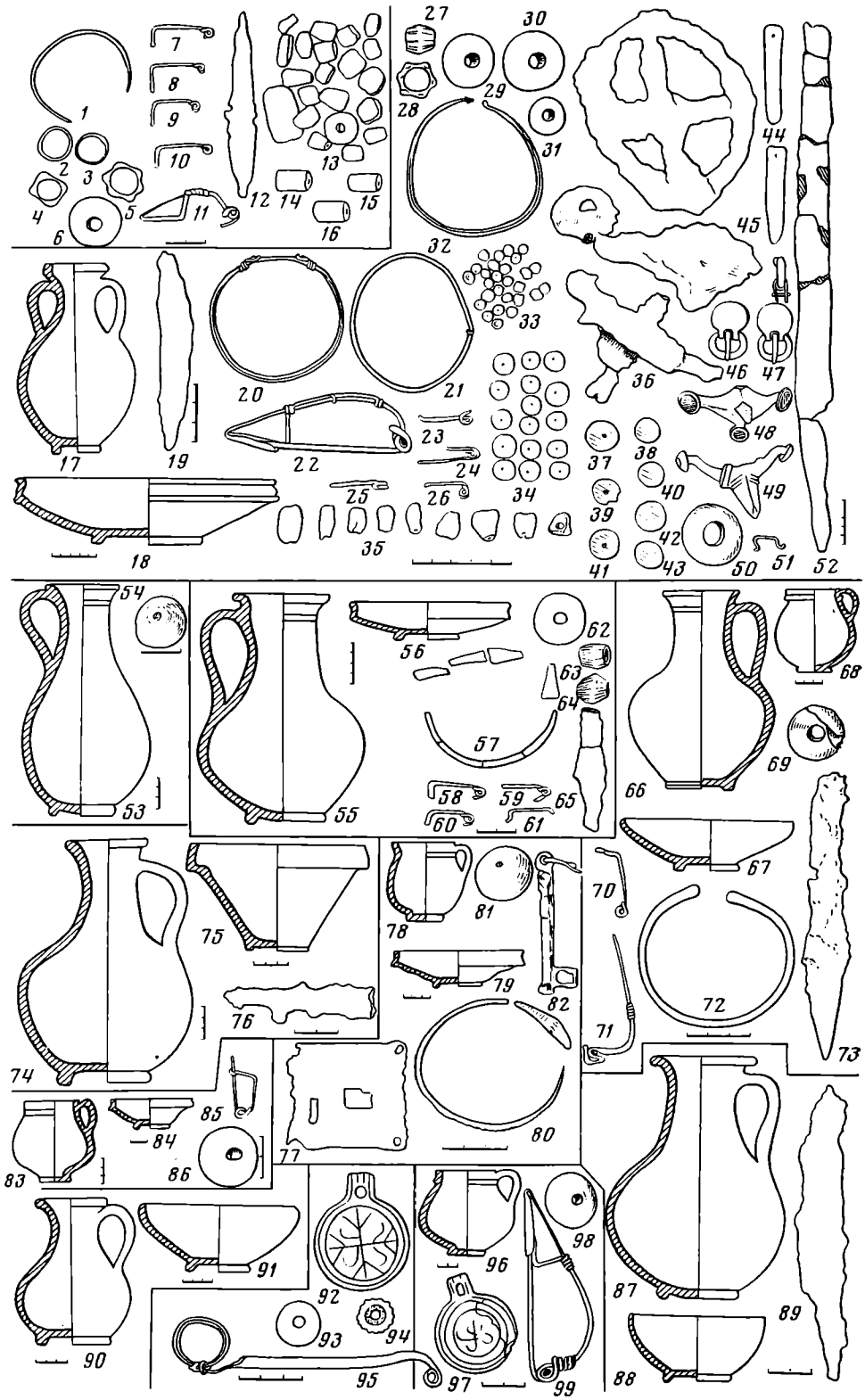


Рис. 8. Скалистое III (раскопки И. И. Лободы): *1—16* — погр. 26; *17—52* — 28; *53, 54*— 29; *55—65*—30; *66—73*—31; *74—76*—32; *77—82*—34; *83—86*—35; *87—89*—36; *90—91*—37; *92—95*—38; *96—99*—39. *1—5, 7—11, 20—28, 32, 44—52, 57—64, 70—72, 77, 80, 82, 85, 92, 94, 95, 97, 99* — бронза; *12, 19, 36, 65, 73, 76, 89* — железо; *13* — янтарь; *14—16* — непрозрачное стекло; *6, 17, 18, 53, 55, 56, 66—68, 74, 75, 78, 79, 81, 83, 84, 87, 88, 90, 91, 96* — глина; *29—31, 93* — халцедон; *33* — стекло с внутренней позолотой; *37* — янтарь; *34* — сердолик; *69* — стекло

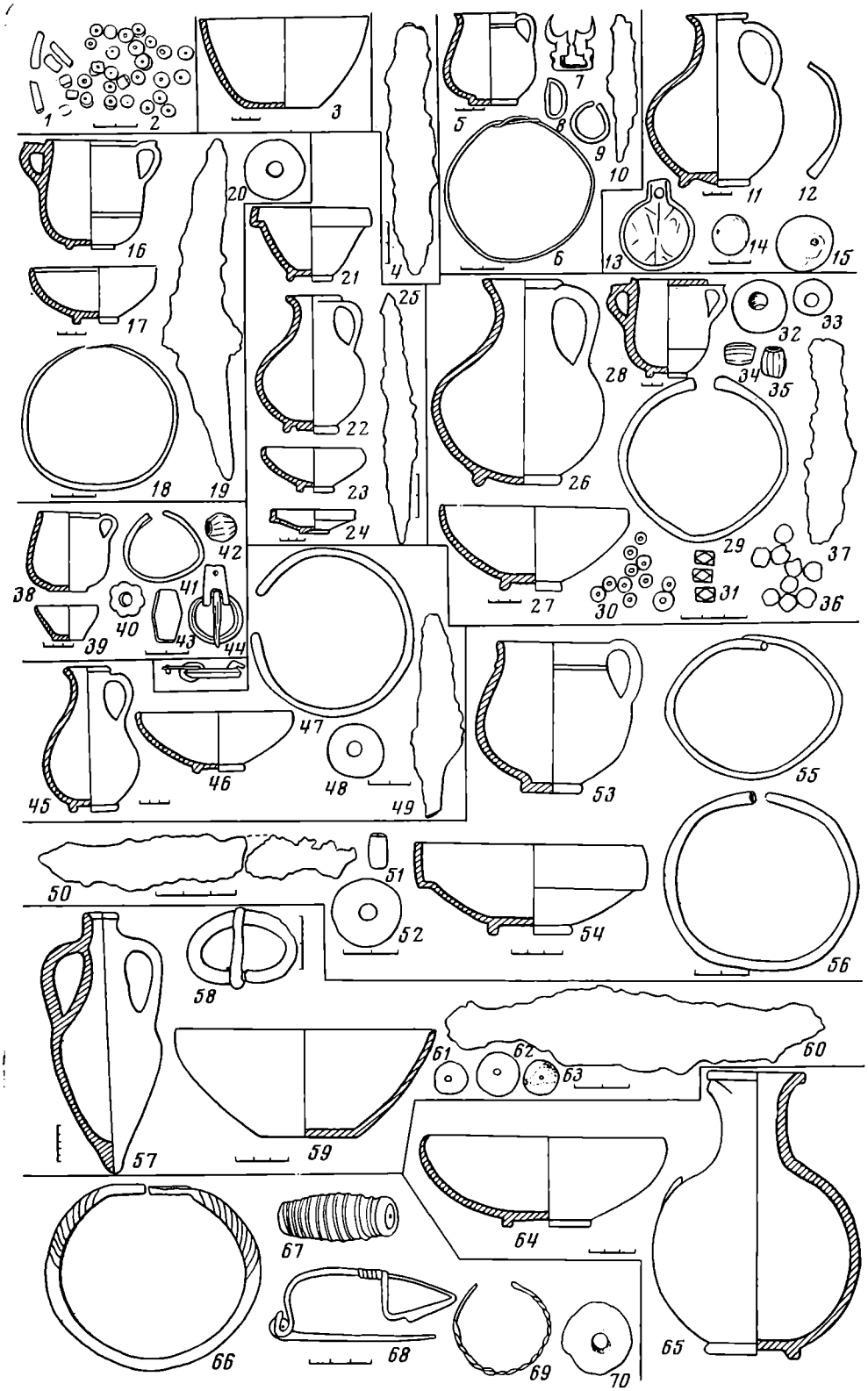


Рис. 9. Скалистое III (раскопки И. И. Лободы): *1, 2* — погр. 39; *3*—40; *4*—41; *5—10*—42; *11—15*—43; *16—20*—44; *21—25*—45; *26—37*—46; *38—44*—47; *45—49*—48; *50—56*—49; *57—63*—52; *64—65*—53; *66—70*—54. *1* — гагат; *2, 30, 43, 51* — непрозрачное стекло; *3, 5, 11, 14—17, 21—24, 26—28, 38, 39, 45, 46, 53, 54, 57, 59, 61, 64, 65, 70* — глина; *4, 10, 19, 25, 37, 49, 50, 60* — железо; *6—9, 12, 13, 34, 35, 41, 42, 44, 47, 55, 56, 58, 66, 68, 69*— бронза; *31* — сердолик; *32, 33, 36* — янтарь; *63* — халцедон; *40* — египетский фаянс; *48, 52, 67* — стекло; *62* — хрусталь

Кувшины с узким высоким цилиндрическим горлом, чуть отогнутым венчиком и ребром на горле. Тулово круглое, поверхность покрыта розовым лаком хорошего качества (рис. 4, *46*; 7, *20*, *115*). Такие сосуды в большом количестве встречаются в могильнике Бельбек IV и у с. Заветное и являются привозными из городов Малой Азии. Один кувшин с высоким узким горлом, с отогнутым венчиком, округлым туловом и двумя ленточными ручками, очевидно, херсонесского происхождения (рис. 8, *17*).

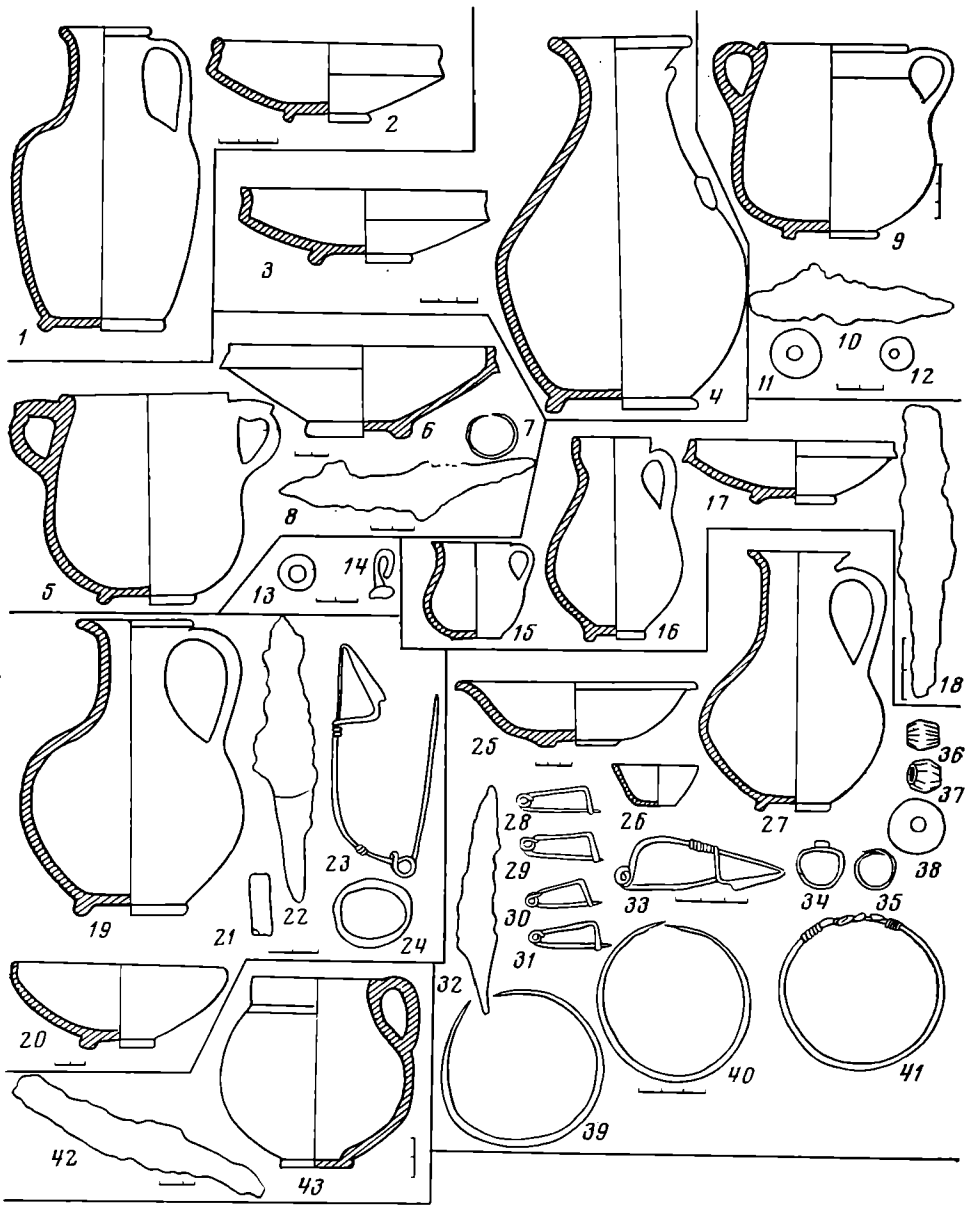


Рис. 10. Скалистое III (раскопки И. И. Лободы): *1, 2* — погр. 54; *3, 4*—54а; *5—8*—59; *9—12*—60; *13—14*—61; *15—18*—62; *19—24*—63; *25—41*—64; *42—43*—65. *1—6, 9, 15—17, 19, 20, 25—27, 43* — глина; *7, 13, 14, 21, 23, 28—37, 39—41* — бронза; *8, 10, 18, 22, 32, 42* — железо; *11, 12, 38* — стекло

Много встречено красноглиняных мисок и маленьких одноручных сосудов. В могилах Б. 14, 24, 26, 29, 34, 35 последние стояли в миске, что характерно для обряда погребений в могильниках Прикубанья и Подонья.

Одноручные красноглиняные (иногда сероглиняные) небольшие сосуды не отличаются разнообразием форм. Небольшой, чуть отогнутый венчик

переходит в округлое тулово на кольцевом поддоне, ручка петельчатая, небольшая, прикреплена непосредственно к бортику. Встречаются сосуды такой формы без ручки. Поверхность их покрыта красным или бурым лаком (рис. 2, *2*; 3, *20*; 4, *19*; 6, *4*; 10, *43*) или обмазкой красного, бурого, серого или темно-коричневого цвета (рис. 3, *6*; 4, *42*; 8, *68*, *83*; 9, *5*, *38*, *53*). По форме, качеству глины, лака и обмазки эти сосуды точно такие же, как в погребениях Бельбекской долины и могильнике у с. Заветное. И там и здесь они скорее всего являются привозными из Херсонеса.

Встречено семь двуручных небольших кубков, тулово их вытянутой формы, бортик срезан горизонтально без венчика или с чуть отогнутым венчиком, ручка петельчатая, круглая или с горизонтальным уступом. Лак бурый, розовый, красный (рис. 2, *15*, *38*, *47*; 7, *5*, *93*; 9, *16*, *28*; 10, *5*), хорошего качества. Эти сосуды скорее всего являются предметом импорта из Малой Азии.

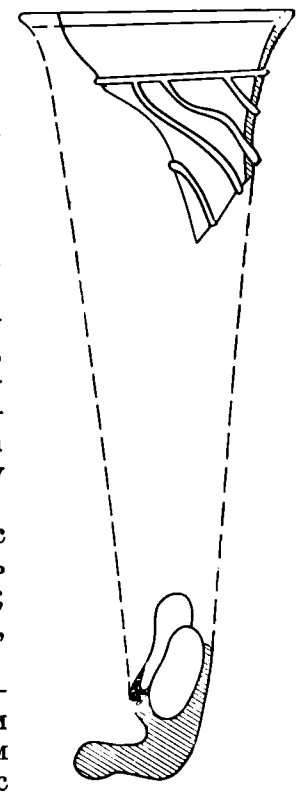


Рис. 11. Стеклянный кубок из погребения 28 могильника Скалистое III (раскопки И. И. Лободы)

Много красноглиняных профилированных тарелок на кольцевом поддоне (рис. 2, *1*, *7*, *16*; 3, *3*, *7*, *11*, *23*, *31*, *35*; 4, *2*, *6*, *43*; 5, *41*, *54*, *60*; 6, *2*, *16*, *25*, *34*; 7, *19*, *22*, *32*, *98*, *112*; 8, *18*, *56*, *79*; 10, *2*, *3*, *6*, *17*). Цвет глины розовый, поверхность покрыта розовым или красным лаком. Такие сосуды очень широко представлены в керамике Северного Причерноморья, в том числе юго-западного Крыма, где они являются предметом ввоза из городов Малой Азии [13]. Тарелки из погребений Скалистинского могильника по высоте бортика и качеству лака скорее всего могут относиться ко II — началу III в. н.э.

Миски представлены несколькими типами: с округлыми стенками, бортик их загнут внутрь или отогнут наружу (рис. 2, *5*, *39*, *54*; 4, *57*, *58*, *59*; 5, *2*, *49*, *59*; 6, *5*; 7, *92*, *117*; 8, *67*, *88*, *91*; 9, *17*, *27*, *46*, *54*, *64*), со скошенными стенками на кольцевом поддоне и отогнутым бортиком, расположенным горизонтально (рис. 5, *38*, *43*), с невысокими скошенными стенками и отогнутым нависающим бортиком без кольцевого поддона (рис. 4, *48*), с высокими скошенными стенками, с широко нависающим бортиком (рис. 2, *14*; 3, *26*, *29*; 4, *12*; 7, *114*; 8, *75*; 9, *21*), на кольцевом поддоне и без него. На одной миске (рис. 7, *114*) — граффити из двух букв χα, может быть, следует читать χαίρη.

Таким образом, красноглиняная керамика из могильника Скалистое III дает значительно меньше разнообразных форм, чем керамика из бельбекских могильников и могильника у с. Заветное, меньше сосудов малоазиатских типов. Почти вся керамика херсонесского производства и датируется II — первой половиной III в. н. э.

Амфоры светлоглиняные узкогорлые однотипны (2 шт.). Одна из них с греческой надписью, свидетельствующей о мере амфоры, опубликована [14]. Эти амфоры относятся к типу, бытующему в Северном Причерноморье во II—III вв. н. э.[15] (рис. 3, *1*; 9, *57*). Другая амфора (с захоронением ребенка) красноглиняная широкогорлая с коническим дном (высота 88 *см*,

---

[13] Там же.

[14] *Н. А. Богданова, И. И. Гущина.* Новые могильники..., стр. 135, 136, рис. 47.

[15] *И. С. Каменецкий.* Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища. КСИА АН СССР, 94, 1963, стр. 32, рис. 6, *20*.

диаметр горла 20 *см*), видимо, боспорского производства II—III вв. н. э.[16] (рис. 2, *37*).

В могильнике найдено пять лепных сероглиняных сосудов. Два небольших горшка с невысоким, немного отогнутым бортиком, без поддона, с небольшой петлеобразной ручкой, прикрепленной к борту чуть ниже венчика (рис. 2, *4;* 5, *53*), и три миски из такой же глины с плоским дном и прямыми, расширяющимися кверху стенками (рис. 9, *3, 39, 59*). По форме такие сосуды ближе всего к позднескифской керамике Неаполя и городища Альма-Кермен[17]. Интересен обнаруженный в погребении Л. 28 стеклянный сосуд, изготовленный из зеленоватого стекла, венчик (диаметр 6,8 *см*) отогнут наружу, тулово украшено тонкими стеклянными нитями такого же цвета. Нижний конец тулова загнут (рис. 11). По форме этот сосуд напоминает кубки III в. н. э., встречающиеся в черняховских памятниках[18].

Орудия труда. Железные ножи наряду с пряслицами были самым многочисленным материалом могильника. Они обычно лежали в головах погребенного, у сосудов или в тарелке вместе с жертвенной пищей; в погребении 48 два ножа находились с левой стороны груди. Они однолезвийные, у некоторых (Л. 24, 34, 35 и 44) спинка ножа слегка закруглена. Рукоятка обычно была деревянной, в одном случае (Л. 1) на ноже сохранилась костяная рукоятка (рис. 6, *3*). В синхронных Скалистинскому могильниках юго-западного Крыма ножи были положены почти в каждое погребение вместе с жертвенной пищей.

Пряслица часто находятся в женских погребениях. Все они биконической формы, обычно из темно-серой глины, иногда с лощением. Встречаются пряслица, украшенные орнаментом или рисунками животных. Так, например, в Заветнинском могильнике на пряслице из могилы 16 была изображена сцена охоты[19]. Три пряслица из Чернореченского могильника также были украшены изображениями животных — оленей и лошадей[20]. В рассматриваемом могильнике пряслице с процарапанным рисунком двух животных (лошадей?) было обнаружено в могиле Б. 12. Обычное их положение — у кистей рук, преимущественно левых, по одному-двум, однако в детских погребениях (Б. 23, Л. 16), отличавшихся богатством инвентаря, было обнаружено по пять-шесть пряслиц. Иногда пряслица были положены в шкатулку (три пряслица в могиле Л. 8).

Все иглы бронзовые, с хорошо сохранившимся ушком. Обнаружено 9 экз.: 1 — в погр. Б. 8, 2 — в погр. Б. 16 (рис. 7, *77, 78*), 6 — в погр. Л. 8 (в шкатулке вместе с другим погребальным инвентарем, рис. 6, *90, 94*). В погребениях Б. 44 и Л. 36 были найдены игольники, состоящие из полой трубочки с кольцом (рис. 5, *14*), их носили прикрепленными к поясу. Иглы и игольники встречаются в могильниках Неаполя Скифского, Заветного и Бельбек IV.

Таким образом, небольшое количество и однообразный ассортимент предметов, относящихся к орудиям труда в Скалистинском могильнике, как и в других могильниках юго-западного Крыма того же времени, говорит об определенном наборе погребального инвентаря, в котором орудиям труда отведено очень скромное место.

То же можно сказать о предметах одежды. Набор инвентаря сводится к фибулам, пряжкам и наконечникам поясов. Выделяется несколько типов фибул, подробно охарактеризованных в табл. 2. Больше всего найде-

---

[16] *И. Б. Зеест.* Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 115, табл. XXXIV, *82, 83в.*

[17] *Т. Н. Высотская.* Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев, 1972, стр. 104—106, рис. 26, *34, 36, 42, 44.*

[18] *Э. А. Сымонович.* Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье. МИА, 139, 1967, стр. 229, рис. 16, *1, 2.*

[19] *Н. О. Богданова.* Могильник I ст. до н. е.—III в. н. е..., стр. 107, рис. 6, *20.*

[20] *В. П. Бабенчиков.* Чорноріченский могильник. АП, XIII, 1963, табл. VIII, *7—9.*

Таблица 2

Фибулы могильника Скалистое III
(количество и расположение в погребениях)

№ п/п	Типы фибул	Количество	Материал	Размер (*см*)	Спинка	Тетива	Ножка	Место находки и № погребений	Номера таблиц и рисунков
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1	Фибула с двумя спиральными завитками, расположенными в горизонтальной плоскости на конце сплошного пластинчатого приемника Группа 13/4, табл. 5, *15* (по А. К. Амброзу)	1	бронза	5	уплощенная, без орнамента	нижняя	–	Л2, левое плечо	VI, *8*
2	Фибула, форма завитка которой неизвестна Группа 13/5, табл. 5, *15*	1	то же	2,2 (фрагмент)	уплощенная, орнамент «змейка», как на табл. 5, 16 (Амброз)	нижняя	–	Б40, грудь	IV, *54*
3	«Смычковые», одночленные проволочные фибулы с высоким приемником Группа 14а, табл. 6, *11*, *12*	33	бронза » »	2,5–3,8	плоская	нижняя	–	Б29 (2), Л8 (21), 28 (4), 46 (6), за головой (в скобках указано количество фибул)	
4	То же	9	» »	2,8–3	то же	нижняя	–	Б35 (1), Л8 (8)	
5	» »	9	» »	2–3,3	» »	нижняя	–	Л6 (1), 14 (3), 15/1 (2), 64 (3)	
6	«Смычковые» одночленные проволочные фибулы с высоким приемником	15	бронза	2,5–3,5	плоская	нижняя	–	Б42 (1), 47 (1), Л4 (2), 6 (1), 12 (2), 30 (6), 31 (1), 62 (1), плечо левое	

(продолжение табл. 2)

№ п/п	Типы фибул	Количество	Материал	Размер (см)	Спинка	Тетива	Ножка	Место находки и № погребений	Номера таблиц и рисунков
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
7	«Смычковые» одночленные проволочные фибулы с высоким приемником	1	серебро	2,4	то же	то же	–	Б62 (1), плечо левое	
8	То же	9	бронза	2,5–3	» »	» »	–	Л8 (1), 15/2 (3), 48 (1), 59 (3), 64 (1), плечо правое	
9	«Смычковые» одночленные проволочные фибулы с высоким приемником Группа 14а, табл. 6, *11*, *12*	1	бронза	–	–	–	–	Б26 (1), шея	
10	То же	1	то же	2,5	плоская	нижняя	–	Л2 (1), ключица левая	
11	» »	2	» »	3,5	–	–	–	Б36 (2), грудь слева	
12	» »	2	» »	2	плоская	нижняя	–	Б22 (1), Л40 (1), грудь справа	
13	» »	21	» »	2,5–3	то же	то же	–	Б14 (1), 17/1/, 18/1/, 30 (4), 40 (4), 43 (2), 45 (1), 51 (1), 53 (3) Л43 (3), на груди	
14	» »	2	» »	4	» »	»	–	Л44 (2), локоть правый	

(продолжение табл. 2)

№ п/п	Типы фибул	Количество	Материал	Размер (см)	Спинка	Тетива	Ножка	Место находки и № погребений	Номера таблиц и рисунков
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
15	«Смычковые» одночленные проволочные фибулы с высоким приемником. Группа 14а, табл. 6, *11*, *12*	7	бронза	3–3,5	плоская	нижняя	–	Л26 (6), 35 (1), живот слева	
16	То же	1	то же	–	–	–	–	Л39 (1), живот справа	
17	» »	1	» »	3,5	–	–	–	Б12 (1), кисть левая	
18	» »	2	» »	2,5–2,8	плоская	нижняя	–	Л8 (2), кисть правая	
19	» »	7	» »	2,5–3,5	то же	то же	–	Б44 (1), Л5 (3), 13 (3), запястье левое	
20	» »	2	» »	2	–	»	–	Б49 (2), запястье правое	
21	» »	4	» »	2,5–3,5	плоская	»	–	Б44 (3), Л4 (1), таз	
22	» »	2	» »	–	–	–	–	Б44 (2), бедро правое	
23	«Смычковые» одночленные проволочные фибулы с высоким приемником Группа 14а, табл. 6, *11*, *12*	1	бронза	3	плоская	нижняя	–	Л8 (1), между бедрами	
24	То же	1	то же	2,7	то же	то же	–	Л8 (1), голень левая	

(продолжение табл. 2)

№ п/п	Типы фибул	Количество	Материал	Размер (см)	Спинка	Тетива	Ножка	Место находки и № погребений	Номера таблиц и рисунков
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
25	«Смычковые» одночленные проволочные фибулы с высоким приемником. Группа 14а, табл. 6, *11*, *12*	27	бронза	2,5–3,5	плоская	нижняя	—	Б23 (2), 37/1 (3), 37/2 (4), 52 (2), Л3 (2), 7 (2), 16 (11), 53 (1), в засыпи	
26	Лучковые подвязные проволочные одночленные фибулы Группа 15, серия I, вариант 4, табл. 9, *10*	1	» »	5	круглая в сечении	верхняя	расширенная к концу ножки	Б40, грудь слева	IV, *53*
27	То же	1	то же	–	то же	то же	то же	Л5, бедро левое	VI, *31*
28	» »	1	» »	4,3	» »	» »	» »	Л11, в засыпи	VII, *6*
29	» »	1	железо	8,4	» »	нижняя	» »	Л22, в засыпи	VII, *104*
30	Лучковые подвязные проволочные одночленные фибулы Группа 15, серия I, вариант 4, табл. 9, *10*	1	бронза	5,2	круглая в сечении	нижняя	расширенная к концу ножки	Л26, живот справа	VIII, *11*
31	То же	1	то же	7	то же	верхняя	то же	Л64, плечо левое	X, *33*
32	То же. Группа 15, серия I, вариант 5, табл. 9, *11*	1	» »	5,8	» »	»	»	Б42, грудь	
33	»	1	» »	7	» »	»	»	Л31, плечо левое	VIII, *71*
34	»	1	» »	6,8	» »	»	»	Л54, таз слева	IX, *68*

(продолжение табл. 2)

№ п/п	Типы фибул	Количество	Материал	Размер (см)	Спинка	Тетива	Ножка	Место находки и № погребений	Номера таблиц и рисунков
I	II	III	VI	IV	VI	VII	VIII	IX	X
35	То же. Группа 15, серия I, вариант 5, табл. 9, *12*	1	бронза	7	круглая в сечении	верхняя	расширенная к концу ножки	Л8, плечо левое	VI, *62*
36	»	1	» »	5,5	» »	»	»	Л16, в засыпи	VII, *63*
37	То же. Группа 15, серия I, варианты 3–5	1	железо	7,5	» »	»	»	Л7, плечо левое	VI, *46*
38	То же. Группа 15, серия I, 3–5 варианты без разграничения	1	железо	?	круглая в сечении	нижняя	расширенная к концу	Л8, голень левая	VI, *63*
39	То же	1	бронза	–	–	–	»	Л14, за головой	VII, *39*
40	» »	1	то же	?	уплощенная	–	»	Л16, в засыпи	VII, *64*
41	Крупные лучковые одночленные фибулы с нижней тетивой /«инкерманские фибулы»/ Группа 15, серия II, 1, табл. 9, *17*	1	» »	9	круглая в сечении	»	»	Л39, грудь слева	VIII, *99*
42	То же Группа 15, серия II, 2, табл. 9, *14*	1	» »	–	пластинчатая с проволоч. «змейкой»	–	»	Б29, таз слева	
43	То же	1	» »	8	то же	нижняя	»	Л6, плечо левое	VI, *37*
44	» »	1	» »	8	пластинчатая с проволоч. «змейкой»	то же	»	Л6, плечо левое	VI, *38*

Таблица 2 (окончание)

I	Типы фибул II	Количество III	Материал IV	Размер (см) VI	Спинка VI	Тетива VII	Ножка VIII	Место находки и № погребений IX	Номера таблиц и рисунков X
45	Крупные лучковые одночленные фибулы с нижней тетивой /«инкерманские фибулы»/ Группа 15, серия II, 2, табл. 9, *14*	1	бронза	7	пластинчатая гладкая	нижняя	расширенная к концу ножки	Л15/2, между бедрами	VII, *49*
46	То же Группа 15, серия II, 2, табл. 9, *14*	1	» »	5,4	пластинчатая гладкая	»	»	Л21, плечо правое	VII, *96*
47	» »	1	» »	9,7	пластинчатая с проволоч. «змейкой»	»	»	Л28, кисть правая	VIII, *22*
48	» »	1	» »	10	то же	»	»	Л63, плечо правое	X, *23*

но «смычковых» фибул. Эти небольшие одночленные проволочные фибулы с плоской спинкой, высоким приемником и нижней тетивой все одинаковы и отличаются только размером (табл. 2, № 3—25).

На второе место по количеству можно поставить лучковые подвязные проволочные одночленные фибулы с расширяющейся ножкой, с верхней или нижней тетивой (табл. 2, № 26—40), две фибулы из них железные (табл. 2, № 29, 37).

Далее идут фибулы крупные лучковые одночленные с нижней тетивой («инкерманского типа», по Амброзу; табл. 2, № 41—48).

Два раза встречена фибула с плоской спиной и спиральным завитком на конце пластинчатого приемника (табл. 2, № 1, 2). Последние фибулы наиболее ранние из всех. Они относятся к I—II вв. н. э.[21], лучковые фибулы бытуют на территории Северного Причерноморья с I до середины III в. н. э.[22]

«Смычковые» фибулы известны главным образом в Крыму, особенно в юго-западной части, и бытуют в I—III вв. н. э.[23]

Фибулы в основном находятся в области шеи и груди погребенного (некоторые отклонения от этого правила отмечены в таблице 2). В погр. Л. 8 у головы погребенного найдена 21 смычковая фибула. Интересен обычай продевать фибулы в бронзовое кольцо (рис. 2, *27*; 5, *35*), который известен только в юго-западном Крыму.

В погребении Б. 37/1 найдена фибула с круглым щитком, украшенным округлыми выступами, поверхность ее заполнена эмалью голубого, белого, зеленого и желтого цвета (рис. 4, *24*). Она относится к провинциально-римским фибулам II—III вв. н. э.[24]

В могилах обнаружено 6 пряжек разнообразной формы. Две пряжки, железная и бронзовая, Л. 51 и 52 имеют одинаковую форму — они овальные со свисающим прогнутым язычком без щитка. Такой тип характерен для могильников II—III вв. н. э. Две бронзовые пряжки с круглым щитком, овальной дужкой и подвижным язычком обнаружены в погребении, принадлежащем мужчине-воину (Л. 28, рис. 8, *46, 47*). В погребении Л. 42 сохранилась фигурная дужка от пряжки, аналогичная дужке, обнаруженной В. П. Бабенчиковым в могиле 5 Неаполя Скифского. В погребении Б. 45 пряжка была найдена у ног костяка со скрещенными конечностями, видимо, они были стянуты ремешком.

Украшения являются самым массовым материалом могильника, некоторые из них одновременно исполняли роль апотропеев или имели другое ритуальное значение.

Браслеты бронзовые и серебряные четырех типов: со змеиными головками на концах, с перевитыми по ободу концами, с несходящимися утолщенными концами, с шишечками на концах. В Скалистинском могильнике самую большую группу составляют браслеты со змеиными головками на концах (60%), которые широко известны в могильниках Крыма и Кавказа и синхронных могильниках Балканского полуострова. Видимо, они имели не только значение украшений, но также и культовое значение, являясь апотропеем. Н. В. Пятышева пришла к выводу, что культ змеи, распространенный очень широко в большинстве стран мира, проник в первые века нашей эры в Херсонес и Горный Крым с Кавказа и Балканского полуострова[25]. М. Пардуц считает, что этот тип браслетов происходит с запада, так как в Трансильвании они

---

[21] *А. К. Амброз.* Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, Д1-30, М., 1966, стр. 45, табл. 5, *14*.

[22] Там же, стр. 50—52, табл. 9, *10, 17*.

[23] Там же, стр. 47, табл. 6, *11, 12*.

[24] Там же, стр. 21, табл. 14, *20*.

[25] *Н. В. Пятышева.* К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I—IV вв. н. э. Сб. «Античное общество». М., 1967, стр. 185.

известны еще в гальштадтское время [26]. Браслеты носили как мужчины, так и женщины. Они обычно круглопроволочные, обод украшен точечным, подковообразным или витым врезным орнаментом, концы расплющены и на них резаными линиями изображена голова змеи. Интересны браслеты этого типа из могилы Б. 12 (рис. 2, *19, 20*), в которой кроме них находился еще целый ряд ритуальных предметов: зеркало-привеска, колокольчик, миниатюрный серебряный ритуальный сосудик. В погребении Л. 8 было четыре таких браслета (рис. 6, *50—53*).

Другой тип браслета — с утолщением на концах. Они составляют 30% всех браслетов могильника. Встречаются довольно часто в могильниках первых веков нашей эры в юго-западном Крыму. Многочисленные аналогии им можно найти в могильнике Неаполя Скифского и Чернореченском [27] (рис. 9, *55, 56*). Также обычен для могильников этого времени тип браслетов с заходящими, перевитыми по ободу концами. В Скалистинском могильнике их 10 (рис. 2, *27*; 6, *51*, 7, *30*; 8, *20*; 10, *41*). В могильнике Неаполя Скифского это наиболее распространенный тип, они часто встречаются и в некрополях боспорских городов. Некоторые исследователи относят их к латенскому типу украшений [28].

Кольца (диаметр 7—8 *см*) с тройными шишечками по ободу обнаружены в погр. Б. 12 на фалангах пальцев правой руки (рис. 3, *33*) и в погр. Б. 43 на фалангах пальцев левой руки (рис. 5, *9*); они, как и колечки небольшого диаметра, имеющие неопределенное положение в могилах, по всей вероятности, играли культовую роль.

Кольца с утолщениями по ободу были широко распространены по всему латенскому миру в более раннее, чем рассматриваемое, время, что дало повод некоторым исследователям выводить их из кельтских древностей [29]. Однако в классических латенских областях они имеют несколько иную форму [30]. О культовом характере колец подобного типа можно судить по тому, что иногда в могилу была положена лишь часть такого кольца. Здесь, по-видимому, оно употреблялось с ритуальными целями (Б. 37, рис. 4, *25*).

Перстни, бронзовые или серебряные, являются массовым материалом могильника. Как правило, они найдены надетыми на фаланги пальцев. Сделаны они из плоской в сечении проволоки, со щитком и вставкой из цветного стекла, реже пасты или сердолика. Количество их в могилах обычно один-два. Исключение составляет погребение Л. 8, где было найдено на фалангах пальцев 15 серебряных и 9 бронзовых перстней (рис. 6, *106—108*). В могиле Б. 42 обнаружен фрагмент перстня с сердоликовой геммой, изображающей фигуру Афины (рис. 5, *13*). Другой тип перстней — из плоской в сечении проволоки с раздвоенными и загнутыми в виде волют концами (Б. 36, Л. 15). В погребении 37 такое же кольцо вместе с височным одето на иглу фибулы (рис. 4, *32*).

Височные кольца и серьги имеют сходные формы: это в большинстве случаев перевитая жгутом тонкая проволока с петелькой на одном конце и крючком на другом, встречаются височные кольца с сомкнутыми перевитыми по ободку концами или сплошное кольцо. Обычное их положение — по сторонам черепа. Во многих могилах (Л. 12, 37, 44, 48, 63) серьги и височные кольца были одеты на иглу фибулы, находившейся на грудных костях, что имеет аналогии и в других могильниках юго-западного Крыма.

---

[26] *M. Párducz.* Le cimetière Hallstattienáe Szentesveker, t. II, Acta arch., IV. Budapest, 1954, pl. 13, *3a, 3b*.

[27] *В. П. Бабенчиков.* Ук. соч., стр. 100, табл. XIII, *6*.

[28] *I. Dechellette.* Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine, t. III. Paris, 1927, p. 322, fig. 337.

[29] *Т. Н. Высотская.* Ук. соч., стр. 156.

[30] *А. Л. Монгайт.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М., 1974, стр. 233, рис. 29, 33.

Бусы обычно являются самым многочисленным погребальным инвентарем. Разнообразные по форме, размеру и материалу, они сопутствуют почти всем погребениям.

Всего в Скалистинском могильнике найдено 720 бус, из них стеклянных: одноцветных прозрачных — 68, непрозрачных — 8, с внутренней позолотой — 55, из египетского фаянса голубого и белого — 93; из смолистых веществ: гагатовых — 243, янтарных — 64; металлических (бронзовых) — 18; из полудрагоценных камней: сердоликовых — 82, горного хрусталя — 6, халцедоновых — 52; меловых пород: алебастровых — 15, коралловых — 4. Стеклянные бусы, сердоликовые и из египетского фаянса были, как правило, округлые или округлоплоские. Встречаются сердоликовые бусы и бочкообразные. Гагатовые бусы имели цилиндрическую форму. Массовым материалом являлся цилиндрический мелкий гагатовый бисер, которым обшивался подол и рукава одежды (Л. 16, рис. 7, *85*) или ворот платья (Б. 42).

Бусы из янтаря, горного хрусталя и халцедона были бочковидными и плоскоовальными (Б. 42 и Л. 2).

Крупные алебастровые и стеклянные бусины диаметром 2,0—2,5 *см*, обнаруженные на шейных позвонках или у плечевых костей (по 1—2 шт.), использовались как пуговицы (Л. 2, 7, 14, 64, рис. 6, *2*).

По-видимому, бусами украшались головные уборы. Так, в могилах Л. 15 и 26 у черепа было найдено 7 бус из глухого стекла (рис. 7, *46, 47*), янтарные и стеклянные бусы (рис. 10, *11, 12*). Бусами украшался и пояс, стягивавший одежду. При этом использовались рифленые бронзовые бусы и бусы из египетского фаянса. Их, как правило, по две бусины (Б. 44, рис. 5, *19—22*, Л. 21, рис. 3, *8, 9*).

Чаще всего бусы составляли ожерелье из 5—7 штук, причем ассортимент их разнообразен и обычно в следующем сочетании: гагат, сердолик, египетский фаянс, янтарь. В могиле Б. 33 ожерелье состояло из хрустальных плоскоовальных бус в сочетании с гагатовыми восьмигранными. В одном случае (Б. 33, рис. 5, *61*) в отверстие круглой стеклянной бусины вставлена бронзовая проволока, конец которой свернут в спираль. Такие бусы — частое явление в позднесарматских погребениях Нижнего Поволжья, есть они и в Неаполе Скифском.

Некоторые типы бус, в частности глазчатые, в большом количестве встречаемые в синхронных могильниках, могли служить оберегами. До настоящего времени у народов мусульманского мира глазчатые и голубого цвета бусы являются оберегами, особенно для детей. По-видимому, магическую роль играла большая бусина биконической формы с белыми витками по черному фону из могилы Б. 54. Она лежала у черепа [31].

Иногда бусы в могилу клались в мешочке или в шкатулке. Так, в могиле Б. 37 в мешочке находились бусы янтарные плоскоовальные. Одна бусина из египетского фаянса, шесть сердоликовых бочкообразных, одна халцедоновая плоскоовальная, 54 круглых стеклянных с внутренней позолотой и бисер из гагата — 80 штук (рис. 4, *26—28*).

В могиле Б. 48 бусы лежали в деревянной шкатулке (цилиндрические из белого египетского фаянса — 2, круглые сердоликовые — 5, бронзовые с рубчатой поверхностью — 2). В могиле Л. 42 обнаружено скопление бус у локтя правой руки: 6 халцедоновых плоскоовальных, 8 гагатовых восьмигранных, 4 янтарных плоскоовальных, 6 круглых из белого египетского фаянса, 2 круглых сердоликовых и большая алебастровая круглая бусина (рис. 5, *4—8*).

---

[31] *Н. Г. Борозна.* Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии. Сб. «Домусульманские верования и обряды Средней Азии». М., 1975, стр. 289. У народов Средней Азии бочкообразные синие или черные бусины с белыми разводами якобы приносят богатство. Такие же бусы и с тем же значением бытовали у персов и некоторых народов Индии.— Там же, стр. 289.

Вооружение. В могильниках юго-западного Крыма первых веков нашей эры предметы вооружения встречаются редко. В Скалистинском могильнике оно обнаружено в погребении всадника-воина (Л. 28), в могиле с двумя подбоями (Б. 37), являвшейся кенотафом, где вместе с другими вещами, положенными в деревянный ящичек или мешочек, было скопление скипевшихся железных колец, очевидно, остатки кольчуги. В погребении 44 найдены остатки бронзовой кольчуги, сварившиеся в ком [32].

В могиле 28 рядом с погребенным лежал обоюдоострый железный меч длиной 52 *см* без перекрестия и набор конного снаряжения: железные удила с колесообразными псалиями, бляшки от уздечки, две бронзовые шпоры. Одна (рис. 8, *48*) бронзовая литая, имеет форму выгнутого дугой ромба, концы которого украшены припаянными дисками (наименьший диаметр 10, наибольший — 13 *мм*), заполненными красной эмалью. В центре шпоры — четырехгранный заостренный шип длиной 13 *мм*. Вторая шпора (рис. 8, *49*) украшена двумя припаянными дисками, заполненными красной эмалью. Длина шипа 23 *мм*. Это погребение содержало довольно богатый инвентарь помимо указанного выше: двуручный кувшин, краснолаковая тарелка, три бронзовых браслета, пять фибул, бусы сердоликовые, колечко с шишечками по ободу, пряжки поясные с овальным щитком (рис. 8, *17—52*). Видимо, воинская прослойка выделялась из основной массы сельского населения своей состоятельностью.

Как уже было сказано выше, ритуальных предметов в Скалистинском могильнике, по сравнению с другими могильниками юго-западного Крыма, было найдено мало. Их можно разделить на две подгруппы: 1) апотропеи, 2) предметы, отображающие определенный культ. К первой подгруппе относятся колокольчики, антропоморфные и зооморфные фигурки, золотая цилиндрическая подвеска, браслеты со змеиными головками, некоторые бусы, кольца с геммами. Зеркала-привески с солярными изображениями на одной из сторон относятся ко второй подгруппе, как и ажурные привески с шишечками.

Колокольчики обнаружены в 9 погребениях. Это небольшие бронзовые колпачки с бронзовым или железным билом. Положение их в могиле неопределенное. Очевидно, они были призваны своим звоном отгонять «злые силы». Антропоморфные бронзовые фигурки часто встречаются в могильниках I—III вв. н. э. и кладутся обычно в детские погребения. В Скалистинском могильнике были найдены в могиле-кенотафе вместе с большим количеством вещей, среди которых много культовых предметов — колокольчики, ажурные привески, зеркало-привеска, фрагменты зеркала (рис. 4, *29—45*). Бронзовая птичка, аналогии которой можно найти в Херсонесе и могильнике у с. Заветное, была обнаружена в одном из самых богатых погребений могильника (Л. 8, рис. 6, *101*). Интересна золотая цилиндрическая подвеска с двумя петельками, украшенная инкрустацией из голубого стекла, найденная в детском погребении 44. Такие подвески встречаются и в Херсонесском некрополе, есть они и на Боспоре, и во Фракии [33], они служили футлярами для заклинаний. Апотропеями, как уже говорилось, могли являться браслеты со змеиными головками и некоторые типы бус.

Большую группу составляют предметы солярного культа, и в первую очередь зеркала-привески, широко известные в могильниках Юга нашей страны и связываемые с солярным культом [34]. Обычно в могилу их кладут с правой стороны груди у локтевой кости орнаментом вверх. В Скалистинском могильнике они найдены в восьми погребениях (Б. 12, 36, 37, 47; Л. 38, 39, 43). Можно предположить, что колечки с тройными шишеч-

---

[32] Диаметр колец и их количество определить не удалось.

[33] *Станимир Барачки.* Сарматски налази из Вршца. Нови Сад, 1961, стр. 128—130, табл. VII, *5, 6*; табл. VIII, *3*; табл. IX, *17*.

[34] *А. М. Хазанов.* Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, 4, стр. 95, 96.

ками по ободу, тоже имеют культовый и, что более вероятно, солярный характер (Б. 37, Л. 5, 28, 38, 39, 43). Культовый характер имеют и ажурные привески с шишечками, с петелькой для подвешивания и каплевидным отростком на противоположном конце. Интересна подвеска из погребения 43 с изображением полумесяца вместо петли (рис. 5, *3*). Как и колечки с шишечками, они не имеют в могилах определенного положения. Чаще всего находились у поясных позвонков. В Скалистинском могильнике их четыре (Б. 37, 43, 52; Л. 8). В погребениях они находятся вместе с другими ритуальными предметами.

Из туалетных принадлежностей можно назвать костяные пиксиды с остатками розовой краски-румян, детали шкатулки (бронзовые и железные накладки, гвоздики, ключи-гермы; рис. 6, *61*). Местоположение их чаще всего у головы погребенного (Б. 8, 11, 14, 34, 16; Л. 48). Они обычны для всех синхронных могильников юго-западного Крыма.

Район бассейна р. Бодрак в первых веках нашей эры был глубокой провинцией, удаленной и от столицы скифского государства — Неаполя Скифского и от греческих городов в Крыму. Видимо, поэтому инвентарь Скалистинского могильника беден и со слабо выраженной имущественной дифференциацией. Поселение, которому принадлежал могильник, было, вероятно, неукрепленным, так как наземных следов его не обнаружено. Возможно, оно находилось на территории современного с. Скалистое.

Могильник по сравнению с другими синхронными могильниками юго-западного Крыма отличается довольно однообразным типом погребальных сооружений: подбойные могилы и так называемые могилы с заплечиками, которые имеют несколько разновидностей. Этот тип погребальных сооружений встречается в могильниках Крыма не часто (могильник у с. Заветное и Усть-Альминский). Можно предположить, что он развился из известного в Поволжье и на Кубани типа сарматских погребений с заплечиками, заложенными деревянным настилом, который был заменен в условиях крымского «безлесья» каменными плитами.

Единственное детское захоронение произведено в амфоре, заложенной плоскими плитами. Обычай захоронения детей в амфоре широко бытовал в могильниках греческих городов Северного Причерноморья, в Танаисе был отдельный детский некрополь с захоронениями в амфорах [35]. Редким явлением в могильниках и Бельбекской и Альминской долин было трупосожжение и захоронение костей в лепном сосуде-урне. Такой способ захоронения был встречен в Чернореченском могильнике и могильнике Харакса. Этот ритуал не характерен для населения юго-западного Крыма первых веков нашей эры. Некоторые исследователи связывают его с черняховской культурой.

Могильник существовал относительно недолго, об этом говорит прежде всего то, что погребальные ямы нигде не перекрывают друг друга; во-вторых, плитовые и подбойные могилы по всей площади могильника чередуются, что особенно заметно в его южной части. Погребальный инвентарь по своему характеру укладывается в рамках II — начала III в. н. э. В большинстве случаев изделия привозные из греческих городов Северного Причерноморья, скорее всего Херсонеса. Исключения составляют пряслица и лепная керамика, изготовлявшиеся на месте.

Рассмотрение погребального обряда и ритуала погребений позволяет сделать вывод об этническом составе населения, оставившего могильник. Как уже отмечалось нами [36], долины крымских рек были заселены смешанным населением, в культуре которого прослеживались скифские, греческие и сарматские элементы. Материал публикуемого могильника еще раз это подтверждает. Особенно сильно здесь, пожалуй, проявляются эле-

---

[35] *Д. Б. Шелов.* Некрополь Танаиса. МИА, 98, 1961, стр. 88.

[36] *Н. А. Богданова.* Ук. соч., стр. 106—108; *И. И. Гущина.* О сарматах в юго-западном Крыму, стр. 45.

Сводная таблица погребений могильника Скалистое III

I	II	III	IV	V	VI	VII
Б						
1	4	1	2,1×0,7×0,8	2	–	1б, 1в, 7в
2	4	1	1,7×0,7×0,8	4	–	1в, 2а, 7ц
3	2(3)	1	1,9×1,1×0,8	10	–	1б
4	–	–	–	–	–	Хозяйственная яма
5	4	1	2×0,4×0,9	10	–	–
6	2(3)	1	–	10	–	–
7	1	1	2×0,7×0,4	8	–	1а, 7в, 8л, 8ц, 8ч
8	4	3	–	1	–	1в
9	4	3	2×0,6×1,2	10	–	1б, 1в
10	7	1	2,3×0,6×0,8	10	–	1б, 1в
11	4	1	2,3×0,5×0,8	3	–	1б, 1в
12	2(1)	1	1,9×0,5×0,6	1	3	1б, 1в, 6б, 6в, 6е, 7в, 7г, 7д, 8а, 8б, 8з, 8л (5), 8о (6), 8н (6), 8ф, 9а, 9б, 10в.
13	8	–	–	–	–	8з, 8т (2)
14	2(3)	1	2×0,5×0,7	10	–	1а, 1б, 6б, 7в, 8л, 8м (2),
15	6	–	2,3×0,8×0,9 2×0,5×0,9	4	–	8н –
16	2(2)	1	2,3×0,8×0,8	1	3	1б, 1в, 7в, 7г, 8а, 8к (4), 8з (3), 8п, 8м (2)
17		1	2×0,5×1,4	1	–	1б, 6б, 7в, 8ц.
18	2(2)	1	2×0,5×0,65	1	–	1б, 6а, 7в.
19	4	1	1,9×0,5×1,4	3	3	1б, 1в
20	2(2)	1	2,1×0,6×0,6	1	–	1б, 1в
21	4	1	1,8×0,5×1,2	1	–	1б, 1в, 6б, 8и (2)
22	4	1		1	–	1б, 1в, 6ю, 8т (2), 8м (2), 8и, 8н, 8ц (2), 8ю (2)
23	4	–	1,7×0,5×1,2	10	–	1б, 1в, 7в
24	4	1	2,1×0,6×1,0	10	3	1б, 1в, 7в
25	7	–	2,1×0,5×0,6	10	3	1б, 1в, 7в
26	4	1	2,2×0,55×0,65	1	1	1б, 1в, 6б
27	4	–	1,8×0,65×0,7	10	–	–
28	4	3	1,8×0,5×1,1	1	3	1б, 1в, 7в
29	2(3)	1	1,6×0,5×0,4	1	–	1б, 1в, 6б, 6в, 7г, 8а
30	2(3)	1	1,1×0,7×0,2	1	2	1а, 1б, 6б (4), 7г, 8ц (2), 8к (4), 8м, 8з (5)
31	4	1	2,05×0,6×1	1	1	–
32	4	1	2,2×0,5×1	1	1	7в
33	4	1	2,6×0,5×1,4	1	1	–
34	4	1	2,3×0,5×0,7	1	3	1б, 1в, 7в, 8а, 8ц
35	7	1	2,1×0,6×0,8	1	–	1б, 1в, 6б, 7в
36	2(3)	1	2,1×0,7×0,6	10	–	1в, 1г, 6б, 6в, 7г, 8ц, 9ю, 9а
37	6	–	1,7×0,5×0,6	–	3	1в, 6б (3), 6д, 8к (2), 8н (2), 8з (5), 8м (6), 8л (54), 8ц
37/2	–	–	1,7×0,5×0,8	–	–	1б, 1в, 6д, 8ц (2), 8ю, 9а, 9б
38	4	1	1,75×0,5×1,7	10	10	–
39	4	1	1,9×0,4×1,7	1	10	–
40	4	2	2,1×0,6×1,3	10	2+3+4	1а, 1б, 1в, 5г, 6б (5), 6в, 7в (2)
41	4	3	2,1×0,6×0,6	10	10	1г
42	2(2)	3 1	2,3×0,9×0,5	1	–	1а, 1г, 6б (2), 6в, 8ю (2), 8ц, 8к (80)
43	2(3)		2,0×0,5×0,5	1	–	1а, 1г, 7в (4), 8к (8), 8н (4), 8з (6), 8п, 8г (6), 9г
44	4	4	2,1×0,6×0,7	1	–	6б (4), 7в, 7г (5), 8у, 8ю, 8н, 8к, 8з, 9г, 9е
45	2(3)	3	2,3×0,7×0,5	2+7	1	6а, 6б, 8г (2), 8у
46	4	–	2×0,6×1,3	10	–	–

Продолжение

I	II	III	IV	V	VI	VII
47	3	1	2×0,6×2	10	–	1а, 1б, 6б
48	2(3)	1	2×0,7×0,5	1	3	1а, 1б, 1д, 6а, 6б, 6в, 7а, 7г (4), 8в, 8м (4), 8ю, 3 (2), 8к (3), 8л (2), 8м (2), 9а, 10в
49	2(3)	3	–	2	1	1а, 1г, 6б (2), 8у, 8и (3), 8г
50	2(3)	1	2,1×0,6×0,45	1	–	1а, 7в, 8г, 8ю, 8б
51	4	1	2,2×0,6×1,6	1	–	1в, 7в, 8б
52	4	3	1,2×0,4×1,1	1	–	2а, 1б, 6а, 6б, 8г, 8ю, 8м (15), 9б (2), 9в
53	4	3	2,2×0,7×0,2	1	–	1а, 8а, 8з, 8м, 8ц
54	4	3	2×0,6×1,3	3	–	1а, 1г
Л						
1	5	1	2,5×0,5×1,8	1	3+4+6	1а, 1б, 7в
2	3	1	2,3×0,7×2,0	5+8	2+7	1в, 1г, 6б, 6в, 7в, 7г (2), 8а, 8ц
3	2(4)	1	2,2×0,6×1,6	12	1	6б (2), 8ц
4	5	1	2,4×0,5×2,4	5+7	3+4+6+7	1а, 1б, 6б (3), 7в, 8а, 8з, 8ц (2), 8ч
5	2(3)	1	2,2×0,5×1,7	1	2+3+7	1а, 1б, 6б (3), 6в, 7в, 8а 8ч, 9в
6	2(3)	1	2,1×0,5×1,8	1	3	1а, 1б, 6б (2), 6в, 7в, 8а 8з, 8к (14), 8ц, 8щ
7	2(3)	1	2,2×0,6×2,0	10	1	6б (2), 6г, 8л
8	4	3	2,45×0,66×2,3	1	–	1а, 1б, 6б (34), 6в, 7а (6) 7в, 7г (3), 8а (4), 8г, 8д, 8е, 8з (63), 8и, 8к (24), 8м (26), 8н (47), 8о (6), 8п (8), 8р (7), 8т (2), 8х, 8ц (10), 8ч (18), 8ш (2), 8ю, 9б (6), 9г, 9д, 10б, 10в, 11а (4)
9	2(3)	1	2,0×0,56×1,3	4+7	3	1в
10	3	2	2,0×0,6×0,9	1	7	–
11	2(3)	2	2,1×0,6×2,1	12	7	6в, 7г, 8з, 8л, 8ч (2), 10в
12	5	1	2,5×0,7×1,7	1	–	1а, 1б, 6б (2), 7в, 8а, 8з
13	4	3	2,3×0,5×1,6	1	3	1а, 1б, 6б (3), 7в, 7г, 8д, 8ц (2)
14	2(3)	1	2,6×0,6×1,6	1	3	1а, 1б, 6б (3), 6в, 7в, 7г, 8а, 8м, 8ц (2), 10в
15	7	1	2,1×0,5×1,8	9	–	6б (4), 6в, 7в, 8з (8), 8и (2), 8ц (2), 8ю (2)
16	4	1	2,3×0,6×2,1	12	–	6б (11), 6в (2), 7а (2), 7г (7), 8з (7), 8к (80), 8м (6), 8н (5), 8ц (8), 9в, 10а, 10б
17	3	1	2,1×0,6×0,6	5+8	–	–
18	4	2	2,2×0,6×1,0	1	–	–
19	4	3	1,7×0,6×2,0	10	7	7в
20	2(4)	1	2,3×0,6×0,9	10	–	11д
21	2(2)	1	2,2×0,6×1,8	1	2+3	1а, 1в, 1г, 6в, 7в, 11в
22	2(3)	1	2,54×0,6×2,0	12	2+3+4	1б, 1в, 6г, 7в, 7г (2), 8п, 8щ
23	4	1	2,1×0,7×1,9	9	3+7	8а, 8т, 9в (2)
24	2(4)	2	2,1×0,5×1,2	1	–	1а, 1г, 7в
25	4	1	2,3×0,6×1,1	1	–	1а, 1г, 7в
26	4	3	2,6×0,8×0,6	1	2+3	1а, 1б, 1г, 6б (4), 6в, 7в, 8а, 8г, 8з (3), 8н (21), 8т, 8ц, 8ч, 9в (2)
27	4	1	2,44×0,6×2,3	2+6	–	–

I	II	III	IV	V	VI	VII
28	4	3	2,2×0,6×0,8	1	2	1а, 1д, 4б, 5а (8), 5в, 5г (2), 5д, 5е (2), 6б (4), 6в, 7в, 7т (3), 8а, 8б, 8ж, 8и, 8м (16), 8н (9), 8п, 8р (24), 8ф (2), 8ч (2), 9в
29	4	1	2,5×0,8×2,3	3+6	1	1а, 7г, 8ц
30	2(3)	1	2,1×0,6×1,8	3+7	2+3+6+7	1а, 1б, 6б (6), 7в, 8а, 8и (2), 8л, 8ч
31	2(3)	2	2,2×0,6×1,2	3+8	2+3+6	1а, 1б, 1в, 6б, 6в, 7в, 8в, 8л
32	10	1	2,3×0,6×0,6	4+7	–	–
33	2(3)	1	2,0×0,5×1,8	12	–	1а, 1г, 7в
34	2(4)	1	2,55×0,6×1,65	1	–	1б, 1в, 7г, 8а, 10в
35	4	1	2,0×0,4×1,9	3+6	–	1б, 1в, 6б, 7г
36	4	1	2,1×0,5×1,9	12	–	1а, 1г, 7в
37	4	1	2,2×0,6×1,9	10	3	1а, 1г
38	4	1	1,9×0,4×0,6	12	–	7б, 8и, 8т, 9а
39	4	1	1,9×0,5×1,9	1	–	1в, 6в, 7г, 8з (4), 8к (27), 9а
40	2(2)	1	2,4×0,6×1,5	10	3+7	2г
41	4	1	2,0×0,55×2,0	2+6	–	7в
42	10	1	1,6×0,6×1,4	2+6	–	1в, 7в, 11а (2), 11ж
43	2(4)	3	2,3×0,5×1,5	1	–	1а, 7г (2), 8в, 9а
44	2(4)	1	2,4×0,6×1,9	1	3	1в, 1г, 7в, 8а, 8л
45	2(4)	1	2,4×0,5×1,9	5+8	1	1а, 1б, 1г (2), 7в
46	2(3)	1	2,2×0,6×1,9	2+8	1	1а, 1б, 1г, 7в, 8в, 8з (3), 8и (2), 8м (3), 8н (10)
47	2(3)	1	1,3×0,3×1,8	5+8	–	1в, 2д, 6а, 8в, 8з, 8и, 8к
48	2(4)	1	2,3×0,5×2,0	1	–	1а, 1г, 7в, 8г, 8л
49	4	1	1,3×0,6×1,9	10	–	1в, 1г, 7в, 8в (2), 8з, 8л
50	9	–	0,24×0,14×0,16	11	–	–
51	4	1	1,9×0,55×1,2	5+8	–	–
52	4	1	2,6×0,7×1,7	9	–	2г, 6а, 7в, 8з, 8н, 8о, 11б
53	4	1	1,6×0,5×1,9	12	–	1а, 1г, 7в
54	4	1	2,3×0,75×2,1	1	2+4+6	1а, 1б, 6в, 7г, 8а, 8з, 8я
54а	3	1	1,8×0,6×1,3	10	–	1а, 1б
55	4	1	2,2×0,5×1,3	1	–	–
56	4	1	2,0×0,5×1,45	10	–	–
57	2(3)	1	2,1×0,6×1,8	12	–	–
58	7	1	0,95×0,3×1,4	–	–	–
59	4	1	2,2×0,7×1,5	10	–	1б, 1в, 7в, 8ч
60	4	1	1,75×0,7×1,8	3+6	–	1в, 7в, 8л (2)
61	4	1	1,9×0,55×1,6	1	–	8и, 11г
62	2(3)	1	2,0×0,6×1,9	5+8	3	1а, 1б, 4а, 7в
63	4	1	1,9×0,5×1,6	5+8	3	1а, 1г, 6в, 7в, 11а, 11е
64	2(2)	3	2,0×0,65×1,8	1	1+3	1а, 1б, 1в, 1е, 6б (4), 6в, 7в, 8а (2), 8е, 8и (2), 8т, 8ц (2)
65	10	1	2,3×0,65×1,3	5+8	–	1в, 7в
66	4	1	1,9×0,55×1,5	2+6	–	–
67	2(3)	1	1,9×0,5×2,0	12	–	–

Аннотация к сводной таблице

I. Номера погребений.

II. Типы погребальных сооружений: 1 — грунтовые ямы простые; 2 — грунтовые ямы с заплечиками, перекрытые каменными плитами (в скобках — количество плит); 3 — подбойные могилы с подбоем на запад; 4 — с подбоем на восток; 5 — с подбоем на восток, забитые камнями; 6 — подбойные могилы с двумя подбоями; 7 — плитовые могилы; 8 — захоронение в амфоре; 9 — захоронение в лепном сосуде 10 — неопределенный.

III. Ориентировка. 1 — Юго — запад; 2 — юго — восток; 3 — юг; 4 — северо — запад.

IV. Размеры (в *м*).

V. Поза погребенного: 1 — с вытянутыми конечностями; 2 — обе руки на тазе; 3 — левая рука на тазе; 4 — правая рука на тазе; 5 — руки вытянуты вдоль туловища; 6 — ноги вытянуты; 7 — ноги согнуты в коленях; 8 — ноги скрещены в голенях; 9 — на правом боку; 10 — разрозненные кости; 11 — сожжение; 12 — отсутствие костей.

VI. Особые признаки: 1 — колода, 2 — кошма, 3 — жертвенная пища, 4 — мел, 5 — кремень, 6 — уголь, 7 — тризна.

VII. Вещевой материал (в скобках указано количество экземпляров):

1. Керамика гончарная: а — кувшины, б — тарелки, в — кубки, г — миски, д — блюда, е — чашечки.

2. Керамика лепная темно-глиняная: а — кувшины, б — тарелки, в — кубки, г — миски, д — чашечки.

3. Амфоры.

4. Посуда стеклянная: а — кубки одноручные; б — кубки ритоновидные.

5. Оружие и предметы снаряжения: а — бляшки уздечные бронзовые; б — кинжал; в — меч; г — пряжки бронзовые; д — удила железные; е — шпоры бронзовые.

6. Предметы одежды: а — пряжки бронзовые; б — фибулы бронзовые смычковые; в — фибулы бронзовые с подвязным приемником; г — фибулы железные с подвязным приемником.

7. Орудия труда: а — иглы бронзовые; б — игольники (?) бронзовые; в — ножи железные; г — пряслица глиняные.

8. Украшения: а — браслеты бронзовые со змеиными головками; б — с завязанными концами; в — с утолщенными концами; г — круглые в сечении; д — с волютами; е — браслеты серебряные с волютами; ж — с завязанными концами; з — бусы из непрозрачного стекла; и — бусы бронзовые; к — гагатовые; л — стеклянные; м — сердоликовые; н — янтарные; о — хрустальные; п — меловые; р — стеклянные с внутренней позолотой; с — гешировые; т — бусы халцедоновые; у — бляшка золотая от одежды; ф — наконечники ременные бронзовые; х — подвески коралловые; ц — перстни бронзовые; ч — перстни серебряные; ш — серьги бронзовые; щ — серьги серебряные; ю — кольца височные бронзовые; я — кольца височные серебряные.

9. Культовые предметы: а — зеркала-подвески бронзовые; б — колокольчики бронзовые; в — кольца с шишечками; г — подвески ажурные бронзовые; д — подвеска-уточка бронзовая; е — подвески из египетской пасты.

10. Предметы туалета: а — пиксиды; б — румяна; в — детали шкатулок.

11. Прочие предметы: а — кольца гладкие бронзовые; б — кольца железные; в — остроконечный белемнит /«чертов палец»/; г — гвоздь подвеска бронзовый; д — часть антропоморфной стелы; е — трубка для фитиля /?/ бронзовая; ж — деталь пояса /?/ в форме двурогого жука /?/.

менты сарматского ритуала погребений. Большой процент подбойных погребений, наличие в могилах колоды, кошмы, меловой подсыпки, золы и углей, а также ритуал погребения со скрещенными ногами и положенными на тазовые кости руками говорят о значительной роли сарматского населения в провинциальных районах государства крымских скифов.

О занятиях населения виноградарством и виноделием говорят обнаруженные в могилах амфоры с надписью, о развитом животноводстве — кости крупного и мелкого рогатого скота, остатки жертвенной пищи; определенную роль в жизни населения играли торговые связи с Херсонесом; были развиты некоторые ремесла: ткачество, гончарство (изготовление кухонной посуды). Могильник принадлежал рядовому населению со слабо выраженным имущественным расслоением. В дальнейшем, по-видимому, происходит выделение воинской верхушки, так как единственное погребение воина имеет богатый инвентарь.

N. A. Bogdanova, I. I. Gouchtchina, I. I. Loboda

LE CHAMP FUNERAIRE DE SKALISTOIE III (Ier-IIIe s. S-O DE LA CRIMEE)

Résumé

Au cours des années 1964, 65, 67 et 69, dans le Sud-Ouest de la Crimée, près du village de Skalistoié (région de Bakhtchisaraï), on a étudié le champ funéraire de Skalistoié-III, où 121 inhumations ont été découvertes. La plupart des sépultures sont pratiquées dans le roc; les chambres funéraires étaient garnies de dalles posées verticalement Un autre type de tombes assez répandu est représenté par des fosses rectangulaires en

pleine terre recouvertes de dalles de pierre. Ce genre de sépultures présente plusieurs variétés, caractéristiques seulement pour ce lieu d'inhumation, notamment les dalles de pierre recouvrant les tombes sont soutenues par d'autres dalles ou des piliers placés verticalement le long des grands côtés, plus rarement le long des petits. La plupart des inhumations sont orientées du nord-est au sud-ouest. Dans tous les types de sépultures domine la position allongée sur le dos des corps, principalement orientés au sud-ouest.

Le lieu d'inhumation de Skalistoié-III appartient évidemment à une population agricole clanale. Le mobilier funéraire est assez uniforme. Ce sont des poteries d'argile rouge faites au tour (très rarement modelées), des détails de vêtement et des objets de parure (fibules, boucles, miroirs, colliers, etc.), des outils, plus rarement des armes, des pièces de harnais, des objets usuels. La vaisselle a été faite presque entièrement à Chersonèse; on trouve aussi des vases provenant d'Asie Mineure. Il y a des terrines portant des marques d'artisans.

Ce champ d'inhumation date du IIe s. ou du début du IIIe s. de n. ère. Il servait sans doute à la population locale scytho — sarmate, qui subissait l'influence des villes grecques du littoral nord de la mer Noire, en particulier de Chersonèse.

А. А. ЧАРИКОВ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ СКУЛЬПТУРЫ ИЗ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Предлагаемая статья посвящена публикации новой серии памятников раннесредневековой скульптуры, обнаруженных автором в 1973—1974 гг. на территории Восточно-Казахстанской области. Комплекс состоит из 12 статуй, исполненных из серого (различных оттенков) гранита и (в одном случае) сланца. По стилю изображения их можно подразделить на две группы, по шесть изваяний в каждой.

Первая группа (рис. 1—5) отличается более тщательной отделкой памятников (с легкой подшлифовкой поверхности), нередко приближенной к круглой скульптуре. Лицо, руки, реалии исполнены в технике барельефа. Поза строго канонизирована: стоящие статуи с сосудом в руке[1], другая рука опущена. Орудием производства, очевидно, служил какой-то заостренный металлический (железный) инструмент типа долота, о чем свидетельствует конфигурация сколов на изваяниях. Долота были различной ширины, в зависимости от стадии обработки. На первой стадии использовались более крупные инструменты, на завершающей — мелкие. Подшлифовка производилась, по-видимому, камнем (песчаник, сланец) и речным песком. Надо отметить, что степень отделки зависела не только от качества инструментов или усердия мастера, но и от самой структуры монолита. Статуи, исполненные из крупнозернистого гранита, сохранили меньше следов шлифовки, чем скульптуры из мелкозернистого гранита или из сланца, лучше поддающиеся обработке.

Благодаря искусным изобразительным приемам, используемым древними мастерами, изваяния первой группы достаточно выразительны. Голова всегда подчеркнуто увеличена по отношению к туловищу. Ноги не изображены, но, судя по размерам нижней части изваяний, подразумеваются стоящие скульптуры. Несмотря на некоторую утяжеленность в верхней части, они создают впечатление относительной стройности, по-видимому, за счет удлиненного общего силуэта, а также за счет довольно высокой посадки головы, когда линия подбородка не опускается ниже уровня плеч. Стройность общего абриса подчеркивают в некоторых случаях и детали одежды, в частности широкий пояс, стягивающий талию изваяний (рис. 1, *1, 2*).

Изображению лица уделено особое внимание. Его детали разработаны более тщательно, чем другие части скульптуры. Любопытно, что в каждом отдельном случае черты лица изваяния (разрез глаз, форма носа, усов, бороды и рта) не повторяются, особенно в сочетаниях.

Глаза изображались преимущественно в виде выпуклых овалов (рис. 1, *1*; рис. 2, *5, 6*) или в виде овальных углублений (рис. 2, *4*). Нос

[1] В правой руке сосуд на уровне груди, левая опущена к поясу или держит рукоять сабли. В одном случае (см. в данной статье рис. 1, *3*) сосуд в левой руке, а в правой кинжал.

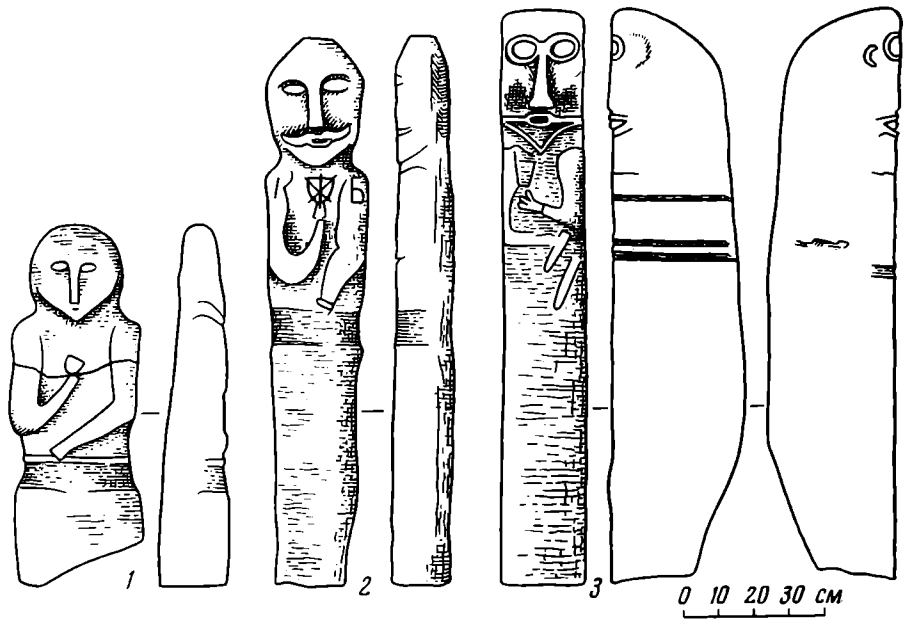


Рис. 1. *1* — с. Чингистай Катон-Карагайского р-на; *2* — с. Успенка Маркакольского р-на, *3* — окрестности Усть-Каменогорска

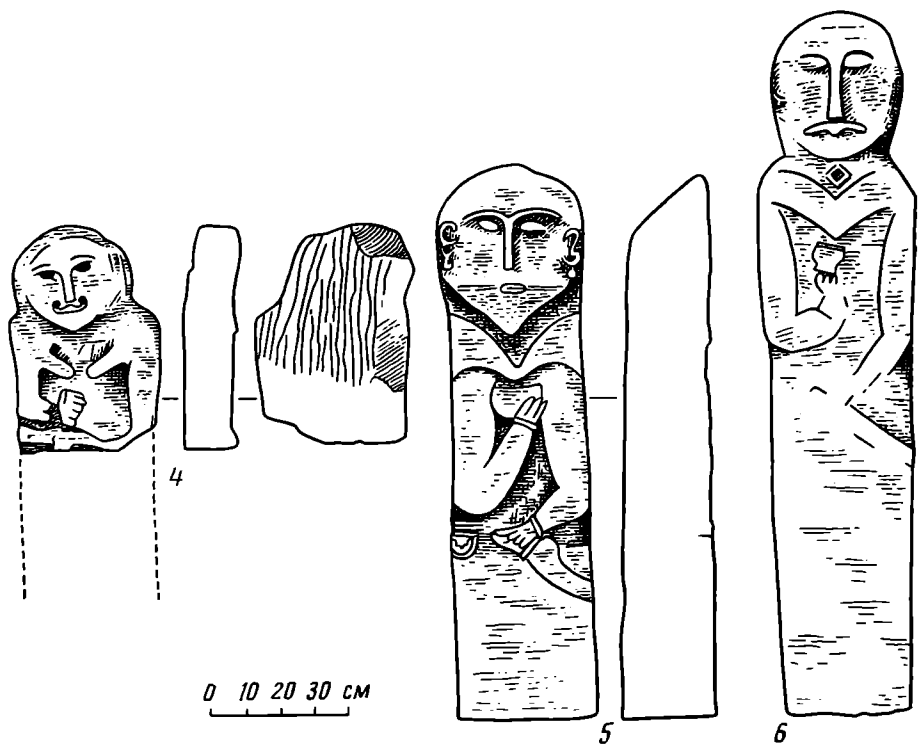


Рис. 2. *4* — урочище Талды Зайсанского р-на, *5* — окрестности оз. Амреколь Курчумского р-на; *6* — окрестности с. Урунхайки Маркакольского р-на

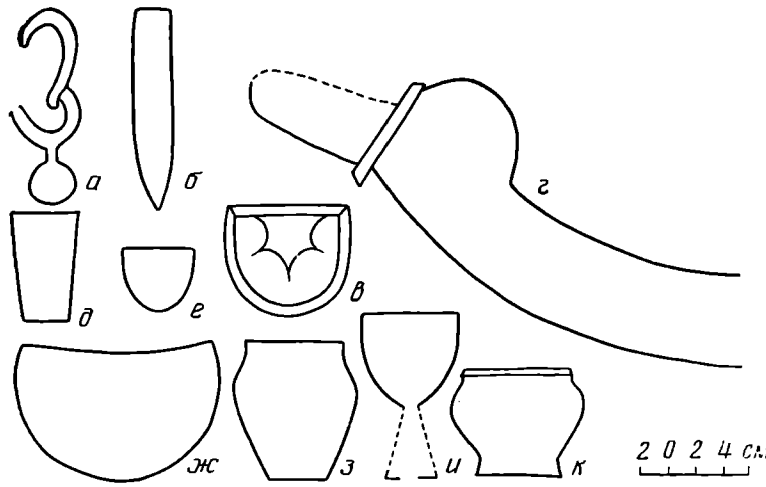


Рис. 3. Прорисовка вещей, изображенных на изваяниях первой группы: *а* — серьга (изваяние 5); *б* — кинжал (изваяние 3); *в* — сумка; *г* — сабля (изваяние 5); *д* — *к* — сосуды (*д* — изваяние 3, *е* — изваяние 1; *ж* — изваяние 5; *з* — изваяние 4; *и* — изваяние 2; *к* — изваяние 6)

выпуклый, прямой (рис. 1, *1, 2*; рис. 2, *4, 5*) и расширяющийся книзу (рис. 1, *3*; рис. 2, *6*). Брови исполнены двумя способами: либо в виде углубленных линий, образующих верхний контур глаза (рис. 1, *1, 2*; рис. 2, *6*) или в виде выпуклой волнистой линии, образующей единый рельеф с носом (рис. 1, *3*; рис. 2, *4, 5*). В одном случае брови загнуты так, что концы их, валиком окружая глаз, примыкают к переносице (рис. 1, *3*).

При изображении усов и рта пользовались также двумя приемами: первый — от рта, показанного в виде овального углубления или прочерченной линии, разделяющей губы, отходят выпуклые контуры усов (рис. 1, *2, 3*; рис. 2, *5*); второй — рот не показан, но как бы подразумевается под усами (рис. 2, *4, 6*). Усы самых различных очертаний и, по-видимому, строго индивидуализированы. Явно выраженная борода, треугольным «валиком» примыкающая к прямым усам, имеется лишь на одном изваянии (рис. 1, 3). Еще на одном контуры бороды угадываются в очертаниях сильно вытянутой нижней части лица (рис. 2, *5*).

Итак, представленные статуи первой группы едины как по стилю, так и по композиции. Вместе с тем надо отметить, что техника барельефа, в которой исполнены руки, лицо, обязательные атрибуты, включает в себя иногда элементы линейно-прорезной техники (рис. 1, *1* — рот; 1, *3*— пояс, ухо), характерной для изваяний второй группы. Пять из шести изваяний безусловно мужские и лишь одно (рис. 1, *1*), по-видимому, женское (отсутствие оружия, усов, бороды). Все они «держат» сосуд в правой (рис. 1, *1, 2*; рис. 2, *4—6*) или левой (рис. 1, *3*) руке. У пяти статуй левая рука опущена к поясу, причем в двух случаях кисть — на рукояти сабли (рис. 2, *5, 6*). В правой руке одного изваяния (рис. 1, *3*) обнаженный кинжал; ножны «подвешены» к поясу с левой стороны.

Судя по характерной форме воротников и отороченным мехом рукавам, трое изображенных мужчин были одеты в длиннополые шубы, напоминающие по покрою казахские ішік′ и тон (рис. 2, *4—6*) [2]. Аналогичные свисающие на грудь воротники имеются на восточноказахстанских изваяниях VII—VIII вв. [3]. Несомкнутый, как бы расстегнутый ворот, очер-

[2] *И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева.* Казахская национальная одежда (XIX — начала XX в.). Алма-Ата, 1964, стр. 54, рис. 10.

[3] *Ф. Х. Арсланова, А. А. Чариков.* Каменные изваяния Верхнего Прииртышья. СА, 1974, 3, рис. 2, *6—8*.

Рис. 4. Фотографии изваяний 5 и 3: *1* — окрестности оз. Амеколь Курчумского р-на (изваяние 5); *2* — окрестности г. Усть-Каменогорска (изваяние 3)

тания которого четко видны на изваянии 4 (рис. 2, *4*), имеется на одной из тувинских статуй VII—VIII вв.[4] Любопытно, что на двух скульптурах пальцы рук не показаны, что, вероятно, объясняется стремлением подчеркнуть длину рукавов, закрывающих кисти (рис. 1, *1*, *2*). Такие же удлиненные рукава встречаются и на алтайских скульптурах[5].

Головной убор, с уплощенным выступом сверху, обозначен на изваянии 2 (рис. 1, *2*). Подобные головные уборы имеются на древнетюркских изваяниях Тувы[6]. На других скульптурах рассматриваемой группы угадываются обобщенные формы четырехугольных (рис. 1, *3*) или овальных (рис. 1, *1*; рис. 2, *5*, *6*) шапок.

На изваянии 4 (рис. 2, *4*) изображены прямые пряди волос, свисающих с затылка и рассыпанных по спине. Аналогичная прическа имеется на восточноказахстанском изваянии VII—VIII вв.[7] и на статуе VI—VIII вв. из Семиречья[8].

Оружие представлено на изваяниях 3,5 и 6. В первом случае (рис. 1, *3*) — это короткий, по-видимому, обоюдоострый, кинжал с широкой рукоятью. Некоторое сходство по форме этот кинжал имеет с ножом, воспроизведенным на тувинской статуе VII—VIII вв.[9] Во втором (рис. 2, *5*) — сильно изогнутая сабля с трапециевидным перекрестием, скошенной в сторону лезвия рукоятью и полукруглой бляхой — обоймой для подвешивания. Такой тип сабель нередко встречается в раннесредневековых погребениях Восточного Казахстана[10], являясь частым атрибутом древнетюркских изваяний Алтая, Тувы, Монголии[11]. На изваянии 6 очертания сабли неясны. Можно сказать лишь, что рукоять ее отделена от полосы перекрестием (рис. 2, *6*). Судя по положению левой руки изваяния 4, на несохранившейся нижней части монолита (рис. 2, *4*) была, по-видимому, также изображена сабля.

Пояса можно различить на четырех изваяниях, причем на трех изваяниях они однотипны (рис. 1, *1*, *3*; рис. 2, *4*). Это валик, образованный двумя параллельными бороздками. На изваянии 4 под сосудом видны нечеткие контуры прямоугольной пряжки. Аналогичные пояса зафиксиро-

---

[4] *Л. А. Евтюхова.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24, 1952 стр. 80, рис. 14.

[5] Там же, стр. 73, рис. 2, *8*.

[6] *А. Д. Грач.* Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961, рис. 11, *79*; *Л. Р. Кызласов.* История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 28, рис. 3, *2*, *3*.

[7] *Ф. Х. Арсланова, А. А. Чариков.* Ук. соч., стр. 221, рис. 1, *3*.

[8] *Я. А. Шер.* Каменные изваяния Семиречья. М.— Л., 1966, табл. IV, *19*.

[9] *Л. А. Евтюхова.* Ук. соч., стр. 84, рис. 21.

[10] *Ф. Х. Арсланова.* Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане. Сб. «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 46, табл. I.

[11] *Л. А. Евтюхова.* Ук. соч., стр. 83, рис. 19; стр. 111, рис. 67, *8—10*, *15*.

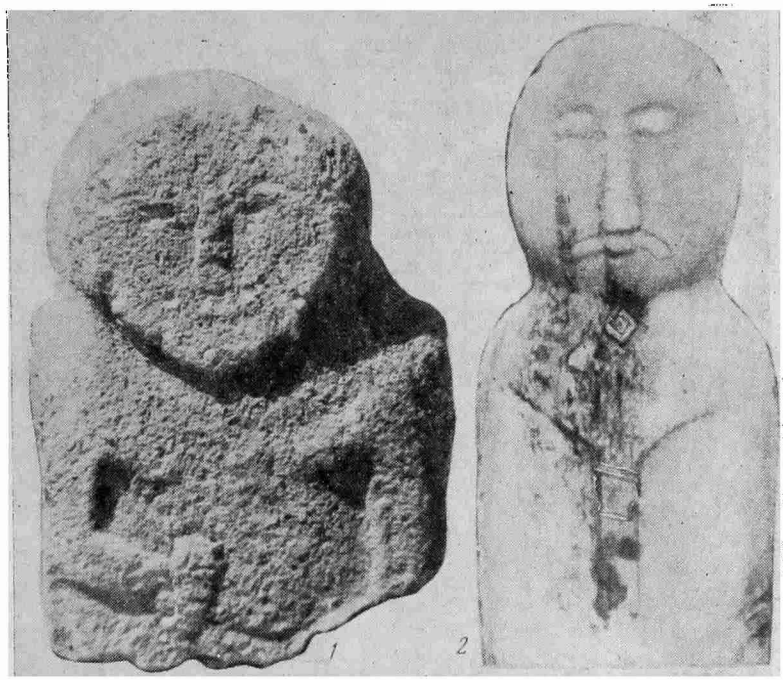


Рис. 5. Фотографии изваяний 4 и 5: *1* — урочище Талды Зайсанского р-на (изваяние 4); *2* — окрестности с. Урунхайки Маркакольского р-на (изваяние 5)

ваны на восточноказахстанских скульптурах VII—VIII вв.[12] Четвертый пояс (рис. 2, *5*) обозначен не полностью — только там, где к нему подвешена полукруглая орнаментированная сумка. Он представляет собой сдвоенный узкий валик, разделенный неглубокой продольной бороздкой. Что касается сумки, воспроизведенной на изваянии 5 (рис. 2, *5*), то подобные ей по форме сумки-каптаргаки имеются на древнетюркских изваяниях Тувы [13], Монголии и Алтая [14].

Украшения. На шее изваяния 6 изображена ромбическая бляха. Форма ее повторяется на ряде раннесредневековых статуй Восточного Казахстана [15], Семиречья [16], а также на половецких каменных изваяниях [17].

Серьги представлены двумя типами; в виде скобы с подвесным шариком на стержне (рис. 2, *5*) и в виде шарика, примыкающего непосредственно к уху (рис. 2, *6*). Первый тип, по классификации Л. А. Евтюховой, был широко распространен в кочевническом мире в VII—VIII вв.[18] Второй охватывает более широкие хронологические рамки — VII—IX вв.[19]

Сосуды (рис. 3) являются обязательной принадлежностью изваяний рассматриваемой группы. Они подразделяются на следующие типы: круглодонные чаши (рис. 1, *1*; 2, *5*); конусовидный сосуд (рис. 1, *3*); сосуд с плоским дном, слегка расширенным туловом и отогнутым венчиком (рис. 2, *4*); кубок с округлым туловом, валикообразным венчиком и перехватом у дна, образующим широкий поддон. К сожалению, очертания сосуда, изображенного на изваянии 2, повреждены позднейшей надписью (рис. 1, *2*). Сохранившаяся верхняя часть имеет форму полуовала.

[12] *Ф. Х. Арсланова, А. А. Чариков.* Ук. соч., рис. 1, *1*; рис. 2, *7*; рис. 5, *9*.
[13] *А. Д. Грач.* Ук. соч., табл. I, *12, 52*; *Л. Р. Кызласов.* Ук. соч., рис. 2, *2*.
[14] *Л. А. Евтюхова.* Ук. соч., рис. 45, *1*; рис. 71, *3, 4*.
[15] *Ф. Х. Арсланова, А. А. Чариков.* Ук. соч., рис. 1, *3*.
[16] *Я. А. Шер.* Ук. соч., табл. II, *9*; табл. XVI, *85*; табл. XIX, *83*.
[17] *С. А. Плетнева.* Половецкие каменные изваяния. САИ, Е — 4—2, М., 1974, табл. 31, *273, 274*.
[18] *Л. А. Евтюхова.* Каменные изваяния..., стр. 105, 106, рис. 62, *5, 9*.
[19] Там же, стр. 106, рис. 62, *8*.

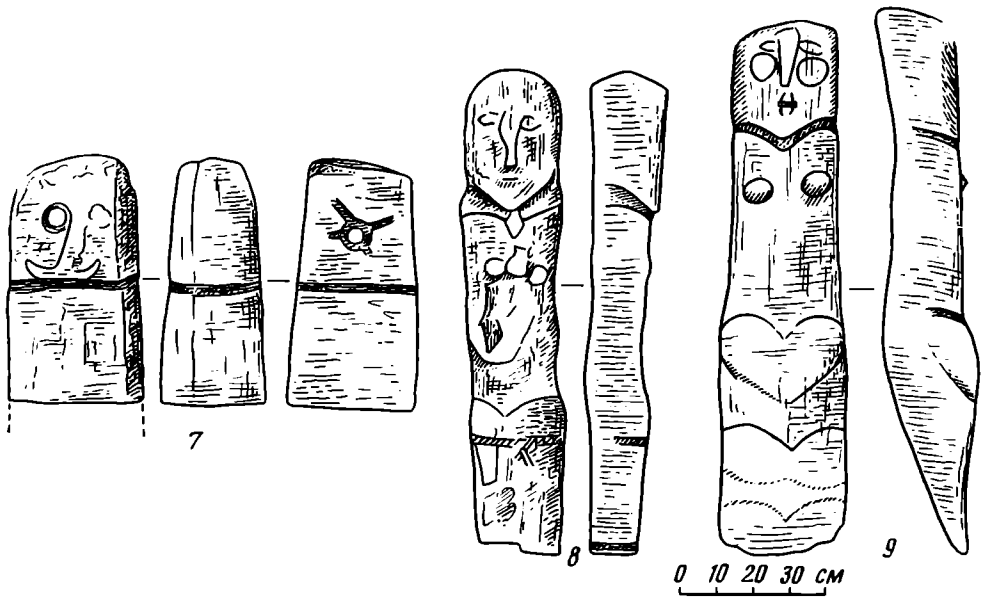


Рис. 6. *7* — окрестности с. Успенки Маркакольского р-на; *8, 9* — окрестности с. Точка Уланского р-на, урочище Тотбанак

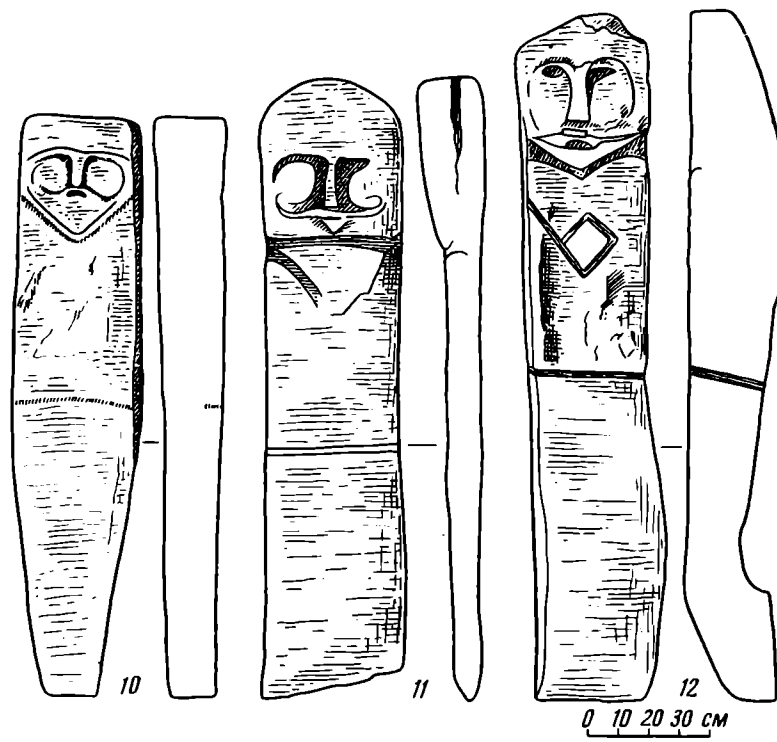


Рис. 7. *10* — урочище Сами, окрестности оз. Бельколь Курчумского р-на; *11, 12* — окрестности с. Енбек Курчумского р-на, Калгутинский могильник

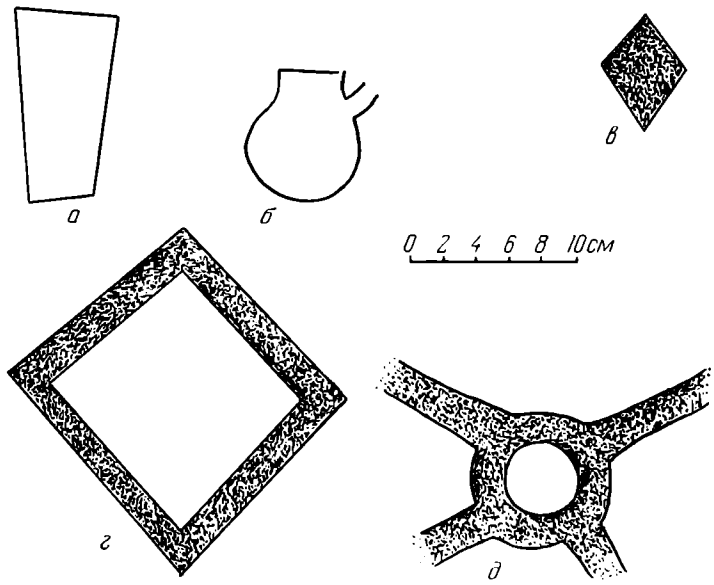


Рис. 8. Прорисовка вещей, изображенных на изваяниях второй группы: *а* — сумка, *б* — сосуд, *в* — нагрудное украшение (изваяние 8); *г* — нагрудное украшение (изваяние 12); *д* — бляха для перекрестия ремней (изваяние 7)

Чашевидные сосуды с округлым дном имели распространение с VII—VIII вв. на территории Восточного и Центрального Казахстана [20], Тувы [21]. Сосуды второго типа встречаются на древнетюркских изваяниях Семиречья (VI в.) [22] и Монголии [23].

Третий тип представлен на статуях Восточного Казахстана [24], Тувы [25] и Алтая (VII—VIII вв.) [26]. Сосуды с перехватом у дна, шаровидным туловом и валикообразным венчиком зафиксированы на скульптурах VII—VIII вв. в Семиречье [27] и Туве [28].

Таким образом, весь комплекс изображенных предметов, по аналогии с памятниками из сопредельных районов, позволяет датировать рассмотренные изваяния в рамках VII—VIII вв. н. э.

Вторую группу (рис. 6—9) публикуемого комплекса изваяний составляют стеловидные скульптуры. Более или менее тщательно обработана лицевая сторона. Задняя и боковые стороны отделаны значительно меньше, а иногда не обработаны вовсе. В изображении лица и реалий применена линейно-прорезная техника. Шероховатая поверхность статуй подвергнута сильному выветриванию. Следует подчеркнуть, однако, что небрежная обработка отдельных изваяний в деталях в какой-то степени компенсируется определенной выразительностью общего силуэта в целом, особенно заметной на женских скульптурах.

Технология обработки камня была, по-видимому, аналогичной той, которая применялась для первой группы памятников и во многом определялась структурой монолита.

Однако лишь в некоторых случаях завершающим этапом являлась

---

[20] *Ф. Х. Арсланова, А. А. Чариков.* Ук. соч., рис. 2, *7*; *Я. А. Шер.* Ук. соч., табл. 1, *4*; табл. XIV, *56*.

[21] *А. Д. Грач.* Ук. соч., табл. I, *24*; табл. II, *15*, *24*; *Л. Р. Кызласов.* Ук. соч., рис. 3, *5*.

[22] *Я. А. Шер.* Ук. соч., табл. VII, *36*; табл. IX, *38*.

[23] *Л. А. Евтюхова.* Ук. соч., рис. 47, *2*.

[24] *Ф. Х. Арсланова, А. А. Чариков.* Ук. соч., рис. 1, *2*.

[25] *А. Д. Грач.* Ук. соч., табл. I, *10*.

[26] *Л. А. Евтюхова.* Ук. соч., стр. 106; рис. 63, *1*; рис. 71, *3*.

[27] *Я. А. Шер.* Ук. соч., табл. VI, *29*; табл. VII, *34*; табл. IX, *40*.

[28] *Л. Р. Кызласов.* Ук. соч., рис. 3, *4*; *А. Д. Грач.* Ук. соч., табл. II, *44*.

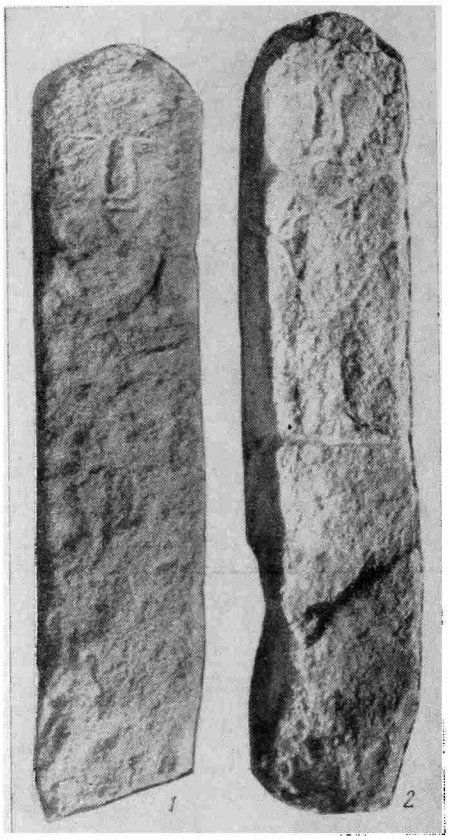


Рис. 9. Фотографии изваяний 11 и 12 из окрестностей с. Енбек Курчумского р-на (*1* — изваяние 11, *2* — изваяние 12)

шлифовка поверхности (рис. 6, *9*; рис. 7, *10*), тогда как все изваяния первой группы имеют следы подшлифовки.

Отличительной особенностью второй группы является стеловидность фигур, отсутствие рук, сосудов и т. д., т. е. всего того, что характерно для изваяний первой группы. Только на изваянии 8 (рис. 6, *8*) прочерчены контуры правой руки и сосуда, если не считать изваяния 12 (рис. 7, *12*), на котором намечена опущенная правая рука.

Вторая группа включает в себя три мужских изваяния, два женских и одно неопределенного пола (рис. 7, *10*).

Изобразительные приемы, используемые при работе над изваяниями второй группы, теснейшим образом связаны с позой и необходимой атрибуцией памятников. Так, отсутствие сосуда, обязательной принадлежности для изваяний первой группы, дало возможность исключить из общей композиции руки, сосредоточив внимание на главном — лице, общем силуэте. Мужские фигуры (рис. 6, *7*; рис. 7, *11*, *12*) более стеловидны; признак пола главным образом определяется по прочерченным усам и бороде. Для женских (рис. 6, *8*, *9*) характерно подчеркивание признаков пола не только в деталях (груди, стилизованные румяна), но и в общих очертаниях статуи (покрывала). Следует отметить, что на женских скульптурах достаточно отчетливо заметны чуть выдающийся вперед живот и слегка расширенные бедра, а также сердцевидная фигура, прочерченная ниже пояса.

Следующим характерным изобразительным приемом является выделение лицевой части в виде сердцевидного контура, прослеживаемого (хотя и очень нечетко) на ряде изваяний второй группы (рис. 6, *9*; рис. 7, *10*, *12*). Этот сердцевидный контур образован волнистой линией бровей, плавно переходящих в очертания щек и подбородка. Мужские лица исполнены невысоким рельефом, образованным за счет углубленных контуров носа, глаз, рта. К этому надо добавить процарапанные тонкими линиями очертания усов на двух изваяниях (рис. 7, *11*, *12*).

Женские лица в деталях исполнены контурными линиями. Такой техникой очерчены глаза, нос, щеки, рот.

Все лица, как мужские, так и женские, индивидуализированы. По всей вероятности, современники безошибочно узнавали, чей реальный образ воплощен в том или ином изваянии. Сходство достигалось, по-видимому, за счет своеобразного сочетания гротеска, подчеркивающего характерное в образе, и натуралистического воспроизведения отдельных элементов костюма, изображенных предметов.

Таким образом, памятники второй группы (рис. 6—9) характеризуются прежде всего единством стиля. Существенной особенностью для этих скульптур является обязательная связь их с поминальным сооружением в виде каменного (рис. 6, *7—9*; рис. 7, *11*, *12*) или земляного (рис. 7, *10*) кургана. В насыпях зафиксированы весьма немногочисленные остатки жертвоприношений (кусочки угля, разбросанные кости животных).

Аналогичные по стилю каменные изваяния, оставленные кимакско-кипчакскими племенами, исследованы нами ранее [29].

Датирующих признаков для рассматриваемых памятников мало. Элементы одежды, обозначенные на некоторых изваяниях (рис. 6, *8*; рис. 7, *11, 12*), не дают сколько-нибудь целостного представления о ее покрое. Не более конкретны и очертания головных уборов. Все же среди них различаются невысокие островерхие (рис. 6, *8, 9;* рис. 7, *11, 12*) и подпрямоугольные (с плоским верхом) формы (рис. 6, *7*; рис. 7, *10*), разнообразные варианты которых встречаются на кимакских статуях Восточного Казахстана [30], на раннесредневековых памятниках Семиречья [31].

Пояса (рис. 6, *8*; рис. 7, *10—12*) все однотипны и представляют собой узкую бороздку по талии спереди и с боков. Лишь на одном женском изваянии (рис. 6, *8*) в нижней его части прослеживаются нечеткие контуры четырехугольной продолговатой сумки, подвешенной к поясу с правой стороны. Пояса в виде узкой поперечной бороздки без блях и подвесных ремней изображены на изваяниях Верхнего Прииртышья (IX—X вв.) [32], а также Алтая [33], Тувы [34], Тянь-Шаня [35], южнорусских степей [36].

Сумка воспроизведена на одном изваянии (рис. 6, *8*). Она имеет четырехугольную форму (с неравными углами) и верхним своим краем примыкает непосредственно к поясу, без подвесных ремешков.

Совершенно аналогичная форма сумок (кошельков) отмечена С. А. Плетневой на половецких каменных изваяниях [37].

Украшения имеются на трех статуях. В первом случае — это круг с отходящими от него в разные стороны короткими лучами неодинаковой длины, изображенный на затылке (рис. 6, *7*) и напоминающий бляхи для перекрестия ремней на половецких скульптурах [38]. Во втором и третьем — ромб, помещенный на груди (рис. 7, *12*) и под подбородком (рис. 6, *8*). Следует подчеркнуть, что украшения в виде ромба являются довольно частым атрибутом раннесредневековых изваяний Восточного Казахстана [39], Семиречья [40], южнорусских степей [41]. Показательно также, что ромбические украшения зафиксированы главным образом на женских статуях.

Сосуд изображен лишь на одном изваянии (рис. 6, *8*). Его очертания различимы весьма слабо и теряются в массе мелких трещин и сколов естественного происхождения. Тем не менее можно проследить кувшинообразную форму с широким горлом, округлым дном и коротким носиком-сливом (а может быть ручкой), отходящим от тулова. В целом он напоминает кумган для ритуальных омовений.

Надо учесть при этом, что в изображенных на изваяниях сосудах следует подразумевать не глиняную, а металлическую посуду, нередко из серебра или золота [42]. Близкий по форме кувшин с коротким, относительно широким носиком-сливом (с вертикальной ручкой) имеется в средневеко-

---

[29] *Ф. Х. Арсланова, А. А. Чариков.* Ук. соч., рис. 5, *10, 12—15*; рис. 6, *17—21*; рис. 7—9.

[30] Там же, рис. 5, *10, 15*; рис. 6, *17, 18*.

[31] *Я. А. Шер.* Ук. соч., табл. XXIV, 111—116.

[32] *Ф. Х. Арсланова, А. А. Чариков.* Ук. соч., рис. 5, *12*.

[33] *Л. А. Евтюхова.* Ук. соч., стр. 73, рис. 2, *1—3*.

[34] Там же, стр. 93, рис. 37; *Л. Р. Кызласов.* Ук. соч., стр. 81, рис. 27, *1—3* (в данном случае пояс имеет подвесные ремни).

[35] *Я. А. Шер.* Ук. соч., табл. XXI, *94*.

[36] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., табл. 43, *346*.

[37] Там же, стр. 32, рис. 10, *29*.

[38] Там же, табл. 3, *15*; табл. 6, *23*; табл. 16, *59*; табл. 26, *246*; табл. 25, *250, 272*.

[39] *Ф. Х. Арсланова, А. А. Чариков.* Ук. соч., рис. 1, *3*.

[40] *Я. А. Шер.* Ук. соч., табл. XIX, *83*; табл. XXI, *97*.

[41] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., табл. 13, *58*; табл. 31, *274*; табл. 44, *681*; табл. 52, *915*; табл. 64, *1149*; табл. 67, *1172*; табл. 79, *1288*.

[42] *Я. А. Шер.* Ук. соч., стр. 43.

вой керамике Тараза (XV—XVI вв.) [43]. Кувшиновидный сосуд с округлым дном (без ручки и без слива) изображен на женской половецкой статуе, хранящейся в музее Донецкого университета [44].

Итак, рассмотрение немногочисленной атрибуции изваяний второй группы по приведенным выше аналогиям с учетом стилистического и композиционного единства со скульптурами из других районов позволяет отнести их к более позднему времени, чем памятники первой группы, а именно к IX—XI вв. Увеличение числа женских изваяний (почти до 50%) связано, очевидно, с общей тенденцией развития монументальной скульптуры кимакско-кыпчакских племен, являющейся отражением их религиозных воззрений и общих исторических условий. Характерно, что, в отличие от статуй первой группы, иконографически и хронологически связанных с Востоком (Казахстан, Тува, Южная Сибирь, Алтай), изваяния второй группы тяготеют в этом смысле больше к Западу (Поволжье, южнорусская степь). Это и естественно, если учесть постепенное проникновение кимаков и кыпчаков в южнорусские степи, начавшееся в конце X — начале XI в.[45]. Ими, по-видимому, и были оставлены изваяния второй группы. В этой связи интересно, что стилистически и композиционно многие половецкие статуи чрезвычайно сходны с восточно-казахстанскими изваяниями второй группы (стеловидность, манера изображения лица в виде сердцевидной фигуры и т. д.) [46]. На близость части ранних половецких статуй с кимакскими скульптурами Верхнего Прииртышья указывает и С. А. Плетнева [47].

Сравнивая изваяния первой и второй групп, легко заметить, что определенному стилю исполнения всегда соответствует и определенная техника обработки камня. Первая группа памятников, как отмечалось выше, датируется VII—VIII вв. н. э., вторая — IX—XI вв. Однако стилевое различие объясняется, по-видимому, не только хронологически, но и этнографическими особенностями прииртышских племен, оставивших данные статуи.

Что касается происхождения и назначения каменных статуй, то в применении к восточноказахстанскому комплексу следует разделить точку зрения тех исследователей, которые связывают эти памятники с культом предков, рассматривая в скульптурном изображении портрет умершего и обожествленного вождя, знатного воина, матери-покровительницы рода [48]. Вопросы преемственной связи между изваяниями первой и второй групп можно решить лишь в процессе накопления новых данных, на основе широкого использования разнообразных археологических памятников средневековья. При этом может оказаться, что какая-то часть изваяний есть результат закономерного развития раннесредневековых курганных стел, а не только древнетюркских статуй.

---

[43] *Л. Б. Ерзакович.* Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья в Таласской долине. В кн. «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 105, рис. 2.

[44] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., табл. 31, *276.*

[45] *С. А. Плетнева.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 62, 1958, стр. 207 сл.; *Г. А. Федоров-Давыдов.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 186.

[46] *С. А. Плетнева.* Половецкие каменные изваяния, табл. 26, *251*; табл. 31, *276*; табл. 44, *681*; табл. 51, *903*; табл. 53, *928*; табл. 58, *1102*; табл. 76, *1282*; табл. 81, *1297*; *А. Спицин.* Некоторые новые приобретения Саратовского музея. ИАК, 53, Пг., 1914, стр. 106, рис. 38.

[47] *С. А. Плетнева.* Половецкие каменные изваяния, стр. 66, рис. 33.

[48] *Л. Р. Кызласов.* Ук. соч., стр. 30, 80, 82; *Г. А. Федоров-Давыдов.* Ук. соч., стр. 191; *С. А. Плетнева.* Половецкие каменные изваяния, стр. 74.

Изваяние 1,[49] пол неопределенный (0,95×0,26—0,37×0,08—0,2 м). Найдено в 1963 г. в 3 *км* восточнее с. Чингистай Катон-Карагайского р-на, на курганном поле, хранилось в местной школе[50]. Расколото на две части. Голова с заостренным подбородком выделена из монолита за счет расширенных плеч и уступа под подбородком. Невысоким рельефом показаны небольшие прямо посаженные глаза, нос, руки. Рот прочерчен короткой прямой линией. Правая рука согнута под углом 45° в локте и держит чашу полусферической формы. Кисть левой руки опущена к поясу, показанному узким поперечным валиком. Пальцы рук не обозначены.

Изваяние 2, мужское (1,6×0,28×0,18 *м*). Обнаружено во дворе заброшенного дома в с. Успенка Маркакольского р-на. Исполнено из желтовато-серого кремнистого сланца. На яйцевидной голове, выделенной из монолита спереди и с боков, имеется сверху округлый уплощенный выступ (верх головного убора). Четким рельефом показаны большие миндалевидные глаза, уплощенный нос, «пушистые» усы с чуть загнутыми вверх концами. Правая рука согнута под углом 45° в локте и прикасается (пальцы не обозначены) к поддону рюмковидного (?) сосуда. Левая опущена к талии, выделенной широкой полосой. Кисть левой руки также не обозначена, но рукав оканчивается валиком (манжет). В настоящее время скульптура помещена в экспозицию Восточно-Казахстанского областного краеведческого музея.

Изваяние 3, мужское (1,68×0,23×0,24—0,36 *м*). Обнаружено в 1973 г. в 11 *км* юго-западнее г. Усть-Каменогорска (урочище Караузек), у старой заброшенной зимовки. Представляет собой антропоморфную фигуру из темно-серой гранитной глыбы, срезанной по диагонали на концах с тыльной стороны. Обработке подвержена передняя сторона и в незначительной степени — боковые. Прямоугольная голова выделена из монолита углубленной линией, особенно четкой с левой стороны. Округлые глаза, ограниченные валиком, и толстый, расширяющийся книзу нос исполнены в одном рельефе. От овального рта отходят горизонтально, во всю ширину лица, прямые усы, образующие вместе с примыкающей к ним бородой равнобедренный треугольник вершиной вниз. Рельефно обозначены руки и изображенные реалии. Правая рука согнута под углом 90° в локте и сжимает короткий кинжал, вынутый из подвешенных к поясу ножен. Пальцы левой руки, также согнутой под углом 90° в локте, прикасаются к банкообразному сосуду в виде усеченного конуса.

Заложенный вокруг изваяния раскоп радиусом 6 *м* закончен на глубине 50 *см*. Судя по отсутствию археологического материала, изваяние не связано с местом нахождения. В настоящее время скульптура находится в экспозиции Восточно-Казахстанского областного краеведческого музея.

Изваяние 4, мужское, нижняя часть утрачена (0,65×0,34—0,43×0,12—0,15 *м*). Обнаружено в 21 *км* юго-западнее г. Зайсана, на территории совхоза «Айнабулакский» (урочище Талды). В 20 *м* к западу от места находки расположен одиночный каменный курган диаметром 12 *м*, высотой 50 *см*[51]. Скульптура выполнена из плоской глыбы розовато-серого крупнозернистого гранита. Голова выделена из монолита за счет выступающих плеч и уступа под подбородком.

Глаза исполнены в виде продолговатых углублений, утолщенный нос очерчен невысоким рельефом, короткие усы круто закручены колечками вверх. В правой руке, согнутой под углом 90° в локте, «зажат» сосуд с плоским дном, слегка расширенным туловом и отогнутым наружу венчиком. Левая рука опущена к поясу (кисть осталась на несохранившейся части монолита), изображенному в виде довольно широкого валика. В области груди прослеживаются очертания несомкнутого (как бы расстегнутого) воротника. Сзади видны тонкие прямые пряди волос, свисающие с затылка и плеч.

Изваяние 5, мужское (1,6×0,38—0,42×0,22—0,28 *м*). Найдено лежащим в 300 *м* южнее оз. Амреколь, на территории совхоза «Маралихинский» Курчумского р-на, в 15 *км* юго-восточнее с. Койтас. В 50 *м* южнее места находки расположен одиночный каменный курган диаметром 10 *м*, высотой 45 *см*. Скульптура представляет собой четырехгранную глыбу серого крупнозернистого гранита, срезанную по диагонали сзади у верхнего конца и обработанную спереди. Слегка округленная сверху голова выделена из монолита широкой извилистой выемкой под подбородком. Дуговидные брови и длинный уплощенный нос исполнены одним рельефом. Миндалевидные глаза показаны невысокими выкуплостями. От сложенных овалом губ — через всю плоскость лица — узким валиком протянуты прямые усы. Довольно высоким рельефом даны руки, ворот верхней одежды, сосуд. Правая рука с круглодонной чашей согнута под углом 45° в локте, левая опущена к поясу и «держит» рукоять изогнутой сабли. Пояс едва обозначен двойным прерывистым валиком. К нему с правой стороны подвешен полуовальный орнаментированный каптаргак. В ушах серьги в виде короткого стержня с шаровидным концом. Изваяние в настоящее время находится в экспозиции Восточно-Казахстанского областного краеведческого музея.

---

[49] Описание изваяний дается в соответствии с нумерацией их на рисунках 1, 2, 6, 7. Цифра на рисунке означает порядковый номер изваяния.

[50] В настоящее время — в экспозиции Восточно-Казахстанского областного музея.

[51] Со слов Ж. Карибаева, доставившего памятник в Зайсанский краеведческий музей.

Изваяние 6, мужское (2,04×0,36—0,44×0,27—0,32 *м*)[52]. Обнаружено в 10 *км* юго-восточнее с. Урунхайки Маркакольского р-на, близ оз. Чобтыколь. Светло-серый крупнозернистый гранит. Овал головы выделен из монолита за счет выступающих плеч. Едва заметным подковообразным валиком обозначено правое ухо с шаровидной серьгой, а под подбородком — ромбическое украшение. Отчетливым рельефом исполнены большие миндалевидные глаза, уплощенный нос, усы с опущенными концами. Правая рука согнута в локте и пальцами прикасается к сосуду в виде кубка с широким поддоном и валикообразным венчиком. Левая рука опущена к поясу (вероятно,— к сабле, очертания которой неясны). На груди изображен меховой воротник, как бы свисающий с плеч.

Изваяние 7, мужское (0,69×0,28—0,35×0,15—0,3 *м*). Обнаружено лежащим на одном из каменных курганов Успенского могильника (Маркакольский р-н) [53]. Диаметр кургана 6 *м*, высота до 20 *см*. Почти вся площадь его повреждена грабительской воронкой глубиной до 60 *см*.

Изваяние представляет собой верхнюю, по-видимому, отколотую часть гранитного монолита зеленовато-серого цвета. Голова выделена узкой поперечной полосой, выбитой со всех сторон. Черты лица исполнены в невысоком рельефе. Округлые глаза, уплощенный нос, примыкающие к нему усы с загнутыми вверх концами представлены расплывчатыми формами. Сзади (на затылке) имеется изображение круга с отходящими от него нечеткими лучами, возможно, это бляха для перекрестия ремней.

Изваяние 8, женское (1,35×0,25×0,13—0,2 *м*). Обнаружено в 1973 г. лежащим (рядом с изваянием 9) у восточной полы каменного кургана (диаметр 6 *м*, высота 25 *см*), расположенного в 2 *км* юго-западнее с. Точка Уланского р-на, в урочище Тотбанак. В процессе раскопа кургана найдены обломки трубчатой кости животного, отдельные кусочки древесного угля. Погребения нет. Изваяние представляет собой прямоугольную глыбу крупнозернистого гранита, обработанного спереди и частично с боков. Голова выделена из монолита за счет едва заметных боковых выемок и выступающей от подбородка лицевой части. Нечеткими линиями показаны глаза, рот, очертания правой руки (фрагментарно), бедра, пояс, нагрудное украшение ромбовидной формы. Двумя округлыми неодинаковыми выступами обозначены груди. Между ними слабо очерчены контуры кувшина со сливом. Сзади на уровне бедер заметно некоторое утолщение монолита.

Изваяние 9, женское (1,5×0,27—0,36×0,24 *м*). Обнаружено лежащим у восточной полы кургана рядом с изваянием 8. Исполнено из серого крупнозернистого гранита. Голова выделена из монолита за счет извилистой выемки под подбородком и частично с боков. Продолговатые, полого поставленные (наружными углами книзу) глаза примыкают к широкой переносице. Рот с пухлыми губами очерчен неглубокими короткими линиями. На щеках — стилизованные румяна в виде округлых рельефов. Груди показаны коническими выступами. Плавными утолщениями обозначены живот и бедра. Нижняя часть живота очерчена сердцевидным контуром. На голове усматриваются очертания женского покрывала, слегка заостренного на макушке.

Изваяние 10, пол неопределенный (2,0×0,18—0,45×0,23—0,25 *м*). Обнаружено в 1973 г. вкопанным на кургане в урочище Сами (совхоз «Маралихинский») Курчумского р-на, в 20 *км* юго-восточнее с. Койтас, близ оз. Бельколь [54]. Курган представляет собой округлое в плане конусообразное сооружение из земли и камня диаметром 9 *м*, высотой 50 *см*. Изваяние расположено в восточной части насыпи (в 2,5 *м* от центра к востоку), лицом на восток. Оно исполнено из светло-серой крупнозернистой гранитной глыбы четырехугольной в сечении формы. Верхняя сторона плоская, нижняя часть заужена с обеих сторон. Голова выделена из монолита за счет двух линий, прочерченных под подбородком. Лицо как бы ограничено сердцевидным контуром, образующим сверху единый рельеф бровей и носа, а снизу — очертания подбородка. Отчетливо выделяются округлые «мясистые» щеки, очерченные под «заплывшими» глазами, и маленький рот со слегка опущенными углами. Пояс обозначен узкой, едва заметной бороздкой.

Изваяние 11, мужское (2,12×0,46×0,1—0,2 *м*). Обнаружено лежащим у восточной полы каменного кургана (№ 10) на Калгутинском могильнике [55]. Диаметр кургана 12 *м*, высота 150 *см*. Исполнено из серой плоской глыбы крупнозернистого гранита. Округленная сверху голова выделена поперечной бороздкой под подбородком и едва заметными выемками с боков. В низком рельефе обозначен уплощенный нос и треугольная бородка. Острым орудием прочерчены усы с загнутыми вверх концами, пояс в виде двух параллельных линий, прямой нос, как бы нахмуренные брови. Плавными контурами показаны мясистые щеки. С правой стороны груди, сильно поврежденной выветриванием, видны очертания верхней части плеча (или контур воротника?).

---

[52] Рисунок воспроизведен по зарисовке и фотографии местного краеведа Б. В. Жукова, сделанным в 1968 г. Ныне изваяние утрачено.

[53] Могильник расположен в 1,5 *км* юго-восточнее с. Успенки.

[54] В 15 *м* к северо-западу расположен еще один курган диаметром 12 *м*, сложенный из земли и камня. Насыпь его повреждена двумя грабительскими воронками.

[55] Могильник расположен в 9 *км* северо-восточнее с. Калгуты и в 2 *км* к востоку от с. Енбек Курчумского р-на.

Изваяние 12, мужское (2,35×0,42×0,14—0,3 *м*). Обнаружено вкопанным в восточной части каменного кургана (№ 2) на Калгутинском могильнике, лицом на восток. Диаметр кургана 12 *м*, высота 1 *м*. Исполнено из серого крупнозернистого гранита. Нижний конец изваяния как бы подвернут назад (если смотреть сбоку). Верхний конец срезан по диагонали с тыльной стороны. Поверхность статуи повреждена выветриванием. Голова выделена из монолита сходящимися под подбородком углубленными линиями и чуть заметными валиками по бокам. Неглубокими бороздками очерчен нос, ромбическое украшение на груди, верхняя часть полы (?) кафтана. Контуры усов и рта прочерчены каким-то острым инструментом. По краю скульптуры едва намечена продольная линия опущенной правой руки.

A. A. Tcharikov

DES SCULPTURES DU HAUT MOYEN AGE DANS LE KAZAKHSTAN ORIENTAL

Résumé

Cet article est consacré à la publication de douze sculptures de pierre, découvertes en 1973 et 1974 dans la région orientale du Kazakhstan. D'après le style, la composition et la technique des figures représentées, l'auteur divise ces sculptures en deux groupes de six statues: le premier comprend les figures avec un vase à la main, exécutées en bas — relief; le deuxième est formé de figures en forme de stèles, faite dans un style de réalisme conventionnel. L'auteur date le premier groupe du VIIe au VIIIe siècle (fig. 1, 2), et le second du IXe au XIe s. de notre ère (fig.3, 4). Il fait remarquer que le premier groupe a été laissé par des tribus qui faisaient partie du kaghanat de Turkménie occidentale, et le second par les Kimaki. Si les statues du premier groupe ont été trouvées ailleurs qu'à leur place initiale, par contre toutes celles du second font partie d'un kourgane commémoratif, fait de terre et de pierres, dans le tertre duquel on a remarqué des restes de sacrifices sous forme d'un petit nombre d'ossements d'animaux et de menus morceaux de charbon de bois. Les sculptures avaient été dressées du côté est du kourgane, la face tournée à l'Orient.

L'auteur partage l'opinion des savants qui estiment que les sculptures du Kazakhstan oriental reflètent les conceptions religieuses des tribus kimako — kyptchaks, conceptions liées au culte du défunt ancêtre — fondateur et à celui de la mère — protectrice de la gens.

А. Е. АЛИХОВА

ПОСТРОЙКИ ДРЕВНЕГО ГОРОДА МОХШИ

Мощный слой чернозема, распространенный в Пензенской обл., хранит в с. Наровчат остатки золотоордынского города Мохши [1].

Этот город возник в начале XIV в. возможно на месте мордовского поселения. О последнем может свидетельствовать обнаруженный в слободе Старая Сотня мордовский могильник XIII—XIV вв.[2]

Село Наровчат, некогда уездный город, расположено на низком берегу поймы р. Мокши. С юго-востока оно ограничено р. Шелдаис, с севера и востока — р. Большая Лапыжовка, с западной стороны его огибают так называемые Бугры — ряд всхолмлений, расположенных в северной части Наровчата в несколько рядов в шахматном порядке, сложенных из чернозема, содержащего находки XIV в. Это, по мнению первого исследователя А. А. Кроткова, ложементы, сооруженные в более позднее время.

Золотоордынский город, судя по находкам монет, именовался городом Мохши. Анализируя нумизматический материал, А. А. Кротков пришел к выводу, что он являлся улусным центром в мордовских землях после прекращения жизни на Увеке [3].

Город Мохши выходил далеко за пределы современного Наровчата. Здесь в 1959—1963 гг. проводились раскопки [4]. К юго-западу от Старой Сотни, в урочище Мизгить, или Мизгитное поле, сливаясь с мордовским языческим кладбищем, располагалось обширное мусульманское кладбище, пересеченное дорогой на Вьюнки. На кладбище среди рядовых захоронений возвышались монументальные сооружения мавзолеев [5].

К северо-западу от «Бугров» в поле, именуемом Красный Ключ, вскрыта общественная баня, ряд построек и печь для обжига кирпича.

Урочище Красный Ключ в конце 20-х годов, во время обследования его А. А. Кротковым, именовалось полем Мелюковской коммуны. Это распахиваемое поле отделено от «Бугров» широкой ложбиной, сливающейся с руслом пересыхающей речушки Малая Лапыжовка. На мысу в месте их соединения, на высоком правом берегу, была сооружена общественная баня, частично расчищенная А. А. Кротковым. В брошюре В. И. Лебедева «Загадочный город Мохши» [6], в основу которой была положена рукопись А. А. Кроткова [7], на плане Наровчата эта баня пока-

[1] *А. А. Кротков.* В поисках Мохши. Тр. ОИАЭ, 34, I, Саратов, 1923, стр. 23.

[2] *А. Е. Алихова.* Старосотенский могильник. Археологический сборник. Саранск, 1948.

[3] *А. А. Кротков.* К вопросу о северных улусах Золотоордынского ханства. Изв. общества обследования и изучения Азербайджана. 5, 1928.

[4] Раскопки были организованы Институтом археологии Академии наук СССР, Мордовским НИИЯЛИ, Пензенским управлением культуры с участием студентов Пензенского пединститута и Мордовского ун-та под руководством автора статьи.

[5] *А. Е. Алихова.* Мавзолеи города Мохши — Наровчата. СА, 1973, 2.

[6] *В. Лебедев.* Загадочный город Мохши. Пенза, 1958.

[7] *А. А. Кротков.* Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении. Рукопись. Наровчатский краеведческий музей, д. № 21.

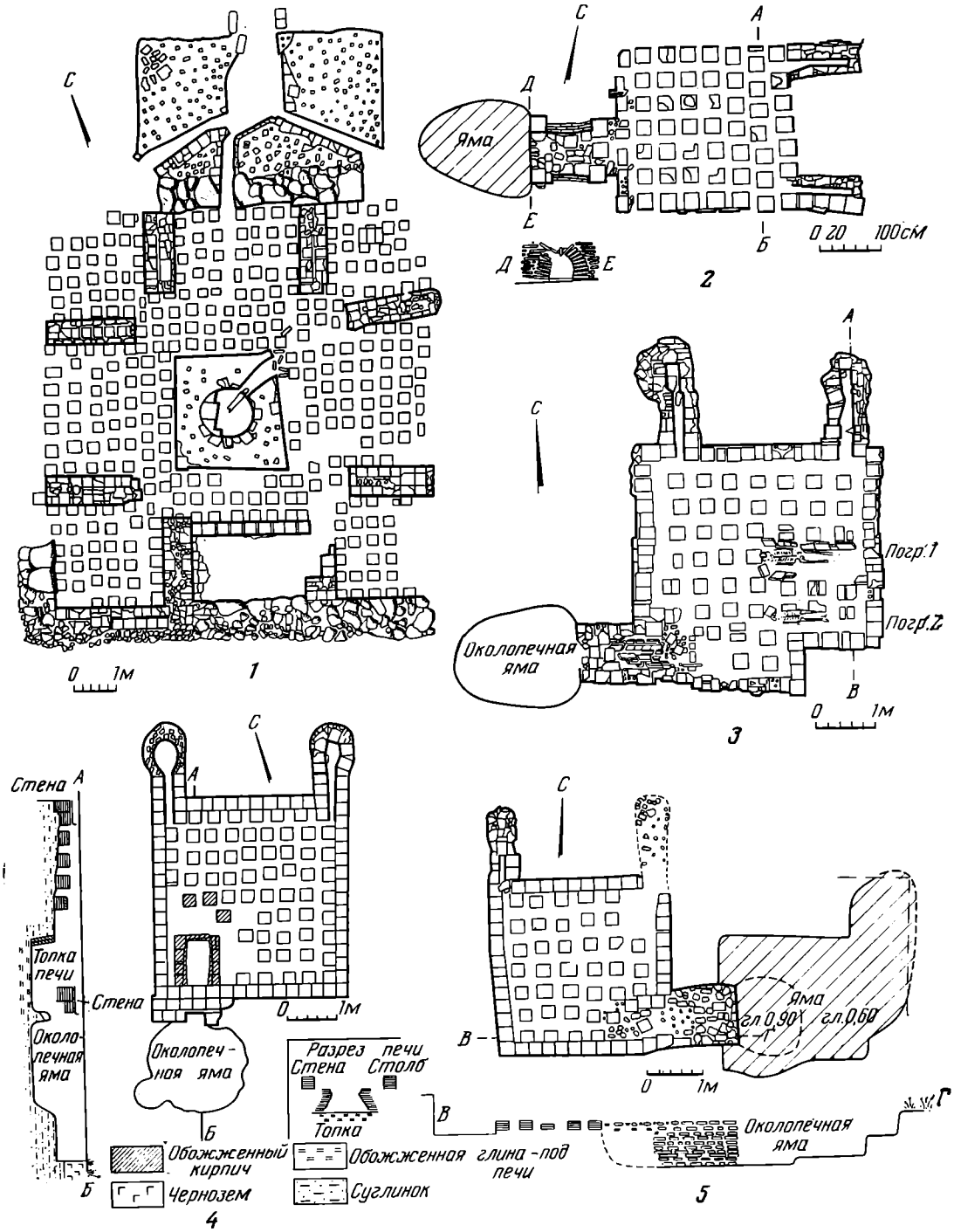


Рис. 1. *1* — общественная баня; *2* — постройка 8; *3* — постройка 6; *4* — постройка 7; *5* — постройка 3

зана на левом берегу речушки, в то время как она в действительности расположена на правом.

Общественная баня. Сооружение дошло до нас в сильно разрушенном состоянии. Сохранившаяся часть ее состояла из двух конструктивно различных частей — мыльни, т. е., основного здания, квадратного в плане помещения длиной 11 *м*, при ширине приблизительно 10,5 *м* (таблица), и массивной печи, примыкавшей с северной стороны. Общая длина бани составляла 14 *м* (рис. 1, *1*). При постройке бани был вырыт в черноземе

Постройка		Дымоход				Печь						Яма, размер (м)
№	размер (м)	ориентировка	общая длина от стены	общая ширина	ширина канала	ориентировка	длина выступающей части	общая длина	общая ширина	размер устья	размер чела	
1(А)	4,8×4,8	З	1,5	60	12–15		80 топка	1,80 топка 2,20	80 сзади 40 спереди	36×36	1 низ 1,4 верх	3,2×3,2
2(Б)	5,30×4,50	С	1,7 0,80	30 50	15–20	Центр	90	1,5	1,20–1,40	Разрушено	1,4	–
2(В)	6,20											
3	3,35×3,45	С	1,40	58		В	1,22	2,33	1,15	45×50	1,15	1,4×1,1
4	11×10,5 общественная баня					С	3,2	3,2	5,7	70		2,6×2
5	5,2×5,30	С	1,30 1,60	60	12	З	55	2	85	45×45	1,35	1,50×1,30
6	4,30×4	С	1,95 1,60	60–70	15–18	З	1	2	1,10	35×45	1,18	2,10×1,80
7	4×3,85	С	1,4	60–70	15–18	Ю	20	1,70	Низ 90 Верх 52	Низ 60 Верх 401	1,35	1,80×1,90
8	2,80×2,8	В	1,20 1,10	65–68	12–15	З	116	116	1,10 80–1,05	40–38	125	195×160
9	3,20×3,40	В	1,80	58	12–15	С	1	1,80	1			2×1,60

котлован до материковой глины, в котором был уложен фундамент и подпольная отопительная система. Для печи и околопечной ямы котлован был несколько углублен в материк.

Фундамент основной части здания был сложен из бутового камня средней и крупной величины, поверх которого шла кладка в три квадратных кирпича. Общая толщина стен составляла 85—90 *см*. Внутренняя часть здания была разделена кирпичными стенами толщиной 60 *см* и длиной 2 *м* на ряд помещений — четыре угловых и центральное крестообразное в плане с бассейном посредине. О размерах угловых помещений можно судить лишь по юго-западному, сохранившемуся более полно. Это небольшая квадратная камера размером 2,4×2,6 *м* с входом шириной 65—70 *см*, расположенном во внутреннем углу, обращенном к центру.

Баня обогревалась с помощью подпольного отопления. Для этой цели в котловане по всей площади, за исключением срединного южного помещения, были поставлены рядами столбики из квадратных кирпичей, положенных один на другой. О полной высоте столбиков можно судить по двум, более полно сохранившимся в северо-восточном угловом помещении. Они состояли из 10 кирпичей. Их перекрывали два лежавшие рядом кирпича размером 36×18×6 *см*. Аналогичного размера кирпич был найден и в юго-западном помещении. Эти кирпичи представляли собой остатки нижней части пола, поверх которых были, вероятно, один или два ряда плит.

Печь, пристроенная к северной стене бани, была несколько сдвинута к востоку. Это большое массивное сооружение, от которого сохранилась лишь нижняя часть на высоту 75—80 *см*. Сюда входят восемь рядов кладки кирпича (50 *см*) и щебня, залитых известью, ниже которых, в основании печи, лежит слой извести в 20—25 *см*. Под состоит из обожженной глины. Ширина печи в целом 5,7 *м*, длина от стены бани до устья— 3,0—3,2 *м*. Печь разделена тремя дымоходами и топкой на четыре массива кладки. Стены топки не имеют вида хорошей кладки в противоположность боковым дымоходам.

Топка в плане имела вид неправильного полуовала длиной 2,2 *м* при ширине 1,35 *м*. Ширина устья 70 *см*. От него в околотопочную яму, расширяясь, вел коридор длиной 85 *см*, шириной 85 *см* у устья и 1,35 в яме. О существовании этого коридора можно судить лишь по крайне фрагментарным материалам. Околотопочная яма длиной 2,6 *м* при ширине 2 *м* заканчивается на глубине 1,7 *м* от современной поверхности. Из печи дым проходил вместе с теплым воздухом через дымоходы и распределялся под полом бани. Два из них были направлены наискось, к ближайшим угловым помещениям, с юго-запада и юго-востока. В дымоходах сохранилось по восемь рядов правильной кладки из кирпичей, положенных торцом к дымоходу. Эти дымоходы сохранились на глубину 60 *см*. Их ширина у топки 18—20 *см*, а по направлению кнаружи они расширялись до 40 *см*. К сожалению, места их соединения с баней разрушены.

Третий дымоход шел по длинной оси здания к югу. Его стенки состояли из рваного кирпича. Возможно, он был проложен значительно позже, когда баня уже функционировала. Такое предположение возникает в связи с тем, что в северном отделе крестообразного помещения, по которому проходил этот дымоход, нет совершенно следов обжига или копоти на боковых стенках сложенных из сырца столбиков подпольного отопления. Вероятно, проложенный дымоход пропускал тепло и дым лишь в верхней, не сохранившейся части дымоходов.

Не вполне ясным остается назначение одного помещения, расположенного у южной стены, посредине между двумя угловыми помещениями. Оно, к сожалению, сохранилось неполностью. С востока и запада оно было ограждено массивными стенами угловых помещений, с юга — внешней стеной постройки, а с севера отделено от подпольного отопления

Рис. 2. Общественная баня. Вид «купальни» у южной стены бани

перегородкой, сложенной в один кирпич, в которой сохранилось девять рядов кладки. На дне у северной и западной стен прослеживаются следы пола, выложенного из квадратного кирпича размером 25×25 *см*. Вероятнее всего это помещение было замкнутым со всех сторон. В этом случае оно могло служить в качестве купальни или бассейна для хранения воды. Во время раскопок А. А. Кротковым этой части постройки, судя по всему, южная стена юго-восточного углового помещения сохранилась полностью. Она была определена исследователем как лежанка, а рядом с ней яма, т. е. только что описанная купальня [8] (рис. 2).

Расположенный в центре мыльни водоем представлял собой очень прочное сооружение подквадратное в плане, размером 2,6—2,4 *м*, сложенное из кирпича и щебня на прочном известковом или алебастровом растворе (рис. 3, *1*). Собственно водоем помещался в центре. Он имел круглую форму диаметром 1,2 *м* с плоским дном, выложенным в сохранившейся части четырьмя квадратными кирпичами размером 33×35 *см*, одним подрубленным по кругу и одним обломком. В центре водоема сохранилась часть глиняной трубы от водопровода с раструбом, направленным кверху. Очевидно, это был фонтан (рис. 3, *2*). При сооружении фундамента для этого водоема в северо-восточном углу его был оставлен канал для укладки водопроводной трубы, расширяющийся кнаружи.

Описанное сооружение — баня — по своим конструктивным особенностям, промерам и планировке главной части здания — мыльни близка к болгарским. В Болгарах были исследованы две бани, так называемые Белая и Красная палаты, с таким же подпольным отоплением, крестообразной центральной частью и четырьмя угловыми помещениями с аналогичными выходами к центру, где располагался фонтан. Близки и общие промеры. Отличие заключается лишь в материале. В Болгарах широко использовался песчаник и известняк в кладке стен и столбов отопления [9].

Более полно сохранившаяся наземная часть Красной палаты позволяет до некоторой степени представить внешний вид раскопанной нами бани в Мохши.

Исследователи Болгар А. П. Смирнов и И. Ф. Калинин [10] на основании имеющихся данных следующим образом реконструировали внешний облик Красной палаты: над центральной частью здания (мыльней) возвышался полусферический купол, а над боковыми частями коробовые своды. Четыре угловые помещения имели перекрытие также в виде небольших полусферических куполов. Внешне это пятикупольное здание на фоне соседних деревянных построек имело внушительный вид. Исследо-

[8] *А. А. Кротков.* Наровчат и его окрестности..., стр. 11; *В. Лебедев.* Загадочный город Мохши, стр. 23 и рис. на стр. 25 — план здания с подпольным отоплением.

[9] *А. П. Смирнов и И. Ф. Калинин.* Реконструкция булгарской бани XIV века. КСИИМК, XIII, 1946.

[10] Там же, стр. 30, рис. 5.

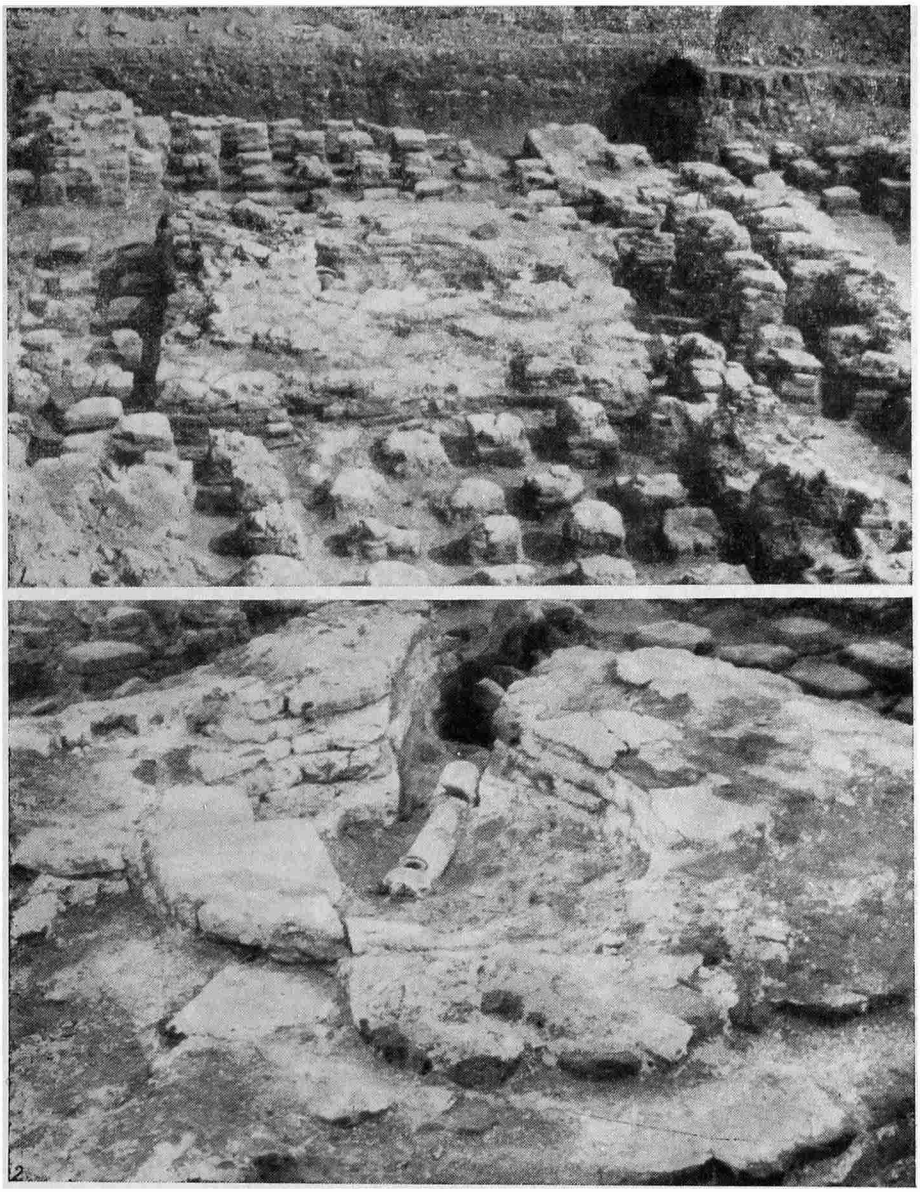


Рис. 3. Общественная баня. *1* — общий вид водоема (в центре); *2* — дно водоема с частью водопроводной трубы

ватели подчеркивают, что баня построена по плану, обычному на мусульманском Востоке. В непосредственной близости от общественной бани по всему полю были разбросаны постройки, от которых на поверхности сохранились следы кирпича или обожженной глины. Раскопки некоторых из них неожиданно дали интересный материал.

Из восьми вскрытых построек семь имели однообразную отопительную систему, идентичную встреченной в описанной общественной бане. Своеобразием отличается лишь устройство концевых выводящих дымоходов. В основном это небольшие постройки размером от 8 до 27 $м^2$. Для их устройства вырывался в черноземе до материковой глины котлован, в котором укладывался фундамент и столбики подпольного отопления (рис. 1, *2—5*; 4, *1*, *2*; 5, *1*, *2*).

Фундаменты, за исключением постройки 1, были сложены из одного ряда квадратного сырцового кирпича. Столбики подпольного отопления были выложены в один кирпич. Полная их высота в девять сырцовых

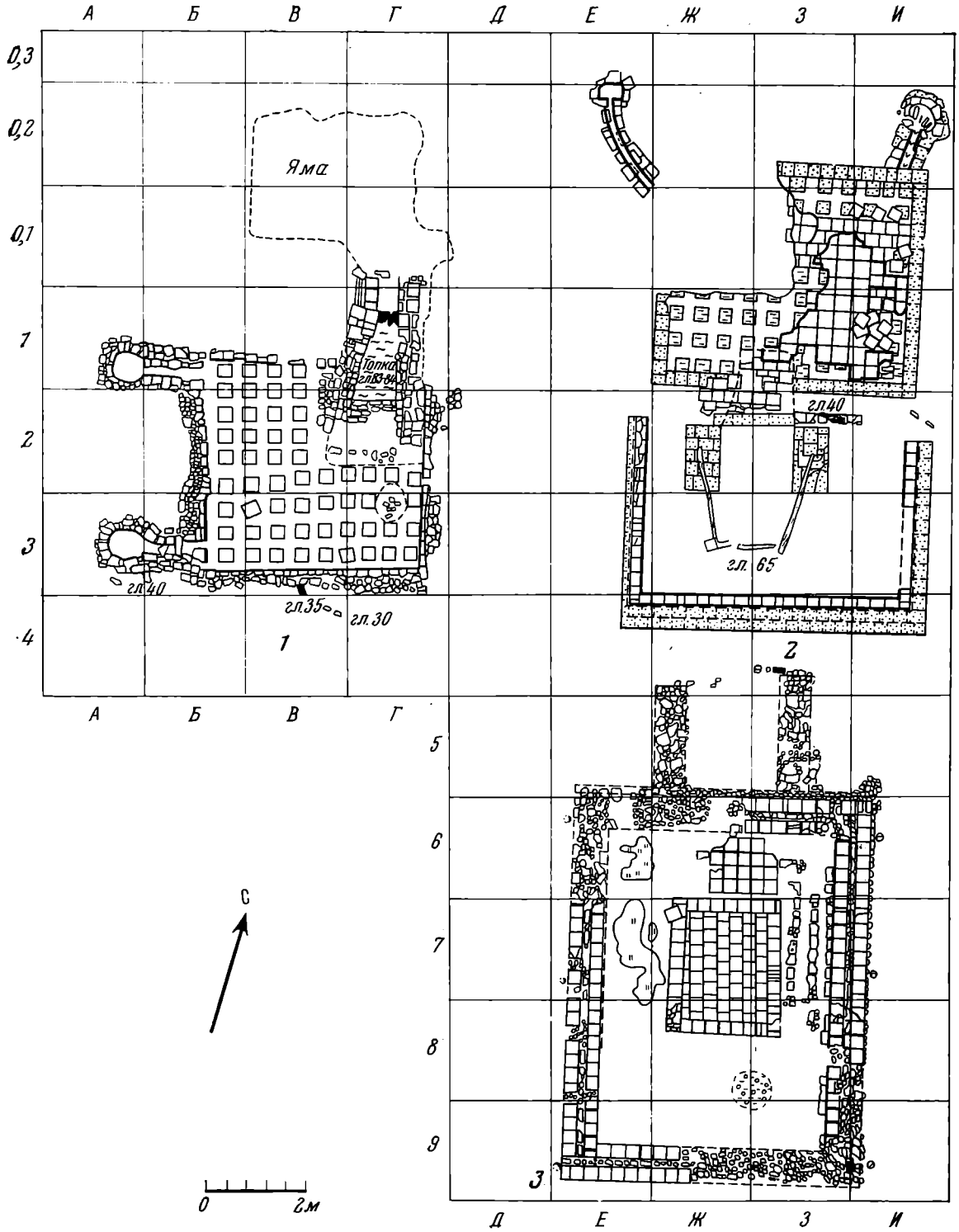


Рис. 4. Раскоп I. *1* — постройка 1; *2* — постройка 2; *3* — чайхана

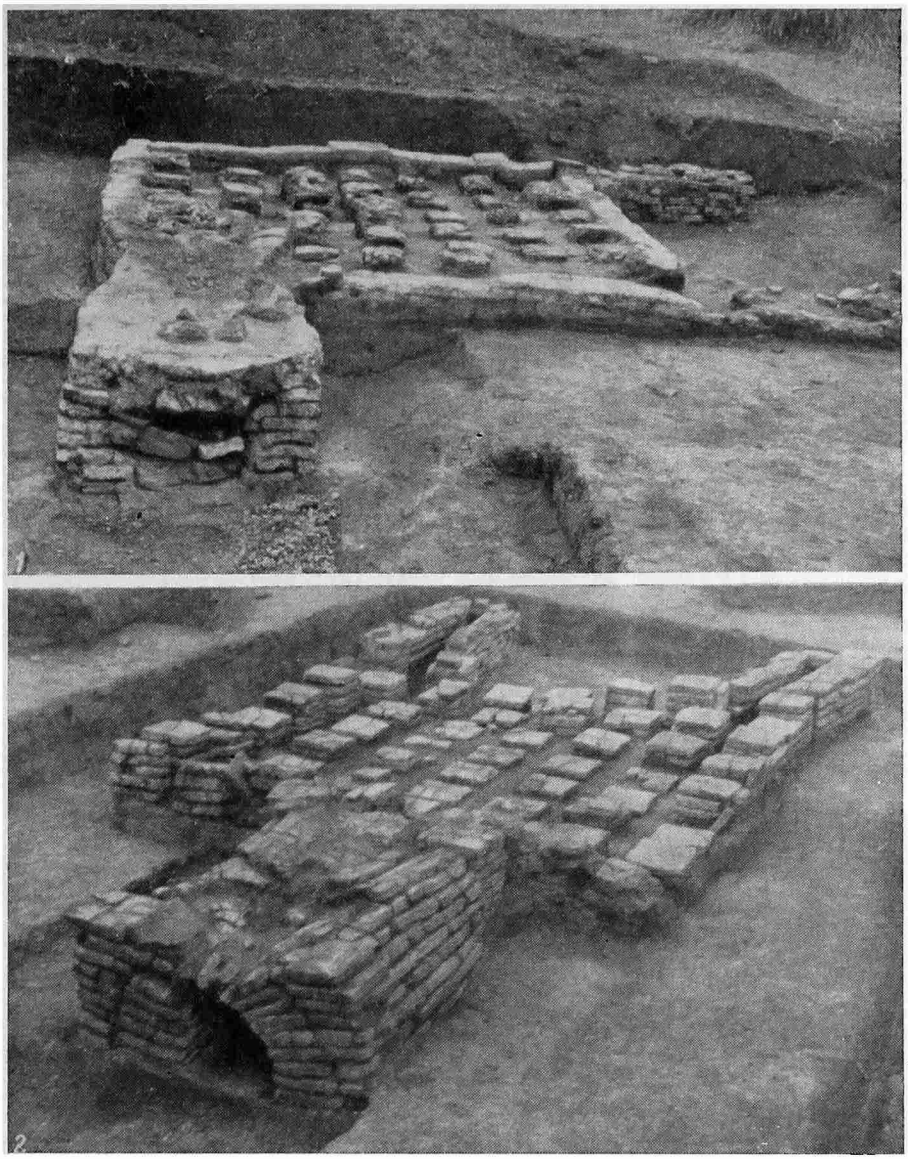


Рис. 5. *1* — постройка 3; *2* — постройка 8

кирпичей сохранилась лишь в помещении 2 (рис. 4, *2*). Дым выводился наружу при помощи двух выходящих за пределы постройки дымоходов длиной от 1 до 2 *м*, при ширине около 60 *см* и ширине канала 12—15 *см*. Как правило, они располагались по углам с одной стороны постройки, нередко являясь продолжением внешних стен. Концевые части этих дымоходов обычно были углублены в материк и расширены. Концевые части выводных дымоходов складывались из обломков обожженного кирпича и щебня (рис. 6, *2*).

Основание печи также было углублено в материк. Чаще всего печь выдавалась на половину своей длины за пределы постройки, и только в одном случае она была вся вне постройки (8), в другом — почти вся находилась внутри постройки (7). Своеобразием некоторых печей является предпечное сооружение в виде выступающих защитных боковых стенок, отходящих от устья печи (1 и 2, см. рис. 4, *1, 2*). Аналогичное устройство было прослежено и в общественной бане.

Остановимся на некоторых особенностях отдельных построек.

Постройка 1. Это фундамент шириной 60 *см*, сложен из битого кирпича, обращенного целым краем внутрь постройки. В северо-западном

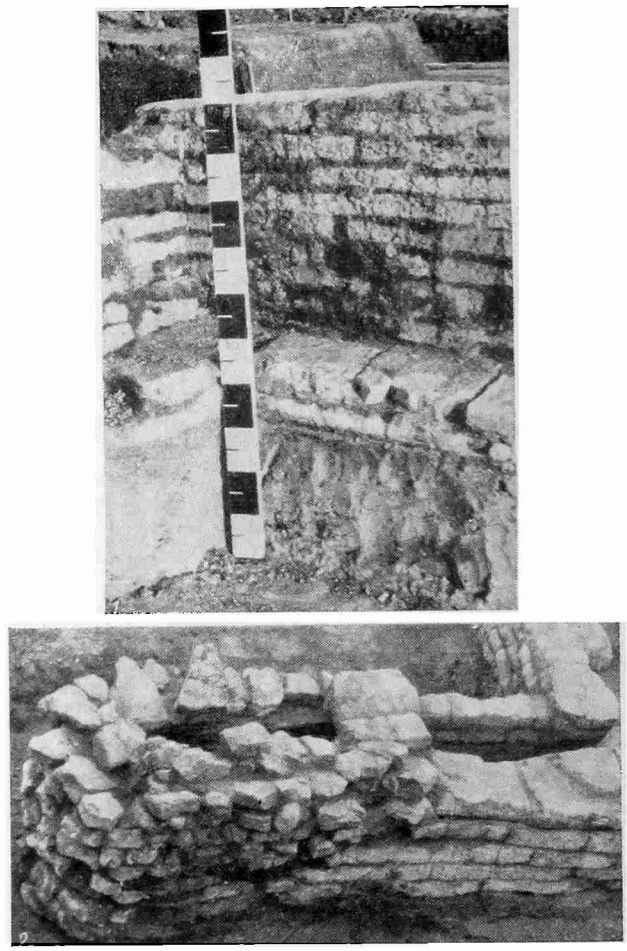


Рис. 6. *1* — постройка 2 (часть фундамента топочного помещения с «козырьком»); *2* — постройка 5 (дымоход)

углу была сооружена печь длиной 2 *м*. Особенностью ее является трапециевидной формы топка длиной 1,7 *м*, расширяющаяся внутрь помещения (рис. 4, *1*). Вдоль боковых стенок топки располагалось по уступу шириной 20 и 30 *см*, высотой в три кирпича. Таким образом, верх топки был шире на 50 *см*. В задней части топки поперек расположен порожек высотой в два кирпича. Устье печи было защищено с боков стенками длиной 72 *см*, сложенными в один и полтора кирпича. Перед печью была глубокая (2 *м*) околопечная яма. В ней близ дна найдены две монеты. Одна из них плохой сохранности, по-видимому Кильдибека, и вторая — «Токта» Сарай-ал-Махруси 710 г. х. (1310/1311 г. н. э.). Здесь же было несколько обломков сосудов с голубой и желтой поливой и на самом дне обломок стекла.

Постройка 2. Эта постройка состояла из двух помещений — северного, снабженного подпольным отоплением, и южного — топочного. В северном помещении, частично разрушенном, сохранились остатки пола. Он состоял из трех рядов кирпича разного размера. Нижний и средний ряды состояли из кирпича размером 25×25, 26×26 *см*. Верхний ряд в средине помещения был сложен из крупных плит размером 34×36, а ближе к стене размером 26×26 *см*. Остатки пола сохранились также над частью печи, входящей в это помещение (рис. 4, *2*).

Большой интерес представляет устройство печи, которая существенно отличается от всех описанных выше. Располагаясь частично в северном

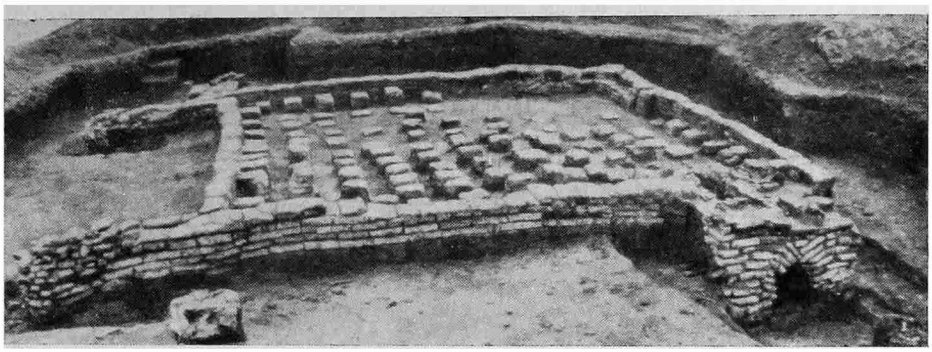


Рис. 7. Постройка 5

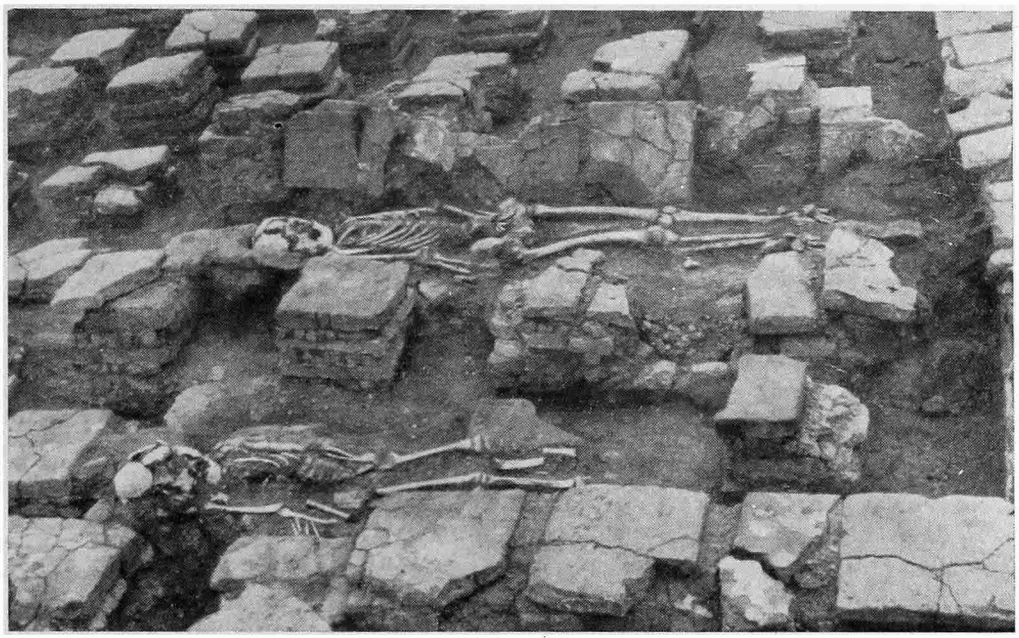


Рис. 8. Постройка 6. Погребения

помещении с подпольным отоплением, она выходила устьем в южное — топочное помещение. Печь почти кубической формы, размером 1,5 *м*, выложена из сырцового и отчасти обожженного кирпича и глины. Стенки топки слабо прокалены и почти аморфны. Устье топки, как и у печи постройки 1, было по бокам ограждено сырцовыми стенками шириной 70 *см* и длиной 1,2—1,3 *м*. В высоту кладка сохранилась на 65 *см*. Над ними прослеживались остатки деревянной конструкции, дошедшей до нас в виде плах, сложенных в форме трапеции, располагавшейся концами над околотопочными стенами. Ширина между их концами 1,5 и 2,2 *м*, длина 1,9 *м*. Интересна конструкция фундамента самого топочного помещения. Южная и восточная стены фундамента были сложены в полтора кирпича, а западная в один. От северной части фундамента сохранились лишь следы сырцовой кладки и остатки дерева. В устройстве трех хорошо сохранившихся стен прослеживается одна деталь: вдоль стен внизу, у их основания, сооружена своего рода приступка или «козырек» из выступающих внутрь постройки концов кладки из обожженного кирпича (рис. 6, *1*). Пол этой постройки, судя по всему, был земляным, и поэтому он значительно углублялся в середине, ближе к топке. Все помещение было завалено щебнем и известью. Большой завал был в северо-западном углу от рухнувшей стены, в котором прослежено 11 рядов кладки в

Рис. 9. Чайхана

один кирпич. Судя по всему, стены топочного помещения были сложены из кирпича.

В пространстве между постройками 1 и 2 были найдены в трех пунктах обломки водопроводных труб. Внутри постройки в топочном помещении вокруг деревянной конструкции найдено несколько железных гвоздей, а на дне котлована несколько обломков поливной посуды.

Постройка 5. Отличительной особенностью этой постройки является форма печи. Ее чело значительно шире самой печи, вследствие чего форма печи в плане имела вид буквы Т (рис. 7).

Постройка 6. Внутри постройки, среди столбиков подпольного отопления, были обнаружены два захоронения подростков, совершенные по мусульманскому обряду погребения. С этой целью были убраны столбики подпольного отопления, а отверстия соседних дымоходов, граничащие с захоронениями, были заложены вертикально поставленными кирпичами (рис. 1, *3* и 8).

Постройка 7. Печь этой постройки почти вся была внутри помещения. Она выдавалась наружу всего лишь на 20 *см*. Ее топка расширялась книзу и в поперечном сечении имела трапециевидную форму (рис. 1, *4*). Задняя стенка топки была выложена в два кирпича, поставленные на ребро. По вертикали кирпичи располагались в два ряда, причем нижний ряд состоял из четырех кирпичей, а верхний из трех.

Постройка 8. Это самая маленькая постройка описываемого типа (рис. 1, *2* и 5, *2*). Она выделяется отсутствием фундамента. Столбы подпольного отопления были поставлены на материковую глину таким образом, что дымоходы с одной стороны упирались в глину, а с другой, где материк располагался ниже, их внешние концы были закрыты вертикально поставленными кирпичами. Второй особенностью является положение печи вне постройки. Подобно печи в постройке 5 она выделялась сильно расширенным челом.

Чайхана. Это довольно крупное здание, размером 7,8×6 *м*, располагалось в центре поля, на самом высоком месте, рядом с постройкой 2. По своим конструктивным особенностям оно резко отличалось от описанных выше. Фундамент толщиной в 70 *см*, сложенный из обожженного кирпича, залегал в слое чернозема на глубине 40 *см* от материка, фак-

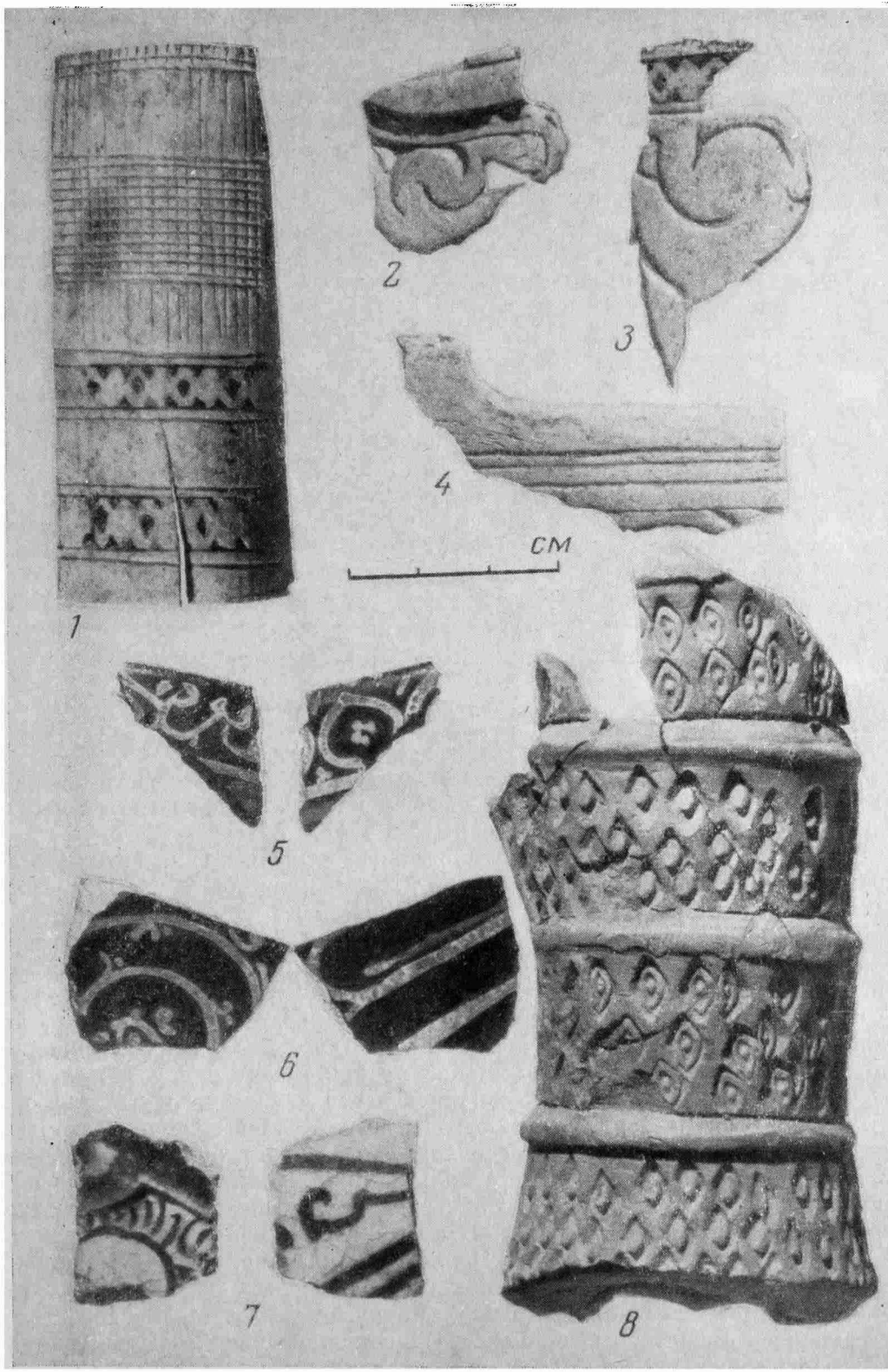


Рис. 10. *1—4* костяные накладки из погреба чайханы; *5, 6* — фрагменты поливной посуды со дна околотопочной ямы постройки 1; *7* — фрагменты поливного сосуда из культурного слоя около постройки 2; *8* — горло сосуда со штампованным орнаментом из погреба чайханы

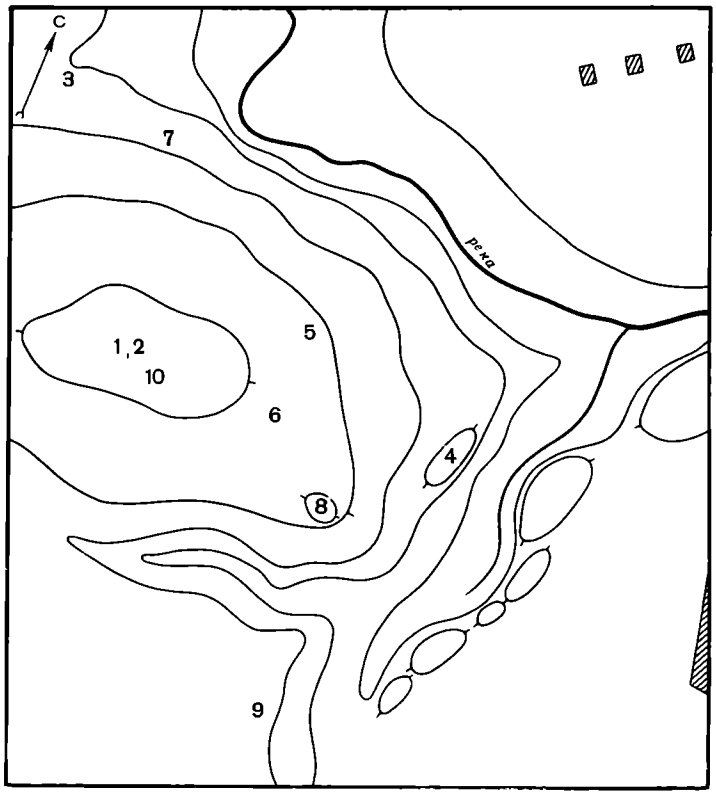


Рис. 11. План расположения построек в урочище Красный Ключ: *1—9* — постройки 1—9; *10* — чайхана

гически почти у самой поверхности того времени. Нижняя часть фундамента состояла из битого кирпича, выше — из двух рядов целого с забутовкой щебнем на глиняном растворе (рис. 4, *3*).

Вход в чайхану располагался с северной стороны. С боков он был огражден кирпичными стенами длиной 2,2 *м* и шириной 60 *см*.

Внутри помещения вдоль восточной стены был сооружен кан, под которым проходили два дымохода, сделанные из поставленных на ребро половинок кирпича. Где была топка, с определенностью сказать трудно. Обнаружено лишь скопление угольков в северо-восточном углу постройки у самого начала дымохода. Пол был выстлан квадратным кирпичом, от которого сохранились остатки против входа (рис. 4, *3*). Стены, по-видимому, были выкрашены в красный цвет, о чем можно судить по следам краски, обнаруженным в северо-западной части дома и сверху в погребе.

Главной отличительной особенностью, позволяющей судить о назначении этой постройки, является расположенный в центре погреб. Он был выложен из кирпича, положенного плашмя (рис. 9). Дно погреба, расположенное на глубине 1,7 *м*, считая от пола постройки, было вымощено хорошо пригнанными кирпичами. В погребе были обнаружены обломки костяного налучия, осколки от стеклянной и поливной посуды (рис. 10) и три монеты: одна чеканена в Мохши (год чеканки не указан) и две монеты «Токта», чеканены в Сарай-ал-Махруси в 710 г. (1310—1311 гг.).

В траншее между постройкой 8 и общественной баней, на расстоянии 9 *м* от последней, располагалась маленькая постройка размером 2×2,9 *м*, сложенная из щебня. Стена толщиной 10 *см* сохранилась на высоту 30 *см*. Постройка не имела никаких следов отопления. Возможно, это была сторожка для охраны общественной бани.

Описанные выше постройки, сооруженные по типу бань со своеобразным отоплением, были в некоторых случаях бесспорно банями. Это

относится к постройкам 1 и 2, где вокруг было найдено больше десятка обломков водопроводных глиняных труб.

Очевидно, не все постройки были одновременными. Судя по раскопу I, расположенному в центре поля, где постройка 2 почти прилегала к входу в чайхану, эти постройки существовали в разное время. Находки монет в погребе чайханы и околопечной яме постройки 1, относящиеся к 1310 г., говорят о том, что это наиболее старые постройки. Следует вспомнить, что они были сооружены из кирпича. Возможно, в это же время была построена и общественная баня.

Остальные постройки были, очевидно, деревянными, сооруженными на фундаменте из сырцового кирпича. Обожженный кирпич шел только на наружную часть печи, и то не во всех случаях. В постройках 2 и 3 печи были сложены из сырца.

Раскопки описанных бань, разбросанных на площади около 2 *га* (рис. 11), не дают полной характеристики очерченного района, так как между постройками не исследованы большие площади. Местами на поверхности можно было еще в 1959—1963 гг. проследить остатки разрушенных построек, но уже и тогда часть из раскопанных сооружений была прикрыта слоем пахотного чернозема. Еще разведкой А. А. Кроткова где-то близ общественной бани была обнаружена печь. Во время наших раскопок недалеко от постройки 5 была вскрыта мусорная яма, типичная для золотоордынских городов. В ней были найдены обломки гончарной и поливной посуды, кости животных и крупные фрагменты от печи для выпечки лепешек. Последняя находка, возможно, указывает и на жилой характер этого района.

A. E. Alikhova

LES BATIMENTS DE L'ANCIENNE MOKHCHI

Résumé

La ville de Mokhchi, qui relevait de la Horde d'Or, se trouve actuellement enfouie sous les constructions modernes et les jardins de la ville de Narovtchat (région de Penza). Le nom de la ville de Mokhchi a été établi grâce aux monnaies qu'on y a trouvées et qui portaient le nom du lieu où elles avaient été frappées. De 1959 à 1962, l'Institut d'Archéologie de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S., le Département de la Culture de Penza et l'Institut de recherche scientifique de Mordovie ont effectué à cet endroit des fouilles sous la direction de l'auteur du présent article. Au nord-ouest de Norovtchata, dans un champ labouré appelé «Krasny klioutch», sur une superficie d'environ deux hectares on a mis au jour plusieurs constructions. La plus importante était constituée par des bains publics, édifiés sur le modèle de l'établissement bien connu de la Bolgare volgienne, la «Krasnaïa palata». Seuls se sont conservés une partie du soubassement de brique et le système de chauffage hypocauste, constitué par des rangées de petits piliers faits de briques carrées. L'air chaud et la fumée, en passant par ces piliers, chauffaient le local des bains, qui était séparé de la salle de chauffe par un mur de brique. Un grand poêle à trois conduits et une fosse jouxtant le poêle attenaient au local des bains par le mur nord. Au centre de l'établissement se trouvait une piscine en briques jointes au mortier de plâtre. L'eau parvenait dans un réservoir de forme ronde par un tuyau en argile (fig. 3). Les autres bâtiments, à l'exception du bâtiment № 3, avaient un système analogue de chauffage hypocauste. Le soubassement de brique du bâtiment № 3 a été construit au ras du sol de l'époque. Au centre se trouvait une profonde cave de brique; à côté d'elle, le long du mur, il y avait un «kan — miesto» (banquette — poêle) pour s'asseoir, sous lequel passaient deux longs conduits de fumée. Cet édifice était sans doute le «tchaïkhana». On y a recueilli, au fond de la cave (fig. 9), deux monnaies frappées par la Horde d'Or en 1310, des plaques de revêtement en os ornementé un col de vase portant un motif estampé, ainsi que des tessons de vaisselle vernissée. Une autre monnaie analogue a été trouvée dans la fosse jouxtant le foyer du bâtiment № 1 parmi des fragments de vaisselle de terre et vernissée (fig. 10).

Заметки

А. А. ФОРМОЗОВ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ МАЛЬТА

Стоянка Мальта на р. Белой в районе Иркутска — один из самых богатых резной костью палеолитических памятников СССР. Произведения искусства из Мальты в значительной мере опубликованы в предварительных сообщениях М. М. Герасимова о раскопках стоянки и в обзорном труде З. А. Абрамовой [1]. В эту сводку не вошло, однако, несколько интересных вещей как из последних раскопок поселения (1956—1958 гг.), так и из материалов довоенных лет. Этим предметам и посвящена данная заметка.

Наибольший интерес представляет статуэтка зверя, вырезанная из бивня мамонта. Потом бивень расслоился, и фигурка в музее собрана и склеена из отдельных кусков. Некоторые из них при раскопках найти не удалось. Поэтому в центральной части статуэтки при ее реставрации осталась незаполненная костью полоса. Тем не менее по сохранившимся фрагментам можно получить достаточно полное представление обо всей скульптуре. Длина ее 10 *см*, наибольшая толщина (в задней части крупа) 3 *см*, наименьшая (толщина головы) 2 *см*, высота фигурки 4,5 *см*. Показан зверь, у которого передние лапы менее массивны, чем задние. У него относительно длинная вытянутая вперед шея. Рельефом переданы уши. Глаза не обозначены. Тело покрыто вертикальными полосами из углублений полулунных очертаний. Намечен хвост (рис. 1) [2].

В описи коллекции, со слов М. М. Герасимова, предмет назван изображением нерпы. Но нерпа, имеющая ласты, а не ноги, совершенно непохожа на зверя, вырезанного из бивня древним скульптором. По мнению зоолога В. М. Смирина, это скорее всего росомаха. Кости ее встречены при раскопках стоянки [3].

Изображение уникально как для Мальты, где много фигурок птиц и людей, а из зверей запечатлен в гравировке только мамонт, так и для палеолитического искусства вообще. В стилистическом отношении к фигурке близка скульптура так называемой куропатки из Мальты — столь же массивная, с вытянутой вперед шеей и покрытая полосами из полулунных углублений [4]. В данном случае видовое определение, вероятно, также ошибочно. В. М. Смирин считает, что это не куропатка, а гагара.

---

[1] *З. А. Абрамова.* Палеолитическое искусство на территории СССР. САИ А-4-3, М.— Л., 1962, стр. 44—51, табл. XLIV—LVI. Здесь перечислены и все публикации М. М. Герасимова.

[2] Хранится в ГИМ, шифр 1822/621.

[3] *Н. М. Ермолова.* О фауне млекопитающих эпохи палеолита и неолита Прибайкалья. «Материалы по этнографии», вып. 3. Л., 1963, стр. 43.

[4] *З. А. Абрамова.* Ук. соч., табл. LIII, *2*.

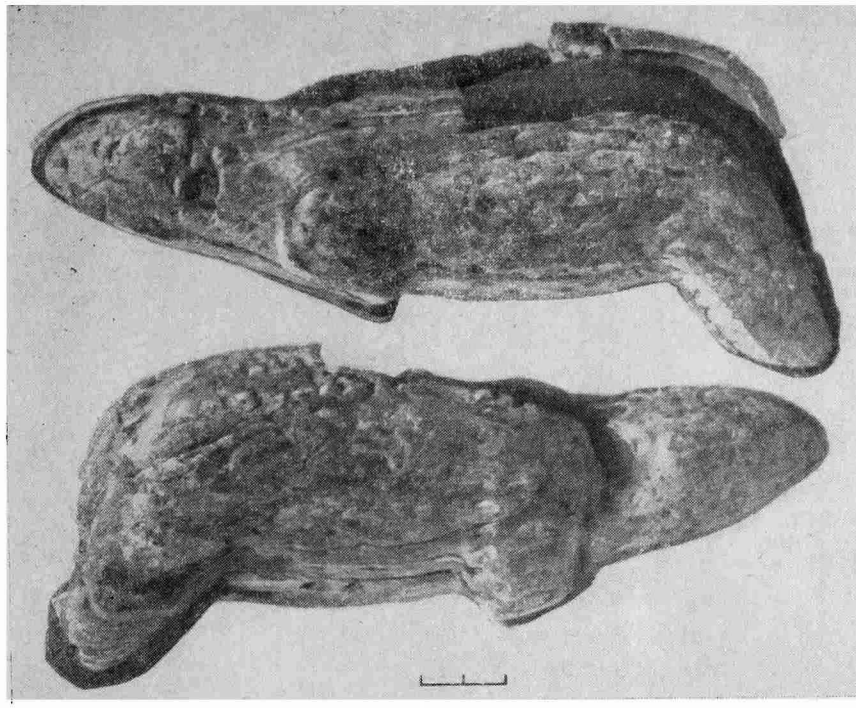


Рис. 1. Статуэтка зверя из бивня мамонта с палеолитической стоянки Мальта. Вид с обеих сторон

В палеолитическом искусстве более отдаленных областей как на некоторую аналогию мальтинской скульптуре можно указать на фигурки из Фогельхерда в ФРГ [5].

Другие неопубликованные предметы из последних раскопок Мальты дополняют уже известные серии художественных изделий с этой стоянки. Среди них заготовка женской статуэтки из трубчатой кости с намеченными головой и туловищем. Длина ее 10 *см*, длина головы 0,8 *см*, туловища 2 *см*, ширина 1,2 *см*, толщина 0,7 *см* (рис. 2, *5*) [6]. Часть кости ниже туловища после завершения работы над статуэткой, по-видимому, была бы срезана, и вся фигурка имела бы длину порядка 5 *см*. Статуэток такого размера в Мальте достаточно много.

Серию фигурок летящих гусей или лебедей, насчитывающую более десятка экземпляров [7], пополнила еще одна статуэтка-подвеска. Как и у других, у нее в хвостовой части просверлено отверстие, так что фигурка висела вниз головой. За овальным телом находится крестовидное расширение, передающее крылья, затем длинная вытянутая шея и маленькая треугольных очертаний голова. Ни орнамента, ни проработки деталей при помощи гравировки на таких статуэтках нет. Длина публикуемой фигурки 7 *см*, длина туловища с крыльями 2,5 *см*, шеи 3,5 *см*, головы 1 *см* (рис. 2, *4*) [8].

Для объяснения обилия в Мальте подобных изображений птиц интересно сообщение канадского биолога Ф. Бодсворта об исключительной роли весеннего прилета гусей в жизни индейцев кри (мускек-оваков). Прилет гусей в апреле месяце знаменовал конец зимнего голода, возрождение племени к новой жизни и был связан в представлениях индейцев с культом плодородия [9].

---

[5] *H. Müller-Karpe.* Handbuch der Vorgeschichte, Bd. I. München, 1966, Taf. 202, *c*.
[6] Хранится в ГИМ, № 1820/72.
[7] *З. А. Абрамова.* Ук. соч., табл. XLIX, *6—9*, LII.
[8] Хранится в ГИМ, № 295.
[9] *Ф. Бодсворт.* Чужак с острова Барри. М., 1974, стр. 126.

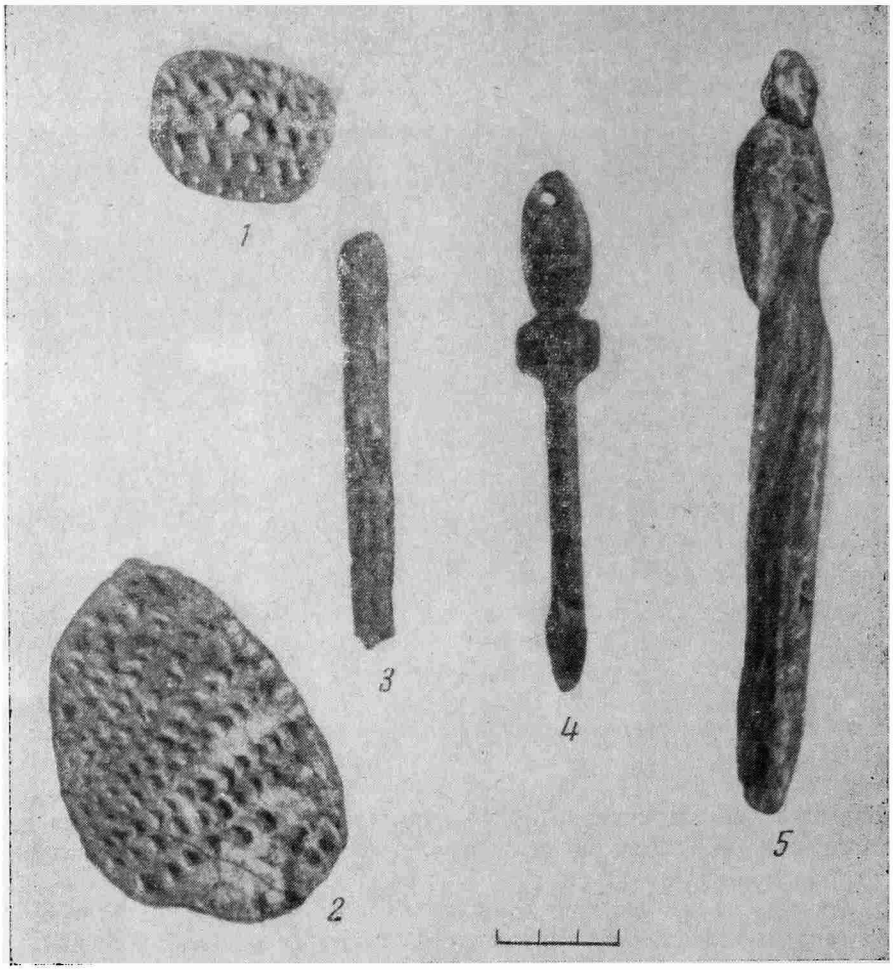


Рис. 2. Резная кость со стоянки Мальта: *1, 2* — бляхи, *3* — фрагмент орнаментированного стержня, *4* — подвеска в виде фигурки лебедя, *5* — заготовка женской статуэтки

Из находок в Мальте последних лет остались неопубликованными две бляхи. Обе они сделаны из бивня мамонта и имеют на одной стороне углубленный орнамент. На большей бляхе, овальных очертаний, размером 5×3,5×0,3 *см*,— девять рядов из полулунных углублений, расходящихся радиально от короткого края к длинному (рис. 2, *2*) [10]. На меньшей бляхе, размером 2,3×2×0,2 *см*, выгравировано семь зигзагообразных линий, а в центре просверлено отверстие (рис. 2, *1*) [11]. Ранее в Мальте найдено около 10 блях с орнаментом, одни с отверстиями посредине, вероятно надевавшиеся наподобие медальона, другие без отверстий, видимо нашивавшиеся на одежду [12]. Техника нанесения орнамента на эти предметы необычна: ямочные углубления делались не при помощи вырезания или высверливания, а как бы методом чеканки — ударом по кости вертикально поставленного острия. Даже линейный орнамент не просто гравировался, а сначала намечался таким чеканом, а уже потом прорезался через ряд углублений. Как и на других палеолитических стоянках, орнаментированные предметы из Мальты производят впечатление несколько перегруженных узором. Если уж кость орна-

[10] Хранится в ГИМ, № 1820/191.
[11] Хранится в ГИМ, № 1822/511.
[12] *З. А. Абрамова.* Ук. соч., табл. L, LI, *2—4*, LIV, *12—18*.

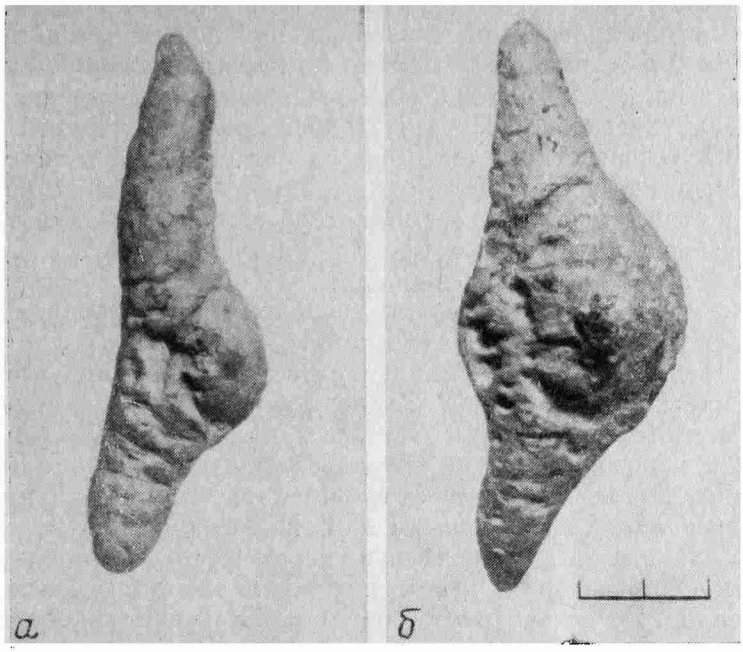


Рис. 3. Две схематические статуэтки женщин (*а* и *б*) из кости со стоянки Мальта

ментируется, то вся ее поверхность покрывается ямками или линиями. Скупого, точно рассчитанного применения отдельных элементов узора, хорошо соотнесенных с неорнаментированной поверхностью кости, в Мальте, как и на большинстве палеолитических поселений, мы не находим.

В числе неопубликованных резных костяных изделий из последних раскопок Мальты имеется также несколько обломков стержней, представляющих собою что-то вроде булавок, вставлявшихся в волосы или вкалывавшихся в одежду. По предшествующим раскопкам мы знаем и целые экземпляры таких изделий, увенчанные шляпками [13]. На одном новом обломке стержня с двух сторон прорезан орнамент из волнистых линий (рис. 2, *3*, длина 5 *см*) [14], на других — кольцевидные нарезки или выбитые чеканом ряды ямок.

Просмотр коллекций из довоенных раскопок Мальты позволил обнаружить в материалах из раскопок 1932 г. две своеобразные костяные статуэтки, оставшиеся неопознанными ни участниками раскопок, ни археологами, изучавшими находки со стоянки позднее. Это крайне схематичные изображения, относящиеся к тому типу, где резче всего обозначена массивная, выступающая ягодица, а ноги и верхняя часть туловища переданы в виде отходящих от нее двух столбиков. Размеры этих фигурок 5 и 5,3 *см* в длину, от 0,5 до 1,2 и 2 *см* в ширину и от 0,5 до 0,7 и 1 *см* в толщину (рис. 3) [15].

Аналогичные схематические статуэтки хорошо известны в позднем палеолите Европы — в Пекарне, Мезине [16], Добраничевке [17], Небре [18] и осо-

---

[13] Там же, табл. LV, *1—8*.

[14] Хранится в ГИМ, № 1822/620.

[15] Хранятся в Музее антропологии и этнографии АН СССР, колл. 5406: № 386, 387.

[16] *З. А. Абрамова.* Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.— Л., 1966, табл. XIV, *4, 15—31*.

[17] *И. Г. Шовкопляс.* Добраничевская стоянка на Киевщине. МИА, 185, 1972, рис. 9.

[18] *R. Drössler.* Die Venus der Eiszeit. Leipzig, 1967, Abb. 71.

бенно в большой серии из Петерсфельса в ФРГ [19]. В Сибири фигурка такого типа найдена на стоянке Красный Яр на Ангаре [20].

Близость столь своеобразных изображений людей из Сибири к фигуркам, обнаруженным в Европе, должна, на первый взгляд, служить веским аргументом в пользу не раз высказывавшегося предположения о прямых связях палеолитического населения Прибайкалья с Западом. Но такой вид схематизации человеческого тела был свойствен первобытному искусству вообще и возникал в разные эпохи и в разных районах конвергентно. Напомним в этой связи глиняную пластику трипольской культуры, в ряде случаев чрезвычайно похожую на статуэтки Петерсфельса [21], или гравировки мезолитической эпохи на скалах Кобыстана в Азербайджане [22] с силуэтами, почти тождественными изображениям палеолитического времени в пещерах Ла Рош, Фонтале и др.[23].

Более интересно наличие схематических женских статуэток в Мальте в хронологическом отношении. Такие фигурки всюду характерны для поздней, а не начальной поры верхнего палеолита. О том же свидетельствуют и некоторые другие костяные изделия стоянки. Все наконечники дротиков Мальты не плоские и широкие, как на памятниках начала верхнего палеолита [24], а с округлым или овальным сечением, как на более поздних поселениях. Многочисленные костяные иглы имеют ушки, а не насечки для привязывания нитей, что также является поздним признаком [25]. Очевидно, представление об очень раннем, ориньяко-солютрейском, возрасте Мальты нуждается в пересмотре.

---

[19] *З. А. Абрамова.* Изображения человека..., табл. XIV, *5—13.*

[20] *З. А. Абрамова.* Палеолитическое искусство..., табл. LVI, 13; LIX, *3*; *ее же.* К вопросу о женских изображениях в мадленскую эпоху. КСИИМК, 76, 1959, стр. 103—107.

[21] *Т. С. Пассек.* Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, 84, 1961, рис. 6, *2, 4.*

[22] *А. А. Формозов.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969, рис. 4, стр. 34.

[23] *З. А. Абрамова.* Изображения человека..., табл. XVI, *4, 5.*

[24] *G. Albrecht, I. Hahn, W. Torke.* Merkmalanalyse von Geschoss-Spitzen des mittleren Jungpleistozäns in Mittel- und Osteuropa. Stuttgart — Berlin — Köln — Mainz, 1972, S. 87.

[25] *П. И. Борисковский.* Палеолит Украины. МИА, 40, 1953, стр. 277.

А. И. РОССАДОВИЧ, Ю. Б. СЕРИКОВ,
В. Ф. СТАРКОВ

ДРЕВНЕЙШАЯ СКУЛЬПТУРА ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Скульптурные изображения людей и животных периода неолита — раннего металла — на территории лесной зоны Восточной Европы и Урала известны уже довольно давно. Большинство из них опубликовано [1], и это позволяет сделать ряд обобщающих выводов. В частности, можно отметить, что до последнего времени на Урале полностью отсутствовали находки каменной и керамической скульптуры периода неолита. В связи с этим большой интерес представляет находка в лесном Зауралье двух образцов древней скульптуры: головы лося, сделанной из камня, и керамической фигурки птички. Эти предметы найдены в условиях, благоприятных для определения даты. Они обнаружены на стоянке Евстюниха, на памятнике, целиком относящемся к периоду неолита, что в лесном Зауралье редко встречается.

Стоянка обнаружена в 1964 г. тагильскими краеведами Е. А. Сокирко и И. А. Орловым. В 1974 г. она была частично раскопана экспедицией Нижнетагильского краеведческого музея под руководством А. И. Россадович. Стоянка расположена в 6 *км* к северу от Нижнего Тагила на высоком 7-метровом мысу при впадении р. Евстюнихи в р. Тагил. В северо-западной части мыса видна овальная в плане впадина (возможно, землянка), часть поселения разрушена распашкой. Культурный слой достигает толщины 30—35 *см*.

Неолитический материал, полученный при раскопках и собранный на пашне, представлен керамикой и изделиями из камня. Обе эти категории находок отличаются высокой степенью однородности, возможной только в условиях однослойного памятника. Особенно показательна керамика. Она представлена круглодонными сосудами с прямыми венчиками, снабженными характерными утолщениями на внутренней стороне (рис. 1, *1, 3, 5*). Основная примесь теста — тальк, другие примеси практически отсутствуют. Общее количество керамики невелико — 439 фрагментов. Она сильно размыта водой, причем значительная часть ее (155 шт.) разрушена так, что орнамент оказался совершенно утраченным. Остальная группа керамики содержит орнамент, нанесенный преимущественно при помощи палочки (222 шт.). Палочкой выполнены волнистые или (реже) прямые линии, расположенные в виде горизонтальных или наклонных полос (рис. 1, *1—5*). Сверху керамика украшена одним или двумя рядами насечек, а выступ на внутренней стороне венчика — волнистыми линиями. Большую типологическую близость с этими сосудами обнаруживает керамика, украшенная методом отступающей палочки (рис. 1, *6*). Количество ее не велико (6 шт.). На нескольких черепках прослежен орнамент в виде вертикальной лесенки — элемент, характерный для керамики козловского типа [2] и кельтеминара [3]. В. Н. Чернецов считал это характерным признаком для наиболее ранней керамики лесного Зауралья [4]. Очень небольшую группу составляет керамика, где прочерченные элементы орнамента сопровождаются отпечатками гребенчатого штампа, причем последний играет подчиненную роль. 35 фрагментов керамики украшено отпечатками шагающего штампа без зубцов.

---

[1] *Д. Н. Эдинг.* Резная скульптура Урала. Тр. ГИМ, 10, 1940; *Н. Н. Гурина.* Оленеостровский могильник. МИА, 47, 1956; *ее же.* Мир глазами древнего художника. Л., 1967; *И. Лозе.* Резная скульптура каменного века Восточной Прибалтики в соотношении с уральской скульптурой. Сб. «Проблемы археологии Урала и Сибири». М., 1973.

[2] *В. Н. Чернецов.* К вопросу о сложении уральского неолита. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 47.

[3] *А. В. Виноградов.* Неолитические памятники Хорезма. М., 1968, стр. 40.

[4] *В. Н. Чернецов.* Ук. соч., стр. 41.

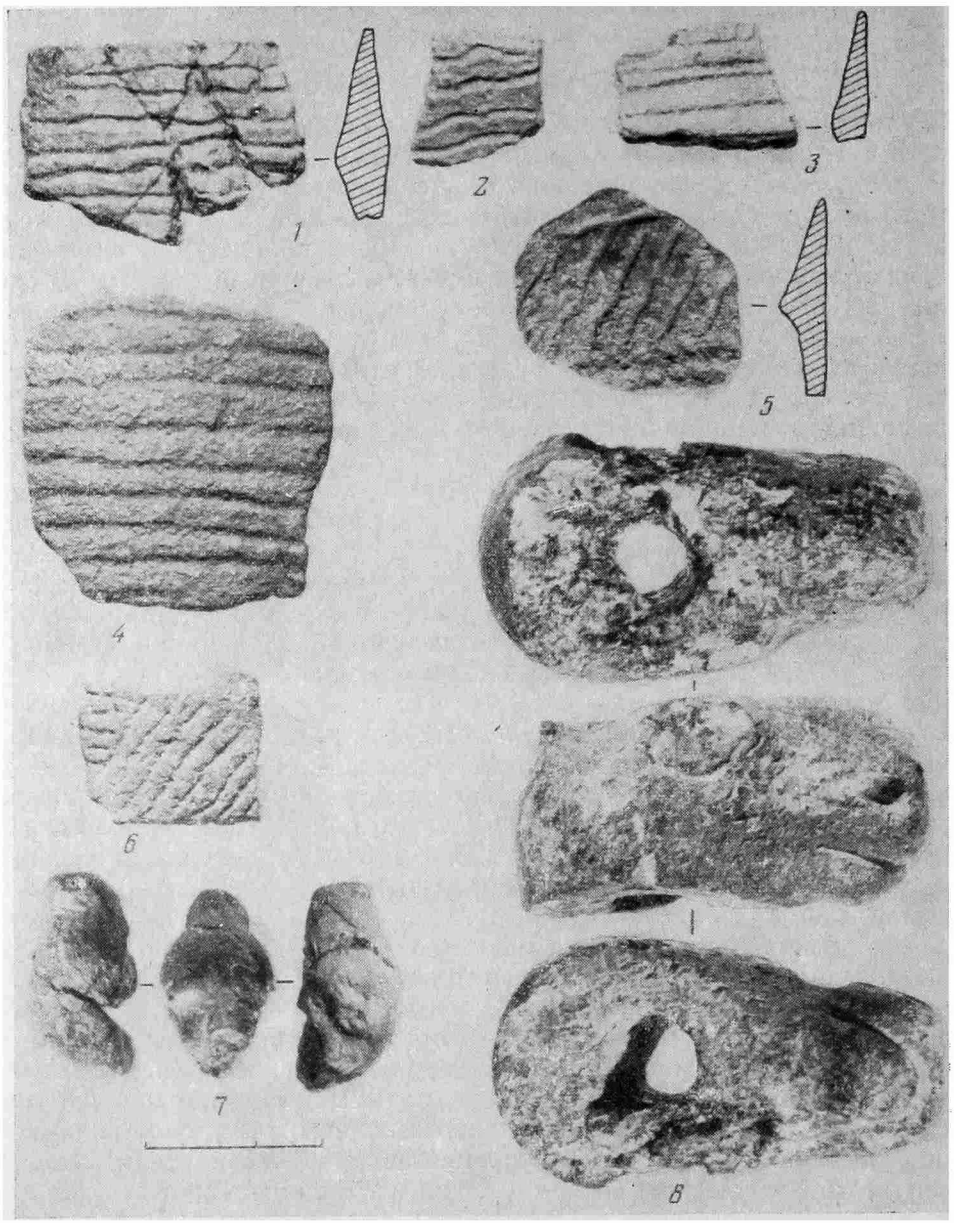


Рис. 1. Керамика и скульптура стоянки Евстюниха: *1—6* — керамика; *7* — фигурка птички; *8* — изображение головы лося

В процентном отношении основные керамические группы представлены следующим образом: керамика с орнаментом, нанесенным палочкой,—78,6%, волнисто-гребенчатая керамика — 9,4%, керамика, украшенная способом шагающего штампа,—12%. Интересно отметить, что в раскопе безгребенчатая керамика залегает компактно. Это обстоятельство, а также ее количественное преобладание в материале стоянки позволяют допустить, что она относится к одному, раннему хронологическому пласту, а небольшая примесь керамики с шагающим штампом принадлежит к иному, более позднему, который при продолжении раскопок, возможно, обособится планиграфически. В этой связи важно отметить, что последний вид керамики совсем не содержит в примеси талька, а в качестве отощителя применен песок.

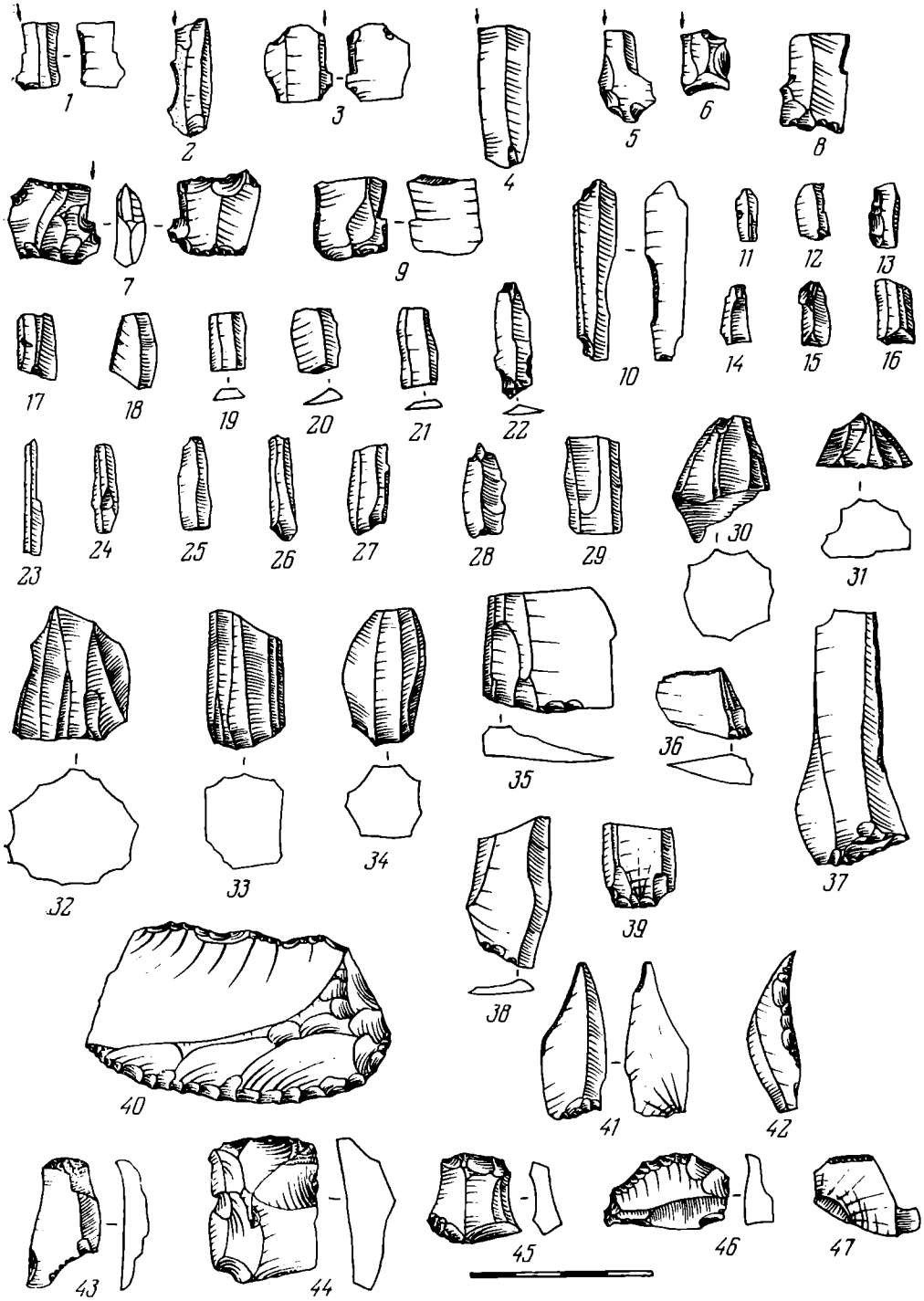


Рис. 2. Каменные изделия: *1—9* — резцы; *10* — пластинка с боковой выемкой; *11—29* — микропластинки; *30—36* — нуклеусы; *37—39* — ножевидные пластинки; *40* — нож на отщепе; *41, 42* — проколки; *43—47* — скребки

Основной особенностью каменного инвентаря является присутствие в нем большого количества орудий мезолитоидного облика. Сюда входят восемь угловых резцов на мелких ножевидных пластинках и один резец на краю нуклеуса, одна пластинка с боковой выемкой (еще две выемки сделаны на резцах) (рис. 2, *1, 2, 10*) и 19 микролитического облика ножевидных пластинок, среди которых одна с ретушью.

Среди девяти резцов семь снабжены сколами (рис. 2, *1—7*) и два мелкой ретушью, заменяющей резцовый скол (резчики) (рис. 2, *8, 9*). Обращает на себя внимание резец на уплощенном нуклеусе (рис. 2, *7*). Сверху орудие заострено ретушью, а с обоих боков снабжено четкими резцовыми сколами. Присутствие двух резцов на отщепах (рис. 2, *5, 6*) говорит о сочетании архаических и поздних приемов в обработке камня, что вообще характерно для кремневого инвентаря Евстюнинской стоянки.

Средние размеры микропластин — 14 *мм* в длину и 8 *мм* в ширину (рис. 2, *11—29*). Многие из них имеют неправильную форму, с искривленными гранями и ребром. Микролитическому характеру пластинок соответствует состав нуклеусов, среди которых совсем нет крупных: размеры их колеблются от 15 до 29 *мм*, а ширина негативов — от 3 до 5 *мм*. По форме нуклеусы подразделяются на пирамидальные (рис. 2, *30, 31*), призматические (рис. 2, *32—34*) и имеющие неправильную форму. К числу последних относятся нуклеусы в виде клиновидных отщепов, у которых пластины сняты с одного, широкого торца (рис. 2, *35, 36*).

Эта группа орудий, связанная с производством и использованием микропластинок, имеет несомненное сходство с такими бескерамическими комплексами лесного Зауралья, как Крутики I и Крутики II [5], Камышное I [6], Черноозерье II и IV-а [7], и рядом других памятников, относящихся к периоду мезолита. На Евстюнинской стоянке эта группа наиболее многочисленная и включает в себя 73 предмета.

Вторая категория орудий, связанная с использованием более крупных ножевидных пластин и отщепов, состоит из 51 предмета. Сюда входят ножевидные пластинки без ретуши и с ретушью — всего 11 экз. (рис. 2, *37—39*), пять ножей из массивных отщепов (рис. 2, *40*), пять скобелей, три проколки (рис. 2, *41, 42*), скребки различных форм (26 экз.) (рис. 2, *43—47*) и ряд других предметов.

Такое сочетание поздних и ранних (пережиточных от мезолита) типов орудий свидетельствует, с одной стороны, о ранненеолитическом возрасте стоянки, а с другой — о преемственности мезолитической и неолитической культуры лесного Зауралья и Западной Сибири. Как показали новейшие исследования, ранний период неолита в лесном Зауралье должен датироваться временем ранее конца IV тысячелетия до н. э.[8]

Образцы древней скульптуры были найдены на стоянке в различных условиях: фигурка птички обнаружена в слое при раскопках, а изображение головы лося найдено на распашке.

Птичка изготовлена из глины. Несмотря на то что она сохранилась не целиком, можно говорить, что скульптура была довольно миниатюрной: ее высота всего 37 *мм*. Длина сохранившейся передней части 25 *мм*. Скульптурка довольно реалистична. Она изображает птицу из семейства тетеревиных с естественно поднятой головой и двумя рельефными лапка-

---

[5] Хранится в Нижнетагильском краеведческом музее.

[6] *Н. Куминов.* Мезолит и неолит на территории Курганской области. V Уральская студенческая конференция. Тезисы докладов. Курган, 1973.

[7] *В. Ф. Генинг, В. Т. Петрин, Л. Л. Косинская.* Первые поселения эпохи позднего палеолита и мезолита Западной Сибири. Сб. «Из истории Сибири», вып. 5, Томск, 1973.

[8] *В. Ф. Старков.* К вопросу о периодизации зауральского неолита. Сб. «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970, стр. 6.

ми на тулове (левая лапка утрачена, но отчетливо виден ее негатив) (рис. 1, 7). Поверхность фигурки хорошо заглажена и покрыта неглубокими насечками, имитирующими оперение.

Образцы мелкой пластики были известны до сих пор в Зауралье лишь по многочисленным зооморфным рельефным головкам на краях сосудов и по единственному антропоморфному изображению со стоянки Мыс Березовый [9]. Учитывая, что головки на сосудах являются совершенно особым видом пластики, а фигурка с Мыса Березовый относится к более позднему времени, нужно признать несомненную оригинальность евстюнинского изображения как с точки зрения исполнения (круглая скульптура), так и в отношении хронологии.

Надо сказать, что птичка — не единственная глиняная скульптура Евстюнинской стоянки: здесь найдено еще 13 мелких фрагментов каких-то изделий, среди которых выделяется один более крупный в виде туловища какого-то животного.

Изображение головы лося представляет собой монолитную фигурку, выполненную из талька, материала, который по своим физическим свойствам удобен для обработки. Скульптура довольно большая по размерам: ее длина 80 *мм*, ширина 46 *мм*, высота морды 42 *мм*. Изображение отличается реалистичностью, зоологические признаки животного переданы достоверно. Особенно тщательно вырезана морда, где выделяется горбатый нос с характерными широкими впереди и постепенно сужающимися ноздрями, и толстая отвислая губа. Овальный обвод глаз нанесен тонкой кольцевой канавкой, диаметры глаз 16 и 14 *мм* (рис. 1, *8*). В затылочной части виден небольшой отросток — вероятно, основание утраченных ушей. Нижняя часть фигурки уплощена шлифовкой и имеет элипсоидную форму. Через эту площадку пропущено сквозное отверстие, имеющее в разрезе форму усеченного конуса. Нижний диаметр отверстия 18 *мм*, а верхний 14 *мм*. Как показали результаты микроанализа, сверление производилось каменным сверлом вручную снизу, после чего отверстие было развернуто микропластинкой. Глаза, ноздри, рот выполнены орудием с узким рабочим краем, приостренным и клювовидным, скорее всего резчиком. Вся поверхность фигурки несет на себе следы шлифовки и сильно залощена. Шлифовке были подвергнуты даже мелкие складки (отверстие рта, западины губ), что свидетельствует о применении узкого и мелкозернистого абразива. Поверхность изделия несет на себе следы раковин и естественной выкрошенности, которые древний мастер пытался прикрыть шлифовкой.

Как уже отмечалось выше, аналогий этому предмету в Зауралье нет. Единственный сверленый фигурный молот периода неолита, найденный А. И. Россадович в слоях Кокшаровского холма [10], изображает голову медведя и типологически отличается от публикуемого. За пределами Зауралья в качестве аналогии можно привлечь фигурный молот со стоянки Гуттинен в Финляндии [11]. Это изображение крупнее уральского (его длина 138 *мм*, высота морды 50 *мм* [12]), но целый ряд признаков: пропорции, манера изображения, асимметричное расположение отверстия (в обоих случаях оно несколько сдвинуто ближе к затылочной части) сближает оба изделия. Особенно показательна трактовка глаз: они не рельефны, а лишь слегка выпуклы и обозначены выгравированным овальным обводом. Оба изображения найдены на поселениях.

Финские исследователи относят молот из Гуттинен к неолиту и связывают его с культурами гребенчатой керамики. Причем это определение

---

[9] *В. М. Раушенбах.* Раскопки стоянки в южной части Аятского озера. ВАУ, 2, 1962.

[10] Хранится в Нижнетагильском краеведческом музее.

[11] *J. Ailio.* Zwei Tierskulpturen. SMYA, XXVI. Helsinki, 1912, p. 276.

[12] *Ella Kivikoski.* Suomen Esihistoria. Porvoo. Helsinki, 1961, s. 51, fig. 49.

его культурной и хронологической принадлежности остается в силе несмотря на то, что в настоящее время многие из каменных «топоров» с изображением голов зверей (Tierkopfwaffen) относят к культуре боевых топоров [13]. Изображение со стоянки Евстюниха также связывается нами с неолитом, с его ранним этапом.

[13] Ibid., s. 51, 52.

Е. М. БЕРС

ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА Р. АЯТЬ В СРЕДНЕМ ЗАУРАЛЬЕ

В 1956—1959 гг. Среднеуральская археологическая экспедиция Уральского государственного университета проводила раскопки полихронного памятника на р. Аять (Невьянский район Свердловской области) [1]. Памятник расположен на останце острова, окруженном со всех сторон заболоченной поймой озера и реки (рис. 1). Восточная и западная часть памятника была разрушена в 1882 г. при постройке земляной дамбы на берегу озера.

Раскопками вскрыто 950 *м*² площади. Мощность культурного слоя достигает 1,25 *м*, выклиниваясь на периферии до 50—60 *см*. Слой довольно однородный по цвету, никаких стерильных прослоек между культурными горизонтами нет. Вместе с тем данные стратиграфии и планиграфии позволяют проследить историю формирования памятника и получить ряд важных выводов по относительной хронологии его культурных напластований.

Эта возможность вытекает из следующих обстоятельств: 1) наличие врезанных в материк жилищ; 2) хорошо выраженный характер находок перекрывающих слоев; 3) размещение памятников различных эпох в плане.

К наиболее ранним на поселении относятся комплексы жилищ неолитического времени (жилища 1 и 2), которые были обнаружены в западной части памятника в раскопе I 1959 г. на глубине 60—80 *см*. Возле жилищ находилось несколько хозяйственных ям, здесь же обнаружено и погребение 6 (рис. 2).

Жилище 1 имело четырехугольную форму, стенки его прямые, углы хорошо обозначены. Жилище углублено в материк на 60 *см*, общая площадь приблизительно 48 *м*² (северо-западный угол жилища разрушен земляными работами, поэтому его площадь устанавливается ориентировочно). В центре пола помещался очаг, а в южной стенке — выход.

Жилище 2 по форме и размерам близко первому. Оно четырехугольное, площадью 36 *м*², пол углублен в материк на глубину 60 *см*. В центре пола находился очаг, а в юго-западной части жилища помещался широкий выход с тремя ступеньками.

Среди многочисленных находок в жилищах преобладает керамика: в жилище 1 встречено 55 раздавленных сосудов, а в жилище 2 — до 50. Количество фрагментов керамики из обоих жилищ достигает 2200 экз. Вся эта керамика однородна (рис. 3). Посуда имеет полуяйцевидную форму с округлым дном и прямыми венчиками, иногда скошенными внутрь. Черепки зеленоватого цвета, с примесью крупного песка (на самом памятнике имеются выходы глины зеленоватого цвета). Обжиг сосудов хороший. Стенки тщательно заглажены с обеих сторон. Кера-

[1] *Е. М. Берс.* Отчет по раскопкам Среднеуральской археологической экспедиции за 1959 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, 1906.

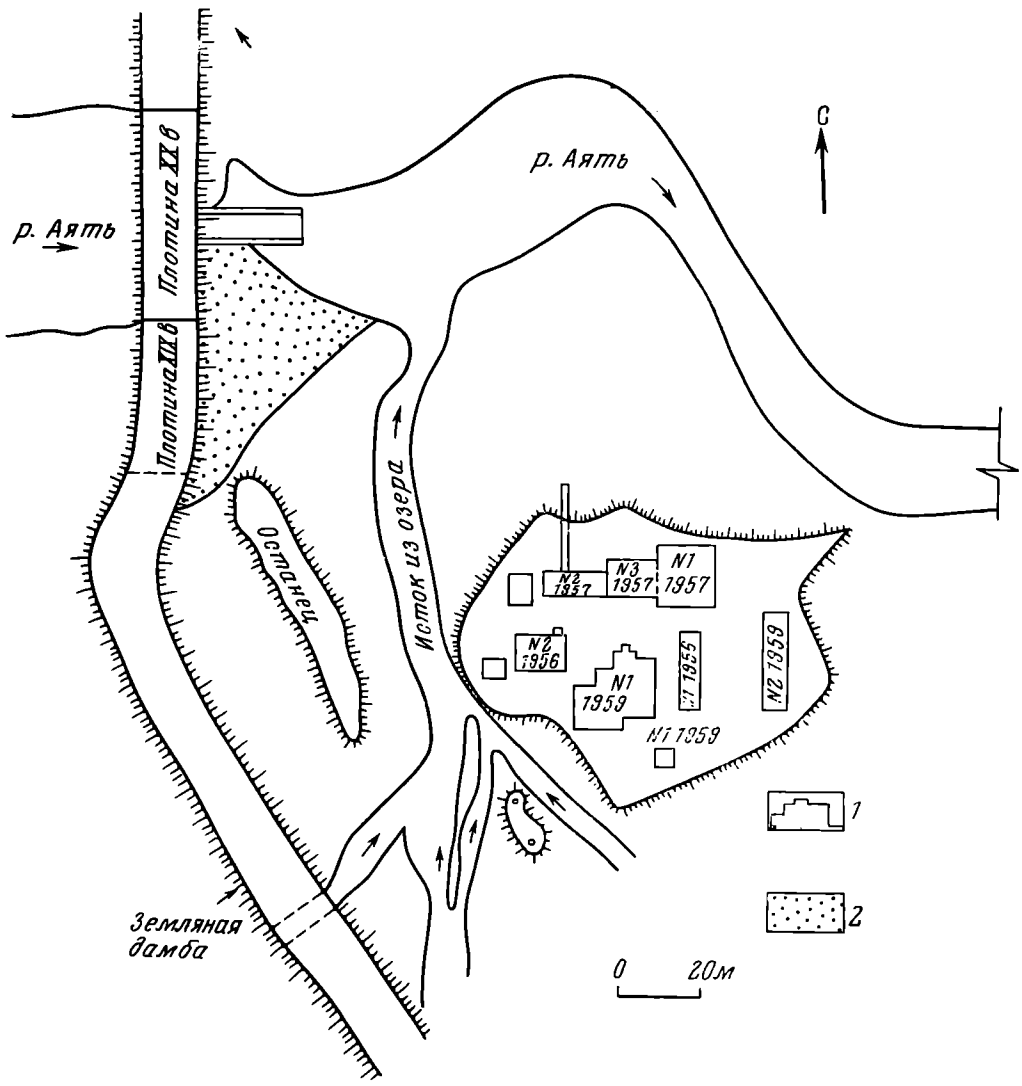


Рис. 1. План раскопок Аятских поселений и могильника: *1* — раскопы; *2* — скопления промытого песка

мика орнаментирована сплошь при помощи гребенчатого штампа, по верхнему краю большинства сосудов нанесен ряд круглых глубоких ямок, образующих жемчужины с внутренней стороны; в некоторых случаях орнамент встречен и на скосе венчика. Основной мотив орнамента — чередование рядов прямых и зигзагообразных линий, имеются узоры в виде поясов, составленных из ромбов.

Количество орудий из камня значительно уступает керамике, их всего 130. В ряде случаев орудия (наконечники стрел, скребки, топор) были обнаружены вместе с раздавленными сосудами. Здесь же были найдены незаконченные изделия и орудия труда: пилы, шлифовальные плиты. В качестве основного сырья при изготовлении орудий употреблялся кремнистый сланец и кремень черного и желтого цвета, а также яшма и горный хрусталь.

Основные виды орудий. 1. Ножи; они трех типов: а) на крупных ножевидных пластинках (длиной 10—15 *см*), обработанных краевой ретушью; б) пластинчатые полированные ножи и кинжалы; в) однолезвийные копьевидной формы из сланца. 2. Наконечники стрел. Типологически они делятся на три группы: а) миндалевидной формы с закругленным

Рис. 2. План раскопа I на условных горизонтах 5—11 (с землянками и погребением): *1* — стенки землянок близ их пола; *2* — границы темных пятен на уровне материка; *3* — участки утрамбованной земли; *4* — столбовые ямы; *5* — очажные ямы и кострища; *6* — хозяйственные ямы; *7* — зольник; *8* — реставрированные сосуды; *9* — остатки нереставрированных сосудов; *10* — могильная яма

основанием; б) черешковые; в) полированные с асимметрично вогнутым основанием и жальцами. 3. Копья из твердых пород камня, сплошь покрытые ретушью, с приостренным, черешковым или круглым основанием. 4. Скребки различных типов и размеров, от мелких до крупных типа скребел. Небольшую группу составляют скребки на концах толстых ножевидных пластинок. Среди единичных находок отметим пилы, нуклеусы и ножевидные пластины без ретуши.

Рис. 3. Керамика эпохи позднего неолита из жилищ первого Аятского поселения

Все эти материалы находят свои аналогии как в близлежащих памятниках: Горбуновский торфяник у г. Нижний Тагил [2], Шигирский торфяник у Калаты [3], так и в Нижнем Приобье (стоянки Чес-тый-яг, и Сортынья) [4], датируемые В. Н. Чернецовым поздним неолитом. Указанные памятники относятся к андреевской неолитической культуре [5].

---

[2] *Д. Н. Эдинг.* Резная скульптура Урала. Тр. ГИМ, 10, 1940, стр. 19, рис. 8.

[3] Имеется в виду стоянка Аннин Остров. Хранится в ГИМ.

[4] *В. Н. Чернецов.* Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1953, стр. 16, рис. 6, *9*; стр. 17, рис. 1, *3, 7, 12, 13.*

[5] Термин «андреевская культура» введен П. А. Дмитриевым. Е. М. Берс (См. *Е. М. Берс.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1955) понимает под ним памятники периода позднего (гребенчатого) неолита, распространенные на территории лесного Зауралья, Нижнего Приобья и Нижнего Притоболья (*прим. ред.*).

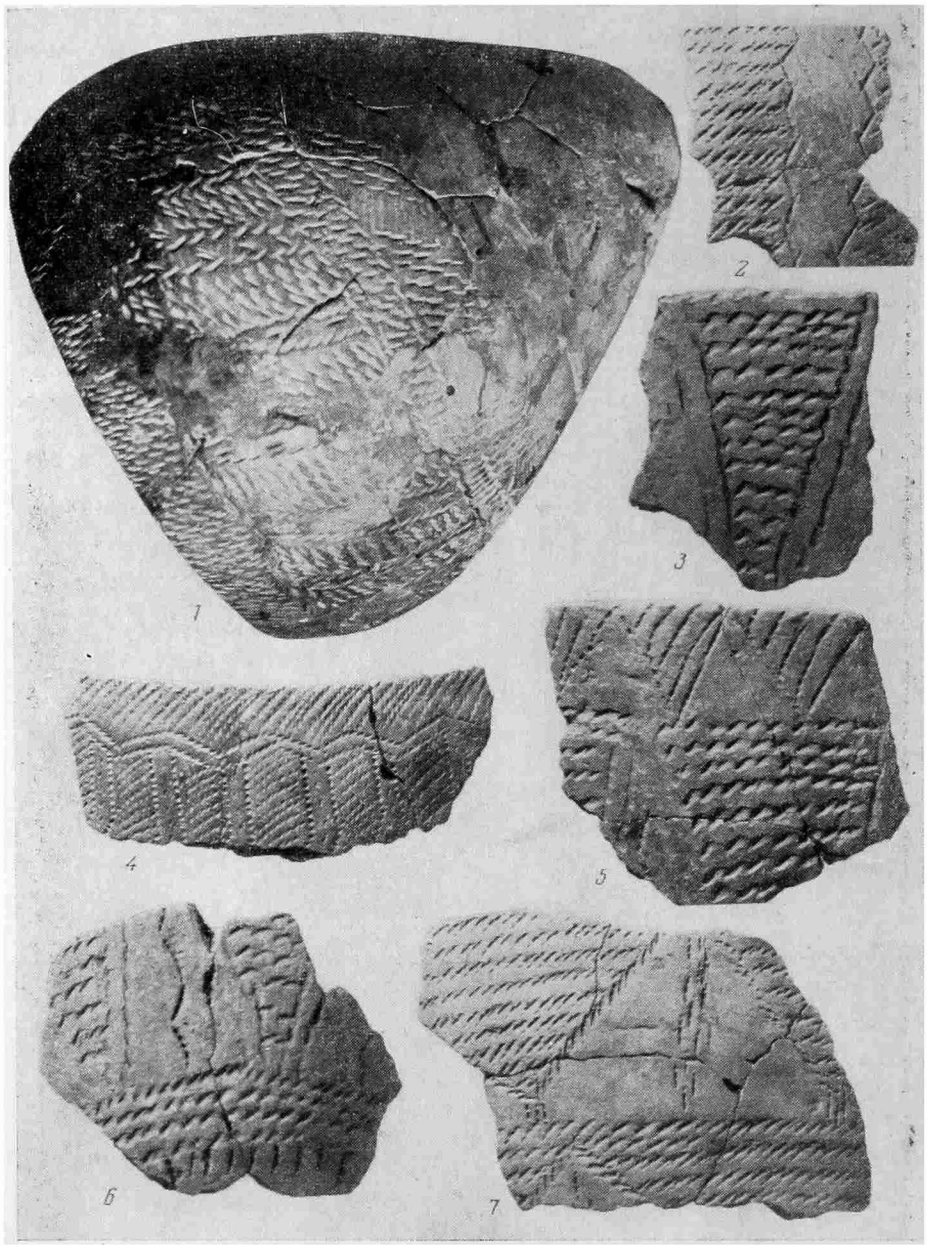


Рис. 4. Керамика эпохи энеолита из культурного слоя, перекрывающего погребение

На этой же территории вне жилищ обнаружена керамика, орнаментированная так называемым ложным шнуром (рис. 4). Керамику такого вида некоторые археологи называют керамикой «липчинского типа» и относят к периоду энеолита [6]. Интересно отметить, что наряду с ложношнуровой керамикой в слое встречены крупные фрагменты сосудов, которые были орнаментированы гребенчатым штампом (рис. 4).

В восточной части останца раскопано семь жилищ, соединенных между собой переходами, и два жилища, стоявшие отдельно. В одном из жилищ найден литой топор из цветного металла и две половинки литейной формы, в которой он был отлит. В районе жилищ имеются хозяйственные и столбовые ямы.

[6] *В. Н. Чернецов.* Ук. соч., стр. 40.

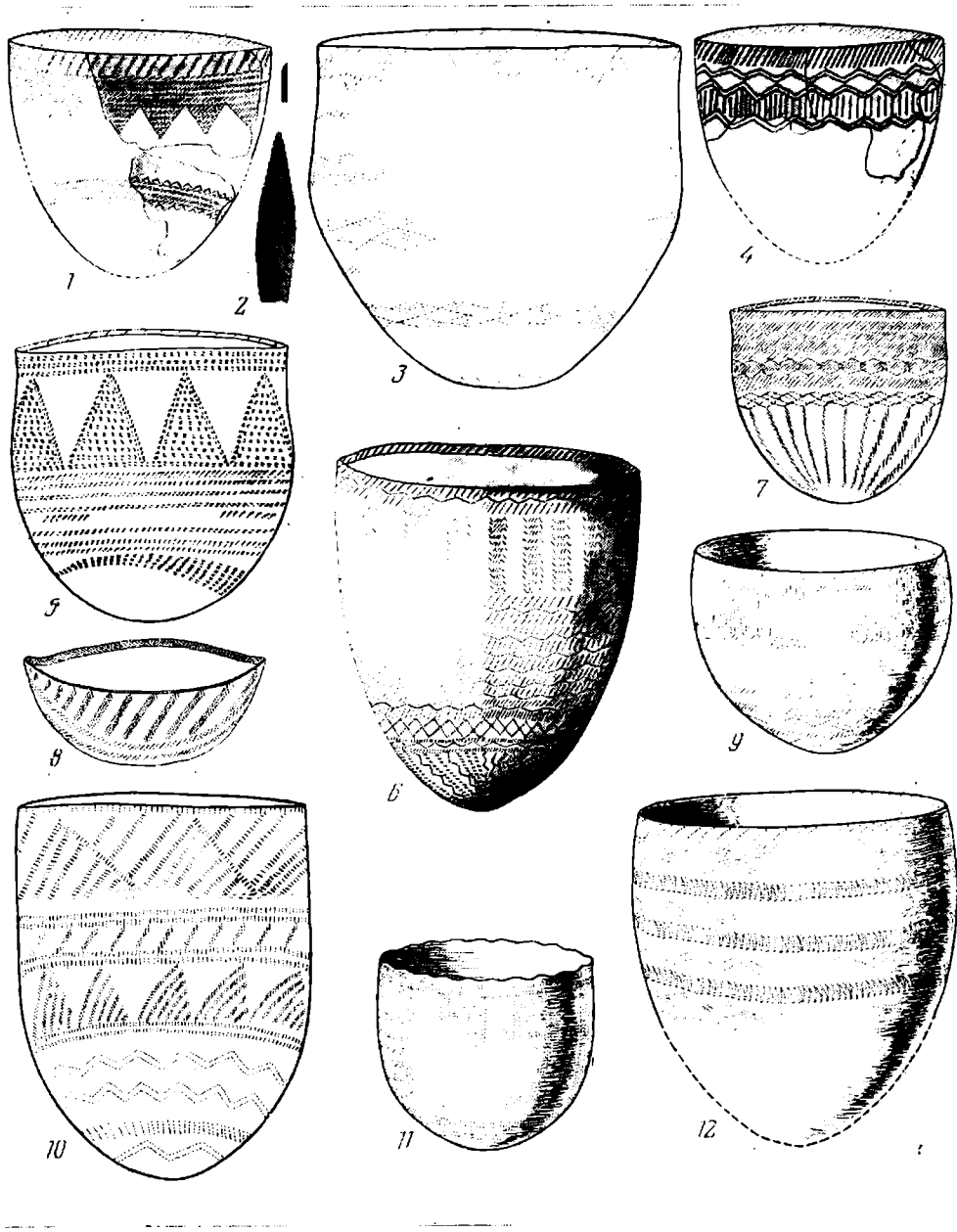


Рис. 5. Сосуды эпохи раннего металла из второго Аятского поселения: *1* — раскоп I, кв. 1—2, гл. 40—60 *см* (*D* — 31 *см*); *2* — один из двух кремневых наконечников стрел из сосуда 1; *3* — из землянки 1, третий слой (*D* — 44 *см*); *4* — из очага в землянке 1 (*D* — 29 *см*); *5* — раскоп II, кв. III-3, гл. 45—55 *см* (*D* — 32,5 *см*); *6* — раскоп II, кв. III-2, гл. 40—50 *см*; *7* — раскоп II, кв. II-5, гл. 45—55 *см* (*D* — 26 *см*); *8* — раскоп I, кв. III-2 (*D* — 20 *см*); *9—12* — сосуды без точного обозначения квадратов (*D* соответственно равны: 31, 35, 19 и 50 *см*)

Керамика, найденная в этих жилищах, принадлежит сосудам с приостренным или округлым дном и прямыми стенками, иногда слегка отогнутыми наружу (рис. 5). Керамика орнаментирована исключительно при помощи гребенчатого штампа, которым нанесены ромбы, треугольники, пояса из ломаных линий и другие узоры, характер которых указывает на связь с керамикой предшествующего периода. К особенностям орнаментации этой керамики следует отнести преобладающее употребление мелкого штампа — короткого и узкого. Комплексы относятся к периоду раннего металла.

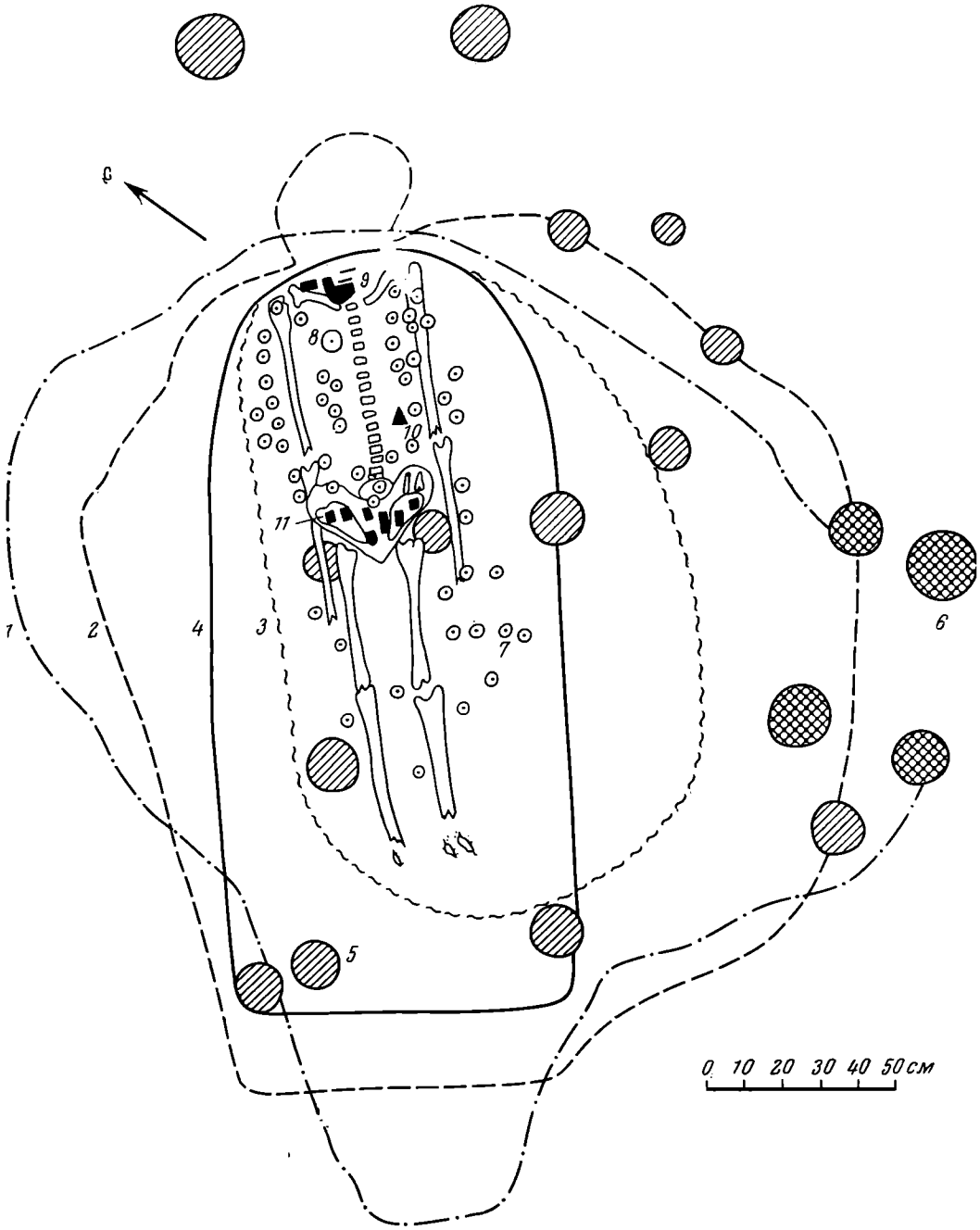


Рис. 6. План могилы с неолитическим погребением: *1* — граница слоя угля; *2* — граница впадины; *3* — пятно красной охры; *4* — очертания могилы; *5* — столбовые ямы погребения; *6* — столбовые ямы жилища 2; *7* — каменные сверленые подвески на дне могилы; *8* — костяная бляха на груди; *9* — каменная бляха на шее, разбитая; *10* — слюдяная пластинка; *11* — кремневые: скребло, шесть скребков, отщеп горного хрусталя и два наконечника стрел

Следы более поздних археологических культур представлены плоскодонной керамикой периода бронзы, которая локализуется на определенной части памятника. С ней может быть соотнесен фрагмент бронзового кельта сейминско-турбинского типа с орнаментом в виде треугольников, который был обнаружен в шурфе 1 на южной окраине памятника. Кельт найден в составе литейного комплекса, куда входили также остатки плавильной печи, обломки двух тиглей и литейный стержень.

Керамика периода раннего железного века (исетского типа) перекрывала всю площадь памятника. Наиболее поздними комплексами на памятнике являются погребения позднесарматского времени (раскопано 23 погребения).

В 1959 г. в раскопе 1 вскрыто шесть погребений, залегающих в толще культурного слоя, и одно погребение собаки. Пять из них относятся к железному веку, а погребение 6 — к эпохе неолита. Оно не имело на поверхности внешних опознавательных признаков и залегало в могильной яме. Могильная яма была обнаружена в 1 *м* от северной стенки жилища 2 (рис. 2 и 6).

Во время раскопок в квадрате 24, пересеченном поперечной и продольной бровками раскопа, на глубине 60 *см* от поверхности обнаружено кострище. Слой разложившегося угля лежал кучкой, причем в ее нижней части в центр врезалось пятно ярко-красной охры. Размер кострища 2,20×2,7 *м*, кучка возвышалась над материком на 20—25 *см*. При расчистке пятно охры расширилось до 1 *м* в диаметре; оно было окружено углистым слоем с вкраплениями охры.

На уровне материка зачисткой выявлена впадина диаметром 2 *м*, глубиной 10—15 *см*, у ее западного края лежал древний выкид песка. Ни в охре, ни в углистом слое, ни в песке находок не было. От дна впадины в материк врезалась могильная яма.

Могила длиной 2 *м*, шириной 90 *см* и глубиной 20—25 *см* имела довольно прямые стенки и была ориентирована с северо-востока на юго-запад. Юго-западная сторона ямы имела четко выраженные углы, северо-восточная стенка к голове закруглена. В изголовье и сверху над могилой к ней примыкала неглубокая ямка — впадина до 20 *см* в диаметре и глубиной до 10 *см*, засыпанная углем с охрой и песком.

Могила была заполнена у юго-восточного края слоем охры, расширявшимся на дне впадины до 1,8×0,7 *м*.

Погребение, обнаруженное в могиле, своеобразно; такой обряд захоронения встречен на Урале впервые. Под слоем охры в анатомическом порядке лежали жженные кости человека, сгоревшие неполностью, без черепа. Ключицы погребенного вплотную прилегали к северо-восточному концу могилы. При этом трубчатые кости рук и ног оказались полусгоревшими; обожжены были тазовые кости, позвонки и ключицы, совсем сгорели кисти рук, ступни ног и ребра. Погребение сопровождалось вещами. Весь обряд захоронения восстанавливается как погребение без головы, положенное на спину с руками, вытянутыми вдоль туловища, засыпанное толстым слоем охры, над которым разводился костер (рис. 6).

При раскопках на дне могилы были обнаружены столбовые ямки, засыпанные землей с углем и охрой: по этому признаку они отличались в раскопе от столбовых ям жилища с иным заполнением. Семь ямок отделяли впадину от края жилища полукругом, две из них врезались в материк у углов могильной ямы. Три ямки в центре могилы были расположены по бокам тазовых костей, одна — у южной стенки. Одна ямка обнаружена у ног, другая — рядом с западной угловой. В 60 *см* к северо-востоку от края могилы и параллельно к западным угловым ямкам были найдены еще две ямки, более глубокие, чем остальные, врезавшиеся в материк на 30—35 *см*. Ямки, окружающие впадину, врезались в грунт на 18 *см* и имели диаметр от 15 до 5 *см* (рис. 6).

Расположение столбовых ям позволяет предполагать, что над дном могилы на невысоких столбиках был сооружен настил. Возможно, на этот помост первоначально был уложен труп, подвергшийся затем частичной кремации.

Все вещи, обнаруженные в погребении, были найдены над ним, в основном в слое охры или в спекшихся ее комках, и лишь некоторые, лежавшие в области ключиц и тазовых костей, находились на уровне скелета.

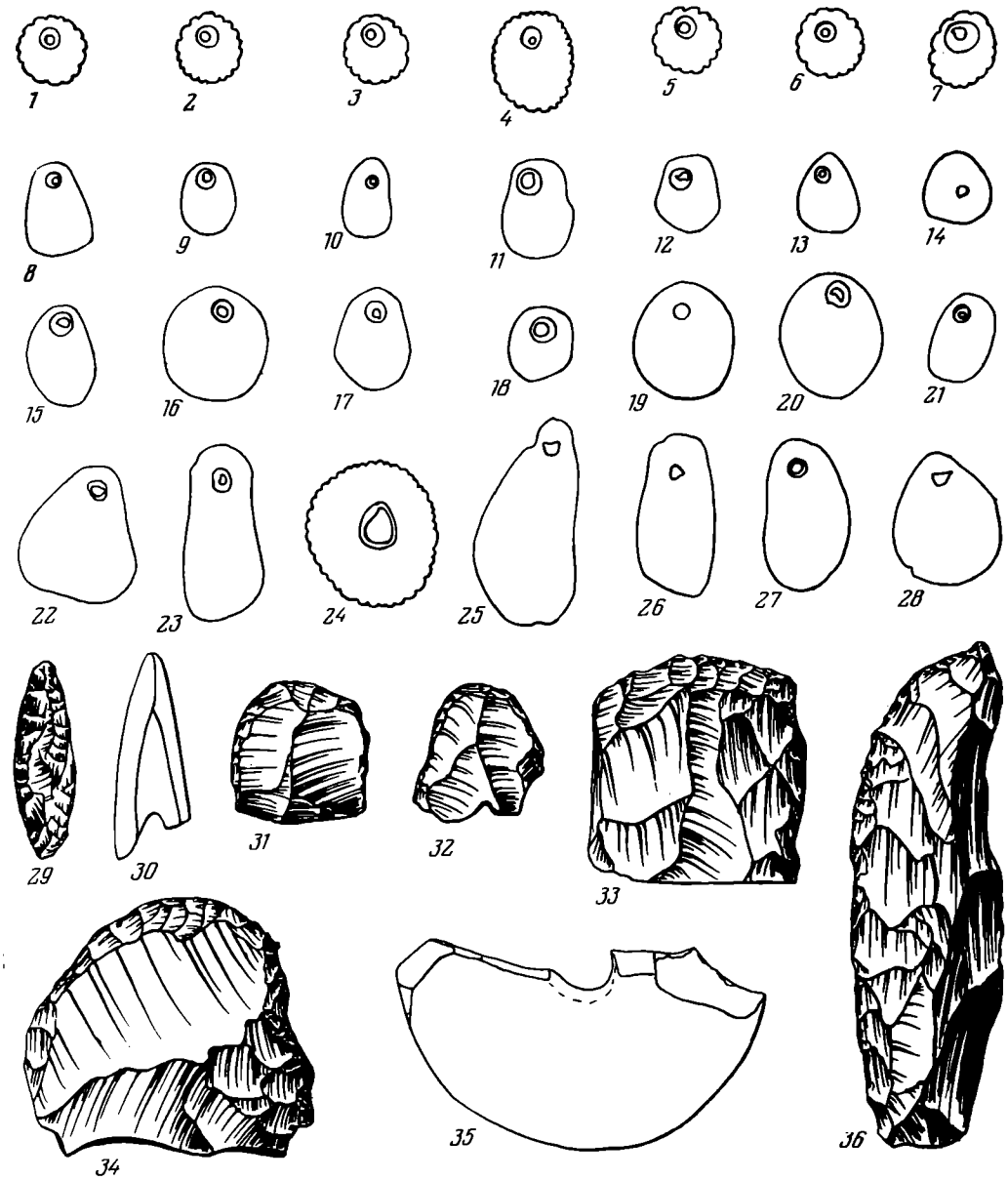


Рис. 7. Вещи, найденные на дне могилы с погр. 6 и над ним в слое охры: *1—28* — подвески плоские (*1—7, 24* — из пластинок яшмы; *22, 23, 25—28* — из кости); *29* — наконечник стрелы из черного кремня; *30* — наконечник стрелы из кости; *31—34* — скребки кремневые; *35* — сломанная бляха из зеленокаменной породы Урала, сверленая, полированная; *36* — нож кремневый

Больше всего найдено подвесок; их расположение указывает, что они являлись украшениями, нашитыми на одежду. 52 подвески были сделаны из пластинчатой яшмы; 30 из них круглые, с дырочками для подвешивания и мелкими резными зубчиками по краю, диаметром до 1 *см*; девять овальных подвесок без зубчиков по краю и с ними два кружка из яшмы без отверстий. Восемь подвесок сильно обгорели и растрескались (рис. 7).

В комках охры сохранились подвески из кости, они более крупного размера — до 3 *см*, полированные и более выпуклые с лицевой стороны, чем с внутренней, по форме овальные и овально-удлиненные. 11 из них сохранились полностью, пять обгорели. В области груди найдена бляха из кости, возможно, это пуговица, величиной 3,5 *см*, имевшая зубчики по краю и отверстие в центре.

Находки подвесок с зубчиками вне Зауралья нам неизвестны, а в Зауралье они были найдены лишь при наших раскопках поздненеолитического поселения в Палкине.

Подвески из кости бытуют с эпохи палеолита. Аятские костяные подвески находят себе аналогии в неолитических и энеолитических погребениях Прибайкалья [7]. Костяные подвески были найдены и при наших раскопках в Горном Алтае в погребениях афанасьевской культуры на Куюме.

Вторая бляха, или, точнее, ее половина, найдена у ключиц в области шеи (рис. 6, *8*), сделана из зеленокаменной породы, выходы которой имеются близ памятника. Бляха заполирована до блеска, имеет сверленое круглое отверстие в центре. Диаметр бляхи 8, толщина 0,7 *см*. Такие бляхи и из кости, и из камня, были найдены в Шигирском торфянике [8]. Вместе с бляхой лежали плоский скребок из кремня, сделанный из ножевидной пластины с ретушью на одной из сторон; два орудия на отщепах — пилки с тонкой ретушью по краю. Такими пилками, вероятно, и пропиливались зубчики на подвесках. Все вещи имели какой-нибудь изъян, возможно, были нарочно обломаны.

Слева, на месте сердца, была положена пластинка слюды; она по краям несколько осыпалась лепестками, но хорошо сохранился кусок размером 12—15 и толщиной до 0,5 *см*, дающий зеркальное отражение.

В области таза и между ребрами лежали скребло из кремня, сделанное из толстой пластины; нижняя сторона скребла плоская, верхняя высокая — обработана сколами, с ретушью зубцами с трех сторон; шесть скребков — один из них из черного кремня, с одного края с изъяном. Все скребки сделаны из толстых пластин с крутой ретушью по краю, по форме плоские, округлые и четырехугольные. Кроме скребков найден отщеп из горного хрусталя.

Все орудия из кремня имеют архаичный облик. Среди каменных орудий были найдены и две стрелки. Одна из них сделана из черного кремня, миндалевидная, основание закругленное, более острый рабочий конец обломан, длина 4 *см*. Вторая стрелка полированная, из кремнистого сланца с жальцами. Одно из жалец обломано.

Все вещи, найденные в погребении (кроме бляхи из зеленого камня), аналогичны найденным при раскопках Аятского поселения в жилищах 1 и 2, а также за их пределами. Таким образом, погр. 6 одновременно памятнику (см. рис. 7).

Захоронения без головы известны в ряде мест [9]. Так, в Горном Алтае при раскопках в 1965 г. Куюмского могильника кроме могил взрослых, где погребения засыпались охрой, оказались детские захоронения в каменных ящиках. В детской могиле 4 лежали два скелета подростков без черепов и около них две бусинки. Вне детского могильника был обнаружен сожженный череп, лежавший в яме. Среди обгоревших костей черепа найдена такая же бусина, как и в могиле 4. Подобные бусы встречались и среди других вещей в погребениях взрослых [10].

Во время раскопок могилы 6 вполне правомерно возник вопрос о голове погребенного. По контуру могильной ямы и трупоположению в ней череп мог бы быть обнаружен в ямке у северо-восточного края могилы, что и предполагалось до ее расчистки. При расчистке никаких остатков жженных костей или их тлена в ямке у могилы обнаружено не было. Но на ее дне была тонкая, твердая, сероватого цвета корочка, пронизываю-

---

[7] *А. П. Окладников.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950.

[8] *Е. М. Берс.* Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск, 1959.

[9] *С. В. Бибиков.* Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. СА, XIII, 1951.

[10] *Е. М. Берс.* Материалы из раскопок Куюмского могильника. Сб. «Бронзовый и железный век в Сибири», 4. Новосибирск, 1971.

щая супесь. Однако нельзя сказать, что это спекшиеся, а затем разложившиеся части затылочных костей черепа, тем более что здесь не оказалось остатков зубов, обычно сохраняющихся лучше других костей.

Во время трехлетних раскопок на памятнике охра была найдена только в раскопе 1959 г., в одном случае это было расплывчатое пятно близ входа в жилище 2; второе охристое пятно обнаружено при расчистке кострища над очажными ямами в жилище 1. В нем было обнаружено небольшое зольное пятно с включениями комочков охры, ниже охра вклинивалась в углистый слой, смещавшийся в очажную яму, в котором были найдены два зуба человека и две подвески из яшмы с зубчиками. Эти находки позволяют предположить, что черепа из погребений могли сжигаться в очажных ямах жилищ.

Л. И. ХЛОПИНА, И. Н. ХЛОПИН

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ КОМПЛЕКСА ЯЗ-ТЕПЕ I ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

С 1969 г. Советско-Афганская археологическая экспедиция раскапывала, в частности, памятники эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане [1], материалы которых имеют непосредственное отношение к археологическим находкам из советской Средней Азии, прежде всего с территории Туркменской ССР. Эти находки позволили выдвинуть предположение о том, что прежняя археологическая и историческая интерпретация добытых ранее в Южной Туркмении материалов нуждается в пересмотре [2]. Об этом говорится в ряде работ, из которых основной следует считать брошюру «Раскопки Тилля-Тепе в Северном Афганистане» (М., 1972), в которой приведена полная аргументация новой точки зрения.

Наиболее ранними памятниками северной подгорной зоны Гиндукуша считается группа поселений, расположенная у города Довлатабада. Керамический материал этих поселений четко синхронизируется с эпохой поздней бронзы Южной Туркмении, с периодом Намазга VI. К этому же времени относится Дашлинский оазис у г. Акча, в котором насчитывается 10 поселений, и 16 поселений в Наибабадском оазисе, между городами Мазари-Шериф и Ташкурган. Следующим за ними в хронологическом отношении является поселение Тилля-Тепе севернее г. Шибаргана.

На поселении Тилля-Тепе был заложен в два приема стратиграфический шурф от вершины холма до материкового песка (на глубину 13 *м*). Для получения дополнительного керамического материала из нижней половины культурных слоев холма было заложено еще два шурфа на склоне холма. В их верхних ярусах зарегистрированы остатки строений, а ниже, вплоть до материковых слоев, шли вперемешку мусорные слои и завалы сырцовых кирпичей, которые образовались вследствие разрушения каких-то построек. Керамический материал из всех шурфов идентичен и в свою очередь полностью соответствует материалу памятников раннего железного века Южной Туркмении типа Яз-Тепе I или, по старой терми-

---

[1] *И. Т. Кругликова, В. И. Сарианиди.* Археологические исследования в Северном Афганистане. АО — 1970, М., 1971; *они же.* Советско-Афганская археологическая экспедиция. АО — 1971, М., 1972; *они же.* Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий. СА, 1971, 4; *они же.* Советско-Афганская экспедиция. АО — 1973, М., 1974.

[2] *В. И. Сарианиди.* Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане. КСИА АН СССР, 132, М., 1972; *его же.* Раскопки Тилля-Тепе в Северном Афганистане, вып. I. Материалы к археологической карте Северного Афганистана. М., 1972; *его же.* Восточнохорасанская культура расписной керамики Афганистана. КСИА АН СССР, 136, 1973.

нологии, эпохи варварской оккупации (ЭВО). Слои с керамикой типа Яз-Тепе I в Туркмении достигают 3 *м*, а в Афганистане превышают 10 *м* [3]. Это культурное соответствие позволило синхронизировать памятники на двух соседних территориях. Разница в мощности культурных слоев способствовала появлению гипотезы о том, что в Северном Афганистане памятники эпохи раннего железа существовали значительно дольше, чем в Южной Туркмении; следовательно, слои с керамикой типа Яз-Тепе I Южной Туркмении образовались в результате распространения комплекса типа Яз-Тепе I из тех мест, где она существовала дольше, т. е. из Северного Афганистана.

Из археологических наблюдений и гипотез строятся очень ответственные исторические выводы, хотя автор и оговаривает шаткость принимаемых им допущений [4]. Так, В. И. Сарианиди постулирует две последовательных волны племен, носителей восточнохорасанской культуры (т. е. керамического комплекса типа Яз-Тепе I). Первая примерно во второй половине II тысячелетия до н. э. передвигается в восточном направлении и, минуя не пригодные для земледелия гористые районы, оседает в плодородных оазисах типа Шиберганского; затем осваиваются Наибабадский и, возможно, Ташкурганский оазисы в Северном Афганистане и основываются памятники типа Кучук-Тепе и Миршаде в Узбекистане. Вторая волна связана с освоением предгорий Копетдага и относится к рубежу II и I тысячелетий до н. э.; несколько позднее происходит заселение древней дельты Мургаба. Далее, на основании выдвинутого предположения о южном происхождении комплекса типа Яз-Тепе I, с одной стороны, и существующей в литературе тенденции отождествить комплекс Яз-Тепе I с носителями восточноиранских языков — с другой, предлагается рассматривать, правда, в порядке предварительного предположения, область происхождения этой культуры как места, откуда распространились восточноиранские языки [5].

В первом сообщении о работах Советско-Афганской экспедиции на поселении Тилля-Тепе в 1969 г. В. И. Сарианиди писал: «Древнеземледельческое поселение Тилля-Тепе представляет собой холм площадью 70×80 *м* и высотой 4 *м*. В верхней части холма были заложены раскоп площадью 400 *м*^{2} и шурф 1. Еще один шурф был заложен на южной окраине памятника. В шурфе 1 культурные слои вскрыты **на глубину 4 м.** Шурф 2 прорезал **8-метровую толщу культурных наслоений,** но до материка не доведен» (подчеркнуто нами.— *Авторы*) [6]. Если учесть, что шурф 2 начался на уровне дна шурфа 1, то имеются все основания суммировать их глубины и получить 12 *м* толщины культурных слоев типа Яз-Тепе I, на естественное образование которых ушло около 500 лет. Против этого было бы невозможно возразить, если бы на поселении в 1971 г. не были продолжены археологические раскопки, а именно доведение центрального шурфа до материка; шурф был чуть смещен и получил порядковый номер 3.

После углубления на 1,5 *м* по отношению к дну шурфа 1 шурф 3 вошел в плотную регулярную кладку кирпичной платформы. Пройдя ее 6-метровую толщину, шурф достиг материковых песчаных слоев. Это значит, что нижние 6 *м* культурных слоев холма образовались не естественным образом в результате длительной жизни людей на поселении, а были созданы искусственно в исторически короткий срок, т. е. единовременно. Эти слои, т. е. кирпичную платформу, надо рассматривать в качестве особого архитектурного сооружения и вычесть его толщину из общей мощности культурных слоев холма. А как же объяснить действительно

---

[3] *В. И. Сарианиди.* Раскопки Тилля-Тепе..., стр. 29.

[4] Там же.

[5] *В. И. Сарианиди.* Раскопки Тилля-Тепе..., стр. 32—36; *его же.* Восточнохорасанская культура..., стр. 22.

[6] *И. Т. Кругликова, В. И. Сарианиди.* Археологические исследования..., стр. 457.

культурные слои в шурфах 2 и 4, в которых не обнаружено кирпичной платформы? Нет ли здесь какого-то противоречия? Противоречия здесь нет, и отсутствие платформы в периферийных шурфах объясняется просто — ее там и не было. В связи с этим история сложения поселения Тилля-Тепе может быть восстановлена следующим образом. Первоначально на небольшом песчаном бугре была возведена сырцовая платформа, искусственный холм для предохранения поселения от затоплений, на которой построены какие-то сооружения; вместе с платформой они образовали первый строительный горизонт. В процессе жизни в первом строительном горизонте и после его разрушения вокруг платформы и частично на ее поверхности образовались мусорные слои и завалы из сырцовых кирпичей, которые значительно увеличили первоначальную площадь холма. При возведении построек второго строительного горизонта была использована уже вся поверхность искусственного холма — как платформа, так и мусорные слои по ее окраинам. Именно второй строительный горизонт был затронут шурфами 2 и 4, под постройками которого оказалась не платформа, а помойка. И первый строительный горизонт шурфа 1 (по В. И. Сарианиди) надо рассматривать как второй, а к первому относить платформу и не сохранившиеся на ней постройки, которые после разрушения и образовали толщу культурных слоев в шурфах 2 и 4. А затем были выстроены третий и четвертый строительные горизонты (т. е. второй и третий, по В. И. Сарианиди) (см. рис. 1).

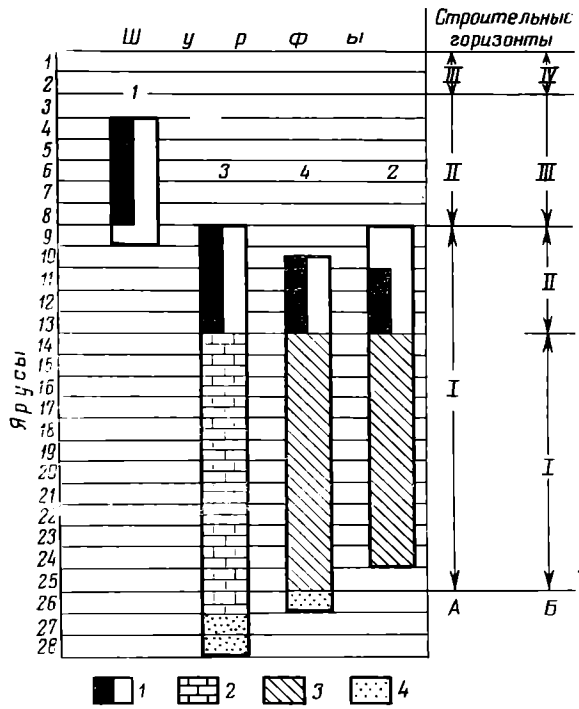


Рис. 1. Принципиальная схема стратиграфии поселения Тилля-тепе (по *В. И. Сарианиди.* Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. М., 1972, рис. 6).

1 — стены, *2* — кирпичная платформа, *3* — мусорные слои, *4* — материк; А — членение на строительные горизонты по В. И. Сарианиди, Б — членение на строительные горизонты по Л. И. и И. Н. Хлопиным

В свете сказанного нельзя говорить о 12-метровых культурных слоях на поселении Тилля-Тепе с керамикой типа Яз-Тепе I, относимых к раннему железному веку. Перед нами поселение с керамикой типа Яз-Тепе I, существовавшее только в течение четырех строительных горизонтов; сколько бы метров толщины каждый из них не насчитывал, оно не могло существовать более 200 лет. Иными словами, время существования поселения на холме Тилля-Тепе не превышает времени существования южнотуркменских памятников периода Яз-Тепе I, датированного В. М. Массоном 900—650 гг. до н. э.[7]

Ошибочная интерпретация возникла в результате первого впечатления о стратиграфии памятника, когда центральный шурф не был докопан до материка, когда платформа еще не была найдена. К сожалению, это

[7] *В. М. Массон.* Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, стр. 48.

впечатление не подверглось критической проверке после результатов работ 1971 г.

Таким образом, с нашей точки зрения, нет оснований рассматривать североафганские памятники раннего железного века как особое выдающееся историческое явление. Время их существования не такое длительное, как показалось на первый взгляд. Нет оснований считать, что керамика типа Яз-Тепе I возникает в археологически неисследованных местностях северо-восточного Ирана и распространяется оттуда в Афганистан и Туркмению. Остается в силе точка зрения В. М. Массона, который рассматривал комплекс Яз-Тепе I как явление, типичное для Южной Туркмении, хотя и связал его, в силу традиции, с возможным воздействием со стороны северных племен степной бронзы. «Необходимо решительно подчеркнуть,— писал он,— что по основным своим культурным и хозяйственным признакам время Яз-Тепе I — это период дальнейшего развития оседлых земледельческо-скотоводческих общин юго-запада Средней Азии» [8]. Оседлоземледельческие поселения эпохи бронзы в Северном Афганистане (Акчинская группа) и в Южном Узбекистане (поселения сапаллинского типа) возникли, как мы полагаем, в результате переселения людей с территории Южной Туркмении времени позднего Намазга V — раннего Намазга VI. Возможно, в результате такого же явления, т. е. второй переселенческой волны на восток, сложились земледельческие оазисы Северного Афганистана раннего железного века — Шибарганская, Наибабадская и Ташкурганская группа поселений; не исключено, что эти оазисы возникли в результате дальнейшего развития североафганских поселений эпохи поздней бронзы типа Намазга VI. Так что приоритет Южной Туркмении как области наиболее древней земледельческой культуры, являвшейся к тому же и центром периодического расселения, по нашему мнению, сохраняется.

[8] *В. М. Массон.* На пороге раннеклассового общества (оазисы юга Средней Азии в первой трети I тыс. до н. э.) Сб. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». Л., 1966, стр. 189.

Г. Д. БЕЛОВ

ТЕРРАКОТОВАЯ ГОЛОВА ГЕРАКЛА ИЗ ХЕРСОНЕСА

В 1974 г. в Херсонесе при раскопках богатого дома эллинистической эпохи среди других предметов найдена терракотовая голова Геракла. Высота ее 6 *см*, общая высота с шеей 9 *см*, высота лба 1,3 *см*, длина носа 1,2 *см*, расстояние между глазами 0,7 *см*. Глина местная, красного цвета, с мелкими вкраплениями известняка белого цвета, обжиг хороший. Сохранность лица хорошая, мелкие повреждения заметны на кончике носа, на волосах и на бороде. На затылке и на шее имеются сколы, причем шея обломана на уровне плеч (рис. 1). Лицо, шея и темя покрыты желтоватым ангобом, борода и пряди волос, обрамляющие лицо, оставлены в цвете глины. Возможно, что надо лбом был венок, от которого уцелели остатки в виде налепов над правым виском и выше лба, на это же указывает и ровная линия, разделяющая темя желтоватого цвета и пряди волос красного цвета.

Волосы на темени и на затылке выполнены гладкой массой, вокруг лица они переданы курчавыми прядями с мелкими круглыми углублениями, сделанными, вероятно, тычком стеки. На бороде для придания волосам формы изогнутых прядей применена, по-видимому, дуговидная стека, употребление которой подтверждается тем, что глубокие штрихи, образующие пряди, одинаковой формы и величины, они хорошо видны на

Рис. 1. Голова Геракла в фас

правой и левой сторонах (рис. 2). Полуоткрытый рот обрамлен густыми прядями усов, нижние концы которых сливаются с бородой. Короткая борода разделена посредине пробором. Глаза посажены глубоко, глазное яблоко гладкое, зрачок пластически не показан. Подчеркнуты сильно выступающие скулы, объем нависающего над глазами лба усилен глубокой горизонтальной складкой. Лицо асимметрично, подбородок слегка сдвинут вправо (от зрителя), правая же сторона лица шире и более выпуклая, нежели левая. По сохранившейся части плеча можно предполагать, что голова принадлежала статуэтке, величина которой, при высоте головы 6 *см*, могла быть около 45 *см*. Геракл представлен отдыхающим после свершения своих трудов. На это указывает выражение усталости на лице, полуоткрытый рот, впалые щеки, глубоко сидящие глаза. Хорошо известны статуи стоящего Геракла, например хранящаяся в Эрмитаже большая фигура Геракла школы Скопаса [1]. Особенно популярной была статуя Геракла Фарнезе, повторение которой имеется также в Эрмитаже (герой опирается на палицу, склонив голову к левому плечу) [2]. В монументальной скульптуре известны также статуи сидящего Геракла. В собрании Эрмитажа имеется происходящая из Херсонеса сидящая терракотовая статуэтка крупных размеров, к сожалению, без головы, по фактуре и стилю произведение, несомненно, местного мастера. Херсонесский коропласт, исполнивший голову Геракла, скорее следовал более популярным образцам и изобразил героя стоящим, отдыхающим в спокойной позе.

Следует добавить важное замечание о технике исполнения головы: она лепная, сделана непосредственно от руки, а не в форме, как большинство терракотовых статуэток, в том числе и в Херсонесе.

Стилистические особенности головы позволяют предполагать, что ее автором мог быть мастер монументальной скульптуры, работавший в другом материале — в мраморе и бронзе. Глиняная же голова была эскизом, моделью, образцом для создания большой статуи, приемы скульптора крупных форм перенесены им на маленькую модель.

Несмотря на малые размеры, голова производит впечатление монументального произведения. Мастер создал очень выразительный, героический образ. Перед нами, несомненно, изображение Геракла, популярного в Херсонесе. Херсонесцы были доряне, а племя дорян вело свое происхож-

[1] *Oscar Waldhauer.* Die antiken Skulpturen der Ermitage. I Teil. Berlin und Leipzig, 1928, Taf. VIII, S. 27.

[2] Ibid., S. 30, Taf. X.

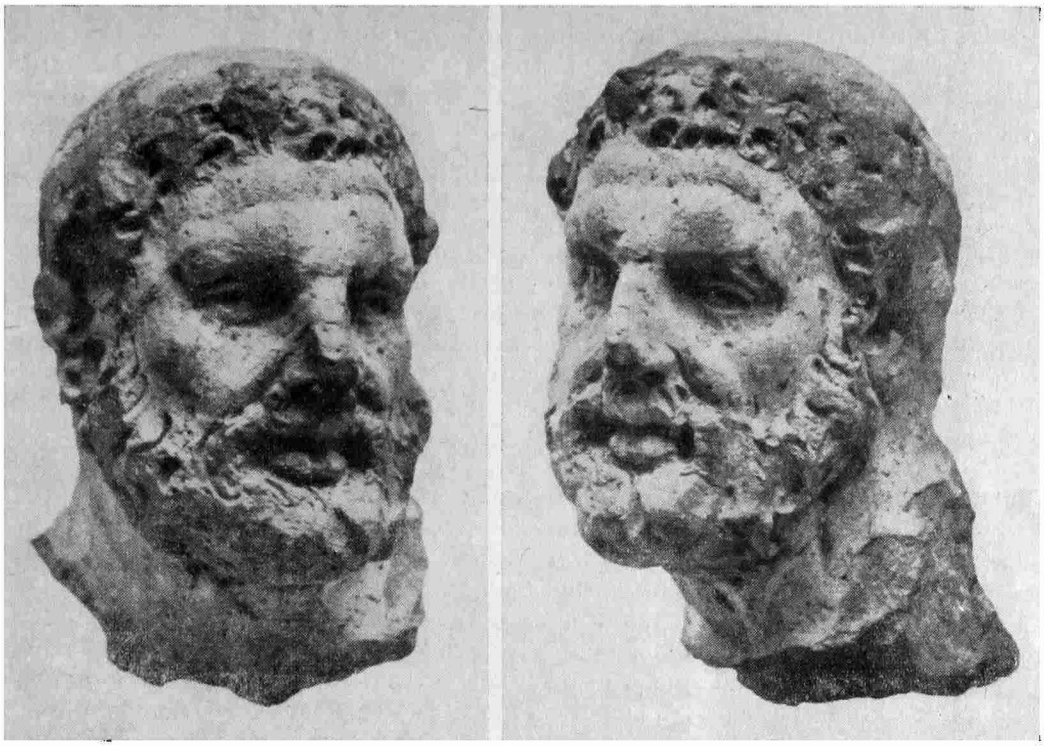


Рис. 2. Голова Геракла в разных ракурсах

дение от Геракла. К тому же метрополия Херсонеса называлась Гераклеей. Изображения Геракла были широко распространены в Херсонесе.

Мастер, лепивший голову Геракла, работал, по-видимому, под влиянием школы Скопаса. С произведениями школы Скопаса голову Геракла связывают такие характерные приемы мастера, как лепка крупными массами, контрастное освещение лица, глаза и рот в густой тени, складки на лбу и впадины на щеках. Возможно, что херсонесскому коропласту было известно также искусство Пергама, связи с которым Херсонес поддерживал в эпоху эллинизма (пергамская керамика в Херсонесе). Херсонесскую головку можно сопоставить с огромной мраморной головой Геракла, происходящей из Пергама (хранится в Берлинском музее). Похожи черты лица — лоб, щеки, рот, большое сходство в трактовке бороды с пробором посредине, в форме коротких курчавых прядей волос, глубоко сидящих глаз [3]. Херсонесская голова изображает героя в зрелом возрасте, уже совершившего многие свои труды и испытавшего тяжкие превратности судьбы. Лицо Геракла исполнено патетики, мужественно, энергично, сосредоточено, и в то же время на нем выражение усталости.

Трактовку лица можно сравнить с головой Геракла Британского музея — лицо героя изборождено глубокими впадинами и складками и поражает выражением страдания и трагических переживаний [4].

Сопоставление херсонесской головы Геракла с произведениями школы Лисиппа может указывать также на знакомство местного коропласта с творчеством этого великого греческого ваятеля.

Новая находка не одинока среди терракот Херсонеса. За многие годы раскопок накопилась значительная по количеству группа статуэток и их фрагментов, вылепленных от руки, для которых характерны большие размеры, крупные черты и детали, свободная уверенная лепка, без дробной

[3] Произведения искусства из музеев Германской Демократической Республики. Под ред. М. И. Артамонова. Л., 1960, стр. 72, рис. 81 (каталог-альбом).

[4] *О. Ф. Вальдгауэр.* Лисипп. Берлин, 1923, рис. 17.

и мелочной обработки, без излишней моделировки. В Херсонесе бытовали и импортные терракоты, имеются группы статуэток из Афин, Мирины, Коринфа и др. Но на их фоне изделия местных мастеров весьма отчетливо выделяются своеобразными чертами как стилистически, так и по фактуре. Таковы, например, статуэтки Афродиты, Кибелы, Пана, а также изображения Геракла и мн. др.

Исключительно редким произведением коропластики является, например, глиняный торс Геракла, сохранившаяся высота которого 37 *см*, величина же целой статуэтки была, вероятно, около 90 *см*. Сильный изгиб торса, сокращенный правый бок и вытянутый левый показывают, что герой опирался на правую ногу и, возможно, на палицу, которую он мог держать в правой руке. Обнаженный торс тщательно моделирован. Выразительно передано мастером анатомическое строение тренированного тела, причем особенно выпукло исполнены грудные мышцы [5].

Этот торс можно сопоставить со статуей Геракла, восходящей в трактовке к Скопасу, а также с мраморным торсом Геракла в Эрмитаже [6]. Эти аналогии и прекрасное знание анатомии позволяют отнести торс к IV в. до н. э.: эпохе великих мастеров греческого искусства, с творчеством которых автор, несомненно, был знаком.

От другой статуэтки Геракла сохранился фрагмент высотой 18,5 *см* — часть торса, рук и ног. Под левой рукой фигуры видна палица, на которую Геракл опирался. Герой представлен обнаженным, с сильным наклоном вправо (от зрителя), с перенесением тяжести тела на левую ногу [7].

Крепкое мускулистое тело, атрибут — палица и композиция фигуры, напоминающая статую отдыхающего Геракла Лисиппа, дают основание датировать фрагмент позднеэллинистическим временем. Статуэтка вылеплена от руки и принадлежит к серии крупных терракот, характерных для творчества местных коропластов.

Хорошо сохранилась также вылепленная от руки голова юного Геракла высотой 10,5 *см*. На голове — львиная шкура, из-под которой видны курчавые пряди волос. Герой изображен безбородым, юным. У него широкий, выразительно вылепленный лоб с бугорком посредине, рельефные веки с глубокими врезами между ними, образующими густые тени. Лицо гладко моделировано. На тонких губах усмешка, глаза слегка прищурены, около рта ямочки [8]. Голова крупных размеров; если она принадлежала статуэтке, то высота последней могла быть около 70—80 *см*. Местный мастер создал тип юного героя, редко встречающийся в иконографии Геракла.

Другая голова Геракла, бородатая, высотой 7 *см*, покрыта львиной шкурой, закрывающей ее и с боков. На лбу резкие вертикальные и горизонтальные складки. Глаза расположены косо — их внутренние углы выше наружных, глазное яблоко гладкое, рот скошен вправо (от зрителя). Волосы надо лбом, борода и усы выполнены очень схематично, жесткими прядями. Львиная шкура показана сплошной гладкой массой. Нахмуренный лоб, линия рта с опущенными вниз уголками, складки на щеках придают лицу озабоченно-скорбное выражение. Трактовка львиной шкуры, напоминающей башлык и своеобразные черты лица дают основание

---

[5] Торс хранится в Херсонесском музее (инв. № 4980), издан М. М. Кобылиной (*М. М. Кобылина*. Глиняный торс Геракла из Херсонеса. Сб. «Культура античного мира». М., 1966, стр. 92—98; рис. 1, *2*).

[6] *О. Ф. Вальдгауэр*. Античная скульптура, № 21, Пг., 1923, стр. 50; *Oskar Waldhauer*. Op. cit., S. 18, Taf. V.

[7] *Г. Д. Белов*. Терракоты из Херсонеса. САИ, Г1—11, М., 1970, табл. 17, стр. 77.

[8] *Г. Д. Белов*. Терракоты Херсонеса из раскопок 1908—1914 гг. ХСб., III. Севастополь, 1930, стр. 239, рис. 26, 27; *его же*. Терракоты из Херсонеса, табл. 10, *1*, стр. 73, № 13.

предполагать, что голова передает тип местного жителя — скифа или сармата, с атрибутом греческого героя — львиной шкурой [9].

Из Херсонеса происходят также несколько статуэток комических актеров в образе Геракла. Один из них, высотой 9,5 *см*, изображен в бородатой маске с огромным ртом и подчеркнутыми зубами, расплющенным носом, с резкими идущими от носа ко лбу складками и выпуклыми глазами. В левой руке он держит палицу, прижимая ее к плечу, на которое наброшена львиная шкура. У актера толстый живот и жирная грудь, выпирающие из-под короткого хитона и подчеркнутые тугим поясом [10]. Геракл представлен жирным, обжорой, сродни старым силенам.

Другой комический актер в образе Геракла, скрестив ноги и опираясь правой рукой и бедром на палицу, стоит на прямоугольной базе. В левой руке он держит лук и колчан. Фигура (высотой 8 *см*) одета в короткий хитон, поверх которого и на голову наброшена львиная шкура с лапами, завязанными под подбородком. На лице курносая маска с широко раскрытым ртом и огромным, выпуклым лбом. Сильный наклон головы и неуверенная поза с опорой на палицу указывают на опьянение героя [11].

Из раскопок Херсонеса происходят изображения Геракла, исполненные в другом материале. В серии мраморных рельефов, украшавших саркофаги, имеется плита с изображением нескольких подвигов Геракла: укрощение критского быка, выведение трехголового Цербера из Аида, похищение золотых яблок из сада Гесперид. Рельеф датируется концом II в. н. э. [12]

На мраморном фрагменте с фигурой Геракла изображен один из его подвигов — борьба со львом. На небольшом мраморном рельефе Геракл представлен отдыхающим в полулежачем положении. Несколько мраморных жертвенников имеют форму монументальной палицы Геракла. Терракотовый жертвенник в виде чаши на ножке посвящен Гераклу — на нем начертано имя героя.

Среди многих херсонесских форм, употреблявшихся для изготовления терракот, имеется форма с изображением группы Геракл и Омфала. Их обнаженные фигуры представлены сидящими друг против друга, Геракл левой рукой придерживает палицу, Омфала же протягивает герою веретено [13].

Изображения Геракла, совершающего подвиги, встречаются на глиняных светильниках, найденных в Херсонесе. Голова Геракла и его палица изображаются на херсонесских монетах античной эпохи и на ювелирных изделиях. Некоторые имена херсонесских граждан связаны с именем героя, многие из них известны из декретов и других надписей, начертанных на мраморных плитах, а также на надгробных памятниках, на монетах,— например Гераклий, Гераклид.

Открытие нескольких мастерских с глиняными массивными формами для изготовления терракот и большая группа терракотовых вылепленных от руки статуэток местной работы свидетельствуют о широком развитии и высоком уровне коропластики в Херсонесе в эпоху эллинизма. Этот вывод вполне согласуется с другими фактами из истории культуры города. Надгробные стелы и архитектурные детали, извлеченные недавно из башни Зенона, украшенные рельефами и полихромной росписью, красноречиво говорят о расцвете архитектуры, живописи и скульптуры в IV—III вв.

---

[9] *Г. Д. Белов.* Терракоты Херсонеса из раскопок 1908—1914 гг., стр. 241, рис. 28, *2*; *его же.* Терракоты из Херсонеса, табл. 16, *5*, стр. 77, № 55.

[10] *Г. Д. Белов.* Терракоты из Херсонеса, табл. 8, *3*, стр. 73, № 4.

[11] *Г. Д. Белов.* Терракоты из Херсонеса, табл. 8, *5*.

[12] *Г. Д. Белов.* Херсонесские рельефы. ВДИ, 3—4, 1940, стр. 280, рис. 17.

[13] *В. В. Борисова.* Херсонес и Западный Крым. Гончарные печи. Сб. «Керамическое производство и античные керамические строительные материалы». САИ, Г1—20, стр. 26, № 54, табл. 5, *11*.

до н. э.[14] В эту пору в Херсонесе работала талантливая и высококвалифицированная школа мастеров, создавших многочисленные произведения искусства. Здесь уместно вспомнить также об уникальном памятнике III—II вв. до н. э.— о мозаике с изображением сцены омовения двух обнаженных женщин, исполненной из морской гальки[15]. Мозаичная вымостка пола была и в доме, из которого происходит голова Геракла, а стены в нем были украшены полихромной живописью — с чередованием фризов красного, желтого, черного и пестрого, под мрамор, цвета.

Вновь найденная терракотовая голова Геракла, выдающаяся по своему художественному значению, принадлежит к группе произведений искусства, относящихся к эпохе расцвета культуры в Херсонесе, к III в. до н. э. Новая находка увеличивает количество херсонесских памятников с изображением Геракла, свидетельствующих о том, что жители Херсонеса, будучи дорянами, особо почитали Геракла и что в городе, несомненно, существовал культ Геракла[16].

---

[14] Статьи, посвященные этим памятникам, помещены в Сообщениях Херсонесского музея (вып. 4, Симферополь, 1969).

[15] *Г. Д. Белов.* Эллинистическая мозаика. МИА, 34, 1953, стр. 289 сл., рис. 4 и цветная таблица (вкладка).

[16] *Н. В. Пятышева.* О культе Геракла в Херсонесе. ВДИ, 1948, 2.

Б. И. МАРШАК

К МЕТОДИКЕ АТРИБУЦИИ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ТОРЕВТИКИ

Во втором номере журнала «Советская археология» за 1974 г. опубликована рецензия Л. И. Рempеля на мою книгу «Согдийское серебро» (М., 1971). Поскольку оценка книги в основном положительная, а существенные выводы не оспорены, я мог бы не защищать свою работу в специальной статье. Выступление в печати представляется нужным не для самозащиты, а для выяснения принципиальных вопросов, связанных с методикой атрибуции памятников средневекового искусства.

С каждым годом появляются новые и новые серебряные сосуды. Поэтому вопрос, в какой мере применима предложенная в «Согдийском серебре» методика изучения торевтики, остается весьма актуальным. Тем более, что, как отмечается в рецензии, ранее торевтикой занимались главным образом «попутно» (стр. 308).

Мой метод, по Л. И. Рempелю, имеет лишь сугубо ограниченное значение. Но в какой мере знаком рецензент с методикой, которую он критикует?

Обширные, но структурно рыхлые сочинения по искусству Средней Азии, к сожалению, уже приучили читателей к возможности изучать книги, пропуская целые разделы. Не потому ли рецензент не взял на себя труд проследить за логикой моей книги, предпочитая изложение в несколько удивленном тоне отрывков, вызвавших его недоумение? Внимательное чтение текста, очевидно, помогло бы ему разрешить свои сомнения. Только пропустив 18—20 стр., рецензент мог приписать мне отрицание сопоставления вещей по их сходству, чтобы затем с торжеством указать, что и я употребляю слова «похоже» и «непохоже» (стр. 309). Между тем в книге общее сходство играет важную роль на ряде этапов работы над классификацией, и лишь на третьем этапе для **различения сходного** приходится обратиться к малозаметным приемам исполнения, чтобы выделить разные ремесленные традиции (стр. 18). Выделение таких признаков рецензент называет «априорным» (с. 309). Что значит в этом контексте слово «априорный» — неясно. Вероятно, Л. И. Рempеля удивля-

ет случайный характер отобранных признаков. Однако эта «случайность» необходима на соответствующем этапе исследования. Дело в том, что чем случайнее признак с точки зрения потребителя и с точки зрения логики образа, тем менее вероятно, что он будет часто встречаться и коррелировать с другими признаками. Выбранные мною признаки при всей их «случайности» достаточно распространены и, как видно из таблицы, хорошо коррелируют между собой и с другими признаками других уровней. Итак, они не случайны, хотя причина их применения многими мастерами — не логика художника и не логика потребителя, видимо, не считавших, что значимость вещи зависит от применения какого-то малозаметного приема исполнения или какой-то детали орнамента. Остается думать, что устойчивость таких взаимосвязанных признаков объясняется стойкостью ремесленной традиции, передавшейся от учителя к ученику.

Работая с такими признаками, можно отличать подражания от оригиналов, поскольку подражатель стремится воспроизвести доступные ему «художественные идеи» и не обращает внимания на маловажные для зрителя приемы исполнения, которые у него свои, выработанные еще в годы ученичества.

Однако и «художественные идеи» не полностью осваиваются подражателями, которые часто не понимают конструктивную или изобразительную роль воспроизводимых ими линий и форм. Непонятые элементы часто осмысляются как декоративные.

Если на похожих вещах в одинаковом контексте детали сохраняют или теряют сходство с изображенным предметом, то естественно думать, что это сходство утрачено на более поздних вещах. Таких признаков удается найти немного, но это не должно вести к уменьшению надежности логически обоснованных типологических рядов, если соблюдать некоторые дополнительные условия, изложенные на стр. 18—20 «Согдийского серебра».

Между тем типология тоже вызывает сомнения рецензента. Это естественно, поскольку он не обратил внимания ни на стр. 18—20, ни на те места, где типология проверяется по независимым от нее фактам. Приведены всего два не удовлетворивших Л. И. Ремпеля примера. В первом случае сопоставляются сходные чарки школы С, из которых одна признана типологически более поздней, чем другая, на основании потери первоначального изобразительного смысла орнаментального мотива, т. е. обычнейшего в археологии типологического аргумента. Л. И. Ремпель пишет: «Удивительно, как быстро сделанное вначале допущение хода эволюции формы превращается в безоговорочный аргумент!» (стр. 309). Рецензент не заметил, что у меня не сказано «моложе», а сказано «типологически моложе» и что вся типология первой главы еще не дает, с моей точки зрения, исторической последовательности, а лишь аналог этой последовательности, в какой-то мере ее отражающий (стр. 20). Проверка соответствия исторического и типологического идет в следующих главах. В данном случае допущение подтверждается тем, что по пропорциям типологически более ранняя чарка соответствует ранним танским чаркам такой же формы, а типологически более поздняя — более поздним танским (стр. 47), причем танские связи школы С достаточно отчетливы.

Второй пример — хронологическое сближение непохожих по общему облику сосудов Т 48 и Т 31 на основании типологической близости орнаментального мотива. На этот раз сопоставление подтверждается не только аналогиями, но и химическим составом металла. Эти сосуды, как и другие поздние вещи таблицы, оказались изготовленными из весьма редкого для средневекового Востока серебра, практически не содержавшего рудной примеси золота (стр. 104, 105). Больше примеров нет. Самые слабые, с точки зрения Л. И. Ремпеля (впрочем, не разобранные им по существу), типологические заключения находят подтверждение в независимых от моей типологии материалах.

Переход от обзора аналогий к атрибуции школ и этапов требует довольно детальных рассуждений. У вещей находятся заведомо согдийские признаки, затем часто — признаки несогдийские, и лишь после рассмотрения тех и других делается с той или иной допускаемой материалом степенью определенности вывод о происхождении вещей. Рецензент, не желая вдаваться в детали, потерял нить рассуждений. Он пишет: «...настораживает последовательно развитая мысль о том, что определение признаков согдийского серебра еще не гарантия того, что предмет относится к Согду. Здесь мы вступаем на зыбкую почву оговорок, при которых всякое утверждение таит в себе отрицание, в должный момент превращающееся снова в аргумент утверждения» (стр. 309). Впрочем, конкретных примеров подобных противоречий Л. И. Рempель не находит, равно как нигде не прибегает к помощи каких бы то ни было наблюдений над материалом. Существенные выводы книги он принимает. Так, с моим пониманием школы В рецензент согласен (стр. 309, 310). Сосуды, отнесенные мною к школам А и С, и по автору, и по рецензенту, лишь частично связаны с Согдом, причем вещи школы А характеризуются преимущественно иранскими, а школы С — степными и дальневосточными параллелями (с. 310).

Высказанные Л. И. Рempелем сомнения в дате Т 41 (одного предмета на 50!) никак не подкреплены, а мои аргументы даже не упомянуты.

Сосуды Т 14, 25, 26, 40, 43, 46, 47 Л. И. Рempель называет «степным тюркским металлом», простиравшимся «до юга России». Чарку Т 40 я отношу к хазарской салтовской культуре (стр. 63, 105), что не противоречит мнению рецензента, но остальные сосуды, на мой взгляд, не случайно не находят сколько-нибудь близких аналогий в достаточно известной посуде из погребальных комплексов степного пояса.

Л. И. Рempель упрекает меня в слишком широкой и одновременно слишком узкой трактовке согдийского серебра (стр. 310). Необходимость охвата не только согдийских материалов в книге оговорена (стр. 14—16). Упрек в слишком узкой трактовке объясняется невнимательным чтением. Сосуды, не входящие в школы А, В, С и слабо связанные с этими школами, не включены в таблицу, но о них идет речь в работе [1].

В книге есть два слова («интуитивно ощущается»), очень удобные для иронически настроенного оппонента. Л. И. Рempель их не раз цитирует, называя «критерием при сравнении рядов» (стр. 309). Однако и здесь его подвела невнимательность: «ссылка на интуицию» не была призвана заменить собой выполнение «данного ранее обещания доказать последовательность этапов школы А на основании признаков школы В» (стр. 309), потому что после слов об интуиции идут шесть страниц текста (стр. 27—32), в которых по конкретным признакам сопоставляются обе школы. Различия в длительности промежутков между этапами школы В «интуитивно ощущаются» профессионально подготовленным наблюдателем еще до анализа, но это «ощущение» подтверждается детальным сравнением, которого рецензент не заметил.

Такое же обращение с оторванной от контекста цитатой Л. И. Рempель демонстрирует в связи с моими словами: «различные направления поиска могут привести к разным выводам». По Л. И. Рempелю, эта

[1] Л. И. Рempель пишет: «...не охвачены, например, Аниковское блюдо с осадой замка (ср. стр. 7, 10, 11, 61.— *Б. М.*); сцена единоборства двух воинов (ср. стр. 10, 61); как и вообще серебро хорезмское (ср. стр. 10, 40, 42, 49, 74) и ферганское (ср. стр. 44, 58); блюдце с изображением царя и двух слуг, стоящее, по Маршаку, „на границе между традициями школы А, буидскими и газневидскими образцами придворного искусства“» (стр. 310). Последний упрек непонятен. По-моему, блюдце хорасанское, около 1000 г. Может быть, блюдце отнесено к «не охваченным» из-за несогласия с моей атрибуцией? Надо учесть, что определение обосновано не только типологией, но и специфическими особенностями костюма изображенных персонажей (см. стр. 66—68).

фраза относится к моему методу и является авторским признанием (стр. 308). Между тем в книге она характеризует ту ситуацию в науке, при которой были сделаны ошибочные атрибуции и которая заставляет прибегнуть к более тщательной разработке методики (стр. 16).

Л. И. Ремпель в своей статье не защищает собственные определения, наряду с атрибуциями других «ташкентских исследователей» заслужившие в «Согдийском серебре» «острые упреки» (стр. 311). Он лишь пишет, что исследователи, которых я критикую, занимались согдийской торевтикой «попутно» (стр. 308). Атрибуции и судьбы ремесленных традиций не настолько занимают рецензента, чтобы он с уровня обобщающих суждений о судьбах искусства спустился на уровень спора о мотивах, деталях, приемах исполнения. Эту область историко-художественного детектива, где ценны и достойны внимания любые мелкие «улики», он готов уступить: «Метод анализа восточного серебра, разработанный Б. И. Маршаком, позволяет сделать ряд любопытных и полезных наблюдений над составом мотивов и форм, созданных ремесленной традицией» (стр. 309).

Однако жизнь художественных школ, по мнению Л. И. Ремпеля, нельзя изучать с помощью моей методики. В этой связи метод называется «ученым формализмом» (стр. 309), а сам я к тому же оказываюсь «в плену формальных схем» (стр. 310). Как же обоснованы такие грозные обвинения, к которым еще добавляется попытка «оторвать школу от культуры»? (стр. 309). Рецензент не замечает, что мелкие признаки, важные для разграничения школ исследователем, нигде не выдаются мною за основные отличия тех же школ с историко-культурной или историко-художественной точки зрения. Это так же очевидно, как то, что отпечатки пальцев, позволяющие надежно опознать человека, никак не могут характеризовать его личность. Именно поэтому эволюция торевтики в книге дана по изменению художественных идей, отразившихся в облике вещей. Уже первичное описание школы А — это не только перечень опознавательных отличий, но и исследование перемен в характере художественной выразительности (стр. 21—23), причем в дальнейшем (стр. 84—89) эти перемены рассматриваются на широком историко-культурном фоне. Развитие школы В, как видно даже в пересказе Л. И. Ремпеля (стр. 309—310), тоже прослеживается и осмысляется не по наличию или отсутствию малозаметных признаков, позволяющих различать схожие вещи разных школ, а по изменению формы и декора в целом.

Мою историческую интерпретацию рецензент опускает, чтобы «не потерять руководящую нить», хотя упомянутые им части главы, посвященной интерпретации, вполне одобряются (стр. 310).

Что же в выводах не нравится рецензенту?

Во-первых, он отрицает, что «вещи, далекие по стилю и месту изготовления, могут представлять одну школу только в силу общности второстепенных деталей» (стр. 309). Л. И. Ремпель спорит с самим собой. Я пишу не о стиле, а лишь о «наиболее явных признаках стиля» (стр. 17), совпадение которых еще не означает общности происхождения, а должно быть проверено с помощью малозаметных приемов исполнения.

Во-вторых, я якобы отодвигаю сюжет и иконографию «на второй план» (стр. 309). Сюжет, иконография, специфика художественной выразительности школ рассматриваются преимущественно в последней главе книги. Суждения о художественных идеях неизбежно в значительной степени субъективны. Поэтому я, как и многие авторы, стремился подкрепить их независимым от истолкования этих идей способом. Вещи на таблице расставлены, насколько это оказалось возможным, не «по духу», а по материальным признакам, доступным любому наблюдателю. Но когда таблица была готова, она стала инструментом дальнейшего исследования. Если размещение вещей не случайно, то оправдан поиск менее конкретных особенностей, объединяющих или противопоставляющих уже не

по деталям и мотивам, а по художественному решению отдельные зоны таблицы. В результате таких сопоставлений открывается путь к получению нетривиальных стилистических характеристик произведений отдельных школ и стран на разных этапах развития торевтики. Само собой разумеется, что анализ стиля будет продолжаться и после выхода «Согдийского серебра». Думаю, что и я не сказал все что возможно в этой области. В книге историческая (и историко-художественная) интерпретация дана как необходимый этап работы прежде всего атрибуционного характера. Необходимость такого направления работы показывают изобилующие в литературе неверные атрибуции, о которых мне уже приходилось писать во Введении к книге. Речь идет не о «ревности» к «другим подходам» (стр. 308), а о том, что существующая практика, базирующаяся на избегании исследования не только малозаметных деталей, но и вообще отдельных мотивов, с одной стороны, приводит к ошибочным определениям вещей, а с другой — к весьма приблизительным представлениям о стиле. Боясь впасть в «ученый формализм», опасаясь как «схемы» каких-либо силлогизмов, авторы, посвятившие свои труды искусству Средней Азии, учитывают только наиболее заметные особенности формы и техники, переходя от них непосредственно к довольно абстрактным стилистическим характеристикам [2].

В двух случаях рецензент считает мои выводы вынужденными и искусственными. Сначала ему кажется, что одновременное влияние школ A и C на третью школу невозможно и мне нужно искать «подходящий выход» (стр. 310), чтобы объяснять такие влияния. Непредубежденного читателя одновременное влияние убедит лишь в том, что произведения школ A и C попадали в одни и те же города, а это, с моей точки зрения, вполне естественно.

Затем Л. И. Рempель иронизирует по поводу школ, которые «начинают, подобно льдинам, дрейфировать, сдвигаясь на разных этапах с одной территории на другую» (с. 310). Тот, кому известна судьба мосульских медников в XIII в., иранских мастеров изразцовой мозаики в XIV в., гератских миниатюристов в начале XVI в. и многие другие подобные случаи в истории средневековья, кто знает, как схожи вещи, созданные на родине и на чужбине одними и теми же людьми, должен понимать, что его ирония не более чем полемический прием. Эмиграция персов после арабского завоевания, создание среднеазиатских колоний в Хорасане и Ираке VIII—IX вв., кардинальное этническое и культурное сближение Хорасана и Мавераннахра в VIII—X вв., а также другие исторические факты позволяют объяснить сложные судьбы школ торевтов. Игнорировать эти факты во имя априорной автохтонности школ было бы непростительным антиисторизмом.

Л. И. Рempель имеет в виду только локальную школу (такую, как гератская, багдадская и т. д.). Мне представляется, что локальная школа — частный случай. В одном городе могли работать мастера разных школ, как это было в тимуровском Самарканде, и напротив, в разных центрах могли работать представители одной школы. По вещам часто легче определить школы, чем места изготовления, поскольку в средние века традиции были устойчивы, мастера подвижны, а национальные культуры еще не сложились. Попадая в новые условия в связи с изменениями своего общества или в связи с переселениями на новое место, художники меняли свой стиль, но памятники отчетливо показывают не только пе-

[2] О неверных определениях в литературе по искусству Средней Азии см. также: *А. Я. Борисов, В. Г. Луконин.* Сасанидские геммы. Л., 1963, стр. 27—29; *О. Ф. Акимушкин, А. А. Иванов.* Рец. на: Сборник статей, посвященных искусству Таджикского народа. Труды АН ТаджССР, т. XLII., Сталинабад, 1956; ЭВ, XIV, М.— Л., 1961, стр. 122—125; *А. А. Иванов.* Еще раз о портрете Имам-кули хана. Сб. «Ближний и Средний Восток (история, культура, источниковедение)». М., 1968, стр. 61—66; *С. П. Борисковская.* Об одной группе подделок античной керамики. Сообщ. ГЭ, XXXIX, 1974, стр. 39—42.

ремены, но и преемственность. Именно поэтому наряду с локализацией по странам в задачу исследователя входит установление принадлежности памятника к определенной традиции, т. е. к той или иной школе. Итак, неодобряемое рецензентом употребление термина «школа» связано со своеобразием исторических условий изучаемого периода.

Распределение вещей по «анонимным школам», с точки зрения Л. И. Ремпеля, ничего не дает. Однако хорошо известно, что при изучении древнего и средневекового искусства анонимные атрибуции широко применяются и хорошо служат делу систематизации материала. Мысль, что мы оба открыли одну и ту же «истину» (стр. 311), пришла рецензенту только потому, что от него ускользает различие между полной неопределенностью и произвольностью атрибуции и атрибуцией по «анонимным» школам с гипотетической локализацией. Л. И. Ремпель считает, что я критиковал его за сближение согдийской и иранской торевтики, а затем сам не смог разделить их. Между тем я указывал прежде всего на бесперспективность выбранного им пути выявления различий памятников этих стран (стр. 6—8). В конце моего исследования оказывается, что согдийско-иранская дилемма сохранилась лишь для нескольких сосудов, число которых не увеличивает и рецензент, тогда как ряд «согдийских» атрибуций Л. И. Ремпеля и Г. А. Пугаченковой не подтвердился.

Всего сказанного, я думаю, достаточно, чтобы читатель мог убедиться, что рецензент не смог подкрепить рациональными аргументами свое эмоциональное неприятие новой методики атрибуции.

Б. А. РАЕВ

ТЕХНИКА ФИКСАЦИИ СЛЕДОВ ДРЕВНИХ ОРУДИЙ С ПОМОЩЬЮ ГИПСОВЫХ СЛЕПКОВ

С начала систематических раскопок курганных могильников степной зоны внимание археологов обратили на себя следы орудий, которыми копали могильные ямы. Эти следы, не прослеживающиеся в той части могильной ямы, которая находится в погребенной почве или в насыпи, если могила впускалась в уже существующий курган, отчетливо видны на стенках в плотной материковой глине. Нередко следы образуют даже своеобразный узор на стенках ям (рис. 1). Следы имеют различные форму, размеры и направление и несут информацию об орудиях и приемах, применявшихся при рытье ям. Уже на XII и XIII Археологических съездах В. А. Городцов сообщал, что на стенках многих раскопанных им катакомбных погребений были прослежены различного вида следы от древних орудий [1]. Однако долгое время следы эти не фиксировались, не изучались и в лучшем случае упоминались в полевых дневниках исследователей. Первый опыт фиксации следов древних орудий (графический, фотографический и слепками) был произведен в 1962 г. отрядом Л. С. Клейна при раскопках кургана бронзового века в Новочеркасске [2].

С началом систематических раскопок курганов на территории Ростовской области сотрудниками Новочеркасской археологической экспедиции

---

[1] *В. А. Городцов.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. 1901 года. Тр. XII АС, т. I. М., 1905, стр. 190, 243, 266, 278 и др.; *его же.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ. 1903 года. Тр. XIII АС, т. I. М., 1907, стр. 231, 288, 293.

[2] Коллекция слепков, хранившаяся в Ростовском университете, в настоящее время утрачена.

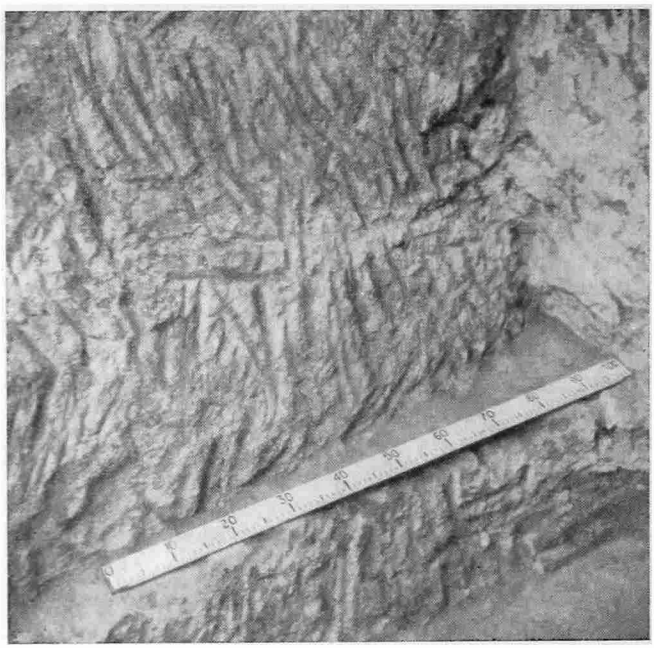


Рис. 1. Часть стенки могилы катакомбной культуры со следами орудий (Дачная группа, кург. 3, мог. 3)

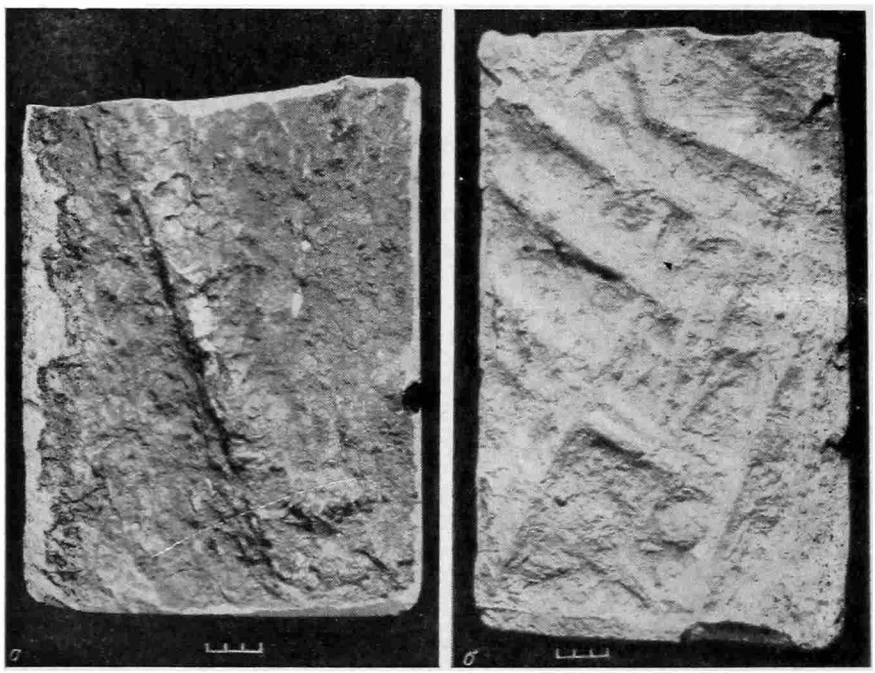


Рис. 2. Гипсовый слепок с той же стенки: *а* — до расчистки водой; *б* — промытый слепок

ЛГУ был разработан и применен на практике эффективный метод исследования следов древних орудий с помощью гипсовых слепков.

Из листа железа толщиной 1—2 *мм* была изготовлена прямоугольная форма, размером 25 × 40 *см* и высотой 5 *см*, имеющая две продольные и одну торцевую стенки. Использование форм большего размера требует армирования (укрепления) слепка проволокой, деревянными палочками, что не всегда удобно в полевых условиях.

Вокруг предварительно расчищенного участка стенки, с которого будет сниматься слепок, по периметру формы делаются узкие пазы глубиной 1,5—2 *см* (два вертикальных — для длинных и нижний, горизонтальный — для торцевой стенки), чтобы жидкий раствор гипса не вытекал из формы. С этой же целью, после того как форма установлена на место, т. е. стенки вставлены в приготовленные пазы, зазоры между стенками формы и стенкой могильной ямы обмазываются влажной глиной.

После того как глиняная обмазка подсохнет (для этого требуется 4—5 *мин*), форму можно заполнять жидким гипсом. Необходимо при заливке и высыхании гипса поддерживать форму руками или ставить деревянную распорку до противоположной стенки могилы, так как форма с гипсом сама не может удержаться на стене. Через 10—15 *мин* форму можно отделить от стены и осторожно вынуть из нее уже готовый слепок. На обратной стороне, пока гипс еще не подсох, удобно произвести шифровку слепка, указав, с которой стенки он был снят. В таком виде отливку можно транспортировать и расчистку лицевой части слепка от земли производить в лабораторных условиях.

Рис. 3. Обломок орудия для рытья могильной ямы

Для этого рекомендуется использовать тонкую, сильную струю воды, которая полностью вымывает мельчайшие частицы земли, приставшей к лицевой поверхности; перед промывкой земля тщательно должна быть размочена влажными тампонами. Нельзя применять для расчистки щетки, кисти, так как при этом снимается верхний слой гипса. На рис. 2 показан гипсовый слепок до и после промывки.

Использование изложенного простого и удобного в полевых условиях метода в течение нескольких полевых сезонов уже сейчас дает возможность сделать некоторые выводы.

Следы орудий на слепках[3] могут быть разделены на три группы: 1) полукруглые следы от орудия, имевшего диаметр 1—2 *см*; 2) следы полукруглые, того же диаметра, поверхность которых покрыта узкими, шириной до 1 *мм*, продольными желобками; 3) плоские, шириной 3—4 *см*.

Следы первой группы, чаще всего встречающиеся в погребениях ямной культуры, могли быть оставлены при рытье земли с помощью палок или рогов животных. Об орудии, оставившем следы третьей группы, можно судить по следующей находке: на дне шахты погребения катакомбной культуры (3-й Соколовский курган, мог. 8), которая имела плоские, широкие следы, был найден обломок ребра животного с сильно зашлифованной выпуклой поверхностью, имеющий ширину, равную ширине следов в яме (рис. 3). Судя по его маленьким размерам, он мог быть частью сломанного и брошенного на месте работ орудия.

По имеющейся в нашем распоряжении небольшой серии слепков ничего нельзя сказать пока об орудиях, оставивших следы второй группы. Отметим, что встречаются они только в погребениях катакомбной культуры и хорошо видны на стенках шахт и сводах камер катакомб.

Дальнейшее исследование следов орудий со всей территории распространения ямной и катакомбной культур не только в поле, но и в лабораторных условиях, по слепкам, позволит детально изучить технику и орудия, использовавшиеся для рытья могильных ям в бронзовом веке.

---

[3] В настоящее время в коллекции кафедры археологии ЛГУ их около 50.

Критика и библиография

Richard G. Klein. Ice — Age Hunters of the Ukraine. The University of Chicago Press, Chicago and London, 1973, 140 p., 6 maps, 27 fig., 5 tables.

Советским специалистам по палеолиту хорошо знакомы работы американского археолога Р. Г. Клейна по его статьям [1], рецензиям [2], обстоятельной монографии [3] по материалам нашей страны. Несомненную ценность представляет опыт его сотрудничества с советскими исследователями [4]. Его новая книга, вышедшая в серии «Доисторическая археология и экология», посвящена палеолиту Украины. Структура ее четко определена задачами, сформулированными в предисловии издателями К. Батцером и Л. Фриманом, которые указывают, что сейчас, в связи с повышением интереса к первобытному человеку как в научном мире, так и со стороны широкой общественности назрела необходимость в создании «карманной серии» книг, посвященных описанию и интерпретации фактического материала, происходящего из ключевых районов для изучения ранней человеческой культуры. Они должны представлять собой синтез материала, накопленного археологами Старого Света, с «передовыми теоретическими разработками ученых Нового Света» (стр. XIV). В этих книгах должны быть преодолены недостатки старых публикаций, традиционная академическая структура которых сделала невозможным необходимое на современном уровне многостороннее изучение археологических и других явлений, связанных с человеком (стр. XI—XV). Новые книги должны быть одинаково удобными для использования как студентами, так и исследователями, интересующимися детальными аспектами жизни первобытного человека.

Книга состоит из пяти глав. В первой главе (стр. 1—9) кратко освещено состояние изученности палеолита Украины. Вторая и третья главы (стр. 10—60) посвящены геологии, геологическому возрасту и экологии палеолитических памятников. В четвертой главе (стр. 61—113) дается характеристика культурных остатков, затем следует общее заключение (глава 5, стр. 114—126) и список использованной литературы (свыше 230 наименований).

[1] *R. G. Klein.* The Middle Paleolithic of Crimea. Arc. Ant. Madison, Wisconsin, 1965, 3, no. 1, p. 34—68; *idem.* Chellean and Achelean on the Territory of the Soviet Union; A Critical Review of the Evidence as presented in the literature. Am. Ant. Menasha, Wisconsin, 1966, vol. 68, no. 2, pt. 2, p. 1—45; *idem.* Radiocarbon dates on occupation sites of Pleistocene age in the USSR. Arc. Ant. Madison, Wisconsin, 1967, 4, p. 224—226; *idem.* Mousterian cultures in European Russia. Science, New Yorc, vol. 165, no. 3890, 1969, p. 257—265; *idem.* El hombre del Pleistoceno en el litoral oriented del Mar Negro. Ampurias. Barcelona, 1967, XXIX, p. 93—115; *idem.* The Mousterian of European Russia. Proceedings of the Prehistoric Society. Cambridge, 1970, XXXV, p. 77—111; *idem.* The Pleistocene prehistory of Siberia. Quaternary Research. Evanston, Illinoice, 1971, 1, p. 133—161.

[2] *R. G. Klein.* Rec.: A. P. Okladnikov. The Soviet Far East in antiquity. An archaeological and historical study of the Maritime region of the USSR. Toronto, 1965. In Am. Ant. Menasha, Wisconsin, 1966, vol. 68, no. 5, p. 1302; *idem.* Rec.: Z. A. Abramova. Izobrazhenia cheloveka v paleoliticheskom iskusstve Evrazii. M.— L., 1966. In Am. Ant. Menasha, Wisconsin, 1967, vol. 69, no. 5.

[3] *R. G. Klein.* Man and culture in the late Pleistocene: A case study. San Francisco, 1969.

[4] *R. G. Klein, I. K. Ivanova, G. F. Debetz.* USSR. In: «Catalogue of fossil hominids», pt. 2. Europe. London, 1971, p. 313—335.

В разных странах существует определенный, исторически сложившийся круг проблем, на решение которых направлено большинство усилий исследователей этой страны. В первобытной археологии в самом общем виде можно признать существование трех больших «школ»: французской, делающей акцент на исследовании стратиграфии и типологии, англо-американской, во главу изучения ставящей отношения человека и природной среды, и советской — палеосоциологической [5]. Любая попытка синтеза этих тенденций, несомненно, должна вызывать интерес независимо даже от ее конечных результатов. Р. Г. Клейн отмечает в предисловии как одну из основных тенденций современной науки перенос акцента изучения с артефактов и их эволюции на взаимоотношения человека и окружающей среды. Хотя такое положение дел скорее отражает повышение значения работ исследователей, пишущих по-английски, чем всеобщую тенденцию развития, актуальность подобного подхода представляется несомненной. Этим определяется то, что в книге главы, посвященные экологии и геологии, занимают почти половину работы, совсем немного уступая собственно археологической части. Показывая, что данные геологии являются главными определяющими древности первобытного человека, Р. Г. Клейн рассматривает вопросы последовательности развития и смен археологических культур на основе региональной геологической периодизации, основанной на опорных геологических разрезах, привлекая данные и по смежным территориям. Этим объясняется и тот факт, что в работе рассматриваются памятники, расположенные за пределами собственно Украины (Выхватинцы, Костенки, Авдеево, Елисеевичи...), но вместе с тем из обзора исключается Крым как «иное физико-географическое единство» (стр. 66). Природные условия описываются детально по отдельным регионам для каждого геологического периода. Приводятся подробные списки состава фауны и флоры, дающие целостное представление об окружающей среде того времени. Геологической доминантой обобщенного характера обусловливается то, что археологические комплексы объединены в очень широких хронологических рамках, таких, как ранний, средний и поздний вюрм (табл. на стр. 20, 21). Естественно, что при таких членениях в одну группу попадают такие стоянки, как, например, Авдеево, Бердыж, Тимоновка, хотя сейчас есть данные и для более дробных хронологических сопоставлений.

К анализу каменного инвентаря Р. Г. Клейн подходит очень осторожно, на фоне открытий последних лет совершенно правомерно ставя вопрос о возможности использования имеющихся материалов для решения поставленных проблем, а также об ограниченности археологического источника. Обсуждаются недостатки традиционной терминологии и старых теоретических положений. Однако учебно-познавательный характер работы не позволяет переходить к углублению высказываемых положений, и поэтому каких-либо позитивных выводов далее не следует. Автор осознает, что на современном уровне развития науки некоторые вопросы не могут быть решены однозначно. Например, при сравнении мустьерских комплексов Молодовы и Стинки I отмечаются лишь их общие и специфические черты без интерпретации уровня общности.

Теоретически Р. Г. Клейн признает существование на Украине комплекса специфических культур, но по существу оперирует только верхнепалеолитической костенковско-авдеевской культурой, определяемой памятниками, сходными в деталях по многим показателям (жилища, инвентарь, искусство). Используя выводы Бинфордов о существовании функционально различных однокультурных поселений, он считает, что некоторые различия инвентаря территориально и хронологически близких памятников можно объяснить различными видами хозяйственной активности носителей одной культуры. Этим самым подстрочно определяющей признается роль пространственно-временного положения стоянок. Отсюда, если, конечно, полностью не отрицать существование движения населения в палеолите, логически следует, что для памятников, далеко отстоящих как территориально, так и хронологически, с одинаковым основанием можно утверждать и их разнокультурность, и однокультурность: выходит, что однокультурности можно противопоставить различие в инвентаре; разнокультурности — теоретическую возможность

[5] *F. Bordes.* The Old Stone Age. New York — Toronto, 1970, p. 7.

принятия за генетически обусловленные черты, определяемые причинами негенетического характера. Поэтому в данной работе положение о функциональной фациальности звучит скорее как компромисс, а где-то и как методологический скептицизм, чем как теоретическое положение. Иногда это приводит и к противоречиям. Например, Р. Г. Клейн считает, что различие конструктивных форм наряду с другими факторами обусловливается и сезонностью (стр. 108). В то же время на основе анализа в основном фаунистических комплексов он полагает, что «все известные стоянки Украины представляют собой зимние охотничьи лагеря» (стр. 58), т. е. по существу были обитаемы в течение только одного сезона с возможным возвращением населения на прежнее место.

В собственно археологической части работы больше внимания уделяется всеобщим закономерностям развития, чем культурному своеобразию. Так, рассматривая вопрос о первоначальном заселении изучаемой территории, автор не характеризует индивидуальные особенности самого древнего хорошо документированного памятника у деревни Выхватинцы, а лишь привлекает его как аргумент в пользу гипотезы о двух культурных традициях в рисское и рисс-вюрмское время. Р. Г. Клейн считает, что население Украины не принадлежало к носителям ашельской культурной традиции, широко изготовлявших орудия типа ручного рубила, зона распространения которой охватывала Африку, Западную Европу и Ближний Восток, а принадлежало к другой зоне, обособленной от ашельской и территориально и типологически.

Вопрос о происхождении культур верхнепалеолитического облика на Украине в книге не ставится из-за недостаточности материала: «Кроме Радомышля, где возможно перемешивание мустьерских и верхнепалеолитических слоев, в Европейской части СССР нет фактов, подтверждающих эволюцию мустье в верхний палеолит» (стр. 114). Веские аргументы для утверждения автохтонного возникновения верхнего палеолита из мустье, по мнению Клейна, имеются только во Франции, Венгрии и Леванте (стр. 114, 115). Это подтверждается и радиокарбонными датами, которые, кроме того, показывают, что верхний палеолит Восточной Европы древнее западноевропейского. И если это для территории Венгрии достоверно, то вполне можно допустить подобное и для Украины, что дает возможность Р. Г. Клейну признать довольно раннее проникновение на Украину человека современного вида — носителя верхнепалеолитической культуры.

Касаясь определения рубежа мустье и верхнего палеолита, Р. Г. Клейн придерживается социально-экономической основы разделения, которая обусловила биопсихологические различия неандертальца и человека современного вида. Возможный механизм трансформации мустье в верхний палеолит показан на примере взаимодействия ориньяка и перигордьена Франции. Здесь автор высказывает ряд оригинальных положений, заслуживающих специального рассмотрения.

В заключение следует подчеркнуть, что в целом книга является хорошим пособием для студентов и западных исследователей, не владеющих русским языком. Принимая во внимание хорошее иллюстративное оформление, четкий научный аппарат и обширную библиографию, можно уверенно говорить о том, что она принесет пользу зарубежным археологам.

А. А. Синицын

Arheologija un Etnogrāfija, XI. Rīga, 1974. Izdevniecība «Zīnatne», 279 lpp., 145 att.

Успехи археологии Советской Прибалтики за последние 30 лет очевидны. Вооруженные марксистской методологией, ученые братских республик разрабатывают широкий круг вопросов, связанных с актуальной исторической проблематикой. Значительная часть этих исследований проводится в научных учреждениях Латвийской ССР. Археологи Латвии ведут значительные по объему раскопки, подготавливают публикации, многие из которых являются серьезным вкладом в советскую историческую науку.

Примером таких исследований могут служить два издания, опубликованные в 1974 г.: очередной выпуск сборника «Археология и этнография», а также капитальный труд «Археология Латвийской ССР».

Последний номер сборника «Археология и этнография», судя по подзаголовку, посвящен «типологии и хронологии памятников материальной и духовной культуры Латвии».

Этот коллективный труд состоит из «Введения», написанного ответственным редактором Э. С. Мугуревичем и 21 статьи. Хронологические рамки тем, затронутых в публикации, охватывают период от эпохи мезолита и до XIX столетия включительно.

Все указанные статьи можно объединить в несколько групп. Три из них посвящены анализу отдельных категорий памятников.

Большой интерес представляет работа Л. Ванкиной; в ней рассмотрены некоторые актуальные вопросы раннего неолита Латвии. Автор отмечает тот факт, что на всех исследованных неолитических стоянках Западной Латвии встречается специфическая керамика так называемого сарнатского типа, которая была выделена по материалам Сарнатского торфяника, раскопанного в течение 1938—1940, 1949—1959 гг. В работе подробно рассмотрены материалы четырех стоянок (Леясцискас, Пурциемс, Силиньупе, Роми-Калныни). Особое внимание уделено керамическому комплексу. Основываясь на его анализе, автор выделяет ранненеолитическую культуру Западной Латвии, указывая памятники со сходными чертами и за пределами исследуемого региона.

В статье также отмечены некоторые сопоставимые черты керамики неолитических памятников Восточной Латвии и посуды «сарнатского типа», являющиеся, по мнению Л. Ванкиной, свидетельством связей ранненеолитических культур Восточной и Западной Латвии, хотя каждый из сравниваемых комплексов обладает известным своеобразием. Вопрос о характере этих связей оставлен открытым.

С точки зрения автора, выделение новой культуры помогает понять некоторые «странности», уже давно подмеченные в материалах стоянок Пурциемс и Леясцискас, которые не укладывались в принятую ранее схему неолита Латвии.

Работа А. Стубавса посвящена топологии и классификации латвийских городищ. Всего в Латвии зарегистрировано более 400 таких памятников. Однако подавляющее их большинство систематическим раскопкам не подвергалось. В основу анализа положены внешние признаки, характеризующие городища: форма, вид оборонительных систем и соотношение их отдельных элементов, развитость и соответствие каждого типа городищ стратегическим и тактическим задачам. Изучение указанных признаков позволило автору выделить пять основных типов рассматриваемых памятников — A, B, C, D, E (рис. 2).

Тип A — представляет собой городища на отдельно стоящих холмах, круглой или округлой формы, с кольцевой системой укреплений.

Тип B — городища с одним или несколькими валами и рвами и на обоих концах площадки.

Тип C — городища на отдельно стоящих удлиненных холмах с одним валом на площадке.

Тип D — городища, которые примыкают к обрыву.

Тип E — городища с угловыми укреплениями.

Каждый из указанных типов подразделяется на 2—5 вариантов.

Автор затрагивает интересный вопрос о возможности наличия у некоторых памятников (Вецпилс и др.) водной оборонительной системы.

В статье сделана попытка сопоставить предлагаемую типологию с классификацией памятников такого типа, основанной на общественно-экономических и хронологических признаках, разработанную ранее Х. Моора.

А. Стубавс дополняет указанную классификацию, отмечая на территории куршей особый вид памятников — городища-святилища. В частности, указано на городище Элкукалнс (близ п. Дуналка Лиепайского р-на), выделяющееся своеобразной округлой формой и названием (Элкукалнс — буквально «Идольский холм»). Памятник имеет небольшой полукруглый вал и четыре входа, которые, по мнению автора, с точки зрения оборонительных задач на таком небольшом по площади

городище нецелесообразны. Культурный слой незначителен. Указанное объясняется, считает А. Стубавс, если рассматривать памятник как городище-святилище; его укрепления носили символический характер. Еще определенней культовый характер объекта выявляется при знакомстве с укреплением Айзвики (Грамздский сельсовет, Лиепайский район) (рис. 3).

Интересным фактом, отмеченным в работе, является присутствие рядом с городищами типа D_{1-2} и E_3, которые являлись военно-политическими и экономическими центрами некоторых областей (Ерсика, Тервете, Медотне, Кулдига), очень крупных древних поселений (площадью 10—15 *га*). А. Стубавс полагает, что такие крупные населенные пункты могли быть древними городами, а некоторые из них имели, возможно, внешнюю оборонительную систему.

Продолжая исследование в этом направлении, было бы интересно сопоставить предложенную типологию латвийских городищ с классификацией такого рода памятников некоторых соседних территорий, а также с развитием оборонительных систем и процессами сложения городов у других народов.

В качестве мелких замечаний следует отметить отсутствие масштабов в иллюстрациях и профильных линий на некоторых чертежах (см. стр. 76, рис. 1; стр. 76, рис. 2; стр. 77, рис. 4). На сводной карте (стр. 83, рис. 15) отсутствует нумерация памятников с соответствующей расшифровкой в легенде. Высказанные замечания не умаляют положительной оценки рассмотренной работы.

Статья А. Цауне содержит анализ культовых камней с выемками, известными на территории Латвии. По форме углубления они разделяются на три группы: «чашечные камни», «камни с несколькими воронкообразными углублениями» и «камни с большим углублением корытообразной формы», причем, как указывает автор, первая группа имеет серию аналогий в Литве, третья — в Эстонии. К статье прилагается сводка памятников, насчитывающая 56 указанных объектов.

Следующая группа работ в сборнике посвящена анализу материалов отдельных памятников.

Ф. Загорскис рассматривает типологию и хронологию погребений могильника каменного века Звейники, расположенного в Северной Латвии на берегу оз. Буртиеки (Вецетский сельсовет, Валмиерский р-н). Здесь за 5 лет под руководством автора публикации исследовано 304 погребения, которые типологически и хронологически объединяются в 4 группы. Захоронения могильника датируются от мезолита до позднего неолита включительно и сопоставляются автором с различными археологическими культурами, известными в Прибалтике. Статья хорошо иллюстрирована. Имеются цветные фотографии двух мезолитических погребений.

П. Степиньш опубликовал могильник раннего железного века, исследованный автором 25 лет назад в лесу близ Ильского лесничества (Добельский район). Могильник насчитывал 25—26 курганов, из них было раскопано пять насыпей. Курганы имели частично поврежденные каменные оградки и содержали индивидуальные погребения. Датируется памятник II в. н. э. Автор полагает, что могильник оставлен небольшим коллективом, жившим недолго — не более 100 лет — по соседству.

Анализу жилых построек со своеобразной конструкцией углов посвящена статья Я. Апалса. Эти постройки были раскрыты во время исследования уникального не только для Прибалтики поселения на озере Арайшу (рис. 5). Поселение представляло собой оригинальный озерный замок с основанием в виде деревянной решетки, покрытой четырехугольным бревенчатым накатом площадью около 775 $м^2$. За время раскопок, с 1965 по 1969 г., вскрыто около 740 $м^2$ площади памятника. Здесь было обнаружено 63 жилые, хозяйственные и оборонительные постройки, которые датируются с первой половины IX в. до середины X столетия. Лучше всего сохранились сооружения первоначальной застройки замка (их абсолютный возраст 1120±50 лет). Сохранность построек хорошая, некоторые сооружения уцелели на высоту до семи венцов. Конструктивный принцип жилых сооружений, как отмечает Я. Апалс, един. Прямоугольная постройка с глинобитной печью в центре и небольшой хозяйственной пристройкой, рядом с которой располагается вход. Большая часть срубов жилых построек оформлена в виде своеобразных «ярмовых конструкций». Собрано большое количество различных деревянных деталей, позволяющих судить и о верхних ярусах изб.

Автор кратко останавливается на характеристике развития домостроительства на территории Латвии по археологическим материалам и уделяет внимание выяснению места построек с «ярмовыми углами», отмечая определенную архаичность таких конструкций. Я. Апалс привлекает широкий круг аналогий в археологическом материале не только Латвии, но и некоторых соседних земель, а также использует этнографические аналогии.

В качестве мелких замечаний отметим непонятность ссылок № 13, 20 (стр. 152), а также некоторую путаницу в описании каменных кладок рядом с постройкой № 14 (ср.: текст стр. 144, рис. 3, 15, 16; стр. 144 и рис. 2, стр. 142). Было бы интересно дополнить статью графическими реконструкциями конструкции и внешнего вида публикуемых сооружений.

Высказанные замечания не снижают научной ценности рассмотренной работы. Значительный объем в сборнике занимают статьи, посвященные классификации отдельных категорий археологических находок.

И. Загорска выступила с исследованием «Остроги эпохи мезолита на территории Латвии». Хронологические рамки бытования указанных изделий VIII—V тысячелетия до н. э. В Латвии найдено свыше 450 костяных рыболовных копий. Основываясь на подробном анализе этой серии, автор выделяет пять типов подобных наконечников (отмечая своеобразие одного зубчатого острия), а также рассматривает ареал, типологию, хронологию и функциональное назначение таких находок. Статья хорошо иллюстрирована.

Янтарные изделия каменного века, обнаруженные на стоянках Лубанской низменности, привлекли внимание И. Лозе. В основу анализа положено богатое собрание янтаря (свыше 2212 единиц хранения), состоящее из разнообразных изделий, их фрагментов и полуфабрикатов. Коллекция сложилась в основном во время раскопок 1964—1973 гг. стоянок среднего и позднего неолита Восточной Латвии. По словам автора, предложенное исследование «является попыткой классификации янтарных изделий Лубанской низменности, предпринятой для выяснения возможности разработки типологии изделий, найденных на стоянках среднего и позднего неолита» (стр. 61).

Статья Я. Граудониса посвящена анализу костяных изделий периода раннего металла, изучением которых он занимался и раньше [1]. На этот раз объектом детального изучения оказались булавки. В настоящее время известно около 500 таких находок, происходящих с территории Латвии.

Автор справедливо отмечает сложность атрибуции рассматриваемой серии древностей; особенно трудно определить время бытования таких находок, «так как ни в могильниках (Калниеши I, Кивуткалнс), ни на поселениях» булавки не связаны с хорошо датированными комплексами. Вопросы хронологии осложняются еще и тем, что соответствующие слои исследованных поселений (Асоте, Кландюкалнс, Кивуткалнс) не имеют датировок, основанных на «современных методах». В связи с этим важным для определения временного диапазона существования рассматриваемой категории вещей является факт отсутствия аналогичных булавок в материалах неолитических памятников не только Латвии, но и Литвы, Эстонии, северо-западных областей РСФСР и т. д. Для определения хронологии указанных изделий Я. Граудонис привлекает большую группу аналогий.

Много внимания в работе уделено типологии булавок. Опираясь на такие признаки изделий, как форма и деталировка головок, наличие или отсутствие в них отверстий и т. д., автор выделяет две «основные группы» предметов (I, II), которые в свою очередь подразделяются на несколько подгрупп и 16 типов. Иллюстрацией предложенной классификации является таблица «типов и хронологии некоторых булавок периода раннего металла» (стр. 70, рис. 5).

К сожалению, автор не всегда четко следует принятой терминологии («основная группа», «подгруппа», «тип»), используя их иногда в качестве синонимов.

---

[1] *J. Graudonis.* Kaula priekšmetu veidi Latvija I gadu tukstoti priekš mūsu ēras. Изв. АН ЛатССР, 3, 1961, стр. 112—116; *его же.* Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига, 1968, стр. 88—93.

Вряд ли можно признать удачным такой признак для выделения одной из подгрупп, как отсутствие отверстия в головке.

Уже много лет над проблемами, связанными с керамикой Латвии, плодотворно работает И. Циммермане[2]. В рецензируемый сборник включена работа этого исследователя, посвященная лощеной глиняной посуде. Основана публикация главным образом на материале из собраний Музея истории Латвийской ССР и коллекций, хранящихся в Секторе археологии и антропологии Института истории АН Латвийской ССР.

В Латвии зарегистрировано 60 мест находок лощеной керамики. Она впервые встречается как в могильниках (Циравас Дарзниеки, Перконес Райниекос, Макашену Салениеки, Саласпилс Лаукаскола и др.), так и на поселениях (Кивты, Даугмале, Талсы). Хронологический диапазон бытования этой категории древностей достаточно широк — I тысячелетие до н. э. — начало II тысячелетия н. э. Наиболее распространена такая посуда в I тысячелетии н. э. Автор подробно характеризует источник, рассматривая типологию, технологию, ареал и происхождение лощеной керамики.

Большой фактический материал опубликован в статье Э. Бривкалне — Терветские фибулы. В Терветской коллекции, составленной во время раскопок 1951—1960 гг., представлено 246 фибул и их фрагментов. Большая часть из них — 199 экз. — найдены на городище, 34 фибулы обнаружены в могильнике, 9 — на территории древнего города и 4 происходят с посада. Автор подразделяет материал на три группы — арбалетовидные, подковообразные и пластинчатые фибулы; соответственно каждая группа расчленилась на подгруппы. Э. Бривкалне, опираясь на широкий круг аналогий, подробно рассматривает хронологию указанных изделий, их функциональное назначение и т. д. Работа хорошо иллюстрирована. Таблицы включают около 150 рисунков фибул, их фрагментов, отдельных деталей.

Железные двушипные черешковые дротики, найденные на территории Латвии, привлекли внимание М. Атгазиса. Четко охарактеризовав источниковедческую базу работы, внимательно проанализировав взгляды своих предшественников, автор показал, как в соответствии с накоплением материала менялись представления о хронологии и функциях рассматриваемого вида оружия.

Опираясь на такие признаки, как пропорции, контур пера, сечение черешка, М. Атгазис выделяет четыре основных типа дротиков — A, B, C, D, каждый из которых подразделяется на два-три варианта. Автор указывает ареал и хронологию типов и вариантов дротиков, рассматривает развитие формы этого вида оружия, затрагивает вопросы этнической атрибуции, уделяет внимание происхождению дротиков, анализирует значение метательного оружия для военного дела средневековья. Работа сопровождается подробной сводкой.

Статья И. Дайги «Воинский браслет» является детальной разработкой на высоком методическом уровне одного из видов мужских браслетов IX—XI вв. На территории Латвии найдено около 300 воинских браслетов. Из них автор использует около 260 изделий.

Опираясь на некоторые признаки (форма изделия, сечение концов, орнамент), И. Дайга выделяет четыре типа браслетов-наручей, которые появились на рубеже IX в. в районе среднего течения Даугавы, а затем получили широкое распространение в Восточной и Юго-Восточной Латвии. Много внимания уделено в статье технологии изготовления таких наручей, их функциональному назначению, вопросам социальной и этнической атрибуции. В приложениях содержатся результаты металлографического и спектрального анализов некоторых изделий, а также каталог воинских браслетов.

Посмертная публикация Р. Цеплите «Гирьки из погребений X—XIII вв. на территории Латвии» является хорошей сводкой этой категории древностей, включающей детальную характеристику 216 гирек с указанием места находки и места

---

[2] *I. Cimermane.* Zimes uz XI—XIII gs. māla traukiem Latvijas PSR teritorija. Latvijas PSR vestures muzeja raksti. Rīga, 1962; *idem.* Daži 17 gs. māla trauki. Archeologija un Etnogrāfija, IV. Rīga, 1964; *idem.* Latvijas tekstilā keramika un tās sakari ar Djakavas kultūras apgabalu. Archeologija un Etnogrāfija, VIII. Rīga, 1968.

хранения. Она, безусловно, окажется надежным подспорьем для исследований в этой области. Указанную работу и публикации подготовили В. Уртан и В. Зобиня.

Бронзовые коньки XI—XIII вв. рассматриваются в статье В. Уртана. К работе прилагается каталог, содержащий информацию о 19 коньках, найденных в 11 пунктах. Автор приходит к выводу, что такие предметы чаще всего служили привесками-амулетами, а некоторые могли использоваться и как весовые гирьки. По мнению В. Уртана, подобные изделия типичны для финского населения — ливов, вендов, эстов, финнов. В работе содержится карта распространения объемных бронзовых коньков на территории Латвии, Эстонии и Финляндии. Исследователь рассматривает указанные находки на фоне широкого круга параллелей в этнографии, мифологии, фольклоре, народном искусстве и т. д.

Объектом изучения Э. Мугуревича оказались крестовидные подвески XI—XV вв., найденные на территории Латвии. К этой теме исследователь обращается не впервые [3]. За последние годы количество подобных находок значительно увеличилось. Сейчас известно около 500 таких подвесок, что, видимо, и побудило автора вновь вернуться к указанному источнику. Главное внимание уделено типологии и хронологии изделий, выделено 65—70 типов и вариантов, составляющих 10 крупных групп крестовидных подвесок. Древнейшие из них поступили в Латвию в XI в. Проникновение таких импортов продолжалось и позднее. Начиная с XII в., на указанной территории формируется свое производство подобных изделий. Э. Мугуревич подробно останавливается на вопросах об исходных районах и путях проникновения крестиков в Латвию. В работе отмечено, что только часть крестовидных подвесок принадлежала христианам, большинство же подобных предметов служили амулетами и украшениями. Автор широко привлекает аналогичные изделия, найденные в соседних землях.

Тематически к рассмотренной статье примыкает заметка Д. Хоферте, содержащая результаты спектрального анализа 44 бронзовых крестиков, включенных в публикацию Э. Мугуревича.

Статья А. Зарини «Могильный инвентарь с зооморфными подвесками в некоторых погребениях на кладбище острова Мартыньсала» посвящена всестороннему анализу бронзовых ажурных и полых коньков, а также двойных птицеобразных и огнивовидных подвесок, которые были найдены во время исследования большого некрополя, где за несколько лет вскрыто 1626 погребений. Ажурные коньки автор подразделяет на две хронологические группы (см. табл. 1 на стр. 243). Более древние изделия, датируемые второй половиной XII—XIV вв., имеют рельефную головку, а также несомкнутый шейный и боковой орнамент. Подвески изготовлены тщательно, орнамент выполнен четко. Ажурные коньки II группы, относящиеся к XIV в., имеют плоскую головку и непрерывный орнаментальный пояс. Они изготовлены менее тщательно, орнамент сделан небрежно. На могильнике Мартыньсала найдено 17 таких коньков, а вообще на территории Латвии, по словам А. Зарини, известно 31 подобное изделие.

Также на две хронологические группы подразделяет А. Зариня птицеобразные подвески (см. табл. 2 на стр. 250). Основана классификация на характере оформления головок и ряде других признаков. Более древние подвески имеют головки с открытым клювом (XIII—XIV вв.), поздние — с закрытым клювом (XIV — первая половина XV в.). Указанные изделия узколокальны. Они характерны для придаугавских ливов. За пределами Латвийской ССР известна одна аналогичная находка.

Полые коньки датируются XII—XIV вв. На территории Латвии в девяти пунктах найдено 13 таких коньков. Автор указывает аналогии изделиям в материалах Эстонии, а также северо-западных и северо-восточных областей России, откуда они и завезены к ливам.

В двух погребениях XIII и первой половины XV в. могильника Мартыньсала найдены уникальные огнивовидные подвески. По мнению исследователя, они изготовлены на месте по образцам огнив X—XIII вв., поступивших на территорию Латвии с востока.

---

[3] *Э. С. Мугуревич.* Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, стр. 63—71.

Все перечисленные предметы найдены преимущественно в земле ливов (рис. 6, стр. 251).

В качестве замечаний к работе можно отметить неудачное заглавие, не совсем соответствующее содержанию статьи. Ведь речь в публикации идет главным образом о некоторых типах подвесок из могильников Мартыньсала, причем автор использует все изделия такого рода, обнаруженные на территории Латвии. В то же время другие находки из комплексов с такими подвесками рассмотрены далеко не все, да и анализ упомянутых вещей носит скорее, так сказать, «прикладной» характер, в основном для уточнения хронологии.

Трудно также согласиться с автором в том, что топография полых коньков указывает «древний путь Рига — Псков». Распределение этих находок (а вне бассейна Даугавы найдено, по утверждению А. Зарини, всего четыре полых конька в четырех пунктах) само по себе трассы древних путей не указывает (см. стр. 251, рис. 6). Другое дело, когда подобные находки используются в сочетании с другими фактами: картографией большой серии импортов и памятников, карт XVIII в., описанием путей, сообщениям в письменных источниках и т. д., тогда этот признак «работает» [4].

Несмотря на высказанные замечания, указанную работу следует признать серьезным исследованием, содержащим ряд интересных наблюдений и выводов.

З. Апала рассмотрела сердцеобразные фибулы XVI—XIX вв., найденные на территории Латвии. Автор выделяет «4 типа с 2—5 вариантами в каждом» и подробно рассматривает хронологию, ареал, а также технологию изготовления таких украшений.

Сборник заканчивается двумя работами: Р. Денисовой «Антропологический состав населения Латвии второй половины II тысячелетия нашей эры» и Р. Гравере «Одонтологический тип восточных латышей и эпохальная изменчивость».

Очередной выпуск сборника «Археология и этнография», несомненно, является публикацией, интересной не только для ученых Латвийской ССР. Тематика статей, включенных в издание, так или иначе связана с проблемами, над которыми работают исследователи соседних регионов. Привлекает направленность сборника, стремление создать обоснованную классификацию разного рода древностей. Не секрет, что именно такие разработки для некоторых соседних земель оставляют желать много лучшего, что нередко затрудняет решение ряда исторических вопросов. Словом, рецензируемая публикация заинтересует многих исследователей, поэтому сожаление вызывают не всегда четко составленные резюме. Иногда они могут просто ввести в заблуждение читателя, не владеющего латышским языком. Приведу несколько примеров. Так, в резюме статьи Я. Апалса речь идет только о постройках со своеобразными «ярмовыми» углами. К тому же подзаголовок основного текста — «ярмовые конструкции» — в резюме не вынесен. Создается впечатление, что все сооружения первоначальной застройки Арайшского замка имеют именно такую конструкцию углов. На самом же деле здесь встречаются и другие виды оформления углов. Этот факт неоднократно отмечен в тексте на латышском языке.

А. Зариня сообщает о 17 ажурных коньках (латышский текст, стр. 242), в резюме же сказано, что «ажурные коньки найдены в 17 погребениях». Как явствует из примечания (№ 9 стр. 251—252), на могильнике Мартыньсала в 11 погребениях обнаружено 12 коньков, еще пять таких изделий найдены вне комплексов.

В основном тексте работы Я. Граудониса выделено три «основные группы» булавок (стр. 70, рис. 4; стр. 71), а в резюме речь идет только о двух «основных группах».

Следует также отметить, что подзаголовок сборника не полностью раскрывает его содержание. В частности, статьи Р. Денисовой и Р. Гравере трудно рассматривать только как «очерки по типологии и хронологии памятников материальной и духовной культуры Латвии».

Высказанные замечания, однако, не мешают рассматривать рецензируемое издание как актуальное и квалифицированное исследование по археологии и антропологии Латвии. Можно только пожелать латвийским ученым продолжать работу в этом направлении.

В. П. Петренко

[4] *Э. С. Мугуревич.* Ук. соч., стр. 98—114.

Ю. А. Краснов. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., «Наука», 1975, 184 стр., 60 илл.

Работа Ю. А. Краснова посвящена важнейшему вопросу — генезису и древнейшей истории упряжных пахотных орудий. Это первая специальная работа по указанному вопросу на русском языке.

Ю. А. Краснов охватывает древнейшую историю пахотных орудий в Старом Свете (т. е. повсюду, где они были распространены), последовательно опираясь на датированные находки или изображения орудий. Следует отметить, что и находки и изображения древних и средневековых пахотных орудий и их частей сравнительно немногочисленны. По сравнению с этнографическим материалом, включающим не только сами орудия, их изображения, фотографии, но и описание способов их изготовления, агротехнических качеств и социально-бытовых условий, которым они соответствовали, скудные источники предшествующих периодов несут гораздо более ограниченную информацию.

Автор книги сознательно ограничивается только ранним этапом всего слабоизученного периода истории традиционных пахотных орудий. Тем самым вне его поля зрения остались известные в археологическом материале, начиная с эпохи Латена, металлические наконечники пахотных орудий. Не вошел в книгу и дискуссионный вопрос о происхождении плуга с односторонним отвалом. Следует, однако, отметить, что и сложный вопрос об интерпретации металлических наконечников пахотных орудий, и вопрос о генезисе плуга рассматривались в других работах Ю. А. Краснова [1]. Создается впечатление, что рецензируемая работа является только первой частью фундаментального исследования по ранней истории пахотных орудий.

Чтобы определить место, которое занимает книга Ю. А. Краснова среди известных обобщающих исследований по истории пахотных орудий, следует сделать небольшой экскурс в историографию, тем более что в рецензируемой работе соответствующий раздел вообще отсутствует.

Литература по истории пахотных орудий (Pflugforschung, Aratrology) огромна. В значительной мере она состоит из работ описательного и отчасти классификационного характера. Собственно **история** пахотных орудий впервые появляется в книге К. Рау [2]. Этот исследователь пошытался представить разновидности пахотных орудий в виде цепочки переходных типов, которая, по его мнению, отображала исторический процесс эволюции и совершенствования орудий. Впоследствии на смену однолинейной схеме Рау появилось разветвленное «генеалогическое древо» пахотных орудий Фр. Нопчи [3]. Углубленное изучение материала не позволило Фр. Нопче вывести все типы пахотных орудий из одного исходного прототипа, и он выделил два таких прототипа (один, связанный с развитием мотыги, и другой, восходящий к рыхлящему ручному орудию типа лопаты или землекопной палки). Это положение Фр. Нопчи было усвоено рядом других исследователей [4]. Р. Браунгарт перенес основное внимание на связь тех или иных видов пахотных орудий с этносом [5]. Затем исследователи в основном занимались дальнейшей разработкой уже наметившихся направлений.

Из новейших исследователей истории пахотных орудий следует отметить югославского ученого Бр. Братанича и чешского — Фр. Шаха. Бр. Братанич значительно усовершенствовал классификацию и типологию, сделав их очень детализиро-

---

[1] *Ю. А. Краснов.* К проблеме эволюции рала (об одном широко распространенном заблуждении). Сб. «Древние славяне и их соседи». МИА, 176, 1970; *его же.* К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры. КСИА АН СССР, 1971, 128.

[2] *K. H. Rau.* Geschichte des Pfluges. Heidelberg, 1845.

[3] *Fr. Nopcsa.* Zur Genese der primitiven Pflugtypen. Zeitschrift für Ethnologie, 1919, 51.

[4] *E. C. Curwen, G. Hatt.* Plough and Pasture. New York, 1953, p. 72—74; *Г. Кларк.* Доисторическая Европа. Экономический очерк. М., 1953, стр. 109.

[5] *R. Braungart.* Die Urheimat der Landwirtschaft aller Indogermanischer Völker an der Geschichte der Kulturpflanzen und Ackerbaugeräte in Mittel- und Nordeuropa nachgeweisen. Heidelberg, 1912.

ванными. Каждый тип в его классификации получил многозначный кодовый индекс, содержащий подробную информацию[6]. Фр. Шах пользуется более простой классификацией (она удобнее, в частности, для ранних орудий, известных по изображениям, многие детали которых неясны). Ему же удалось создать удачную классификацию чешских металлических наконечников пахотных орудий (вид источников, трудный для интерпретации ввиду относительного однообразия) и связать их с определенными типами орудий[7].

Кроме ученых, в целом следующих за Рау, среди историков пахотных орудий немало таких, которые начисто отрицают формальную типологию. Их работы носят преимущественно описательный характер. В части таких работ прослеживается тенденция подчеркивать агротехнические недостатки крестьянских пахотных орудий по сравнению с фабричными плугами. Другие авторы, напротив, подчеркивают, что традиционные пахотные орудия отражают тысячелетний опыт земледельцев и обнаруживают замечательное соответствие природной среде. Эта последняя точка зрения в своих крайних, нередко встречающихся проявлениях отнюдь не нова[8] и восходит к характерной для сентиментализма XVIII в. идеализации патриархального крестьянства. Ученые, шедшие указанным путем, сделали множество ценных отдельных наблюдений, но не смогли предложить никаких исторических построений.

В нашей стране первой работой по истории пахотных орудий (если не считать многочисленных описаний, сделанных учеными-путешественниками, сельскими хозяевами, экономистами и этнографами) была работа Д. К. Зеленина[9]. Это обширная систематизированная сводка, в которую включены сведения исторического характера. В дальнейшем типологию пахотных орудий и их наконечников разрабатывали П. Н. Третьяков[10], В. С. Мамонов[11], А. В. Кирьянов[12], П. И. Минин[13], Н. Н. Ковальский[14] и другие. Рано обратились отечественные исследователи и к изучению такого «неблагодарного» материала, как наконечники пахотных орудий[15].

Следует отметить, что большая часть работ по истории пахотных орудий написана этнографами, следствием чего, как правило, является недостаточное использование археологического материала для исторических построений. Труды, специально посвященные ранним пахотным орудиям, отчасти затрагивают ограниченные территории[16], отчасти сбиваются на проторенный путь описательства.

Рецензируемая книга Ю. А. Краснова состоит из введения, заключения и четырех глав: «Опыт классификации древних рал», «Типы древних рал и их ареалы»,

---

[6] *Br. Bratanić.* Einige Möglichkeiten zur Fortführung der Pfluggerätforschung. «Actes du IV Congress international des sciences anthropologiques et ethnologiques». Wien, 1965.

[7] *Fr. Šach.* Proposal for the classification of pre-industrial tilling implements. Tools and Tillage. Copenhagen, 1968, I, 1; *idem.* Radlo a pluh na uzemi Ceskoslovenska. «Vedecke prace ustredi zemedelskeho muzea», Cz. 5, Praha, 1961.

[8] См., например: «Плуг и соха, писанное степным дворянином. Отцы наши не глупей нас были». М., 1806. Об авторе сведения разноречивы — Д. К. Зеленин (Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907, стр. 132) называет Ф. В. Растопчина; «Энциклопедический лексикон Плюшара» (СПб., 1838, т. 15, стр. 391) — Е. Р. Дашкову.

[9] *Дм. Зеленин.* Ук. соч.

[10] *П. Н. Третьяков.* Подсечное земледелие в Восточной Европе. ИГАИМК, 1932, XIV.

[11] *В. С. Мамонов.* Старинные орудия обработки почвы из села Староселье на Днепре. СЭ, 1952, 4.

[12] *А. В. Кирьянов.* История земледелия Новгородской земли X—XV вв. «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. II, МИА, 1959, стр. 65.

[13] *П. И. Минин.* История плуга в России. Труды Института истории естествознания и техники, т. 8. М., 1956.

[14] *М. М. Ковальский.* Поширення тягловіх знарядь обробітку грунту на Волині на початку XX ст. «Матеріали з етнографії та мистецтвознавства», Київ, 1963, вип. VII—VIII.

[15] *Ф. А. Теплоухов.* Земледельческие орудия пермской чуди. Пермь, 1892; *А. Штукенберг.* Земледельческие орудия древних болгар. «Ученые записки Казанского университета», ч. VI, VII, № 12, Казань, 1896.

[16] *P. V. Glob.* Ard og plov i Nordens Oldtid. Aarhus, 1951; *A. Salonen.* Agricultura Mesopotamica nach šumerisch-akkadischen Quellen. Helsinki, 1968.

«О времени появления пашенного земледелия в Европе и древнейших европейских пахотных орудиях», «Проблема генезиса упряжных пахотных орудий».

Во введении обоснован принципиальный подход Ю. А. Краснова к изучению древних пахотных орудий. Автор выступает как последовательный сторонник использования для изучения этих орудий традиционного в археологии формально-типологического метода. Бо́льшая часть введения посвящена полемике со взглядами Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова, резко отрицательно относящихся к формально-типологическому изучению пахотных орудий [17]. Само по себе внимание этих авторов к агротехническим, функциональным характеристикам орудий, к их соответствию почвенно-климатическим и социально-экономическим условиям вполне оправдано. Однако и упомянутые характеристики и заключения о степени соответствия орудий указанным условиям не могут быть отправной точкой изучения, они могут возникнуть только в его результате. Инструментом первичного изучения должен быть, безусловно, формальный анализ.

Предлагая отказаться от формально-типологического метода, Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков по существу ничего не дают взамен. Говоря о высокой степени соответствия, существующей между конструкцией орудий и всем сложным комплексом условий, который влияет на эти орудия, они в то же время не предлагают конкретного способа реконструкции неизвестных орудий на основании изучения упомянутых условий (да если бы такой способ реконструкции и был предложен, его нельзя было бы назвать научным). Указывая на замечательную приспособленность крестьянских орудий к условиям, в которых они использовались (вероятно, все-таки не абсолютную?), Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков даже не пытаются оценить степень этой приспособленности с помощью какого-либо объективного критерия. Таким образом, «платформа» этих исследователей сводится к общим фразам и благим пожеланиям, не дающим реальных путей для изучения орудий.

Подход Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова тем более неприемлем для изучения пахотных орудий тех эпох, для которых эти условия являются в значительной мере неизвестными. Древнейшие пахотные орудия известны главным образом по изображениям, не дающим исчерпывающего представления о форме и размерах рабочего заострения, о пропорциях орудия, его весе, материале, высоте расположения центра тяжести, степени жесткости соединения деталей орудия между собой и т. д. Таким образом, этот вид источников практически ничего не может дать для развернутой функциональной характеристики соответствующих орудий и наиболее перспективен как материал для сравнительного формального изучения.

Попытка заменить формальный анализ функциональным ведет к чрезмерному упрощению и схематизации истории пахотных орудий. По существу функциональная классификация выделяет только две группы орудий (рыхлящие — рала и оборачивающие — плуги; Д. К. Зеленин пытался ввести еще один термин — «пащущие» для сох с полицей). Нельзя назвать удачной попытку Д. В. Найдич-Москаленко классифицировать орудия по «высоте прикрепления тягловой силы» [18] (точнее, по высоте места скрепления грядиля или заменяющих его оглобель и рабочей части, так как точка приложения силы к орудию находится в точке прикрепления грядиля к упряжи тягловых животных; еще правильнее было бы говорить о высоте расположения центра тяжести орудия). Эта классификация создана в основном для того чтобы определить место поздних «гибридных» форм орудий (таких, как курашимка и др.) в классификационных схемах. Поскольку признак, взятый за основу классификации, является не качественным, а количественным (параметр), он не дает возможности для четкого деления орудий на группы.

Предлагаемые в работе Ю. Ф. Новикова в качестве основных четыре типа «плугов» не отражают реального разнообразия типов пахотных орудий [19] (до-

---

[17] *Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков.* Некоторые вопросы агроэтнографических исследований. СЭ, 1967, 1, и другие работы тех же авторов.

[18] *Д. В. Найдич-Москаленко.* О происхождении и классификации русских пахотных орудий. СЭ, 1959, 1.

[19] *Ю. Ф. Новиков.* Генезис плуга и этнография. СЭ, 1963, 2.

статочно сказать, что русская соха, столь подробно рассматриваемая Ю. Ф. Новиковым, может быть отнесена к одному из этих четырех типов лишь с большими оговорками, в том числе и такими, которые касаются ее функциональной характеристики). Каждый из указанных типов может, сохраняя схему конструкции, очень сильно варьировать по пропорциям и форме рабочей части. При этом орудия, относящиеся к одному типу, могут сильно отличаться по своим агротехническим данным, а отдельные орудия, относящиеся к разным типам, могут иметь практически идентичную функциональную характеристику.

Следует отметить, что классификации Д. В. Найдич-Москаленко и Ю. Ф. Новикова представляют собой некую форму компромисса между формальной и функциональной классификациями. Отсюда и все их недостатки.

Во введении к рецензируемой книге Ю. А. Краснов убедительно отстаивает правомерность используемого им формально-типологического метода. В своей полемике он удачно использует ряд этнографических данных.

Принципиальные возражения против использования формально-типологического метода, т. е. формализованного сравнительно-исторического изучения эволюции объектов, представляются необоснованными. Аналогичный метод принят в ряде других наук для определенного этапа изучения материала. Биология свидетельствует, что существование эволюционного ряда, направленность которого формируется под влиянием окружающей среды, никак не противоречит наилучшему приспособлению, а наоборот, способствует ему. Думается, что в этом отношении старая аналогия между эволюцией живых организмов и историей техники[20] правомерна.

В первой главе Ю. А. Краснов предлагает собственную классификацию древних рал. Автор рецензируемой книги строит ее как многоступенчатую иерархическую структуру. Отстаивая необходимость создания такой сложной классификации, Ю. А. Краснов приводит слова Фр. Шаха, рассматривающего свою более простую классификацию не как эволюционный ряд, а как «методическое пособие для сравнительного изучения, способствующее унификации специальной номенклатуры». Следует отметить, что едва ли какая-либо классификация может претендовать на большее значение, чем то, которое указано в «скромной» формулировке Фр. Шаха. Во всяком случае, она полностью подходит и к классификации самого Ю. А. Краснова.

Нельзя признать безупречным принятое в книге Ю. А. Краснова расположение материала, при котором классификация предшествует описанию источников. По-видимому, следовало бы сначала описать материал, разделяя его только по хронологическому и территориальному принципу, и лишь затем приступать к его классификации и интерпретации. Впрочем, такой порядок изложения мог значительно увеличить текст и способствовать неизбежным повторам.

В качестве основного критерия, по которому Ю. А. Краснов разделяет рала на семейства, принят «характер сочленения рабочей части (ральника) с рукоятью и грядилем, т. е. является ли ральник самостоятельной деталью, составляет одно целое с рукоятью (рукоятями) или грядилем». Этот критерий принят также в работах многих зарубежных исследователей[21]. Все элементы конструкции орудий, положенные в основу классификации, относятся к числу важнейших. В то же время их относительная значимость, существенная для присвоения им того или другого места в иерархической классификации, вероятно, должна была быть более обстоятельно аргументирована. Конкретный способ соединения грядиля и рабочей части (соединены ли они с помощью паза, если да, то какая деталь вставлена в другую; грядиль может просто привязываться к рабочей части, быть зажатым в развилке и т. п.) не учтен в классификации Ю. А. Краснова в качестве особого критерия. А ведь речь идет о наиболее ответственном узле орудия — месте

---

[20] *Б. П. Высоцкий.* Классификация форм движения материи и наук. Сб. «Пути познания земли». М., 1971, стр. 290.

[21] *A. G. Haudricourt, J. B. Delamarre.* L'homme et la charrue à travers le monde. Paris, 1955; *Fr. Sach.* Radlo a pluh...

скрепления двух рычагов, к которым прилагаются основные силы, действующие на орудие,— сила тяги и сила сопротивления почвы. Впрочем, эта конструктивная особенность неясна на многих старинных изображениях.

Ю. А. Краснов специально оговаривается, что его классификация создана только для древнейших пахотных орудий. Такая оговорка в значительной мере обесценивает ее — ведь важнейшая цель изучения древнейших пахотных орудий состоит как раз в том, чтобы разобраться в вопросах преемственности, существующей между орудиями древнейшего и последующих периодов.

Предлагаемая Ю. А. Красновым классификация хороша тем, что она позволяет экономно, систематически описать основные разновидности древнейших рал, оттеняя черты сходства и различия. В то же время эта классификация представляет собой иерархическую структуру и тем самым как будто претендует на то, что она также отражает степени формального и генетического родства орудий. Однако из дальнейшего текста книги выясняется, что одно семейство — рукояточных рал включает две группы орудий, вполне самостоятельно развивавшихся в рамках изучаемого периода и имеющих независимое друг от друга происхождение — двурукояточные ближневосточные и однорукояточные, генезис которых связывается Ю. А. Красновым со Средней Азией. Выделяемые автором в разные семейства полозные и грядильные рала на протяжении всего изучаемого периода развиваются вместе, и почти все их разновидности дублируют друг друга, а изображения рал, относящихся к этим двум семействам, часто неразличимы.

В ряде случаев орудия должны занимать в классификации Ю. А. Краснова места в разных семействах только потому, что одна из деталей, имеющих сходную форму, в одном случае цельная, а в другом состоит из двух частей. Между тем очевидно, что и чисто формально, и скорее всего генетически — это ближайшие родственные формы.

Если последовательно придерживаться классификации Ю. А. Краснова и распространить ее на позднейший материал, то прямогрядильное рукояточное рало с полозом (омач) в том случае, если его полоз превращается в отдельную деталь, переходит из семейства рукояточных в семейство полозных. Если у кривогрядильного рала с полозом ручка не является отдельной частью, а представляет собой одно целое с полозом, то такое орудие должно быть отнесено уже не к полозным, а к рукояточным.

Указывая на этнографические аналогии древнеегипетских рал, Ю. А. Краснов приводит в качестве одного из примеров рало из другого семейства — «полозное» (стр. 60, рис. 14, *1*). Другая этнографическая аналогия описана противоречиво: сначала упомянута конструкция «рукояти-ральник» (на самом деле — типологическая модификация этой детали, верхняя часть которой недоразвита и не использовалась в качестве рукоятей, о чем пишет и сам автор), потом отмечено, что «настоящая рукоять представлена отдельной деталью». Оба примера показывают трудности соотнесения этнографического материала с классификацией Ю. А. Краснова, причем первый пример показывает, что критерий, принятый исследователем в качестве ведущего при разделении орудий на семейства, в ряде случаев может способствовать разрыванию типологических рядов. В то же время в этом случае созданная автором рецензируемой книги классификация не мешает ему говорить о генетическом родстве орудий, объединенных второстепенными (согласно его схеме) признаками в обход первостепенных.

Ю. А. Краснов склонен относить кривогрядильные рала, рукоять и полоз которых составляют одно целое, к числу типологических «потомков» прямогрядильных рукояточных рал (стр. 82, 83). В процессе эволюции пахотных орудий переход от кривого грядиля к прямому и наоборот — явления, в принципе возможные. В то же время форма грядиля (прямой или изогнутый) — устойчивая черта конструкции орудий. При разделении характеристик орудия на более и менее важные сам Ю. А. Краснов поставил форму грядиля на второе место. Следовательно, мы должны с особой осторожностью относиться к тем участкам типологических рядов, где орудия с кривым и прямым грядилем помещаются рядом. Думается, что во всяком случае в Европе или на Переднем Востоке (где ареал кривогрядильных рал с полозом, составляющим одно целое с рукоятью, вписывается в

широкий ареал кривогрядильных рал, у которых рукоять представлена отдельной деталью) трудно предположить независимое появление кривого грядиля.

Не всегда удачна терминология, используемая Ю. А. Красновым. Недопустимо включение в число рал, выделенных как «полозные», орудий без полоза. Если руководствоваться логикой автора рецензируемой книги, согласно которой другие семейства получили названия «рукояточных» и «грядильных», то данное семейство следовало бы назвать «ральничным» (впрочем, само использование слова «ральник» для обозначения рабочей части орудия нельзя считать удачным [22]). Однорукояточные *кривогрядильные* рала нельзя назвать «усложненной формой однорукояточных *прямогрядильных* рал» (стр. 82). Другое дело, что те и другие могут быть связаны генетически. Не вполне удачно объединение одним термином «дополнительный ральник» качественно разных элементов. В одних случаях (у кривогрядильных однорукояточных и грядильных рал) это дополнительная, по-видимому, сменяемая деталь, предохраняющая рабочую часть от износа — своего рода деревянный наральник, в другом (месопотамские рала) — это основа рабочей части, к которой прикрепляется грядиль. Однако, несмотря на все эти недостатки, классификация, разработанная Ю. А. Красновым, не являясь чрезмерно громоздкой и в то же время отражая основные особенности орудий, должна быть признана на сегодняшний день одной из лучших. Следует особо подчеркнуть заслуги Ю. А. Краснова по созданию научной терминологии типологии пахотных орудий на русском языке.

В главе «Типы древних рал и их ареалы» Ю. А. Краснов сводит воедино весь доступный материал по древнейшим пахотным орудиям. Это и древние пиктографические знаки, и сцены на месопотамских цилиндрических печатях, и древнеегипетские рельефы, вотивные статуэтки и наскальные рисунки, находки древних пахотных орудий и другие виды источников.

Древнейшие свидетельства о появлении пахотных орудий — пиктографические знаки — схематичны и могут служить основой для представлений о конструкции орудий только тогда, когда находят близкую аналогию в более позднем изобразительном материале. Особенно трудно судить по пиктографическим знакам об устройстве эламских и древнеегипетских рал. Ю. А. Краснов вслед за рядом других исследователей высказывается за общее происхождение месопотамских и древнеегипетских рал, что достаточно убедительно обосновывается их типологическим сходством, лингвистическими данными, а также географической близостью их ареалов. Автор рецензируемой книги вполне резонно рассматривает появляющиеся в Месопотамии вслед за древнейшими двухрукояточными ралами орудия «с дополнительным ральником», а также кривогрядильные однорукояточные рала как результат эволюции первых. Представляется правильным сведéние Ю. А. Красновым своих типологических построений в наглядную графическую схему (стр. 49, рис. 99).

Рала древней Месопотамии и Египта, древнейшие из известных ученым, оказались впоследствии нежизнеспособными по сравнению с другими типами рал, имеющими самостоятельное происхождение, и были почти повсеместно вытеснены ими. Типологические «потомки» древнейших ближневосточных рал лишь изредка встречаются в отдельных местностях в пределах древнего ареала и в географически близких районах (например, на Кавказе).

Особый интерес представляет раздел, посвященный рукояточным прямогрядильным ралам. Большая часть крестьянских пахотных орудий, известных по этнографическим данным, относится к числу разновидностей и модификаций этого типа. Древнейшее изображение рукояточных прямогрядильных рал найдено в Крыму. Однако Ю. А. Краснов не без основания ищет связи генезиса этого типа рал с иными районами — с одним из древнейших очагов земледелия. Очерченный им гипотетический ареал (стр. 87, рис. 27) включает два очага земледелия, по Н. И. Вавилову, разделенных пустынными районами — юг Средней Азии и долину Инда. Гипотеза достаточно вероятная: указанная территория вместе с прилегающими районами издавна является областью распространения архаичных рукояточ-

---

[22] *В. И. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., 1957, стр. 57; *Дм. Зеленин.* Ук. соч., стр. 115.

ных прямогрядильных рал (типа омача) — ближайших типологических родственников рал Симферопольской стелы. На территории предполагаемого очага возникновения рала этого типа, насколько можно судить по имеющимся данным, были древнейшими. В то же время следует отметить, что ближайшие по возрасту Симферопольской стеле рукояточные прямогрядильные рала известны в Европе — наскальные рисунки в Лигурийских Альпах и в Южной Швеции. Наскальные рисунки из Северной Италии изображают орудия, более примитивные, чем рала Симферопольской стелы: у большей части нет «держака», а зачаточный полоз, отмечаемый у некоторых из них Ю. А. Красновым и другими авторами, вызывает сомнения (возможно, это просто значительный изгиб рукояти-ральника в том месте, где к этой детали прикрепляется грядиль).

В этнографическом материале Европы среди рал без полоза наряду с рукояточными встречаются такие, у которых рукоять и ральник являются отдельными частями, вставляющимися в грядиль. Происхождение этого типа рал, к которому относятся почти все украинские рала без полоза, представляет значительный интерес. Автор рецензируемой книги (стр. 84, рис. 26, *7*) склонен видеть в этих ралах типологическую модификацию рукояточных рал (хотя это и другое семейство, если последовательно пользоваться его терминологией). Думается, что о происхождении такой разновидности рала может быть предложена и другая версия [23]. Что касается изображения рала из Финнторпа II, которое и автор данной рецензии был в свое время склонен относить к указанному типу рал [24], то, вероятно, все же не следует интерпретировать незначительное смещение ральника относительно рукояти (даже не на полную их толщину) как конструктивное. Рало, изображенное на этом наскальном рисунке, следует относить к таким же рукояточным ралам, как и другие орудия этого типа, известные по наскальным рисункам Южной Швеции. В качестве варианта это предполагает и сам Ю. А. Краснов.

Раздел, посвященный однорукояточным кривогрядильным ралам, касается относительно мало распространенного типа орудий, генетически связанного с месопотамскими ралами и уже в эпоху поздней бронзы успевшего распространиться до Скандинавии. Отыскивая посредствующие звенья в цепи распространения этих рал между Ближним Востоком и Северной Европой, Ю. А. Краснов справедливо отмечает, что к тому же самому типу принадлежит и рало, изображенное на монете, чеканенной в финикийской колонии на побережье Пиренейского полуострова. Вполне вероятно и его предположение, что это ближневосточное орудие было принесено в Западную Европу финикийцами (стр. 104).

Некоторые сомнения вызывает стремление автора отнести к той же группе рал целый ряд европейских изображений и моделей пахотных орудий римского времени. Из них лишь одно — из Кельнского музея (стр. 101, рис. 33, *1*) — имеет конструкцию, при которой рукоять-ральник входит в отверстие в грядиле, что находит аналогию у скандинавских рал указанного типа. Следует отметить, что эта модель сильно стилизована — состоит из плоских бронзовых пластинок. Более реалистическая модель из Майнцкого музея [25] как будто не имеет никаких признаков такого соединения грядиля с рабочей частью. Другую форму имеют и наконечники этих орудий, так что их нельзя безоговорочно относить к одному типу. Сомнительно также суждение Ю. А. Краснова о характере скрепления рабочей части и грядиля пахотного орудия, представленного на магистерском значке Л. Пизона Фруги, изображенном на некоторых монетах. Все эти орудия имеют тем большее значение, что они имеют двойное отвальное приспособление и тем самым являются наиболее близкой аналогией появившегося в то же время так называемого «римского плуга», изображения которого неизвестны. Поскольку реконструкция «римского плуга» и тесно связанный с ней вопрос о генезисе плуга с односторонним отвалом — предметы давней и принципиальной дискуссии, здесь следует

[23] *А. В. Чернецов.* К изучению генезиса восточнославянских пахотных орудий. СЭ, 1975, 3, стр. 77, 78.

[24] *А. В. Чернецов.* К вопросу о происхождении восточноевропейского плуга и русской сохи. Вестн. МГУ. История, 1972, 2, стр. 80, 81, рис. 3, *4*.

[25] *P. Leser.* Entstehung und Verbreitung des Pfluges. Münster, 1931, S. 109, Abb. 26.

быть особенно осторожным. Не отвергая вероятной интерпретации Ю. А. Краснова, не следует забывать возможности иной интерпретации — указанные орудия могут отражать разные традиции, причем часть из них может быть отнесена к модификации традиционных для Средиземноморья грядильных и полозных рал.

Раздел, посвященный полозным и грядильным ралам, знакомит читателя главным образом с кривогрядильными ралами, хорошо известными, в частности, по античным изображениям и находкам в торфяниках Северной и Восточной Европы. Ареал этих орудий вытянут в широтном направлении и захватывает в основном страны Средиземноморья и ряд азиатских территорий вплоть до Северной Индии. В этом разделе не вполне убеждает рисунок на грузике с Троицкого городища, приводимый Ю. А. Красновым в качестве изображения рала (стр. 128, рис. 48, *3*). Думается также, что наскальный рисунок из Финнторпа I (в интерпретации которого не уверен сам автор рецензируемой книги, следующий в данном случае за П. Глобом) едва ли изображает кривогрядильное рало с дополнительным ральником, поскольку грядиль представлен прямым (стр. 133, рис. 50, *3*). Деталь, принимаемая Ю. А. Красновым за дополнительный ральник, скорее всего соединительная стойка рукояточного рала.

В результате рассмотрения различных видов пахотных орудий Ю. А. Краснов приходит к выводу, что генетически они происходят от трех разных прототипов, возникших самостоятельно. В историографическом плане эта мысль восходит к схеме Фр. Нопчи, предложившего независимое происхождение кривогрядильных и рукояточных рал, и к работам исследователей, доказывавших общее происхождение наиболее древних рал — месопотамских и древнеегипетских [26]. Следует отметить, что Ю. А. Краснов пришел к этой схеме вполне самостоятельно, обобщив значительные материалы, неизвестные этим ученым. Его построение является несравненно более обоснованным, так как оно базируется на тщательном критическом анализе материала. Наряду с этими гипотезами в литературе до последнего времени встречаются высказывания в пользу выведения всех пахотных орудий из одного прототипа, хотя это и не находит подтверждения в имеющемся материале. Отдельные авторы впадают в противоположную крайность — автохтонизм — и склонны необоснованно увеличивать количество районов земного шара, где пахотные орудия могли возникнуть самостоятельно. К числу пахотных орудий, возникших вполне самостоятельно, ряд авторов относит даже русскую соху [27] — орудие, возникшее в позднейшее время за пределами ранних очагов земледелия и в то же время в близком соседстве с территориями, имеющими давнюю традицию использования пахотных орудий. Ю. А. Краснов впервые в литературе со всей отчетливостью указывает на т р и независимых исходных типа пахотных орудий; впервые вполне логично пытается связать каждый из этих типов с каким-то конкретным древнейшим очагом земледелия по Н. И. Вавилову. Эти положения книги Ю. А. Краснова чрезвычайно важны как для истории земледелия, так и в общеисторическом плане. Указанная гипотеза Ю. А. Краснова о происхождении пахотных орудий на сегодняшний день является наиболее аргументированной.

Глава «О времени появления пашенного земледелия в Европе и о древнейших европейских пахотных орудиях» в основном полемическая. Многие ученые, отчасти под влиянием европоцентризма, склонны удревнять время появления пахотных орудий в Европе. В связи с этой тенденцией находятся попытки выделить в неолитическом материале каменные лемехи.

Необоснованные попытки «привязать» к пахотным орудиям каменные топоры, долота и т. п., не подходящие для этой цели по самому материалу, произвольные реконструкции, не находящие подтверждения ни в археологическом, ни в этнографическом материале, по существу находятся за пределами науки. Ю. А. Краснов убедительно это показывает. Небольшая группа роговых и деревянных орудий со

---

[26] *B. Hrosny.* La charrue en Sumer-Akkad, en Egypte et en Chine. «Archiv Orientalny», v. X, 3, 1938.

[27] *П. Н. Третьяков.* Ук. соч.; *В. П. Левашова.* Сельское хозяйство. В кн. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». Тр. ГИМ, 32, 1956; *А. В. Кирьянов.* Ук. соч., и работы других авторов.

следами трения о почву вполне обоснованно связывается Ю. А. Красновым не с пахотными, а с ручными орудиями для проведения борозд.

В последней главе «Проблема генезиса упряжных пахотных орудий» автор книги делает очередную попытку связать происхождение пахотных орудий с определенными ручными орудиями допашенного земледелия. Ю. А. Краснов принимает обе наиболее разработанные гипотезы о происхождении древнейших рал от мотыги и лопатообразного орудия для проведения борозд (типа шотландского cashrom). Следует отметить, что в отличие от Ю. А. Краснова ряд исследователей принимают только одну из этих гипотез. Наряду с этими ставшими уже традиционными «предками» пахотных орудий Ю. А. Краснов реконструирует и третий в виде орудия для проведения борозд, представляющего собой сдвоенную землекопную палку, от которого могли происходить древнейшие двухрукояточные рала Месопотамии (стр. 171—173). Это орудие реконструируется главным образом по этнографическим данным. Таким образом, каждый из трех выделенных им древнейших типов рал получает свой прототип из числа ручных орудий обработки почвы, могущих использоваться для проведения борозд. Недостаточная изученность древних ручных орудий, объясняющаяся скудостью источников, заставляет все-таки сдержанно относиться к вероятному и продуманному построению Ю. А. Краснова. Наибольшие сомнения вызывает гипотетический прототип древнейших месопотамских рал.

Работа не свободна от мелких недочетов и неточностей. Так, на стр. 71 рало, изображенное на фреске часовни св. Екатерины в Зноймо (Моравия), названо однорукояточным, хотя у него две ручки. Ясно, что для Ю. А. Краснова в данном случае важно то, что рукояти раздваиваются выше места прикрепления грядиля и рабочая часть не образуется соединением двух отдельных частей, верхняя часть которых служит ручками. Автор рецензируемой книги пользуется распространенными, но, на мой взгляд, неудачными терминами «высокое» и «низкое приложение силы». На стр. 55 рис. 12 имеет подрисуночную подпись, в которой указано, что на рисунке представлены двухрукояточные рала. В то же время у двух рал видна лишь одна ручка (*6, 7*). Ю. А. Краснов полагает, что в древнем Египте были распространены только двухрукояточные рала, а редкие изображения орудий с одной ручкой представляют в условной манере тот же единственный для древнего Египта тип рал. Это вполне вероятно, однако подрисуночная подпись неудачна. Не вполне точно заявление Ю. А. Краснова, что использование каменных лемехов неизвестно в этнографическом материале. П. Глоб приводит рисунок такого лемеха сирийского рала [28]. Этот единичный поздний пример, конечно, дела существенно не меняет, тем более, что ни один неолитический «лемех» не похож на него. К сожалению, оставляет желать лучшего качество иллюстраций. Часть их исполнена небрежно, и при пользовании книгой возникает необходимость обращаться к другим изданиям. Искажения орудий редки, но все же встречаются. Так, на стр. 121 на рис. 44, *3—5* и без того загадочные детали рал с расписной вазы Никосфена (вероятно, клинья, с помощью которых грядиль закреплялся в пазу полоза) изображены недостаточно ясно. На стр. 141 на рис. 55, *3*, изображающем статуэтку из Теламоне, неправильно изображено ярмо. Реконструкцию рала с каменным лемехом по П. Глобу следовало дать, как и в работе этого исследователя, в двух видах — иначе она непонятна (стр. 151, рис. 56, *2*).

Для лучшего восприятия исторической стороны исследования может быть следовало бы дать синхронистическую таблицу, показывающую появление пахотных орудий, эволюцию и распространение их типов на разных территориях. При картографировании разновидностей рал, известных по этнографическим данным, следовало оговариваться в подрисуночных подписях, за какими авторами следует Ю. А. Краснов, нанося те или иные ареалы. Распространение рукояточных прямогрядильных рал представлено на двух картах, в значительной мере дублирующих друг друга (стр. 77, рис. 22 и стр. 87, рис. 27).

Ю. А. Краснов очень кратко останавливается на довольно многочисленных опытах моделирования пахоты орудиями древних типов. Автор имеет полное право

---

[28] *P. V. Glob.* Op. cit., p. 88, fig. 114.

относиться ко многим из этих опытов скептически (в частности, Ю. А. Краснов указывает, что в ряде случаев опыты производились посредством орудий, реконструкция которых вызывает сомнения; известны опыты с использованием для пахоты лошади — животного, для которого характерен совсем иной режим работы, вместо общеупотребительного в древности крупного рогатого скота), однако об этом следовало сказать более подробно.

Все эти замечания ни в коей мере не умаляют значения работы Ю. А. Краснова. Издержки неизбежны при таком территориальном и хронологическом охвате. В рецензируемой книге сведен воедино и критически рассмотрен значительный материал по древнейшей истории пахотных орудий. Предложена новая, тщательно продуманная гипотеза об их генезисе. Намечены направления эволюции и пути распространения орудий. Проделана огромная подготовительная работа, подводящая историков к решению таких вопросов, как социально-экономическое значение развития и распространения орудий. В культурно-историческом плане представляет большой интерес, происходило ли распространение типов пахотных орудий в рамках широкого культурного влияния и с какими другими явлениями оно было связано в первую очередь. Наконец, пахотные орудия — это элемент комплекса земледельческих традиций и навыков, связанного с возделыванием тех или иных культурных растений. Насколько все эти элементы развивались независимо друг от друга? Конкретный ответ на многие из подобных вопросов, вероятно, будет принадлежать археологам и связанным с ними специалистам. И многое в этой области может быть сделано самим Ю. А. Красновым, специалистом по истории земледелия широкого профиля, в данной своей работе сознательно ограничившим себя только историей древнейших пахотных орудий.

Подводя общий итог рецензии, следует отметить, что вдумчивое исследование Ю. А. Краснова является, безусловно, значительным шагом вперед в области аграрной истории. Вероятно, всем авторам, работающим над аналогичными и смежными вопросами (не исключая и автора данной рецензии), придется в свете его книги пересмотреть многое в своих построениях.

А. В. Чернецов

В. И. Матющенко. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Изд-во Томского университета, 1973—1974 *

В. И. Матющенко в своих печатных трудах поставил огромную задачу: нарисовать картину более чем двухтысячелетнего исторического развития племен, обитавших в лесном и лесостепном Приобье в эпоху неолита и бронзы, вплоть до появления здесь первых железных орудий. В этом районе постоянно сталкивались исторические судьбы лесных и степных племен. Географические условия определяли порой резкие различия в экономике и культуре народов таежной, лесостепной и степной зон. Автор отдает себе в этом отчет, уже на первых страницах работы предупреждая читателей о сложностях, возникающих при исследовании археологических материалов в изучаемой им области. Это же побудило В. И. Матющенко обращаться к широкому кругу аналогий в различных областях Евразийского континента.

Не менее существенно, что в этом районе в определенные периоды отчетливо ощущался контакт между великими культурными провинциями и общностями, с одной стороны, западной части Азии и Восточной Европы, а с другой — Вос-

---

* *В. И. Матющенко.* Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура). «Из истории Сибпри», вып. 9. Томск, 1973, 147 стр. и 33 рис.; *его же.* Самусьская культура. Там же, вып. 10. Томск, 1973, 139 стр. и 69 рис.; *его же.* Андроновская культура на Верхней Оби. Там же, вып. 11. Томск, 1973, 116 стр. и 32 рис.; *его же.* Еловско-ирменская культура. Там же, вып. 12. Томск, 1974, 191 стр. и 107 рис.

точной Сибири и Дальнего Востока. В изучаемых областях, по-видимому, будет найден ключ к пониманию и синхронизации процессов, протекавших как в Европе, так и в Азии.

Наша историческая наука впервые получила насыщенную фактическим материалом серию публикаций, посвященных истории древнего населения Верхнего Приобья за период с III тысячелетия до н. э. по 700 г. до н. э. Это весьма серьезное исследование, основные положения которого неоднократно обсуждались как на местных совещаниях, так и на заседаниях секторов Института археологии в Москве и Ленинграде.

Структура работы очень четкая. Описание памятников и анализ вещевого материала закономерно приводят к выяснению вопросов хронологии, происхождения той или иной культуры. Текст сопровождают схемы, карты, таблицы. Характер издания (ротапринт) обусловил невысокое качество иллюстраций. Зато автору удалось быстро опубликовать большое исследование и сделать общим достоянием первоклассный научный материал.

Цифровые статистические таблицы помогают освоить большой массовый материал, описанный в работе. Однако упрекнем автора в том, что очень большой вещевой материал, приведенный на рисунках, преподнесен преимущественно в сводном, систематизированном по категориям виде, тогда как комплексы по отдельным памятникам отсутствуют, что затрудняет работу над материалом монографии. Кроме того, отсутствуют иллюстрации, характеризующие топографию и стратиграфию ряда памятников, планы многих могил и погребений (особенно в 9-м выпуске).

В. И. Матющенко выделяет три крупных этапа в развитии племен неолита и бронзы Верхнего Приобья. Древнейший из них — неолит.

Верхнеобская неолитическая культура, описанная автором, представлена в его работе большим и разнообразным материалом — не только древними поселениями, но и могильниками и наскальными рисунками, всего более чем 80 памятниками и отдельными местонахождениями. На карте они располагаются неравномерно, что является отражением неравномерного изучения территории.

Можно не согласиться с автором, что сделанная им реконструкция хозяйства неолитического населения Приобья «весьма условна и неполна» (стр. 75). Наоборот, для основных выводов в этом плане он располагал достаточными данными.

Вывод автора о принадлежности исследованных им памятников к особому локальному варианту, к особой культуре (стр. 114) обширной восточноуральской, урало-сибирской или западносибирской историко-культурной области соответствует общепринятой современной точке зрения и не вызывает возражений. В свете этого заключения получает объяснение и значительная близость последующей самусьской культуры к культурам Урала. Не находится ли, однако, в противоречии с этим выводом несколько раз подчеркнутое им преобладание восточных связей верхнеобской культуры над западными? На стр. 115 9-го выпуска он пишет: «Население, оставившее памятники этой культуры, тесным образом связано с племенами Енисея и других восточных областей». Однако преобладание восточных связей над западными не очевидно; наоборот, основной массовый материал — кремень и керамика верхнеобской культуры — близки зауральским, а иногда тождественны им (керамика зауральской стоянки Махтыли и могильника на Старом Мусульманском кладбище у Томска и мн. др.).

Рассматривая верхнеобскую культуру, можно прийти к мысли, что в настоящее время она представлена еще не полным кругом памятников: видимо, в ней отсутствуют материалы ранних этапов. Керамика пока что не дает типично неолитических полуяйцевидных закрытых форм, столь распространенных в соседней с запада восточноуральской неолитической культуре, родственной верхнеобской. Остродонные сосуды типа Первомайского (табл. 9, *1*) сближаются, скорее, с афанасьевскими формами. Отсутствуют архаичные формы и в кремневом инвентаре, хотя мы вправе ожидать их в Верхнем Приобье, заселенном еще в верхнем палеолите.

Мысль об отсутствии здесь ранненеолитических комплексов подтверждается и датировками автора: он относит верхнеобскую культуру к III — началу II тысячелетия до н. э. В то же время соседняя с запада восточноуральская неолитическая культура существовала по крайней мере уже с середины IV тысячелетия до

н. э., если не раньше [1], а закончилась, по некоторым новейшим исследованиям, даже не к началу II, а к середине III тысячелетия [2]. Вряд ли есть основания относить возникновение неолитической культуры на Верхней Оби к гораздо более позднему времени, чем в ее нижнем течении, на Иртыше и на Каме. Следовательно, можно ожидать открытия в Верхнем Приобье и более ранних неолитических памятников.

Можно было бы синхронизировать многие верхнеобские памятники с гаринским этапом медно-бронзовой эпохи на Каме, который заметно отличается от камской же неолитической культуры.

В. И. Матющенко, видимо, напрасно вводит в инвентарь этой культуры (стр. 58, рис. 8, *9*) сверленые проушные топоры, представляющие случайные находки. Некоторые из них являются искусными подражаниями в камне литым металлическим топорам (рис. 8, *1, 2, 4*; рис. 9, *2*) и поэтому, конечно, не могут относиться к неолитической культуре. Не спасает положение и оговорка автора на стр. 67, что «не исключено импортное происхождение их в Приобье», поскольку далее (стр. 126, 127) каменные сверленые топоры снова рассматриваются в плане западного воздействия и затем они фигурируют на сводной таблице (вып. 12, приложения, рис. 105, *31*). Автор не отметил единственную находку в комплексе просверленного каменного топора в соседнем Горном Алтае. Он был найден на древнейших медных выработках и отнесен, как и сами выработки, к афанасьевской энеолитической культуре. Допуская «возможность сосуществования неолитических культур и культур эпохи металла» (стр. 97), В. И. Матющенко ничего не говорит о контактах с соседней и отчасти синхронной афанасьевской культурой Южной Сибири. Отметим, что каменных топоров с просверленным проухом нет и в последующей культуре.

И еще один упрек можно сделать автору работы по разделу о неолите. Видимо, он не использовал всех возможностей для установления внутренней периодизации в пределах выделяемой им культуры. Между тем памятники ее очень разнообразны даже только по керамике и создают немало возможностей для периодизации с помощью сравнительно-типологического метода. К такому заключению приходишь, даже рассматривая табл. 4 — «Взаимовстречаемости некоторых изделий». Из нее видно, что некоторые формы, как, например, массивные топоры-тесла округлого сечения, асимметричные ножи и круглые скребки, являются «космополитическими», широко распространенными формами в Приобье, а другие, как, скажем, кремневые наконечники стрел с усеченным основанием и ланцетовидные наконечники стрел, имеют ограниченное распространение и друг с другом в конкретных комплексах почти не сочетаются. В то же время стрелы с усеченным и выемчатым основанием обычно находятся в отдельных общих комплексах, а обе эти формы — с концевыми скребками.

У автора зачастую не хватает весомых аргументов для обоснования хронологических этапов культуры (вып. 9, стр. 105—107). При синхронизации верхнеобских памятников с культурами отдаленных территорий В. И. Матющенко прибегает нередко к малоубедительным и довольно рискованным параллелям. Даже сам список их поразительно широк. В него вошли, например, Серово и Китой в Прибайкалье, Щигирский торфяник на Урале, Нальчикский могильник на Северном Кавказе, Оленеостровский могильник в Карелии, Мариупольский могильник в Приазовье, катакомбная культура в степях Восточной Европы. Думается, что в этом списке нашли место чересчур различные культурные явления: от раннего неолита или даже мезолита вплоть до эпохи средней бронзы. Вряд ли есть смысл использовать в качестве аналогий культуры и памятники, датирующиеся как минимум в пределах двух тысячелетий, с совершенно различным уровнем хозяйственного развития и культурной ориентацией. К отбору параллелей, безусловно, следовало бы подходить более строго.

---

[1] *О. Н. Бадер.* Уральский неолит. МИА, 166, 1970.

[2] *В. Ф. Старков.* К вопросу о периодизации зауральского неолита. Сб. «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970.

Второй этап связан в основном с началом в Приобье бронзового века в его наиболее раннем проявлении — самусьской культурой. Именно тогда этот район сделался своеобразным центром Северной Евразии, с которым целый ряд современных исследователей связывает решение сейминско-турбинской проблемы.

Эта проблема возникла полвека назад вместе с открытиями Сейминского могильника и Бородинского клада. И с тех пор вот уже три поколения, дореволюционных, советских и зарубежных, археологов пытаются разобраться в тех удивительных историко-культурных явлениях, которые произошли в середине или третьей четверти II тысячелетия до н. э. на колоссальном по своей протяженности пространстве: от верховьев Оби вплоть до верховьев Волги и дальше на запад — до Молдавии. Всего три могильника (не считая мелких и спорных) известно здесь — Сейминский, Турбинский и Ростовкинский. Эту цепь на востоке замыкает замечательное Самусьское поселение с его литейными формами, а на крайнем западе — Бородинский клад. Восточную половину всех этих памятников, а именно Самусь на Томи и Ростовку в Прииртышье, археологи узнали благодаря работам В. И. Матющенко. Эти находки сразу же сделались центром внимания, ведь еще В. А. Городцов и А. А. Спицын справедливо определили восточные корни этой культуры. И вполне закономерно, что с восточными памятниками сейминско-турбинской территории стали связывать многие исследователи свои надежды на разрешение загадочной проблемы.

В. И. Матющенко прекрасно ориентируется в этих вопросах. Он не только открыл и раскопал эти памятники и тем самым как бы создал заново восточный раздел этой проблемы, но и дал в целом правильную их историческую интерпретацию, определил их место в ряду синхронных древностей не только Сибири, но всей лесостепной Евразии.

Подробное описание и толкование своих находок автор уже дал в многочисленных публикациях, и они достаточно широко использовались археологами. Здесь он повторяет, уточняет и дополняет их. В исследовании дана характеристика самусьской культуры, с которой и связывает автор основной комплекс находок с поселения Самусь IV.

Столь высокая оценка этой части работы не означает, что она свободна от слабостей или дискуссионности ряда положений. Дискуссионность некоторых вопросов мы никак не можем относить к разряду недостатков работы, ведь по существу вся эта проблема носит достаточно дискуссионный характер. Кажется, что здесь, как и в первой части, слабее всего выглядит хронология. Так, трудно объяснить смысл табл. 6 в 10-м выпуске работы. Подобные таблицы сопряженности типов в закрытых комплексах составляют обычно, чтобы выяснить характерные группы наиболее часто встречающихся форм предметов или же по существу синхронизмов. Действительно, здесь обработан материал таких закрытых комплексов — погребений, кладов, комплексных литейных форм. Но совсем непонятным выглядит присутствие в этой таблице материала целых могильников типа Турбинского, тем более что наряду с этим рассматриваются и типы вещей из отдельных могил того же Турбинского некрополя. В эту таблицу попали даже «клады Северного Причерноморья», хотя число их в настоящее время приближается к 50 и они весьма разнообразны с точки зрения дат и культурной принадлежности (как, впрочем, и типов орудий). Попали в эту таблицу также и вещи (или «комплексы» вещей) с ряда поселений. Эта неудачная таблица без изменений повторяется в 10, 11 и 12-м выпусках работы; тем самым ей придается большое значение.

Дискутируя с Е. Н. Черных по поводу относительных дат кельтов сейминских и турбинских типов и соответственно хронологического отношения между Сейминским и Турбинским могильниками, В. И. Матющенко утверждает, что горизонтальная стратиграфия Ростовки схемы Е. Н. Черных не подтвердила. Это не совсем понятно, так как сам автор пишет (вып. 10, стр. 51), что в Ростовке турбинских типов кельтов нет и соответственно такую работу на материалах Ростовкинского могильника проводить вряд ли возможно. Ограничиваться только одной фразой для обсуждения подобного серьезного вопроса нельзя. Думается, что именно в этой работе следовало бы привести максимум доказательств своей точки зрения. Ссылка же на два комплекса из Ростовки, которые якобы подтверждают более поздний воз-

раст сейминских кельтов, не убеждает, поскольку они учтены в работе Е. Н. Черных по Волго-Уралью, который считал их в этой серии комплексов позднейшими [3].

Слабо аргументировано и выделение двух хронологических этапов самусьской культуры. Отсутствие следов металлообрабатывающей деятельности на поселениях (кроме Самусь IV) не может служить доводом в пользу их более раннего возраста (а это главный аргумент автора). Находки литейных форм на поселках — явление весьма нечастое. Такого рода находки связаны преимущественно с характером поселка или даже отдельных жилищ на нем, но не с датой памятника. Стратиграфических доказательств относительной датировки самусьских поселений нет.

Соглашаясь, что нижняя дата самусьской культуры может восходить к началу II тысячелетия до н. э., укажем, что постоянная опорная отсылка автора к радиоуглеродной дате одной из якобы окуневских могил — 1750 г. до н. э. (вып. 9, стр. 108, 109; вып. 10, стр. 59 и др.) не точна. Дело в том, что в указываемой статье ясно сказано: «Датировка — афанасьевская культура. Образец представлен Г. А. Максименковым» [4]. Излишне говорить, что Максименков не мог спутать окуневскую могилу с афанасьевской.

Чтобы покончить с главными замечаниями по хронологическим аспектам работы, остановимся вкратце на некоторых разделах синхронистической таблицы, венчающей исследование (приложение к вып. 12, рис. 107). Здесь начало срубной и андроновской культур относится к XX/XIX вв. до н. э., а культура абашевская возникает только лишь после конца срубной культуры, т. е. в X в. до н. э. и даже позднее. Сейчас на десятках памятников стратиграфически доказано, что, например, абашевская культура появляется раньше срубной и соответственно андроновской, а памятники последних общностей не содержат сколько-нибудь ярких и доказательных материалов, позволявших бы относить их в такую глубокую древность. Впрочем, эти разделы не имеют прямого отношения к разрабатываемой В. И. Матющенко теме.

Еще несколько замечаний по разделу самусьской культуры. Кажется, набор литейных форм с Самуси все-таки нуждается в более подробной и тщательной обработке. В настоящем виде их публикация неполна; и это тем более досадно, что литейные формы — самая важная часть коллекции поселения.

При будущих исследованиях следует, видимо, уделить больше внимания выяснению основы хозяйства самусьского населения. До сих пор остеологического материала с самусьских селищ фактически нет, и решение этого важного вопроса в значительной мере повисает в воздухе.

Второй этап истории населения Приобья весьма примечателен также тем, что в это время распадается культурное единство племен таежной и лесостепной зон, наблюдавшееся в предшествующий неолитический период. В степи и лесостепи появляются племена андроновской культурно-исторической общности. Их памятникам посвящен следующий раздел работы В. И. Матющенко (вып. 11). Здесь, как и в предыдущих выпусках, основные материалы получены благодаря открытиям и раскопкам автора, среди которых особенно важен Еловский II могильник (117 грунтовых могил).

Его открытие доказало наличие в Томском Приобье андроновской культуры и позволило точнее классифицировать местные древности. Однако заявление В. И. Матющенко, что «все андроновские памятники Верхней Оби, по единодушному мнению исследователей, являются федоровскими» (вып. 11, стр. 42), неточно. Да и сам Матющенко ниже справедливо указывает, что «верхнеобские андроновцы, обнаруживая близость и к федоровцам и к алакульцам, имеют, вероятно, сложный генезис своей культуры» (вып. 11, стр. 45).

Не вполне отчетливые представления сложились у автора и по поводу датировки андроновского этапа на Верхней Оби. В 10-м выпуске (стр. 124) указано,

---

[3] *Е. Н. Черных.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, табл. Г, № 68, а также не включенные в таблицу комплексы — стр. 92.

[4] *А. А. Семенцов, Е. Н. Романова, П. М. Долуханов.* Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА. СА, 1969, 1, стр. 258.

что «примерно в XV, а скорее всего в XIV в. до н. э. на территорию Верхней Оби проникают андроновские племена, вытеснившие и ассимилировавшие часть самусьского населения». Продвигаются они на север до современной дер. Еловка на юге Томской области, где исследован Еловский II могильник, давший две радиоуглеродные даты (XII в. до н. э.; стр. 59). В тот же период времени, по мнению автора, андроновцы прошли и на Енисей (вып. 10, стр. 125). Так как верхняя дата самусьского комплекса в поселении Самусь — XIV—XIII в. до н. э. (стр. 58), то андроновцы вытеснили самусьцев в этом районе на рубеже XIII и XII вв. до н. э. (стр. 58, 59). По мнению автора, часть самусьцев продолжала соседить с андроновцами и позднее, занимая Томско-Нарымское Приобье (стр. 125).

В другом месте (вып. 11, стр. 42), приводя те же даты для Еловского II могильника, В. И. Матющенко, учитывая некоторые категории бронзовых предметов, не без основания предполагает «сосуществование верхнеобских андроновцев и племен карасукской культуры».

По опубликованным, но не учтенным В. И. Матющенко данным, карасукская культура сформировалась на Енисее в начале XIII в. до н. э. на базе слияния пришлых с юго-востока карасукских племен с какими-то частями местных андроновцев, а также с пришедшими в то же время алакульскими элементами [5]. С этой точки зрения какая-то часть алакульцев прошла на рубеже XIV и XIII вв. до н. э. через Верхнюю Обь на Енисей, где уже в течение нескольких веков обитали федоровские андроновцы. Последние именно в это время были в основной своей массе вытеснены карасукцами с Енисея на запад и, вероятно, прежде всего в район Томского Приобья. Возможно, поэтому, как указывает автор (вып. 11, стр. 48), верхнеобские андроновские черепа «очень близки к андроновским черепам Минусинской котловины», а также поэтому «мы имеем дело со сложным процессом взаимодействия двух групп, носителей федоровских и алакульских комплексов культуры» (стр. 67).

Но в таком случае необходимо допустить, что федоровцы прошли на Енисей через Верхнюю Обь гораздо раньше XIV в. или же что они вообще вышли с Енисея на запад. Но, конечно, решение этих весьма сложных проблем, связанных с происхождением различных культур андроновской культурно-исторической общности,— это дело будущего.

Последнюю часть (вып. 12) своей большой работы В. И. Матющенко посвящает культуре самого конца эпохи бронзы — так называемой еловско-ирменской. Этот этап — по существу третий в схеме автора — также один из дискуссионных в археологической литературе по Сибири. Существенно, что выделение еловско-ирменской культуры логично обосновано в семи пунктах (вып. 12, стр. 4, 5). Следует согласиться с выделением двух этапов развития этой культуры. Важнейшие материалы и по этому разделу большого сводного труда собраны в полевых условиях самим автором и его учениками. Мы имеем в виду прежде всего материалы раскопок таких важных памятников, как Еловское поселение, Еловские I и II могильники, Ирипский Борик, Самусь III и IV и др.

Нельзя сказать, что материалы по этому периоду бронзового века ранее были неизвестны. С. В. Киселев и М. П. Грязнов выделяли (каждый со своими нюансами) так называемый «алтайский вариант карасукской культуры». Но уже с начала 50-х годов стало ясно, что на Верхней Оби существовала особая культура. Новые материалы В. И. Матющенко и проведенный им анализ, данный в настоящей работе, безусловно доказали правомерность выделения особой еловско-ирменской культуры.

Хотелось бы отметить одну важную особенность многолетней подготовки настоящей монографии. В. И. Матющенко, встретив иную точку зрения по поводу добытых им материалов, нередко производил дополнительные раскопки памятников, расположенных на других отдаленных территориях, с тем, чтобы получить возможность решить тот или иной вопрос.

Следует приветствовать приемы ведения научной полемики, применяемые автором. Он подробно и в доброжелательном тоне разбирает мнения своих коллег и с

---

[5] *Л. Р. Кызласов.* Карасукский могильник Хара хая. СА, 1971, 3.

учетом большого фактического материала отстаивает собственные убеждения, а иногда принимая чужое, более обоснованное мнение, честно отказывается от своей точки зрения, высказанной им ранее в печати (например, о переименовании томской культуры в самусьскую — вып. 10, стр. 6).

Рассматривая памятники II тысячелетия до н. э. в исследовании В. И. Матющенко, хочется затронуть проблему смещения ландшафтных зон, связанную с историей культурных сдвигов, так как автор не считает возможным говорить об этом смещении на территории Верхнего Приобья и сдвиги населения склонен объяснять только внутренними причинами его экономического и общественного развития (вып. 12, стр. 173 сл.).

После работ Блитта, Сернандера и др. по палеоклиматологическому членению голоцена в Северо-Западной Европе и В. С. Доктуровского и Д. А. Герасимова в СССР, ставших классическими, был до 60-х годов включительно накоплен значительный фактический материал, в целом подтверждающий правильность палеоклиматологической схемы Блитта — Сернандера.

Однако некоторые ученые за рубежом и у нас выступили против традиционных взглядов Блитта — Сернандера с их ксеротермическим периодом в суббореальное время, выдвигая на первый план фазы развития лесов.

В последнее время, основываясь на новых пыльцевых анализах и радиокарбоновых датировках преимущественно торфяных залежей Русской равнины, Урала и Сибири, Н. А. Хотинский осуществил попытку широкой корреляции этапов истории растительности и климата Северной Евразии и уточнения схемы Блитта — Сернандера; его данные не подтверждают ксеротермического характера климата ни в III, ни во II тысячелетиях до н. э., так же как и сдвига ландшафтных зон к северу.

Однако характер, распространение и стратиграфия археологических культур эпохи бронзы на Русской равнине, Урале [6] и Сибири [7] говорят иное: они подтверждают имевший место сдвиг ландшафтных зон и существование засушливого климата в эпоху бронзы. Целый ряд фактов, добытых археологией, невозможно иначе объяснить. Наблюдающиеся в это время массовые переселения скотоводческих племен в глубь тайги просто немыслимы без сдвига ландшафтных зон к северу; условия таежных лесов не подходят для скотоводческого хозяйства.

Для территории Приобья этот вопрос подробно разобран М. Ф. Косаревым [8].

Важным фактором, фиксируемым на археологических памятниках, относящихся к суббореальному периоду, является их стратиграфия, расположение на относительно низких уровнях аллювиальных террас и на берегах озер. Это могло иметь место только при понижении уровня водоемов в условиях засушливого климата.

Данное положение иллюстрируется массой примеров с территории Русской равнины и Урала [9]. В Зауралье, по К. В. Сальникову, поселения андроновской культуры «обнаруживаются на низких берегах рек, на самом краю современной поймы, а иногда и в пойме», которая, следовательно, тогда не покрывалась разливами, но в последующее время была покрыта мощными речными наносами. Аналогичную картину рисуют последние исследования В. Ф. Генинга и Т. М. Потемкиной в Курганской области. Яркое свидетельство об условиях ксеротерма, по В. Н. Чернецову, дает Омская стоянка на Иртыше, существовавшая с конца III почти до конца II тысячелетия до н. э. Аналогичные условия отмечены А. Я. Брюсовым для раннебронзовой стоянки у оз. Большой Аксуат в Кустанайской области. В этом же отношении весьма интересны наблюдения Г. А. Здановича, недавно сделанные при изучении позднебронзовых поселений на р. Ишиме в Кустанайской области. Важна и стратиграфия стоянки Верхний Сор на берегу р. Анмы, обследованной В. И. Ма-

---

[6] *О. Н. Бадер.* Проблема смещения ландшафтных зон в голоцене и археология. Сб. «Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене». М., 1974.

[7] *М. Ф. Косарев.* Некоторые особенности древней истории Томско-Нарымского Приобья в свете данных палеогеографии. СА, 1971, 2, стр. 45; *его же.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.

[8] *М. Ф. Косарев.* Некоторые особенности..., стр. 42.

[9] *О. Н. Бадер.* Проблема смещения ландшафтных зон в голоцене...

тющенко: в наше время это поселение самусьской культуры каждый год заливается весенними паводками (вып. 10, стр. 78).

Мы далеки от мысли ставить миграции первобытного населения в прямую зависимость от колебаний климата и сдвигов ландшафтных зон. Но в конце суббореального периода, в эпоху бронзы, когда в лесу обитали охотничьи племена, а рядом с ними в степях население уже перешло к производящему, земледельческо-скотоводческому хозяйству, каждое смещение границ между лесом и степью не могло не отражаться на размещении населения. И Верхнее Приобье в андроновское и еловско-ирменское время дает этому яркие примеры.

Приведенные факты нельзя недооценивать.

Только упорные, длящиеся уже четверть века полевые исследования автора, а в последнее время и его учеников по Томскому университету, могли дать обширный и основополагающий новый материал, обобщенный и исторически интерпретированный в рецензируемом труде. Вклад автора в советскую археологическую науку трудно переоценить. Отмеченные в нашей рецензии разногласия и недостатки в работе такого масштаба вполне естественны, и не они отражают лицо исследования. Полагаем, что опубликованная В. И. Матющенко работа знаменует заметный и важный этап в изучении древней истории народов Западной Сибири.

О. Н. Бадер, Л. Р. Кызласов, Е. Н. Черных

Л. Д. Поболь. Славянские древности Белоруссии. (Ранний этап зарубинецкой культуры). Минск, 1971. **Л. Д. Поболь. Славянские древности Белоруссии. (Могильники раннего этапа зарубинецкой культуры).** Минск, 1973. **Л. Д. Поболь. Славянские древности Белоруссии. [Свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры — с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э.).** Минск, 1974.

В советской археологической науке произошло событие. Вышли из печати в трех томах «Славянские древности Белоруссии» Л. Д. Поболя. Три книги, составляющие 890 страниц текста с многочисленными рисунками, планами, картами, таблицами. Столь капитального издания археологи давно не видели, а о том, насколько важным звеном в проблематике этногенеза славян и их ранней истории является зарубинецкая культура, говорить не приходится. Труд Л. Д. Поболя, исследователя, ведущего интенсивную полевую работу, собравшего огромные материалы, не может не привлекать особого внимания. Никто, кроме Л. Д. Поболя, не видел этих материалов полностью, поскольку многое рассеяно по маленьким музеям Белоруссии. Читатель, естественно, ожидает от книг Л. Д. Поболя полного и развернутого обоснования его концепции, общие положения которой в основных чертах уже известны по более ранним работам [1].

Суть ее прежде сводилась к следующему: зарубинецкая культура генетически восходит к милоградской, перерастая в дальнейшем в культуру исторических славян, из чего следует, что и сама зарубинецкая культура — славянская. В принципе против возможности такого решения вопроса возражать не приходится, и дело лишь в том, как и чем будет аргументировать эти положения автор и насколько очевидно будут вытекать его выводы из материалов, представленных наконец-то полностью.

В работе Л. Д. Поболя есть публикация всех комплексов Чаплинского могильника, эталонного памятника верхнеднепровской группы и самого большого, самого представительного, полностью раскопанного могильника зарубинецкой культуры, Разработана его горизонтальная стратиграфия и проведено сопоставление с другими

[1] *Л. Д. Поболь.* Поселения и могильник зарубинецкой культуры в Чаплине. Автореф. канд. дис. М., 1960; *его же.* Белорусское Поднепровье в I тысячелетии нашей эры. «I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej», II. Warszawa, 1969), стр. 306—323; *его же.* Памятники Южной Белоруссии. Сб. «Очерки по археологии Белоруссии». Минск, 1970, стр. 138—168.

памятниками, выделены стадии развития культуры, дана типологическая характеристика керамики, отдельных видов инвентаря, классификация поселений и даже «топонимический анализ археологических памятников раннего железного века Поднепровья».

Вместе с тем композиция труда Л. Д. Поболя как целого отличается нечеткостью структуры. Анализ погребального обряда, инвентаря, горизонтальная стратиграфия Чаплина и все основные выводы даны в первой книге, а публикация комплексов этого могильника — во второй, сопоставления с могильниками Полесья и Среднего Поднепровья — в третьей, представляющей, судя по подзаголовку, свод памятников. Поселениям посвящена первая глава первой книги, а их классификации — вторая глава третьей и т. д. По-видимому, книги писались без единого плана. Просто во вторую книгу вошло то, что не поместилось в первой, а в третью — все то, что не вошло в первые две. При этом возникла масса излишних повторов. Если следовать элементарной логике, то читать все три книги лучше в обратном порядке: от краткого геологического обзора Поднепровья и истории исследования древностей зарубинецкой культуры (I глава третьей книги) до «Некоторых спорных вопросов зарубинецкой культуры», где рассматривается гипотеза о ее происхождении, этнической интерпретации и даются собственные заключения автора (§ 2 главы IV первой книги).

Чрезвычайно досадно обилие неточностей в работе. А ведь науки, даже самые «неточные», требуют точности — точности обращения с фактами, точности мысли. Точность есть свидетельство уважения к своему делу, к науке как таковой. При чтении труда Л. Д. Поболя постоянно натыкаешься на неточности. То на карте (кн. 1, рис. 80, вкладка) р. Горынь оказывается Случью, а Стырь — Стоходом, то во второй книге комплекс погр. 4 из могильника Велемичи II помещен в первую стадию развития культуры (рис. 9), а в третьей книге это же погребение числится во II стадии (рис. 10, стр. 48). Причем никаких оговорок на этот предмет не сделано. То в комплекс погр. 103 того же могильника вместо найденных там обломков горшка помещается кружка из погр. 92 (кн. 3, рис. 25, *11, 12*), то вместе оказываются объединены комплексы погр. 80, и 82 (кн. 3, рис. 17, *5—14*), а подвеска из погр. 84 попадает в 86 (кн. 3, рис. 21, *18*)[2]. На стр. 88 третьей книги приводится рис. 31, где показано расположение на могильнике Велемичи II погребений с разным количеством сосудов. Рассматривая его, обнаруживаем, что в группе погребений с двумя сосудами из 14 погребений лишь в 7 было действительно по два сосуда, а в остальных (17, 69, 83, 91, 102, 107) по одному или по три, а в погр. 15 вообще ни одного. Та же картина и с группой погребений с тремя сосудами: из 73 действительно по три было лишь в 52 погребениях, а в 21 погребении — по одному или по два. В первой книге указано, что в погр. 65, 118 и 220 Чаплинского могильника миски найдены вместе с бусами (стр. 98, 99), а в описании этих погребений во второй книге бусы не упоминаются. Железная скрепа из Чаплина в книге 1 происходит из погр. 120 (рис. 68, *27*), а в книге 2 — из 125 (стр. 121, рис. 40, *21*). В описании погр. 181 Чаплина указываются две позднелатенские фибулы (кн. 2, стр. 153, рис. 52, *13, 14*), а в сводной таблице (стр. 215) они превращаются в подковообразные. Нет в этой таблице и фибулы из погр. 1 (кн. 2, стр. 60, рис. 14, *2*, ср. стр. 208). Л. Д. Поболь пишет, что в погр. 31 могильника Отвержичи были обнаружены «трехвитковый бронзовый браслет с расплющенными концами и керамика позднего этапа зарубинецкой культуры с орнаментом в виде расчесов» (кн. 2, стр. 40). В действительности браслет (или «гривна») был найден в погр. 17, а керамика с расчесами, но не позднего этапа зарубинецкой культуры, а нижняя часть сосуда-клёша, типичного для предшествующей поморско-подклешевой культуры,— в погр. 42 [3]. Никогда не было найдено «гончарной черняховской

---

[2] *К. В. Каспарова.* Зарубинецкий могильник Велемичи II. АСб. ГЭ, 14, 1972, рис. 9; 19, *6*; 11, *4—6*; 14, *5*; 15, *12*; 16, *2*; 22, *8*; 11, *17*, стр. 102—111; Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, Д1-29, М., 1961, стр. 45, 46, 48.

[3] *К. В. Каспарова.* Могильник и поселение у дер. Отвержичи. МИА, 160, 1969, стр. 163—165.

керамики» в погр. 55 (кн. 2, стр. 40), а тем более «черняховского горшка» (кн. 3, стр. 278) [4].

Описание жилищ Чаплина не совпадает с их изображениями на плане (кн. 1, стр. 15—28, рис. 8, 9). Жилища № 13—21 выделяются автором «по открытым очагам и по скоплению раздавленных сосудов» (кн. 1, стр. 15, 16), но хотя в жилище 13 по описанию было три очажных площадки и около них разбитые сосуды, на планах нет ни одного очага и ни одного сосуда. На основании чего же очерчены контуры жилища? Не находим мы ни очага, ни керамики и на плане жилища 14, ни на планах жилищ 15, 16, 19, где, судя по тексту, они должны быть. В жилище 18 по описанию был один очаг в центре, а на плане их оказывается два — у восточной стенки и в юго-западном углу. В жилище 20 очажная площадка должна быть в северо-западном углу, но ее там нет и не может быть, так как жилище не докопано и северо-западный угол уходит под стенку раскопа. И так далее — чем дальше, тем больше.

Перечисление всех неточностей, описок, оговорок в работе Л. Д. Поболя может быть продолжено. Но на читателя уже действует «правило тринадцатого удара» — можно ли верить хоть одному удару часов, пробивших тринадцать раз? Можно ли верить и всем другим данным, приведенным в книгах Л. Д. Поболя? Во всяком случае, их необходимо каждый раз проверять, а ведь все проверить нельзя. Обилие ошибок характеризует созданную автором атмосферу, в которой он творил свой труд, атмосферу неточности и безответственности. Мелкие, казалось бы, ошибки, вроде перепутанных комплексов, чреваты, кроме того, серьезными последствиями. Если книгами Л. Д. Поболя будут пользоваться как полноценной научной публикацией, то ошибки перекочуют в другие статьи и книги, на них будут строиться новые гипотезы и заключения, ошибки будут нарастать как снежный ком и реконструируемая совместными усилиями археологов картина древнего мира окажется неоправданно искаженной.

Многие из этих неточностей носят отнюдь не невинный характер — на них основываются концепция и фундаментальные посылки труда Л. Д. Поболя. Яркий пример — создание Л. Д. Поболем «дофибульной» стадии зарубинецкой культуры на Чаплинском могильнике, а затем и на других памятниках.

Для выяснения генезиса любой археологической культуры всегда важно выделить ее начальную стадию, что дает возможность сопоставления с культурами предшествующего времени и тем самым решения поставленной задачи. В отношении же зарубинецкой культуры уже давно замечено, что если базироваться на хронологии фибул, то зарубинецкая культура оказывается в хронологическом отношении оторванной от предшествующих местных культур приблизительно на 100 лет. Поэтому возникает предположение о наличии некой ранней, «дофибульной» стадии. Однако стадия культуры, не получившей еще такого сильного импульса латенской культуры, который выразился в появлении фибул, должна была бы отличаться рядом специфических черт, выявление которых и составляет задачу исследователя. Посмотрим, как решает эту задачу Л. Д. Поболь.

Самой многочисленной группой вещей из 49 погребений первой, «дофибульной» стадии Чаплинского могильника являются округлобокие миски «II отдела». Они найдены в 30 погребениях из 49. Но 25 таких же мисок найдено в погребениях второй, «фибульной» стадии, в 14 случаях в сочетании с фибулами (погр. 27, 34, 72, 85, 103, 105, 106, 109, 127, 132, 212, 219, 255, 267) [5].

Самая многочисленная категория материала первой стадии, таким образом, в равной мере представлена и во второй, и миски эти ничем друг от друга не отличаются. Причем в 9 погребениях с округлобокими мисками, включенными Л. Д. Поболем во вторую стадию (погр. 100, 112, 113, 203, 204, 220, 221, 224, 251), они не сочетались с другими материалами (кроме бус в погр. 112, одинаково характерных

---

[4] Там же, стр. 166.

[5] Пользуемся здесь данными корреляционной таблицы (кн. 1, рис. 76), которая почему-то названа еще «опытом классификации», данными, как это часто бывает у Л. Д. Поболя, расходящимися с приведенными в других местах. На стр. 97 кн. 1 указано 17 таких сочетаний, но на таблице (рис. 76) для погр. 55 и 94 не обозначены фибулы, а для погр. 16 — миска (кн. 2, стр. 85, 103, 67).

как для первой, так и для второй стадии и, следовательно, в данном случае для хронологии индифферентных). Неясно, почему же 9 указанных захоронений входят во вторую стадию, а 22 с такими же сочетаниями инвентаря — в первую? Очевидно потому, что иначе первая стадия расползется по всему могильнику, а не будет сгруппирована в центре могильника, где ей полагается быть по Л. Д. Поболю. И без того концентрация погребений первой стадии не очень отчетлива: на территории, где располагались 49 могил первой стадии, находятся и 25, относящихся ко второй (кн. 1, рис. 70, Б).

То же происходит и с так называемыми «груболепными» горшками. В эту группу Л. Д. Поболь включил абсолютно различные по форме сосуды. Достаточно сравнить находки из погр. 8 (кн. 2, рис. 15, *1*), погр. 42 (кн. 2, рис. 23, *5*) и погр. 93 (кн. 2, рис. 32, *20*). А бóльшая часть сосудов этой группы представлена такими мелкими фрагментами, что о форме судить невозможно. Погребения, где были только «груболепные» горшки, Л. Д. Поболь относит к первой, «дофибульной» стадии (погр. 3, 5, 8, 42, 79, 93), а все погребения, где такие же «груболепные» горшки сочетались с фибулами и мисками,— ко второй и третьей стадиям! Таким образом, никакой специфики материала первой стадии эта категория находок тоже не выявила. Так, горшок из погр. 3 первой стадии является бесспорным аналогом горшка из погр. 25 (кн. 2, рис. 14, *3*; 19, *2*), сочетающегося с фибулами позднейших типов. Есть, правда, в составе первой, «дофибульной» стадии вещи, не выступающие в сочетании с типами, представленными на следующих этапах развития зарубинецкой культуры. Они действительно могли бы служить диагностирующим признаком этой стадии. Имеются в виду чаши «без выраженной шейки» и наконечники дротиков (кн. 1, рис. 76). Но они встречены всего в семи погребениях, что для 100 лет (середина III — середина II в. до н. э.), отведенных Л. Д. Поболем на эту стадию, явно маловато. Более «солидной» автор сделал первую стадию за счет упомянутых выше мисок II отдела, по его мнению скифоидных.

Исходным пунктом для Л. Д. Поболя является тот факт, что скифская культура существовала до середины III в. до н. э., следовательно, не позже этого момента носители зарубинецкой культуры могли получить такие «скифские» элементы, как чаши с загнутым внутрь венчиком, т. е. «без выраженной шейки», наконечники дротиков и подковообразные фибулы типа сюльгам. На первый взгляд все логично. Однако внимательное рассмотрение заставляет оценить ситуацию иначе. Начнем с чаш. В число этих мисок «I отдела», или «широких чаш», включены «миски, не имеющие шейки», весьма различные по профилировке и пропорциям (кн. 1, стр. 98, табл. 17; кн. 2, рис. 36, *19*; рис. 55. *14, 19*). Непонятно тогда, почему не включены сюда же и не имеющие шейки, очень напоминающие «скифские» миски из погр. 259 и 271 (кн. 2, рис. 69, *25*; 73, *8*)? Сходство этой группы керамики, представленной не только в Чаплине, но и на других зарубинецких могильниках, например в Пироговском, с мисками с вогнутым внутрь краем скифских памятников действительно достаточно велико. Однако Л. Д. Поболь ошибочно полагает, что эта форма мисок в скифском мире окончила свое существование в III в. до н. э. На Нижнем Днепре и в Крыму в культурном слое позднескифских городищ II в. до н. э. — I в. н. э. подобные миски встречаются постоянно [6], и вполне вероятно, что заимствована эта форма зарубинцами не у предшественников, а у современников-соседей, тем более что на этих городищах иногда находят и зарубинецкую посуду. Возможно и еще одно объяснение этой формы зарубинецкой керамики. Известно, что зарубинецкая культура — одна из культур Европы, находившихся под сильным воздействием кельтской цивилизации, и что ее лепная керамика во многом напоминает гончарную керамику кельтов. Так, среди кельтской гончарной керамики имеется не столь многочисленная, но устойчивая серия мисок с загнутым внутрь венчиком [7]. Представлены такие миски в небольшом числе и в

---

[6] *Н. И. Погребова.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, 64, 1958, рис. 27, *1*; 42, *4, 6*; 45, *10*; *О. Д. Дашевская.* Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма. МИА, 64, 1958, рис. 3, *14—19*; 5, *1*; 6, *22*; 7, *12*.

[7] *J. Filip.* Keltové ve střední Evropě. Praha, 1956, Tabl. CIII, *7, 8*; CXII, *23*, CXIII, *8*; CXIX, *8*; CXX, *12*; CXXII, *8*; CXXIII, *1*; CXXXII, *5, 6, 11*.

пшеворской культуре. В зарубинецкой же они тоже немногочисленны. Таким образом, возможности попадания в зарубинецкую культуру мисок с загнутым внутрь краем не обязательно объясняется контактами со скифским субстратом. Существуют и другие, не менее вероятные решения.

Железные дротики скифов Среднего Поднепровья V—III вв. до н. э. имеют характерное отношение пера к втулке приблизительно как 1 : 4 или 1 : 6 [8]. Это отличает их от чаплинских зарубинецких с соотношением 1 : 2 или 1 : 1,5 и сближает последние с оружием синхронных пшеворской и оксывской культур [9]. Опять больше оснований говорить о связях с соседями, чем с предшественниками, а значит исчезают и обоснования для ранней даты «дофибульной» стадии.

Важное место в концепции Л. Д. Поболя занимают круглые подковообразные фибулы или пряжки типа сюльгам как показатель контактов носителей зарубинецкой культуры со скифами еще в середине III в. до н. э. Такие пряжки были найдены в «Частых курганах» на Среднем Дону в комплексах еще IV в. до н. э. Однако в материалах «Частых курганов» (цитируем сборник «Население Среднего Дона в скифское время») «можно отметить группу вещей, которые характерны для финно-угорских народов. В их числе пронизки прикамского типа, сюльгамы...» [10]. И действительно, кроме четырех пряжек из «Частых курганов» [11] да находки на Каменском городище [12], в скифском мире мы, пожалуй, и не найдем больше аналогичных вещей. Подковообразные фибулы отнюдь не были характерной особенностью скифского костюма. Зато мы найдем их в восточной части лесной зоны Европейской части СССР в составе древностей дьяковской [13] и пьяноборской культур [14], в рязанских могильниках [15], а также, несколько реже, в прохоровской культуре [16] и в сарматских памятниках [17]. В этих районах можно проследить их развитие от пряжек с концами, завернутыми в спираль в той же плоскости, что и кольцо, IV—II вв. до н. э., через пряжки, аналогичные чаплинским с маленькими спиралями, перпендикулярными плоскости кольца, I в. до н. э.— IV в. н. э., к средневековым сюльгамам. На поздних этапах попадают они и в Прибалтику [18]. Наиболее устойчивую и полную серию подковообразных фибул-сюльгам дают памятники дьяковской культуры — на городищах этой культуры их найдено на сегодня 38 экземпляров [19].

---

[8] *В. Г. Петренко.* Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э. САИ Д1-4, 1967, табл. 36, *16—22.*

[9] *Ю. В. Кухаренко.* Археология Польши. М., 1969, табл. 49, *12*; *M. D. i. R. Wołągiewiczowie.* Uzbrojenie ludności Pomorza Zachodniego u progu naszej ery. «Materialy Zachodnio-Pomorskie», t. IX, 1963, tabl. VIII, *3*; XII, *3*; XXVII, 5; *T. Dąbrowska.* Cmentarzysko kultury przeworskiej w Karczewcu, pow. Węgrów. «Materialy Starożytne i wczesnośredniowieczne», t. II, 1973, tabl. I, *16*; XVI, *7.*

[10] «Население Среднего Дона в скифское время». МИА, 151, 1969, введение, стр. 3.

[11] *С. Н. Замятнин.* Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VIII, 1946, рис. 3, 29, 35.

[12] *Б. Н. Граков.* Новые находки скифского времени в Каменском городище. «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 87.

[13] *А. Ф. Дубынин.* Троицкое городище. Сб. «Древнее поселение в Подмосковье». М., 1970, стр. 56, табл. 16, *2—12*; *К. А. Смирнов.* Части костюма и украшения, найденные на Троицком городище. Там же, стр. 187; *Е. И. Горюнова.* Раскопки Теньгушевского и Нароватовского городищ в 1939 г. КСИИМК, 5, 1940, стр. 77, 78, рис. 16, *в.*

[14] *В. Ф. Генинг.* Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. ВАУ, 4, 1962, стр. 20, 21, 23, рис. 7, 55, 81, 82; «Древности мордовского народа». Альбом под ред. ИА АН СССР. Саранск, 1941, стр. 35, табл. XI, *11, 13, 21*; XII, 21; *А. П. Смирнов.* Могильники пьяноборской культуры. КСИИМК, XXV, 1949, стр. 22, рис. 7, *5.*

[15] *П. П. Ефименко.* Рязанские могильники. Материалы по этнографии, т. III. Л., 1926, рис. 1, *7*; 2, *9*; 3, *7.*

[16] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры. САИ, Д1-10, М., 1963, табл. 25, *34.*

[17] *В. П. Шилов.* Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 439, рис. 44, *16*, стр. 452; *И. В. Синицын.* Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, 1959, рис. 36, *2*, стр. 91.

[18] *H. Moora.* Die Vorzeit Estlands. Tartu, 1932, Abb. 48, *3*; 49, *15.*

[19] *К. А. Смирнов.* Дьяковская культура. (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги). Сб. «Дьяковская культура», М., 1974, стр. 47, 48, табл. V, *8—12.*

Мы не претендуем здесь на разработку типологии и хронологии сюльгам, это не входит в нашу задачу; мы излагаем лишь известные в литературе данные, из которых следует, что подковообразные фибулы Чаплинского могильника не могут ни доказать связей зарубинцев со скифами, ни определить время этих связей. Отметим также, что в среднеднепровской группе зарубинецких памятников, где контактов со скифским миром и субстратных скифских явлений можно было бы ожидать скорее всего, подковообразные фибулы не найдены. Очевидно, пути их попадания в Верхнее Поднепровье были иными, чем полагает Л. Д. Поболь, не через скифов и, вероятно, не в III в. до н. э., а позже.

Подковообразные фибулы представлены во всех трех стадиях Чаплинского могильника (12 экз. в первой, столько же во второй и 13 — в третьей) и поэтому не могут помочь ни в выделении ранней, «дофибульной» стадии, ни в определении ее времени. Кстати, в «корреляционной» таблице они почему-то отсутствуют. Не подтверждается при проверке и утверждение Л. Д. Поболя, что ранние из них маленькие, а поздние — большие. В погр. 129, 131, 242, 244, 250 третьей стадии они маленькие ($Д$=3,5–5,5 *см*), а в погребениях первой стадии 20, 99, 116, 261, 273, 277, наоборот, большие ($Д$=6,5—8 *см*). Таким образом, оказывается, что на Чаплинском могильнике нет специфического материала, который не выступал бы и в сочетании с фибулами, а для немногочисленных находок такого рода («чаши», дротики) нельзя доказать бо́льшую древность по сравнению с фибулами. Складывается впечатление, что «дофибульная стадия» Чаплинского могильника не более как фикция. Очень вероятно, что формирование зарубинецкой культуры происходило где-то в интервале от середины III до середины II в. до н. э., т. е. во время «дофибульной» стадии Л. Д. Поболя, но механизм этого процесса остался Л. Д. Поболем нераскрытым.

Очень вероятно, что в Верхнем Поднепровье носители милоградской культуры приняли участие в этом процессе, но и это положение оказалось неподтвержденным надежными материалами. Три погребения из четырех, содержащих керамику, действительно сопоставимую с милоградской культурой (№ 3, 5 и 190), находятся на юго-восточной окраине могильника, примыкавшей к более раннему милоградскому поселению. И во всех трех случаях отношение найденной здесь керамики к могильнику сомнительно. Погребение 190 — кенотаф. Найдена лишь миска, костей не было. «Земля в яме почти не выделялась на фоне окружающего желтого песка» (кн. 2, стр. 157). Погребение 3. Контуры ямы не прослежены, хотя размеры ее в описании и указаны (кн. 2, стр. 60, рис. 13, *1*). «В юго-восточной части ямы найдено несколько мелких обломков костей. На расстоянии 1,2 *м* к с-з от костей на той же глубине выявлено около 20 фрагментов от трех лепных горшков» (кн. 2, стр. 60). Погребение 5. Та же картина. Контуров ямы нет (кн. 2, рис. 13, *3*). Обломки горшков в 1,5 *м* от кучки костей (кн. 2, стр. 61). И наконец, четвертое погребение с милоградской керамикой — погр. 42. Оно расположено в центральной части могильника. Обломки горшка не в ямке с костями, а по соседству (кн. 2, рис. 21, *9*; 23, *5, 6*; стр. 79).

Вот и весь не очень надежный материал Чаплинского могильника, которым можно оперировать для сопоставления с милоградской культурой, потому что вряд ли серьезно можно говорить о сходстве зарубинецкой и милоградской керамики на том основании, что внутренняя, яйцевидная часть зарубинецких сосудов напоминает внешне очертания круглодонных милоградских (кн. 1, стр. 93).

Быть может, на других зарубинецких памятниках «дофибульная» стадия выделяется отчетливей и связи с милоградской культурой яснее? На могильнике Велемичи I Л. Д. Поболь причисляет к первой стадии 14 погребений № 3, 7, 9, 10, 12, 13, 15, 16, 19, 20, 24, 81, 129, 133). Однако далеко не все они могут претендовать на особую древность, причем даже по основному критерию Л. Д. Поболя. В них находились фибулы. В погр. 3, 10, 20 — железные среднелатенской схемы, а в погр. 9 — позднелатенской (?) [20]. Вероятно, они попали в «дофибульную» стадию потому, что изображений этих фибул нет на таблицах «Свода», а текст с описанием погребений ускользнул от внимания Л. Д. Поболя.

[20] *Ю. В. Кухаренко.* Памятники..., стр. 28, 30.

Что касается других погребений из этих 14, то керамика, найденная в них, в большинстве своем невыразительная и не позволяет уверенно выделять их как древнейшие. Погребение 81 следует, скорее, отнести ко второй стадии — сопровождающие его сосуды находят аналогии в комплексах с фибулами: миска в погр. 92 того же могильника, а горшок в погр. 9 в Воронино [21]. Подобная керамика была и в других бесфибульных захоронениях (погр. 28, 97, 98, 105, 106) [22], но они почему-то не попали в первую стадию Л. Д. Поболя,— видимо, чтобы не нарушать «центробежную тенденцию» в развитии могильника. Они расположены на окраинах и зачислены в группу погребений, «лишенных датирующих находок» (кн. 2, стр. 34, рис. 7). Кстати, эта группа необоснованно велика — сюда попали погребения с инвентарем, достаточно надежным для определения их относительной хронологии. Например, погр. 115 с горшком поморской формы и обломком кельтского сосуда; погр. 5, где кроме четырех сосудов находились гривна, бусы, подвеска, а также и другие погребения с тремя-четырьмя сосудами, как 83, 120 и др. [23]. В группу недатированных вошли и погребения с фибулами — это 2, 39, 41, 45, 53, 54, 74 [24]. (Их рисунков также не было в иллюстрациях Ю. В. Кухаренко.) Как видим, и на могильнике Велемичи I нет убедительных доказательств существования «дофибульной» стадии, она выделена искусственно и не подтверждается археологическим материалом.

Всего лишь три погребения с сосудами необычных для зарубинецкой культуры форм заслуживали бы специального рассмотрения (погр. 12, 19, 129) [25]. Первые два — урновые и, возможно, действительно были совершены в ранний, но отнюдь не «дофибульный» период функционирования могильника. В погр. 19 находился горшок с двумя ушками, аналогии которому многочисленны в поморско-подклешевой культуре, где подобные формы рассматриваются как лужицкие традиции [26]. Как известно, в зарубинецких погребениях сосуды поморских типов часто сопровождались фибулами (например, погр. 108, Велемичи I). Кстати, такой же сосуд с двумя ушками был в погр. 147 Чаплинского могильника, которое отнесено Л. Д. Поболем к третьей стадии (кн. 2, рис. 46, *21*, стр. 213, сводная таблица).

В погр. 129, расположенном на окраине могильника, была найдена верхняя часть горшка с жемчужным орнаментом по венчику, характерным для ранней (VI—IV вв. до н. э.) группы милоградской культуры [27].

Могильнику Велемичи II Л. Д. Поболь уделил особое внимание, используя описания погребений и старательно перерисовывая иллюстрации с опубликованных ранее работ Ю. В. Кухаренко [28] и К. В. Каспаровой [29] (кн. 2, стр. 34, 35, рис. 3А, 9: кн. 3, стр. 41—90, рис. 6—32), но делая при этом массу досадных ошибок. Оказались объединены вместе комплексы погр. 80 и 82, 68 и 111, перепутаны вещи и номера погребений. При перерисовке вещей произошли искажения и пропали весьма существенные детали, например уступчики на плечиках сосудов и т. д. Выделена здесь, конечно, и «дофибульная» стадия. Однако объективный подход к материалу убеждает, что и на могильнике Велемичи II отсутствуют находки, специфические только для этой стадии. Погребения 9, 36, 37, 38, 39, 108 (кн. 3, табл. 9, рис. 8, 9) содержат керамику самых различных типов, большинство которых в других комплексах сочетаются с фибулами [30]. Погребение 34 попало в эту

---

[21] Там же, табл. 20, *8*, *14*; 21, *15—17*, *29*; 38, *15*, *21*.

[22] *Ю. В. Кухаренко.* Памятники..., табл. 15, *6*; 22, *1*, *2*, *10*, *14*.

[23] Там же, табл. 13, *7*, *8*, *11—16*, *19*; 20, *10*, *11*, *15*, *18*; 22, *26*, *27*; 23, *16—18*.

[24] Там же стр. 28, 34, 36, 38.

[25] Там же, табл. 14, *3*, *10*; 23, *34*.

[26] *Ю. В. Кухаренко.* Археология Польши, табл. XLIII, *3*; XLIV, *10*; *B. Balcer.* Cmentarzysko halsztacko-lateńskie w Warszawie-Zbytkach. «Materiały starożytne», t. X, 1964, s. 116, ryc. 5k; 10a; *B. Zawadzka.* Cmentarzysko grobów kloszowych w Warszawie-Henrykowie. Ibid., s. 291, tabl. XIII, *3*, XV, *14*.

[27] *О. Н. Мельниковская.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, стр. 104.

[28] *Ю. В. Кухаренко.* Памятники..., стр. 44—50.

[29] *К. В. Каспарова.* Зарубинецкий могильник..., стр. 102—111. В подписи к рис. 1 вместо «а) ямные, б) урновые» следует читать: а) урновые, б) ямные. Эта ошибка повторена Л. Д. Поболем в кн. 3 на рис. 6.

[30] *К. В. Каспарова.* Зарубинецкий могильник..., стр. 75—79. 99—101, рис. 24.

стадию из-за «скифоидной» мисочки с загнутыми внутрь венчиком (кн. 3, рис. 8, *16*). Но здесь же находилась часть горшка поморского типа с орнаментом, сделанным гребенчатым штампом. Подобные сосуды встречались с фибулами – Велемичи I, погр. 108 [31]. Погребение действительно ранней стадии, но не «дофибульной». Совсем не напоминает милоградские круглодонные сосуды мисочка с небольшим кольцевидным поддоном из погр. 35 (кн. 3, рис. 8, *20*). А горшок из этого погребения аналогичен сосудам из погр. 27 и 65, которые отнесены Л. Д. Поболем к третьей и второй стадиям (в последнем была фибула). В остальных захоронениях первой стадии керамика не слишком выразительная, однако почти в каждом есть сосуды, аналогичные которым встречаются с фибулами или с поздними формами керамики. Таким образом, в «дофибульную» стадию включены погребения разновременные, даже если исходить из типологии керамики самого Л. Д. Поболя (а ее нельзя признать удачной и для Чаплина, перенесение же этой классификации на полесскую керамику совершенно недопустимо). Л. Д. Поболь утверждает, что типология керамики согласуется с хронологическим членением могильника Велемичи II (кн. 3, стр. 86). Однако это не совсем верно. Достаточно обратить внимание на тип горшков с псевдоушками (налепами-подковками), встречающийся в четырех погребениях, отнесенных к разным стадиям (36 — к первой, 45 — ко второй, 91 и 93 — к третьей).

Не лучше обстоит дело и с выделением «дофибульной» стадии на других могильниках. Применяя свою несостоятельную систему хронологического членения Чаплинского могильника и игнорируя разработки других исследователей, Л. Д. Поболь, по существу, не анализируя материал, рисует схемы, на которых основные находки располагаются по стадиям. В Отвержичах первая стадия обосновывается наличием одного сосуда из кенотафа на окраине могильника. Наличие же целой группы действительно ранней керамики поморских форм не принято во внимание. Причем в очередной раз эти сосуды названы «позднезарубинецкими» (кн. 2, стр. 40; кн. 3, стр. 278, 279). В Корчеватовском могильнике в первую стадию объединены находки милоградско-подгорцевского характера (кн. 3, рис. 34, *1—6*), принадлежность которых к зарубинецким погребениям недостоверна. Не исключено, что здесь, как и в Чаплине, они происходят из разрушенного поселения или могильника предшествующей эпохи. Среди сосудов первой стадии изображен на схеме и сосуд с загнутым внутрь венчиком из погр. 97 (кн. 3, стр. 97, рис. 34, *8*). В действительности оказывается, что у него была отбита верхняя часть [32]. Выделить же действительно существующую на этом памятнике относительно раннюю группу погребений Л. Д. Поболь не попытался.

Пироговский могильник пока полностью не опубликован и разработка его относительной хронологии затруднена. Но, насколько нам известно, милоградской керамики там нет, а «скифоидная» миска в одном из захоронений сочеталась с восьмеркообразной фибулой среднелатенской схемы [33]. Ранний этап этого могильника тоже не будет бесфибульным.

Таким образом, «дофибульная» стадия полесских и среднеднепровских могильников оказывается сомнительной, а к решению проблемы формирования этих локальных вариантов зарубинецкой культуры Л. Д. Поболь даже не приблизился.

К расчленению же зарубинецкой культуры на вторую и третью стадии Л. Д. Поболь подходит упрощенно. Все погребения с фибулами среднелатенской схемы он относит во вторую стадию, а все с позднелатенскими — в третью. Действительно, на протяжении I в. до н. э. повсеместно и в зарубинецкой культуре и во всей Европе происходит процесс вытеснения различных вариантов фибул среднелатенской конструкции позднелатенскими. Но процесс этот был постепенным, и долгое время, практически весь I в. до н. э. (особенно в средней фазе позднего

---

[31] *Ю. В. Кухаренко.* Памятники..., стр. 50, табл. 36, *18*; ср. с табл. 22, *24, 26*; *его же.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, 1, стр. 292—294, рис. 4, *2, 3*.

[32] *И. М. Самойловский.* Корчеватовский могильник. МИА, 70, 1959, стр. 82, табл. V, *100*.

[33] *А. И. Кубышев, Е. В. Максимов.* Пироговский могильник. МИА, 160, 1969, стр. 34, 35, рис. 4, *1*.

предримского времени, по Р. Хахманну) [34], те и другие сосуществовали. В зарубинецкой культуре они сочетались в шести комплексах на могильниках Полесья, в Чаплине — в погр. 246 и в погр. 66 Пироговского могильника.

В Центральной Европе случаи находок среднелатенских и позднелатенских фибул в одном и том же погребении сравнительно редки, но через серии совместных находок с оружием, керамикой, поясными крючками и т. д. они постоянно попадают в одни и те же хронологические группы. Это можно наблюдать и на таких больших могильниках с хорошо выявленной горизонтальной стратиграфией, как Рондзен (Жондз), Вымыслово, Вилянув, Лангенхаген, Каммер и др. [35] Чаще всего это сочетание происходит именно в средней, второй временной группе. Более того, в ряде случаев среднелатенские фибулы оказываются в группах, относительно более поздних, чем те, где имеются уже позднелатенские фибулы (группы 2 и 3 в Рондзене [36], группы 3 и 4 в Каммере [37]). Если бы немецкие и польские исследователи пользовались лишь разделением фибул на средне- и позднелатенские, а не более дробной типологической схемой Ю. Костржевского [38], то разницу в размещении их на могильнике они уловили бы, но закономерностей во взаимовстречаемости различных вариантов фибул с другими видами инвентаря, а тем самым и временных групп им получить уже не удалось бы, как не получилось это и у Л. Д. Поболя. Достаточно взглянуть на его корреляционную таблицу инвентаря Чаплинского могильника (кн. 1, рис. 76), чтобы убедиться, что нет ни одного вида инвентаря второй стадии, который не был бы представлен и в третьей. Единственное исключение — листовидные наконечники копий, отсутствующие во второй стадии, но зато имеющиеся в первой и в третьей.

Корреляции материала на основе «фибулы среднелатенские, фибулы позднелатенские» не получилось. «Опыт классификации» не удался именно в силу того, что предложенная Л. Д. Поболем классификация неудачна. Сам по себе материал Чаплинского могильника и других зарубинецких памятников таит в себе большие возможности для достаточно подробного хронологического членения, и то, что объединено Л. Д. Поболем во вторую и третью стадии, может распасться на три или даже четыре хронологические группы, но всю работу придется делать заново. Его же «отделы», «типы», «виды» объединяют слишком большие группы материала и поэтому «не работают». Не учитываются формы венчиков мисок, отсутствие или наличие выделенной шейки у горшков и мн. др.

Нельзя признать удачной и его классификацию фибул. Во-первых, ею очень трудно пользоваться, ссылки на рисунки в тексте отсутствуют (кн. I, стр. 116—122), а описания даны такие, что возникающие на их основе представления совсем не соответствуют действительности. Рассмотрим, например, «тип В — фибулы с круглым проволочным щитком». Круглым оказывается сечение проволоки, из которой сделана фибула, а никакого щитка, как у фибул с «треугольным щитком», здесь вообще нет. Во-вторых, все типы внутри среднелатенских и позднелатенских фибул оказываются синхронными, они «не работают» и практически ничего не дают исследователю. В-третьих, обращение Л. Д. Поболя к работам европейских археологов может показаться по крайней мере странным. Он ссылается на работы, где о датировках говорится вскользь, мельком, и при этом ссылается неточно, а работы, специально посвященные хронологическим разработкам, почему-то игнорирует, фундаментальный труд Р. Хахманна [39] даже не упоминается. «По предположению В. Антоневича, их хронология (гладких среднелатенских фибул) — II—I вв. до н. э.» (кн. 1, стр. 117). Следует ссылка на книгу 1928 г. «Археология Польши». Специального разбора хронологии фибул на указанных страницах нет, они лишь перечислены среди типичных вещей III эпохи, дата которой

---

[34] *R. Hachmann.* Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. BRGK, 41, 1960.

[35] Ibid., Abb. 11, *17, 26, 31.*

[36] *R. Hachmann.* Op. cit., Abb. 10.

[37] Ibid., Abb. 31.

[38] *J. Kostrzewski.* Die ostgermanische Kultur der Spätlatenezeit. «Mannus-Bibliothek», Nr. 18, Leipzig, 1919.

[39] *R. Hachmann.* Die Chronologie...

150—I гг. до н. э.[40] Так, к датировке незаметно накидываются лишние 50 лет. Работа К. Биттеля «Кельты в Вюртемберге» (1934 г.) представляет собой свод памятников[41], датировки специально не рассматриваются. Приведены в основном раннелатенские фибулы. Лишь две среднелатенской конструкции и обе относятся к группе так называемых расчлененных фибул с шариками, утолщениями или другими декоративными элементами на конце ножки. Их типологически и хронологически более раннюю позицию по отношению к фибулам гладким, которые только и представлены в Чаплине, достаточно ясно показал Я. Филип. Это их, и только их, а не все среднелатенские в целом, Я. Филип датировал «второй половиной II — началом I в. до н. э.», точнее «временем расцвета оппидов» (±125 — ±50)[42]. Ранние варианты среднелатенских фибул упоминаются, именно упоминаются, и в работах Вуги[43] и Поулика[44]. В статье Поулика речь идет о дате конечной фазы поселения в Марианских Виршках на основе всего комплекса находок, а не о датировке фибул II в. до н. э. Как будто бы небольшие неточности и небрежность со стороны Л. Д. Поболя, однако, не случайны. Они отражают его стремление представить тип «В» среднелатенских фибул несколько более ранним, чем это принято в европейской хронологической системе, на которую опирался А. К. Амброз[45] и разбираться в которой Л. Д. Поболь не захотел. Иначе у него не появились бы такие накладки, как «Латен III или С» (кн. 1, стр. 120) или «I в. до н. э. (латен С)» (кн. 1, стр. 119). Латен I в системе О. Тышлера[46] был разделен П. Райнеке[47] на «А» и «В», и Латену III с тех пор соответствует «Д», а не «С». И I в. до н. э. принято отождествлять с Латеном «Д», а никак не «С». Это азы археологии железного века Европы. В полученную на материалах Чаплинского могильника хронологическую схему, очень приблизительную и неточную, где хронологических корреляционных групп материала, как мы видели, так и не получилось, Л. Д. Поболь пытается втиснуть и материалы других зарубинецких памятников.

Зарубинецкая культура в целом, конечно, представляет собой определенное единство, и ритмы ее развития в основных чертах, вероятно, совпадают. Но нужно было бы учесть и различия между тремя вариантами этой культуры — полесским, средне- и верхнеднепровским. Эти различия достаточно велики в формах керамики, в деталях ее оформления, в наборе погребального инвентаря, в ассортименте украшений, в деталях погребального обряда.

Различны и субстратные группы населения этих территорий и, вероятно, ход формирования вариантов зарубинецкой культуры. В этих условиях необходимо было бы произвести самостоятельное хронологическое членение в каждой группе, а уж затем сопоставлять с результатами, полученными в Чаплине.

Л. Д. Поболь же использует Чаплинский трафарет, и для памятников Полесья остались совершенно не реализованы возможности, кроющиеся в сопоставлении зарубинецких материалов с предшествующей по времени поморской культурой, элементы которой здесь очевидны. В одной и той же второй стадии могильника Велемичи II (кн. 3, стр. 47—80) оказались и погребения с сосудами, близкими поморским, и с ранними типами фибул (погр. 4, 42, 80, 104, 105, 116, 117) и погребения с зарубинецкими фибулами развитых вариантов и с керамикой более поздних форм (погр. 5, 7, 60, 61, 72). Зато погр. 106 и 111 с сосудами, анало-

---

[40] *W. Antoniewicz.* Archeologia Polski. Warszawa, 1928, s. 305, rys. 29—31, s. 149.

[41] *K. Bittel.* Die Kelten in Württemberg. Römisch-Germanische Forschungen, Bd. 8, 1934, Taf. II.

[42] *J. Filip.* Op. cit., s. 111—112, 315—328.

[43] *P. Vouga.* La Tène. Monographie de la station publiée au nom de la comission des fouilles de la Tène. Leipzig, 1923.

[44] *J. Poulik.* Halstatsko-lateński osidleni v Marianskich Vrŝkov pri Seredi. AR, 1957, IX, *6*, s. 806.

[45] *А. К. Амброз.* Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, Д1-30, М., 1966, стр. 12—28.

[46] *O. Tischler.* Über Gliederung der La-Téne Periode und über die Dekorirung der Eisenwaffen in dieser Zeit. «Korrespondenzblatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte». Jg. 16, 1885, S. 157.

[47] *P. Reinecke.* Zur Kenntnis der La-Tène Denkmäler der Zone nordwärts der Alpen. «Festschrift des Römisch-Germanischen Zentralmuseums zu Mainz», 1902, S. 53—109.

гичными паходкам из ранних погр. 4, 104, и 105, оказались в третьей стадии. В нее же попали погр. 49 и 107, где находились части сосудов-клёшей, характерных для предшествующей поморско-подклешевой культуры [48]. Ко второй стадии отнесено и погр. 116 с обломками типичного поморского сосуда, которые Л. Д. Поболь почему-то называет «керамикой с расчесами, характерными для позднего этапа зарубинецкой культуры (II—V вв.)» (кн. 3, стр. 63, рис. 20, *16*).

В разные стадии попали погр. 84 и 85, где бронзовые фибулы и подвески настолько близки, что кажутся сделанными рукой одного мастера. Так получилось потому, что Л. Д. Поболь не признает длительного сосуществования позднелатенских и среднелатенских фибул и выбрал их в качестве критерия для разграничения второй и третьей стадий. Если же исходить из более дробного типологической членения фибул, опираясь на разработки европейских археологов и частично А. К. Амброза и на типологию керамики Ю. В. Кухаренко, внеся соответствующие сегодняшнему уровню знаний коррективы, то хронологическое развитие могильника Велемичи II представится несколько в ином виде. Картина получится более сложная, но, думаем, полнее отражающая действительность [49]. Кстати, Л. Д. Поболь почему-то не дал себе труда опровергать разработки своих предшественников, показать их несостоятельность, он декларировал свое несогласие и просто отбросил их полностью, не приводя других аргументов, кроме постоянно встречающейся фразы: «с этим нельзя согласиться».

Наконец, следует остановиться на так называемой IV стадии развития зарубинецкой культуры, не представленной в Чаплине, но выделяемой Л. Д. Поболем на других памятниках. Прежде всего речь должна пойти о 10 (а не об 11, как пишет Л. Д. Поболь в кн. 2, стр. 27) погребениях III—IV вв. н. э. на могильнике Велемичи I (22, 27, 43, 65, 68, 72, 79, 111, 113, 123), которые исследователь этого памятника, Ю. В. Кухаренко, совершенно справедливо не считал зарубинецкими [50]. Расположение их на могильнике само по себе еще не может служить доказательством однокультурности памятника. Случаи многократного использования места для погребений представителями разных культур разного времени довольно часты. Можно спорить о культурной принадлежности этих погребений (черняховская культура, «волынская группа полей погребений», культура вельбарско-цецельская — скорее всего последнее), но хронологическое положение их достаточно ясно. Они лет на 100—150 позже основной массы захоронений могильника. Утверждения же Л. Д. Поболя, что в этих погребениях «обнаружена типичная зарубинецкая керамика, в том числе и целые сосуды» (кн. 2, стр. 33) — плод недоразумения. Погребения 69 и 78, на которые ссылается Л. Д. Поболь, Ю. В. Кухаренко вообще не включал в число десяти поздних, а в погр. 27 найдено лишь маловыразительное дно лепного сосуда. Вряд ли в качестве серьезных аргументов можно принимать также следы «от сгоревшего деревянного столбика» в погр. 113 и прямоугольную форму ямы погр. 27 (кн. 2, стр. 27, 33). Эти трудноуловимые при раскопах детали погребального устройства могли быть в любом некрополе с трупосожжением.

Яркий пример того, как, казалось бы, из маленькой неточности рождается далеко идущий вывод исторического характера — создание Л. Д. Поболем четвертой стадии на могильнике Отвержичи. «К четвертой стадии... можно причислить погребение 55, в котором вместе с лощеным горшком зарубинецкого облика, типологически более поздним, находилась гончарная керамика черняховской культуры. Таким образом, материалы этого памятника, так же как и могильников Велемичи I и Велемичи II (в погр. 26 — бусина и обломок лепного сосуда с бугристой

[48] *M. Gądzikiewicz — Woźniak.* Cmentarzysko łużycko — kloszowe Warszawa — Grochów, s anowisko «Brylowszczyzna». «Materialy starozytne». Том. VII, 1961, Tabl. VIII, *1*.

[49] *К. В. Каспарова.* Зарубинецкий могильник..., стр. 98—102, рис. 1 и 24. Сейчас считаем возможным несколько удревнить хронологию памятника — середина или последняя треть II в. до н. э.— середина I в. н. э., а также предложить более дробное его членение (*К. В. Каспарова.* О датировке фибул зарубинецкой культуры. Сб. «Новейшие открытия советских археологов». Тезисы докладов конференции. ч. III. Киев, 1975, стр. 33, 34).

[50] *Ю. В. Кухаренко.* Памятники..., стр. 18, 19; *его же.* Еще раз о волынской группе погребений и о пути готов к Черному морю. Archeologia Polski, t. XVI, 1971, s. 250,

поверхностью»[51]. Рец.), позволяют считать, что племена зарубинецкой культуры продолжали здесь обитать и в черняховское время» (кн. 2, стр. 40). Далее же сказано, что здесь был даже «обнаружен серый гончарный горшок черняховской культуры» (кн. 3, стр. 278). В действительности «горшок» из 55 погребения является лишь маленьким фрагментом венчика какого-то гончарного сосуда с каннелированной верхней частью[52]. В черняховской культуре такая керамика совершенно не встречается.

Одна из характернейших черт четвертой стадии — наличие керамики с расчесами, «керамики типа Абидни», об этом Л. Д. Поболь говорит многократно. Однако керамика с расчесами характерна не только для Абидни. В результате в позднюю абиднянскую керамику у Л. Д. Поболя попадают и обломки больших чернолощеных горшков с высокой горловиной, находящих очень близкие параллели в поморской культуре. Например, обломок сосуда из погр. 34 в Велемичах II[53] (кн. 3, стр. 63 со ссылкой на рис. 20, *16*) и обломки стенок больших горшков-клёшей с пальцевыми расчесами из поселений в Отвержичах и Велемичах (кн. 2, стр. 40; кн. 3, стр. 276, 278, 279), тоже восходящих к поморско-подклёшевой культуре и характеризующих скорее ранний этап зарубинецкой культуры, чем поздний. Расчёсы встречаются и на сосудах из могильника Брест-Тришин[54]. Поэтому само по себе наличие на том или ином памятнике керамики с расчёсами вряд ли может быть решающим в определении его хронологии и культурной принадлежности. А именно по этому принципу многие находки определены Л. Д. Поболем как позднезарубинецкие.

Таким образом, четвертая стадия зарубинецких могильников является такой же искусственной конструкцией Л. Д. Поболя, как и его первая стадия. С концом позднего латена и наступлением раннего римского времени все рассматриваемые Л. Д. Поболем могильники зарубинецкой культуры перестали функционировать. Спустя много лет, уже в позднеримское время, на могильнике Велемичи I было совершено 10 погребений.

Прекращение функционирования могильников, очевидно, знаменует и конец классической зарубинецкой культуры, и наступление новой, «постзарубинецкой» стадии, появление новой культуры типа Абидни. Произошло это, по всей вероятности, несколько раньше, чем полагает Л. Д. Поболь, еще в I в. н. э., а не во II в.[55], но мы сейчас не будем вступать в дискуссию относительно даты. Определенную трансформацию на рубеже второй и третьей стадий зафиксировал и сам Л. Д. Поболь на табл. 78 (кн. 1, стр. 158, рис. 78), хотя и отказался ее интерпретировать. Вопроса о причинах перемен в зарубинецкой культуре он даже не ставит.

Прекращение функционирования могильников еще не означает полного исчезновения носителей зарубинецкой культуры. Но они, очевидно, переживают какое-то потрясение, какую-то катастрофу, меняют в результате места своих поселений и в значительной мере свою культуру. Вот тут-то и было бы чрезвычайно важно рассмотреть соотношение культуры зарубинецкой в ее классическом облике и памятников типа Абидни.

Непонятно, почему в таком объемном, трехтомном труде, как «Славянские древности Белоруссии», где масса излишних повторов, где практически переписываются большие куски чисто описательного плана из работ других авторов, не нашлось места для публикации материалов этого этапа, тем более что памятники типа Абидни постоянно упоминаются, Л. Д. Поболь ими постоянно оперирует, но не вводит в научный оборот. Абидни нет даже в своде памятников. Именно этих материалов исследователи ждали с особым нетерпением. Ведь если действительно уже сейчас можно было бы проследить развитие и трансформацию заруби-

---

[51] *Ю. В. Кухаренко.* Памятники..., стр. 48.
[52] *К. В. Каспарова.* Могильник и поселение..., стр. 138, 166.
[53] *Ю. В. Кухаренко.* Памятники..., стр. 50, табл. 36, *18*.
[54] Погр. 17 и 44, Гос. Эрмитаж, колл. 2334/51, 133.
[55] *К. В. Каспарова.* О датировке..., стр. 33, 34; *М. Б. Щукин.* Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой. АСб. ГЭ, 14, 1972, стр. 49—52.

нецкой культуры в культуру типа Абидни, а последней в культуру ранних славян, то проблема генезиса раннего славянства хотя бы частично была бы разрешена. Но для этого нужно опубликовать все препарированные материалы памятников типа Абидни. Л. Д. Поболь этого не сделал, и его основной тезис, вынесенный в заглавие работы, повис в воздухе, потому что вопрос об этнической принадлежности зарубинецкой культуры не может быть решен ни ссылкой на авторитет большинства ученых (кн. 1, стр. 183), ни ссылкой на распространение топонимов, никак не привязанных во времени, а тем более на характер современных названий урочищ и городищ. Естественно, они будут в подавляющем числе славянскими (кн. 3, стр. 100—126).

Прояснить проблему может лишь археологический материал, тщательно и внимательно исследованный и непредвзято рассмотренный на широком археолого-историческом фоне.

Остается выразить надежду, что следующий этап работы, анализ материалов памятников типа Абидни, будет проведен Л. Д. Поболем на более высоком методическом и профессиональном уровне. Пока же мы вынуждены призвать всех к осторожному использованию материалов и выводов, помещенных в трех книгах «Славянские древности Белоруссии».

К. В. Каспарова, Д. А. Мачинский, М. Б. Щукин

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ВОРОНИН

4 апреля 1976 г. на 72 году жизни скончался выдающийся советский ученый, доктор исторических наук, лауреат Государственной и Ленинской премий Николай Николаевич Воронин.

С именем Н. Н. Воронина связан важный этап советской науки — освоение великого культурного наследия русского народа. Своеобразный талант ученого проявился здесь во всей его широте и разносторонности. Н. Н. Воронин известен прежде всего как исследователь древнерусской архитектуры, но для раскрытия этой ведущей отрасли русского искусства он глубоко проникал в изучение исторической эпохи, профессионально изучал и другие виды искусства и материальной культуры. Он был крупнейшим знатоком и древнерусской живописи, и прикладного искусства, и быта Древней Руси. За памятниками культуры Н. Н. Воронин всегда видел живых людей с их мировоззрением, творческими поисками, борьбой за справедливость и независимость. Изучая памятники культуры, Н. Н. Воронин стремился проникнуть как можно глубже в духовный мир человека Древней Руси. И в этом он проявил себя талантливым историком в самом высоком смысле этого слова. Именно Н. Н. Воронину с его многосторонними знаниями было поручено ответственное задание — редактирование двухтомной «Истории культуры Древней Руси», в которой он выступил и как автор ряда глав. Коллективный труд, блестяще подготовленный во многом благодаря организаторской и редакторской работе Н. Н. Воронина, впоследствии был удостоен Государственной премии.

Н. Н. Воронин, историк и археолог, сделал значительный вклад в изучение летописания и литературы Древней Руси. Он по-своему старался осмыслить летопись Нестора, глубоко изучал литературное наследие Серапиона владимирского, дал остроумный комментарий к «Анонимному» сказанию о Борисе и Глебе.

В научной деятельности Н. Н. Воронина проявился не только его талант историка, археолога и источниковеда, но и писателя. Литературное дарование Н. Н. Воронина было велико. Все его книги и статьи написаны интересно и на том блестящем русском языке, который он унаследовал от культуры предков исконной владимиро-суздальской земли.

Н. Н. Воронин родился в 1904 г. в старинном русском городе Владимире на Клязьме. Учился и получил среднее образование в своем родном городе. Древняя архитектура города, а также его пригорода Боголюбова, во многом способствовала пробуждению исторических интересов молодого Н. Н. Воронина. В 1926 г. он окончил Ленинградский университет, а в 1931 г.— аспирантуру при Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК), где и остался работать, выбрав своей специальностью историю древнерусской архитектуры. Кандидатская диссертация на тему «Очерки по истории русского зодчества XVI в.» была защищена им в 1934 г. Государственная Академия истории материальной культуры, в стенах которой развивался талант Н. Н. Воронина, находилась в то время на передовых рубежах исторической мысли. Здесь сложился и закрепился тот историзм в научных воззрениях ученого, которым проникнуты все его исследования. Это качество стало давать замечательные результаты, когда Н. Н. Воронин посвятил себя исследованию древнерусской архитектуры. Открытые во время проводимых им археологических раскопок фундаменты древних сооружений (подчас только их скудные остатки) превращались после творческого осмысления Н. Н. Воронина в полно-

кровный архитектурный организм, от которого протягивались нити к его создателям — заказчикам и мастерам, к их воззрениям, вкусам, замыслам, а следовательно и ко всей культуре эпохи. Многолетние раскопки и исследования Н. Н. Воронина — археолога, историка и источниковеда, увенчались фундаментальным двухтомным трудом «Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков» (т. I, М.; 1961; т. II, М., 1962), в котором развивается целая философская концепция автора по истории культуры Древней Руси того периода, когда формировались основы единого Русского государства. В 1944 г. эта работа была защищена Н. Н. Ворониным в качестве докторской диссертации, но ученый продолжал совершенствовать свой труд и в 1965 г. был удостоен за него Ленинской премии. Труд Н. Н. Воронина стал основополагающим в изучении древнерусского зодчества, так как в основу его была положена безусловно правильная концепция о национальных истоках древнерусского зодчества, корни которого уходили в культуру Киевской Руси. Для обоснования своих положений Н. Н. Воронин тщательно изучал зодчество не только русского Северо-Востока, но и Черниговщины, Новгородчины, Галицко-Волынской земли.

Предметом особого интереса Н. Н. Воронина за последнее десятилетие была архитектура древнего Смоленска. Ее изучение началось в 1962 г. в связи с необходимостью спасти от уничтожения руины древнего храма. Затем работы стали систематическими и продолжались в течение десятилетия. Уже за первые пять лет в Смоленске было раскопано семь монументальных зданий XII — начала XIII вв. В дальнейшем число их возросло.

Эти памятники открыли не только новую страницу, но и целую главу в истории древнерусского зодчества.

Расскопки Н. Н. Воронина в Смоленске обогатили и историю древнерусской живописи. Еще до недавнего времени ее смоленская «глава» представляла собой полную лакуну, и казалось, что невозможно ее восполнить. В итоге десятилетних работ экспедиции Н. Н. Воронина, при самоотверженной помощи опытных ленинградских реставраторов, удалось собрать значительное количество больших и малых фрагментов фресок, которые некогда украшали стены смоленских храмов. На этом материале Н. Н. Ворониным была написана книга «Смоленская живопись», находящаяся в печати.

Параллельно с книгой о смоленской живописи Н. Н. Воронин выступает как один из основных авторов подготовленного к печати фундаментального труда о смоленской архитектуре. И опять, как и при изучении владимиро-суздальского зодчества, перед читателем раскрывается картина не только архитектуры, но, в сущности, всей древней культуры Смоленска, с ее летописанием, пробуждающимся свободомыслием (Авраамий Смоленский), изобразительным и прикладным искусством.

Н. Н. Воронин обладал титанической работоспособностью. Его перу принадлежит 350 работ, среди которых немало книг. Он был не только глубоким историком-исследователем, но и талантливым популяризатором. В 1958 г. им была написана небольшая книга «Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской», имеющая подзаголовок: «Спутник по древним городам Владимирской земли». Проникновенно написанная и прекрасно изданная (издательство «Искусство»), она очень полюбилась читателю и выдержала семь изданий на европейских языках. «Спутник», написанный Н. Н. Ворониным, лег в основу целой серии подобных книг других авторов.

Трудно назвать область древнерусской культуры, в которой Н. Н. Воронин не сказал бы своего веского слова. Его авторитет безусловно признавался всеми работающими в этой сфере.

Особенно много сил Н. Н. Воронин отдавал благородному делу охраны памятников архитектуры. Многие уникальные сооружения древних мастеров обязаны сохранностью и научной реставрацией хлопотам и трудам Н. Н. Воронина. Восстановленные в своем первоначальном облике, памятники древнего зодчества стали объектом музейного показа и массового туризма. Особое внимание уделял Н. Н. Воронин памятникам зодчества, вошедшим в так называемое «Золотое кольцо», в котором его родной город Владимир занял центральное место. Не случайно в дни

70-летия Н. Н. Воронина ему было присвоено звание «Почетного гражданина города Владимира». По собственному признанию юбиляра, эта награда была особенно дорога его сердцу.

Мало кто знал, что Н. Н. Воронин, казалось бы целиком поглощенный наукой, писал стихи. И это была вовсе не шалость пера, а глубокая внутренняя потребность самовыражения. Стихи Н. Н. Воронина — это особая философская лирика, достигающая высот большого драматизма. Его поэтический талант способствовал совершенствованию литературного языка научных работ. Хотелось бы видеть по крайней мере часть этого литературного наследия опубликованным.

Полвека отдано Н. Н. Ворониным изучению и популяризации великого наследия русских мастеров. Все, кто знал Н. Н. Воронина лично или по его книгам, всегда будут помнить его как певца этих народных талантов.

Г. К. Вагнер

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Сб. «Археологические открытия»
АП — Археологічні пам'ятки УРСР, Київ
ВАУ — Вопросы археологии Урала, Свердловск
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный Исторический музей
ДИМ — Днепропетровский исторический музей
ЗКОРГО — Записки Кавказского отделения Русского географического общества, Тифлис
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИАНО — Известия Абхазского научного общества, Сухуми
ИИАЭГ — Институт истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР, Тбилиси
ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, археологии и этнографии
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КБН — Корпус боспорских надписей
КБС — Кавказско-Ближневосточный сборник
КИМ — Киевский исторический музей
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР, Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа
МАО — Московское археологическое общество
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МНИИЯЛИЭ — Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
ПКМ — Полтавский краеведческий музей
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПХИАМ — Переяслав-Хмельницкий исторический музей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
САНГ — Сообщения АН Грузинской ССР, Тбилиси
СЭ — Советская этнография
ТАГМ — Труды Абхазского государственного музея им. Д. И. Гулиа, Сухуми
ТАИ — Труды Абхазского Института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа
ТИАК — Труды Института абхазской культуры, Сухуми
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы АН СССР
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ОИАЭ — Труды Общества истории, археологии, этнографии
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Уч. зап. ПГУ — Ученые записки Пермского гос. ун-та
ХСб — Херсонесский сборник
ЭВ — Эпиграфика Востока
ЭК — Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917
ABC — Antique du Bosphore Cimmerien
AJA — American Journal of Archaeology
Am Ant — American Anthropologist
AR — Archeologicke rozhledy
Arc Ant — Arctic Anthropology
Ath. Mitt.— Mitteilungen des Deutsches Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
BRGK — Berichte der Römisch-Germanischen Komission
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki
IOSPE — Inscriptiones Antique Orae Septentrionalis Ponti Euxini
JAOS — Journal of the American Oriental Society
RA — Revue Archeologique
Samaria — Harvard Excavations at Samaria, 1908—1910, I, Harvard, 1924
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche, Bucureşti
SMYA — Suomen muinaismuisto-yhdistyksen aikaukauskirja

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ К ЖУРНАЛУ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 10 ЛЕТ (1967—1976 гг.) *

Пятьдесят лет советской археологии	1967	3
К столетию со дня рождения В. И. Ленина	1970	2
Памяти Фридриха Энгельса	1970	3
Решения XXIV съезда КПСС и задачи археологической науки	1971	4
К 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик	1972	4
Об актуальных задачах советской археологической науки	1975	2
К 30-летию Победы в Великой Отечественной войне	1975	3
К XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза	1976	1
XXV съезд КПСС и задачи советской археологической науки	1976	3

Статьи, публикации, заметки

Х. П. Абдуллаев (Баку). Гильгильчайская оборонительная стена и крепость Чирах-Кала	1968	2
Х. П. Абдуллаев (Баку). О Бешбармакском оборонительном сооружении в связи с колебанием уровня Каспийского моря	1970	2
М. П. Абрамова (Москва). Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии	1968	3
М. П. Абрамова (Москва). О керамике с зооморфными ручками	1969	2
М. П. Абрамова (Москва). Погребения скифского времени Центрального Предкавказья	1974	2
М. П. Абрамова (Москва). Катакомбные погребения IV—V вв. н. э. из Северной Осетии	1975	1
Г. Б. Авалишвили (Тбилиси). Погребение литейщика из могильника с. Гантиади (Южная Грузия)	1970	4
Д. А. Авдусин (Москва). Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1966 и 1967 гг.	1969	3
Б. Б. Агеев (Уфа). К хронологии могильника Чеганда II	1976	3
А. И. Айбабин (Севастополь). К вопросу о происхождении сережек пастырского типа	1973	3
А. И. Айбабин (Севастополь). Варварский рельеф из Феодосии	1974	3
К. А. Акишев (Алма-Ата). Археология в Казахстане за советский период	1967	4
Н. Д. Аксенова (Казань). Жилые дома в Болгарах в районе Ханской усыпальницы и Малого минарета	1973	4
Н. Д. Аксенова, А. П. Смирнов (Казань, Москва). Скульптурная голова с городища Великие Болгары	1973	3
В. П. Алексеев (Москва). Антропология андроновской культуры	1967	1
В. П. Алексеев (Москва). Популяционная структура человечества и историческая антропология	1970	3
В. П. Алексеев (Москва). Палеодемография СССР	1972	1
В. П. Алексеев (Москва). Западный очаг расообразования и расселение палеолитических людей на территории СССР	1976	1
Л. В. Алексеев (Москва). Очерк истории белорусской дореволюционной археологии и исторического краеведения до 60-х годов XIX в.	1967	4
Л. В. Алексеев (Москва). Белорусская археология и историческое краеведение во второй половине XIX — начале XX в.	1968	3
Л. В. Алексеев (Москва). Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии)	1974	3
Е. М. Алексеева (Москва). Миниатюрная мозаика в стеклянных украшениях I в. до н. э.— II в. н. э.	1971	4
Т. И. Алексеева (Москва). Антропологический анализ костных остатков из могильников с трупосожжениями черняховской культуры	1975	1
В. А. Алёкшин (Ленинград). Каменные гири с древнеземледельческих поселений Южной Туркмении	1973	4

* Указатель за первые 10 лет (1957—1966 гг.) см. СА, 1966, 4.

В. А. Алёкшин (Ленинград). Некоторые аспекты социологической интерпретации погребений земледельцев энеолита Южной Туркмении . . 1976 2
М. Х. Алешковский (Москва). Ладья XI в. из Новгорода 1969 2
М. Х. Алешковский (Москва). Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV веков 1974 3
М. Х. Алешковский, Б. А. Альтшуллер (Москва). Благовещенский собор, а не придел Василия Кесарийского 1973 2
М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев (Москва). О датировке вала и рва Новгородского острога 1970 4
В. Г. Алиев (Баку). Новые материалы о культуре расписной керамики в Азербайджане 1967 1
В. Г. Алиев (Баку). Археологические раскопки в урочище Бабадервиш 1971 2
В. Алиев (Баку). Археологические раскопки на холме Кюль-Тепе II . . 1972 3
Играр Алиев, В. Г. Алиев (Баку). О сармато-аланских памятниках на территории Нахичеванской АССР 1976 1
Играр Алиев, Ф. Л. Османов (Баку). Бассейн рек Геокчай-Гирдманчай-Ахсучай в античное время 1975 1
А. Е. Алихова (Москва). Мавзолеи города Мохши-Наровчата 1973 2
А. Е. Алихова (Москва). Постройки древнего города Мохши 1976 4
А. К. Амброз (Москва). Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы 1971 2
А. К. Амброз (Москва). Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. II 1971 3
А. К. Амброз (Москва). Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.) 1973 4
Г. И. Андреев (Москва). Каменные изображения из Туры 1970 4
Н. К. Анисюткин (Ленинград). Два комплекса Ильской стоянки 1968 2
Н. К. Анисюткин (Ленинград). Орудия клювовидных форм в раннем и среднем палеолите 1973 1
А. В. Аншлогов, Ю. В. Титов (Петрозаводск). Новые археологические находки на Кольском полуострове 1972 4
Е. В. Антонова (Москва). Антропоморфная пластика Древней Месопотамии. Культура Джармо и Хассуна (конец VII—VI тыс. до н. э.) . . 1972 2
Е. В. Антонова (Москва). К вопросу о происхождении и смысловой нагрузке знаков на статуэтках анауской культуры 1972 4
Е. В. Антонова (Москва). Антропоморфные статуэтки халафской культуры 1974 2
А. М. Апакидзе (Тбилиси). Развитие археологической науки в Советской Грузии 1967 4
Б. Н. Аракелян (Ереван). Клад серебряных изделий из Эребуни 1971 1
Б. Н. Аракелян, А. А. Мартиросян (Ереван). Археологическое изучение Армении за годы Советской власти 1967 4
Ю. И. Аренкова (Москва). О происхождении изразцовых рельефов Успенского собора в г. Дмитрове 1967 2
Г. Е. Арешян (Ереван). Малоазийские формы в керамике Армении среднего бронзового века 1973 4
Г. Е. Арешян (Ереван). Железо в культуре древней Передней Азии и бассейна Эгейского моря (по данным письменных источников) 1976 1
Ф. Х. Арсланова (Усть-Каменогорск). Новые материалы VII—VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана 1972 1
Ф. Х. Арсланова (Усть-Каменогорск). Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области 1973 4
Ф. Х. Арсланова (Усть-Каменогорск). Некоторые памятники позднего бронзового века Верхнего Прииртышья 1974 1
Ф. Х. Арсланова, А. А. Чариков (Усть-Каменогорск). Каменные изваяния Верхнего Прииртышья 1974 3
М. И. Артамонов (Ленинград). Происхождение скифского искусства . . 1968 4
М. И. Артамонов (Ленинград). Композиция с ландшафтом в скифо-сибирском искусстве 1971 1
М. И. Артамонов (Ленинград). Вопросы хронологии скифо-сибирского золота 1971 3
М. И. Артамонов (Ленинград). Скифское царство 1972 3
А. В. Арциховский (Москва). Берестяная грамота № 439 . . . . . 1971 3
А. В. Арциховский (Москва). Берестяные грамоты № 497 и 500 . . . . 1974 1
Ю. С. Асеев, М. И. Сикорский, Р. А. Юра (Киев). Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславе-Хмельницком 1967 1
Н. И. Асташова (Москва). Энколпион из Гнёздова 1974 3
Е. Атагаррыев (Ашхабад). Кашинная керамика Шехр-Ислама 1969 2
Е. Атагаррыев, О. Бердыев (Ашхабад). Археологическое изучение Туркменистана за годы Советской власти 1967 3
Г. Е. Афанасьев (Кисловодск). Поселения VI—IX вв. района Кисловодска 1975 3

Г. Е. Афанасьев, А. П. Рунич (Ташкент, Пятигорск). Могильник № 1 у Лермонтовской скалы близ г. Кисловодска 1970 4
Р. Б. Ахмеров (Уфа). Скала Тамга-Таш в Башкирии 1968 4
Р. Б. Ахмеров (Уфа). Археологические находки в Башкирии 1974 2
И. Ахраров (Ташкент). Глиняная головка с согдийской надписью с Афрасиаба 1967 4
И. А. Бабаев (Баку). Античная черепица Кавказской Албании 1974 2
Ю. С. Бадальянц (Рязань). Хронологическое соответствие имен эпонимов и фабрикантов на амфорах Родоса 1976 4
О. Н. Бадер (Москва). Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь 1967 3
О. Н. Бадер (Москва). Погребения на Владычинской стоянке и вопрос о фатьяновской бронзе 1971 1
О. Н. Бадер (Москва). Вторая палеолитическая могила на Сунгире (Верхнее погребение) 1973 3
Н. О. Бадер (Москва). Раннеземледельческое поселение Телль-Сотто (по раскопкам 1971, 1973—1974 гг.) 1975 4
О. Н. Бадер, Л. В. Кольцов (Москва). Мезолитические стоянки близ города Калинина 1974 1
О. Н. Бадер, Г. Н. Матюшин (Москва). Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале 1973 4
К. М. Байпаков (Алма-Ата). Средневековое погребение в Илийской долине 1973 2
Э. А. Балагури (Ужгород). Фельшесевч-становская группа памятников эпохи поздней бронзы в Верхнем Потиссье 1969 2
О. Д. Балдина (Москва). Две иконы ростовской школы живописи 1968 3
И. А. Баранов (Симферополь). Погребение V в. н. э. в Северо-Восточном Крыму 1973 3
И. А. Баранов (Симферополь). Раннесредневековая пряжка из Ялты . . 1975 1
Т. Б. Барцева (Москва). Цветные сплавы на Северном Кавказе в раннем железном веке 1974 1
Т. Б. Барцева, Е. Н. Черных (Москва). О спектроаналитических исследованиях цветного металла черняховской культуры 1968 2
В. А. Башилов (Москва). Периодизация культуры мольо в Боливии XI—XVI вв. 1967 1
Д. А. Беленькая (Москва). Кресты и иконки из курганов Подмосковья . 1976 4
В. Д. Белецкий (Ленинград). Клейма и знаки на кирпичах XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове 1971 2
С. В. Белецкий (Ленинград). Биконические сосуды Труворова городища 1976 3
Г. Д. Белов (Ленинград). Terra sigillata из Херсонеса 1967 4
Г. Д. Белов (Ленинград). Терракотовая голова Геракла из Херсонеса . 1976 4
М. И. Белов, О. В. Овсянников (Ленинград). Раскопки Мангазеи 1972 1
Н. С. Белова (Ленинград). К надписи Ios PE, II, 8 . . . . . 1968 3
С. С. Березанская (Киев). Тшинецко-комаровская культура на Северной Украине 1967 2
С. С. Березанская (Киев). О так называемом общеевропейском горизонте культур шнуровой керамики Украины и Белоруссии 1971 4
С. С. Березанская (Киев). Неолитическая стоянка у хутора Гришевка на Средней Десне 1975 2
Ю. Е. Березкин (Ленинград). Начало земледелия на Перуанском побережье 1969 1
Ю. Е. Березкин (Ленинград). Мифология мочика (Перу) 1972 4
Е. М. Берс (Новосибирск). Позднепалеолитическое погребение на р. Аять (Урал) 1976 4
С. С. Бессонова (Керчь). Раскопки некрополя Пантикапея в 1963—1964 гг. 1969 1
С. С. Бессонова (Керчь). Реконструкция деревянного саркофага из Трехбратных курганов 1971 4
С. Н. Бибиков (Киев) К 50-летию археологической науки на Украине . 1967 3
С. Н. Бибиков (Киев). Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита 1969 4
С. Н. Бибиков (Киев). Плотность населения и величина охотничьих угодий в палеолите Крыма 1971 4
В. И. Бибикова (Киев). К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая Могила 1973 4
В. И. Бидзиля, Э. В. Яковенко (Киев). Рало из позднеямного погребения конца III — начала II тысячелетия до н. э. 1973 3
В. И. Бидзиля, Э. В. Яковенко (Киев). Киммерийские погребения Высокой Могилы 1974 1
З. А. Билимович (Ленинград). Два бронзовых таза из Семибратных курганов 1970 3
З. А. Билимович (Ленинград). Бронзовый кувшин из VI Семибратнего кургана 1971 1

В. Д. Блаватский (Москва). Сцена инвеституры на Карагодеуашхском ритоне 1974 1
В. Д. Блаватский, (Москва). О Рескупориде Первом 1976 4
В. Д. Блаватский, **Б. Г. Петерс** (Москва). Кораблекрушение конца IV — начала III вв. до н. э. около Донузлава 1969 3
А. А. Бобринский, **М. Г. Гусаков** (Москва). Реконструкция гончарной мастерской III — IV вв. 1973 1
И. В. Богданова-Березовская (Ленинград). Статуэтки Диоскуров из Неаполя Скифского (химико-технологическое исследование) 1969 1
Н. А. Богданова, **И. И. Гущина**, **И. И. Лобода** (Бахчисарай, Москва). Памятник первых веков нашей эры в долине реки Бодрак в Крыму 1976 4
Н. Ф. Богословская (Москва). К проблеме сложения халафской культуры 1972 2
Е. В. Бодунов, **В. М. Воробьев** (Калинин). Мезолитическая стоянка Староконстантиновская VI 1974 4
А. В. Бодянский (Запорожская обл.). Неолитический сосуд с Днепровского Надпорожья 1967 2
А. В. Бодянский (хут. Петрополь Запорожской обл.). Находка раннескифских вещей в Днепровском Надпорожье 1970 2
Н. М. Бокий (Кировоград). Скифский курган у села Медерово 1974 4
А. И. Болтунова (Москва). Курганное погребение IV в. до н. э. под Керчью 1971 1
С. П. Борисковская (Ленинград). О некоторых ранних формах этрусской керамики буккеро 1969 2
И. Б. Брашинский (Ленинград). Материалы к изучению торговых связей Ольвии 1968 2
И. Б. Брашинский (Ленинград). Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары 1976 3
А. Я. Брюсов (Москва). Проблема происхождения культур каменного века в Северной части европейской территории СССР 1968 4
В. Г. Брюсова (Москва). О датировке древнейших фресок Софийского собора в Новгороде (XI — нач. XII вв.) 1968 1
В. Г. Брюсова (Москва). О технике стенописи Софии Новгородской . . 1974 1
В. Д. Будько, **А. Г. Митрофанов** (Минск). Археология в Белоруссии за советский период 1967 4
М. Б. Булатов (Ташкент). Шедевр мастера Абдль Азиза 1969 2
Н. М. Булатов (Москва). Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов 1968 4
Н. М. Булатов (Москва). Алебастровые формы из керамической мастерской Селитренного городища 1972 1
Н. М. Булатов (Москва). Кобальт в керамике Золотой Орды 1974 4
Н. М. Булатов (Москва). О трех гончарных печах Селитренного городища 1976 1
С. А. Булатович (Одесса). Клад кизикинов из Ольвии 1970 2
С. П. Бурлацкая, **Т. Б. Нечаева** (Москва). Датирование образцов черняховской культуры археомагнитным методом 1968 4
В. А. Буров (Москва). «Муж добръ Есифъ Давыдович» 1975 4
Н. И. Бурчак-Абрамович, **В. П. Любин** (Ленинград). Орнитофауна пещеры Кударо I (Закавказье) 1972 2
Ю. Ф. Буряков (Ташкент). Пскентские наусы 1968 3
Ю. Ф. Буряков (Самарканд). К исторической топографии городов средневекового Илака 1972 2
Ю. Ф. Буряков, **М. Г. Крамаровский** (Самарканд). Поясной набор XIII в. из Самарканда 1974 2
Н. Н. Бусятская (Москва). Стеклянные бусы Селитренного городища . . 1973 1
А. А. Быков (Ленинград). Р. Р. Фасмер (1888—1938). 1968 3
Г. К. Вагнер (Москва). Декоративная система «золотых дверей» Суздальского собора и вопрос о их датировке 1973 1
Г. К. Вагнер (Москва). Об открытии резных надписей среди фасадной скульптуры Дмитриевского собора во Владимире 1976 1
Э. Б. Вадецкая (Ленинград). О сходстве самусьских и окуневских антропоморфных изображений 1969 1
Э. Б. Вадецкая (Ленинград). Роль бугровщиков и мифы о «могильном золоте» на Енисее 1971 2
Р. М. Ваидов, **И. Г. Нариманов** (Баку). Развитие археологической науки в Советском Азербайджане 1967 4
И. С. Вайнер, **В. Ф. Каховский**, **Ю. А. Краснов** (Чебоксары, Москва). Береста с надписью из Чебоксар 1971 3
Б. А. Василенко (Ивано-Франковск). Заметки о гераклейских клеймах 1970 3
Б. А. Василенко (Ивано-Франковск). Клейма на амфорах типа Солоха-II 1971 2

Б. А. Василенко (Ивано-Франковск). К вопросу о датировке синопских клейм . . . 1971 3
Б. А. Василенко (Ивано-Франковск). Заметки о древнегреческих керамических клеймах . . . 1973 3
И. Б. Васильев (Куйбышев). Сарматский курган на северо-западе Башкирии . . . 1973 4
И. Б. Васильев, В. С. Горбунов (Уфа). Бирское поселение . . . 1975 3
И. Б. Васильев (Куйбышев). Дуванейское поселение позднего бронзового века в Башкирии . . . 1975 4
С. М. Васюткин (Москва). Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тысячелетия н. э. . . . 1968 1
С. М. Васюткин (Уфа). К дискуссии по бахмутинской культуре . . . 1971 3
М. П. Ваулина (Ленинград). Фрагменты деревянного саркофага с резным карнизом из Керчи . . . 1970 3
И. Венедиков (Болгария, София). Фракийцы в греческом искусстве Понтийской Аполлонии . . . 1969 3
Н. К. Верещагин, Ю. А. Мочанов (Ленинград, Якутск). Самые северные в мире следы верхнего палеолита . . . 1972 3
И. Вернер (Мюнхен). К происхождению и распространению антов и склавенов . . . 1972 4
Г. И. Вздорнов (Москва). Фреска Спасо-Преображенского собора в Переяславле Залесском . . . 1968 4
Г. И. Вздорнов (Москва). Икона Нерукотворного образа Спаса — памятник псковской живописи XV века . . . 1973 3
В. Д. Викторова (Свердловск). Сосновый остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья . . . 1968 4
Д. Ф. Винник (Фрунзе). Пятьдесят лет советской археологии в Киргизии 1967 4
А. В. Виноградов, Е. Е. Кузьмина (Москва). Литейные формы из Лявлякана . . . 1970 2
А. В. Виноградов, Э. Мамедов (Москва). Кызылнура-1 — первый мустьерский памятник в Кызылкумах . . . 1969 1
В. Б. Виноградов (Грозный). Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III в. до н. э.— I в. н. э. . . . 1968 1
В. Б. Виноградов (Грозный). Раннесредневековый могильник у сел. Харачой в горной Чечне . . . 1970 2
В. Б. Виноградов (Грозный). Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии . . . 1970 3
В. Б. Виноградов (Грозный). Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии . . . 1974 4
В. Б. Виноградов, В. А. Петренко (Грозный). Могильник сарматской эпохи на горе Лехкч-Корт . . . 1974 1
Ю. Г. Виноградов (Москва). Из истории архаической Ольвии . . . 1971 2
Ю. Г. Виноградов, Н. А. Онайко (Москва). Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным и Северо-Восточным Причерноморьем в эллинистическое и римское время . . . 1975 1
Н. М. Виноградова (Москва). Памятники переходного этапа Триполья BI-BII в Поднестровье . . . 1972 1
И. С. Винокур (Каменец-Подольский). Некоторые вопросы духовной культуры черняховских племен . . . 1969 1
И. С. Винокур (Каменец-Подольский). Опыт реконструкции мельничного сооружения III—IV вв. н. э. . . . 1970 2
И. С. Винокур (Каменец-Подольский). Лесостепные племена II—V вв. н. э. и их роль в истории Юго-Восточной Европы . . . 1972 4
В. И. Вихляев (Саранск). Сюльгамы из могильников селиксенского и армиевского типов . . . 1972 3
В. Е. Вихров, Ю. В. Вихров, В. А. Борисов, С. Ю. Казанская (Минск). Сохранение древесины из раскопок Берестья . . . 1973 4
И. И. Власов (Владимир). Живопись 1233 года в диаконнике Рождественского собора Суздаля и ее реконструкция . . . 1976 1
Г. А. Вознесенская, Б. В. Техов (Москва, Цхинвали). Технология производства кузнечных изделий из Тлийского могильника (X—VI вв. до н. э.) . . . 1973 3
Р. Волкайте-Куликаускене (Вильнюс). Успехи археологической науки в Литовской ССР . . . 1967 3
В. В. Волков, В. Ф. Старков (Москва). Планы и задачи Института археологии АН СССР в десятой пятилетке . . . 1976 4
Е. В. Воробьева, А. А. Тиц (Харьков). О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове . . . 1974 2
Н. Н. Воронин (Москва), **П. А. Раппопорт** (Ленинград). Смоленский детинец и его памятники . . . 1967 3
Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт (Москва, Ленинград). Раскопки в Смоленске в 1966 г. . . . 1969 2

Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт (Москва, Ленинград). Раскопки в Смоленске в 1967 г. 1971 2
В. Л. Воронина, Н. Н. Негматов (Душанбе). Рельефные головки из дворца афшинов Уструшаны (Шахристан) 1976 1
Р. Ф. Воронина (Москва). О некоторых чертах верований среднецнинской мордвы VIII—XI вв. 1975 1
Ю. Н. Воронов (Сухуми). Ранненеолитическое поселение у с. Цебельда в Абхазии 1970 4
Ю. Н. Воронов (Сухуми). Об Эшерском городище 1972 1
Ю. Н. Воронов (Сухуми). Келасурская стена 1973 2
Ю. Н. Воронов (Сухуми). Гиенос 1976 4
Ю. Н. Воронов, А. С. Вознюк, В. А. Юшин (Сухуми). Апуштинский могильник IV—VI вв. н. э. в Абхазии 1970 1
Ю. Н. Воронов, А. С. Вознюк (Сухуми). Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР 1975 2
Ю. Н. Воронов, В. А. Юшин (Сухуми). Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии 1973 1
А. С. Воскресенский (Москва). Полихромные майолики золотоордынского Поволжья 1967 2
А. С. Воскресенский (Москва). Новые данные о поливной архитектурной керамике золотоордынского Поволжья 1970 1
А. С. Воскресенский, А. П. Смирнов (Москва), **Т. А. Хлебникова** (Казань). Новые данные об архитектуре Волжских Булгар 1967 4
Ж. Н. Выжарова (София). Памятники Болгарии конца VI—XI вв. и их этническая принадлежность 1968 3
Т. Н. Высотская (Симферополь). Позднескифские городища и селища юго-западного Крыма 1968 1
Т. Н. Высотская (Симферополь). О сельском хозяйстве поздних скифов Крыма 1972 4
Т. Н. Высотская (Симферополь). Общественные здания Неаполя Скифского 1975 2
С. А. Высоцкий (Киев). Граффити Золотых ворот в Киеве 1967 1
С. А. Высоцкий (Киев). Древнерусская азбука из Софии Киевской . . . 1970 4
М. И. Вязьмитина (Киев). Культура населения Нижнего Днепра после распада единой Скифии 1969 4
А. В. Гадло (Ленинград). Раскопки раннесредневекового селища у д. Героевки в 1964 г. 1969 1
Л. К. Галанина (Ленинград). Впускное погребение I в. н. э. Курджипского кургана 1973 2
Л. Л. Галкин (Москва). Несколько изразцов из Селитренного городища 1968 3
Л. Л. Галкин (Москва). Кашинный кувшин из Селитренного городища 1971 3
Л. Л. Галкин (Москва). Перстни-амулеты с Селитренного городища . . 1972 3
Л. Л. Галкин (Москва). Керамические горны золотоордынского города Азака 1975 1
Л. Л. Галкин (Москва). Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов 1975 3
Л. Л. Галкин (Москва). Стеклянный медальон-амулет с поселения Ак-Тобе 1976 2
А. Ф. Ганялин (Ашхабад). Раскопки 1959—1961 гг. на Алтын-Тепе . . 1967 4
А. Ц. Геворкян (Москва). Химическая характеристика металла из Лчашенских курганов 1972 2
А. Ц. Геворкян (Ереван). О древнейшей меднорудной базе Армении . . 1973 4
В. Ф. Генинг (Свердловск). Писаницы Мохового камня на реке Вишере 1971 4
В. Ф. Генинг (Свердловск). Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок 1973 1
Ю. Б. Генс (Термез). Сфероконический сосуд из Термеза 1969 2
В. Генсель, У. Дымачевский, А. Дымачевский, С. Гильчерувна (Польша). Результаты польских археологических исследований на городище Стырмен, округ Русе в Болгарии (1962—1968 гг.) 1970 3
Л. С. Гераськова (Ворошиловград). Половецкая статуя из с. Чернухино 1974 3
А. Н. Гертман (Москва). Детали конской узды в составе Казбекского клада 1972 3
К. В. Голенко (Москва). Монеты из раскопок Государственного исторического музея в Херсонесе (1958—1969 гг.) 1972 4
Л. А. Голубева (Москва). Кемские курганы 1969 3
Л. А. Голубева (Москва). Назначение железных игл с кольцами 1971 4
Л. А. Голубева (Москва). Коньки-подвески междуречья Волги и Оки 1976 2
Т. И. Голубкина (Баку). Ажурные ткани из кувшинного погребения Мингечаура 1971 3
В. Д. Гопак (Винница). Техника кузнечного ремесла у восточных славян во второй половине I тыс. н. э. 1976 2
М. В. Горбаневский (Москва). Новые находки на Дьяковском городище 1971 1

М. В. Горбаневский, А. С. Фролов (Москва). Сюльгама дьяковского времени с Борисоглебского городища 1975 2
А. А. Горбенко, В. А. Кореняко, В. Е. Максименко (Азов, Ростов-на-Дону). Позднекочевническое погребение из кургана у хутора Нижняя Козинка 1975 1
В. С. Горбунов, М. Ф. Обыденнов (Уфа). Находки костяных псалиев эпохи бронзы в Башкирии 1975 2
В. С. Горбунов, Р. Б. Исмагилов (Уфа). Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии 1976 3
К. С. Горбунова (Ленинград). Килик с комастами из раскопок на Березани в 1966 г. 1968 1
Н. Г. Горбунова (Ленинград). О локальных особенностях в культуре древней Ферганы 1970 1
М. В. Горелик (Москва). Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства — золотой пластинке из Гермесова кургана 1971 3
А. Д. Горский (Москва). Берестяная грамота № 256 . . . . . 1969 3
Е. А. Горюнов (Ленинград). Некоторые вопросы истории Днепровского лесостепного Левобережья в V — начале VIII веков 1973 4
Е. А. Горюнов, Г. А. Усова (Ленинград). Два новых памятника черняховской культуры в Левобережном Поднепровье 1974 4
Н. С. Гражданкина, Э. В. Ртвеладзе (Ташкент). Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара . . . 1971 1
А. Д. Грач (Ленинград). Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени 1967 3
Н. Л. Грач (Ленинград). Мраморная скульптура из Горгиппии 1970 1
Г. В. Григорьева (Ленинград). Позднепалеолитическая стоянка Рашков VIII 1974 3
Э. Грингмут-Дальмер (ГДР, Берлин). Развитие культурного ландшафта в западно-славянских областях: проблемы, методы и результаты исследования 1975 2
Ю. С. Гришин (Москва). О плиточных могилах Восточного Забайкалья 1968 1
Ю. С. Гришин (Москва). О некоторых забайкальских медно-бронзовых изделиях эпохи средней бронзы (карасукского времени) 1968 3
Ю. С. Гришин (Москва). Нефритовый нож из Восточного Забайкалья . . 1971 3
Г. В. Грошевой, Л. Л. Галкин, М. А. Зайончковский (Москва). Археологическая разведка магнитометром направленного действия 1967 3
А. Г. Губаев (Ленинград). Новый памятник сасанидского времени в Южном Туркменистане 1967 1
В. И. Гуляев (Москва). Атрибуты царской власти у древних майя . . . 1972 3
Т. В. Гусева (Москва). Ремесленные мастерские в восточном пригороде Нового Сарая 1974 3
И. И. Гущина (Москва). О сарматах в юго-западном Крыму. (По материалам некоторых могильников I—IV вв) 1967 1
И. И. Гущина (Москва). Находки скифского времени из Прикубанья . . 1970 1
Е. А. Давидович (Душанбе). Новый среднеазиатский монетный двор Мухаммада Хорезмшаха (1200—1220 гг.) 1968 1
А. В. Давыдова (Ленинград). К вопросу о хуннских художественных бронзах 1971 1
В. П. Даркевич (Москва). Романские элементы в древнерусском искусстве и их переработка 1968 3
В. П. Даркевич (Москва). Редкий памятник романской металлопластики 1971 2
В. П. Даркевич (Москва). Медные и бронзовые изделия из Волжской Болгарии (XIII—XIV века) 1975 2
В. П. Даркевич, Б. И. Маршак (Москва, Ленинград). О так называемом сирийском блюде из Пермской области 1974 2
В. П. Даркевич, А. Л. Монгайт (Москва). Старорязанский клад 1966 года 1967 2
В. П. Даркевич, А. Л. Монгайт (Москва). Старорязанские клады 1967 г. 1972 2
В. П. Даркевич, Н. А. Соболева (Москва). О датировке литовских монет с надписью «печать» (по материалам Шанчайского клада) 1973 1
Р. А. Даутова, Х. М. Мамаев (Грозный). Археологические памятники средневековья у селения Али-Юрт (Чечено-Ингушетия) 1974 2
Р. А. Даутова, Х. М. Мамаев (Грозный). Аланская катакомба XIV в у сел. Ушкалой 1974 3
О. Д. Дашевская (Москва). Эллинистическая расписная керамика из северо-западного Крыма 1967 1
Г. Ф. Дебец (Москва). Скелет позднепалеолитического человека из погребения на Сунгирской стоянке 1967 3
С. Г. Деведжян (Ереван). Лори-Бердский могильник 1974 2
В. П. Денисов, Е. Н. Черных (Москва). Верхнемуллинская находка топоров — кельтов 1969 3

Д. В. Деопик, О. Ю. Круг (Москва). Эволюция узкогорлых светло-глиняных амфор с профилированными ручками 1972 3
Ю. В. Деревягин (Саратов). Селище эпохи бронзы в селе Пристанном . . 1969 3
Ю. В. Деревягин, Р. М. Симонов (Саратов). Валиковая керамика на срубных памятниках Нижнего Поволжья 1971 2
Ю. В. Деревягин, В. П. Третьяков (Саратов, Ленинград). Неолитическое поселение у с. Алтата в Саратовской области 1974 4
А. П. Деревянко, А. П. Окладников (Новосибирск). Древние культуры восточных районов МНР (К итогам археологических исследований 1949 и 1967 гг.) 1969 4
В. Л. Державин (Москва). Курганы эпохи бронзы у с. Буторы в Молдавии 1976 2
Ю. М. Десятчиков (Москва). Катафрактарий на надгробии Афения . . 1972 4
Ю. М. Десятчиков (Москва). Сарматы на Таманском полуострове . . . 1973 4
Р. Г. Джадтиев (Цхинвали). Склепы верховьев р. Лиахвы 1968 3
Р. М. Джанполадян (Ленинград). Резное стекло из Двина 1968 1
Г. Джингов (София). Городище эпохи раннего средневековья у с. Стырмен в Болгарии 1968 2
Н. Н. Диков (Магадан). Верхний палеолит Камчатки 1969 3
В. И. Довженок (Киев). Древнерусские городища на Среднем Днепре 1967 4
В. С. Долгоруков (Москва). Эллинистическая агора 1969 2
Ян Домбровский (Варшава). Проблемы восточных связей лужицкой культуры 1970 3
В. С. Драчук (Киев). Стела со знаками из Теребовельщины 1967 2
В. С. Драчук (Евпатория). Зеркало с загадочными знаками из Ольвии . . 1971 1
В. С. Драчук (Евпатория). Неолитическое поселение у с. Пищики на Черкасщине 1971 3
Д. А. Дрбоглав (Москва). Латинская берестяная грамота из Новгородских раскопок 1973 3
А. Ф. Дубынин (Москва). Городище Кузнечики в Подмосковье 1970 1
А. Ф. Дубынин (Москва). Из истории изучения Суздальского собора . . 1972 2
С. Л. Дударев (Грозный). Кинжал закавказского типа из Чечено-Ингушетии 1973 4
С. Л. Дударев (Грозный). Раскопки могильника у сел. Ахкинчу-Барзой (Чечено-Ингушетия) 1976 1
В. П. Дудкин (Киев). К вопросу о применении дифференциального магнитометра в археологической разведке 1970 1
В. И. Дьяков (Владивосток). Новая археологическая коллекция с о. Итуруп (Курильские острова). 1975 2
О. В. Дьякова, Э. В. Шавкунов (Владивосток). Новый памятник железного века на Нижнем Амуре — городище Сикачи-Алян 1975 3
Н. В. Дьяконова, О. И. Смирнова (Ленинград). К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде 1967 1
М. А. Дэвлет (Москва). Из истории освоения металлургии железа на Среднем Енисее 1968 1
М. А. Дэвлет (Москва). О загадочных изображениях на оленных камнях 1976 2
Газдапустаи Дюла (Венгрия). Могила эпохи средней бронзы в Северной Осетии 1969 2
В. В. Евдокимова (Кустанай). Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тобол 1975 4
В. Л. Егоров (Москва). Древний штандарт из Хакасско-Минусинской котловины 1967 1
В. Л. Егоров (Москва). О времени возникновения Казани 1975 4
Л. А. Ельницкий (Москва). Скифские легенды как культурно-исторический материал 1970 2
Н. М. Ермолова (Ленинград). Остатки млекопитающих с древнего городища Осыно 1976 3
С. А. Есаян (Ереван). Амулеты, связанные с культом солнца из Армении 1968 2
С. А. Есаян (Ереван). Каменная статуэтка из Шамшадина 1969 1
С. Есаян (Ереван). Бронзовые модели культовых площадок древней Армении 1971 1
С. А. Есаян, А. О. Мнацаканян (Ереван). Находки новых бронзовых статуэток в Армении 1970 2
П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков (Ленинград). Яндашевская стоянка 1968 2
А. М. Ефимова (Казань). Антропоморфные фигурки с кладбища у ханской усыпальницы в Болгарах 1969 2
А. П. Журавлев (Петрозаводск). Клад заготовок сланцевых орудий на стоянке Пегрема I 1973 1
А. П. Журавлев (Петрозаводск). Древнейшая мастерская по металлообработке меди в Карелии 1974 3
А. П. Журавлев (Петрозаводск). К изучению орнамента на ямочно-гребенчатой керамике Карелии 1976 2

А. П. Журавлев (Петрозаводск). Об орнаменте сосуда со стоянки Пегрема II 1976 3
Ф. М. Заверняев (Брянск). Хотылевское палеолитическое местонахождение 1972 1
Ф. М. Заверняев (Брянск). Новая верхнепалеолитическая стоянка на реке Десне 1974 4
Г. Ф. Загний, В. А. Круц, О. М. Русаков (Киев). Опыт применения протонного магнитометра в археологии 1971 3
Ю. А. Заднепровский (Ленинград). Тюркские памятники в Фергане . . 1967 1
Ю. А. Заднепровский (Ленинград). Кочевническое погребение XIII—XIV вв. в Фергане 1975 4
И. И. Заец (Винница). Трипольское поселение Клишев на Южном Буге (B/I-B/II) 1974 4
К. И. Зайцева (Ленинград). Расписная курильница-урна из Ольвии . . 1970 3
И. П. Засецкая (Ленинград). О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья 1968 2
Е. И. Захариева (София). Дендрохронологическое исследование кургана Аржан 1976 1
Ю. Н. Захарук (Киев). О методологии археологической науки и ее проблемах 1969 3
Ю. Н. Захарук (Киев). Ленинское теоретическое наследие и некоторые вопросы развития археологической науки 1970 2
Ю. Н. Захарук (Москва). Проблемные ситуации в археологии 1973 4
В. Г. Збенович (Киев). Древнейшие медные топоры в Восточной Европе 1969 3
И. Б. Зеест (Москва). Возникновение и первый расцвет Гермонассы . . 1974 4
М. П. Зимина (Москва). Стоянки позднего неолита и бронзы в Новгородской и Калининской областях 1968 2
К. В. Зиньковский (Одесса). Новые данные к реконструкции трипольских жилищ 1973 1
Т. Д. Златковская, Д. Б. Шелов (Москва). Фибулы Фракии VII—V вв. до н. э. 1971 4
Ю. М. Золотов (Москва). О Трояне «Слова о полку Игореве» 1970 1
В. А. Иванов (Уфа). Новые памятники кушнаренковского типа в низовьях реки Белой 1974 1
В. А. Иванов (Уфа). Глиняные антропоморфные фигурки ананьинско-пьяноборского времени 1976 3
Т. К. Иванов (Болгария, София). Римская и ранневизантийская крепость Ятрус на Дунае (НРБ) 1969 4
Г. Н. Иванова (Красноярский край). Рейнская керамика из раскопок во Пскове 1975 4
Л. А. Иванова (Ленинград). О различиях керамических традиций афанасьевской и окуневской культур 1968 2
М. Г. Иванова (Ижевск). Культурные и торговые связи северных удмуртов в X — начале XIII в. 1974 4
Н. И. Игонин, А. Х. Халиков (Москва, Казань). Опыт применения авиации при изучении Билярского городища и его окрестностей 1975 1
А. А. Иерусалимская (Ленинград). О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье 1967 2
С. А. Изюмова (Москва). О бронзолитейном производстве Сатинского городища 1967 1
С. А. Изюмова (Москва). Курганы у с. Доброе Тульской области 1970 1
С. А. Изюмова (Москва). Курганы у дер. Слевидово 1970 4
М. А. Ильин (Москва). О единстве домонгольского русского зодчества . 1968 4
М. А. Ильин (Москва). О первоначальном виде собора Соловецкого монастыря 1558—1566 годов 1976 1
В. А. Ильинская (Киев). Навершия из Майкопского и Новочеркасского музеев 1967 4
В. А. Ильинская (Киев). Некоторые вопросы генезиса юхновской культуры 1969 2
В. А. Ильинская (Киев). Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве 1971 2
В. А. Ильинская (Киев). Относительная хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин 1973 3
В. Ф. Исаенко (Минск). Находка со знаком Рюриковичей 1967 2
В. Ф. Исаенко (Минск). Неолитический сосуд с рисунком из Белоруссии 1971 2
У. И. Исламова, А. Е. Матюхин (Самарканд, Ленинград). О специфической группе орудий из пещерной стоянки Мачай 1975 3
О. Ш. Исмизаде (Баку). О Девичьей башне в Баку 1968 2
Г. Р. Ишмуратова (Казань). Керамика ананьинских поселений западных районов Татарии 1975 1
С. М. Йовков (Москва). Жернова Волжской Булгарии 1976 2
С. К. Кабанов (Ташкент). Изучение стратиграфии городища Афрасиаб 1969 1
С. К. Кабанов (Ташкент). Изображение Шивы на оссуарии 1971 2

В. И. Кадеев (Харьков). Средневековые граффити из Херсонеса 1968 2
В. И. Кадеев (Харьков). Импортные светильники I—IV вв. из Херсонеса 1969 3
В. И. Кадеев (Харьков). Об этнической принадлежности носителей имени Σκύθας в Херсонесе Таврическом 1974 3
Е. П. Казаков (Казань). Погребения срубной культуры у дер. Куралово 1975 3
Е. П. Казаков (Казань). Два погребения Чишминского могильника . . 1975 4
А. Я. Каковкин (Ленинград). Об изображении «заказчика» на мощехранительнице Стефана из Эчмиадзина 1971 1
А. Я. Каковкин (Ленинград). Армянская надпись на чаше из Кравенина 1974 3
А. А. Калантарян (Ереван). Ампула с изображением Св. Андрея из Двина 1968 1
И. В. Калинина (Ленинград). Орнаментация керамики волго-камского неолита 1974 4
Н. Калиц (Будапешт). Новая находка модели повозки эпохи энеолита из окрестностей Будапешта 1976 2
Е. В. Каменецкая, И. Б. Пуришев (Ярославль). Деревянные конструкции вала Переславля-Залесского 1974 1
И. С. Каменецкий (Москва). Новый меотский могильник в Приазовье . . 1968 2
И. С. Каменецкий (Москва). Археологическая культура — ее определение и интерпретация 1970 2
И. С. Каменецкий (Москва). Итоги исследования Подазовского городища 1974 4
Л. Л. Карапетян (Ереван). Раскопки Кармирбердской (Тазакендской) крепости 1972 2
А. А. Карахмедова (Баку). Об одном типе серег из Кавказской Албании 1974 4
К. В. Каспарова (Ленинград). Новый комплекс черняховского времени из Хмельницкой области 1972 3
К. В. Каспарова (Ленинград). О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья 1976 3
Е. Г. Кастанаян (Ленинград). О мозаичных полах Аполлонии Иллирийской 1967 4
М. Р. Касымов, Л. Я. Крижевская (Ленинград). О классификации кремнеобрабатывающих мастерских 1969 1
Р. В. Катинчаров (София). Основные результаты раскопок первобытного поселения в г. Нова Загора (Южная Болгария) в 1968 и 1970 гг. . . 1972 1
К. К. Кафадарян (Ереван). Новые данные по архитектуре Урарту . . . 1967 4
А. Ф. Кесь, Г. Н. Лисицына (Москва). Древние оросительные сооружения Юго-Западной Туркмении (по материалам работ 1969-1971 гг.) . . . 1975 1
А. Н. Кирпичников, И. Н. Хлопин (Ленинград). Федор Конь и старец Александр 1969 2
Н. А. Кирьянова (Москва). О находках зерен сельскохозяйственных культур при раскопках городища Друцк 1972 3
В. Я. Кияшко, В. А. Кореняко (Ростов-на-Дону). Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону 1976 1
М. Н. Клапчук (Делятин). Стоянка Караганда-15 . . . . . 1970 4
М. Н. Клапчук (Делятин). Местонахождение галечных орудий Обалысан I в Центральном Казахстане 1971 1
М. Н. Клапчук (Ивано-Франковская обл.). Позднеашельское местонахождение Жаман-Айбат 4 в Ценральном Казахстане 1976 3
Л. С. Клейн (Ленинград). О типичных приемах современной критики марксизма в археологии 1968 4
Л. С. Клейн (Ленинград). К проверке оснований гипотезы о генетической связи ямной и катакомбной культур 1970 1
Л. С. Клейн (Ленинград). Проблема определения археологической культуры 1970 2
И. Э. Клейненберг (Ярославль). Новгородский вощаной барковец XV в. 1968 4
М. М. Кобылина (Москва). Форма с изображением сирены из Фанагории 1967 1
М. М. Кобылина (Москва). Об изображениях мойр в Северном Причерноморье 1971 3
М. М. Кобылина (Москва). Пан на надгробной плите из Фанагории . . 1973 3
В. Б. Ковалевская, И. Б. Погожев, А. П. Погожева (Кусургашева) (Москва). Количественные методы оценки степени близости памятников по процентному содержанию массового материала 1970 3
Г. Т. Ковпаненко (Киев). Бронзовый меч с Бельского городища 1973 4
П. М. Кожин (Москва). Гобийская квадрига 1968 3
П. М. Кожин (Москва). О псалиях из афанасьевских могил 1970 4
П. М. Кожин (Москва). Относительная хронология погребений в могильнике Окунев улус 1971 3
В. И. Козенкова (Москва). Новый источник для изучения связей Византии и Средней Азии 1967 1
В. И. Козенкова (Москва). Раннекобанский могильник у села Сержень-Юрт 1969 4
Я. К. Козловский (Варшава). Некоторые вопросы относительной хронологии неолита Южной Польши 1967 4

Л. Г. Колесникова (Севастополь). Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса? 1973 3
Л. Г. Колесникова (Севастополь). Погребение воина на некрополе Херсонеса 1975 4
Л. В. Кольцов (Москва). Первая мезолитическая стоянка в бассейне Клязьмы 1970 1
В. А. Комаров, А. Ф. Фокин, Г. С. Frантов (Ленинград). О применении метода вызванной поляризации при археологических поисках кострищ с углем 1967 1
К. И. Комаров (Москва). Погребение дружинника во втором Пекуновском могильнике на Верхней Волге 1974 3
А. И. Комеч (Москва). Построение вертикальной композиции Софийского собора в Киеве 1968 3
В. Н. Конкин (Волгоград). Украшения из половецкого погребения . . . 1969 2
В. Н. Конкин (Волгоград). Сосуд с прорисовкой из погребения позднего кочевника 1971 1
А. А. Коновалов (Москва). Географические названия в берестяных грамотах 1967 1
А. А. Коновалов (Москва). Изучение химического состава медных сплавов из Новгорода 1969 3
Л. В. Копейкина (Ленинград). Фрагмент родосско-ионийской тарелки из раскопок 1966 г. на о. Березань 1970 3
Л. В. Копейкина (Ленинград). Самый ранний образец расписной древнегреческой керамики из раскопок на острове Березань 1973 2
Л. В. Копейкина (Ленинград). Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период 1975 2
И. И. Корда (Магнитогорск). Следы каменного века в г. Магнитогорске 1971 1
С. Н. Кореневский (Москва). Находка бронзового топора у г. Пятигорска 1972 3
С. Н. Кореневский (Москва). Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической области 1973 1
С. Н. Кореневский (Москва). О металлических топорах майкопской культуры 1974 3
С. Н. Кореневский (Москва). О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы 1976 4
В. А. Кореняко (Ростов-на-Дону). Аланские могилы VIII—IX вв. в Северной Осетии 1976 2
В. А. Кореняко, А. А. Горбенко (Ростов-на-Дону). Котел сарматского времени в Азовском музее 1975 2
И. И. Коробков (Ленинград). Итоги пятилетних исследований Яштухского палеолитического местонахождения 1967 4
Г. Ф. Коробкова (Ленинград). Культуры и локальные варианты мезолита Средней Азии (по материалам каменной индустрии) 1975 3
А. К. Коровина (Москва). Курган Межлиманный 1974 4
М. Ф. Косарев (Москва). Некоторые особенности древней истории Томско-Нарымского Приобья в свете данных палеогеографии (II и I тысячелетия до н. э.) 1971 2
М. Ф. Косарев (Москва). Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири в эпоху бронзы 1972 2
М. Ф. Косарев (Москва). О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири 1972 4
М. Ф. Косарев (Москва). К проблеме западносибирской культурной общности 1974 3
М. Ф. Косарев, Т. М. Потемкина (Москва). Поселение Ипкуль I . . . 1975 4
М. Г. Косменко (Казань). Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье 1972 3
М. Г. Косменко, Е. П. Казаков (Казань). О некоторых памятниках эпохи бронзы в устье Камы 1976 2
К. В. Кострин (Уфа). Исследование смолистого вещества из «черносмоленых» кувшинов средневековой Тмутаракани 1967 1
К. В. Кострин (Уфа). Исследование смолистого осадка из древних амфор, найденных при раскопках Танаиса 1971 3
К. В. Кострин (Уфа). Находки остатков нефти в археологических памятниках Северного Причерноморья 1975 3
И. А. Кочетков (Москва). О принципах изображения архитектуры на иконах митрополитов Петра и Алексия 1973 4
С. И. Кочкуркина (Москва). Курганы на р. Паше 1967 4
С. И. Кочкуркина (Петрозаводск). Оятские могильники X—XI вв. . . . 1968 2
Г. А. Кошеленко (Москва). Серебряная «ваза с Диоскурами» 1968 2
Т. Н. Кошлякова (Москва). Реконструкция схимы из погребения Ивана Грозного 1976 2
А. А. Кравченко (Одесса). Клад кизикских статеров из Одесской области 1969 1

К. И. Красильников (Ворошиловград). Гончарная мастерская салтово-мяцкой культуры 1976 3
В. И. Красковский (Одесса). Каменка — новая позднепалеолитическая стоянка близ Одессы 1969 3
Ю. А. Краснов (Москва). О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы 1967 1
Ю. А. Краснов (Москва). О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы 1968 2
Ю. А. Краснов (Москва). Рала симферопольской стелы 1971 2
Ю. А. Краснов (Москва). Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных 1974 3
Ю. А. Краснов (Москва). Новостроечные экспедиции Института археологии АН СССР в десятой пятилетке 1976 4
Ю. А. Краснов, А. П. Смирнов (Москва), **Т. А. Хлебникова** (Казань). Новые данные по истории города Болгары 1969 1
Х. И. Крис (Москва). О впускных погребениях эпохи раннего железа в курганах долины Салгира 1976 2
В. В. Кропоткин (Москва). Могильник черняховского типа в с. Рзино Черкасской области 1971 4
В. В. Кропоткин (Москва). Золотая подвеска из Рыжевки 1972 1
В. В. Кропоткин (Москва). Новый могильник поморско-мазовецкой культуры у с. Городок Ровенской области 1972 4
В. В. Кропоткин (Москва). О датировке кувшина из Чистиловского могильника (Тернопольская обл.) 1973 3
В. В. Кропоткин, Т. И. Макарова (Москва). Находка монеты Олега-Михаила в Корчеве 1973 2
В. В. Кропоткин, В. Е. Нахапетян (Москва). Новый центр железоделательного производства III—IV вв. н. э. в бассейне Южного Буга 1976 3
В. В. Кропоткин, Д. Б. Шелов (Москва). Памяти А. Л. Бертье-Делагарда 1971 1
О. Ю. Круг (Москва). Определение технологических характеристик сыродутного процесса получения железа по археологическим шлакам 1970 1
О. Ю. Круг (Москва). Петрохронология — новый метод абсолютной датировки древней керамики 1972 4
О. Ю. Круг, Э. Бажанов (Москва). Классификация и хронология светлоглиняных амфор II—IV вв. 1967 1
И. Т. Кругликова (Москва). Некрополь поселения у дер. Семеновки . . 1969 1
И. Т. Кругликова (Москва). К 100-летию со дня рождения Б. В. Фармаковского 1970 1
И. Т. Кругликова, В. И. Сарианиди (Москва). Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий 1971 4
О. В. Круглова (Загорск). Древняя символика в произведениях народного искусства Ярославской области 1971 1
Е. И. Крупнов (Москва). Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры 1969 1
Л. И. Крушельницкая (Львов). Памятники раннежелезного времени в верховьях Западного Буга 1971 3
Ю. С. Крушкол (Москва). Терракоты из античного здания на хут. Рассвет 1971 4
А. В. Куза, А. А. Медынцева (Москва). Запись Николы из Новгородского Софийского собора 1976 1
А. В. Куза, Г. Ф. Соловьева (Москва). Языческое святилище в земле радимичей 1972 1
В. А. Кузнецов (Орджоникидзе). Средний Зеленчукский храм 1968 3
В. А. Кузнецов (Грозный). Южный Зеленчукский храм 1971 1
В. А. Кузнецов (Орджоникидзе). Два византийских креста из Алании . . 1971 2
В. А. Кузнецов (Орджоникидзе). Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII веках 1973 2
В. А. Кузнецов, А. П. Рунич (Орджоникидзе, Пятигорск). Погребение аланского дружинника IX в. 1974 3
Е. Е. Кузьмина (Москва). Навершие со всадниками из Дагестана 1973 2
Е. Е. Кузьмина (Москва). О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе 1976 3
С. В. Кузьминых, В. С. Патрушев (Москва). Литейная форма из Акозино 1975 4
С. В. Кузьминых (Москва). Литейная форма из Козьмодемьянского музея 1976 2
Н. З. Кунина (Ленинград). Группа полихромных стеклянных сосудов из некрополя Пантикапея 1970 3
А. А. Куратов (Архангельск). О каменных лабиринтах Северной Европы. (Опыт классификации) 1970 1
К. Курбансахатов (Ашхабад). Новый тип женской терракотовой статуэтки с Алтын-депе 1976 3
В. И. Курлов (Москва). Преображенский собор Соловецкого монастыря XVI в. 1974 1

Г. Н. Курочкин (Ленинград). К интерпретации некоторых изображений раннего железного века с территории Северного Ирана 1974 2
А. Э. Кустин (Таллин). Археологические памятники начала II тысячелетия на островах Сааремаа и Муху 1967 1
В. А. Кучкин (Москва). Захоронение Ивана Грозного и русский средневековый погребальный обряд 1967 1
И. И. Кушнир (Новгород). К топографии древнего Новгорода 1975 3
Хоанг Ван Кхоан (Вьетнам, Ханой). Технология изготовления железных и стальных орудий труда Южной Сибири (VII в. до н. э.— XII в. н. э.) 1974 4
Л. Р. Кызласов (Москва). Низами о древнехакасском государстве . . . 1968 4
Л. Р. Кызласов (Москва). Карасукский могильник Хара Хая 1971 3
И. Л. Кызласов (Москва). О происхождении стремян 1973 3
И. Л. Кызласов (Москва). Поминальные памятники таштыкской эпохи 1975 2
К. Кынчев, Б. Маврудчиев, Г. Чаталов (София). Петрографические исследования каменных орудий из многослойного поселения Казанлык 1976 2
И. К. Лабутина (Голунова) (Псков). Летописные данные XIV в. о крепостных сооружениях Пскова. 1970 2
И. К. Лабутина, О. А. Кондратьева (Псков, Ленинград). Пластины с изображением кентавра и фантастического животного из раскопок во Пскове 1975 4
А. И. Лаврентьев (Новосибирск). Курганы и речная сеть юго-запада Прикаспийской низменности 1968 3
А. С. Лазари (Москва). Паста для получения слепков 1968 2
В. П. Левенок, В. Г. Миронов (Ленинград, Петрозаводск). К вопросу о новом районе городецкой культуры на Дону 1976 2
В. А. Леквинадзе (Тбилиси). Гантиадская базилика 1970 3
В. А. Леквинадзе (Тбилиси). Раннесредневековые памятники Вашнари 1972 3
В. А. Леквинадзе (Тбилиси). Богатое погребение конца IV века из Уреки (Грузия) 1975 4
В. Д. Леньков, Н. В. Овсянников (Владивосток). О результатах анализов кирпичей и формовочной глины из плавильных мастерских Шайгинского городища 1972 2
А. Е. Леонтьев (Москва). Классификация ножей Сарского городища . . . 1976 2
Н. В. Леонтьев (Минусинск). Кундусукские росписи 1969 4
А. М. Лесков (Киев). Богатое скифское погребение из Восточного Крыма 1968 1
В. Ю. Лещенко (Пермь). Бляхи с охотничьими сценами из Поволжья . . . 1970 3
Г. Н. Лисицина (Москва). Культурные растения Ближнего Востока и юга Средней Азии в VIII—V тыс. до н. э. 1970 3
Г. Н. Лисицина, В. П. Костюченко (Москва). Почва как источник информации при изучении древнего земледелия (по материалам работ в аридных районах СССР в 1969—1973 гг.) 1976 1
Б. А. Литвинский (Душанбе). Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы 1967 2
Б. А. Литвинский (Душанбе). Археология Таджикистана за годы Советской власти 1967 3
Б. А. Литвинский, Х. Мухитдинов (Душанбе). Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан) 1969 2
Л. М. Литовченко (Минск). Тельманская палеолитическая стоянка (II культурный слой) 1969 3
И. И. Лобода (Бахчисарай). Новые раннесредневековые могильники в Юго-Западном Крыму (Бахчисарайский район) 1976 2
М. Н. Ложкин (Краснодарский край). Новые памятники средневековой архитектуры в Краснодарском крае 1973 4
И. А. Лозе (Рига). Новый центр обработки янтаря эпохи неолита в Восточной Прибалтике 1969 3
Г. А. Лордкипанидзе (Тбилиси). Животноводство и промыслы античной Колхиды 1967 1
О. Д. Лордкипанидзе (Тбилиси). Сухумская стела (к вопросу о датировке) 1968 1
Г. А. Лордкипанидзе (Тбилиси). Наконечник Тарана из Вани 1969 4
И. А. Лунегов (Чердынь). Усть-Язьвинская находка идола 1967 2
И. А. Лунегов (Чердынь). Сасанидское блюдо из Прикамья 1968 4
Б. В. Лунин (Ташкент). К столетию со дня рождения В. Л. Вяткина . . 1969 3
С. Б. Лунина (Ташкент). Некоторые археологические данные по истории Мерва в XIII—XIV вв. 1968 2
П. Ф. Лысенко (Минск). Свинцовые иконки из древнего Турова 1967 1
П. Ф. Лысенко (Минск). Каменная иконка из Пинска 1968 2
В. П. Любин (Ленинград). Мустьерский наконечник копья из Северной Осетии 1967 4
В. П. Любин (Ленинград). О вероятности искусственных сооружений в гроте Киик-Коба 1969 2

В. В. Мавродин, С. Н. Орлов (Ленинград, Новгород). К вопросу об «Уставе князя Ярослава о мостех» 1975 2
А. Р. Магомедов (Москва). Бамутское поселение — новый памятник кобанской культуры 1972 2
М. Г. Магомедов (Махачкала). Костяные накладки седла из Верхнечирюртовского могильника 1975 1
М. Г. Магомедов (Махачкала). Хазарские поселения в Дагестане 1975 2
М. Г. Магомедов (Махачкала). Древние политические центры Хазарии . 1975 3
К. Маевский (Варшава). Польские археологические исследования в Нове (Болгария) в 1966 году 1968 1
К. Маевский (Варшава). Польские археологические исследования в Нове (Болгария) в 1967 г. 1968 3
К. Маевский (Варшава). Польские археологические исследования в Нове в 1968 г. 1969 4
Т. И. Макарова (Москва). Фигурка воина из Тмутаракани 1972 3
Т. И. Макарова (Москва). Патрональные энколпионы с перегородчатой эмалью 1976 3
Т. И. Макарова, Т. В. Николаева (Москва). Из истории культуры Тверского Отроча монастыря 1976 4
В. Е. Максименко (Ростов н/Д). Сарматские погребения в дельте Дона 1970 2
В. Е. Максименко (Ростов-на-Дону). Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону 1973 1
Е. К. Максимов (Саратов). Перелюбский клад медных серпов 1972 2
Е. К. Максимов, М. Р. Полесских (Саратов). Заметка об акинаках . . . 1971 2
М. И. Максимова (Ленинград). Еще раз о дате Артюховского кургана . 1967 2
М. И. Максимова (Ленинград). Из воспоминаний о С. А. Жебелеве . . . 1969 3
В. А. Малеванный (Челябинск.) Химическое изучение археологических пигментов 1968 4
М. В. Малевская (Ленинград). Поливная керамика древнего Новогрудка 1969 3
М. В. Малевская, П. А. Раппопорт, Б. А. Тимощук (Ленинград). Раскопки на Ленковецком поселении в 1967 г. 1970 4
Х. М. Мамаев, В. А. Петренко (Грозный). Стеклянный сосуд из окрестностей Алхан-Калинского городища 1974 2
Ф. Г. Мамедов (Баку). Неизвестный памятник зодчества средневекового Азербайджана 1974 2
М. М. Маммаев (Махачкала). Зооморфные пряжки Урцекского могильника 1970 4
В. И. Мамонтов (Волгоград). Курган эпохи бронзы у с. Цацы близ Волгограда 1967 1
В. И. Мамонтов (Волгоград). Материалы Пятиморской стоянки 1970 2
В. И. Мамонтов (Волгоград). Курганный могильник Колпакчи 1971 1
В. И. Мамонтов (Волгоград). Литейная форма срубной культуры из фондов Волгоградского областного краеведческого музея 1971 2
В. И. Мамонтов (Волгоград). Погребения эпохи бронзы Новоаннинского курганного могильника 1974 1
В. И. Мамонтов (Волгоград). Поздненеолитическая стоянка Орловка . . 1974 4
М. Х. Маннай-оол (Кызыл). Древнее изображение горного козла в Туве 1967 1
А. П. Манцевич (Ленинград). О щитах скифской эпохи 1969 1
Ю. П. Манылов (Нукус). Мраморные архитектурные детали из Султануиздага 1975 3
В. И. Маркевич, Э. А. Рикман (Кишинев, Москва). Клад III—IV вв. н. э. из Буковины 1973 4
В. И. Марковин (Москва). Склепы эпохи бронзы у с. Эгикал в Ингушетии 1970 4
В. И. Марковин (Москва). Бронзовое навершие из Прикубанья 1971 4
В. И. Марковин (Москва). Дольмены Западного Кавказа (некоторые итоги изучения) 1973 1
А. А. Мартиросян (Ереван). Раскопки Аргиштихинили 1967 4
А. А. Мартиросян (Ереван). К социально-экономической структуре города Аргиштихинили 1972 3
А. И. Мартынов (Кемерово). Новые материалы о тагарско-таштыкских поселениях и жилищах 1973 3
А. И. Мартынов (Кемерово). Скульптурный портрет человека из Шестаковского могильника (**В. П. Алексеев.** Антропологическая характеристика скульптурного портрета из Шестаковского могильника.— Приложение) 1974 4
И. Д. Марченко (Москва). Местная расписная керамика Пантикапея VI—V вв. до н. э. 1967 2
И. Д. Марченко (Москва). Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее 1971 2
К. К. Марченко (Ленинград). Лепная керамика V—III вв. до н. э. с городища у станицы Елисаветовской на Нижнем Дону 1972 1

К. К. Марченко (Ленинград). Концентрация лепной керамики в Ольвии второй половины VI—I вв. до н. э. 1972 4
К. К. Марченко (Ленинград). Оборонительные сооружения Елисаветовского городища на Дону 1974 2
Б. И. Маршак (Ленинград). Керамика и даты слоев средневековых памятников Средней Азии 1971 2
Б. И. Маршак (Ленинград). Материалы по среднеазиатской торевтике . 1976 1
Б. И. Маршак (Ленинград). К методике атрибуции среднеазиатской торевтики 1976 4
И. С. Масимов (Ленинград). Раскопки святилища эпохи бронзы на Алтын-Депе 1973 2
А. А. Масленников (Москва). Скорченные погребения в грунтовых некрополях боспорских городов 1976 3
В. М. Массон (Ленинград). Протогородская цивилизаци юга Средней Азии 1967 3
В. М. Массон (Ленинград). Открытие монументальной архитектуры эпохи бронзы в Южном Туркменистане 1968 2
В. М. Массон (Ленинград). Раскопки погребального комплекса на Алтын-депе 1974 4
Г. И. Матвеева (Куйбышев). Новые савроматские памятники в Башкирии 1972 1
Г. И. Матвеева, И. Б. Васильев (Куйбышев). Новые памятники срубной культуры в Башкирии 1972 3
А. Е. Матюхин (Ленинград). Открытия последних лет и проблема наидревнейших орудий 1972 3
А. Е. Матюхин (Ленинград). Экспериментальное изучение техники изготовления галечных орудий 1976 3
Г. Н. Матюшин (Москва). О нижневолжских «микролитах» 1968 2
Г. Н. Матюшин (Москва). О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита 1969 4
Г. Н. Матюшин (Москва). Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканово на Южном Урале 1970 4
Г. Н. Матюшин (Москва). Мезолитический и неолитические комплексы поселения Мысового на Южном Урале 1973 4
Г. И. Матюшкина (Москва). Крест мастера Серапиона 1970 3
Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов (Баку, Москва). О древнейшей металлургии Кавказа 1968 4
О. А. Махнева (Симферополь). Расписной эллинистический сосуд из Неаполя Скифского 1967 1
О. А. Махнева (Симферополь). Находка гераклейских амфор в Крыму . 1969 4
Л. Г. Мацкевой (Ленинград). Опыт типологической классификации микролитических индустрий Крыма (мезолит-неолит) 1971 1
Л. Г. Мацкевой, Г. А. Пашкевич (Краснодар, Киев). К палеогеографии Керченского полуострова времен мезолита и неолита 1973 2
Л. Г. Мацкевой, Я. А. Шер (Львов, Ленинград). К методике сравнения распределений массовых находок по слоям 1974 1
А. Ф. Медведев (Москва). Из истории Старой Руссы 1967 3
И. Н. Медведская (Ленинград). Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана 1972 3
А. А. Медынцева (Москва). Глаголические надписи из Софии Новгородской 1969 1
А. А. Медынцева (Москва). Серебреники из Новгорода Малого 1969 4
А. А. Медынцева (Москва). Надписи с именем художника Стефана из Софии Новгородской 1970 4
Г. Г. Мезенцева, Я. П. Прилипко (Киев). Открытие Белгородского могильника 1976 2
А. Н. Мелентьев (Ленинград). Две узды из Мингечаура 1968 1
А. И. Мелюкова (Москва). О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии 1972 1
Р. С. Меписашвили (Тбилиси). Рельефы рубежа X—XI вв. со сценами строительства в храме у селения Корого 1969 4
Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев (Москва). Раннеземледельческие поселения северной Месопотамии 1971 3
И. М. Мизиев (Нальчик). Средневековые каменные ящики в Верхней Балкарии 1971 4
А. М. Микляев (Ленинград). Идол из Усвятского торфяника 1967 4
А. М. Микляев, Н. Г. Герасимова (Ленинград). Опыт применения метода фосфатного анализа при разведке древних поселений на территории Псковской области 1968 3
А. Милчев (Болгария, София). Сокровище из Михайловграда 1969 2
Т. М. Минаева (Ставрополь). Новые находки на городище Маджара . . 1968 1
Н. В. Минкевич-Мустафаева (Баку). Производственные сооружения ремесленного квартала Байлакана 1968 3

В. Г. Миронов (Энгельс). Сосуд с Хвалынского городища № 10 . . . . . 1971 1
В. Г. Миронова (Москва). Языческое жертвоприношение в Новгороде . 1967 1
Б. Д. Михайлов (Мелитополь). Ямное погребение с полисуаром на Мелитопольщине 1976 1
С. Е. Михальченко (Москва). Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья 1973 3
В. К. Михеев (Харьков). Клад железных изделий с селища салтовской культуры 1968 2
Б. Ю. Михлин (Донецк). Амфоры «коричневой» глины из Северо-Западного Крыма 1974 2
Б. Ю. Михлин (Донецк). Сарматское погребение в Южном Донбассе . . 1975 4
Т. Г. Мовша (Киев). Об антропоморфной пластике трипольской культуры 1969 2
Т. Г. Мовша (Киев). Святилища трипольской культуры 1971 1
Т. Г. Мовша (Киев). О северной группе позднетрипольских памятников 1971 1
Т. Г. Мовша (Киев). Гончарный центр трипольской культуры на Днестре 1971 3
В. А. Могильников (Москва). Елыкаевская коллекция Томского университета 1968 1
В. А. Могильников (Москва). Находки из с. Пиковки 1969 3
В. А. Могильников (Москва). К вопросу о дифференциации этнической общности обских угров в I тысячелетии н. э. 1974 2
Б. Н. Мозолевский (Киев). Курган Толстая могила близ г. Орджоникидзе на Украине 1972 3
Х. А. Моора (Таллин). Основные результаты археологических исследований в Советской Эстонии 1967 3
А. А. Моруженко (Донецк). Скифский меч из коллекции археологического музея Донецкого государственного университета 1974 2
Ю. А. Мочанов (Якутск). Белькачинская неолитическая культура на Алдане 1967 4
Ю. А. Мочанов (Якутск). Дюктайская верхнепалеолитическая культура и некоторые аспекты ее генезиса 1969 4
Ю. А. Мочанов, С. А. Федосеева (Якутск). Палеолитическая стоянка Ихине в Якутии 1968 4
М. Б. Мужухоев (Грозный). Об одной категории позднесредневековых украшений ингушей 1972 4
Ш. Мустаминди (Кабул). Мотив орла в кушанском искусстве 1972 4
А. Г. Мухамадиев (Уфа). Деньги, денежная терминология и денежный счет Булгара в предмонгольский период 1972 2
А. Г. Мухамадиев, Г. А. Федоров-Давыдов (Уфа, Москва). Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае 1970 3
А. Р. Мухамеджанов (Ташкент). Развитие археологической науки в Узбекистане в годы Советской власти 1967 4
И. Г. Нариманов (Баку). О земледелии эпохи энеолита в Азербайджане 1971 3
Д. В. Наумов (Ленинград). Химический состав предметов из Окнинского клада 1972 3
Д. В. Наумов (Ленинград). Химический состав стекла Селитренного городища 1973 1
О. Я. Неверов (Ленинград). Митридат Евпатор и перстни-печати из Пантикапея 1968 1
О. Я. Неверов (Ленинград). Митридат и Александр: к иконографии Митридата VI 1971 2
Н. Н. Негматов (Душанбе). О живописи дворца афшинов Уструшаны . 1973 3
Н. Б. Немцова (Ташкент). Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Машад в Саяте на юге Таджикистана 1969 3
Н. Б. Немцова (Ташкент). Истоки композиции и этапы формирования ансамбля Шахи-Зинда 1975 3
В. А. Непочатых (Хвалынск). Акинак из Хвалынска 1975 2
В. И. Неприна (Киев). Тетеревское поселение днепро-донецкой культуры 1969 2
В. И. Неприна, А. С. Беляев (Киев). Поселение и могильник новой неолитической культуры на Северной Украине 1974 2
А. Л. Нечитайло (Ставрополь). Курганы эпохи бронзы близ станицы Суворовской 1970 2
А. Л. Никитин (Москва). Могильник Дикариха на Плещеевом озере (раскопки 1961 и 1964 гг.) 1973 2
А. Л. Никитин (Москва). О так называемых колотушках 1973 4
А. Л. Никитин (Москва). Существовала ли «волосовская культура»? . . 1974 2
А. Л. Никитин (Москва). Многослойное поселение Польцо 1975 3
А. Л. Никитин (Москва). Эпоха бронзы на Плещеевом озере 1976 1
А. Л. Никитин (Москва). Неолитическая стоянка Плещеево II 1976 2
А. Л. Никитин (Москва). Неолитическое поселение Берендеево I 1976 3
Г. Ф. Никитина (Москва). Гребни черняховской культуры 1969 1

И. С. Николаев (Москва). Античная техника в строительстве Гардского моста . . . 1967 2
Р. В. Николаев. Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск . . . 1972 2
Т. В. Николаева (Москва). Икона-складень 1412 г. мастера Лукиана . . 1968 1
Т. В. Николаева (Москва). Крест 1544 г. из Волоколамска 1971 2
Т. Н. Никольская (Москва). К исторической географии Земли вятичей . 1972 4
Т. Н. Никольская (Москва). Литейные формочки с надписями из древнерусского города Серенска . . . 1974 1
И. Т. Никулицэ (Кишинев). Погребальный обряд гетов в IV—III вв. до н. э. 1973 2
Л. А. Новикова (Москва). Западные связи северопричерноморского очага металлообработки в эпоху поздней бронзы . . . 1976 3
Л. М. Носквова (Москва). Поливной архитектурный декор из Сарая-Бату (Селитренное городище) . . . 1972 1
Г. А. Нудельман (Кишинев). Гуннский котел из Молдавии 1967 4
О. В. Обельченко (Ташкент). Погребение сарматского типа под Самаркандом . . . 1967 2
М. Ф. Обыденнов (Уфа). Новые стоянки черкаскульской культуры эпохи поздней бронзы в Башкирии . . . 1976 4
О. В. Овсянников (Ленинград). О косторезном ремесле в средневековой Руси . . . 1969 1
О. В. Овсянников (Ленинград). О замках «болгарского типа» 1971 1
О. В. Овсянников (Ленинград). Из истории северного оборонного зодчества (Каргополь в XVII в.). . . . 1971 4
Е. С. Овчинникова (Москва). Резная каменная икона с изображением св. Тимофея . . . 1971 2
А. П. Окладников (Новосибирск). Из предыстории искусства амурских народов (петроглифы на р. Кия, Уссури). . . . 1968 4
Н. А. Онайко (Москва). Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора . . . 1967 2
Н. А. Онайко (Москва). Разведка античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика . . . 1970 1
Н. А. Онайко (Москва). Заметки о технике боспорской торевтики . . . 1974 3
Н. А. Онайко (Москва). О воздействии греческого искусства на меотоскифский звериный стиль. (К постановке вопроса) . . . 1976 3
С. Н. Орлов (Новгород). Памятники эпохи раннего металла в окрестностях Новгорода . . . 1967 2
С. Н. Орлов (Новгород). Археологические исследования в низовьях р. Мсты . . . 1968 3
С. Н. Орлов (Новгород). Мастерская каменного века в среднем течении реки Мсты . . . 1970 1
С. Н. Орлов (Новгород). Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода . . . 1972 2
С. Н. Орлов (Новгород). По поводу статьи М. Х. Алешковского и Л. Е. Красноречьева . . . 1972 2
С. Н. Орлов (Новгород). Раскопки на территории каменной крепости в Старой Ладоге . . . 1973 4
В. В. Отрощенко (Киев). Элементы изобразительности в искусстве племен срубной культуры . . . 1974 4
С. В. Ошибкина (Москва). Костяные рукояти из позднекаргопольских стоянок . . . 1968 4
В. А. Падин (Трубчевск). Раскопки поселения в урочище Макча близ Трубчевска . . . 1969 4
В. А. Падин (Трубчевск). Раскопки на Холме . . . 1972 1
В. А. Падин (Трубчевск). Кветунский древнерусский могильник 1976 1
В. А. Пазухин (Москва). Медные слитки из Оренбургского музея 1969 4
К. В. Павлова, П. А. Раппопорт (Ленинград). Городище Осовик 1973 1
Т. Б. Палимпсетова, А. П. Рунич (Ессентуки, Пятигорск). О ессентукийских мавзолеях и ставке Узбек-хана . . . 1974 2
Г. А. Панкрушев (Петрозаводск). Турбинская керамика на древних поселениях Карелии . . . 1975 3
В. С. Патрушев (Йошкар-Ола). Акозинско-меларские кельты марийского Поволжья . . . 1975 3
Е. А. Пахомов (Баку). О технике чеканки медных монет в Закавказье в конце XII—начале XIII вв. . . . 1969 3
М. М. Пахомов, В. А. Ранов, А. А. Никонов (Душанбе, Москва). Некоторые данные по палеогеографической обстановке неолитической стоянки Туткаул . . . 1974 4
С. П. Пачкова (Киев). Металлургический центр зарубежной культуры у села Лютеж . . . 1970 1
М. К. Пачос (Ташкент). К изучению стен городища Афрасиаб 1967 1

А. А. Передольская (Ленинград). Фрагмент краснофигурной чаши из Нимфея 1970 4
В. А. Петренко (Грозный). Клад конского снаряжения из раскопок второго Ханкальского городища (Чечено-Ингушетия) 1975 4
В. Т. Петрин (Свердловск). Писаница на р. Уфе около железнодорожной ст. Арасланово 1971 4
В. Т. Петрин (Свердловск). Новые данные о писаницах с берегов озера Большие Аллаки 1976 1
М. Н. Петров (Новгород). Стоянки развитого неолита в северном Приильменье 1970 2
В. Ф. Петрунь (Кривой Рог). К методике развернутого описания материала мраморных вещей 1969 2
В. Ф. Петрунь (Кривой Рог). Железисто-кремнистые породы кор выветривания в первобытной технике степной зоны юга СССР 1971 4
Ш. Р. Пидаев (Ленинград). Некоторые данные о раскопках кушанского поселения Ак-курган в Северной Бактриане 1976 1
В. Пилипко, И. Масимов (Ашхабад). Буддийская статуэтка из Ак-Кала (Средняя Амударья) 1969 3
И. Р. Пичикян (Москва). Боспорские антаблементы первых веков нашей эры 1975 1
И. Р. Пичикян (Москва). Алтарь Пасиада в Херсонесе 1976 3
С. А. Плетнева (Москва). Женская половецкая статуя с ребенком . . . 1974 3
С. А. Плетнева, А. Г. Николаенко (Москва, Белгородская обл.). Волоконовский древнеболгарский могильник 1976 3
М. Н. Погребова (Москва). Урартские мечи из Закавказья 1967 2
М. Н. Погребова (Москва). Железные топоры скифского типа в Закавказье 1969 2
Е. Ф. Покровская (Киев). Предскифское поселение у с. Жаботин . . . 1973 4
М. Р. Полесских (Пенза). Боевое оружие и снаряжение из могильников армиевского типа 1968 1
М. Д. Полубояринова (Москва). Русские вещи на территории Золотой Орды 1972 3
М. Д. Полубояринова (Москва). Иконка с Селитренного городища . . . 1973 2
Е. А. Попова (Москва). Рельеф с городища «Чайка» 1974 4
Е. А. Попова (Москва). Об истоках традиции и эволюции форм скифской скульптуры 1976 1
Т. Б. Попова (Москва). Новый памятник поздняковской культуры 1967 1
Н. Г. Порфиридов (Ленинград). Древнерусская мелкая каменная пластика и ее сюжеты 1972 3
Н. Г. Порфиридов (Ленинград). О мастерах, материалах и технике древнерусской мелкой каменной пластики 1975 3
В. А. Посредников (Томск). Культурно-генетическое место комплексов поселения Самусь IV и некоторых других памятников Приобья . . 1972 4
В. А. Посредников (Томск). Открытие палеолитической стоянки в Нарымском Приобье 1973 4
Н. М. Постникова (Москва). К антропологии населения Волжской Болгарии. Антропологические материалы из могильника «Минарет» — XIV—XV вв. 1973 3
Т. М. Потемкина (Курган). Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тобол 1975 1
Л. В. Прищепенко (Москва). Растительные остатки с поселения Ак-Тепе 1973 1
Г. Н. Пронин (Москва). К вопросу о ранней дате городища у с. Супруты (по керамическим материалам) 1975 3
Е. Б. Пругер (Ташкент). Бирюза Илака или «Илакский рудник» бирюзы 1971 1
Е. Б. Пругер (Ташкент). К истории разработки месторождений тальковых пород в Узбекистане 1975 2
В. И. Пругло (Ленинград). К хронологии энглифических клейм Гераклеи Понтийской 1971 3
В. И. Пругло (Ленинград). К вопросу о дате кургана Большая Близница 1974 3
А. Д. Пряхин (Воронеж). Воргольское поселение срубной культуры . . 1968 3
А. Д. Пряхин (Воронеж). Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево . 1972 3
А. Д. Пряхин (Воронеж). О поселениях абашевской общности в юго-западных районах Среднего Поволжья 1975 4
А. Д. Пряхин, В. И. Сагайдак (Воронеж). Металлообрабатывающая мастерская на поселении срубной культуры 1975 2
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Погребение монгольского времени в Халчаяне 1967 2
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Две ступа на юге Узбекистана 1967 3
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Мечеть Ну-Гумбед в Балхе 1970 3
Г. А. Пугаченкова (Ленинград). Новое в изучении Дальверзин-Тепе . . 1971 4
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Керамические печи кушанского времени в Южном Узбекистане 1973 2

В. Г. Пуцко (Истра). Византийский медальон с изображением Георгия-воина 1969 2
В. Г. Пуцко (Ростов). Ростовский потир митрополита Ионы 1971 4
Л. Т. Пьянкова (Душанбе). Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка 1974 3
Н. В. Пятышева (Москва). Восточные шлемы с масками в Оружейной палате Московского Кремля 1968 3
Т. В. Равдина (Москва). Древнейшие семилопастные височные кольца . 1975 3
Б. А. Раев (Ленинград). Бронзовый таз из 3-го Соколовского кургана . 1974 3
Б. А. Раев (Ленинград). К хронологии римского импорта в сарматских курганах Нижнего Дона 1976 1
Б. А. Раев (Ленинград). Техника фиксации следов древних орудий с помощью гипсовых слепков 1976 4
Д. С. Раевский (Москва). Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея 1970 3
А. Т. Рамишвили (Тбилиси). Раскопки приморских стоянок в Пичвнари (Кобулети) в 1960—1964 и 1967 гг. 1975 1
А. Т. Рамишвили (Тбилиси). О назначении стоянок с «текстильной керамикой» Восточного Причерноморья. 1975 4
В. А. Ранов (Душанбе). Древний нуклеус из Ферганы 1971 3
В. А. Ранов, Г. Ф. Коробкова (Ленинград, Душанбе). Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане . 1971 2
О. М. Рапов (Москва). Знаки Рюриковичей и символ сокола 1968 3
П. А. Раппопорт (Ленинград). Церковь Василия в Овруче 1972 1
П. А. Раппопорт (Ленинград). Трубчевск 1973 4
П. А. Раппопорт (Ленинград). Собор Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске 1975 4
П. А. Раппопорт (Ленинград). Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича 1976 2
В. И. Распопова (Ленинград). Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII—VIII вв. 1969 1
В. И. Распопова (Ленинград). Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда 1972 4
Я. Г. Риер (Могилев). Каменные топоры эпохи бронзы из Могилевского Поднепровья 1975 3
Я. Г. Риер (Могилев). Изучение курганов в Могилевском Поднепровье 1976 2
Э. А. Рикман (Москва). Поселение первых столетий нашей эры Собарь в Молдавии 1970 2
Э. А. Рикман (Москва). Вопрос датировки импортных вещей в памятниках племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья 1972 4
А. Н. Рогачев, Н. Н. Гурина, В. П. Любин, Е. А. Векилова, Л. Я. Крижевская, Л. П. Хлобыстин, О. Н. Бадер, М. Ф. Косарев, К. Ф. Смирнов, Н. И. Сокольский, А. П. Смирнов, Л. П. Зяблин, Р. Л. Розенфельдт (Москва). Достижения археологической науки в РСФСР . 1967 3
И. Г. Розенфельдт (Москва). Детали колчанов на городищах дьякова типа 1968 2
И. Г. Розенфельдт (Москва). Керамический комплекс городища Кузнечики 1970 1
И. Г. Розенфельдт (Москва). Керамика Щербинского городища как источник периодизации и этнического определения дьяковской культуры 1972 4
И. Г. Розенфельдт (Москва). Стоянки близ села Неготино Брянской области 1974 2
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Пушкаревское городище на р. Десне . . 1968 1
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Находки с городища Прислон 1970 4
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Новлянский фатьяновский могильник . . . 1971 2
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Новые находки на городищах железного века у г. Подольска 1972 2
Р. Л. Розенфельдт (Москва). О происхождении двуконьковых шумящих подвесок Прикамья 1972 3
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Раскопки курганов у с. Битягово 1968—1970 гг. 1973 1
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Забытая коллекция бронзовых антропоморфных изображений 1974 3
М. А. Романовская (Москва). Две терракоты из Ново-Отрадного 1974 1
А. И. Романчук, В. Е. Рудаков (Свердловск). Керамический комплекс IX—X веков Баклинского городища 1975 2
А. И. Россадович, Ю. Б. Сериков, В. Ф. Старков (Нижний Тагил, Москва). Древнейшая скульптура лесного Зауралья 1976 4
А. И. Россадович, Н. А. Щеткина, Т. Н. Дамаскина (Нижний Тагил). Исследование металлических изделий из раскопок на Среднем Урале 1968 4
Э. В. Ртвеладзе (Ташкент). Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорска 1969 4

Э. В. Ртвеладзе (Ташкент). Надпись Джанибек-хана на плите из Маджар 1970 3
Э. В. Ртвеладзе (Тбилиси). Два динара делийских султанов с городища Маджар . . . 1972 1
Э. В. Ртвеладзе (Ташкент). К истории города Маджар . . . 1972 3
Э. В. Ртвеладзе (Ташкент). Мавзолеи Маджара . . . 1973 1
Э. В. Ртвеладзе (Ташкент). Сфероконические сосуды из Маджар . . . 1974 4
Э. В. Ртвеладзе (Ташкент). К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени . . . 1975 2
А. Ф. Рубежанский (Днепропетровск). Определение лабораторными методами различия в датировке археологических костей, обнаруженных в одном погребении . . . 1972 4
А. Н. Румянцев (Ленинград). Некоторые вопросы развития наконечников копий эпохи бронзы в Северном Причерноморье . . . 1974 1
А. П. Рунич (Пятигорск). Энеолитическое поселение близ Кисловодска . 1967 1
А. П. Рунич (Пятигорск). Катакомбный могильник VII—VIII вв. около г. Кисловодска . . . 1968 3
А. П. Рунич (Пятигорск). Дольмен у с. Лазаревского Краснодарского края . . . 1969 4
А. П. Рунич (Пятигорск). Катакомбы Рим-горы . . . 1970 2
А. П. Рунич (Пятигорск). Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска . . . 1971 2
А. П. Рунич (Пятигорск). О конской сбруе из района Пятигорья . . . 1973 1
А. П. Рунич (Пятигорск). Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины . . . 1976 3
Л. М. Рутковская (Киев). Бронзовая статуэтка из Беговата . . . 1968 1
Б. А. Рыбаков (Москва). Русалии и бог Симаргл-Переплут . . . 1967 2
Е. А. Рыбина (Москва). Из истории южного импорта в Новгород . . . 1971 1
Е. А. Рыбина (Москва). Раскопки Готского двора в Новгороде . . . 1973 3
А. В. Рындина (Москва). Итальянская камея XIII в. с изображением богоматери-Одигитрии из Новгорода . . . 1968 4
Н. В. Рындина (Москва). Раннетрипольская обработка меди . . . 1969 3
Е. А. Рябинин (Ленинград). Археологические памятники Вотской земли 1976 1
М. А. Сабурова (Москва). Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) . . . 1974 2
Ю. А. Савватеев (Петрозаводск). О новых петроглифах Карелии . . . 1967 2
Ю. А. Савватеев (Петрозаводск). Петроглифы Новой Залавруги . . . 1968 1
И. И. Саверкина (Ленинград). Пальмирский портрет собрания Эрмитажа 1968 3
С. С. Савкевич, И. А. Шакс (Ленинград). К вопросу о возможности использования ИК-спектров янтаря для определения его происхождения в археологических объектах . . . 1970 1
А. П. Савчук (Киев). Новые мезолитические памятники в Среднем Поднепровье . . . 1975 4
А. И. Салов (Анапа). Случайные находки в Анапе и ее окрестностях . . 1968 3
А. И. Салов (Анапа). Клад III—IV вв. с Шум-речки (Анапский район) . . 1975 3
К. В. Сальников (Свердловск). Итоги изучения памятников эпохи бронзы на Южном Урале . . . 1968 1
В. И. Сарианиди (Москва). Терракотовая головка с Улуг-Тепе и ее месопотамские прототипы . . . 1969 3
В. И. Сарианиди (Москва). Древние связи южного Туркменистана и Северного Ирана . . . 1970 4
В. И. Сарианиди (Москва). Бактрия в эпоху бронзы . . . 1974 4
В. И. Сарианиди (Москва). Степные племена эпохи бронзы в Маргиане . 1975 2
В. И. Сарианиди (Москва). Печати-амулеты мургабского стиля . . . 1976 1
И. К. Свешников (Львов). О символике вещей Михалковских кладов . 1968 1
И. К. Свешников (Львов). Богатые погребения комаровской культуры у с. Иванья Ровенской обл. . . . 1968 2
В. В. Седов (Москва). Заселяли ли ятвяги Южную Литву? . . . 1968 2
В. В. Седов (Москва). Культура днепро-двинского междуречья в конце I тыс. до н. э. . . . 1969 2
В. В. Седов (Москва). Формирование славянского населения Среднего Поднепровья . . . 1972 4
В. В. Седов (Москва). Еще раз о вкладе балтов в культуру восточных славян (о статье Г. Ф. Соловьевой «О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья») . . . 1973 3
В. В. Седов (Москва). Межевой камень XIV в. из Изборска . . . 1974 3
И. Р. Селимханов, Р. М. Торосян (Баку, Ленинград). Металлографический анализ древнейших металлов в Закавказье . . . 1969 3
С. А. Семенов (Ленинград). Каменные орудия эпохи ранних металлов . 1969 2
С. А. Семенов, В. Е. Щелинский (Ленинград). Микрометрическое изучение следов работы на палеолитических орудиях . . . 1971 1
А. А. Семенцов, Е. Н. Романова, П. М. Долуханов (Ленинград). Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА . . . 1969 1

А. А. Семенцов, П. М. Долуханов, Е. Н. Романова (Ленинград). Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА (1968-1969 гг.) 1972 3
Т. Н. Сенигова (Алма-Ата). Осветительные приборы Тараза и их связь с культом огня 1968 1
В. Я. Сергин (Балашиха). Об одной гипотезе одомашнения собаки . . . 1971 1
В. Я. Сергин (Москва). О хронологическом соотношении жилищ и продолжительности обитания на позднепалеолитических поселениях . . 1974 1
В. Я. Сергин (Москва). О размере первого палеолитического жилища в Юдинове 1974 3
Ю. Б. Сериков (Нижний Тагил). О находке тесла в верхнем палеолите Дона 1973 3
Ю. Б. Сериков (Нижний Тагил). Результаты трасологического анализа поверхности каменных орудий с неолитической стоянки Полуденка I 1974 1
В. В. Сидоров (Дедовск). Стоянки каменного века в Центральной Туве . 1969 4
В. В. Сидоров (Москва). Давыдковская стоянка на р. Яхроме 1973 2
В. В. Сидоров (Москва). К вопросу о функциях скребков 1973 3
В. В. Сидоров (Москва). Стоянки на озере Святом у Шатуры 1975 3
В. В. Сидоров, М. Г. Жилин (Москва). Мезолитическая стоянка Дальний остров в Подмосковье 1975 2
В. И. Сидоров, П. Н. Старостин (Казань). Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербетьского поселения 1970 4
Е. С. Сизов (Москва). О происхождении Покровского Придела Архангельского собора в Кремле 1969 1
Р. А. Симонов (Москва). О методологии изучения математики Древней Руси 1970 3
Р. А. Симонов (Москва). Византийская нумерация в эпиграфике Первого Болгарского царства и начало славянской письменности 1973 1
Р. А. Симонов (Москва). Берестяная грамота № 342 разъясняет темное место у Кирика Новгородца 1973 2
Р. А. Симонов (Москва). О проблеме наглядно-инструментального счета в средневековой Руси 1975 3
Е. Н. Симонова (Будапешт). Городище у с. Орош в области Саболч-Сатмар 1975 3
Е. Н. Симонова (Будапешт). Новый могильник позднеаварского времени в области Шомодь 1976 1
А. Т. Синюк, В. В. Килейников (Воронеж). Курган у села Введенки на Дону 1976 1
А. С. Скрипкин (Волгоград). Случайные находки сарматских котлов на территории Волгоградской области 1970 4
А. С. Скрипкин (Волгоград). Две бронзовые пряжки из Сусловского курганного могильника 1976 3
В. М. Скуднова (Ленинград). Надгробие из Нимфея 1968 1
А. П. Смирнов (Москва). Об археологических культурах Среднего Поволжья 1968 2
А. П. Смирнов (Москва). К вопросу о русско-мордовских отношениях в X—XIV вв. 1971 3
А. П. Смирнов (Москва). О столице государства волжских булгар . . . 1972 1
А. П. Смирнов (Москва). Из истории охраны городища Великие Болгары 1972 4
А. П. Смирнов, С. А. Янина (Москва). Находка редких золотых перстней в Болгарах 1967 3
Г. Д. Смирнов, Л. Л. Полевой (Кишинев). Археология Молдавии в годы Советской власти 1967 3
К. А. Смирнов (Москва). Роговой псалий с городища «Графская гора» . 1972 2
К. Ф. Смирнов (Москва). Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья-Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа 1972 1
К. Ф. Смирнов (Москва). Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э.— II. в. н. э. (историко-археологический очерк) 1974 3
А. В. Смоляк (Москва). Этнографические данные об обрядах ложных погребений у народов Нижнего Амура 1969 3
Г. И. Соколов (Москва). Фанагорийский известняковый шлем 1972 2
И. И. Соколов (Москва). К вопросу о тверских берестяных грамотах . . 1971 3
И. И. Соколов (Москва). Заметка о тверском кладе 1766 г. 1975 3
Н. И. Сокольский (Москва). Виноделие в азиатской части Боспора . . . 1970 2
Л. А. Солнцев, Р. Б. Степанская, Л. Д. Фомин, Б. А. Шрамко (Харьков). О появлении изделий из чугуна в Восточной Европе 1969 1
Г. Ф. Соловьева (Москва). Славянские курганы близ с. Демьянки . . . 1967 1
Г. Ф. Соловьева (Москва). О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья 1971 2
Э. И. Соломоник (Симферополь). Две латинские надписи из музеев Крыма 1976 3

С. С. Сорокин (Ленинград). Древние каменные изваяния Южного Алтая 1968 1
С. С. Сорокин (Ленинград). Новый памятник VII—VI вв. до н. э. на Южном Алтае 1969 2
Н. П. Сорокина (Москва). Фигурный стеклянный сосуд из Кеп 1968 4
Н. П. Сорокина (Москва). О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья 1971 4
Ю. П. Спегальский (Псков). Церковь Василий на Горке в Пскове 1970 2
В. И. Спришевский (Ташкент). Оборонительное сооружение эпохи бронзы на территории Узбекистана 1972 3
Б. Я. Ставиский (Москва). О датировке ранних слоев Тали-Барзу 1967 2
Б. Я. Ставиский (Москва). Капители древней Бактрии 1972 2
И. Л. Станкевич (Москва). Сопоставление керамических комплексов иранских памятников III—II тыс. до н. э. 1970 3
А. К. Станюкович, А. Г. Атавин (Москва). Простейший полевой зонд для археологических разведок 1975 4
В. Ф. Старков (Москва). Кокшарово I — многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье 1970 1
В. Ф. Старков, Ю. Б. Сериков (Москва, Нижний Тагил). Стоянка Полуденка II в Среднем Зауралье 1975 2
П. Н. Старостин (Казань). Новый памятник предболгарского времени на Нижней Каме 1968 1
П. Н. Старостин (Казань). Погребение с остатками кремации в низовьях Камы 1975 2
П. Н. Старостин, Е. П. Казаков, Р. С. Габяшев (Казань). Игимский могильник 1973 1
В. П. Степанов (Москва). Природная среда и некоторые аспекты истории человечества в комплексном рассмотрении 1976 3
В. С. Стоколос (Уфа). О стратиграфии поселения Кипель 1970 3
А. Я. Стубавс (Рига). Археология в Советской Латвии (1945—1967 гг.) 1967 4
С. В. Студзицкая (Москва). Изображение человека в искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и ранней бронзы (мелкая пластика) 1970 1
Л. В. Субботин, И. Т. Черняков (Николаев, Одесса). Черняховский могильник у с. Виноградовка 1971 4
Л. В. Субботин, И. Т. Черняков (Николаев, Одесса). Фракийский кенотаф у с. Зализничное на левобережье Нижнего Придунавья 1973 2
Я. И. Сунчугашев (Абакан). О древней металлургии меди в Хакасско-Минусинской котловине 1970 3
Я. И. Сунчугашев (Абакан). Есинский поминальный памятник карасукской культуры 1971 2
Я. И. Сунчугашев (Абакан). Из истории орошаемого земледелия в Хакассии 1973 3
Я. И. Сунчугашев (Абакан). Медеплавильная печь эпохи бронзы 1973 4
Э. А. Сымонович (Москва). Забытая коллекция В. В. Хвойки 1969 2
Э. А. Сымонович (Москва). Находка позднеантичной амфоры из Курской области 1971 4
Э. А. Сымонович (Москва). Черняховские материалы из с. Ново-Александровки на Нижнем Днепре 1975 1
Э. А. Сымонович (Москва). Об одной категории находок на памятниках черняховской культуры 1975 3
Э. А. Сымонович, А. З. Яровой (Москва, Одесса). Поселение Викторовка II в устье Сосицко-Березанского лимана 1968 2
Э. А. Сымонович, А. З. Яровой (Москва, Одесса). Могильник в с. Рыбаковка против о. Березани 1971 1
И. А. Сыркина (Тобольск). О бронзовых пластинах Истяцкого и Сузгунского кладов 1973 4
Д. Л. Талис (Москва). Черепицы с метками из раскопок Баклинского городища 1968 2
Д. Л. Талис (Москва). Росы в Крыму 1974 3
Д. Л. Талис (Москва). Поливная керамика Баклинского городища 1976 4
Д. Я. Телегин, В. А. Круц (Киев). Остатки могильника среднеднепровской культуры у с. Любеча на Днепре 1970 4
Д. Я. Телегин (Киев). О культурно-территориальном членении и периодизации неолита Украины и Белоруссии 1971 2
А. И. Тереножкин (Киев). Дата мингечаурских удил 1971 4
А. И. Тереножкин (Киев). Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда 1972 3
Н. Н. Терехова (Москва). Технология изготовления первых металлических орудий у древнейших земледельцев Южной Туркмении 1974 1
Н. Н. Терехова (Москва). Технология чугунолитейного производства у древних монголов 1974 1
Н. Н. Терехова (Москва). Металлообработка на энеолитическом поселении Геоксюр 1974 2

Б. В. Техов (Цхинвали). Об ажурных поясных пряжках из Юго-Осетии 1969 4
Б. В. Техов (Цхинвали). Раскопки Тлийского могильника 1966 г. . . . 1970 4
Б. В. Техов (Цхинвали). Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа 1972 3
Е. М. Тимофеев (Москва). Усть-Куломская мустьерская стоянка на Вычегде 1968 3
Г. А. Тирацян (Ереван). Золотая пектораль из Армавира 1968 4
Г. А. Тирацян (Ереван). Об одной группе расписных сосудов из Армавира 1971 2
В. С. Титов (Москва). Проблема хронологии неолита и энеолита Юго-Восточной Европы 1974 4
В. С. Титов, В. И. Маркевич (Москва, Кишинев). Новые данные о западных связях позднего Триполья 1974 3
В. Титов, И. Эрдели (Москва, Будапешт). Современная организационная структура археологии в Венгерской Народной Республике 1973 3
Ю. В. Титов (Петрозаводск). Бронзовые украшения со стоянки Золотец X 1969 3
Ю. В. Титов (Петрозаводск). Об орнаменте керамики типа Сперрингс . . 1970 1
М. А. Тиханова, И. Т. Черняков (Ленинград, Одесса). Новая находка погребения с диадемой в северо-западном Причерноморье 1970 3
Б. Г. Тихонов (Москва). Новогеоргиевский клад клиновидных топоров 1968 2
Х. Тодорова (София). Новая культура среднего неолита в Северо-Восточной Болгарии 1973 4
Т. Б. Томес (Ленинград) Заметки архивиста 1974 1
Г. Тончева (София). Одесос и Маркианополь в свете новых археологических исследований 1968 1
М. Тоси (Италия). Сеистан в бронзовом веке — раскопки на Шахри-Сохте 1971 3
В. П. Третьяков (Ленинград). Волосовская керамика Панфиловской стоянки 1967 1
В. П. Третьяков (Ленинград). Культура ямочно-гребенчатой керамики на севере и северо-западе Европейской части СССР 1968 3
В. П. Третьяков (Ленинград). Старомазиковская III стоянка и вопрос о происхождении волосовской культуры 1969 2
В. П. Третьяков (Ленинград). Майданская стоянка волосовской культуры (по раскопкам 1966 г.) 1970 3
В. П. Третьяков (Ленинград). Поселения каменного века в бассейне р. Катыни в смоленском Поднепровье 1972 2
В. П. Третьяков (Ленинград). Древности в бассейне р. Катыни 1972 4
В. П. Третьяков (Ленинград). Обследование неолитических стоянок в Волгоградской области 1974 1
В. П. Третьяков (Ленинград). Неолит Верхнего Подпепровья и его отношение к днепро-донецкой культуре 1975 2
В. П. Третьяков (Ленинград). В защиту единства волосовских древностей 1975 4
В. П. Третьяков (Ленинград). Неолитическое поселение у дер. Сокорево в Смоленской области 1976 2
В. П. Третьяков, Е. А. Шмидт (Ленинград, Смоленск). Стоянка каменного века в бассейне р. Катыни в Смоленском Поднепровье 1973 1
П. Н. Третьяков (Ленинград). Зарубинецкая культура и поднепровские славяне 1968 4
П. Н. Третьяков (Ленинград). Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки 1969 4
П. Н. Третьяков (Ленинград). Что такое «пастырская культура»? 1971 4
П. Н. Третьяков (Ленинград). Некоторые данные об общественных отношениях в восточнославянской среде в I тысячелетии н. э. 1974 2
П. Н. Третьяков (Ленинград). Городище Осыно 1976 3
Т. Н. Троицкая (Новосибирск). Курган большереченской культуры . . 1970 3
Т. Н. Троицкая (Новосибирск). Вооружение населения Новосибирского Приобья в конце I тысячелетия до н. э. 1974 3
И. В. Трофимов (Москва). О принципах реставрации памятников Троице-Сергиевой лавры 1970 4
Н. В. Трубникова (Москва). Погребение шамана в Кошибеевском могильнике и верования позднегородецких племен 1969 3
Н. В. Трубникова (Москва). Городище «Укся Сют» у дер. Малые Яуши в Чувашии 1970 4
Н. В. Трубникова, М. В. Фехнер (Москва). Памятник дьяковского времени в Верхнем Поволжье 1971 1
В. К. Труммал (Тарту). Археологические раскопки в Тарту и поход князя Ярослава в 1030 г. 1971 2
Б. А. Тургунов (Ташкент). Приемы фортификации античного Чагаииана 1968 1
И. М. Тюрина (Москва). Неолит верхнего Поднепровья 1970 3

А. П. Уманский (Барнаул). Случайные находки предметов скифосарматского времени в Верхнем Приобье 1970 2
Н. Е. Урушадзе (Тбилиси). Опыт художественно-образного анализа и реконструкции бронзового пояса из Самтавро 1970 1
Н. Е. Урушадзе (Тбилиси). К семантике прикладного искусства древнего Кавказа и Закавказья 1973 1
А. В. Успенская (Москва). Пекуновское селище и курганы 1971 1
Р. Г. Фахрутдинов (Казань). Новые археологические памятники Волжской Булгарии в закамской Татарии 1969 1
Р. Г. Фахрутдинов (Казань). Задачи археологического изучения Казанского ханства 1973 4
Р. Г. Фахрутдинов (Казань). О столице домонгольской Булгарии . . . 1974 2
Р. Г. Фахрутдинов (Казань). Еще раз о столице домонгольской Булгарии 1975 4
В. И. Федоров, Н. С. Шеляпина (Москва). Древнейшая история Благовещенского собора Московского Кремля 1972 4
В. И. Федоров (Москва). Благовещенский собор Московского Кремля в свете исследований 1960—1972 гг. 1974 2
М. Н. Федоров (Ташкент). Ферганский клад караханидских дирхемов (1034—1043) 1968 3
М. Н. Федоров (Ташкент). К вопросу о «серебряном кризисе» и некоторых особенностях денежного обращения в государстве «Великих сельджуков» 1971 1
М. Н. Федоров (Ташкент). Находка керамики с именем гончара XII в. Абу Бакра ибн Ахмада 1971 2
М. Н. Федоров (Ташкент). О покупательной способности дирхема и динара в Средней Азии и сопредельных с нею странах в IX—XII вв. . . . 1972 2
М. Н. Федоров (Фрунзе). Редкий караханидский дирхем из Афрасиаба . 1972 3
М. Н. Федоров (Фрунзе). Из истории денежного обращения в Средней Азии конца VIII — первой половины XII в. (К проблеме «черных дирхемов») 1973 2
М. Н. Федоров (Фрунзе). К вопросу об исторических судьбах дихканства при Караханидах (по данным караханидской нумизматики) 1975 1
Г. А. Федоров-Давыдов, А. В. Циркин (Москва, Саранск). Поселение эпохи бронзы и раннего железа в Мордовии 1968 4
В. В. Филатов (Москва). Рязанская икона «Параскева Пятница» 1971 1
В. Ф. Филатова (Петрозаводск). Каменные орудия неолитических поселений с керамикой сперрингс в Карелии 1970 4
В. Филатова (Петрозаводск). Русско-карельский тип орудий в неолите Карелии 1971 2
С. И. Финогенова (Москва). Античные медицинские инструменты . . . 1967 1
Л. В. Фирсов ((Новосибирск). Опыт радиоуглеродного датирования античных и средневековых образцов из Херсонеса (Крым) 1973 2
Л. В. Фирсов (Новосибирск). Известковый вяжущий раствор в оборонительных стенах Харакса (Крым) 1975 1
Л. В. Фирсов (Новосибирск). Опыт радиоуглеродного датирования известковых вяжущих растворов 1975 2
Л. В. Фирсов (Новосибирск). Радиоуглеродные даты раннетаврского поселения Тау-Кипчак (Крым) 1976 2
В. А. Фисенко (Саратов). Погребения ямно-катакомбного типа Калмыкии и их место среди памятников бронзовой эпохи северо-западного Прикаспия 1970 1
В. С. Флеров (Таганрог). Поселение VIII—IX вв. у ст. Богоявленской . 1971 2
В. С. Флеров (Таганрог). Орудия VIII—IX вв. для орнаментирования керамики 1972 3
В. С. Флеров (Ростов-на-Дону). Четырехлистник в орнаментации салтово-маяцкой керамики 1976 1
В. С. Флеров (Ростов-на-Дону). Лощеная керамика Саркела-Белой Вежи 1976 2
И. Фодор (Венгрия, Будапешт). Скифские и сарматские мечи с сегментовидным перекрестьем 1969 3
Б. А. Фоломеев (Москва). Тюков городок 1975 1
А. А. Формозов (Москва). О наскальном рельефе близ с. Буша в Поднестровье 1968 2
А. А. Формозов (Москва). О термине «мезолит» и его эквивалентах . . 1970 3
А. А. Формозов (Москва). Первые научные раскопки в Нижнем Поволжье 1971 1
А. А. Формозов (Москва). О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии 1972 1
А. А. Формозов (Москва). Распространение сегментов и трапеций в каменном веке Европейской части СССР 1973 1
А. А. Формозов (Москва). Археология в Академии наук 1974 2
А. А. Формозов (Москва). Об изображении на костяном топорике из Дударкова 1974 2

А. А. Формозов (Москва). К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. 1975 1
А. А. Формозов (Москва). Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии 1975 4
А. А. Формозов (Москва). К характеристике палеолитического поселения Мальта 1976 2
А. А. Формозов (Москва). Неопубликованные произведения искусства палеолитической стоянки Мальта 1976 4
Н. А. Фролова (Москва). О денежном обращении Боспора в III в. до н. э. 1970 4
Н. А. Фролова (Москва). Монетное дело Боспора в правление Котиса III (227—233 гг.) 1973 3
Н. А. Фролова (Москва). Монетное дело Боспора при Рискупориде IV (233—234 гг. н. э.) и Ининфимее (234—238 гг. н. э.) 1974 1
Н. А. Фролова (Москва). О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI 1975 4
Н. А. Фролова (Москва). Медные монеты Котиса I как исторический источник 1976 3
А. М. Хазанов (Москва). Сарматские мечи с кольцевым навершием . . 1967 2
А. М. Хазанов (Москва). Сарматский кинжал из Саратовского музея . . 1968 1
А. М. Хазанов (Москва). Характерные черты сарматского военного искусства 1970 2
А. М. Хазанов (Москва). Обычай побратимства у скифов 1972 3
А. Х. Халиков (Казань). Приказанская культура 1968 2
А. Х. Халиков (Казань). Маклашеевская всадница 1971 1
А. Х. Халиков (Казань). О столице домонгольской Булгарии 1973 3
Е. А. Халикова (Казань). Больше-Тиганский могильник 1976 2
Е. А. Халикова (Казань). Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья 1976 3
Дж. А. Халилов, И. А. Бабаев (Баку). О городах древней Кавказской Албании 1974 4
Иохим Хан (ФРГ). Верхнепалеолитическая статуэтка из бивня со стоянки Холенштайн-Штадель 1971 3
С. О. Хан-Магомедов (Москва). Джума-мечеть в Дербенте 1970 1
Э. В. Ханзадян (Ереван). Раннебронзовое поселение близ с. Аревик . . 1969 4
Т. А. Хлебникова (Казань). Некоторые итоги исследования булгарских памятников Нижнего Прикамья 1974 1
Т. А. Хлебникова (Казань). К истории г. Жукотина (Джуке-Тау) домонгольской поры (по работам 1970—1972 гг.) 1975 1
Т. А. Хлебникова (Казань). Ранний Булгар 1975 2
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). К семантике карасукских лапчатых подвесок 1967 1
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Еще об одном минусинском ноже . . . 1968 4
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Каменский могильник на Енисее и усть-ербинская группа карасукских памятников 1970 1
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). К изучению минусинских культовых древностей 1970 3
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Ранние минусинские кинжалы 1970 4
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Культовая символика петроглифических рисунков в культуре ранней бронзы Южной Сибири 1971 1
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Могильник Черемушный Лог и эпоха раннего металла на Среднем Енисее 1971 4
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Палеосоциологические проблемы южносибирского энеолита 1972 2
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири 1973 1
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Некоторые особенности андроновской культуры минусинских степей 1973 4
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Древнейшие могильники Горного Алтая 1975 1
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Вопросы изучения структуры андроновских общин «алакульского типа» 1975 4
М. Д. Хлобыстина, Л. П. Хлобыстин (Ленинград). Литейная форма из Южного Зауралья 1967 2
И. Н. Хлопин (Ленинград). Теменос на Кара-Тепе 1971 3
Л. И. Хлопина (Ленинград). Новый тип посуды эпохи бронзы (Южная Туркмения) 1971 4
Л. И. Хлопина (Ленинград). Новый тип орудий эпохи бронзы (Южная Туркмения) 1974 3
Л. И. Хлопина, И. Н. Хлопин (Ленинград). К происхождению комплекса 23-Тепе I Южного Туркменистана 1976 4
Н. В. Холостенко (Киев). Исследования Борисоглебского собора в Чернигове 1967 2

Л. С. Хомутова (Москва). Техника кузнечного ремесла в древнерусском городе Серенске (вторая половина XII—XIV вв.) 1973 2
П. П. Хороших (Иркутск). Наскальные рисунки Большого Кадинского порога 1968 3
В. И. Цалкин (Москва). Фауна из раскопок боршевских и роменских городищ 1969 4
Д. С. Цвейбель (Донецк). Древние кремневые выработки у с. Широкое в Донбассе 1970 1
Е. А. Цепкин, В. А. Могильников (Москва). Рыболовство у населения лесного Прииртышья в эпоху железа 1968 3
В. И. Цехмистренко (Москва). Заметки о синопских клеймах 1967 1
В. И. Цехмистренко (Московск. обл.). Керченский склеп 1961 г. 1968 3
В. И. Цехмистренко (Москва). Заметки о синопских клеймах 1971 3
А. В. Циркин (Саранск). О культурных связях мордвы с вятичами в VIII—XII вв. 1968 4
А. В. Циркин (Саранск). Киржемановский клад 1969 1
А. В. Циркин (Саранск). Нижеборковский клад 1971 3
А. В. Циркин (Саранск). Шокшинский могильник 1972 1
В. Н. Цыгылык (Львов). Поселение возле села Ремезовцы Львовской области 1971 2
А. А. Чариков (Калинин). Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана 1976 4
Н. Н. Чередниченко (Киев). Поселение срубной культуры на Луганщине 1970 1
Е. В. Черненко (Киев). Античный шлем с Нижнего Поднепровья 1971 1
А. В. Чернецов (Москва). О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий 1972 3
А. В. Чернецов (Москва). Древнерусские изображения кентавров . . . 1975 2
Н. А. Черницын (Тотьма). Тотемный знак на гальке 1970 2
Г. А. Чернов (Москва). Устьхейягинское древнее поселение на р. Коротаихе 1975 4
Е. Н. Черных (Москва). О терминах «металлургический центр», «очаг металлургии» и других 1967 1
Е. Н. Черных (Москва). Аи-бунарский медный рудник IV тысячелетия до н. э. на Балканах (исследования 1971, 1972 и 1974 гг.) 1975 4
А. П. Черныш (Львов). Хронология мезолитических памятников Поднестровья 1970 1
М. М. Чернявский (Минск). Фигурка человека со стоянки Осовец-II . . 1967 4
И. М. Чеченов (Нальчик). Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике 1970 2
Л. А. Чиндина (Томск). Керамика могильника «Релка» на Средней Оби 1970 1
Л. А. Чиндина (Томск). Древние личины из Васюганья 1971 4
Н. Л. Членова (Москва). Золото в карасукскую эпоху 1972 4
Н. Л. Членова (Москва). Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе 1973 2
М. Я. Чореф, П. Н. Шульц (Ленинград). Новый рельеф сарматского круга 1972 1
М. Я. Чореф (Бахчисарай). Два новых рельефа сарматского круга . . . 1975 1
Ю. Ф. Чуланов (Ленинград). Некоторые новые памятники Северной Ферганы 1967 2
Э. В. Шавкунов (Владивосток). О назначении подвесных бронзовых рыбок и оленьего рога с Шайгинского городища 1973 1
Э. В. Шавкунов (Владивосток). Каменный чекан из Южного Приморья 1974 3
Мустаманди Шайбай (Афганистан, Кабул). Новые археологические исследования в Хадде (Афганистан) 1969 3
Г. К. Шамба (Сухуми). Погребение II в. н. э. из Мацесты 1970 2
О. Г. Шапошникова (Киев). Погребение скифского воина на р. Ингул 1970 3
О. Г. Шапошникова (Киев). Об одной группе керамики из верхнего слоя Михайловского поселения 1970 4
И. Н. Шарафутдинова (Киев). К вопросу о сабатиновской культуре . . . 1968 3
Э. С. Шарафутдинова (Ленинград). Заключительный этап позднего бронзового века на Нижнем Дону (памятники кобяковской культуры) 1973 2
И. Ш. Шевелев (Кострома). Строительная метрология и построение формы храмов Древнего Новгорода конца XII в. 1968 1
Н. С. Шеляпина (Москва). Надгробия XIII—XIV вв. из раскопок в Московском Кремле 1971 3
Н. С. Шеляпина (Москва). К истории изучения Успенского собора Московского Кремля 1972 1
Н. С. Шеляпина (Москва). Поселение железного века на Боровицком холме Московского Кремля 1973 1
Н. С. Шеляпина (Москва). Надгробия митрополитов Киприана и Фотия в Успенском соборе Московского Кремля 1973 4
Г. Н. Шендаков (Камышин). О пряслицах срубной культуры 1970 1

А. А. Шенников (Ленинград). О «крытых дворах» в Старой Ладоге и Белоозере 1970 4
К. К. Шилик (Ленинград). Опыт электроразведки методом симметричного профилирования 1967 3
К. К. Шилик, Б. Г. Федоров (Ленинград). Геоакустическое исследование подводной Ольвии 1968 4
В. П. Шилов (Ленинград). Южно-италийские зеркала в волгодонских степях 1972 1
В. П. Шилов (Ленинград). Бронзовая чаша Андреевского кургана . . . 1972 2
В. П. Шилов (Ленинград). Металлические сосуды из кургана у с. Большая Дмитриевка 1973 4
В. П. Шилов (Ленинград). Бронзовая патера из Астраханской области 1974 1
В. П. Шилов (Ленинград). Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века 1975 1
Л. Шиханов (Баку). К изучению храма в селении Лекит 1970 4
Г. В. Шишкина (Ташкент). О местонахождении Мараканды 1969 1
Г. В. Шишкина (Самарканд). Эллинистическая керамика Афрасиаба 1975 2
А. И. Шкурко (Москва). Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии 1969 1
Н. М. Шмаглий, И. Т. Черняков (Киев). Раскопки курганов эпохи бронзы в Татарбунарском районе Одесской области в 1965 году 1970 1
Е. А. Шмидт (Смоленск). Об этническом составе населения Гнездова 1970 3
Б. А. Шрамко (Харьков). Орудия скифской эпохи для обработки железа 1969 3
Б. А. Шрамко (Харьков). Об изготовлении золотых украшений ремесленниками Скифии 1970 2
Б. А. Шрамко (Харьков). Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема 1975 1
Б. А. Шрамко, Л. А. Солнцев, Р. Б. Степанская, Л. Д. Фомин (Харьков). К вопросу о технике изготовления сарматских мечей и кинжалов 1974 1
Б. А. Шрамко, Л. Д. Фомин, Л. А. Солнцев (Харьков). Новые исследования техники обработки железа в Скифии 1971 4
Ю. И. Штакельберг (Ленинград). Игрушечное оружие из Старой Ладоги 1969 2
В. Ф. Штейн (Новосибирск). Пряжка с изображением ежей из сибирской коллекции Эрмитажа 1968 2
И. Штельцл, Я. Малина (Прага, Брно). Петроархеология в Чехословакии 1972 4
Ф. М. Штительман (Киев). Протома Деметры из Киевского музея западного и восточного искусства 1970 4
П. Н. Шульц (Ленинград). Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя Скифского 1969 1
П. Н. Шульц, Н. И. Навротский (Ленинград). Прикубанские изваяния скифского времени 1973 4
И. Т. Шургая (Ленинград). Агонистические амфоры в некрополях Северного Причерноморья 1971 3
Ю. Л. Щапова (Москва). Стеклянные браслеты и датирование городского культурного слоя 1969 4
Ю. Л. Щапова (Москва). Новые материалы к истории мозаик Успенского собора в Киеве 1975 4
А. Н. Щеглов (Симферополь). Исследование сельской округи Калос Лимена 1967 3
А. А. Щепинский (Симферополь). О неолите и энеолите Крыма 1968 1
А. Н. Щеглов (Севастополь). Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма 1970 1
М. Б. Щукин (Ленинград). Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор 1968 2
М. Б. Щукин (Ленинград). О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождения славян 1975 4
Э. А. Юркевич (Москва). История изучения кушанских памятников Афганистана 1969 2
А. Х. Юсупов (Душанбе). Неолитическое поселение Сай-Сайед на юго-западе Таджикистана 1975 2
Х. Юсупов (Москва). Средневековые крепости на Большом Балхане 1968 2
А. А. Юшко (Москва). Покровские и Стрелковские курганы 1972 1
А. Л. Якобсон (Ленинград). Взаимоотношения и взаимосвязи армянского и грузинского средневекового зодчества 1970 4
Э. В. Яковенко (Киев). Резной молоток из среднего Поднепровья . . . 1969 2
Э. В. Яковенко (Киев). Клыки с зооморфными изображениями 1969 4
Э. В. Яковенко (Киев). Курган на Темир-Горе 1972 3

Э. В. Яковенко (Чернигов). Древнейший памятник искусства скифов 1976 2
В. Л. Янин (Москва). Еще раз об «Уставе князя Ярослава о мостех» . . 1976 3

Хроника

К. А. Акишев, К. М. Байпаков (Алма-Ата). Музей археологии Академии наук Казахской ССР 1975 2
М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев (Москва). К датировке вала и рва Новгородского острога. (Ответ С. Н. Орлову) 1972 3
Н. М. Андрунина (Одесса), **Э. А. Сымонович** (Москва). Седьмая археологическая сессия в Одессе 1967 2
Г. А. Архипов (Москва). Научная сессия по этногенезу марийского народа 1967 1
О. Н. Бадер (Москва). Международный симпозиум по проблеме селета в Венгрии 1968 1
О. Н. Бадер (Москва). Советские археологи и палеонтологи на IV Международном спелеологическом конгрессе в Югославии 1969 1
О. Н. Бадер (Москва). Полевой семинар по стратиграфии антропогена и палеолиту Печерского Приполярья в 1968 г 1969 4
О. Н. Бадер (Москва). Археологи на VI Международном спелеологическом конгрессе в Чехословакии в 1973 г. 1975 1
Я. Н. Безносиков (Сыктывкар). Некоторые итоги археологических исследований Коми филиала АН СССР 1970 1
И. Б. Бентович (Ленинград). Совещание по археологии Средней Азии 1969 3
О. Г. Большаков (Ленинград). Археологическое совещание в г. Фрунзе 1971 3
В. С. Бочкарев, В. И. Распопова (Ленинград). Дискуссия о характере ремесленного производства 1971 4
В. А. Булатович (Одесса). Четвертое собрание Одесского археологического общества 1968 2
В. Б. Виноградов, М. Б. Мужухоев (Грозный). III «Крупновские чтения» 1974 4
И. С. Винокур, Э. А. Сымонович (Каменец-Подольский, Москва). Третья подольская историко-краеведческая конференция 1970 2
И. С. Винокур (Каменец-Подольский). Четвертая подольская историко-краеведческая конференция 1972 4
А. Э. Гессен (Ленинград). В редакцию журнала «Советская археология» Академии наук СССР 1972 2
Г. В. Григорьева, У. И. Исламов. (Ленинград, Самарканд). Совещание по каменному веку Средней Азии и Казахстана, 1972 г. 1974 2
В. В. Дворниченко (Москва). Вопросы археологии на пленуме Научно-методического совета по охране памятников истории и культуры Министерства культуры СССР 1972 2
В. А. Джорбенадзе (Тбилиси). На археологических сессиях в Тбилиси 1968 3
В. А. Джорбенадзе (Тбилиси). Археологические исследования в Грузии в 1968 г. 1970 3
В. С. Долгоруков, Г. А. Цветаева (Москва). Научная конференция памяти Б. В. Фармаковского 1971 4
Заключение о направленности работ по реставрации памятников архитектуры Троице-Сергиевой лавры 1972 2
К 25-летию открытия берестяных грамот 1976 3
Л. М. Казакова (Ростов-на-Дону). Вторая Донская археологическая конференция 1973 4
Л. С. Клейн, С. С. Миняев, Ю. Ю. Пиотровский, О. И. Хейфец (Ленинград). Дискуссия о понятии «археологическая культура» в проблемном археологическом семинаре ЛГУ 1970 2
П. М. Кожин (Москва). Сессия Отделения истории и пленум ИА АН СССР 1967 2
П. М. Кожин, Р. Л. Розенфельдт (Москва). Сессия Отделения истории и пленум Института археологии АН СССР 1969 3
В. И. Козенкова (Москва). III Всесоюзная конференция по скифо-сарматской археологии 1974 4
О. А. Кондратьева (Псков). Подготовка к музеефикации памятников археологии и архитектуры в Пскове 1975 2
Ю. А. Краснов, А. П. Смирнов (Москва). Уфимская конференция по этногенезу башкир 1970 2
Г. Н. Лисицина (Москва). Международный симпозиум по палеоэтноботанике 1970 4
Г. Н. Лисицина (Москва). 2-й Международный симпозиум по палеоэтноботанике 1972 4
Г. Н. Лисицына (Москва). 3-й Международный симпозиум по палеоэтноботанике 1975 4
Н. М. Лосева, Н. А. Сидорова (Москва). Конференция по греческим вазам в ГДР 1968 1

И. М. Мизиев (Москва). Научная сессия об этногенезе осетинского народа 1967 2
А. Н. Мустафаев, Р. Б. Аразова (Баку). Сессия археологов и этнографов Азербайджана 1976 3
Г. Ф. Никитина (Москва). Совещание по проблемам черняховской культуры 1969 3
В. Г. Петренко (Москва). Вторая московская конференция по вопросам скифо-сарматской археологии 1968 3
Письмо в редакцию 1972 2
Н. Д. Праслов (Ленинград). Вопросы первобытной археологии на Международном рабочем совещании по теме «Лесс — перигляциал — палеолит средней Европы» 1970 1
В. И. Распопова, Э. С. Шарафутдинова (Ленинград). Дискуссия о характере обмена и торговли в древних обществах 1974 3
Решение расширенного заседания секции изучения и охраны памятников архитектуры Московской организации Союза архитекторов СССР по обсуждению статьи И. В. Трофимова «О принципах реставрации памятников Троице-Сергиевой лавры» 1972 2
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Сессия археологов в Кишиневе в 1967 г. 1968 1
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Сессия Отделения истории АН СССР и Пленум Института археологии АН СССР в 1969 г. 1970 2
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Итоги полевых археологических исследований в 1971 г. 1973 2
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Итоги полевых археологических и этнографических исследований 1972 г. 1974 4
В. И. Сарианиди (Москва), **З. И. Усманов** (Ташкент). Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции 20 лет 1967 1
В. В. Седов (Москва). Конгресс археологов-славистов в Берлине 1971 4
В. В. Седов (Москва). VI Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии 1975 2
В. В. Седов (Москва). Конгресс археологов-славистов в Братиславе 1976 3
В. К. Сидоров (Уральск.) IV Региональная Уральская конференция студентов-археологов 1974 4
А. П. Смирнов (Москва). Ответ А. Х. Халикову, П. Н. Старостину, Е. А. Халиковой, А. Г. Петренко и др. 1974 2
Н. А. Соболева (Москва). Международный нумизматический симпозиум 1970 4
П. Н. Старостин, Р. К. Уразманова (Казань). Поволжское археолого-этнографическое совещание 1976 3
В. Х. Тменов, О. В. Череповская (Орджоникидзе). IV Крупновские чтения в Моздоке 1976 1
Т. Б. Томес (Ленинград). Новые поступления в фотоархив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР 1975 2
И. В. Трофимов (Москва). Еще раз о принципах реставрации памятников Троице-Сергиевой лавры. (Письмо в редакцию) 1972 4
Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). Археологическая поездка в Тунис 1967 2
А. Х. Халиков, П. Н. Старостин, Е. А. Халикова, А. Г. Петренко (Казань). Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья (по поводу рецензии А. П. Смирнова) 1974 1
М. Б. Щукин (Ленинград). Конференция «Археологические культуры и культурные области Средней Европы в эпоху римских влияний» и некоторые тенденции польской археологии 1974 1
А. А. Юшко (Москва). Советско-венгерское рабочее совещание по теме «История раннесредневековых народов степной полосы Восточной Европы», Москва, 1974 . . . . . 1976 2

Персоналии

К 70-летию **М. И. Артамонова** 1968 4
К 60-летию **С. Н. Бибикова** 1968 3
К 70-летию **В. Д. Блаватского** 1969 4
К столетию со дня рождения **В. Л. Вяткина** 1969 3
К 60-летию **М. М. Герасимова** 1967 3
К 70-летию **Б. Н. Гракова** 1969 4
К 75-летию **К. Э. Гриневича** 1967 4
К 75-летию **Салиха Мустафы оглы Казиева** 1969 3
К 70-летию со дня рождения **С. В. Киселева** 1975 4
К 70-летию **Т. Н. Книпович** 1967 4
К 70-летию **М. Е. Массона** 1969 2
К 60-летию **А. П. Окладникова** 1968 4
К 60-летию **Б. Б. Пиотровского** 1968 1
К 60-летию **Б. А. Рыбакова** 1968 2
К 70-летию **С. А. Семенова** 1969 2

К 70-летию А. П. Смирнова . . . 1969 4
К 60-летию А. И. Тереножкина . . . 1967 4
К 60-летию С. П. Толстова . . . 1967 1
К 60-летию П. Н. Третьякова . . . 1969 4
К 60-летию А. Л. Якобсона . . . 1968 1
К 100-летию со дня рождения Б. В. Фармаковского . . . 1970 1
О. А. Абибуллаев . . . 1971 3
Ян Айзнер . . . 1968 1
А. С. Амальрик . . . 1969 2
Г. И. Андреев . . . 1970 4
Е. Антоневич . . . 1971 2
Памяти Хольгера Арбмана . . . 1969 1
Памяти Туре Арне . . . 1969 2
Артамонов Михаил Илларионович . . . 1973 2
О. А. Артамонова-Полтавцева . . . 1972 2
Д. М. Атаев . . . 1970 3
Памяти А. Л. Бертье-Делагарда . . . 1971 1
Д. И. Блифельд . . . 1967 3
Памяти Александра Яковлевича Брюсова . . . 1967 2
Л. Вертеш . . . 1969 4
В. В. Веселов . . . 1968 3
Николай Николаевич Воронин . . . 1976 4
В. Ф. Гайдукевич . . . 1967 2
Д-р Франц Ганчар . . . 1969 3
М. М. Герасимов . . . 1971 2
И. А. Гзелишвили . . . 1970 2
В. В. Гинзбург . . . 1969 4
М. В. Городцов . . . 1969 4
Б. Н. Граков . . . 1971 2
Г. Ф. Дебец . . . 1969 4
Ю. В. Деревягин . . . 1971 3
Евтюхова Лидия Алексеевна . . . 1975 3
П. П. Ефименко . . . 1970 1
Из воспоминаний о С. А. Жебелеве . . . 1969 3
Памяти Б. С. Жукова . . . 1968 4
Засурцев Петр Иванович . . . 1975 1
С. М. Казиев . . . 1971 4
Д. Г. Капанадзе . . . 1971 4
Ю. Костшевский . . . 1970 2
О. А. Кривцова-Гракова . . . 1970 4
Е. И. Крупнов . . . 1971 1
Б. А. Латынин . . . 1968 1
Д. Н. Лев . . . 1970 3
Памяти И. И. Ляпушкина . . . 1969 3
Максимова Мария Ивановна . . . 1974 1
Памяти И. И. Мещанинова . . . 1967 3
Минаева Татьяна Максимовна . . . 1975 4
Монгайт Александр Львович . . . 1975 2
Памяти Х. А. Моора . . . 1969 3
К. С. Николэеску-Плопшор . . . 1969 3
Г. И. Пацевич . . . 1971 2
Памяти Т. С. Пассек . . . 1969 2
Памяти Яна Петерсена . . . 1968 3

В. П. Петров 1970 1
Памяти Г. В.Подгаецкого 1968 2
С. И. Руденко 1970 2
К. В. Сальников 1967 1
Синицын Иван Васильевич 1973 2
Лазарь Моисеевич Славин 1972 2
Смирнов Алексей Петрович 1974 4
Памяти В. И. Смирнова 1968 4
Сокольский Николай Иванович 1974 3
Ю. П. Спегальский 1969 4
Степанов Павел Дмитриевич 1975 4
С. Ф. Стржелецкий 1970 4
М. М. Трапш 1968 4
Камилла Васильевна Тревер 1970 1
Р. Р. Фасмер (1888—1938) 1968 3
О. С. Хованская 1970 4
Н. В. Хоштария 1970 3
В. И. Цалкин 1970 4
В. И. Цехмистренко 1971 3
В. Н. Чернецов 1971 1
В. А. Шишкин 1967 2
К. П. Шут 1969 4
Г. В. Юсупов 1969 1

Критика и библиография

Д. А. Авдусин (Москва). Очерки русской культуры XIII—XV веков. Часть I. Материальная культура М., 1970 . . . . . 1972 4
Л. И. Авилова (Москва). Культура шаровидных амфор в Польше (обзор литературы) 1975 3
А. И. Айбабин (Феодосия). В. В. Аулих. Зимнівське городище. Київ, 1972 . . . . . 1975 1
Э. Г. Александренков (Москва). E. Tabioy E. Rey. Pre historia de Cuba. La Habana, 1966. . . . . 1969 4
В. А. Алекшин, Г. Н. Курочкин. (Ленинград). Новая литература по луристанским бронзам 1972 1
Играр Алиев (Баку). М. А. Кашкай и И. Р. Селимханов. Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1973 . . . . . 1976 3
А. К. Амброз (Москва). R. Hachmann, G. Kossack, H. Kuhn. Völker zwischen Germanen und Kelten. 1969 4
А. К. Амброз (Москва). Á. Salamon, I. Erdélyi. Das völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környe. Budapest, 1971 . . . . . 1973 4
А. К. Амброз (Москва). R. Hachmann. Die Goten und Skandinavien. Berlin, 1970. . . . . 1974 3
А. К. Амброз (Москва). G. Faider-Feytmans. Les nècropoles mérovingiennes. Les collections d'archéologie régionale du Musée de Mariemont. 1970 . . . . . 1975 2
Н. К. Анисюткин, Г. П. Григорьев (Ленинград). W. Chmielewski. Civilization de Erzmanowice. Wroclaw — Warszawa — Krakow,1961 1970 4
Н. К. Анисюткин, Г. П. Григорьев (Ленинград). G. Bosinskii. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa 1971 3
И. А. Антонова, В. Н. Даниленко (Севастополь). Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968 . . . . . 1972 2
М. И. Артамонов (Ленинград). Некоторые вопросы отношений восточных славян с болгарами и балтами в процессе заселения ими Среднего и Верхнего Поднепровья (В. В. Седов. Славяне Поднепровья и Подвинья. М., 1970) 1974 1
И. И. Артеменко (Москва). M. Buchvaldek, D. Koutecky. Vikletice ein schurkeramisches Gräberfeld. Praha, 1970 . . . . . 1973 4
И. И. Артеменко (Киев). Ch. Strahm. Die Gliederung der schnurkeramischen Kultur in der Schweiz. Acta Bernesia VI. Bern, 1974 . . . 1975 4

К. Н. Афанасьев (Москва). О «парных мерах». По поводу статьи И. Шевелева 1969 4
О. Н. Бадер (Москва). А. П. Окладников. Центрально-азиатский очаг первобытного искусства. Новосибирск, 1972 . . . . . 1976 3
О. Н. Бадер (Москва). A. Leroi-Gourhan, M. Bresillon. L'habitation magdalénienne N 1 de Pincevent pres Montereau (Seine-et-Marne). Paris, 1966. . . . . 1976 3
О. Н. Бадер, Л. Р. Кызласов, Е. Н. Черных (Москва). В. И. Матющенко. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век), сер. «Из истории Сибири», вып. 9—12, Томск, 1973—1974 . . . . . 1976 4
К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович (Алма-Ата). А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973 . . . . . 1976 2
В. А. Башилов (Москва). Принципы построения относительной хронологии в американской археологической науке 1969 1
А. А. Белецкий (Киев). Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964 . . . . . 1969 3
С. А. Беляев (Ленинград). J. Deneauve. Lampes de Carthage. Paris, 1969 . . . . . 1971 4
С. С. Березанская (Киев). И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967 . . . . . 1970 4
Д. Т. Березовец (Киев). М. Ю. Брайчевский. Біля джерел слов'янської державності. Киев, 1964 . . . . . 1968 3
В. Бжания, В. Егоров. (Москва). В. В. Пачулиа. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. Москва, 1968 . . . . . 1970 2
В. В. Бжания, В. И. Марковин (Москва). Избранные труды М. М. Трапша 1975 2
В. Д. Блаватский (Москва). Colloques Internationaux du Centre National de la recherche scientifique. Paris, 1963 . . . . . 1967 2
Е. Богословский (Ленинград). Mit Rahineh 1956. Philadelphia, 1965 . . . 1968 2
А. И. Болтунова (Москва). Inseriptiones Graecae urbis Romae. Curavit L. Moretti. Fasciculus primus (1—263) 1970 1
А. И. Болтунова (Москва). Надписи Ольвии (1917—1967). Л., 1968 . . . 1971 4
О. Г. Большаков (Ленинград). Бастан шенаси ва хонар-е Иран. № 1—4, Техран 1972 1
И. А. Борзияк (Кишинев). M. Bitiri. Paleoliticul în Tara Oașului. Bucureşti, 1972 . . . . . 1976 2
С. П. Борисковская (Ленинград). Corinth. Results of excavations conducted by the American School of classical Studies at Athens. v. XIII. New Jersey, 1964 . . . . . 1968 3
П. И. Борисковский (Ленинград). А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. История первобытного общества. М., 1968 1969 3
П. И. Борисковский (Ленинград). Сб. «Успехи среднеазиатской археологии», I, Л., 1971 . . . . . 1975 1
П. И. Борисковский, Н. Н. Гурина, В. М. Массон (Ленинград). История Сибири с древнейших времен до наших дней. Том I. Древняя Сибирь. Л., 1968 . . . . . 1974 4
В. Г. Брюсова (Москва). В. И. Антонова. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1967 . . . . . 1969 4
Г. М. Буров (Симферополь). К вопросу о происхождении коми (в связи с опубликованием монографии Э. А. Савельевой) 1975 4
Г. К. Вагнер (Москва). По поводу рецензии А. В. Столетова 1967 2
Г. К. Вагнер (Москва). Friedrich Möbius. Westwerkstudien 1970 3
Г. К. Вагнер (Москва). Живая книга о средневековом творчестве (В. П. Даркевич. Путями средневековых мастеров. М., 1972) . . . 1974 4
В. М. Василенко (Москва). Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968; *его же.* Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971 . . . . . 1973 2
В. Б. Вилинбахов (Ленинград). В. П. Шушарин. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964 . . . . . 1967 1
В. Б. Вилинбахов (Ленинград). По поводу некоторых замечаний П. Н. Третьякова 1970 1
А. В. Виноградов, С. А. Оленич (Москва). Гандж Даре—новый неолитический памятник в Западном Иране (обзор литературы) 1974 2
В. Б. Виноградов (Грозный). М. И. Пикуль. «Эпоха раннего железа в Дагестане». Махачкала, 1967 . . . . . 1969 2
В. Б. Виноградов (Грозный). М. П. Абрамова. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972 . . . . . 1975 1
В. Б. Виноградов, Х. М. Мамаев (Грозный). «Материалы по археологии Дагестана», том III. Махачкала, 1973 . . . . . 1976 1

Н. И. Гаген-Торн (Ленинград). О филологическом и историческом анализе «Слова о полку Игореве». 1970 3

М. Г. Гаджиев, В. Г. Котович, В. М. Котович (Махачкала). К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970 . . . . . 1972 2

Л. А. Голубева (Москва). В. В. Пименов. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.— Л., 1965 . . . . . 1967 1

М. В. Горелик (Москва). E. B. Thomas. Helme, Schilde, Dolche. Studien über römisch-pannonische Waff enfunde, 1971. . . . . 1975 2

Е. А. Горюнов (Ленинград). Раннеславянские древности в чехословацкой, немецкой и польской литературе 1970 4

Г. П. Григорьев. В. П. Третьяков (Ленинград). Палеолит и неолит СССР, т. 5, М.— Л., 1965 . . . . . 1970 4

Г. П. Григорьев (Ленинград). H. Müller-Karpe. Handbuch der Vorgeschichte. Band I, München, 1966 . . . . . 1972 1

Г. П. Григорьев, В. П. Третьяков (Ленинград). Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М., 1970 . . . . . 1973 1

Ю. С. Гришин (Москва). М. И. Рижский. Из глубины веков. Рассказы археологов о древнем Забайкалье 1971 1

Ю. С. Гришин (Москва). Я. И. Сунчугашев. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. МИА, 149, 1969 . . . . . 1973 4

Г. Г. Громов (Москва). Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ ЕІ-55, М., 1968 . . . . . 1969 4

В. И. Гуляев (Москва). Leo Deuel. Conquistadors without Swords. Archaeologists in the Americas. New Jork, 1967 . . . . . 1969 4

В. И. Гуляев (Москва). С. А. Созина. Муиски. Еще одна цивилизация древней Америки. М., 1969 . . . . . 1970 4

Ф. Д. Гуревич (Ленинград). K. Musianowicz. Drochiczyn we wczesnym średniowieczny. Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1969 1974 1

Н. Н. Гурина (Ленинград). Ответ на рецензию В. П. Третьякова и Г. П. Григорьева 1969 4

В. П. Данильченко, Г. Н. Лисицына (Москва). Jacqueline Murrey. The First European Agriculture. A Study of the Osteological and Botanical Evidence until 2000 B. C., Edinburgh, 1970 . . . . . 1972 3

В. П. Даркевич, Ю. А. Краснов, М. Ф. Косарев, А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, Д. Б. Шелов (Москва). А. И. Мартынов. Археология СССР. М., 1973 . . . . . 1976 1

О. Д. Дашевская (Москва). А. А. Штамбок. Из царства Атея в Неаполь Скифский. М., 1968 . . . . . 1971 3

Р. М. Джанполадян (Ленинград). Археологические памятники Армении 1—5 . . . . . 1972 3

М. А. Дэвлет (Москва). Э. А. Новгородова. Центральная Азия и карасукская проблема 1972 1

М. Ф. Жиганов (Саранск). Среднецнинская мордва VII—IX вв. Саранск, 1969 . . . . . 1971 1

Ю. А. Заднепровский (Ленинград). Namio Egami and Shinji Fukai, Sciichi Masuda 1969 1

Ю. А. Заднепровский (Ленинград). А. Я. Щетенко. Древнейшие земледельческие культуры Декана. Л., 1968 . . . . . 1971 1

Ю. А. Заднепровский (Ленинград). J-M. Casal. De la Mesopotamie à l'Inde. La civilisation de l' Indus et ses énigmes. Fayard, 1969 . . . . 1971 4

Ю. А. Заднепровский (Ленинград). F. Hole, K. V. Flannery, J. A. Neely. Prehistory and human ecology of the Deh Luran plain. 1969 . . . . . 1973 4

П. И. Засурцев, В. Л. Янин (Москва). Ю. П. Спегальский. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972 . . . . . 1975 3

Ю. Н. Захарук (Киев). В. В. Лапин. «Греческая колонизация Северного Причерноморья», Киев, 1966 . . . . . 1968 4

В. М. Зубарева, Ю. А. Краснов (Москва). Об археологических данных для характеристики мордовско-вятических взаимоотношений 1969 3

В. М. Зубарева, Ю. А. Краснов (Москва). А. В. Циркин. Русско-мордовские отношения в X—XIV вв. Саранск, 1968 . . . . . 1970 4

А. А. Иванов (Ленинград). К чтению надписи на котле мастера Абд аль-Азиза (письмо в редакцию) 1971 1

В. В. Иванов (Москва). Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний, рец. на кн. А. М. Золотарева «Родовой строй и первобытная мифология». М., 1964 1968 4

Л. А. Иванова (Москва). G. Acsádi and J. Nemeskeri. History of Human Life Span and Mortality. Budapest, 1970 . . . . . 1976 1

М. А. Итина, А. В. Виноградов (Москва). Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.— Л., 1966 . . . . . 1968 1

И. С. Каменецкий (Москва). О показателе массивности отщепов 1970 3

К. В. Каспарова, Д. А. Мачинский, М. Б. Щукин (Ленинград). Л. Д. Побол ь. Славянские древности Белоруссии. (Ранний этап зарубинецкой культуры). Минск, 1971. Могильники раннего этапа зарубинецкой культуры. Минск, 1973. Свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры — с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э. Минск, 1974 . . . . . 1976 4

А. Н. Кирпичников (Ленинград). Э. С. Мугуревич. «Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв.». Рига, 1965 . . . . . 1969 1

А. Н. Кирпичников, Л. И. Тарасюк (Ленинград). R. E. Ewart Oakeshoott. The Sword in the Age of Chivalry. London, 1964 . . . . . 1969 3

Г. С. Киселев (Москва). Некоторые вопросы древней истории Центрального Судана в свете новейших археологических исследований (обзор литературы) 1975 3

Л. С. Клейн (Ленинград). По поводу информации о методике американских археологических исследований 1970 1

Л. С. Клейн (Ленинград). N. Kalicz. Die Frühbronzezeit in nordost-Ungarn. Budapest, 1968 . . . . . 1971 1

Л. С. Клейн (Ленинград). H. Müller-Karpe. Handbuch der Vorgeschichte 1972 1

Л. С. Клейн. (Ленинград). Studies in Ancient Europe. Essays presented to Stuart Piggott. Edit. by J. M. Coles and D. D. Simpson 1972 3

Л. С. Клейн (Ленинград). New perspectives in archeology. Edit. by Sally R. Binford and Lewis R. Binford. Chicago, 1968 . . . . . 1973 2

Л. С. Клейн (Ленинград). C. A. Moberg. Introduction till arkeologi. Stockholm, 1969 . . . . . 1973 4

Л. С. Клейн (Ленинград). R. Hachmann. Die Goten und Skandinavien. Berlin, 1970 . . . . . 1974 3

Л. С. Клейн (Ленинград). Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (Труды Днепро-Дунайской новостроечной экспедиции 1963—1967 гг., часть I). Одесса, 1970 . . . . . 1975 1

Л. С. Клейн (Ленинград). J. N. Wooddall. An Introduction to modern archeology Cambridge (Mass), 1972 1975 3

Л. С. Клейн (Ленинград). Археология и преистория в системе И. Рауза . . 1976 1

М. М. Кобылина (Москва). Обзор исследований скульптуры Боспора за 10 лет 1972 2

В. Б. Ковалевская (Москва). Anton Tocik. Slawisch — Awarisches gräberfeld in Holiare. Archaeologica slovaca — catalogi, t. I, Bratislava, 1968. . . . . 1969 3

В. Б. Ковалевская, Ю. А. Краснов, А. К. Амброз (Москва). I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest, 1969 . . . . . 1973 2

В. Б. Ковалевская (Москва). Les méthodes mathématiques de l'Archéologie. Paris, 1972 . . . . . 1974 2

В. Б. Ковалевская (Москва). Проблемы классификации в зарубежной археологической литературе 1976 2

П. М. Кожин (Москва). A. Niederlender, R. Lacam, J. Arnal. Le gisement neolithique de Roucadour. Paris, 1966 . . . . . 1970 1

П. М. Кожин (Москва). Ю. П. Аверкиева. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970 . . . . . 1972 4

В. И. Козенкова (Москва). Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1969 . . . . . 1971 2

В. И. Козенкова (Москва). В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972 . . . . . 1974 2

Л. В. Кольцов (Москва). W. Taute. Die Stielspitzen Gruppen in nördlichen Mitteleuropa. Köln, 1968 . . . . . 1971 1

М. Ф. Косарев (Москва). «Материалы совещания по проблемам культурной и этнической принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1973 . . . . . 1975 3

М. Ф. Косарев, Н. Л. Членова (Москва). Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского пединститута. Вып. I. Кемерово, 1967 . . . . . 1970 2

С. И. Кочкуркина (Петрозаводск). Л. А. Голубева. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973 . . . . . 1975 2

Г. А. Кошеленко (Москва). О новых зарубежных работах по подводной археологии 1970 1

Г. А. Кошеленко (Москва). Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. XIV. Ашхабад, 1969 . . . . . 1972 1

Г. А. Кошеленко (Москва). A. Perkins. The Art of Dura Europos. Oxford, 1973 . . . . . 1976 2

Ю. А. Краснов (Москва). «Возникновение и развитие земледелия». М., 1967 . . . . . 1969 1

Ю. А. Краснов, А. П. Смирнов (Москва). П. Н. Старостин. «Памятники иньковской культуры». САИ, ДІ-32, М., 1967 . . . . . 1969 2
А. В. Куза, А. А. Медынцева (Москва). Л. В. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969 1972 1
В. А. Кузнецов (Орджоникидзе). Т. М. Минаева. Очерки по археологии Ставрополья. Ставрополь, 1965 . . . . . 1967 3
В. А. Кузнецов (Орджоникидзе). С. А. Плетнева. «От кочевий к городам». М., 1967 . . . . . 1969 2
А. Г. Кузьмин (Рязань). Существует ли проблема тмутараканского камня 1969 3
Е. Е. Кузьмина (Москва). Некоторые спорные вопросы истории первобытной культуры в низовьях Зеравшана 1968 2
Е. Е. Кузьмина (Москва). О. А. Вишневская. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V веках до н. э. М., 1973 . . . . 1975 2
Ю. В. Кухаренко (Москва). W. Sarnowska. Kultura unietycka w Polsce, t. I. Wroclaw — Warszawa — Krakow 1969 . . . . . 1971 3
М. П. Кучера (Киев). К вопросу о Плеснеске 1968 1
Л. И. Лавров (Ленинград), А. Ж. Кафоев. Адыгские памятники. Нальчик, 1963 . . . . . 1968 3
Л. А. Лелеков. (Москва). D. Schlumberger. L'Orient hellènisé. Paris, 1970 . . . . . 1972 1
Л. А. Лелеков. (Москва). История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства 1973 1
Г. Н. Лисицына, А. В. Чернецов (Москва). «Возникновение и развитие земледелия». М., 1967 . . . . . 1969 1
Литература по археологии Средней Азии и Казахстана в 1971 году . . . 1974 2
Б. В. Лунин (Ташкент). «Памятники Туркменистана». Ашхабад, 1966, № 1 . . . . . 1969 1
Б. В. Лунин (Ташкент). Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970 . . . . . 1973 3
В. И. Марковин (Москва). В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы Горного Дагестана. Махачкала, 1965 . . . . . 1968 2
В. И. Марковин (Москва). М. Гаджиев. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969 . . . . . 1972 1
В. И. Марковин (Москва). И. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969 . . . . . 1972 1
В. И. Марковин (Москва). О. М. Давудов. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974 . . . . . 1976 3
А. А. Мартиросян, Р. М. Мунчаев (Ереван, Москва). С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967 . . . . . 1968 3
В. М. Массон (Ленинград). Bulletin of the Asia Institute of Pahlavi University, Shiraz, 1969. . . . . 1972 1
В. М. Массон (Ленинград). Сб. «Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческих обществах». Л., 1972 . . . . . 1973 4
В. М. Массон (Ленинград). С. А. Семенов. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968 . . . . . 1974 3
А. Е. Матюхин (Ленинград). J. D. Clark. The Prehistory of Africa. New-Jork — Washington, 1970 . . . . . 1975 1
В. И. Матющенко, Л. А. Чиндина (Томск). М. Ф. Косарев. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974 . . . . . 1976 2
О. Н. Мельниковская, Л. В. Алексеев (Москва). Э. М. Загорульский. Археология Белоруссии. Минск, 1965 . . . . . 1968 3
И. М. Мизиев (Нальчик). Археолого-этнографические сборники, издаваемые Чечено-Ингушским НИИ истории, языка, литературы, экономики. Грозный, т. I — 1966 г.; т. II — 1968 г., т. III — 1969 г. 1971 2
Г. П. Михалевич (Ленинград). Раскопки иранских археологов в Персеполе и Пасаргадах 1969 2
В. А. Могильников (Москва). Железный век Марийского края. Труды Марийской археологической экспедиции, т. II. Йошкар-Ола, 1962 1967 2
В. А. Могильников (Москва). Сборник «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири», Томск, 1970 . . . . . 1974 3
Н. Ф. Мурыгина (Москва). Ю. К. Колосовская. Паннония в I—III веках. М., 1973 . . . . . 1975 3
Обзор литературы по археологии Средней Азии и Казахстана за 1968 г. 1970 4
Обзор литературы по археологии Средней Азии и Казахстана в 1969 г. 1971 4
Обзор литературы по археологии Средней Азии и Казахстана, вышедшей в 1970 году 1973 1
А. П. Окладников. (Новосибирск). В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964 . . . . . 1968 1

А. П. Окладников (Новосибирск). Работы по истории и археологии Швейцарии 1969 4
А. П. Окладников, Л. А. Файнберг (Новосибирск, Москва). Hans Georg Bandi. Urgeschichte der Eskimo. Stuttgart, 1965 . . . . 1970 3
К. Л. Паавер (Тарту). Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere. Internationales Symposium in Budapest, 1971, Budapest, 1973 1975 2
В. А. Пазухин (Москва). Как все же отливали сарматские котлы? 1970 4
В. П. Петренко (Ленинград). Archeologija un Etnografija XI. Riga, 1974 . . . . . 1976 4
И. Р. Пичикян (Москва). Рец. на сб. «Mitteilungen des Deutschen Archaologischen Instituts, Rämische Abteilung», Band 79, 1972 (I) 1975 3
С. А. Плетнева (Москва). По поводу статьи Л. Н. Гумилева и И. Эрдейи «Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века» 1970 3
С. А. Плетнева (Москва). Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969 . . . . . 1971 1
Н. Л. Подольский. (Ленинград). О принципах датировки наскальных изображений. (По поводу книги А. А. Формозова «Очерки по первобытному искусству». М., 1969) 1973 3
В. Т. Попова (София). A. Kiss. Roman Mosaics in Hungary. Budapest, 1973 . . . . . 1976 2
Н. Д. Праслов (Ленинград). Ценное пособие по терминологии первобытных каменных изделий 1971 1
Н. Д. Праслов (Ленинград). H. de Lumley-Woodyear. Le Paleolithique inférieur et moyen du Midi Mediterraeen dans son carde géologique. Tome I. Paris, 1969 . . . . . 1971 4
Н. Д. Праслов (Ленинград). H. de Lymley-Woodyear. Le Paleolithique inferieur et moyen du Midi Méditerraéen dans son cadre geologique V.II. Bas — Languedoc — Roussillon — Catalogue, 1971 1975 2
Л. В. Прищепенко (Москва). U. Willerding. Vor- und frühgeschichtlichen Kulturpflanzenfunde in Mitteleuropa. B. 5, Hildesheum, 1970 1972 4
А. Д. Пряхин (Воронеж.) В. А. Фисенко. О происхождении и хронологии катакомбной культуры. Саратов, 1966 . . . . . 1969 2
А. Д. Пряхин (Воронеж). А. Х. Халиков, Г. В. Лебединская, М. М. Герасимова. Пепкинский курган. Йошкар-Ола, 1966. А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969 . . . . . 1973 3
А. Д. Пряхин, Б. Г. Тихонов (Воронеж, Москва). Д. А. Крайнов. Древняя история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. М., 1972 . . . . . 1976 1
В. Г. Пуцко (Ростов-Ярославский). Э. А. Лапковская. Прикладное искусство средних веков в Государственном Эрмитаже. М., 1971 . . . . . 1974 3
Т. В. Равдина (Москва). Археологические замечания к нумизматическим работам 1975 1
Б. А. Раев (Ленинград). Сб. «Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени», МИА, 153, М., 1972 . . . . . 1976 1
В. А. Ранов (Душанбе). P. Biberson. Galets amènagés du Maghreb et du Sahara. Paris, 1968 . . . . . 1973 2
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Друзья памятников культуры. Сб. № 1—24. Тбилиси, 1964—1970 гг. 1972 3
С. И. Руденко (Ленинград). Э. Б. Вадецкая «Древние идолы Енисея». М.— Л., 1967 . . . . . 1969 2
А. Н. Румянцев (Ленинград). T. Sulimirski. Corded Ware and Globular Amphore North-East of the Carpathians 1971 2
И. П. Русанова (Москва). І. С. Винокур. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е. Київ, 1972 . . . . . 1975 4
Л. М. Рутковская (Киев). Т. Н. Сенигова. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972 . . . . . 1973 3
Р. Б. Рыбаков (Москва). Новые книги индийских исследователей об Аджанте. New-Delhi, 1967 . . . . . 1969 3
В. И. Сарианиди (Москва). «Pakistan Archaeology», N 2. Karachi, 1965 1969 1
В. И. Сарианиди, С. А. Панарин (Москва). Investigations at Tal-i-Iblis. Illinois, 1967 . . . . . 1971 1
В. И. Сарианиди (Москва). Archaeologia Viva, vol. 1, N 1. Tehran, 1968 . 1971 3
В. А. Сарианиди (Москва). C. C. Lamberg-Karlovsky. Excavations at Tepe-Janya. Iran, 1967—1968. . . . . 1972 1
В. И. Сарианиди (Москва). W. Fairservis. The Roots of Ancient India. New-Jork, 1971 . . . . . 1974 1
Ю. С. Свеженцев (Ленинград). Nikolaas J. van der Nerwe. The Carbon 14 Dating of Iron. Chicago, 1969 . . . . . 1972 2

В. В. Седов (Москва). Latvijas PSR arheologija. Riga, 1974 . . . . . 1976 1

В. В. Седов (Москва). П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966 . . . . . 1967 3

В. В. Седов (Москва). J. Herrmann. Tornov und Vorberg. Ein Beitrag zur Friihgeschichte der Lausitz. Berlin, 1966 . . . . . 1968 3

В. В. Седов (Москва). Archaeological research of north-eastern Poland and east Europe. Acta Baltico-Slavica, IV. Bialystok, 1966 . . . . . 1968 4

В. В. Седов (Москва). О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967 . . . . . 1970 2

В. В. Седов (Москва). Я. Я. Граудонис. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига, 1967 . . . . . 1970 3

В. В. Седов (Москва). Jakob Ozols. Die baltische Steinkistengräberkultur. Berlin, 1969 . . . . . 1970 4

В. В. Седов (Москва). Archeologija un etnografija, VIII. Riga, 1968 . . . 1971 2

В. В. Седов (Москва). Т. С. Кондукторова. Антропология древнего населения Украины. М., 1972 . . . . . 1974 3

В. В. Седов (Москва). W. Losinski. Poczatki wczesnosredniowiecznego ocadnictwa grodowego w derzeczu dolnej Parsety. 1972 . . . . . 1975 1

В. Я. Сергин (Москва). И. Г. Пидопличко. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969 . . . . . 1971 3

В. Я. Сергин (Москва). A. Leroi-Gourhan, M. Bresillon. Fouilles de Pincevent. Paris, 1972 . . . . . 1976 3

В. В. Сидоров (Дедовск). А. П. Деревянко. Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск, 1970 . . . . . 1972 3

А. А. Синицын (Ленинград). Richard G. Klein. Ice — Age Hunters of the Ukraine. The University of Chicago Press, Chicago and London, 1973 . . . . . 1976 4

Н. Н. Скакун (Ленинград). Археологическая литература в изданиях АН Киргизской ССР с 1957 по 1967 г. 1971 4

А. П. Смирнов (Москва). Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969 . . . . . 1971 1

А. П. Смирнов (Москва). В. П. Алексеев. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1970 . . . . . 1972 2

К. Ф. Смирнов (Москва). T. Sulimirski. The Sarmatians. New Jork — Washington, 1970 . . . . . 1973 2

И. Л. Станкевич (Москва). Раскопки Марлык-Тепе (обзор публикаций) 1970 2

А. В. Столетов (Владимир) Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964 . . . . . 1967 2

А. Д. Столяр (Ленинград). А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М., 1969 . . . . . 1974 4

Э. А. Сымонович (Москва). М. Ю. Брайчевский. Біля джерел слов'янськоі державності. Киев, 1964 . . . . . 1968 3

Э. А. Сымонович (Москва). Э. А. Рикман. Памятник эпохи Великого переселения народов. Кишинев, 1967 . . . . . 1970 4

Э. А. Сымонович (Москва). A. Kunisz. Chronologie naplywu pieniadza rzymskiego na ziemie Malopolski. Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1969 . . . . . 1972 1

Э. А. Сымонович (Москва). І. С. Винокур. Іисторія та культура черняхівських племен Дністро — Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е. Київ, 1972 . . . . . 1975 4

Д. Я. Телегин (Киев). Р. К. Римантене. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971 . . . . . 1974 2

Д. Я. Телегин (Киев). Ј. К. Свешніков. Історія населення Предкарпаття, Поділля і Волині в кінці III — на початку II тис. до н. е. Київ, 1974 . . . . . 1976 1

А. И. Тереножкин (Киев). В. В. Лапин. «Греческая колонизация Северного Причерноморья». Киев, 1966 . . . . . 1968 4

В. С. Титов (Москва). Х. А. Кинк. Восточное Средиземноморье в древнейшую эпоху. М., 1970 . . . . . 1973 1

В. С. Титов (Москва). R. Tringham. Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe. London, 1971 . . . . . 1973 2

В. П. Третьяков, Г. П. Григорьев (Ленинград). Некоторые вопросы неолита Прибалтики (Рец. на книгу Н. Н. Гуриной «Из истории древних племен западных областей СССР»). МИА, 144, 1967 . . . . . 1968 4

А. П. Уманский (Барнаул). А. И. Мартынов. Археология СССР. Программа для исторических факультетов педагогических институтов. М., 1970 . . . . . 1974 3

Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). А. Я. Шер. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966 . . . . . 1967 2

Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). Понятия «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Д. Кларка 1970 3

И. Фодор (Венгрия). Bartha Antal: A IX—X századi magyar társadalom. Budapest, 1968 . . . . . 1969 4
А. А. Формозов (Москва). Новые польские книги по истории археологии 1969 3
А. А. Формозов (Москва). Об историческом месте неолитической культуры левобережной Украины 1970 1
А. А. Формозов (Москва). Новые книги о наскальных изображениях в СССР (обзор публикаций 1968—1972 гг.) 1973 3
И. К. Фортунатов (Московская обл.). С. А. Семенов. Происхождение земледелия. Л., 1974 . . . . . 1976 1
А. М. Хазанов (Москва). Некоторые спорные вопросы истории сложных луков 1970 2
А. М. Хазанов (Москва). Е. В. Черненко. Скифский доспех. Киев, 1968 . . . . . 1971 1
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). История Сибири. Том I, Л., 1968 . . . . 1974 4
Л. И. Хлопина (Ленинград). Археология и древняя история в Туркменской ССР (Обзор статей в «Известиях АН Туркм.ССР») 1972 3
И. Г. Хынку (Кишинев). P. Diaconu, D. Vîlceanu. Pacuiul lui Soare — cetatea bizantina. Bucureçti, 1972 . . . . . 1976 1
О. В. Черненко (Киев). A. Snodgrass. Early Greek Armour and Weapous. Edinburgh, 1964 . . . . . 1970 2
Е. В. Черненко, В. Б. Виноградов, В. А. Петренко (Киев, Грозный). А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов. М., 1971 . . . 1973 2
А. В. Чернецов (Москва). Ю. А. Краснов. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975 . . . . . 1976 4
Е. Н. Черных (Москва). Н. В. Рындина. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы, М., 1971 . . . . . 1974 2
Е. Н. Черных (Москва). Н. Я. Мерперт. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974 . . . . . 1976 3
Л. А. Чилашвили (Тбилиси). М. Н. Мицишвили. Поливная керамика в древней Грузии (IX—XIII вв.). Тбилиси, 1969 . . . . . 1973 3
Н. Л. Членова (Москва). В. С. Стоколос. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972 . . . . . 1975 2
Г. Н. Чубинашвили (Тбилиси). В редакцию журнала «Советская археология» 1970 1
А. А. Шенников (Ленинград). Ю. П. Спегальский. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1973 . . . . . 1975 3
В. А. Шнирельман (Москва). Проблема происхождения натуфийской культуры (обзор литературы). 1975 4
Б. А. Шрамко (Харьков). Е. В. Черненко. Скифский доспех. Киев, 1968 . . . . . 1971 1
Л. Н. Щеглов (Ленинград). Вопросы античной археологии в изданиях Харьковского университета 1972 1
А. Н. Щеглов (Ленинград). Морские подводные исследования. М., 1969 1972 4
А. Я. Щетенко (Москва). F. R. Allchin. Neolithic Cattle-Keepers of South India. Cambridge, 1963 . . . . . 1969 2
А. Я. Щетенко (Ленинград). W. A. Fairservis, jr. The Origin, Character and Decline of an Early Civilization 1972 1
А. Я. Шетенко (Ленинград). Ancient Pakistan. 1972 1
Е. А. Шмидт (Смоленск). Д. А. Авдусин. Полевая археология СССР; его же. Археология СССР. М., 1967 . . . . . 1973 1
В. А. Шнирельман (Москва). Натуфийская культура (обзор литературы) 1973 1
М. Ф. Шур (Ленинград). **Ю. Л. Щапова**. Стекло Киевской Руси. М., 1972 . . . . . 1975 2
А. Л. Якобсон (Ленинград). Г. Н. Чубинашвили. Разыскание по армянской архитектуре. Тбилиси, 1967 . . . . . 1968 3
А. Л. Якобсон (Ленинград). Археологические исследования средневекового Крыма. Сб., Киев, 1968 . . . . . 1971 3
А. Л. Якобсон (Ленинград). Сб. «Античная древность и средние века». Свердловск, 1971 . . . . . 1973 3

Указатель составлен

Л. В. Артишевской

ОПЕЧАТКА

Советская археология № 3, 1976 г.

На стр. 97 напечатано: $11/14 \times \left(- \frac{21+6}{2} \right)^2$

Следует читать: $11/14 \times \left(\frac{21+6}{2} \cdot \right)^2$

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/VII-1976 г. Т-16538 Подписано к печати 27/IX-1976 г. Тираж 3300 экз.
Зак. 843 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 25,9+1 вкл. Бум. л. 9¹/₄ Уч.-изд. л. 30,2

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10